

С.Б. Бернштейн

# Зигзаги памяти

Москва - 2002



*С. Б. Бернштейн*

**Российская академия наук  
Институт славяноведения  
Московский государственный университет  
имени М.В. Ломоносова  
Филологический факультет**

**С.Б. Бернштейн**

# **Зигзаги памяти**

Воспоминания.  
Дневниковые записи.

Ответственный редактор  
академик РАН В. Н. Топоров

Москва  
2002

Книга «Зигзаги памяти» – воспоминания и дневниковые записи крупнейшего отечественного филолога-слависта профессора Самуила Борисовича Бернштейна (1911–1997). Сведения автобиографического характера органично включены мемуаристом в контекст общественно-политических событий, научной и культурной жизни Советского Союза до начала 60-х годов. Много внимания уделено положению в гуманитарных науках и университетскому образованию. Автор дает характеристики, нередко весьма острые, человеческих и научных качеств своих современников. Написанная живым языком, насыщенная множеством интересных фактов из нашей недавней истории, книга «Зигзаги памяти» привлечет внимание не только ученых-гуманитариев, но и всех тех, кто интересуется историей советской науки, образования, культуры.

Издание приурочено к 60-летию воссоздания филологического факультета в составе Московского университета и приближающемуся 250-летию МГУ.

Публикация подготовлена:

М.Ю. Досталь и А.Н. Горяиновым  
при участии Г.К. Венедиктова, В.П. Гудкова,  
Р.В. Булатовой и Е.Н. Овчинниковой

Рукопись рецензировали:

доктор филологических наук Л.Н. Смирнов  
кандидат исторических наук Ю.Ф. Иванов

## Об авторе книги «Зигзаги памяти»

Предлагаемая вниманию читателей книга воспоминаний, подготовленных автором на основе многолетних дневниковых записей, принадлежит перу выдающегося отечественного ученого-слависта Самуила Борисовича Бернштейна (1911–1997), творческой деятельности которого во многом обязаны возрождение и развитие славянской филологии и особенно славянского языкознания в нашей стране в середине и второй половине XX столетия.

Доктор филологических наук, профессор, руководивший в течение нескольких десятилетий кафедрой славянской филологии в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова и сектором славянского языкознания в Институте славяноведения АН СССР, член Советского комитета славистов, иностранный член Болгарской академии наук и Македонской академии наук и искусств, автор более 400 печатных научных работ (в том числе двух десятков монографий, учебников и словарей)<sup>1</sup>, инициатор, организатор и руководитель крупных научных проектов, основатель и ответственный редактор целого ряда серийных славистических изданий, воспитатель многочисленной плеяды высококвалифицированных специалистов по славянским языкам, ученых-лингвистов – таково «анкетное лицо» автора «Зигзагов памяти».

В жизни и трудах С. Б. Бернштейна олицетворена история славяноведения и славянской филологии в СССР. Он был свидетелем и участником событий, которые на протяжении семидесяти с лишним лет существования советской власти сотрясали наше общество, науку и высшую школу. Поэтому записки патриарха отечественной славистики имеют непреложную научную ценность и общественное значение.

Самуил Борисович Бернштейн родился 3 января 1911 г. в г. Баргузине в Забайкалье (ныне Республика Бурятия) в семье политических ссыльных. Окончив в 1928 г. в г. Уссурийске среднюю школу, он поступил на историко-этнологический факультет Московского университета и уже на студенческой скамье избрал главным предметом своих занятий славянское языкознание в сопряжении с историей славянских этносов и их культуры. Своей научной ориентацией и профессиональной подготовкой С. Б. Бернштейн был обязан в первую очередь замечательным ученым-славистам А. М. Селищеву и Г. А. Ильинскому.

Окончив в 1931 г. славянское отделение по циклам болгарского и польского языков, он поступил в аспирантуру Московского научно-исследовательского института языкознания, где под руководством профессора А. М. Селищева продолжил специализацию в области болгаристики. В аспирантские годы началась и его педагогическая деятельность, продолжавшаяся более полувека. В 1931–1933 гг. Самуил Борисович читал лекции по старославянскому языку и истории русского языка в педагогическом институте. В 1933 г., сдав кандидатские экзамены, приступил к непосредственной работе над диссертацией на тему «Тюркские элементы в языке дамаскинов XVII–XVIII вв.». В этом же году в связи с ликвидацией московского Института языкознания вместе с дру-

гими аспирантами он был переведен в аспирантуру Института языкознания в Ленинграде, где весной 1934 г. закончил подготовку под руководством профессора М. Г. Долобо и 29 мая успешно защитил кандидатскую диссертацию.

В 1934–1938 гг. С. Б. Бернштейн руководил кафедрой болгарского языка и литературы Одесского пединститута. Там он читал лекции по современному болгарскому языку, истории болгарского языка, старославянскому языку, а с 1937 г. работал и в Одесском университете, где руководил кафедрой языкознания и в течение двух лет был деканом литературного факультета. В те же годы он вел курс введения в языкознание в Одесском институте иностранных языков.

Осенью 1939 г. решением Всесоюзного комитета по делам высшей школы С. Б. Бернштейн был переведен в Московский институт философии, литературы и истории (МИФЛИ). Студентам и аспирантам МИФЛИ, который в 1941 г. был слит с МГУ, он читал лекции по введению в славянскую филологию, сравнительной грамматике славянских языков, по отдельным славянским языкам. В 1941–1943 гг. в Ашхабаде, куда был эвакуирован университет, С. Б. Бернштейн заведовал кафедрой славяно-русского языкознания и некоторое время исполнял обязанности декана филологического факультета.

После возвращения университета в 1943 г. в Москву С. Б. Бернштейну и академику Н. С. Державину было поручено организовать на филологическом факультете кафедру славянской филологии и учебное славянское отделение. Номинальным заведующим кафедрой был в течение первых пяти лет Н. С. Державин, но с самого начала фактически, а с осени 1948 г. по 1970 г. и официально, кафедрой руководил С. Б. Бернштейн.

Шестого декабря 1946 г. С. Б. Бернштейн защитил в Ученом совете Института русского языка АН СССР докторскую диссертацию «Язык валашских грамот XIV–XV вв.» В 1948 г. он получил ученое звание профессора.

В самом начале 1947 г. С. Б. Бернштейн стал старшим научным сотрудником только что созданного в рамках Академии наук СССР Института славяноведения (с 1968 по 1998 г. – Институт славяноведения и балканистики). Летом 1947 г. он был назначен исполняющим обязанности заведующего сектором славянской филологии, а с сентября 1951 г. – заведующим сектором славянского языкознания. Этот сектор С. Б. Бернштейн возглавлял более четверти века. С 1977 г., после реорганизации, он руководил группой этнолингвистики и славянских древностей, а с марта 1981 г. – группой Общекарпатского диалектологического атласа. С 30 июня 1986 г. Самуил Борисович состоял в штате Института в качестве ведущего научного сотрудника-консультанта.

Многолетняя работа С. Б. Бернштейна в Московском университете и Институте славяноведения и балканистики АН СССР оказалась исключительно плодотворной для развития славянской филологии в нашей стране.

Выполнив историческую миссию фактического основателя кафедры славянской филологии в МГУ, С. Б. Бернштейн создал научно-педагогический коллектив, ставший подлинной «кузницей кадров» филологов-славистов. Разработанный еще в 40-х годах учебный план славянского отделения сохраняется в основных своих компонентах и успешно применяется в наши дни. Руководителем кафедры были составлены программы курсов по сравнительной грамматике славянских языков, истории болгарского и сербского языков, болгарскому и чешскому языкам. Самуил Борисович долгие годы читал курсы лекций по сравнитель-

ной грамматике славянских языков, болгарскому и сербскому языкам, специальные курсы по проблемам славянского языкознания, «Введение в славянскую филологию». Он подготовил и опубликовал первый в СССР учебник болгарского языка, несколько изданий болгарско-русского словаря, над совершенствованием которого он работал и в последние годы своей жизни.

Курс лекций по сравнительной грамматике славянских языков С. Б. Бернштейн читал с 30-х до конца 70-х годов, постоянно обновляя его результатами как собственных исследований, так и достижениями других ученых. Этот курс стал хорошо апробированной основой двух широко известных книг, в которых систематически изложены итоги изучения важнейших проблем славянской сравнительной грамматики и собственное, авторское видение и понимание многих из них.

Первая книга – «Очерк сравнительной грамматики славянских языков» была опубликована в 1961 г. и в 1965 издана в переводе на румынский язык. В ней содержатся два больших раздела – «Введение» и «Фонетика». С позиций языкознания 50-х годов во «Введении» изложено понимание предмета и метода сравнительной грамматики славянских языков, охарактеризовано место славянских языков в кругу индоевропейских, дана их классификация. Особое внимание уделено проблеме балто-славянских языковых отношений. К числу существенных и поучительных методологических достижений «Очерка» относится представление о праславянском не как о чем-то едином, нерасчлененном на протяжении двухтысячелетнего существования, а как о языке с определенными периодами развития и характерными процессами. С учетом этого по-новому интерпретировался сложный вопрос о диалектном членении праславянского языка в период до наступления основных миграционных движений славян. В разделе «Фонетика» дана тщательно обработанная на основе фонологического анализа характеристика звуков праславянского языка и их изменений в разных хронологических пластах с новаторски подчеркнутым лингвогеографическим аспектом. «Очерк» был высоко оценен многими учеными – А. Вайяном, И. Добревым, А. В. Исаченко, В. Кипарским, Т. Милевским, А. Сабалюскасасом и др. Второй том «Очерка сравнительной грамматики славянских языков» – «Чередования. Именные основы» – издан в 1974 г. и в переводе на польский – в 1985 г.

Поскольку в этом двухтомном труде С. Б. Бернштейна нашло яркое и последовательное выражение исследовательское и педагогическое дарование автора, представляется уместным привести здесь цитату из рецензии авторитетного лингвиста А. В. Исаченко. Он писал, в частности: «Профессор Бернштейн объединяет в себе качества талантливого педагога, оригинального лингвиста, добросовестного филолога и темпераментного исследователя... Нельзя не отметить особого суггестивного стиля изложения, связанного, по-видимому, с тем, что автор ни на минуту не теряет контакта с живой аудиторией. Его несколько непринужденный, порой даже “коллоквиальный” стиль выгодно отличается от столь распространенного в отечественной науке косноязычного жаргона и от вычурного вербализма некоторых наших современников ... Труд профессора Бернштейна отличается обаятельной научной честностью»<sup>2</sup>.

Наибольшей исследовательской привязанностью среди славянских языков был для С. Б. Бернштейна болгарский язык в его современном функционировании и исторической эволюции, что нашло выражение в вышеупомянутых кандидатской и докторской диссертациях, работах по лексикографии и других трудах. В моногра-

фии «Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. Т. 1. Язык валашских грамот XIV–XV вв.» (М., 1948), являющейся переработанным вариантом докторской диссертации, автором убедительно доказана генетическая связь живых славянских говоров Валахии с говорами Болгарии и приведен богатый материал для определения хронологии целого ряда важных процессов в развитии новоболгарского языка. В монографии освещены такие важные для истории Дакии и Валахии в позднее средневековье вопросы, как этнические и языковые взаимоотношения, возникновение письменности в Валахии. «Разыскания» С. Б. Бернштейна – до сих пор единственный в славянском языкознании фундаментальный труд, посвященный тому периоду истории болгарского языка, когда устанавливалась и утверждалась система его новоболгарских черт. Он важен не только для изучения истории болгарского языка, но и для исследования истории румынского языка, в частности его славянского компонента.

Занимаясь параллельно живыми болгарскими говорами и языком памятников болгарской письменности, С. Б. Бернштейн пришел к важному заключению относительно общей периодизации истории болгарского языка, которая должна строиться на базе показаний его памятников и данных диалектной речи. При изучении болгарского языка наиболее плодотворен ретроспективный подход – от современного состояния языка (включая народные говоры) к новоболгарскому языку дамаскинов XVII–XVIII вв., отражающему многие особенности народной речи тех столетий, от него – к данным памятников письменности XIV–XV вв. (в частности валашских грамот), а затем и к более ранним этапам. Характеризуя современные задачи исследования истории болгарского языка, С. Б. Бернштейн четко сформулировал мысль о размежевании двух близких, но самостоятельных ее областей – истории письменного (литературного) болгарского языка и исторической диалектологии, каждая из которых опирается как на древние тексты, так и на современные диалекты. Различие между ними состоит не в источниках, а в задачах и методах изучения.

Самуил Борисович Бернштейн сосредоточенно исследовал формирование и развитие современного болгарского литературного языка. Еще в 1958 г. он высказал важное положение о том, что функционирующий ныне литературный язык сформировался на основе общebolгарского литературного койне, подчеркнув, что изучение этого процесса – одна из неотложных задач болгароведов.

В сфере интересов С. Б. Бернштейна находились и другие славянские литературные языки. Известны его работы о диалектной основе польского литературного языка, о развитии литературных языков в условиях национального возрождения славянских народов.

Исключительно весом вклад С. Б. Бернштейна в исследование и описание диалектного разнообразия современного болгарского языка. Увлечшись изучением болгарских говоров еще в молодости, он в послевоенные годы стал вдохновителем и организатором коллективных исследований. Широкому размаху этой планомерной работы, начатой в 1947 г., благоприятствовало то, что на территории СССР находилось большое число сел с болгарским населением, говоры которых, генетически связанные с разными диалектными зонами в Болгарии, хорошо сохранились. Во-вторых, создание в середине 40-х годов Института славяноведения АН СССР сделало возможным организовать систематическое и планомерное изучение всех болгарских говоров в СССР. С. Б. Бернштейном написаны десятки ста-



тей, в которых были определены задачи и значение изучения болгарских говоров, разработаны в соответствии с новейшими требованиями лингвистического картографирования принципы построения атласа этих говоров, программа атласа, методика сбора и обработки материалов для него, освещены особенности изучения смешанных говоров. Для выполнения поставленных задач С. Б. Бернштейн подготовил большой и квалифицированный коллектив диалектологов-болгаристов. В течение непродолжительного времени этим коллективом был собран материал для лингвистического атласа, составлены карты и комментарии к ним, опубликованы многочисленные статьи и ряд монографических описаний говоров. О внушительном размахе диалектологических работ в 40–60-е годы свидетельствует тот факт, что в Институте славяноведения выходило специальное серийное издание «Статьи и материалы по болгарской диалектологии».

Издание (совместно с Е. В. Чешко и Э. И. Зелениной) «Атласа болгарских говоров в СССР» (М., 1958) – важнейшее достижение и заслуга С. Б. Бернштейна как болгариста-диалектолога. «Атлас» явился первым опытом лингвистического картографирования в болгарской диалектологии. Он сыграл немалую роль в подготовительной работе по созданию атласа говоров на территории Болгарии.

Лингвогеографическое исследование болгарских диалектов и углубленные занятия сравнительной грамматикой славянских языков еще в 50-е годы закономерно привели С. Б. Бернштейна к разработке общеславянских лингвогеографических задач, в том числе и к идее создания Общеславянского лингвистического атласа, в реализации которой в силу ряда обстоятельств (о них идет речь в его записках, например 17 мая 1959 г.) он, к сожалению, не смог принять деятельного участия.

Изучение лингвоисторических источников, рукописных памятников, а также неудовлетворенность состоянием науки о старославянском языке и истории славянской письменности побуждали С. Б. Бернштейна к разработке вопросов кирилло-мефодияны. Он неоднократно говорил и писал, что многое в трактовке вопросов происхождения и ранней истории письма у славян базируется на необъективном и произвольном толковании источников. В изданной в 1984 г. монографии «Константин-философ и Мефодий. Начальные главы из истории славянской письменности» С. Б. Бернштейн предложил критический анализ житийных сказаний о деяниях солунских братьев.

Изучение истории болгарского языка закономерно привело Самуила Борисовича к проблемам языковых контактов и взаимодействий на Балканах и Карпатах. Еще в кандидатской диссертации он касался сложного вопроса о роли и значении турецкого языка в развитии балканских языков и формировании так называемого балканского языкового союза. В докладе на I Международном съезде балканистов (София, 1966 г.) С. Б. Бернштейн доказал, что турецкий язык, не входя в балканский языковой союз, оказал заметное влияние на лексику и словообразование всех других балканских языков и общность большого числа заимствований из турецкого составляет одну из объединяющих балканские языки особенностей. Немало внимания в своих трудах, начиная с докторской диссертации и монографии «Разыскания в области болгарской исторической диалектологии», он уделял проблемам славянского (в основном болгарского) и румынского (молдавского) языкового взаимодействия, особенно месту и роли славянских элементов в развитии структуры румынского языка, с одной стороны, и значению памят-

ников румынской письменности и румынских диалектов для изучения истории соседствующих славянских языков – с другой.

На Всесоюзном совещании по актуальным проблемам славяноведения (1961 г.) С. Б. Бернштейн выступил с докладом «Некоторые проблемы сравнительно-исторического изучения славянских языков», в котором была показана глубокая связь карпатских говоров Украины, Польши, Словакии, Румынии, Молдавии и Венгрии со славянскими говорами Болгарии и Югославии.

Доклад положил начало работе по созданию карпатского диалектологического атласа. Большую роль в разработке концепции и программы атласа сыграл талантливый ученик Самуила Борисовича В. М. Иллич-Свитыч (трагически погибший в 1966 г. в возрасте 32 лет). Первоначально работа велась над изучением украинских, болгарских и сербских говоров; ее результаты опубликованы в «Карпатском диалектологическом атласе» (1967). Его материалы свидетельствовали о том, что между языками карпатской зоны происходили сложные процессы взаимопроникновения и взаимодействия, приведшие к формированию в этой зоне языковой общности со своими специфическими чертами. Следующим этапом изучения указанного региона была подготовка «Общекарпатского диалектологического атласа», в ходе которой исследовались другие языки карпатского ареала. С 1972 г. С. Б. Бернштейн осуществлял общее руководство этой работой. В ней приняли участие ученые СССР, Польши, Венгрии, Чехословакии, Югославии, на начальной стадии – и Болгарии. Составленные карты и комментарии атласа, издание которого близко к завершению, убедительно показывают глубокую связь, уходящую своими корнями к V–VII вв., между миграционными процессами славянских и других народов карпато-балканского региона с широким взаимным проникновением элементов разного происхождения в структуру языков этих народов.

В творческом наследии С. Б. Бернштейна есть еще одна совокупность публикаций, посвященных темам, в разработке и освещении которых ему не было равных среди филологов России. Это – история науки и деятельность многих видных славистов. Здесь Самуил Борисович выступил автором многочисленных работ разных жанров: обзоров истории изучения славянских языков в России и СССР, монографий и статей об отечественных и зарубежных славистах, статей-воспоминаний о славистике 30–40-х годов, теоретических статей о методологических вопросах истории науки. Большой резонанс вызвала в момент публикации статья «О некоторых вопросах изучения истории русского славяноведения» («Вестник Московского университета. Филология». 1979. № 4). Образцом воплощения творческого портрета ученого может служить последняя монография С. Б. Бернштейна «А. М. Селищев – славист-балканист» (М., 1987).

Значительность работ по этой тематике обусловлена, на наш взгляд, тем, что С. Б. Бернштейн был по призванию и образованию не только филологом, но и историком. Отмечая, что в литературе прошлых лет было немало вульгаризации в трактовке вопроса об отношениях науки и общества, он констатировал, что отказ от вульгарного социологизма породил другую крайность: научную деятельность ученых стали изолировать от общественно-политической обстановки, в которой им приходилось жить и работать. Такой подход не позволял понять всего своеобразия творческой биографии отдельных ученых, и Самуил Борисович показывал это на примере отношений между славистами и славянофилами.

Злободневно звучат слова С. Б. Бернштейна о нравственных уроках истории науки. В статье о М. Г. Долобко он писал: «История науки – это не только история методов, идей и технических приемов. Наука не существует вне общества, она самым тесным образом связана с моральными принципами. Познание не отделено от нравственности. Именно поэтому лингвисты старшего поколения должны показать прежде всего нашей молодой смене опасность всякого рода конформизма. Эта опасность стоит перед учеными любых рангов. Никакой талант не избавит от расплаты. Темным пятном марризм лег на нравственный облик ряда наших лингвистов. С ним они останутся навсегда. Вот почему нам особенно дороги славные имена М. М. Покровского, М. Н. Петерсона, Е. Д. Поливанова, Г. А. Ильинского, А. М. Селищева, Л. А. Булаховского, А. С. Чикобава, А. А. Реформатского, П. С. Кузнецова и многих других лингвистов, которые в трудных условиях показали нам пример мужества и подлинной любви к науке. Честь и хвала им!»<sup>3</sup>

Жизненный путь самого С. Б. Бернштейна – это пример бескомпромиссной преданности угаданному в молодости призванию, своему направлению в науке. Его принципиальное неприятие официозного «нового учения о языке» (марризма) было в тоталитарном государстве подлинным подвигом.

Самуил Борисович Бернштейн умер 6 октября 1997 г. в Москве и похоронен на Введенском (Немецком) кладбище. Уход из жизни замечательного деятеля отечественной науки отмечен многочисленными некрологами в научной периодике России, славянских государств, Германии, США. В отклике на смерть С. Б. Бернштейна, адресованном кафедре славянской филологии МГУ, известный лингвист А. Е. Супрун писал: «Самуил Борисович Бернштейн скончался. С ним ушла эпоха в развитии нашей славистики».

Публикуемая ныне книга «Зигзаги памяти» содержит достоверные свидетельства об этой эпохе.

*Г. К. Венедиктов, В. П. Гудков*

### Примечания

- <sup>1</sup> Список печатных трудов С. Б. Бернштейна см. в изданиях: Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь шестидесятилетия профессора С. Б. Бернштейна. М., 1971. С. 5–17; *Studia Slavica*. Языкознание. Литературоведение. История. История науки. К 80-летию С. Б. Бернштейна. М., 1991. С. 5–15; на стр. 16–18 см. литературу о С. Б. Бернштейне. В изданные списки трудов С.Б.Б. и перечни работ о нем не вошли публикации 90-х годов.
- <sup>2</sup> См.: Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1962. № 3. С. 147–148.
- <sup>3</sup> *Бернштейн С. Б. Портреты моих современников: Милий Герасимович Долобко // Сборник за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1988. Т. XXXI/1. С. 22.*

## К истории создания мемуаров С. Б. Бернштейна «Зигзаги памяти»

Во введении, предваряющем мемуарные записи, Самуил Борисович Бернштейн пишет, что он начал вести дневники с ранней юности, но в суровые дни войны, накануне эвакуации в Ашхабад, их уничтожил. В дальнейшем, по словам мемуариста, дневник был возобновлен в августе 1943 г., вскоре по возвращении в Москву. Сохранились две черновые тетради (формата амбарных книг) дневников (1943–1959 и 1960–1971 гг.) и шесть ежедневников с дневниковыми и мемуарными записями 70 – начала 80-х годов. Первая запись датирована 20 октября 1943 г., последняя – 14 декабря 1983 г. Дневниковые записи первых лет фиксируют главные события научной жизни автора, его взаимоотношения с коллегами, по существу являясь его рабочим дневником. Со второй половины 50-х годов изложение становится более свободным, характеристики коллег более откровенными. В 60-е и последующие годы появляется много мемуарных вставок об общественно-научных событиях 20–40-х годов, размышления о жизни, науке и искусстве, задумки будущих работ, описываются события научной жизни в СССР и за рубежом (в том числе дискуссии по македонской проблеме) и закулисной борьбы в научных учреждениях, с которыми был связан мемуарист, фиксируются даты ухода из жизни коллег и знакомых из мира науки и искусства – всем даются яркие, часто нелюбимые характеристики.

Беловая рукопись, перепечатанная на машинке, порой существенно отличается от дневниковых записей. Первая запись сделана 4 августа 1943 г., последняя – 14 декабря 1983 г. Не перепечатаны из дневника записи за 1949, 1951, 1953, 1968 и 1980 гг. Существенной переработке подверглись записи начальных лет, в которые введены обширные вставки о памятном в жизни автора – детстве в Сибири и на Дальнем Востоке, учебе в МГУ, аспирантуре в Ленинграде, работе в Одессе, первых днях войны, эвакуации из Москвы и пр. Они, судя по рукописным дневникам, сделаны в 70–80-е годы. Описание лингвистической дискуссии 1950 г. переработано и осмыслено заново. Вместо лапидарных дневниковых записей, сухо фиксирующих события, представлены яркие эмоциональные переживания человека, болевшего за судьбы отечественной науки, принципиально не принимавшего «новое учение о языке», пытавшегося противостоять системе и потому почти восторженно воспринявшего разоблачение марксизма И. В. Сталиным и в то же время скоро почувствовавшего лицемерие системы: вместо научной свободы – кандалы новых «ревнителей» истины.

Предисловие (которое сохранилось в трех вариантах) автор датирует 1 декабря 1951 г. Из содержания, однако, явствует, что оно написано значительно позже, черновик относится к концу 70-х годов. Первый вариант предисловия (иного по содержанию) написан в 1955 г. Именно тогда, видимо, у С. Б. Бернштейна родился замысел написания мемуаров. 31 декабря 1960 г. он выразил

свое желание более отчетливо и даже определил характер задуманного сочинения: «Решил в этом же году начать работу над мемуарами, *которые должны отразить не только личное, но и общественное* (курсив мой. – М. Д.). Они должны дать некоторое представление об истории науки, о людях. Может быть, именно это последнее самое важное».

Первоначально в планы автора входило рассказать о своей жизни до начала 40-х годов. 9 августа 1977 г. он записал: «Два часа работал над “Записками”. Удивительно устроена память: забытые события, факты, лица начинают постепенно проясняться до такой степени, что ясно видишь все до деталей. Значит, все это до поры до времени лежало в каких-то специальных ящичках памяти. Отдан приказ, и они отчетливо всплывают в сознании с тем, чтобы затем снова уйти в архив. Очень хотел бы успеть написать свои “Записки”. Хотел бы довести изложение до войны, точнее до переезда в Москву в 1939 г.» Но постоянная занятость, увлеченность работой не позволяли Самуилу Борисовичу посвятить мемуарам достаточно времени. Видимо, поэтому он избрал форму свободного дневниково-мемуарного изложения, первоначально назвав свой труд «Записки» или «Погодные записки». Однако мемуарные вставки по принципу свободного хода воспоминаний по случаю смерти коллег и друзей, памятных дат, выхода книг и статей и пр. заставили автора изменить название, сделать его адекватным создаваемому тексту. «Зигзаги памяти», на наш взгляд, – весьма точно соответствующее содержанию название.

В последние годы жизни С. Б. Бернштейн много работал над проблемами истории науки. Его перу принадлежат интересные работы, психолого-научные портреты ученых XIX в. и современников. Он считал долгом почтить память своих выдающихся коллег, написав ряд обстоятельных некрологов и памятных очерков о М. С. Дринове, Б. М. Ляпунове, А. Теодорове-Балане, М. В. Сергиевском, Н. С. Державине, Л. Милетиче, М. Фасмере, В. И. Григоровиче, И. И. Срезневском, Т. Лер-Сплавинском, Д. Гачеве, В. М. Иллич-Свитиче, Э. Петровиче, С. Стойкове и др. Он по существу первым поднял проблему репрессированной славистики<sup>1</sup>, откровенно рассказав читателям о преследованиях, которые претерпели слависты в 30-е годы. Параллельно с мемуарами Самуил Борисович предполагал издать книгу «Портреты моих современников», успев написать и опубликовать работы о А. М. Селищеве, В. Н. Щепкине, А. В. Луначарском и др.<sup>2</sup> 5 апреля 1967 г. он записал: «Мои друзья настойчиво рекомендуют начать исподволь публикацию отдельных очерков из будущей книжки “Портреты моих современников”. Возможно, опубликую воспоминания о Д. Н. Ушакове. Однако до сдачи в печать предстоит еще большая работа. Нужно избавиться от пролетарского жаргона, к которому мы так привыкли. Затем нужно написать о Селищеве, Гудзии, Покровском, Винокуре, Гроссмане, Волгине, Варнеке, Державине, Долобко, Бокареве, Сергиевском, Дмитриеве, К. Н. Державине, Виноградове, Петерсоне, Щербе. Этюд об Ушакове назову “Совесть человеческая”».

Самуил Борисович не успел реализовать свои замыслы, но несколько колоритных очерков о названных ученых содержится в мемуарах. Кроме того, он хотел откровенно и «с перцем» показать высокую сущность тех работников науки, которые, по его мнению, не отвечали высоким морально-этическим требованиям, предъявляемым к истинным ученым. Считая их характерными продуктами своей эпохи, он хотел посвятить им сборник литературных памфлетов: «Академик На-

храпов» (запись за 23 сентября 1976 г.), «Академик Апельсинов», «Граф Смердяков», «Директор Кукушкин», «Вундеркинд Запятая» (запись за 22 апреля 1979 г.). Здесь Самуил Борисович безусловно хотел реализовать свои потенциальные способности литератора, «замороженные» в ранней юности, после неудачной попытки публикации первого рассказа (см. Приложение I, запись за 23 июня 1975 г.).

20 февраля 1982 г. С. Б. Бернштейн записал: «Убеждаюсь, что задуманную мною книгу “Портреты моих современников” издать не смогу. Возможно, что в основе моего замысла лежат ложные основания. Ученых интересуют результаты труда исследователя, но зачем нужно знать о тех особенностях его поведения, интеллекта, которые не могли оказать влияния на ход научных исследований? Прежде я думал, что все это очень важно. Однако моя уверенность теперь поколеблена. Мы почти ничего не знаем о личной жизни Потебни, о его вкусах и пристрастиях, о его привычках, об отношении к людям и т. д. Ну и что? Разве все это имеет отношение к ученому Потебне? Думал, что имеет, а вот теперь начал сомневаться. Может быть, за эту работу следует браться писателю, а не ученому?» Вероятно, к такому заключению привела Самуила Борисовича неудача с «презентацией» одного из будущих очерков. 9 февраля 1982 г. он записал: «Сегодня на заседании сектора В. В. Иванова читал доклад о П. С. Кузнецове. Это глава из будущей книги “Портреты моих современников”. Хотел еще раз проверить на новых слушателях возможности применения тех стилистических принципов, которые хочу последовательно отразить в книге. Еще раз убедился в том, что в нашей академической среде они не находят поддержки. Обсуждение носило характер, [как] если бы я прочитал доклад о вкладе Кузнецова в науку. Речь шла все время о содержании, а не о стиле. Таким образом, самое важное для меня осталось в тени. “А может быть, не надо писать, что Петр Саввич отвинчивал себе голову? Это не очень эстетично”, – сказала Молошная. Итог – не в коня корм! В науке важно *что*, а в искусстве *как*. В этом суть. Кого теперь может заинтересовать содержание произведений Марселя Пруста? Думаю, что никого. Однако чтение его романа “В поисках утраченного времени” оставляет и теперь неизгладимое впечатление. В искусстве все дело в красках и запахах. Да, именно в запахах. Я давно уже читал “Поднятую целину” Шолохова, но до сих пор хорошо помню вонючий запах от портянок Нагульнова. Лишены запахов произведения Каверина, Лидина и многих других авторов. Самый “ароматный” из русских писателей – Гоголь. Я хотел дать живого Кузнецова, со всеми его жестами и запахами. Поддержки не получил».

То, что не удалось в памфлетах и «Портретах моих современников», было реализовано отчасти в мемуарных вставках. Перу С. Б. Бернштейна принадлежит ряд запоминающихся портретов коллег, не всегда объективных, часто безжалостных, памфлетно обнажающих моральные изъяны, недостатки человеческой природы. Причем автор давал описание не только интеллектуального потенциала человека, но и свое чувственное восприятие, с включением цвета, запаха, вкуса и пр. Вот один характерный пример – запись от 20 августа 1944 г.: «Сергея Павловича [Толстова] помню еще со студенческих времен. Он ходил всегда в длинной шинели, в кубанке, носил усы, непрерывно курил страшно вонючий табак и громко громил всяческих врагов. От него шел тошнотворный запах грязного тела. Пальцы рук были желтого цвета от курева. Он поставил себе задачу уничтожения этнографии и в конце концов, заняв должность директора Института

этнографии, успешно ее осуществил. Практически этнографии у нас сейчас уже нет. Сам он теперь уже занимается археологией».

Мемуары С. Б. Бернштейна представляют собой и своеобразную летопись эпохи со всеми ее противоречиями, пропущенную сквозь призму восприятия автора, и хронику наиболее значительных событий, происходивших в научном мире СССР, Болгарии, Чехословакии, Румынии и других стран, важную для истории науки, и галерею портретов современников представленных нетрадиционно, субъективно, но несомненно с литературным мастерством. Даже указатель имен (составленный публикаторами) показывает, что мемуары – это своего рода энциклопедия научно-общественной и культурной жизни XX (и отчасти предшествующего!) века.

Публикаторы взяли за основу подготовленный автором и перепечатанный на машинке текст с 1943 по 1961 г. включительно, в котором С. Б. Бернштейн отметил свое пятидесятилетие и собирался приступать к написанию мемуаров. Этот текст нередко существенно отличается от рукописных дневниковых записей. По этическим соображениям дальнейшую публикацию текста подготовленных мемуаров решено отложить на будущее. Воспроизведены по дневниковым записям тексты 1949, 1951 и 1953 гг. Публикаторы взяли также на себя смелость (по заблаговременной договоренности с автором) делать оговоренные вставки из непубликуемых текстов записок, относящихся к более поздним годам, для того, чтобы дополнить и пояснить иногда незаконченные мысли автора.

Как и всякий мемуарист, С. Б. Бернштейн пристрастен в своей характеристике эпохи и коллег. Портреты ряда крупных ученых (более всего академика В. В. Виноградова) зачастую односторонни, беспощадно язвительны и, как представляется, умаляют действительный вклад в науку этих ученых. В таких случаях публикаторы приводят в комментариях другие оценки ученых или отсылают читателя к биографической литературе о них. Нельзя не отметить, что некоторые события, например, годы учебы в МГУ, репрессии в отношении ученых, лингвистическая дискуссия 1950 г. и др., переосмыслены автором и отражают его умонастроения 1970-х годов. К сожалению, почти вне внимания мемуариста остались некоторые важные события общественной и научной жизни прошедшей эпохи, например создание Института славяноведения АН СССР, кампания по борьбе с космополитизмом, смерть И. В. Сталина и пр. Указанные особенности мемуаров не умаляют их основного достоинства – бескомпромиссной честности, неприязненного освещения, прочувствованного и личностного взгляда на события эпохи и деятельность своих современников. Поэтому мемуары, безусловно, дают достоверное «психологическое» ощущение эпохи, но в то же время как исторический источник нуждаются в критическом подходе и осмыслении.

История обнаружения мемуаров вкратце такова. С конца 1996 г. сотрудники Института славяноведения и балканистики РАН М. Ю. Досталь и А. Н. Горяинов записывали на диктофон воспоминания С. Б. Бернштейна о тяжелых годах советского славяноведения в 20–40-е годы и знакомились с его богатым архивом, который обрабатывала Е. Н. Овчинникова. В марте 1997 г. в ходе подготовки рукописей С. Б. Бернштейна к сдаче в архив обнаружилась машинопись мемуаров, о которых Самуил Борисович, ввиду тяжелой болезни, видимо, забыл. Тогда и родилась идея издания воспоминаний и началась работа с автором по

уточнению некоторых сведений о личностях и событиях, описанных в них. Незадолго до смерти С. Б. Бернштейна оригинал машинописной рукописи его мемуаров вместе с другими материалами личного архива ученого был передан в Центральный архив документальных коллекций г. Москвы при объединении Мосгорархив. Работа по подготовке издания мемуаров велась по ксероксу машинописи, сделанному вскоре после обнаружения мемуаров.

Ответственный редактор издания – академик РАН В. Н. Топоров, ученик С. Б. Бернштейна. Публикация снабжена подробными научными комментариями и аннотированным указателем имен, над которым работали А. Н. Горяинов, М. Ю. Досталь, а также Е. Н. Овчинникова и Р. В. Булатова. Консультировали их, оказывая всестороннюю поддержку и помощь, Г. К. Венедиктов и В. П. Гудков. Они же являются авторами одной из вводных статей. Текст к публикации готовили А. Н. Горяинов и М. Ю. Досталь (при участии И. И. Бучанова). Необходимую организационную работу вела М. Ю. Досталь.

Аннотированный указатель персоналий включает в себя только имена, упомянутые в публикуемом тексте рукописи С. Б. Бернштейна. Имена известных писателей и общественных деятелей подробно не комментируются.

Машинописный текст публикуется в полном объеме, без купюр, с воспроизведением авторских вставок, сделанных от руки, и дневниковых записей за 1949, 1951 и 1953 гг. В конце книги помещены «Приложения», включающие наиболее интересные «этюды» из мемуаров С. Б. Бернштейна, относящихся к 1960 – началу 1980-х годов.

\* \* \*

Ученики и коллеги С. Б. Бернштейна, принимавшие участие в подготовке публикации, выражают сердечную благодарность декану филологического факультета МГУ профессору М. Л. Ремневой и заместителю директора Института славяноведения РАН профессору В. А. Хореву за содействие в издании настоящей книги.

*М. Ю. Досталь*

### Примечания

- <sup>1</sup> *Бернштейн С. Б.* Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века) // Советское славяноведение. 1989. № 1. С. 77–82.
- <sup>2</sup> *Бернштейн С. Б.* Вячеслав Николаевич Щепкин. М., 1955; *Он же.* А. М. Селищев – славист-балканист. М., 1987; *Он же.* О Луначарском (по данным дневниковых записей) // Славяноведение. 1993. № 1. С. 79–85 и др.



## Предисловие

Отчетливо помню 16 октября 1941 г. Я сижу перед раскаленной буржуйкой и бросаю в ее огненную пасть скомканную бумагу. Передо мной лежат тетради, конторские книги, блокноты, письма. Я бегло просматриваю тексты, после чего они становятся жертвой огня. В комнате полумрак. На противоположной стене фиксируется тень от моей скорченной фигуры. Я сижу на низенькой скамеечке.

С декабря 1925 г. я систематически вел дневник. Записи 1925–1926 гг. были сделаны в Александровске-на-Сахалине, 1926–1928 гг. – в Никольск-Уссурийске, 1928–1933 гг. – в Москве, 1933–1935 гг. – в Ленинграде, 1935–1939 гг. – в Одессе, 1939–1941 гг. – в Москве. Оставляю в Москве всю свою библиотеку, все рукописи незавершенных научных работ, наброски будущих исследований, картотеки. Документы и тексты интимного, личного содержания нужно взять с собой или уничтожить. Некоторые тексты читаю медленно и внимательно, но и они затем летят в огонь. Сколько в эти зловещие дни было сожжено бумаги! 15 октября я шел по Кузнецкому мосту, и мне на шляпу, на пальто падал настоящий дождь сажи.

В Ашхабаде и в Свердловске никаких записей я не вел. Было тяжелое, подавленное настроение. Вновь начал вести свои погодные записи летом 1943 г. Первая из них относится к 4 августа. В разных местах по памяти я восстановил много событий и фактов, содержащихся в уничтоженных дневниковых записях. Конечно, многое, очень многое, утрачено безвозвратно. Это относится, главным образом, к годам моей студенческой жизни, богатой событиями первостепенной важности. Этих событий было много, я их тщательно фиксировал, в полном виде по памяти их восстановить было невозможно. Это был период коренной ломки университетского образования, академической жизни вообще. Уже забыты многие фамилии, причины некоторых значительных событий, их ход. Я сообщаю теперь только то, что отчетливо сохранилось в моей памяти. Однако, перечитывая свои «Зигзаги памяти», я обнаруживаю в разных местах не только повторения, но и некоторые расхождения в изложении фактов. После некоторых раздумий я решил сохранить текст без исправлений. Читатель должен иметь в виду, что перед ним не исторический документ, а исповедь.

Мои записи отражают события, ограниченные той социальной средой, в которой я жил. Однако грандиозные потрясения моего времени нередко ломали хрупкие стены социальных прослоек, и моему взору открывались картины всенародного масштаба, насыщенные доблестью и трусостью, подвигом и предательством, ликованием и глубокой скорбью. Многие из этих картин относятся к дням моего детства.

Все воспоминания субъективны. Не представляют исключения и мои «Зигзаги памяти». Они отражают восприятие жизни человека моего времени, моей среды, моего воспитания. Я знаком с воспоминаниями моих современников, которые во многом иначе рисуют жизнь человека моего поколения. Жизнь многогранна, сложна, различен человеческий опыт, различны задачи. Я хочу сказать своему будущему читателю лишь одно: я писал свои воспоминания искренно, в них нет фальши, нет лакировки. Я пишу о событиях, действиях, которые не всегда украшали меня. Как хотелось бы забыть о них! Но требования совести сильнее моих желаний.

1 декабря 1951 г.<sup>1</sup>

С. Б. Бернштейн

## Предисловие<sup>2</sup>

Сегодня мне исполнилось пятьдесят лет. Еще в молодые годы я не раз садился за свои воспоминания. Однако все написанное не удовлетворяло. Гораздо позже я оценил глубокий смысл слов Альфреда де Мюссе: «Чтобы написать историю своей жизни, надо сначала прожить эту жизнь». Тогда же я бросил эту затею. Только теперь, после многолетнего перерыва, я вновь сажусь за стол не для того, чтобы удовлетворить свою потребность исследователя, а чтобы рассказать о тех страницах своего прошлого, которые имеют, как мне кажется, не только личное, но и широкое общественное значение. Лишь художественно одаренные люди могут иметь аналогичную работу еще в молодые годы, так как их мемуары представляют большую художественную ценность. Я в своих мемуарах обращаюсь к узкому кругу читателей и мало думаю о художественной стороне дела. Они отражают личные переживания человека, который имел возможность в течение длительного времени близко наблюдать многие события из истории нашей отечественной науки. У меня нет уверенности, что все эти события, очень важные для понимания нашей эпохи, дойдут до потомков. Будущий историк славяноведения и языкознания найдет в этих мемуарах много важных для себя сведений.

Я стараюсь быть в своих мемуарах предельно правдивым. Я пишу о событиях, о которых мне бы хотелось забыть, о своих действиях, которые отнюдь не украшают и которые свидетельствуют, что иногда мне не хватало мужества и выдержки. Я постоянно имел в виду предостережение Анатоля Франса: «Трудное это дело – писать свои воспоминания, невольно стараешься видеть и исправлять их под углом зрения того возраста, в котором находишься в данное время». Именно поэтому я решил не откладывать больше работу над своими воспоминаниями. К старости память слабеет, многое видишь в ином свете. Вероятно, пятьдесят лет – самый подходящий возраст для написания воспоминаний.

Я долго думал над тем, как назвать свою книгу. Приходили на память избитые и трафаретные «Воспоминания», «Пережитое», «Из прошлого», «Страницы жизни»... Я их отвергал, так как мне хотелось, чтобы название отражало основной мотив, чтобы в нем в какой-то степени заключалось то, ради чего я стал писать эту книгу. В отличие от многих мемуаристов мне с самого раннего детства пришлось быть свидетелем крупных исторических событий, трагедий, которые потрясли мир. Это было привилегией моего поколения. Однако я стал писать мои воспоминания не для того, чтобы описывать эти события. Меня всегда больше волновали и беспокоили люди, с которыми я сталкивался. Меня больше интересовали характеры, нежели события. Вот почему после долгих раздумий я решил назвать мои мемуары «Портреты моих современников»<sup>3</sup>. Это главное в книге.

## Примечания

- <sup>1</sup> Дата взята С. Б. Бернштейном (далее – С. Б. Б.) произвольно, по-видимому, текст написан в 70-е годы. В архиве сохранилось несколько вариантов, сходных по содержанию. Первый из них относится к 14 января 1955 г. Один из авторских вариантов опубликован (См.: *Бернштейн С. Б. Из книги «Зигзаги памяти (Год 1950)»* / Публикация В. П. Гудкова // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 4. С. 175–190).
- <sup>2</sup> Вниманию читателя предлагается также черновой вариант написанного 3 января 1961 г. «Предисловия» С. Б. Б. к своим воспоминаниям; он помогает глубже понять первоначальный замысел книги.
- <sup>3</sup> Название «Зигзаги памяти» и форма переплетения воспоминаний с дневниковыми записями родились у С. Б. Б. в 70-е годы.

## 1943

4 августа<sup>1</sup>. Отчетливо всплывают в памяти все события лета 1928 г. Прошло с тех пор 15 лет, а память цепко держит не только основные факты, но и все переживания, все эмоции... Тогда решалась моя судьба, вся моя будущая жизнь. И все зависело не только от удачи, от внешних обстоятельств, но и в еще большей степени от собственного выбора, от собственных решений. Все сложилось так, что верный путь был найден не мною, а теми случайными людьми, которые в тот момент казались мне моими злейшими врагами.

Стучат... Стучат... Стучат... Ритмично стучат колеса вагона, с каждой минутой приближая меня к Москве. Стучит... Стучит... Стучит... Стучит сердце юноши. Каждый удар приближает юношу к осуществлению его заветной мечты – получить высшее философское образование в Первом Московском университете<sup>2</sup>. Юноша начитался не только общедоступной философской литературы, но и прикасался к трудам Фейербаха, Шопенгауэра, Бергсона... Он глубоко убежден, что сможет сказать в этой науке свое слово. Его сочинение «Опыт критики эстетики Писарева» во многих списках ходило по рукам не только учеников, но и учителей. Прощай, Владивосток!

Вот и Никольск-Уссурийск (точное название города в 1926–1935 гг. Никольск-Уссурийский. – *Ред.*). Именно здесь я закончил среднее образование. Приехал сюда в 1926 г., а вот теперь, через два года, еду завоевывать Москву... Чита, Верхнеудинск, Иркутск... Со всеми этими городами связаны различные события жизни, но об этом в другой раз. Сейчас в голове только Москва, университет... Через десять дней пути наш пассажирский поезд приближается к Ярославскому вокзалу столицы.

Никогда не забуду этот день – 12 июля 1928 г. На вокзале меня встречает близкая приятельница моей матери – Р. М. Фиалка. В молодые годы она отбыла ссылку в моем родном Баргузине, хорошо помнит меня со времени моего появления на свет Божий. Объятия, расспросы...

Мое временное пристанище недалеко от вокзала. Владелица комнаты на все лето уехала на юг. «Пока поживешь в этой комнате, а там видно будет», – говорит Фиалка. Я силен, поклажа совсем невелика, дом находится совсем близко, и мы идем пешком. Главное, однако, в желании скорее прикоснуться к великому городу. Я ждал необычных встреч. Однако все превзошло все мои самые смелые мечты. Поднимаемся вверх к Красным воротам. Вдруг вижу мемориальную доску: «В этом здании 3 (15) октября 1814 года родился великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов»<sup>3</sup>. Меня прошибает холодный пот. От неожиданности не могу двинуться. «Боже мой, здесь родился Лермонтов», – шепчу я. Фиалка смотрит на меня, провинциала, глазами столичного жителя, которого удивить ничем нельзя. «Таких мест в Москве много, – говорит Фиалка, – быстро привыкнешь и перестанешь удивляться». «Никогда», – запальчиво отвечаю я. Площадь Красные воро-

та. «А где ворота?» – задаю я вопрос. «Ты опоздал. Еще два года назад они стояли здесь»<sup>4</sup>. Идем дальше по Садовой-Черногрязской.

«Вот и дошли», – говорит Фиалка возле старого двухэтажного дома. Здание стоит на углу Садовой и Большого Харитоньевского переулка. В этом здании живут члены Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев<sup>5</sup>. Мы сворачиваем в переулок и заходим во двор. И вдруг будто молния ударила меня в голову. Я, видимо, сильно побледнел, так как моя спутница в испуге схватила меня за руку: «Что с тобой?» Прерывающимся от волнения голосом я процитировал несколько слов из седьмой главы «Евгения Онегина»:

«В сей утомительной прогулке  
Проходит час-другой, и вот  
У Харитонья в переулке  
Возок пред домом у ворот  
Остановился...»<sup>6</sup>.

«Ведь именно здесь прошли годы раннего Пушкина, – завопил я. – Здесь должен быть дворец Юсупова<sup>7</sup>, в саду которого маленький Пушкин с няней гулял». Бросив вещи на землю, я стремительно выбежал в переулок и, конечно, сразу же увидел этот дворец. И все это в течение одного дня, одного часа!

Душа провинциала наполнена восторгом. Прежде между мной и русской культурой существовала многослойная пленка. Теперь я могу дотронуться до этой культуры, она рядом. В этом доме часто бывал Пушкин, в этом ветхом строении родился Лермонтов... И так каждый день. Вот крупно шагает по улице Маяковский, вот в букинистическом магазине разглядывает крупный фолиант Мейерхольд, вот в фойе театра читает афишу Вересаев... И так каждый день. Провинциал с душой, наполненной счастьем, смотрит в театре живых и реальных знаменитых актеров, посещает доклады и диспуты, на которых можно услышать Луначарского<sup>8</sup>, митрополита<sup>9</sup> Введенского, профессора Сакулина... Голова идет кругом. Волнуют не только живые люди, но и исторические здания. Как жаль, что нельзя пройти в Кремль! Но и без Кремля много интересного.

Знакомлюсь с родственниками отца. Среди них большой интерес вызывает семья Голомб. Глава семьи – известная личность среди издателей, журналистов, актеров. Здесь я могу встретить Михаила Кольцова, Зорича, певца Мигая, Льва Никулина... Шумная, веселая публика. От встреч со знаменитыми людьми я наполняюсь новым чувством собственного величия. Мне кажется, что я сам стал умнее, значительнее...

Время бежит стремительно, а на носу главное – университетские дела. С каждым днем им приходится уделять все больше и больше времени: с первого августа начинаются экзамены. Пока же нужно оформить документы и подать их в приемную комиссию. Меня почему-то радует, что председателем приемной комиссии является профессор Сержников, книжку которого о Канте<sup>10</sup> я читал еще в школе.

В 20-е годы двери высших учебных заведений для детей интеллигенции фактически были закрыты. Мой двоюродный брат, сын известного в Москве врача, четыре года подряд выдерживал успешно все вступительные экзамены, но каждый раз получал отказ в приеме. Лишь проявив поразительную настойчивость, он в пятый раз поступил в Институт им. Плеханова<sup>11</sup>, очень далекий от его подлинных интересов. Поступающих экзаменовали спокойно, справедливо, выставляли заслуженные баллы, но в приеме отказывали при любых оценках. Су-

ществовала даже специальная печатка с титульным клише, которую ставили на почтовой карточке: «Сообщаем, что Вам в приеме отказано за отсутствием мест». Наоборот, принимали при самых слабых ответах на экзаменах выпускников рабфаков, детей рабочих и крестьян, молодых рабочих. Строже экзаменовали представителей партийной интеллигенции, но здесь достаточно было иметь самый низкий положительный балл (т. е. удовлетворительно). Были специальные решения правительства о детях членов Общества старых большевиков, Общества политкаторжан, детях [лиц], работающих на далеком севере, и др. Их приравнивали к первой группе (т. е. к детям рабочих). При положительных баллах на экзаменах их обязаны были принять. Но только при положительных баллах. Вот в этом-то и была вся загвоздка.

Каждый поступающий в университет обязан был подать заявление с указанием факультета и отделения, автобиографию, анкету и аттестат об окончании среднего учебного заведения. Кроме того, имеющие привилегии при поступлении должны были представить справку о том, что «я сын члена Общества политкаторжан». Для получения этой справки нужно было пойти в Лопухинский переулок, где в то время находилось правление Общества.

В Обществе меня направили к небольшому тучному человечку с копной рыжих волос. Фамилия его была Баум. Среди его многочисленных мелких обязанностей была и та, в которой в данный момент я испытывал потребность. Равнодушно взглянув на меня, Баум взял уже заготовленную справку, на которой нужно было проставить только фамилию, поставить печать и подписать старосты Общества. Маска равнодушия слетела с его лица, когда он узнал, что я являюсь сыном Бориса Самойловича Вернштейна. Дело в том, что в журнале Общества «Каторга и ссылка» совсем недавно Баум опубликовал статью о революционной деятельности отца<sup>12</sup>. Теперь Баума нельзя было узнать. На его полном широком лице сияла улыбка, глаза светились любовью, он беспрестанно обнимал меня. Лицо его стало озабоченным, когда я напомнил о справке.

– Мне очень хочется помочь сыну Бориса Самойловича, – сказал Баум. Помолчав, он неожиданно тоном заговорщика сказал:

– Приходи ко мне домой завтра вечером. Твой вопрос надо обсудить всесторонне.

На другой день вечером уже сижу в комнате Баума. Идет серьезная беседа. Говорит Баум:

– В прошлом году я выдал справки 12 молодым людям. Никто из них не поступил в высшие учебные заведения, так как никто не выдержал всех экзаменов. А среди них были способные и хорошо подготовленные ребята. Так практически было и в другие годы.

– В чем дело? – спрашивает сам себя Баум и отвечает:

– Есть указание не засорять университет социально неполноценными молодыми людьми. Поэтому вопреки специальным постановлениям делают все возможное и невозможное, чтобы не принимать детей интеллигенции. А для этого есть разные способы...

Поступающему нужно пройти через пять испытаний: сочинение, устный экзамен по русской литературе, физику, математику и, наконец, историю. (В те годы этот предмет назывался обществоведение.) Первые четыре испытания идут нормально, справедливо. Какая-то часть неугодных будет отсеяна уже на этих этапах. Но часть подойдет к последнему барьеру со счетом... И вот здесь начнет действовать

секретная инструкция – проваливать на экзамене всех тех, против фамилии которых экзаменатор увидит легкий след от хорошо отточенного карандаша.

Все это было для меня неожиданным и новым. Впервые в жизни я узнал, что принадлежу к неполноценным в социальном отношении людям.

Баум продолжает:

– У меня есть план. Ты подаешь все документы без справки от нашего Общества. В автобиографии напиши, что отец – член Общества политкаторжан. Это необходимо. Обычно в автобиографии читают только до того места, где сообщается социальное происхождение. То, что ты сын служащих, напиши разборчиво на первой строчке, а о членстве отца в нашем Обществе на третьей или четвертой. До этих строк не дойдут. Таким образом, ты не попадешь в крамольный список, и экзамены пройдут нормально. Затем ты получишь отказ. Вот тогда мы начнем действовать. Конечно, мы идем на риск, но другого выхода я не вижу.

Так и порешили. Среди поданных документов справки не было.

Экзамены полностью подтвердили слова Баума. Все стало очевидным на последнем экзамене по истории.

За сочинение «А. П. Чехов как представитель русской интеллигенции 80-х годов» я получил отличную оценку. Специально было отмечено отсутствие грамматических ошибок и большое число точных цитат из произведений Чехова. Помню, такой отзыв меня даже обидел. Устный экзамен по литературе превратился в беседу двух специалистов. Экзаменатор профессор А. С. Орлов скоро в обращении стал называть меня коллегой. Речь шла о творчестве Пушкина, о Байроне, фальсификации Мериме<sup>13</sup>, о Загоскине, о знаменитом письме Гоголя<sup>14</sup> и о многом другом. Беседа продолжалась больше часа. В заключение профессор Орлов поставил «отлично», пожал мне руку и выразил надежду, что я буду принят в университет. Успешно прошли экзамены по математике и физике. На экзаменах было много провалов (особенно по математике и физике), но нарочитых подвохов не было. Экзамены шли спокойно. И вот, наконец, последний экзамен. Число поступающих заметно сократилось к последнему рубежу.

Экзамен по истории проходил возле знаменитой Коммунистической аудитории. Приглашают сразу человек шесть-семь. Каждый экзаменующийся сидит за отдельным столиком. Экзаменуют двое, каждый за своим столиком. Я взял билет, по которому могу отвечать без подготовки. Но я медлю, так как хочу проверить слова Баума. И они скоро полностью подтвердились.

К одному из экзаменаторов подходит молодой человек. Он блестяще, уверенно отвечает на вопрос о русско-японской войне. Он дает глубокий анализ международных отношений начала века и необыкновенно детальный разбор военных операций.

Интересно было наблюдать за поведением экзаменатора. Чем увереннее и интереснее отвечал экзаменующийся, тем хуже чувствовал себя экзаменатор. Они оба сдавали свой экзамен. Но один был экзамен чести, другой – бесчестья. Экзаменатор пытался разными вопросами сбить молодого человека, но тот превосходно парировал. На его стороне глубокие знания, большая интеллигентность и порядочность. На стороне экзаменатора – власть, беспринципность, неинтеллигентность. После ответа на первый вопрос начинается совещание экзаменаторов. Второй экзаменатор бросает своего подопечного и приходит на помощь. Они вдвоем должны выполнить грязное дело. К глубокому огорчению экзаменаторов и на второй вопрос о крестьянской реформе дан исчерпывающий ответ. Я с большой пользой для себя

слушал рассказ о деятельности Н. А. Милютина. Перед экзаменаторами сидел не будущий студент, а уже хорошо подготовленный историк. И ответ на третий вопрос был безупречным. Оба экзаменатора имели жалкий вид. Они должны были поставить неудовлетворительную оценку человеку, который в данной области был выше их. И они после совещания поставили «неудовлетворительно». Весь красный, не глядя на собеседника, экзаменатор сказал:

– *Материал Вы знаете хорошо, но Вы стоите на антимарксистских позициях и стоите на них уверенно и твердо. До университета Вам будет очень полезно поработать на заводе, получить рабочую закалку\**.

Для меня нет сомнений, что тогда был убит будущий историк нашей родины. До сих пор я не могу забыть морды убийцы.

Не обнаружив после моей фамилии зловещей точки, он спокойно начал экзаменовать меня. Он был так утомлен борьбой, что мои ответы почти не слушал. Через пятнадцать минут в моей зачетной книжке красовалась отличная оценка.

Печальную судьбу «убитого» историка могли разделить с ним и будущие наши известные историки Б. А. Рыбаков и Л. В. Черепнин. Сколько труда, нервной энергии они должны были затратить, чтобы преодолеть все заслоны для молодых людей непролетарского происхождения! Это знают только они.

Итак, все экзамены успешно сданы. Первая часть задуманной операции выполнена. Теперь осталась вторая – более сложная. Через несколько дней я получаю зловещую почтовую карточку с известным текстом: «В приеме на историко-этнологический факультет Первого Московского университета за отсутствием мест вам отказано». В тот же день я у Баума. Начинается второй этап операции. Видно по всему, что мой новый доброжелатель – азартный игрок. Вся задуманная им авантюра его волнует и будоражит.

Теперь в операцию должен быть включен Миней Израилевич Губельман, широко известный под псевдонимом Емельян Ярославский, поскольку он был старостой Общества. Баум передает ему почтовую карточку с отказом в приеме, экзаменационный лист с оценками. Сообщил Ярославскому, что молодой провинциал написал в автобиографии, что его отец является членом Общества, но что он не знал ничего о справке. Это было правдоподобно, так как, действительно, никаких официальных сообщений о подобных справках не было. Здесь помогло еще и имя моей матери. Дело в том, что мама была близко знакома с Ярославским, вместе они выполняли одно весьма ответственное партийное поручение в самые первые годы XX в.<sup>15</sup> Они оба были членами РСДРП, а принадлежность мамы к меньшевикам в то время существенного значения не имела. Конечно, Баум и это обстоятельство бросил на чашу весов.

Трудно в приемной старосты Общества ждать решения. Время тянется нудно и медленно. Но вот, наконец, появляется в дверях Баум. Не нужно спрашивать – его доброе лицо расплылось в счастливой улыбке.

– Все в порядке. Беги в приемную к Сержникову. Он тебя ждет.

Тут же Баум передает мне справку, подписанную Ярославским.

Обычно попасть на прием к председателю приемной комиссии было невозможно. Между ним и поступающими был плотный барьер из различного рода чинуш. Однако теперь было достаточно назвать фамилию, чтобы двери были

\* Здесь и далее выделено автором.

распахнуты. Я вошел в тот круглый зал в старом здании, в котором позже в роли профессора университета провел много часов.

За столом сидел уже немолодой мужчина. В его лице было что-то кошачье. Он часто облизывал свои полные губы. Глаза ехидно смотрели на меня. Перед ним на столе лежала папка, на которой четко была написана моя фамилия.

– Почему Вы нарушили правило и не представили справки из Общества, членом которого является Ваш отец?

Ответ уже готов:

– В автобиографии я написал, что мой отец состоит членом Общества, а о справке я ничего не знал. Об этом нет никаких объявлений.

После этих слов передаю полученную только что справку.

– Предположим, – ехидно промямлил Сережников. – Хотя я в это мало верю. Вы тут схитрили, возможно, не без помощи опытных людей.

Я принял решение молчать.

– Ну, – продолжал Сережников, – я прочитал в Вашем заявлении, что Вы непременно хотите поступить на философский цикл исторического отделения. Что Вас толкнуло на это?

– Я уже давно интересуюсь философией.

– Давно? Глядя на Вас, в это трудно поверить. Что же Вы читали?

Я называю несколько книг, не без подхалимства называю и книгу Сережникова о Канте. Завязывается беседа о Канте. Профессор задает несколько вопросов. Судя по его реакции, ответы ему нравятся. Случайный поворот, и речь уже идет о философии Бергсона. Итог беседы совершенно неожиданный. Сережников заявляет, что мне нечего делать на философском цикле.

– Поймите, молодой человек, мы готовим на этом цикле не философов, а диаматчиков.

Я тогда впервые услышал это слово. Позже оно стало обычным. В языке Сережникова оно было до краев переполнено отрицательными эмоциями. Казалось, что он выругался – диаматчиков!

– Мы готовим диаматчиков, которым Бергсон не нужен и которые никогда Бергсона читать не будут. Судя по данным Вашей анкеты, Вы не член партии, даже не комсомолец. Что Вы будете делать после окончания университета? В лучшем случае Вы будете работать в библиотеке. Вы мне симпатичны. Поэтому на философский цикл я Вас не пущу. Сейчас Вы меня ругаете, а потом очень скоро повесите мой портрет над своей кроватью. Вот так-то!

Я решительно отказываюсь последовать совету Сережникова. На этом беседа завершается.

Через несколько дней вывешены списки дополнительно принятых. Среди счастливых моей фамилии нет. А уже начались лекции и семинары. Я записался на семинар к профессору К. Н. Корнилову по психологии.

Новая встреча с Баумом. Этот маленький рыжий человечек мечет громы и молнии.

– Ты совершенно спятил. Не думай, что мы наш фокус сможем повторить в будущем году. Соглашайся на любой вариант, а там позже видно будет.

Что делать? Всесторонне оценив обстановку, принимаю решение согласиться с профессором Сережниковым. Однако вторично попасть на прием к Сережникову оказалось чрезвычайно трудным. Наконец, он меня принял.



– Ну, одумались? Беда теперь только в том, что при первой нашей встрече я мог Вам предложить любой вариант. А сегодня уже нет. Могу теперь Вам предложить этнографическое отделение или отделение изобразительных искусств. Все остальные уже полностью укомплектованы. Соглашайтесь сейчас, завтра будет уже поздно.

С унылым видом называю этнографическое отделение, о котором я не имел никакого представления. Сережников вызывает секретаря и отдает ему необходимые распоряжения. Через несколько дней вывешивают новый список дополнительно зачисленных. Их уже совсем мало. На первом месте я нахожу свою фамилию.

Начинается новый, весьма ответственный период моей жизни. Университет! Университет, в котором учились Белинский, Герцен, Лермонтов, Гончаров, где преподавали выдающиеся русские ученые, с которыми связано так много замечательных событий в прошлом моей родины. В Актовом зале университета Пушкин взволнованно доказывал подлинность «Слова о полку Игореве», здесь велись горячие споры между западниками и славянофилами... Я должен отдать все свои силы, все свои интеллектуальные возможности, чтобы оправдать право на звание студента Московского университета.

16 августа. О необходимости возродить в нашей стране подготовку славистов, хорошо знающих язык и культуру западных и южных славян, начали говорить в самом конце 30-х годов. Война дала мощный толчок этим новым настроениям, пришедшим на смену открытой славянофобии. В первой половине августа 1943 г. было принято решение открыть на филологическом факультете МГУ отделение славянской филологии. Академик Державин и я были приглашены на беседу с министром (точнее наркомом. – *Ред.*) С. В. Кафтановым. Министр позволил себе бросить упрек в наш адрес, почему мы допустили ликвидацию славистического образования в нашей стране. На это безответственное обвинение Кафтанова последовала бурная реакция Державина. Кафтанов уже был не рад, что позволил себе такое нелепое утверждение. Во всяком случае, он вынужден был просить у старика извинения. Но мало этого. Нужно было вызвать медицинскую сестру, которая сделала укол Державину и дала таблетки. В тяжелом состоянии Державина под руки увели. Я по указанию Кафтанова остался. Министр попросил меня дать подробную информацию о положении славяноведения в нашей стране. Я рассказал все. Кафтанов с бесстрастным лицом слушал внимательно. Наконец, сказал: «Что было – то было. Теперь слависты нам нужны позарез. Делайте все возможное и невозможное. Обещаю полную поддержку»<sup>16</sup>.

Сегодня вечером состоялось заседание деканата. Державин по состоянию здоровья прийти не мог. На заседании было мое официальное утверждение в должности заместителя заведующего кафедрой славянской филологии. После заседания деканата я зашел к Державину, который жил в гостинице «Москва». Он уже оправился от беседы с Кафтановым. Я обещал через месяц представить ему проект плана славянского отделения на подпись. Со своей стороны академик обещал мне полную свободу действий.

17 августа. Продолжительность творческой энергии ученых зависит от многих факторов. Конечно, большую роль играют наследственные данные, здоровье, особенности характера, условия жизни. Однако немаловажным является и сама наука. Чем строже в науке логический аппарат, тем раньше завершается период интенсивного творчества.

С юных лет я был окружен книгами. Отец был большим библиофилом. Ему удалось собрать очень большую библиотеку. В родном Баргузине она была значительно богаче местной городской библиотеки. Это огромное книжное собрание переезжало вместе с нашим семейством из одного города в другой. Последним ее пунктом был Александровск-на-Сахалине. Покидая Сахалин, отец подарил ее городу.

Я был бесконтрольным хозяином библиотеки. Еще отроком я читал «Пол и характер» Вайнингера<sup>17</sup>, «Философию любви» Фореля<sup>18</sup> и много подобных сочинений. Отец был убежден, что книги в воспитании повредить не могут. «Если какую-то книгу ему читать рано, то он и не поймет ее, а если поймет, то значит и не рано», – отвечал отец на упреки взрослых.

Состав библиотеки хорошо отражал интересы русского интеллигента радикальных политических взглядов. Здесь было много политической литературы разного направления, много книг по философии, эстетике, социологии, политической экономии, истории, литературоведению, истории искусств, истории религии. Были известные энциклопедии, справочники, словари разного типа и назначения, географические атласы. Конечно, хорошо была представлена русская художественная литература, хуже – западноевропейская в русских переводах. Необычным для библиотек такого характера было большое число задачников по предметам элементарной математики. Дело в том, что отец в свободное время любил решать математические задачи, главным образом по арифметике и алгебре. Было даже несколько учебников по высшей математике. Совсем отсутствовали в библиотеке книги по биологии, по химии, физике и сельскому хозяйству, по технике. Интересы отца были очень далеки от этих областей знания. Из гуманитарных наук совсем не были представлены лингвистика, этнография и фольклористика. Это было типичным явлением для обычной сборной библиотеки русского интеллигента.

Не получил я никаких научных сведений в этих областях и в школе. Мне повезло учиться у многих отличных педагогов. Среди них с теплотой вспоминаю С. П. Орлова и А. И. Кравца, которые с большим мастерством умели анализировать художественные произведения, глубоко понимали поэзию, отличались безупречным вкусом, но о лингвистике не имели никакого понятия. И вот в начале сентября 1928 г. волей судьбы я был оторван от любимой философии, от истории, социологии и брошен в объятия этнографии и лингвистики. Я был уверен, что скоро мне удастся перейти на философский цикл. Именно поэтому я продолжал посещать семинарий по психологии профессора Корнилова.

22 августа. Занят до предела организационными делами. Я принял решение на втором курсе готовить богемистов, на первом – богемистов и сербистов. Легко решить, но как это осуществить, когда в Москве нет специалистов ни по чешскому языку, ни по сербохорватскому. Вызываю для беседы А. Г. Широкову. Она кончила Городской педагогический институт, аспирантуру проходила под руководством А. М. Селищева, завершает диссертацию по словацкой диалектологии. Она была последней аспиранткой покойного слависта. Слышал, что он был доволен ее успехами... Впечатление от беседы благоприятное. Она откровенно говорит, что чешский язык знает плохо, читает со словарем, лучше знает польский. Однако по всем данным самый большой спрос будет именно на богемистов и сербистов. Поэтому я

настаиваю на чешском языке. После некоторого колебания Широкова соглашается. Трудность в том, что у нее нет пособий по чешскому языку. Я отдаю ей из своей библиотеки чешско-русский словарь Н. Н. Дурново<sup>19</sup>, сборники чешских сказок, несколько книжек, содержащих тексты чешских писателей.

Встречаюсь с Радмилой Григорьевой. Она направлена в университет для преподавания сербохорватского языка. Первый раз слышу о ней. Коренная сербка, подлинная фамилия Джорджевич. Уже давно живет в Москве. Имеет опыт преподавания языка. Русским языком владеет плохо. Первое впечатление крайне неблагоприятное: заносчива, все время стремится произвести впечатление, кичится своими связями со многими ответственными лицами. Легко установить, что у нее нет специальной подготовки в области сербского языкознания. Ко всему еще и глупа. Это видно сразу. После беседы сообщаю в ректорат, что нужно искать другого преподавателя. Однако эта глупая и невежественная сербка оказалась крепким орешком. В ход были пущены все бронебойные машины, и мне пришлось сдаться. Слабость моей позиции состояла в том, что у меня не было другой кандидатуры. Введение в славянскую филологию будет читать Державин. Работаю над учебным планом славянского отделения. Пока актуальными будут считаться планы первого и второго курсов. Однако нужно подготовить учебный план для всех курсов отделения. Поставил вопрос в деканате о необходимости увеличения славистической подготовки студентов отделения русского языка и литературы. Это не вызывает возражений.

26 августа. Еще в стране был голод, шла изнурительная гражданская война, а новая власть активно вторглась в университетскую жизнь. Начались бесконечные эксперименты, реорганизации. Все это делалось руками интеллигентов (Луначарским, Покровским, Лебедевым-Полянским, Волгиным, Вышинским и мн. др.). Многие из них, конечно, понимали, что они разрушают налаженную академическую жизнь, а вместо этого насаждают невежество, верхоглядство. Однако они видели перед собой только задачи революции, а старую науку и структуру образования считали буржуазными. Пусть будет хуже, но свое. Пусть новая интеллигенция будет полуграмотной, но она будет защищать новый строй, которому она всем обязана. Старая интеллигенция свое дело сделала. Теперь от нее проку мало. Поэтому новая власть не препятствовала эмиграции известных ученых за границу. Больше того, сразу же после завершения гражданской войны большая группа ученых была просто выслана за пределы страны. В эту группу попали многие ученые с мировыми именами<sup>20</sup>. В большинстве своем они не принимали никакого участия в политической жизни, но в известном смысле были бельмом на глазу.

Была поставлена задача резко уменьшить в обществе удельный вес старой интеллигенции. Решили ускоренными темпами готовить свою пролетарскую интеллигенцию из рабочих и крестьян. А для этого прежде всего нужно было изменить социальный состав студенчества. По инициативе М. Н. Покровского при университете были созданы так называемые рабочие факультеты (рабфаки), на которых ускоренным темпом готовили молодежь в университеты. Среди этих будущих студентов нередко можно было встретить малограмотных людей. Об этих рабфаках писали восторженные статьи, но сознательно закрывали глаза на то, что теперь в университеты принимали неучей. Сразу же резко снизился уровень подготовки, но это никого из новых руководителей культурного фронта не пугало.

Выступавших против превращения университетов в сборища неграмотных студентов объявляли врагами советской власти, защитниками старого строя, буржуазными учеными. Нет ничего удивительного в том, что в такой обстановке легко выдвигались на первый план бездарности, которые скоро заняли руководящее положение во многих научных и культурных учреждениях. Это был период головокружительной карьеры многих посредственностей, которые удачно использовали новую ситуацию. А на судьбы образования, науки им было наплевать.

По решению правительства были отменены все ученые степени, ликвидированы кафедры, которые были заменены так называемыми предметными комиссиями. Шла активная реорганизация самой структуры факультетов. Были организованы в университетах факультеты общественных наук (ФОНы) или факультеты социального воспитания.

Первый после революции, еще избранный ректор Московского университета известный ученый М. А. Мензбир выступал против вмешательства властей во внутренние дела университета. Однако очень скоро он был объявлен буржуазным либералом, что в послереволюционные годы было значительно опаснее членства в «Союзе русского народа»<sup>21</sup>. Он был снят с поста ректора. Его сменил профессор В. С. Гуревич (точнее Гулевич. – *Ред.*), затем недолго ректором был М. М. Новиков, а с 1922 [1921] по 1925 г. во главе университета стоял В. П. Волгин. С 1925 по 1929 [1928] г. ректором был А. Я. Вышинский.

В годы НЭПа наступило некоторое ослабление беспочвенного экспериментирования. 17 мая 1925 г. постановлением СНК РСФСР факультет общественных наук Московского университета был реорганизован. На его основе возникло два факультета: этнологический и факультет советского права. Примечательно, что еще боялись восстановить прежние названия: историко-филологический и юридический. Нужно было время, чтобы старые названия были реабилитированы.

Этнологический факультет состоял из четырех отделений: исторического, этнографического, литературоведческого и изобразительных искусств. Структура отделений была разной. На историческом отделении на правах самостоятельного цикла существовал цикл философии и психологии. Именно сюда я мечтал поступить. Специализация на историческом отделении определялась выбором специальных курсов и семинариев. В течение обучения без особого труда можно было менять специализацию. Для этого даже не требовалось специального разрешения деканата. Совершенно иной была структура этнографического отделения. Здесь каждый первокурсник в течение двух месяцев должен был выбрать цикл, на которые четко распадалось отделение. Циклы были: восточных славян, южных и западных славян, кавказский, тюркский, иранский. Границы между циклами были четкими, что связано было, прежде всего, с изучением соответствующих языков. Переходить с одного цикла на другой практически было весьма затруднительным делом, так как нужно было иметь необходимые знания языков. Мне известны были переходы из иранского цикла в цикл восточных славян, так как этому переходу не мешали языковые преграды.

Циклы этнографического отделения имели существенные различия по своим задачам и структуре. Так, цикл восточных славян готовил специалистов по славянскому языкознанию и по истории славян (в зависимости от выбора специальных курсов и семинариев). Здесь специальная этнографическая подготовка ограничивалась прослушиванием элементарного курса этнографии южных и за-

падных славян. Этот курс бесцветно читал П. П. Свешников. Кавказский цикл имел только лингвистическую направленность. Литературоведческое отделение напоминало Институт Брюсова<sup>22</sup>. Там учились начинающие поэты и писатели. Одновременно со мной поступил на литературное отделение татарин (Муса Джалиль. — *Ред.*), впоследствии знаменитый автор «Моабитской тетради». Глубокой специализации здесь не было. И на отделении изобразительных искусств специализация определялась выбором специальных курсов и семинариев.

На факультете существовали дисциплины, которые читались студентам всего факультета. Как правило, для них отводилась Коммунистическая (бывшая Богословская) аудитория, в которой в прошлом проходило много интересных событий. Следовало бы написать историю этой аудитории. Здесь читали исторический и диалектический материализм, политическую экономию, основы советского права, историю России, историю Западной Европы, историю партии. По всем этим предметам студенты освобождались от зачетов, если они принимали участие в различных семинариях при положительной оценке доклада. Так я избежал зачета по политической экономии и по диалектическому и историческому материализму. Кроме общефакультетских предметов, существовали общеотделенческие дисциплины. На этнографическом отделении к ним принадлежали: общая этнография, этнология, антропология, земледевие, археология, история Западной Европы (средние века), введение в языкознание. Основное место в подготовке специалистов занимали, конечно, специальные предметы. На цикле западных и южных славян к ним относились: введение в славянскую филологию, старославянский язык, славянские языки (история, диалектология, практическое их изучение), сравнительная грамматика славянских языков, история западных и южных славян, этнография зарубежных славян, этнография восточных славян, история и диалектология русского языка. Четкого разграничения между подготовкой лингвистов и историков не было. В мое время профессор Г. А. Ильинский читал небольшой факультативный курс истории сербской литературы.

Обязательным было лишь посещение семинариев и языковых занятий. Однако никто не вел учета посещения. Во время моего обучения экзамены были заменены зачетами. В зачетной книжке профессор писал: «Зачет сдан», ставил число и подпись. Иногда он мог написать: «Зачет сдан отлично», но это было скорее для студента, нежели для деканата.

Проходили две экзаменационные сессии: зимняя и весенняя. Однако разрешалось сдавать зачеты в течение всего года в любой последовательности. Поэтому на деле фактически существовала не курсовая, а предметная система, что, однако, официально не признавалось. Помню, я все зачеты по всем видам своих обязательств (лекции, семинарские занятия, языковые лектуры) на втором курсе сдал в феврале 1930 г. и безо всяких затруднений был переведен на третий курс, вместе с которым уже весной того же года сдал все положенные зачеты. Эти порядки были хороши для всех: для серьезных студентов, для разгильдяев, для администрации. Серьезным студентам они давали возможность много времени проводить в библиотеках, самостоятельно строить свой учебный план.

Нужно иметь в виду, что среди специальных предметов возможен был самостоятельный выбор. Указывалось, что студент на втором курсе должен сдать четыре зачета по специальным предметам. А в учебном плане указывалось десять дисциплин. Студент имел право выбора. Можно было даже выбрать предмет, ко-

торый в данном учебном году не читался. Для перехода на следующий курс нужно было сдать так называемый минимум (4–5 зачетов). В таком случае перевод был условным. В следующем учебном году студент в течение первого семестра обязан был погасить свою задолженность.

Этот порядок был удобным и для деканата, так как не требовал строгого контроля. В мое время всеми деканатскими делами ведали только два человека. А нужно иметь в виду, что этнологический факультет соответствовал современным филологическому, историческому и философскому факультетам. Деканат составлял расписание общефакультетских и общеотделенческих предметов, ведал организацией и проведением зачетных сессий. Все остальное шло самотеком. Многие профессора читали лекции и проводили зачеты у себя дома. Деканат был освобожден от многих обязанностей, докучных теперь для всего многочисленного состава деканатов. Он не занимался дисциплиной студентов, их общественной работой, стипендиями и пр. Всеми этими вопросами ведали профком и партком. Не было на факультете аспирантуры.

**4 сентября.** Сегодня у меня произошло первое столкновение с Державиным. Я случайно узнал, что вместо Державина курс «Введение в славянскую филологию» практически будет читать некто Дитякин. Он является секретарем Славянской комиссии АН СССР<sup>23</sup>. Державин вывез его из Казани. Он историк, никогда славистикой прежде не занимался. Н. П. Грацианский дал резко отрицательный отзыв об этом человеке. Знает его он много лет. К филологии Дитякин не имел никогда никакого отношения. Утром я посетил Державина и заявил ему протест. Николай Севастьянович заверил меня, что курс будет читать он сам, а Дитякин будет лишь помогать ему в организации лекций. Посмотрим!

**6 сентября.** Большие осложнения с помещением. Аудиторный корпус (так называемое Новое здание) разрушен бомбой еще в конце октября 1941 г. Наш факультет получил здание средней школы на Бронной<sup>24</sup>. Здание не отапливается. Зимой там будет страшный холод. Работаю над учебным планом славянского отделения.

**8 сентября.** С фронтов идут очень утешительные сведения. В Москве полное ощущение тылового города.

**16 сентября.** Сегодня в «Правде» опубликована статья Г. Димитрова «Куда идет Болгария?» Статья очень сильная и убедительная. Он пишет, что в Македонии царит ненависть не только против гитлеровцев, но и против болгарских оккупантов. Вообще в последнее время публикуется немало материалов, свидетельствующих об активной помощи болгар немцам. В Македонии и Старой Сербии болгарские войска установили свирепый оккупационный режим, участвуют в военных операциях против югославских партизан, дали возможность немцам свои воинские соединения бросить на советский фронт. Мне прежде казалось, что союз Болгарии с Германией в первую мировую войну был случайным и непонятым. События этой войны показали, что это не так. Антирусская деятельность Стамболова имела в болгарском обществе глубокие корни. А теперь еще прибавилась неприязнь к советскому строю. Тема «Болгария и Россия» еще далеко не исчерпана. До войны все казалось здесь проще. После войны слависты должны серьезно заняться всесторонним изучением вопроса<sup>25</sup>.

Один интересный штрих – в Одессе в 1935–1939 гг. мне приходилось много общаться с представителями болгарской эмиграции. Разговоры были откровен-

ными. Очень часто сталкивался с антирусскими настроениями. Болгар многое активно раздражало в нашем поведении, в наших привычках, привязанностях и вкусах. Естественно, что они очень тосковали по родине, но все эти переживания носили обычно антирусский характер. На днях говорил на эту тему с Державиным. Обсуждали с ним статью некоего Белинкова «Болгария в коричневой паутине» в газете «Труд» от 25 июля 1943 г. Державин очень переживал события 1 марта 1941 г., когда Болгария подписала пакт о присоединении к трем державам. Старик долго задумчиво смотрел в окно, а потом сказал: «Все мое детство прошло в Преславе среди болгарского населения Таврии. Да! Местное болгарское население на юге Украины неприязненно относилось к русским. Русское всегда ассоциировалось с плохим».

**25 сентября.** Много всяких крупных и мелких дел в связи с подготовкой нового учебного года, началом работы славянского отделения. Скоро начнутся занятия, а ничего нет. Нет ни учебников, ни словарей, ни текстов. Широкова усиленно изучает чешский, готовит от руки тексты, составляет словарики тематического характера. Из студентов-русистов второго курса отобрали группу будущих богемистов. Таким образом, в этом учебном году у нас на славянском отделении будут три группы: две группы богемистов и одна – сербистов. Есть все основания полагать, что в будущем самый большой спрос будет именно на славистов этих двух направлений.

**20 октября.** Начал читать лекции аспирантам Городского педагогического института по чешскому и болгарскому языкам. Совсем зеленая молодежь. Плохо знают старославянский язык.

Составляю список печатных работ А. М. Селищева. В основном закончил. Готовимся к первой годовщине со дня смерти Афанасия Матвеевича<sup>26</sup>. 6 декабря предполагаем провести специальное заседание. Готовлю доклад «Селищев – балкановед». На днях на заседании Славянской комиссии АН СССР читал доклад на тему «Значение влахо-болгарской письменности для истории южнославянских языков». Это одна глава из диссертации<sup>27</sup>. Председательствовал Н. С. Державин. Протокол вел В. Т. Дитякин, с которым я уже имел возможность познакомиться. Боюсь, что оценка Грацианского верна. Из лингвистов на заседании присутствовал только Н. Ф. Яковлев. После доклада Державин сказал несколько общих фраз, хвалил. Остальные молчали. Вот что значит, когда нет славистов! Селищев нашел бы объект для строгой и полезной критики.

На моем докладе в Славянской комиссии присутствовал Василий Петрович Коларов. После завершения заседания он подошел ко мне и сказал несколько лестных слов в мой адрес. Он в разное время жил в Румынии, и его впечатления подтверждают мои слова о роли славян в языковой истории румынского народа. Я напомнил Коларову, что мы уже встречались: первый раз в конце февраля 1932 г. в его кабинете директора Аграрного института, второй раз летом 1935 г. в селе Коларовке (так в честь Коларова стали называть село Романовку) на торжествах по случаю 10-летия болгарского национального района Украины<sup>28</sup>. Он сказал, что хорошо помнит эти встречи, но это, конечно, была простая любезность с его стороны. Об этих встречах я напишу подробнее позже.

**24 октября.** Московские лингвисты не были на моем докладе. Это была демонстрация против Державина. Однако они не учли одного обстоятельства: их отсутствия Державин и не заметил, а мне было обидно. Державин отказался для

университетского сборника написать статью «Славянская филология в России». Вероятно, придется писать эту статью мне<sup>29</sup>. Посмотрим!

26 октября. Читаю дневник А. В. Никитенки<sup>30</sup>. Что за умница! Прелесть. Яркими красками рисует академическую жизнь России середины XIX в. Дает точные психологические характеристики Срезневскому и многим деятелям науки и публицистики. Порой хитрит, лукавит... Даже в дневнике боится до конца быть искренним и правдивым. При всех недостатках этот дневник дает много ценных фактов и наблюдений для характеристики истории русской науки. Пишу с увлечением статью «Селищев – балкановед»<sup>31</sup>. Еще до войны по поручению академика Б. М. Ляпунова написал для славистического сборника, который должен был быть опубликован в Ленинграде, статью о старославянском местоимении *чьсо*<sup>32</sup>. За две недели до начала войны читал корректуру. Однако все рукописи и набор за время войны были уничтожены. У меня сохранился второй экземпляр рукописи. Вчера внимательно просмотрел его и сделал некоторые исправления и дополнения. В середине ноября по просьбе Аванесова буду делать доклад на эту тему на кафедре русского языка Городского педагогического института.

2 ноября. Сегодня состоялось заседание Ученого совета Института языкознания АН СССР. Зав. секторами делали отчеты о проделанной работе за десять месяцев 1943 г. Все выглядело ужасно убого. Работы, конечно, никакой не было, даже видимости. И. Ю. Крачковский тихо смеялся в усы.

3 ноября. Экзаменовал секретаря Славянского комитета<sup>33</sup> Осьминина по чешскому языку. Он собирается поступать в аспирантуру по истории Чехии. Дал ему прочитать небольшой текст из исторической работы Неедлого, два вопроса по грамматике. Выяснилось, что он совершенно не знает языка. Это я и указал в экзаменационном листе. Говорят, что генерал Гундоров был сердит. Черт с ним!

5 ноября. Много времени уходит на всякие мелочи. Уже давно не сидел над диссертацией. К концу декабря должен полностью завершить третью главу, которую отдал в сборник памяти Селищева. Она будет называться «Славянский язык в Валахии»<sup>34</sup>. Заканчиваю редактирование русско-болгарского словаря<sup>35</sup>, который должен быть сдан в печать в самом конце этого года.

8 ноября. Закончил статью «Селищев – балканист». Писал эту статью с большим подъемом.

Посетил занятие Григорьевой по сербскому языку. После беседовал с ней о серьезных методических просчетах при ведении занятия. Она смотрела на меня своими бараньими глазами и, конечно, ничего не поняла.

12 ноября. Сегодня читал доклад о местоимении *чьсо* на заседании кафедры русского языка в Городском педагогическом институте. Доклад прошел хорошо. Аванесов сделал одно ценное замечание, которое необходимо использовать при окончательном оформлении доклада к печати. Думаю о составлении библиографии по болгарской диалектологии. «Показалец» Стойкова<sup>36</sup> содержит только материалы, а нужно дать библиографию исследований.

21 ноября. Перечитал сегодня старые письма Селищева ко мне. Письма 1930–1934 гг. поразили задушевностью тона, заботой о моем здоровье. Сдал в «Большую советскую энциклопедию» корректуры статей: «Сербский язык», «Сербская литература», «Серболужицкая литература» для 50 тома<sup>37</sup>. Мою статью «Славянские языки»<sup>38</sup> так покорежили, что я отказался от авторства. Говорят о возобновлении «Литературной энциклопедии»<sup>39</sup>.



**28 ноября.** Решил исподволь начать работу над сравнительной грамматикой славянских языков. Должна быть тщательно обработана праславянская часть и история отдельных общеславянских явлений в основных славянских языках. Попытаюсь изложить явления праславянского языка в диахроническом плане. Такое желание возникло у меня в результате чтения пражского доклада Н. Н. Дурново и ряда работ Р. О. Якобсона. Вся методология курса сравнительной грамматики славянских языков Селищева теперь мне представляется ошибочной. Он не видел глубокой связи внешне различных процессов, мало интересовался функциональной стороной языка. Я многое понял во время длительных бесед с Аванесовым в Свердловске. Методология моих университетских учителей во многом устарела. В некоторых вопросах Селищев был выше Дурново. Он лучше понимал закономерности исторического процесса. Это в равной мере относится и к Н. С. Трубецкому, который был плохим историком языка. Лишь Якобсону удалось творчески соединить синхронию и диахронию. Как историк языка он выше Дурново и Трубецкого<sup>40</sup>.

**1 декабря.** Занят обработкой для печати статьи «Славянский язык в Валахиях». Объем — два листа.

**3 декабря.** Отпечатаны билеты и афиши заседания памяти Селищева. Виноградов потребовал, чтобы его доклад о Селищеве-русисте был первым. В этом сказала мелочная природа Виноградова<sup>41</sup>. Свое чванство он ставит выше сути дела. Смешно в первую очередь говорить о Селищеве-русисте. Он должен и сам это отлично понимать.

**7 декабря.** Вчера в Доме ученых состоялось заседание памяти Селищева. Было много народу. Немного испортил заседание Виноградов, который выступал первым и говорил долго и безо всякой системы. Жаль, что Аванесов пригласил Виноградова участвовать в заседании. Он не имел никакого отношения к Селищеву. Интересный доклад прочитал Дмитриев. Хорошо говорил Аванесов, плохо Петерсон и Черных. О моем докладе судить не мне.

**10 декабря.** Чествование памяти Селищева вызвало в Отделении литературы и языка отрицательное отношение<sup>42</sup>, думаю, что по инициативе Лебедева-Полянского и Державина. Обнорскому за его участие в заседании сделали замечание. Он оправдывался тем, что якобы в своем выступлении попытался умалить роль Селищева в развитии советской славистики. В этом сказался весь Обнорский — чиновник 14 класса. Принято решение опубликовать все доклады в одном из очередных выпусков «Докладов и сообщений филологического факультета». Издание специального сборника откладывается на неопределенное время.

**21 декабря.** Ректором университета в 1928 г. был Андрей Януарьевич Вышинский. Однако уже было известно, что он переходит на новую, более ответственную работу. Деканом историко-этнологического факультета был Вячеслав Петрович Волгин, который пользовался на факультете большим уважением и авторитетом. Всегда корректный, вежливый, изысканно одетый, Вячеслав Петрович всегда внимательно выслушивал студентов, давал дельные советы. На историческом отделении он читал историю социалистических идей. Русская речь его была безупречной.

Функции заместителя декана выполнял профессор А. С. Орлов, о котором я уже писал выше. Он принимал у меня вступительный экзамен по истории русской литературы. Неряшливо одетый, грузный, он любил собирать вокруг себя студентов и рассказывать им скабрзные анекдоты. Знал он их превеликое множество и умел рассказывать. Совсем не помню его лекций. Позже он был избран действительным членом Академии наук, переехал в Ленинград, где с большим успехом

читал курс древнерусской литературы. Он был опубликован отдельной книгой. Секретарем факультета был профессор М. В. Сергиевский, специалист в области романского языкознания. Он был фактическим руководителем факультета, так как ни Волгин, ни Орлов факультетскими делами не занимались. По всем вопросам академической жизни факультета нужно было обращаться только к Сергиевскому. На литературном отделении он читал основные лингвистические курсы по романскому языкознанию и вел практические занятия по чтению древних текстов. Из профессоров и доцентов факультета назову следующих: философы и психологи – [Н. А.] Карев, [В. Ф.] Асмус, [Я. Э.] Стэн, [Л. А.] Маньковский, [К. Н.] Корнилов; экономисты – [И. И.] Рубин, [Н. Н.] Любимов, Кацнеленбоген, Гермаидзе; историки – [Е. А.] Мороховец, [Н. М.] Лукин, [Е. А.] Косминский, [Г. М.] Пригоровский, [С. В.] Бахрушин, [А. Н.] Штраух, [М. К.] Любавский, [С. Д.] Сказкин; археологи – [В. А.] Городцов, [Б. С.] Жуков; этнографы и этнологи – [П. Ф.] Преображенский, [А. Н.] Максимов, [В. К.] Никольский; антропологи – [В. В.] Бунак, [Я. Я.] Рогинский; литературоведы – [В. Ф.] Переверзев, [П. С.] Коган, [И. Н.] Розанов, [И. И.] Гливенко; лингвисты – [Д. Н.] Ушаков, [А. М.] Селищев, [Г. А.] Ильинский, [И. Г.] Голанов, [В. А.] Гордлевский, [Н. К.] Дмитриев, [Н. Ф.] Яковлев, [М. Н.] Петерсон, [Л. И.] Жирков и др. Это все были штатные члены факультета. Я не упоминаю случайных лекторов, которые читали факультативные курсы на почасовой оплате.

24 декабря. Я появился на свет Божий в городе Баргузине, что на реке Баргузин, восточном притоке<sup>43</sup> Байкала. По сибирским масштабам река Баргузин представлялась нам небольшим ручьем. Позже, когда я познакомился с реками Европейской России, я изменил свое отношение к родной реке. Длина Баргузина почти 400 километров. Возле города ширина реки около 200 метров. Я и мои товарищи еще в самом раннем детстве легко переплывали Баргузин. Любимым развлечением была рыбная ловля. Рыболовством занимались на левом берегу реки. Сам город расположен на правом берегу. Город был основан при Алексее Михайловиче в 1648 г. в 60 километрах от восточного побережья Байкала. Баргузин – это не только река, но и город. Это, кроме того, сильный ветер на озере. Весь русский народ знает каторжанскую песню «Эй, баргузин, пошевеливай вал». В данном случае речь идет именно о ветре. По свидетельству энциклопедии, Баргузин – старейшее поселение Забайкалья. Первыми жителями Баргузина были охотники (главным образом на драгоценного соболя, лучшего в мире), золотоискатели, беглые. Край был богатый, привольный. Позже сюда понаехали служилый люд, военные. Очень рано здесь появилось еврейское население, преимущественно золотопромышленники. Точно неизвестно, когда в Баргузине появились ссыльные. В начале XIX в. они здесь уже были. Баргузин не был острогом, т. е. не был обнесен стеной. На первых порах ссыльные должны были селиться за пределами города, но позже это ограничение было снято.

Среди наиболее известных ссыльных здесь был декабрист В. К. Кюхельбекер. Он пробыл в Баргузине с 1835 по 1838 г. В Баргузине он женился на мещанке Дросиде Ивановне Артеновой, по матери бурятке. Известно, что 3 августа 1836 г. Кюхельбекер из Баргузина написал письмо Пушкину<sup>44</sup>. О баргузинском периоде жизни Кюхельбекера сохранилось очень мало достоверных фактов. Большую помощь ему здесь оказывал его брат Михаил Карлович, также участник декабристского движения. Сохранились некоторые дневниковые записи В. К. Кюхельбекера. Вот одна из них: «Я узнал тут очень хорошее, мне не знакомое русское слово –

крушец, “металл”, особенно прилагательное от него; крушцовый можно было бы предпочесть длинному, вялому, противному свойству русского языка – металлический». 19 января 1838 г. Кюхельбекер был переведен из Баргузина в Акшу.

Немало в Баргузине отбывало ссылку народников, социал-демократов, эсеров. Они превратили этот забытый Богом город в культурный центр северо-восточного Забайкалья.

Отец был сослан сюда в конце 1909 г. после завершения каторги на Амурской колесухе<sup>45</sup>. Мать была коренной баргузинкой. Она была членом РСДРП с 1905 г., знакома со знаменитым Александровским централом<sup>46</sup>, выполняла ответственные поручения партии, участвовала в организации побегов из тюрем, закупила оружие в Японии и мн. др. Отец попал на каторгу как член партии «Бунд»<sup>47</sup>, но еще на каторге стал большевиком. Мать примыкала к меньшевикам. Мое детство пало на тот период, когда различия в политической программе не сказывались на личных отношениях. Конечно, речь идет о членстве в левых партиях.

27 декабря. Завершил составление плана славянского отделения. Вчера он всесторонне обсуждался на заседании Ученого совета. Получил полное одобрение. Я. М. Металлов требовал значительного увеличения часов на русскую литературу и введения курса истории западной литературы. По сетке часов это все можно сделать только за счет специальных предметов. Я выступил решительно против. Большинство членов совета меня поддержало. Пока реализовать наш учебный план легко. Но что будем делать через год–два? Совсем нет славистов-литературоведов. Кто будет читать историю чешской литературы? Чтение истории сербской литературы я пока возьму на себя. Этот курс я читал дважды еще в ИФЛИ<sup>48</sup>. Самым бессовестным образом пересказывал Поповича и Скерлича. Осенью 1944 г. на первый курс прием полонистов и болгаристов. Польский язык будет преподавать А. С. Посвянская. Пока она преподает русский язык, но аспирантуру проходила по польскому языку. Этим языком она хорошо владеет с детства. Уже начала исподволь готовиться к занятиям. Труднее с болгарским языком.

29 декабря. Первоочередной задачей является организация подготовки славистов через аспирантуру. Без этого нельзя решить проблему кадров. Пока в аспирантуру нужно брать способных русистов. Другого пути нет.

31 декабря. Подходит к концу 1943 год. Война еще в полном разгаре, хотя ее благополучный исход для нашей страны уже ни у кого не может вызвать сомнений. Думаю, что это ясно уже и немцам. Все работают с большим подъемом и думают уже о послевоенном времени. Конечно, еще наш народ несет большие потери. Часто получали сведения о гибели наших бывших студентов. Особенно много их погибло при форсировании Днепра<sup>49</sup>. На 1944 г. у меня много планов. Его будем встречать вдвоем с Олей. 1943 год мы встречали в Свердловске, а 1942 год я встречал один в Ашхабаде.

### Примечания

<sup>1</sup> Выдержки из текста этой и других глав, посвященные истории поступления и учебе С. Б. Б. в МГУ, уже опубликованы. См.: *Бернштейн С. Б.* Из «Зигзагов памяти» / Публикация А. Н. Горяинова и М. Ю. Досталь // *Славяноведение*. 1998. № 1. С. 89–100.

<sup>2</sup> Так Московский государственный университет именовался в 1918–1930 гг. в связи с существованием в Москве Второго и Третьего университетов.

<sup>3</sup> М. Ю. Лермонтов родился в доме генерал-майора Ф. Н. Толя, стоявшем на месте нынешнего высотного здания у Красных ворот, который снимала бабушка поэта Е. А. Арсеньева.

- <sup>4</sup> Красные ворота – каменные триумфальные ворота, сооружены в 1753–1757 гг. (архитектор Д. В. Ухтомский). Снесены в 1928 г. вместе с церковью Трех Святителей, теперь здесь сквер.
- <sup>5</sup> Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев действовало в Москве в 1921–1935 гг. Имело 50 филиалов в СССР. Издавало журналы «Каторга и ссылка» (1921–1935 гг.) и «Бюллетень» (1930–1933 гг.). Общество обеспечивало материальную и социальную поддержку своим членам и стимулировало изучение истории революционного движения в России. Ликвидировано по постановлению ЦИК СССР в июне 1935 г. Многие члены Общества позднее были репрессированы.
- <sup>6</sup> На углу Большого и Малого Харитоньевских переулков до начала 1930-х годов стоял деревянный дом (начала XIX в.), известный как «дом Татьяны Лариной». Ныне здесь – сквер с памятником академику С. А. Чаплыгину (1960 г.).
- <sup>7</sup> Дворец князя Н. Б. Юсупова (1750–1831) находится ныне по адресу: Б. Харитоньевский пер., д. 21. (Сейчас здесь работает Президиум РАН.) В левом флигеле дома родители Пушкина проживали в 1801–1803 гг. Позднее поэт увековечил хозяина дворца в стихотворном послании «К вельможе» (1830).
- <sup>8</sup> Знаменитые диспуты наркома просвещения А. В. Луначарского и главы русской обновленческой церкви А. И. Введенского об отношении к религии проходили в Москве в 20-е годы. О лекциях Луначарского см.: *Бернштейн С. Б. О Луначарском (по данным дневниковых записей) // Славяноведение. 1993. № 1. С. 79–85.*
- <sup>9</sup> Корректнее назвать А. И. Введенского главой обновленческой русской церкви.
- <sup>10</sup> См.: *Сережников В. К.* Кант. М.; Л., 1926.
- <sup>11</sup> Московский институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова (МИНХ) располагался по адресу: Стремянный пер., 28. Ныне это Российская экономическая академия.
- <sup>12</sup> См.: *Баум Я. Д.* Андрей Соболев перед военным судом // *Каторга и ссылка. 1927. № 6 (35). С. 193–203.* В статье наряду со сведениями о суде над писателем А. Соболев публиковались документы о его осуждении совместно с участником революционного движения в России Б. С. Бернштейном.
- <sup>13</sup> Французский писатель Проспер Мериме издал в 1827 г. литературную мистификацию, книгу «Гусли», в которой, познакомившись с рядом сочинений о Далмации, Хорватии, Боснии и Герцеговине и их народной поэзией, удачно стилизовал фольклор южнославянских народов. «Гусли» привлекли внимание Гете, Пушкина, Мицкевича. А. С. Пушкин перевел некоторые из баллад на русский язык, придав подделке Мериме подлинный дух славянской поэзии. Они вошли в его цикл «Песни западных славян», опубликованный в 1835 г. В примечании опубликовано письмо П. Мериме С. А. Соболевскому от 18 января 1835 г., в котором французский писатель признался в своем авторстве.
- <sup>14</sup> Имеется в виду не письмо Н. В. Гоголя, а письмо В. Г. Белинского к нему (1847) с резкой критикой книги Гоголя «Избранные места из переписки с друзьями».
- <sup>15</sup> Мать С. Б. Б., урожденная С. М. Дубникова, по семейному преданию, вместе с Е. М. Ярославским помогала в организации побега Л. Д. Троцкого. Впоследствии именно Ярославского она считала главным виновником ареста и гибели мужа.
- <sup>16</sup> Этот эпизод более подробно С. Б. Б. описал в статье: *Бернштейн С. Б. Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века) // Советское славяноведение. 1993. № 1. С. 79–85.*
- <sup>17</sup> Книга О. Вайнингера «Пол и характер» («Geschlecht und Charakter: Eine principielle Untersuchung». Wien, 1903) вызвала диаметрально противоположные оценки и ожесточенную полемику. Она неоднократно переводилась на разные языки (на русский впервые в 1907 г.), ее разбору посвящено значительное количество работ.
- <sup>18</sup> По-видимому, речь идет об известной книге А. Фореля «Половой вопрос» («Die sexuelle Frage»), впервые опубликованной в Мюнхене в 1905 г. на немецком языке. Книга несколько раз выходила в русском переводе в России и СССР.
- <sup>19</sup> Карманный чешско-русский словарь. С приложением кратких сведений по грамматике чешского языка / Сост. Н. Н. Дурново, при участии А. Грулина. 25 тыс. слов. М., 1933. 1234 стб.
- <sup>20</sup> Высылка более 160 «оппозиционных» интеллигентов из РСФСР состоялась в сентябре 1922 г. по прямому указанию В. И. Ленина. Среди них: экономисты С. Н. Прокопович, Н. Н. Зворыкин,

социолог П. А. Сорокин, юрист П. И. Новгородцев, историки А. А. Кизеветтер, А. В. Флоровский, В. А. Мякотин, писатели, критики, журналисты М. А. Осоргин, Ю. И. Айхенвальд, А. С. Изгоев, И. А. Матусевич, зоолог М. М. Новгородцев, философы Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Н. О. Лосский, С. Н. Булгаков, И. А. Ильин, Ф. А. Степун, Л. П. Карсавин и др. Готовили акцию Ф. Э. Дзержинский и ГПУ, о чем сообщалось в «Правде» от 31 августа 1922 г. Пароход с большинством высылаемых был отправлен в Штеттин, затем ученые были доставлены в Берлин и оттуда разъехались по разным странам. Россия лишилась цвета своей интеллигенции.

- <sup>21</sup> Союз русского народа – разветвленная организация черносотенцев в России, – образован и имел центр в С.-Петербурге. Существовала в 1905–1917 гг. (руководители А. И. Дубровин, В. М. Пуришкевич и Н. Е. Марков), организовывал еврейские погромы в России.
- <sup>22</sup> Классик «серебряного века» В. Я. Брюсов (1873–1924) основал в Москве в 1921 г. Высший литературно-художественный институт (ВЛХИ), получивший после смерти поэта его имя.
- <sup>23</sup> Славянская комиссия АН СССР (основана в 1942 г.) работала под руководством академика Н. С. Державина в качестве временного центра развития славяноведения в СССР. Объединяла славистов разных специальностей. В конце 1946 г. вошла в состав вновь организованного Института славяноведения АН СССР. Подробнее см.: *Досталя М. Ю.* Славянская комиссия Академии наук СССР (1942–1946) // Славянский альманах. 1996. М., 1997. С. 107–129.
- <sup>24</sup> Здание школы на Бронной (Большая Бронная, д. 6) построено в 1935 г.
- <sup>25</sup> Подробнее о событиях в истории Болгарии этого периода см.: Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней. М., 1987. Гл. XX.
- <sup>26</sup> О смерти А. М. Селищева С. Б. Б. узнал из письма В. В. Бородич от 13 декабря 1942 г. Она, в частности, писала: «Умер Афанасий Матвеевич 6/XII в 3 [часа] дня в больнице им. Склифосовского, куда был положен за несколько дней до смерти. Он долго решительно не хотел ложиться в больницу, но желание жить и надежда на то, что в больнице под наблюдением врачей ему будет лучше, заставили его согласиться на больницу. До последней минуты он был в сознании, но не сознавал того, что умирает, умер очень тихо, без агонии. Свинаярева (о которой вы, вероятно, уже слышали) пришла к нему за минуту до смерти; он обрадовался ей, протянул навстречу руку и смог произнести два раза: «Как хорошо, что ты пришла, как хорошо», – и все было кончено. Сегодня состоялась кремация тела Афанасия Матвеевича, которая оставила грустное и тяжелое впечатление – не только от самого факта, но и отношения к этому факту окружающих. Немногие, очень немногие, должна я с прискорбием сказать, понимают, кого мы потеряли в лице Афанасия Матвеевича. Многие, особенно администрация, не только равнодушно, по-моему, просто бездушно отнеслись к этой смерти. На похоронах народу было немного. Студенты не пришли, не пришла и администрация (никого не было и из НКП), гроб окружали только аспиранты нашего и Гос. пед. ин-та и немногие профессора и преподаватели. Венков, очень пышных, было много – от университета, от Наркомпроса, Гос. пед. ин-та, от нашего Института, но приятнее было бы, если бы было больше людей. Были речи – говорил Петерсон, Сергиевский и Кубиков (от Гос. пед. ин-та) и аспирантка Широкова (славистка). Все продолжалось не более 20-ти минут. Да, забыла сказать, что вскрытие показало ошибку врачей – у Афанасия Матвеевича не было рака печени и желудка, как думали врачи, а только рак почки, а ведь почку можно было вырезать и хоть м. б. ненадолго, но все же продлить эту такую нам всем нужную жизнь».
- <sup>27</sup> С. Б. Б. готовил докторскую диссертацию на тему «Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. Язык валашских грамот XIV–XV вв.», которую защитил в декабре 1946 г.
- <sup>28</sup> Коларовский болгарский национальный район с центром в селе Коларовка (бывшая Романовка) существовал в 1925–1939 гг. в Днепропетровской области УССР. В 1939 г. территория района вошла в состав Запорожской области.
- <sup>29</sup> С. Б. Б. не написал статьи на указанную тему. Частично этот план был реализован в статье: *Бернштейн С. Б.* Славянская филология в Московском университете // Московский университет. 1946. 18 марта.
- <sup>30</sup> *Никитенко А. В.* Моя повесть о себе самом и о том, чему свидетелем в жизни был. Записки и дневник (1826–1877). СПб., 1893. Т. 1–3. 2-е изд. 1904–1905. Полное издание «Дневника» в 3-х томах увидело свет в 1955–1956 гг.

- 31 См.: *Бернштейн С. Б. Селищев – балкановед* // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. М., 1947. Вып. 4. С. 11–30.
- 32 Статья не была опубликована.
- 33 Всеславянский комитет в Москве был основан в 1941 г. Председателем его был утвержден генерал А. С. Гундоров. Во время войны ВСК организовал 4 антифашистских всеславянских митинга. Осуществлял связи со славянской эмиграцией в странах Европы, Америки, Австралии, содействовал формированию славянских воинских частей на территории СССР. С июня 1942 г. издавал журнал «Славяне». В декабре 1946 г. участвовал в организации и проведении Славянского съезда в Белграде. Тогда же был преобразован в Славянский комитет СССР с филиалами в Киеве и Минске. Просуществовал до 1962 г., когда его функции были переданы Советскому комитету защиты мира.
- 34 Статья под таким названием не была опубликована. Сборник в честь Селищева в то время в свет не вышел. См.: *Бернштейн С. Б. К вопросу об источниках славянской письменности в Валахиях* // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М. 1947. Т. 6. Вып. 2. С. 125–135.
- 35 «Русско-болгарский словарь» вышел из печати в 1944 г.
- 36 См.: *Стойков Ст. Показалец на обнародваните материали по българска диалектология* // Сб. БАН. София, 1937. Кн. 31.
- 37 *Бернштейн С. Б. Серболужицкая литература* // БСЭ. М., 1944. Т. 50. С. 849; *Он же. Сербская литература* // БСЭ. Т. 50. С. 850–853; *Он же. Сербский язык* // БСЭ. Т. 50. С. 854–855.
- 38 БСЭ. М., 1945. Т. 51. С. 376–378.
- 39 «Литературная энциклопедия» выходила в 1929–1939 гг. За это время вышли тома 1–9 и 11 (содержат статьи до буквы Ф). Том 10 сохранился в верстке, по которой воспроизведен в Мюнхене в 1991 г. После войны издание продолжено не было. Издание «Краткой литературной энциклопедии» было начато в 1962 г.
- 40 О методологии сравнительной грамматики славянских языков и вкладе в ее развитие Селищева, Дурново, Трубецкого, Якобсона С. Б. Б. имел свое мнение, расходящееся подчас с мнением других современных специалистов.
- 41 О В. В. Виноградове см.: К 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова // Вестник РАН. 1995. № 1. С. 65–81; *Аннушкин В. И. В. В. Виноградов: штрихи к портрету ученого* // Русская словесность. 1991. № 1. С. 40–47 и др.
- 42 Отрицательное отношение академиков к А. М. Селищеву в этот период, видимо, связано с тем, что в 1934–1937 гг. он был репрессирован и обвинение с него еще не было окончательно снято.
- 43 Так у С. Б. Б.
- 44 См.: *Переписка А. С. Пушкина. В 2-х т. М., 1982. Т. 2. С. 247–250.*
- 45 Амурская колесуха – колесная дорога между Хабаровском и Благовещенском. Построена в 1898–1909 гг. силами арестантов. Длина 2000 км.
- 46 Александровский централ – каторжная тюрьма в с. Александровское, близ Иркутска. Открыт в 1873 г. как уголовая тюрьма, с 1891 г. использовался для содержания политзаключенных. С 1904 г. стал военным госпиталем, с 1906 г. – вновь тюрьма. С 20-х годов – концлагерь, затем до 1950-х годов – тюремный изолятор.
- 47 Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России) – социал-демократическая еврейская организация (1897–1921 гг.), с 1906 г. вошла в состав РСДРП на началах автономии. Стояла на позициях меньшевизма.
- 48 МИФЛИ, ИФЛИ – Московский институт философии, литературы и истории имени Н. Г. Чернышевского (1931–1941). Объединил ряд гуманитарных факультетов после реорганизации МГУ. В 1939 г. С. Б. Б. был приглашен туда из Одессы Д. Н. Ушаковым на кафедру русского и славянского языкознания после ухода А. М. Селищева. В 1941 г. в эвакуации в Ашхабаде МИФЛИ был слит с МГУ.
- 49 Кровопролитная битва за Днепр происходила с 25 августа по 23 декабря 1943 г. В результате этой успешной операции войск Красной Армии был освобожден Киев.

## 1944

**5 января.** Доклады о Селищеве будут опубликованы в четвертом выпуске «Докладов и сообщений филологического факультета». Президиум Академии наук принял решение о создании Института русского языка<sup>1</sup>. Получил приглашение от С. П. Толстова прочитать доклад в Институте этнографии об этногенезе румын. Дал согласие.

**14 января.** Вчера у Винокура «прорабатывали» Петра Григорьевича Богатырева. Дело в том, что он на днях делал доклад в Институте этнографии на тему «Принципы экспозиции в этнографическом музее Копенгагена»<sup>2</sup>. Пришло очень много музейных работников, этнографов, искусствоведов, археологов. Я пришел вместе с Богатыревым и сидел почти рядом с ним. Большой зал был переполнен. Уже через 15–20 минут я увидел недоумение и досаду. Через 30 минут многие начали покидать зал. Дело в том, что милый Петр Григорьевич говорил о многом, но не об экспозиции Копенгагенского музея. Здесь были обрывки случайных воспоминаний, не имеющих никакого отношения ни к Копенгагену, ни к музейному делу, ни к экспозиции. Он принес с собой несколько альбомов, которые могли посмотреть лишь сидящие рядом с докладчиком. Конечно, был полный провал. К концу доклада в зале осталось всего несколько человек. Некоторые покидали зал шумно и демонстративно. Мне было ужасно стыдно за Петра Григорьевича. Был лишь один человек, который отнесся ко всему совершенно спокойно, который даже не понял, что произошел скандал. Это был сам Петр Григорьевич. На правах близкого друга Григорий Осипович крепко «пощипал» Богатырева. Не знаю, будет ли польза? Петр Григорьевич беспечно улыбался и разглядывал книги. Для меня Богатырев – загадка.

**27 января.** Вчера в Славянской комиссии АН СССР читал доклад о болгарской колонизации в Южную Россию во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг.<sup>3</sup> Написана эта работа была еще до войны на основе материалов Одесского исторического архива. Вероятно, большинство этих материалов погибло во время румынской оккупации Одессы. Выступавшие бессодержательно хвалили доклад. Строго говоря, среди присутствующих не было ни одного специалиста по истории Бессарабии и Новороссии. Когда-то Державин интересовался этими вопросами<sup>4</sup>, но все давно забыл.

**1 февраля.** Сегодня в Институте этнографии выступил с докладом, в котором рассмотрел некоторые проблемы, имеющие непосредственное отношение к этногенезу румын. Присутствовали всего десять человек. Председательствовал Толстов. Слушали внимательно. Были прения, но это были прения глухих. В. К. Никольский и Н. Ф. Яковлев утверждали, что румыны в равной степени являются романцами и славянами. Никольский даже заявил, что пора румын зачислить в славянскую группу. Несусветную яфетическую чушь нес председатель. Я зло огрызнулся. Больше не буду выступать в этом гнезде марровского мракобесия.

11 февраля. По заданию Института языка и мышления АН СССР завершил работу над «Грамматическим очерком болгарского языка». Институт принял решение издать краткие грамматики зарубежных славянских языков в связи с острой потребностью в таких пособиях. «Очерк болгарского языка» имеет 15 страниц. На днях передал рукопись в дирекцию. Над очерком сербского языка работает П. С. Кузнецов<sup>5</sup>. Замучил меня бесконечными вопросами. Думаю, у него будет интересным раздел фонологии.

14 февраля. Сегодня вместе с Г. О. Винокуром выступил официальным оппонентом на кандидатском диспуте А. Г. Широковой. Тема диссертации: «Происхождение земплинско-унгского говора словацкого языка»<sup>6</sup>. Тему дал еще Селищев, под руководством которого Широкова начала свою аспирантуру. Завершила свою диссертацию Широкова уже под наблюдением Р. И. Аванесова. Защита проходила в Ученом совете Городского педагогического института. Защита прошла успешно. Все голосовали за присуждение ученой степени.

17 февраля. Впервые я покинул Баргузин вместе с матерью и сестрой осенью 1915 г. Ехали мы еще до снега вдоль восточного побережья Байкала до станции Татаурово. Здесь из повозки пересели в поезд, на котором поехали в Читу. Поселились за городом, в психиатрической больнице, где мама получила работу. Здесь мы прожили до весны 1916 г. В памяти сохранилось мало воспоминаний.

Много интересных для меня воспоминаний сохранилось от второго пребывания в Чите, которое длилось от марта 1923 г. по сентябрь 1925 г. Здесь я окончил пятый, шестой и седьмой классы средней школы. Здесь окончательно сформировались мои гуманитарные интересы, здесь я прочитал много интересных книг, которые сыграли существенную роль в моем интеллектуальном развитии. К 1924 г. относятся мои первые опыты самостоятельного «творчества». Большую роль в развитии моих интересов сыграл учитель словесности Орлов. Он учил нас понимать текст, анализировать его, развивал наш вкус. Обычно все это он делал на пушкинских текстах. «Если вы научитесь понимать и ценить Пушкина, – говорил нам Орлов, – вы самостоятельно сможете глубоко познакомиться с творчеством других писателей и поэтов. Трудно самостоятельно спускаться вниз, копаться глубоко, подниматься легче». Для Орлова вся русская литература заключалась в Пушкине. Пушкин для него был не только гениальный поэт и писатель. Он воплощал в себе всю Россию. С какой лютой ненавистью он говорил о Дантесе. Это был его самый непримиримый враг в жизни. Он не мог спокойно говорить о друзьях Пушкина, которые после дуэли не проклинали убийцу. Практически Орлов жил жизнью Пушкина. Никогда я позже не встречал ничего подобного. У него в библиотеке было прижизненное издание «Русалки». Оно хранилось в специальном стеклянном футляре. Помню, он не прощал нам малейшего отклонения от пушкинского текста. Для него все пушкинские тексты были священными.

3 марта. Вчера весь вечер просидел в гостях у Л. А. Булаховского. Он вместе со всем коллективом Украинской Академии наук в настоящее время живет в Москве<sup>7</sup>. Булаховский живет в гостинице «Балчуг». Ждет переезда в Киев. Я обратился к Леониду Арсеньевичу с просьбой прочитать на славянском отделении несколько лекций для студентов первого и второго курсов. Он отказался, сославшись на отсутствие книг. «Давно я уже не читал славистических курсов, основательно отстал. Нужно будет готовиться», – сказал Булаховский. Настроение у него тяжелое. Постоянно находится в подавленном состоянии. До него дошли



сведения, что значительную часть библиотеки похитил его харьковский ученик Шевелев, который активно сотрудничал с оккупантами, а затем уехал на Запад. Пропало много рукописей. Леонид Арсеньевич считает, что потерял не менее десяти лет. Согласился на Ученом совете выступить с докладом по некоторым вопросам сравнительной грамматики славянских языков.

Сегодня много думал о научной деятельности Булаховского. В молодые годы он получил серьезную подготовку в области сравнительного языкознания под руководством Эндзелина в Харькове. Учитель был строгий и надежный. Молодой ученый основательно овладел обширным материалом балтийских и славянских языков. Было для него очень полезным сравнительно краткое общение в Перми с профессором К. Бугой. Многочисленные статьи Булаховского 20-х годов внесли много нового в славянскую акцентологию. В 30-е годы направление его научной деятельности претерпело существенные изменения. Славистика ушла на задний план. Ученый перешел в русское языкознание. Теперь он стал автором многочисленных учебников весьма среднего уровня. Еще хуже его книги и статьи по истории русского литературного языка. Наша немногочисленная семья славистов потеряла отличного ученого<sup>8</sup>.

«Кому теперь нужна славистика?» – уныло сказал мне Булаховский. Говорили о Селищеве. Слишком велики были различия между этими двумя учеными. Селищев был отличным историком языка, Булаховский же прежде всего компаративист, который обычно проецирует архетипы на одну плоскость. То, что было очень важным для Селищева, Булаховского оставляет равнодушным. Однако, несмотря на все различия, Леонид Арсеньевич дал высокую оценку трудам Селищева. Нашей беседе основательно мешала жена Булаховского, Татьяна Даниловна, которая непристойно флиртовала с молодым красивым художником. Я видел, как все это раздражало Леонида Арсеньевича.

**7 марта.** Для «Ученых записок» факультета должен подготовить статью на основе седьмой главы моей диссертации под названием «История именного склонения во влахо-болгарских грамотах XIV–XVI вв.»<sup>9</sup> Срок 1 мая. Объем – три листа.

**14 марта.** Вчера получил из издательства «Советская энциклопедия» заказ для справочника «Балканские страны» на статьи: «Болгарский язык», «Сербохорватский язык», «Словенский язык»<sup>10</sup>.

**29 марта.** На днях Д. Влахов на очередном заседании Славянской комиссии АН СССР делал доклад «Македонский вопрос». С Влаховым я уже встречался прежде, много обсуждал различные аспекты балканской политики. Уроженец Македонии (г. Кукуша), Влахов играет крупную роль в политической жизни Балкан, в деятельности коммунистических партий нескольких стран. С 1935 г. живет в Москве. Его позиция по македонскому вопросу мне хорошо известна. Тем не менее я пошел на доклад, так как меня больше заинтересовала реакция на доклад других членов Славянской комиссии. Влахов повторил свои основные положения по данному вопросу, которые можно кратко сформулировать следующим образом. Генетически коренное население Македонии является болгарским. История Македонии является органической частью истории Болгарии. Вот почему буржуазные ученые Болгарии во многом ближе к истине, нежели сербские ученые, которые извращают подлинные факты в угоду политическим интересам господствующих классов Югославии. Однако существует одно существенное отличие между подлинным положением и взглядами болгарских ученых. Начиная с XIX в. на-

чался процесс обособления македонцев от болгар. Они стали чувствовать себя самостоятельной нацией. Процесс этот был длительным и сложным. О нем четко свидетельствуют Петко Славейков в своей статье 1870 г.<sup>11</sup>, настроения многих представителей македонской интеллигенции второй половины XIX в., важные исследования Кр. Мисиркова и его последователей. Мы, коммунисты, решительно выступаем против аспираций болгарской буржуазии захватить Македонию. Наш лозунг: «Македония для македонцев!», т. е. для славян, влахов, греков, албанцев, турок, населяющих Македонию. В будущей балканской федерации Македония должна быть самостоятельным государством, она должна объединить все земли в границах исторической Македонии<sup>12</sup>. После доклада наступило длительное молчание. Первым слово взял я, осветив лингвистический аспект македонской проблемы. В центре моего выступления стоял вопрос о македонском литературном языке. Влахов с большим вниманием слушал этот раздел моего выступления. После меня говорили Франич и Густинчич, которые решительно отвергли основные положения докладчика о прошлом Македонии и македонских славян. Никаких доказательств они предложить не смогли. Беличизм<sup>13</sup> сидит крепко даже в югославских коммунистах. После них выступил с кратким и очень неквалифицированным словом болгарский коммунист Р. Караколов. Последним говорил Державин. Он вспоминал свою книгу по македонскому вопросу<sup>14</sup>, говорил о своих симпатиях к болгарскому народу, ругал Белича, утверждал, что в современной Македонии живут болгары, а затем совершенно неожиданно сказал, что поддерживает тезис болгарской компартии о самостоятельной македонской нации. Это полностью противоречило основному содержанию первой части его выступления. В заключение Державин сказал, что необходимо издать монографию о македонских говорах. Все это выглядело очень странно.

**2 апреля.** Сегодня купил «Сборник финляндской литературы», вышедший под редакцией Брюсова и Горького<sup>15</sup>. Чудесная книга. Дает полное представление о важнейших явлениях не только литературы, но и культуры. Приложена подробная библиография. Вот бы подготовить аналогичное издание о болгарской литературе. Нужно подумать об этом.

**3 апреля.** Пошел, наконец, в набор «Русско-болгарский словарь»<sup>16</sup>, который отнял у меня очень много времени. Основную картотеку подготовил Кара-Иванов, которая показала, что составитель плохо знает русский язык и совсем не знаком с теоретическими и практическими вопросами лексикографии. Первоначально я отказался от редактирования, но позже, под нажимом моих болгарских друзей, должен был согласиться. Существенно улучшить работу я не смог. Главная моя задача состояла в выявлении ошибок в русском языке. Это отняло у меня массу времени. Пришлось поработать и над болгарской частью словаря, так как Иван Генчевич куда-то уехал. Об этом все таинственно молчат.

**17 апреля.** Вчера состоялось в круглом зале университета заседание памяти Д. Н. Ушакова. 13 апреля исполнилось ровно два года со дня смерти Дмитрия Николаевича в Ташкенте. Вступительное слово об Ушакове сказал Л. В. Щерба. Это была самая лучшая речь Щербы. Во всяком случае, ничего подобного от Щербы я прежде не слышал. Он сумел найти необыкновенные слова об ученом, с которым сам Щерба при жизни не был близок. Г. О. Винокур прочитал доклад о языке одной книжки, изданной в конце XVIII в. Она дает интересный материал для изучения истории ярославского говора. М. В. Сергиевский сделал доклад,

посвященный топонимике Бессарабии. Доклад не произвел впечатления скандального, так как слушатели незнакомы с предметом. В докладе были вопиющие ошибки. Некоторые совсем новые наименования сел, названные по имени недавних владельцев, докладчик возводил к началу XIX в. Поразительно! И этот человек будет оценивать румынскую часть моей диссертации.

**18 апреля.** Очень плохо идут занятия по сербскому языку на первом курсе. Преподавательница Григорьева не понимает элементарных вещей. На будущий год необходимо от нее освободиться. Только бы найти хорошего преподавателя.

**21 апреля.** Я не сразу отказался от мечты стать философом. Первые три месяца на первом курсе я в основном занимался философскими предметами. Общий курс диалектического материализма для студентов всего первого курса читал Н. Карев. Теперь трудно поверить, но тогда в огромной Коммунистической аудитории нужно было заранее занимать место. На меня сильное впечатление произвели его две лекции о Канте. Особенно интересной была вторая лекция, целиком посвященная анализу «Критики чистого разума». В лекции было много неожиданного и убедительного. Карев хорошо показывал, как часто Кант боролся с некоторыми своими положениями. Окончательный удар по моим философским иллюзиям был нанесен преподавателем Маньковским. Он руководил на этнографическом отделении семинарием, участие в котором было обязательным. Фактически это был просеминарий, на котором читались очень элементарные доклады на 20 минут. Темой моего доклада был Гельвеций. Я очень плохо знал этого великого французского философа и поэтому решил познакомиться с его идеями. В октябре 1928 г. я основательно засел за изучение произведений Гельвеция. Уже первая консультация у Маньковского меня насторожила. Он мне посоветовал самого Гельвеция не читать, прочесть о нем в общих историях философии, а также изучить труды Плеханова о французских материалистах: «Положите в основу труды Плеханова». Однако я так работать не привык. Я познакомился с основными сочинениями ученого, начал штудировать капитальную французскую монографию Кайма<sup>17</sup>. В этой монографии мне не все было понятно, и я попросил новой консультации у руководителя. Во время консультации выяснилось, что наш уважаемый философ не знает французского языка. Маньковский сильно рассердился на меня. «Хватит умничать, – заявил он, глядя на меня злыми глазами, – я вам сказал: “Ограничьтесь Плехановым”». Я, однако, не послушался и продолжал упорно готовить серьезный доклад. Наконец пришло время, когда я должен был ошеломить однокурсников своими философскими познаниями. Мой доклад продолжался больше часа. По реакции участников семинария я видел, что мой доклад производит на них сильное впечатление. Маньковский молча делал пометки в своей книжке. По принятому обычаю в семинарии назначался один оппонент. Мой оппонент дал очень высокую оценку докладу. Выступили еще двое в таком же духе. Все они сказали, что мне следует перейти на философский цикл. Я с нетерпением ждал заключительного слова Маньковского. После выступления руководителя я ясно понял, что такое диаматчик, о котором говорил Сержников. Руководитель долго говорил об опасности читать буржуазных авторов, что наша задача – крепко усвоить труды марксистов, их идеи. От нас никто не требует самостоятельных суждений о марксистской теории, где уже все ясно. Не приведя ни одного доказательства, он начал обвинять меня в идеализме и прочих грехах. Однако, не желая обострять отношений со всей группой, он дал общую положительную оценку. После доклада я решил навсегда похоронить мечты стать

философом. Позже я понял, что это было единственное разумное решение не только потому, что в те годы нельзя было заниматься свободным творчеством в этой области человеческой деятельности. Став старше, я смог более объективно оценить потенции своего интеллекта, лучше понять свои возможности и свои подлинные склонности. Конечно, я не родился философом.

23 апреля. Совершенно неожиданно, через несколько дней после сдачи «Русско-болгарского словаря» в типографию, начался набор рукописи. Сегодня был в 19-й типографии и видел набор до слова «вешалка». При таком темпе словарь может выйти из печати летом. Это было бы своевременно, так как осенью будем набирать студентов-болгаристов. Собрал большой и разнообразный материал, на основе которого можно будет написать статью «История звательной формы в словацких говорах». На днях впервые читал «Парижские письма» Макса Нордау<sup>18</sup>. Острый ум, блестящий стилист!

25 апреля. Поразительная фигура в нашем языкознании Иван Иванович Мещанинов. Пышный цветок старого бюрократического Петербурга. Старая карьеристская школа помогла [ему] в новых условиях. После революции удачно использовал имя академика Марра. Проявляет большое рвение в области археологии – экспедиции, раскопки, Кавказ, изучение ванских надписей<sup>19</sup>. В конце 20-х годов становится лучшим комментатором теорий Марра, о которых получить представление из первоисточников чрезвычайно трудно и сложно. В 1932 г. в числе кандидатов в академики в газете «Известия» была опубликована фамилия Мещанинова. Это вызвало негодование во многих коллективах лингвистов в разных городах. В Академию наук были направлены отрицательные отзывы из различных учреждений. По поручению коллектива Городского педагогического института отрицательный отзыв о научной деятельности Мещанинова был написан мной и Аванесовым. Но победил всесильный в те годы Марр. Большинство академиков проголосовало за этого ставленника основателя яфетической теории. После смерти Марра в конце 1934 г. в языкознании он занимает его место, но руководит вяло и бесцельно. В Президиуме считается удобным академиком, который беспрекословно и пунктуально будет выполнять все решения руководства. Сказывается старая петербургская выучка. Избирается академиком-секретарем. Недавно торжественно отмечалось его 60-летие. Получает высший орден. Сталинский лауреат<sup>20</sup>. Человек замкнутый и, кажется, лишенный страстей. Но это только так кажется. Страсти есть – честолюбие и водка. Ничего другого нет, даже женщин.

28 апреля. Вчера на широком заседании всех лингвистических кафедр Городского педагогического института прочитал доклад о славяно-румынских языковых отношениях. Услышал несколько лестных отзывов, но и только. Давно уже не читал докладов, чтобы хвалили или ругали с пользой для дела. Нет в Москве квалифицированной лингвистической общественности, нет ни славистов, ни балканистов. Я остро чувствовал свое одиночество в Одессе, но в Москве... Нужно все создавать! Хватит ли на это сил и способностей?

3 мая. На днях много беседовал с Вячеславом Петровичем Волгиным. Вспоминали времена, когда он был деканом историко-этнологического факультета, и более близкие события – март прошлого года в Свердловске. Речь шла о моем зачислении в докторантуру Академии наук. Казалось, что все было решено и согласовано, а приказа о моем зачислении не появлялось. Начальник отдела кадров при Президиуме Н. К. Каратаев долго тянул резину. На мои вопросы отвечал

уклончиво и неопределенно. Наконец я понял, что Каратаев приказа о моем зачислении не выпустит из своего отдела. Тогда я пошел к Волгину и рассказал ему о действиях Каратаева. Он тут же при мне вызвал его по телефону к себе и прямо в моем присутствии поставил вопрос о том, почему до сих пор нет приказа о зачислении в докторантуру С. Б. Бернштейна. Каратаев ответил, что этот вопрос он бы хотел обсудить с Волгиным без свидетелей. Волгин резко оборвал его, заявив, что все уже обсуждено и есть решение о зачислении Бернштейна в докторантуру. Академик Державин дал согласие быть консультантом. Каратаев заявил, что Державин живет в Казани и не сможет осуществлять систематического руководства. Этот аргумент Вячеслав Петрович отменил самым решительным образом: «Если человеку нужна систематическая помощь, то ему еще рано писать докторскую диссертацию. Можете в приказе указать, что консультантом назначается академик Волгин». Мрачный Каратаев, понурился, покинул кабинет Волгина. Наступило молчание, после которого Вячеслав Петрович только сказал: «Грязный антисемит»<sup>21</sup>. Через несколько дней появился приказ о моем назначении в докторантуру. Жизнь Волгина была полна взлетов и падений, но об этом в другой раз<sup>22</sup>.

19 мая. Идут гранки русско-болгарского словаря. Набор приличный. Словарное издательство обратилось ко мне с предложением взять на себя редактирование болгарско-русского словаря. Составители – болгары, плохо знающие русский язык: Т. С. Луканов и Е. П. Тинева. Торопят со статьями для справочника «Балканские страны». Но это лишь для того, чтобы эти все статьи несколько лет лежали бы в редакции. Нет бумаги, даже клея для переплета.

24 мая. Давно уже думаю о подготовке к печати своих лекций по сравнительной грамматике славянских языков<sup>23</sup>. Конечно, сперва нужно завершить весь цикл работ, связанный с изучением языка славянской письменности в Валахии. Курс лекций следует готовить небольшими выпусками. Первый будет включать введение и вокализм, второй – консонантизм, третий – интонацию и ударение, четвертый – словообразование, пятый – склонение, шестой – местоименное склонение, седьмой – глагол, восьмой – простое предложение, девятый – сложное предложение, десятый – лексику. Хорошо бы сперва издать каждый выпуск на правах литографированного курса.

26 мая. Написал рецензию на книжку «Художественная литература славянских народов», составленную весьма небрежно. Думаю послать ее в газету «Литература и искусство»<sup>24</sup>.

28 мая. Отчетливо сохранились в памяти события, связанные с провалом Деборина, Фриче и Лукина во время выборов в Академию наук в январе 1929 г. На различных заседаниях в университете, в Коммунистической академии происходили грубые призывы ликвидировать махровое гнездо контрреволюции, шире открыть дорогу в Академию наук марксистам. Много было в эти дни опубликовано статей в газетах и журналах, хотя тон их был сдержаннее устных выступлений. Этим трех «ученых» удалось протащить в Академию наук не только потому, что вторичное голосование было открытым, но и потому, что во втором голосовании участвовали только что избранные академики<sup>25</sup>. Лишь один из вновь избранных проголосовал против избрания Фриче, Деборина и Лукина. Это был популярный в Москве литературовед Павел Никитич Сакулин. Это было для многих полной неожиданностью, так как Сакулин принадлежал к тем старым московским литературоведам, которые старались применять марксистский

метод в литературоведении, вполне лояльно относились ко всем мероприятиям новой власти. Наступила тяжелая пора для Сакулина. Геннадий Николаевич Поспелов говорил мне, что последний год своей жизни Сакулин постоянно ждал ареста. Все это не прошло бесследно для могучего организма ученого: через год он скоропостижно скончался на извозчике в Ленинграде. Не лучше была судьба и трех героев. Фриче скончался через несколько месяцев, Деборин в 1931 г. был объявлен лидером меньшевистствующего идеализма, представители которого были «агентурой врагов социализма на философском фронте». Лукин был арестован в 1936 г. и лишь после XX съезда был посмертно реабилитирован.

30 мая. В первых числах сентября 1925 г. закончился период моей читинской жизни. Отец получил назначение работать на Северном Сахалине. 15 апреля Япония вернула нам незаконно захваченную во время гражданской войны часть Сахалина. Отец выехал в Хабаровск, где был утвержден в должности начальника статистического управления Сахалина. Мы всей семьей охотно приняли решение ехать на сказочный остров. До Хабаровска ехали по железной дороге, а там пересели на пароход, который должен был доставить нас до Николаевска-на-Амуре. Поездка по Амуру никогда не изгладится из памяти. Особенно были красивы те места, где прямо над водой возвышались грандиозные гранитные скалы. Конечным пунктом нашего амурского путешествия был Николаевск-на-Амуре. Какое жалкое зрелище представлял собою этот город, точнее развалины города! Прошло уже несколько лет после злодейского разрушения города Тряпицыным, но он все еще лежал в руинах. Было очень мало жителей. Было холодно. Сильный ветер будоражил водную поверхность широкого устья Амура. Далеко на рейде стоял пароход «Георгий», который должен был доставить нас в Александровск-на-Сахалине (ныне Александровск-Сахалинский. – *Ред.*). Николаевск разрушался не один раз. За 35 лет до нас, в 1890 г., этот город видел Чехов. В своем известном описании Сахалина великий писатель пишет: «Николаевск был основан не так давно, в 1850 г., известным Геннадием Невельским... Теперь же почти половина домов покинута своими хозяевами, полуразрушена, и темные окна без рам глядят на вас как глазные впадины черепа. Обыватели ведут сонную пьяную жизнь и вообще живут впроголодь, чем Бог послал»<sup>26</sup>. Уже поздно вечером на катере нас доставили на «Георгий». Теперь предстояло недолгое морское путешествие с заходом в порт Де-Кастри. Чехов пишет: «Бухта прекрасная и устроена природой точно по заказу». Ночь была бурная, и шторм основательно травил. Утром мы приблизились к Александровску. Стали на рейде. И я увидел остов того шведского парохода «Атлас», о котором Чехов сообщает: «Гавани здесь нет и берега опасны, о чем внушительно свидетельствует шведский пароход “Atlas”, потерпевший крушение незадолго до моего приезда и лежащий теперь на берегу»<sup>27</sup>. И теперь, в 1925 г., он также лежал на боку возле самого берега. Через некоторое время катер доставил нас на берег. Еще в Чите я прочитал у Чехова, что в Александровске три тысячи жителей. Эту цифру мне назвали и теперь. Город, испытавший в эти годы столько разных событий, не вырос, остался таким же маленьким и деревянным. Мы поселились в хорошем деревянном доме в центральной части города. Наш хозяин Иван Абрамович Коврижных держал продовольственную лавку. Хитрый и хмурый старик, он в молодые годы отбывал здесь каторжные работы, а после остался на Сахалине, женился и жил безбедно. Дом был одноэтажный, но необычно высокий. Наши окна были на высоте окон бельэтажа. Сперва это нам показалось странным. Однако зимой мы оценили смекалку строителя. Первый

же сахалинский буран нанес столько снега, что сугробы закрыли наши окна. Тогда же мы оценили, почему все двери открываются в Александровске вовнутрь. Иначе открыть их после бурана было невозможно.

Через несколько дней я был принят в восьмой класс единственной в городе средней школы. В классе было всего десять учеников. Среди учителей резко выделялся своими личными качествами и педагогическим талантом учитель литературы А. И. Кравец, также новый житель острова. Болезненного вида, с впалой чахоточной грудью, с некрасивым испитым лицом, он мгновенно преображался во время занятий. Его сильный и звонкий голос мощно наполнял наш класс, когда он читал монолог Чацкого. Никогда не забуду, как он сильно прочитал письмо Кюхельбекера Жуковскому из сибирской ссылки. По его изможденному лицу текли слезы, мы плакали все. Свою главную задачу он видел в воспитании хороших людей. Профессионального театра в городе не было. Кравец организовал любительскую труппу, в которой сам был режиссером и первым актером. Никогда не забуду постановку «Овода» Войнич. Кравец поставил спектакль и исполнял роль кардинала Монтанелли. Сцену расставания с сыном в тюрьме перед казнью он провел на таком высоком эмоциональном накале, с таким профессиональным мастерством, что весь зал рыдал.

Население Александровска было разноликим. Коренных жителей из каторжан было уже не так много. Иначе – в селах, где почти все жители были в прошлом каторжанами или их ближайшими потомками. Не следует забывать, что каторга на Сахалине была отменена лишь 20 лет назад. Естественно, японское население покинуло северную часть острова. Правда, в городе осталось их не так мало. Они работали парикмахерами, ремесленниками, рыбачили, работали в консульстве. Вместе с японцами уехали белые эмигранты, представители старой русской администрации.

По неизвестной мне причине остался в Александровске Виктор Андреевич Горенко, брат известной русской поэтессы Анны Ахматовой<sup>28</sup>. В прошлом он был моряком, служил на «Авроре», бежал, воевал в армии Колчака. О его занятиях здесь до 1925 г. ничего не знаю. В мое время он зарабатывал преподаванием английского языка, а также преподавал оставшимся японцам русский язык. Виктор Андреевич отлично говорил на многих языках, в том числе и на японском. Я с ним встречался систематически, два раза в неделю, так как брал у него уроки английского языка. Это был человек гигантского роста с миниатюрной головкой.

Сразу же после ухода японцев сюда понаехало много советских служащих из различных городов Дальнего Востока. Мы были среди них.

Не дожидаясь наступления зимы, я начал систематически знакомиться с ближайшими окрестностями города, прежде всего с мысом Жонкьер и его тремя братьями. Посетил поселок Дуэ, где находились богатые залежи каменного угля. Там была японская концессия. Обо всех этих местах красочные записи оставил Чехов. За 35 лет существенных изменений не было заметно.

В конце 1925 г. получено было известие о самоубийстве Есенина. В те годы среди молодежи он пользовался большой популярностью. В этом не было большого вреда, так как в нем ценили прежде всего не пьяницу и хулигана, а выдающегося мастера. В те годы я любил его больше всех поэтов XX в. Меня поражала необыкновенная экономность выразительных средств поэта, умение несколькими словами сказать многое, самобытный и сочный язык. Под впечатлением трагической гибели

ли поэта я написал о «своем» Есенине большую статью и послал ее в местную газету «Советский Сахалин». Помню, она заканчивалась цитатой из Есенина:

Я отдал душу Октябрю и Маю.

Но лиры милой не отдам.

Конечно, статью не опубликовали. Однако редактор газеты (фамилия его была, кажется, Лебедев) обратил на меня внимание. Он предложил мне быть внештатным сотрудником газеты. В 1926 г. я опубликовал в газете несколько статей и заметок под своей фамилией, а также под нелепым и смешным псевдонимом Бердубов (мать носила свою девичью фамилию Дубникова). Были и публикации без подписи. Это были мои первые литературные опыты.

Одно время в городе начались систематические пожары. Горели главным образом так называемые фаршированные дома, построенные во время японской оккупации. Горели только по пятницам. Стало ясно, что это дело рук организованной шайки. Совершенно неожиданно расследование привело в нашу школу, даже в наш класс. После очередного пожара в класс зашла директор школы и попросила трех учеников пройти к ней в кабинет. Помню фамилии двух из них: Фомин и Собепанский. Больше мы их не видели до публичного процесса над ними. Они участвовали в поджогах, за что получали деньги. Была вскрыта разветвленная организация, состоявшая из местных уголовных.

Летом 1926 г. я предпринял несколько походов, посетил села Рыковское, Дербенское и другие. Познакомился с природой острова, которая меня поразила необычным сочетанием растений тропиков и тундры. Здесь росли бамбук, папоротник, гигантский лопух, карликовая береза. Дикая, но очень сладкая малина покрывала огромные площади, было много и другой ягоды. Я с детства привык к щедротам природы, но такого изобилия на сравнительно небольшой территории я прежде не видел. В моих походах по острову мне очень помогал велосипед японской фирмы, который мне купил отец.

В конце лета стало известно, что в нашей школе не будет открыт девятый класс, так как осталось всего три ученика. Всем нам дано было право ехать в Никольск-Уссурийск, в педагогический техникум. Это совсем не входило в мои планы, но другого выхода не было. Пришлось ехать. И вот мы трое (Ф. Золотов, С. Пушек и я) отплываем во Владивосток на пароходе «Монгугай» в осеннее штормовое время. Татарский пролив kloкочет от гнева, посылая на нашу слабую посудину гигантские волны. Но мы плывем, иногда кажется, ко всем чертям. Отдыхаем лишь в бухтах (Де-Кастри<sup>29</sup>, Императорской гавани и др.). В Императорской гавани нас на лодке подвозят к тому месту, где на дне лежит знаменитый фрегат «Паллада»<sup>30</sup>. Мы пристально смотрим в воду, но ничего не видно. Жаль! Наконец наши мучения подходят к концу: «Монгугай» входит в бухту Золотой рог. Посвятив два дня поверхностному осмотру Владивостока, мы поездом выезжаем в Никольск-Уссурийск.

1 июня. Год тому назад наш коллектив Московского университета вернулся из Свердловска. За этот год сделано много в разных направлениях. На днях на очередном заседании Славянской комиссии с докладом выступил один из старейших профессоров университета, уже давно пенсионер, Краснокутский. Откуда извлек его Державин? Думаю, что это дело рук Дитякина. Докладчик говорил о влиянии славянского обычного права на римское право. До начала доклада я подумал, что речь будет идти о влиянии славянского права на Кодекс Юстиниана. Каково же было мое



удивление, когда докладчик заговорил о V в. до н. э. Доклад был в основном «лингвистическим». Именно так сказал сам Краснокутский. Все его лингвистические рассуждения были на уровне Трелиаковского. Древнейшим населением Апеннинского полуострова были, конечно, славяне. Именно они дали наименование Сицилии (ср. слав. *сѣчь*) и т. д. На острове была славянская вольница типа Запорожской Сечи. Умбрский язык<sup>31</sup> был славянским языком. И все в таком же духе. Я первый взял слово и по возможности корректно показал, что метод докладчика был осужден в языкознании еще в начале XIX в. Нельзя решать поставленные профессором Краснокутским вопросы без специальной подготовки в области сравнительной грамматики индоевропейских и славянских языков. Говорил долго. Старик страшно озлился и в заключительном слове заявил, что от всей сравнительной грамматики пахнет немецким духом. С таким «ученым» спорить трудно. Юристы молчали. Лишь С. В. Юшков деликатно заметил, что юридических данных для подтверждения концепции докладчика нет. Под руководством Державина Славянская комиссия становится прибежищем махровых мракобесов, которые на славянской демагогии хотят кое-что заработать. Противно!

**9 июня.** В эти дни в университете проходит научная сессия, посвященная вкладу русской науки в мировую науку. Тематика определена настроениями сегодняшнего дня<sup>32</sup>. Сравнительно с представителями естественнонаучных дисциплин мы находимся в более благоприятных условиях, так как, конечно, вклад русских ученых в изучение славянства велик. Однако и наш факультет плохо подготовился к сессии. Не подготовлен доклад о вкладе русских ученых в изучение русского языка. Молодой математик Б. В. Гнеденко спросил меня: «Неужели русский язык в России не изучали?» Прочитанные доклады готовились наспех, много существенных пропусков, много фактических ошибок. Вчера читали свои доклады Державин и Петерсон. Особенно плох был доклад Петерсона. Сегодня пойду на доклад Н. К. Дмитриева о вкладе русских ученых в изучение языков Востока. Думаю, что это будет интересно.

**10 июня.** Был у меня Леонид Петрович Гроссман. Очень взволнован. Его заставляют быть оппонентом по докторской диссертации А. И. Ревякина, посвященной творчеству А. Н. Островского<sup>33</sup>. Гроссман – утонченный эстет и тонкий ценитель хорошего стиля – пришел в ужас от диссертации, написанной коряво и, конечно, бездарно. Но он оказался в трудном положении, так как С. К. Шамбинаго и Н. Л. Бродский дали положительные отзывы. Сергей Константинович написал восторженный отзыв, предполагают, что за штоф водки. Гроссман ждет моего ответа. Что делать? Я дал ему благоразумный совет: решительно отказаться от оппонирования. Я привел целый ряд доводов, которые как будто убедили Леонида Петровича. Однако сегодня он мне сказал, что у него не нашлось решимости последовать моему совету. Он выступит оппонентом и, конечно, даст положительный отзыв. Жаль старика! Природа наделила его утонченным вкусом, но не дала ему силы воли.

**12 июня.** Дал согласие участвовать в работе над болгарско-русским словарем. Я беру на себя составление нескольких букв и написание грамматического очерка. Ответственным редактором словаря будет Державин<sup>34</sup>.

**13 июня.** Как трудно давать однозначную характеристику людям! Хороший человек, плохой человек, добрый человек, злой человек и т. п. Конечно, встречаются в жизни законченные образцы, но очень редко. Обычно встречаемся с каким-то

сплавом разнородных качеств, которые, что особенно удивительно, могут выявляться почти синхронно. Таков, например, Н. К. Гудзий. Сколько людей считает его глубоко порядочным и очень хорошим человеком. И я бы мог привести немало примеров, подтверждающих это. Однако мне пришлось быть свидетелем некрасивых и предосудительных поступков Гудзиев. Он мог солгать, проявить чванство. Любил среди молодежи выдавать себя за крупного ученого. «Вот когда мы писали свои диссертации...» – любил говорить он, окруженный молодежью. Однако он никакой диссертации в своей жизни не защищал, и нет у него ни одного сочинения, которое он смог бы представить на степень доктора. Этой зимой он получил щелчок по носу: его провалили на выборах в члены-корреспонденты. Избрали В. П. Адрианову-Перетц. Он долго ходил как пришибленный. На днях на заседании Ученого совета факультета он заявил в связи с попыткой одного неуча защитить свою диссертацию. «Я не допущу его. Степень доктора нужно заработать. Это не Академия наук, куда может пролезть всякая шупера». Обидели старичка! А позови его туда, забудет все и вместе с этой шуперой без мыла ползет. Мне приходилось близко наблюдать Гудзия в 1941 г. в Москве, зимой 1942–1943 гг. в Свердловске в разных условиях жизни военного времени. Много было скверного и непорядочного<sup>35</sup>.

**22 июня.** Все настойчивее всплывает фракийская проблема<sup>36</sup>. После завершения своего валашского цикла займусь фракийцами. К сожалению, мало источников. Неужели к приходу славян на Балканы местное население забыло свой родной язык? Невероятно! Лексика фракийская не могла полностью исчезнуть, так как в славянских диалектах не было многих эквивалентов родной речи. Это относится прежде всего к обрядовой лексике, многим терминам общественной организации. «Балканский языковой союз» формировался в значительной своей части на фракийской основе. Много всякой ерунды о фракийцах пишет Державин, убежденный сторонник яфетической теории. Возможно, элементарным анализом Марра<sup>37</sup> он пользуется теперь один. Во всяком случае, Мещанинов уже давно забыл об этой стороне деятельности своего учителя.

**1 июля.** Наконец поступил в продажу VII том «Трудов» ИФЛИ, изданный перед самой войной. Весь тираж несколько лет пролежал на складах. В нем опубликована моя статья из кандидатской диссертации «Turco-Slavica. К изучению турецких элементов в языке дамаскинов XVII–XVIII вв.»<sup>38</sup> Не очень она теперь мне нравится. Сегодня говорил с А. М. Эфросом. Ну и болтун! Злой человек. Всех презирает. Делает исключение лишь для некоторых покойников (например, для Гершензона). Лицо сатира. Не скрою, желая его уколоть, я вспомнил знаменитое выступление Маяковского, в тезисах которого было: «ВЛКСМ или АМЭ» (т. е. Абрам Маркович Эфрос). Я хорошо помню это выступление в большой аудитории Политехнического музея. Однако эффект был совершенно неожиданным. Он попросил меня вспомнить все детали выступления<sup>39</sup>.

**3 июля.** Начал работать над статьей для одного издания Института этнографии. Тема: «Роль славянского элемента в формировании румынского народа»<sup>40</sup>.

**11 июля.** «Блестяще» прошла защита диссертации Ревякина. У Гроссмана в последний момент чувство порядочности взяло верх. Он отказался от оппонирования. Вместо него выступил оппонентом Кубиков. На днях так же «блестяще» прошла защита докторской диссертации Я. М. Металлова о творчестве Гейне<sup>41</sup>. У многих зрителей остался неприятный осадок от чрезмерных расхваливаний оппонентов. Все знают бездарность Металлова. Пора запретить защиту диссер-

таций в рукописи. При современном порядке можно защищать успешно всякую дрянь, так как никто из оппонентов работы не читает.

15 июля. Среди профессоров историко-этнологического факультета периода моего студенчества были люди талантливые и бездарные, эрудированные и почти безграмотные, преданные науке или типичные пройдохи, трудолюбивые и бездельники... Я не стану давать портреты всех членов факультета – это отняло бы слишком много времени. Ограничусь пока характеристикой этнологов и этнографов.

Яркой личностью был профессор Петр Федорович Преображенский. Ученик Р. Ю. Виппера, Преображенский в молодые годы специализировался в области античной истории. В 1926 г. вышла из печати его монография «Тертуллиан и Рим», написанная значительно раньше. После революции он должен был переквалифицироваться, так как специалистам по античной истории делать было нечего. Он избрал для себя две новые области, совсем не связанные между собой. Речь идет об этнологии и об истории эпохи империализма. На факультете для студентов этнографического отделения он читал общий курс этнологии, руководил специальным семинарием по истории этнологических идей, на историческом – в мое время – с большим успехом читал историю дипломатии эпохи империализма. Общий курс этнологии (в 1929 г. он был опубликован отдельной книгой – «Курс этнологии») внешне он читал блестяще. Поражали эрудиция, знание древних и новых европейских языков, память, отличное ораторское искусство. Часто он появлялся на кафедре в полупьяном виде, но это не мешало ему справляться со своими обязанностями. Преображенский обладал поразительной способностью художественного видения мира. Он рассказывал, а мы, студенты, отчетливо видели то, о чем он говорил. Его характеристики отдельных лиц всегда были точными и яркими. Его рассказы мы слушали, затаив дыхание. Он был подлинным кумиром студентов первого курса. Однако уже на старших курсах впечатление от общения с профессором было иным. Дело в том, что он часто отдалялся от подлинных фактов, приблизительно, а порой и совсем неверно, излагал суть теорий, которые он критиковал. Но это мы поняли лишь на старших курсах. А на первом курсе мы ему полностью доверяли. Особенно нам imponировало то, что Петр Федорович по ряду проблем первобытной истории критиковал Энгельса. В частности, он отрицал существование эпохи первобытного коммунизма.

В 1933 г. Преображенский был включен в состав нашей делегации на международный конгресс историков, который в этом году происходил в Польше<sup>42</sup>. Возглавлял делегацию академик Волгин, который очень ценил Петра Федоровича. Нужно иметь в виду, что в составе делегации было много серятины. Значительная часть членов делегации не владела иностранными языками, а рабочими языками были только английский, французский и немецкий. Белорусский историк Горин из этого положения вышел следующим образом. Он подготовил доклад о преследовании царским русским правительством поляков на польском языке. Этот язык не был рабочим, но его не только не прервали, но большие извлечения из доклада на другой день были опубликованы во многих газетах. На конгрессе Преображенский быстро сошелся с английскими историками, особенно с Темперлеем, крупным историком новейшего периода. Они вместе пьняствовали. Во время пребывания всех делегатов в Кракове в субботу англичане пригласили Преображенского съездить с ними в Вену. Воскресный день был свободный, а утром, в понедельник, они обещали доставить его целым и не-

вредимым в Краков. Он согласился, и англичане в своей машине тайно перевезли Петра Федоровича в Вену, где было организовано грандиозное пьянство. К несчастью, во время этого пьянства у Преображенского произошел острый приступ аппендицита. Его вынуждены были отвезти в больницу, где ему сделали срочную операцию. Англичане вернулись в Краков уже без Преображенского. Из больницы сообщили в советское посольство о Преображенском. Ситуацию, в которую попал Петр Федорович, не нужно комментировать. Кстати, пришлось оплатить валютой операцию и пребывание в больнице. Домой Преображенский вернулся уже прямо из Вены. В Москве его ждали неприятности, но до большого дела не дошло. Это с ним случилось через четыре года. Непосредственным поводом его ареста в 1937 г. послужило выступление гостя исторического факультета, знаменитого чешского ученого Грозного. На прощальном ужине чешский ученый сказал, что он не может согласиться с профессором Преображенским, который жаловался ему на то, что в Советском Союзе нельзя серьезно заниматься исторической наукой. «Мои впечатления, – сказал Грозный, – не подтверждают слов моего коллеги. У вас прекрасные условия для работы». Так он вынес смертный приговор Преображенскому. Последний был арестован и расстрелян.

Общий курс этнографии читал профессор А. Н. Максимов. На фоне молодого профессорского состава факультета Максимов выглядел глубоким стариком, хотя ему в 1928 г. еще не было и 60 лет. Он с трудом поднимался на кафедру, говорил тихим и старческим голосом. В молодые годы он был членом партии «Народное право»<sup>43</sup>, несколько лет пробыл в ссылке в Сибири и здесь заинтересовался этнографией. Писал статьи и заметки по различным вопросам быта коренных жителей Сибири для журнала «Этнографическое обозрение». Позже, в Москве, заинтересовался австралийцами, специально системой родства этих примитивных народов. К экзаменам мы все основательно учили эту систему, так как среди разных вопросов один был для всех обязателен: система родства у австралийцев. И здесь профессор не прощал самой незначительной неточности. Принимал экзамены профессор у себя дома, в Староконюшенном переулке, возле Арбата. Экзаменуемый садился в кресло, над которым возвышался настоящий иконостас. Вероятно, добрый профессор полагал, что в таком положении студенту помогает сам Бог. Усадив меня в это кресло, Максимов развернул мою зачетную книжку, увидел мою фамилию и задумался. Затем махнул рукой и сказал: «Ну, ладно. Может быть, и Вам поможет». И действительно, помогло: моими ответами Александр Николаевич был очень доволен. Умер Максимов от рака перед войной. Большого следа в науке он не оставил.

Кроме П. Ф. Преображенского различные курсы по этнологии читал в то время доцент Владимир Капитонович Никольский, или просто Капитошка, как звали его не только студенты, но и профессора. В 1928 г., еще совсем молодым, Никольский имел какой-то потертый вид, постоянно вертелся, гримасничал, крутил пальцами. Он только что вернулся из научной командировки во Францию, где изучал новейшие труды французских этнологов, встречался с Л. Леви-Брюлем. Университет Никольский закончил перед самой революцией. Под руководством М. К. Любавского специализировался в области истории русской церкви и раскола. Конечно, сразу же после революции бросил эту специальность, которая в новых условиях могла бы принести одни огорчения. А он совсем не склонен был огорчаться. Несколько лет неопределенных блужданий, пока, наконец, в 1923 г. он не остановился на истории первобытного общества. Обладая большими способ-

ностями, он за короткий срок приобрел известную начитанность. Никольский не стал этнографом, так как был органически чужд всяким формам полевой экспедиционной работы. Он мог работать только с книгами. Несколько лет упорного труда, и на свет появилась книга «Очерки первобытной культуры»<sup>44</sup>. Это была талантливая, яркая компиляция. На русском языке такой книги еще не было. Она получила широкое распространение, несколько раз переиздавалась, автор даже получил за нее премию, что в те годы было очень редким явлением. На этнографическом отделении Никольский вел семинарий, вел его интересно. Я был участником этого семинария и читал там доклад «Происхождение огня». Владимир Капитонович под свежим впечатлением от пребывания в Париже без конца с увлечением рассказывал нам о городе, об университете, о своих встречах с Леви-Брюлем и другими французскими учеными.

Во всей своей «красе» Никольский раскрылся в годы коренной перестройки университета в 1929–1931 гг. Он активно поддерживал все левацкие мероприятия студенческих организаций, клеветал и доносил на своих коллег. Он совершенно равнодушно отнесся к тому, что многие профессора университета перестали с ним здороваться. Более того, он даже использовал это в своих корыстных целях. «Со мной перестали общаться враги советской власти за то, что я стою на революционных позициях», – говорил Никольский на погромных сборищах. В этот период он подружился лишь с одним Н. Ф. Яковлевым, фруктом такого же рода.

После окончания университета я в течение длительного времени не видел Никольского и ничего о нем не слышал. Неожиданно встретил его с женой летом 1937 г. Я сперва не понял причины его радости от встречи со мной. Однако через несколько минут все стало ясно: он с женой приехал в Одессу на два дня раньше начала рейса по Черному морю на теплоходе «Грузия» и не может найти пристанища в городе. Я их пригласил к себе. Жена Капитошки была очень красивой и породистой женщиной. Со своим мужем она обращалась довольно небрежно и даже высокомерно. Он, однако, не унывал и весело ухмылялся. Она была его второй женой. На другой день он оставил нас одних на длительный срок. После его возвращения я заметил у него на лбу небольшой рог.

В памяти не сохранились возможные встречи с Никольским в 1939–1940 гг. Зато отчетливо помню нашу встречу на Казанском вокзале 25 октября 1941 г. В этот день я покидал Москву. Сотрудникам университета и МИФЛИ был предоставлен эшелон отличных пассажирских вагонов. Я неожиданно оказался в одном купе с Никольским и его женой. Ее нельзя было узнать. На ее лице отчетливо отпечатались следы разврата и алкоголя. От нее сильно пахло вином. Оба супруга сразу же начали ругаться. Неожиданно в купе появилась новая женщина.

– Володя, с каким трудом я нашла наше купе, – сказала вновь прибывшая. – Где мое место?

Глаза жены Никольского загорелись зеленым гневом.

– А вы, собственно, кто такая? – хриплым голосом спросила она.

– Я жена Владимира Капитоновича.

– Жена!!! Я тебе покажу, какая ты жена! Вон отсюда!

– Володя, неужели ты не можешь оградить меня от этой хулиганки?

На все эти препирательства двоеженец спокойно отвечивал:

– Вот что, дорогие дамы! Разбирайтесь сами, а я уйду. Я смогу взять с собой только одну жену. Кто это будет, решайте сами. Мне безразлично.

После этого он встал, резко хлопнул дверью и вышел из купе. Я взял свои вещи и перешел в другой вагон. Позже я узнал, что подлинная жена Никольского покинула поезд, осталась в Москве, а с нами поехала его любовница.

В Ашхабаде подвиги Никольского прославили его на весь город. Перечислять их все нет желания. Вот один, типичный. Он сообщил, что летит в Ташауз читать лекции. По его словам, там на рынке дешево стоит рис. Он взял у многих лиц деньги и уехал. Там на все эти деньги он накупил рис. У него было официальное разрешение на провоз риса для профессоров Московского университета. Вернувшись в Ашхабад, он через подставных лиц продал весь рис на местном рынке по высоким ценам, а занятые деньги вернул, сказав, что в Ташаузе никакого риса нет. О его уголовном походе во время переезда из Ашхабада в Свердловск напишу в другой раз. Последний раз видел его в 1953 г. за несколько дней до его смерти. Умер он от инфаркта 60-ти лет. Этой вонючей личности давно никто не вспоминает.

Борис Матвеевич Соколов. Это имя было хорошо известно в те годы в Москве. Он был организатором и директором этнографического музея в городе, часто выступал с публичными лекциями. На нашем факультете он представлял восточно-славянскую этнографию. В прошлом он вместе со своим братом-близнецом Юрием Матвеевичем занимался фольклором, издавал тексты, но затем перешел в этнографию. Во время моего обучения он читал общий курс восточнославянской этнографии со значительным уклоном в область белорусской этнографии. Кроме того, вел небольшой просеминарий, посвященный белорусской народной одежде. С профессором мы часто встречались в этнографическом музее на Калужской (теперь в этом здании находится Президиум Академии наук), где все студенты этнологического отделения проходили практику. Борис Матвеевич был добрым, обаятельным человеком. К судьбе каждого студента он относился с большим вниманием и заинтересованностью, не жалел времени на консультации и советы. А времени оставалось совсем мало: в начале лета 1930 г. в сорокалетнем возрасте Борис Матвеевич скончался от нефрита<sup>45</sup>.

Сходство между Борисом Матвеевичем и Юрием Матвеевичем было поразительным даже для близнецов. Мы, студенты, различали их по портфелям. Однако мы скоро узнали, что эти два человека похожи только внешне. Юрий Матвеевич был пустым и холодным человеком. Он плохо и небрежно читал общий курс фольклора, который на факультете не пользовался успехом. В 1929–1930 учебном году чтение курса было прекращено, так как студенты перестали посещать лекции. Говорят, что позже, уже в ИФЛИ, он читал этот курс лучше.

26 июля. Вышла из печати небольшая книжка Н. С. Державина о связях русского и болгарского народов<sup>46</sup>. Очень мало Николай Севастьянович заботится о своей научной репутации. Для начинающего молодого ученого такая книжка явилась бы началом конца. А академик спокойно может печатать любую гиль. Сколько фактических ошибок, сколько важных для темы пропусков!

Мои аспиранты дают мало радости. Серость безысходная. На днях сделал весьма ценное приобретение – купил за 600 р. словарь болгарского языка Герова в хорошем состоянии<sup>47</sup>.

2 августа. Из печати вышел новый опус Державина: «Происхождение русского народа»<sup>48</sup>. Производительность невероятная. Читать не стал. М. Н. Тихомиров сказал, что макулатура. Как странно устроен мозг Державина. Типичный графоман: только бы печатать, печатать, а что печатать?...

**12 августа.** В Москве существует военный Институт иностранных языков. Начальником Института является генерал Н. Н. Биязи. Мало похож на советских генералов: хорошо воспитан, отлично одет, хорошо владеет русским языком, говорит на нескольких иностранных языках, много в прошлом жил за границей, занимая дипломатические должности военного атташе. На днях он пригласил меня к себе и предложил возглавить в Институте кафедру славянских языков. Он сказал, что Институт имеет большие издательские возможности. От предложения Биязи я отказался, но согласился быть членом Ученого совета Института.

**20 августа.** Завершил статью «Славянские языки» для сборника «Славяне»<sup>49</sup>, который готовит Институт этнографии. Статья популярная, предназначенная не для лингвистов. Сборник будет носить этнографический характер. Как они в Институте справятся с этой задачей? В Институте нет специалистов по этнографии зарубежных славян. Будет очередная халтура. Но это все в стиле неугомонного Толстова. Сергея Павловича помню еще со студенческих времен. Он ходил всегда в длинной шинели, в кубанке, носил усы, непрерывно курил страшно вонючий табак и громко громил всяческих врагов. От него шел тошнотворный запах грязного белья. Пальцы рук были желтого цвета от курева. Он поставил перед собой задачу уничтожения этнографии и, в конце концов, заняв должность директора Института этнографии, успешно ее осуществил. Практически этнографии у нас сейчас уже нет. Сам он теперь занимается археологией<sup>50</sup>.

**27 августа.** В «Известиях ОЛЯ» напечатано сообщение о моей грамматике болгарского языка<sup>51</sup>. Многие возмущены тем, что в заметке сообщена фамилия только редактора академика Державина, а фамилии автора нет. Все это в стиле нашего времени.

**29 августа.** В середине месяца в «Правде» была опубликована статья «Насилия болгарских властей над советскими гражданами»<sup>52</sup>. В ней сообщается, что еще в начале текущего года болгарские власти послали в оккупированную Одессу делегацию во главе с Кузуповым, которая занималась организацией переселения многочисленного болгарского населения нашей страны в Болгарию. В результате действий болгарской делегации совместно с румынскими оккупантами было переправлено насильственным путем в Болгарию больше 600 семейств болгар, советских подданных. Все они обязаны были отказаться от советского гражданства. Неужели перевезут все болгарское население? У меня нет точных данных о числе советских болгар, но только в Приазовье их несколько десятков тысяч. Еще в 1935 г. я начал систематическое изучение языка болгарских колонистов на Херсонщине и в Таврии. Увлекательная и очень нужная работа. Хотелось бы ее продолжить после войны.

**1 сентября.** Наступил второй год существования нашего славянского отделения. Старшая чешская группа – теперь уже группа третьего курса. Младшая чешская и сербская группы – второго курса. Теперь открыты две новые специализации: польская и болгарская. Польский язык будет преподавать моя старая знакомая – Адель Соломоновна Посвянская. Думаю, что она успешно справится со своей задачей. Хуже с болгарским языком. Хороших преподавателей нет. Я пригласил свою ученицу, Веру Владимировну Бородич. Она специализируется в области грамматики старославянского языка, хорошо знает болгарскую грамматику. Но она очень плохо практически владеет живым болгарским языком. Думаю, что она и плохой преподаватель. Но выбора не было. Пока вынужден брать

то, что есть. Мои худшие опасения о преподавании «Введения в славянскую филологию» оправдываются. Фактически курс читает Дитякин. Это не университетский курс, а политический барабан. Уже среди студентов ходят разные анекдоты о Дитякине. Студенты рассказывают, что Дитякин носит галоши [за] Державин[ым]. Возможно!

Из печати вышла новая статья Державина «Древние славяне и фракийцы»<sup>53</sup>. Очень, очень слабо. Автор совсем не знает многих важных работ, опубликованных в разных странах в 30-е годы. Еще до публикации Николай Севастьянович попросил меня прочитать рукопись и высказать свои замечания. Все свои замечания я изложил в письменном виде на нескольких страницах. Когда я передал ему свои замечания, было уже поздно – прошла корректура. Я был огорчен. Автор меня успокаивал следующим образом: «У меня все равно не было бы времени воспользоваться вашими ценными замечаниями». Но зачем, в таком случае, печатать? Странно.

**5 сентября.** Был на докладе В. П. Коларова в Октябрьском зале. Было много болгар. Речь шла о событиях на Балканах. Вечером после возвращения домой я узнал, что наша страна объявила войну Болгарии. На докладе я встретился с Д. Влаховым, который попросил меня в письменном виде изложить все свои соображения о македонском литературном языке. Скоро он будет в Македонии, и ему важно иметь мнение авторитетного специалиста-языковеда, стоящего в стороне от острых национальных проблем Балкан. «Ваши соображения, которые вы высказывали на моем докладе, мне представляются совершенно верными. Однако мне известно, что в настоящее время в Македонии сильна группа, которая ориентируется на скопский диалект и на сербский литературный язык. Мне очень важно получить текст, на который я мог бы опираться». По его словам, этот текст ему будет нужен через несколько дней. Я обещал выполнить просьбу.

**11 сентября.** Из Болгарии приходят интересные новости. В острые моменты истории народ может играть большую роль<sup>54</sup>. Сегодня передал Влахову текст под названием «Несколько замечаний о македонском литературном языке». Исхожу из следующих положений. Новый литературный язык должен опираться на самые характерные, типичные говоры, отражающие самые существенные признаки македонского языка. Новый литературный язык должен существенно отличаться как от болгарского языка, так и от сербского. Поэтому в основе македонского литературного языка должны лежать говоры Прилепа, Битоли и соседних областей. Это соответствует и традиции, идущей как от братьев Миладиновых, так и прежде всего от Кр. Мисиркова. Пытался свои положения обосновать по возможности популярно. Не знаю, что из этого получится.

**13 сентября.** Сдал в печать обширную программу по истории и диалектологии чешского языка<sup>55</sup>.

**16 сентября.** Наконец завершил окончательный текст болгарской грамматики. По возможности учел некоторые замечания рецензентов. Рукопись для печати утвердил ее редактор Державин. Теперь все будет зависеть от типографии и издательства. В «Труды» Славянской комиссии отдал статью «Болгарская иммиграция в Россию во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг.»<sup>56</sup> Обещал еще восьмую главу из диссертации. Готовлю том «Трудов» кафедры славянской филологии МГУ<sup>57</sup>. Много работаю над курсом истории и диалектологии чешского языка.



**5 ноября.** Историю чешской литературы начал читать А. И. Павлович. С этим человеком я познакомился еще в 1930 г. Тогда он после аспирантуры по польскому языку в РАНИИОНе<sup>58</sup> где-то преподавал русский язык. В 1934 г. был арестован по делу славистов<sup>59</sup>. Сейчас, после завершения срока, живет в Рязани. Приезжает в Москву на один-два дня для чтения лекций. Это ему по нашему ходатайству разрешено. Пока читает очень плохо, но выбора нет. Он сам мне сказал, что ему было бы значительно легче преподавать польскую литературу, но нам нужна чешская. Польскую литературу в будущем учебном году, возможно, будет преподавать Г. Вольпе.

**17 ноября.** Богатырев по моей просьбе читает курс славянской этнографии. Жалобы студентов. Сегодня был на очередной лекции. Все было ужасно. Почему-то речь шла об орнаменте на коже, но и это изложено было сумбурно. Поразительно устроена голова у Петра Григорьевича. Очень много знает, бывают интересные мысли, но...

**19 ноября.** После своего злополучного доклада о Гельвеции хожу как в воду опущенный. Что делать? Лекции по литературоведению В. Ф. Переверзева, И. И. Гливенко, П. С. Когана и др. вселяют уныние. Скука смертная. Лекции по историческим дисциплинам не лучше. Историю России читает Е. А. Мороховец. Внешность импозантная, высокий лоб мыслителя, строгий взгляд. Курс начинается с конца XVIII в. и [доводится] до начала первой мировой войны. Подробно излагается экономический аспект. Профессор подробно рассказывает о внешней торговле, о развитии промышленности, о сельском хозяйстве, о земстве. О наполеоновских войнах сказано скороговоркой несколько слов, о декабристах и того меньше. Профессор пишет на доске массу цифр, рисует таблицы и диаграммы, которые показывают размеры выплавки стали перед началом русско-японской войны. Читаются лекции в Коммунистической аудитории, а слушателей почти нет. На лекции Н. М. Лукина по истории Западной Европы не хожу, жаль зря терять время. Пока я во власти этнографии, но желания заниматься этнографией нет. Мы, первокурсники, уже должны определить свою специализацию, но все еще ходим как слепые цыганята. Случайно попал на лекцию профессора В. А. Гордлевского. Скучно! Рекомендуют идти на кавказский цикл, изучать северокавказские языки. Нет желания. В первых числах ноября по совету одного старшекурсника иду слушать лекции профессора Селищева по введению в славянскую филологию. Иду без всяких надежд, так как о славянах не имею ни малейшего понятия...

Никогда не изгладится в моей памяти первое впечатление от встреч с Селищевым. Я пришел на очередную лекцию курса «Введение в славянскую филологию» для студентов-славистов первого курса. Профессор читал в небольшой аудитории в здании возле консерватории (ул. Герцена, 11). Теперь это здание целиком занимает юридический факультет<sup>60</sup>. Помню и содержание первой лекции. В ней речь шла о переселении славян на Балканский полуостров. Впечатление было очень сильным. Не от содержания лекции, а от личности профессора. О нем нельзя сказать, что он читал лекцию. Глагол «читать» здесь неуместен. Он взволнованно и убежденно общал нас сведения, без знакомства с которыми нельзя жить, которые важнее всего окружающего. Так думал профессор, так очень скоро начали думать и мы, его студенты. Самым главным во всем его облике, в его поведении была какая-то магическая сила, неуемная страсть. Он мало напоминал по манере чтения профессора. Перед нами стоял проповедник, который призывал нас к подвижнической жизни.

Такого чтения лекций ни до, ни после мне никогда не приходилось слушать. Мне сейчас, через много лет, очень трудно восстановить весь ход моих мыслей, еще труднее – чувств... Помню отчетливо лишь одно – после второй лекции я уверенно попросил в деканате зачислить меня на цикл южных и западных славян. Никогда позже я не жалел о принятом решении. Я не только нашел ту область занятий, для которой родился, но и встретил человека, человека необыкновенного, который стал моим духовным отцом. Теперь уже с ужасом вспоминаю о своем «философском прошлом». Какой же это умница Сережников! В ноябре я уже весь в объятиях своей новой специальности. Меня теперь волнуют проблемы, о существовании которых совсем недавно я не имел никакого представления.

**30 ноября.** Ни одна московская типография не может набрать мой грамматический очерк болгарского языка. Взятся помочь генерал Биязи. Он имеет возможность послать рукопись в Болгарию, где ее быстро наберут и издадут. Мне представляется это фантастичным. Я не очень доверяю этому генералу. Что-то в нем есть от Остапа Бендера. Однако рукопись ему передана.

**11 декабря.** До сих пор нет никаких сведений от Влахова. Он обещал мне написать. Жаль, если из всей нашей с ним затеи ничего не получится. Нельзя допустить, чтобы македонский литературный язык стал полусербским. Дошли сведения из Болгарии, что предстоит коренная реформа современной орфографии. В связи с этим посетил генерала Биязи и информировал его об этом. Нужно вернуть рукопись из Болгарии. Оказывается, она преспокойно лежит без движения в канцелярии Института. Ну и шельма же генерал! А как он торопил меня! Но нет худа без добра. Я забрал рукопись и буду теперь ждать реформы. Выпускать пособие в каун реформы бессмысленно. «Русско-болгарский словарь» уже, конечно, выйдет по старой орфографии. Он уже весь набран. Вчера наши газеты сообщили о президенте Сербской академии наук профессоре А. Беличе, который выступил с приветствием Советской России. Воистину неисповедимы пути твои, Господи!

**31 декабря.** Через несколько часов конец года. Прошел 1944 год интересно и содержательно. Уже мы все реально ощущаем, что скоро война закончится. Теперь наша армия бьет врагов на чужой территории. Я доволен результатами своего труда, хотя, конечно, хотелось бы сделать больше. Наконец вышел из печати словарь. Сильно задержал переплет. Нет клея. Нашли какой-то суррогат. Страшно воняет. Взял в руки словарь – мой с мылом! Достал очень мало экземпляров. Надеюсь, смогу позже купить – все ждут подношения. На днях умер Лев Владимирович Щерба. Умер академиком, хотя в этом звании был совсем недолго. Умер 64 лет. Фигура колоритная. Долго и упорно пробивался в академики. Хорошо помню его выдвижение на выборах в 1930 г. В члены-корреспонденты он был избран еще в 1924 г. благодаря активной поддержке академика Н. Я. Марра. Такой поддержки у академиков-славистов и русистов Лев Владимирович не имел. В те годы он был близок к Марру. С последним он систематически занимался некоторыми вопросами сравнительной грамматики индоевропейских языков. Щерба принимал участие в «Яфетических сборниках», в одном из них опубликовал статью о смещении языков<sup>61</sup>. Однако позже отношения между Марром и Щербой испортились. Это сказалося на результатах выборов в академики в 1930 г. Марр в это время был уже вице-президентом и имел большую власть. Именно он организовал поход против Щербы. Газета «Известия» в номере от 20 января 1930 г. писала о Щербе: «Вся послеоктябрьская деятельность профессора Щербы выявляет картину полного научного бесплодия, на которое обречены представители идеалисти-

ческой науки всех толков в новых условиях социалистической стройки. Опубликованные Л. Щербой за последние годы статьи преследуют в большинстве случаев лишь учебно-методические цели и к тому же носят крайне случайный характер... О том, до какой методологической слепоты дошел профессор Щерба в своих «научных этюдах», лучше всего говорит другая его статья в сб. «Русская речь» за 1928 г. («О частях речи в русском языке»), в которой наряду с методически ценными и остроумными мыслями, содержатся такого рода утверждения: «...Я не вижу ничего, что могло бы расколоть передовых, думающих лингвистов на два лагеря...» И это при той пропасти, которая отделяет традиционную лингвистику со всеми ее разновидностями от «школы» Марра и молодых марксистов-лингвистов... Академия наук – не убежище для реакционных теорий и их представителей в науке». Нет ничего удивительного в том, что Щербу прокатили на вороных. Такова же была судьба Н. Н. Дурново, но об этом в другой раз.

### Примечания

- 1 Решение об организации Института русского языка АН СССР на базе ленинградского Института языка и мышления (далее – ИЯМ) им. Н. Я. Марра и московского Института языков и письменности народов СССР было принято Президиумом АН СССР в декабре 1943 г. Новый институт начал свою работу в 1944 г.
- 2 Видимо, П. Г. Богатырев делился воспоминаниями и впечатлениями о посещении Этнографического музея в Копенгагене, где был в командировке по поручению Гослитмузея в 1938 г.
- 3 В докладе был использован материал статьи С. Б. Б., позже названной «Страница из истории болгарской иммиграции в Россию во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг.» (Ученые записки Института славяноведения (далее – УЗИС). М., 1949. Т. 1. С. 327–341).
- 4 См., например: *Державин Н. С.* Болгарские колонии в России. Т. 2. Язык. Пг., 1915.
- 5 «Краткий грамматический очерк болгарского языка» С. Б. Б. был приложен к «Болгарско-русскому словарю» (М., 1947), изданному под общей редакцией Н. С. Державина. План издания ИЯМ грамматических очерков болгарского (С. Б. Бернштейн) и сербского (П. С. Кузнецов) языков реализован не был.
- 6 Точное название диссертации А. Г. Широковой – «Восточно-словацкие говоры Земплинско-Унгского комитата (происхождение, состав)».
- 7 Некоторые гуманитарные институты АН УССР, например Институт языка и литературы (возглавлялся П. Г. Тычиной), в 1943–1944 гг. были переведены в Москву.
- 8 Труд Л. А. Булаховского «Исторический комментарий к литературному русскому языку» (Харьков, 1936), неоднократно переиздававшийся, не утратил своей ценности до сих пор. О масштабе научных интересов слависта могут дать представление пять томов его научного наследия: *Булаховский Л. А.* Избранные труды в пяти томах. Киев, 1975. Т. 1; 1977. Т. 2; 1978. Т. 3; 1980. Т. 4; 1983. Т. 5. См. также о Л. А. Булаховском: *Бернштейн С. Б.* Памяти Л. А. Булаховского // Краткие сообщения Института славяноведения (далее – КСИС) АН СССР. М., 1963. Вып. 38; *Білоді І. К.* Леонід Арсеніович Булаховський. Київ, 1968 и др.
- 9 Замысел статьи остался нереализованным.
- 10 Справочник «Балканские страны» вышел из печати в 1946 г. С. Б. Б. написал для него семь статей: Культурные связи болгар и русских. С. 374–376; Культурные связи сербов и русских. С. 178–179; Литература (болгарская). С. 365–368; Литература (сербская, хорватская, словенская). С. 157–166; Язык (албанский). С. 481; Язык (болгарский). С. 364–365; Язык (сербохорватский). С. 155–157.
- 11 С. Б. Б. имеет в виду статью Петко Славейкова «Македонский вопрос», опубликованную в газете «Македония» 18.
- 12 О решении македонской проблемы Д. Влахов писал в журнале «Славяне». См., например: *Влахов Д.* Македонские славяне сражаются за свою свободу // Славяне. 1943. № 11; *Он же.* Македонский народ в борьбе за свое воссоединение // Славяне. 1944. № 4.

- <sup>13</sup> С. Б. Б. так обозначает приверженность А. Белича просербским взглядам на македонскую проблему.
- <sup>14</sup> См.: *Державин Н. С.* Болгарско-сербские взаимоотношения и македонский вопрос. СПб., 1914.
- <sup>15</sup> Сборник финляндской литературы / Под. ред. В. Брюсова и М. Горького. Пг., 1917.
- <sup>16</sup> *Кара-Иванов И. Г.* Русско-болгарский словарь. М., 1944. С. Б. Б. принадлежит в нем очерк «О болгарском языке» (С. 4–5).
- <sup>17</sup> См.: *Keim F.* *Helvetius, sa vie et son oeuvre.* Paris, 1907.
- <sup>18</sup> По-видимому, речь идет об одном из изданий путевых впечатлений французского журналиста и писателя еврейского происхождения Макса Нордау «Aus dem Wahren Milliardenlande». Впервые книга вышла в двух томах в 1878 г. В России ее перевод был опубликован в 1902 г. (См.: *Нордау М.* Париж. Очерки и картины истинной страны миллиардов. Киев, 1902).
- <sup>19</sup> См.: *Мещанинов И. И.* Язык ванской клинописи. Л., 1935.
- <sup>20</sup> 24 ноября 1943 г. было торжественно отмечено шестидесятилетие И. И. Мещанинова (см. именной указатель). В связи с этой датой он был удостоен Сталинской премии за 1943 г. Второй раз лауреатом этой премии он стал в 1946 г. О И. И. Мещанинове, сложной и неоднозначной личности в науке, существует большая литература. См., например: *Жирмунский В. М.* Памяти академика И. И. Мещанинова // Вопросы языкознания. 1967. № 3.
- <sup>21</sup> Вероятно, поведение Каратаева связано с появлением в 1944 г. негласного «маленковского циркуляра», который предписывал ограничение приема евреев на многие должности в сфере науки и культуры.
- <sup>22</sup> О В. П. Волгине см., например: *Манфред А. З.* К 80-летию В. П. Волгина // Новая и новейшая история. 1959. № 4; *Волгин В. П.* Статьи и выступления. М., 1979. 275 с. и др.
- <sup>23</sup> Этот замысел был впоследствии реализован в двух томах: «Очерк сравнительной грамматики славянских языков». М., 1961, 1974. С. Б. Б. писал в предисловиях: «Данный очерк представляет собой обработанную стенограмму общего курса сравнительной грамматики славянских языков, читавшегося в Московском университете» (1961, с. 3.); «В основе настоящего тома лежат лекции по сравнительной грамматике славянских языков...» (1974, с. 3).
- <sup>24</sup> Рецензия не была опубликована.
- <sup>25</sup> Подробнее о выборах в АН СССР см.: *Кольцов А. В.* Выборы в Академию наук СССР в 1929 г. // Вопросы истории естествознания и техники. 1990. № 3. С. 53–66; *Перченко Ф. Ф.* Академия наук на «великом переломе» // Звенья. М., 1991. Вып. 1. С. 163–235; Начало «Дела» Академии наук: [Документы] // Исторический архив. 1993. № 1. С. 79–109; Академическое дело, 1929–1931 гг. СПб., 1993–1998. Вып. 1–2.
- <sup>26</sup> *Чехов А. П.* Остров Сахалин. Из путевых записок // *Чехов А. П.* Собр. соч. М., 1956. Т. X. С. 39–40.
- <sup>27</sup> Там же. С. 50, 54–55.
- <sup>28</sup> Подробнее о судьбе В. А. Горенко см.: *Кралин М.* Младший брат // Звезда. 1989. № 6. С. 148–151.
- <sup>29</sup> Порт Де-Кастри был переименован в честь русского географа и геолога П. А. Чихачева, находится в заливе Японского моря в северной части Татарского пролива.
- <sup>30</sup> «Паллада» – фрегат русского военного флота. В 1851–1855 гг. под командованием капитана И. С. Унковского совершил с дипломатической миссией вице-адмирала Е. В. Путятина плавание из Кронштадта через Атлантический, Индийский, Тихий океаны к берегам Японии. В рейсе участвовал писатель И. А. Гончаров, посвятивший ему книгу «Фрегат “Паллада”».
- <sup>31</sup> Умбрский язык относится к италийским языкам, входящим в индоевропейскую семью языков. Письменность на основе частично умбрского, частично латинского письма (V–I вв. до н. э.).
- <sup>32</sup> В 1944 г. в СССР началась кампания, в которой провозглашалась ведущая роль русского народа среди других народов СССР. В 1946 г. она переросла в кампанию «против низкопоклонства перед Западом». В этом духе была проведена грандиозная научная конференция «Роль русской науки и культуры в истории развития мировой науки и культур» (МГУ, 5–12 июня 1944 г.).
- <sup>33</sup> *Ревякин А. И.* Ранний Островский. Диссертация, представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук, защищена в 1944 г. в МГПИ им. В. П. Потемкина.

- <sup>34</sup> «Болгарско-русский словарь» под редакцией Н. С. Державина был опубликован в 1947 г.
- <sup>35</sup> Подробнее о Н. К. Гудзии см.: Николай Каллиникович Гудзий. К 70-летию со дня рождения и 45-летию научно-педагогической деятельности. М., 1957; Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии / Под ред. Д. С. Лихачева и В. И. Кулешова. М., 1968. 183 с. В. В. Виноградов, в частности, писал: «Это был русский интеллигент глубокой и непреклонной принципиальности. Никакие угрозы и давления не могли склонить его к компромиссам и сделкам со своей совестью. Он был выразителем чистой, продуманной, а часто и мучительно выстраданной правды. Его влияние на товарищей было плодотворным и облагораживающим» (Воспоминания... С. 8).
- <sup>36</sup> Фракийский язык – отдельная ветвь индоевропейской семьи языков. Письменные памятники (отдельные слова, глоссы и несколько кратких надписей) относятся к I тыс. до н. э. Фракийцы – группа древних индоевропейских племен (даки, геты и др.). Населяли северо-восток Балканского полуострова и северо-запад Малой Азии. В ходе Великого переселения народов смешались с другими племенами, став одним из этнических элементов при формировании болгар, румын и др.
- <sup>37</sup> Подробнее о сути «нового учения о языке» Н. Я. Марра и его господстве в советском языкознании см.: *Алпатов В. М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991.
- <sup>38</sup> *Одинцов С.* [Бернштейн С. Б.]: Turco-Slavica. К изучению турецких элементов в языке дамаскинов XVII–XVIII веков // Труды МИФЛИ. М., 1941. Т. 7. С. 24–40.
- <sup>39</sup> Подробностей об этом выступлении В. Маяковского выяснить не удалось. В опубликованных стенограммах речей поэта имя А. М. Эфроса в данном контексте не упоминается.
- <sup>40</sup> Статья на эту тему в списке трудов С. Б. Б. не значится. См.: *Бернштейн С. Б.* Славянские элементы в молдавском языке // Вопросы молдавского языкознания. М., 1953. С. 150–158.
- <sup>41</sup> Название диссертации Я. М. Металлова – «Генрих Гейне: Легенда о декадентской “разорванности” и проблема “нового возрождения”».
- <sup>42</sup> VII Международный конгресс исторических наук происходил в Варшаве 21–28 августа 1933 г. В состав советской делегации входили также Н. М. Лукин, Н. С. Державин, А. М. Панкратова и др.
- <sup>43</sup> Партия Народного права – народническая организация в России (1893–1894 гг.). Создана на основе объединения саратовского, орловского и московского кружков. Во главе организации стояли М. А. Натансон, О. В. Аптекман, Н. С. Тютчев и др. Партия выступала с требованиями представительного правления, свободы печати, сходок, вероисповедания, политического самоопределения для всех народов России. Раскрыта в 1894 г. По делу проходило 158 человек. В дальнейшем многие члены организации вошли в партию эсеров.
- <sup>44</sup> *Никольский В. К.* Очерк первобытной культуры. М.; Пг., 1923.
- <sup>45</sup> О Б. М. Соколове подробнее см.: *Коротин Е. И.* Жизнь народа и его творчество. Уральск, 1960.
- <sup>46</sup> *Державин Н. С.* Племенные и культурные связи болгарского и русского народов. М.; Л., 1944.
- <sup>47</sup> *Геров Н.* Рѣчник на български езикъ (в совр. правописании: Речник на българския език). Пловдив, 1895–1904. Т. 1–5.
- <sup>48</sup> *Державин Н. С.* Происхождение русского народа. Великорусского, малорусского, белорусского. М., 1944.
- <sup>49</sup> Сборник не был опубликован.
- <sup>50</sup> См.: *Толстов С. П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. 352 с. Подробнее о научных заслугах С. П. Толстова см.: История, археология и этнография Средней Азии. Сборник статей к 60-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР д. и. н. С. П. Толстова. М., 1968. 367 с.
- Современные историки этнографии и авторы воспоминаний о С. П. Толстова оценивают его человеческие качества и научную деятельность иначе, чем С. Б. Подчеркивая, что в силу своего происхождения (дел ученого, генерал-от кавалерии, был расстрелян красными в 1920 г.) «почти всю жизнь он прожил под дамокловым мечом» (*Жданко Т. А., Рannoпорт Ю. А.* Годы войны в жизни С. П. Толстова // Этнографическое обозрение. 1995. № 2. С. 63), эти авторы пишут о бережном отношении Толстова-директора к ученым Института этнографии, о его мужестве, выразившемся в помощи в 1940-е годы пострадавшим от репрессий этнографам (*Жданко Т. А.,*

- Тишков В. А. С. Т. А. Жданко беседует В. А. Тишков // Там же. 1994. № 1. С. 129), отмечают широту подхода Толстова-ученого к этнографии как науке, комплексность его личных трудов и исследований возглавляемых им научных коллективов (*Итина М. А., Першиц А. И.* С. П. Толстов – этнограф, археолог, востоковед // Там же. 1997. № 1. С. 14). Вместе с тем известно, что С. П. Толстов принял активное участие в травле Д. К. Зеленина, подвергнув его сокрушительной критике в 1937 г. за обзор состояния зарубежной этнографии 1929 г. в статье «О методах вредительства в археологии и этнографии» (написана совместно с А. В. Арциховским, М. В. Воеводским, С. В. Киселевым и опубликована в журнале «Историк-марксист». 1937. № 2).
- <sup>51</sup> С. Б. Б. ошибается, в 1944 г. в «Известиях ОЛЯ» подобное сообщение не публиковалось. Речь идет о кратком грамматическом очерке болгарского языка, приложенном к «Болгарско-русскому словарю», вышедшему в 1947 г. под редакцией Н. С. Державина.
- <sup>52</sup> Насилия болгарских властей над советскими гражданами // Правда. 1944. 12 авг. С. 4.
- <sup>53</sup> *Державин Н. С.* Восточные славяне и фракийцы // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1944. № 2/3. С. 60–77.
- <sup>54</sup> 9 сентября 1944 г. в Болгарии произошло народное антифашистское восстание. Власть перешла к Отечественному фронту, возглавляемому коммунистами.
- <sup>55</sup> В списке трудов С. Б. Б. эта работа не значится. Программы по учебным университетским курсам не всегда включаются авторами в список трудов. В 1947 г. в Киеве опубликована «Программа по западнославянскому (чешскому) языку (для филологических факультетов гос. университетов)» С. Б. Б.
- <sup>56</sup> Труды Славянской комиссии АН СССР, подготовленные к печати, не были опубликованы. Однако статья С. Б. Б. была опубликована позже в др. издании. См. прим. 3.
- <sup>57</sup> Под таким названием издание в свет не вышло.
- <sup>58</sup> Современная аббревиатура – РАНИОН, т. е. Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (1921–1929).
- <sup>59</sup> Подробнее о «деле славистов» см.: *Ашинин Ф. Д., Алпатов В. М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.
- <sup>60</sup> В этом здании, построенном в конце XVII в., до марта 1918 г. располагалось синодальное училище церковного пения. В 1925 г. оно перешло к МГУ, а в 1983 г. было передано Московской консерватории.
- <sup>61</sup> *Щерба Л. В.* О понятии смешения языков (на франц. языке) // Яфетический сборник. Л., 1925. Вып. 5. С. 1–19.

## 1945

**1 января.** Нет никаких сомнений в том, что мы вступили в последний год войны. Еще будет много жертв и страданий, но уже для всех очевидно, что скоро им конец. Думаю, что это понимают и правители Германии. Меня всегда удивляла спокойная реакция Сталина. Ведь так этот фронт<sup>1</sup> был нужен в 1943 г.! Теперь, в свете сегодняшних событий, отчетливо видны и положительные стороны этой задержки. Черчилль во всех своих расчетах исходил из ошибочного тезиса: военная мощь Советского Союза по мере приближения к концу войны будет слабеть. Это даст возможность западным державам диктовать свои условия. Но реальная жизнь опровергает это. Наша армия теперь освобождает многие страны Европы. Поэтому мы будем активно участвовать в организации послевоенной Европы. И здесь, естественно, у нас возникнут серьезные разногласия с Черчиллем. Возможно, диктовать будем мы, а не Черчилль. Английский хряк еще будет хрюкать, но будет уже поздно. Мне кажется, что современники переоценивают политическую мудрость английского премьера. Он пожалел своих солдат. Эта жалость обойдется ему дорого<sup>2</sup>.

**14 января.** Приложу все усилия, чтобы этот год прошел интересно, продуктивно. Уже виден конец диссертации. Много времени отнимает славянское отделение. Мало текстов, нет словарей, учебников. Массу времени у преподавателей отнимает переписка текстов, составление небольших словариков. Не все преподаватели хорошо знают языки, некоторые еще не имеют опыта преподавания. Лучше всего обстоит дело с преподаванием польского языка, плохо – с преподаванием болгарского и сербохорватского языков. Скверно читаются курсы истории литератур. Должно пройти еще несколько лет, чтобы наше славянское отделение стало университетским отделением. Но это будет! На каждом шагу вижу подлинную любовь к славянству, к славянским языкам, желание быстро овладеть специальными знаниями. Работают много все – и студенты, и преподаватели. Трудности естественны, так как пришлось начинать на голом месте. Устраиваем встречи студентов с представителями славянской эмиграции<sup>3</sup>. Они проходят интересно. На них наши студенты держат экзамен, так как выступают на славянских языках. Из печати вышла моя программа по истории и диалектологии чешского языка<sup>4</sup>. Впервые такой курс читаю богемистам. На подготовку к лекциям и практическим занятиям уходит много времени.

В университетской газете напечатана заметка Галкиной-Федорук о моем исследовании языка валашских грамот. Работа еще не завершена, еще нет публикации, а Евдокия Михайловна написала заметку без моей консультации. Поэтому получила несусветная чушь. Неприятно было читать ее дребедень. Уже после выхода газеты я пытался ей все это объяснить, но она не поняла: *«Ведь я же положительно оценила вашу работу. Чего же еще вам нужно?»* Говорить с

таким человеком невозможно. Благодаря высоким постам Ильи Саввича [Галкина] она становится все более и более важной. Недавно Григорий Осипович Винокур сказал мне: «*Мы еще от Евдохи наплачемся*». Возможно!<sup>5</sup>

2 февраля. По поручению С. В. Кафтanova перевел с сербохорватского письма югославского министерства народного просвещения о положении Белградского университета. При чтении письма меня охватил ужас. Немецкие оккупанты все разрушили, все уничтожили. Нам, современникам этого вандализма, даже трудно себе представить, что будет с университетом. Несмотря на это Совет университета решил начать работу уже в марте. Героическое решение! О гибели Народной библиотеки и всего рукописного собрания я уже слышал раньше. Рукописное собрание восстановить невозможно. А какие там хранились памятники древнеславянской и древнесербской письменности! Все уничтожено!

В настоящее время я интенсивно работаю над грамматикой чешского языка для чешско-русского словаря профессора П. Г. Богатырева<sup>6</sup>. Изложить грамматические сведения из этого языка на площади в три издательских листа – задача непростая. Много времени берет болгаро-русский словарь. Я работаю не только над своими буквами, но практически редактирую материал, подготовленный Лукановым и Тиневой. Ясно, что на завершение диссертации уже не остается времени. На днях получил приглашение участвовать в написании грамматики русского языка для болгар. Она должна быть написана на болгарском языке. Отказался решительно<sup>7</sup>. Получил письмо из Киева от Л. А. Булаховского, в котором он пишет, что принято решение издавать в Киеве журнал «Словянознание». По словам Булаховского, статьи будут публиковаться на всех славянских и западноевропейских языках. Приглашает участвовать в журнале. Думаю, что в условиях Киева издавать такой журнал – маниловщина. Нет ни шрифтов, ни наборщиков, ни бумаги. Ничего из этой затеи не получится<sup>8</sup>.

9 февраля. Сегодня закончил работу над грамматикой чешского языка. Получилось три с половиной листа. Очень устал, так как работал над ней по десять часов ежедневно.

14 февраля. В 1829 г. в Московский университет пришел Александр Иванович Герцен. Он избрал физико-математический факультет. «Я вступил на физико-математическое отделение, – позже писал Герцен, – несмотря на то, что никогда не имел ни большой способности, ни большой любви к математике... Я избрал физико-математический факультет, потому что в нем же преподавались естественные науки, а к ним именно в это время развилась у меня сильная страсть»<sup>9</sup>. Студенческая жизнь молодого Герцена началась в тяжелый период царствования Николая I, когда еще были свежи воспоминания о неудачном восстании декабристов, о казнях виднейших руководителей этого движения, о массовых ссылках в Сибирь. Тайные преследования, доносы, провокации проникли во все сферы русского общества, их почитали за доблесть; в глазах высшего чиновничества и жандармов они были признаками высших нравственных добродетелей. Николай и его окружение люто ненавидели университет, они имели немало верных людей и в самом университете, от которых получали точную информацию о внутренней его жизни. Несмотря на это молодой Герцен в университете нашел много людей, чистых и честных в своих действиях и помыслах. А. И. Герцен писал: «Я не помню ни одной безнравственной истории в нашем кругу, ничего такого, от чего человек должен серьезно краснеть, что старался бы



забыть, скрыть. Все делалось открыто – открыто редко делается дурное. Половина, больше половины сердца были не туда направлены, где праздная страстность и болезненный эгоизм сосредоточиваются на нечистых помыслах и творят пороки»<sup>10</sup>. Вот почему Герцен имел полное право написать: «Я так много обязан университету и так долго после курса жил его жизнью, с ним, что не могу вспоминать о нем без любви и уважения»<sup>11</sup>.

Я поступил в тот же университет через 90 лет (точнее 100 лет. – *Ред.*), когда на фронте этого здания были выбиты великие слова: «Наука – трудящимся!» Я вошел в университет с чистым сердцем, с глубокой верой в то, что великие принципы братства, равенства получили, наконец, реальное осуществление. Однако очень скоро я столкнулся с вещами, которые вступали в резкое противоречие с теми принципами, которыми руководствовались все борцы за социальную справедливость. Основное противоречие между общими декларациями и реальной жизнью состояло в том, что боролись за осуществление высоких нравственных постулатов безнравственными приемами. Во внутренней жизни университета новой власти удалось осуществить то, что не смогли осуществить прежние власти в периоды самой жестокой реакции. На каждом шагу студенты встречались со словом *бдительность*. «*Бди!*» – иронически писал Щедрин, имея в виду ничтожного чинушу, бездумно следующего указаниям высших правительственных сфер, трусливого русского человечка. Вся передовая Россия с презрением произносила слово *бди*. «*Бди!*» – говорили нам призывы со стен, со страниц газет, на собраниях, даже порой на лекциях. Иногда вся эта гнусность заворачивалась в красивые слова, но от этого она не меняла своей сути. Вот текст (цитата) из университетской газеты от 23 апреля 1929 г.: «Разоблачайте изворотливых, примазавшихся, грязных! Выгоним из комсомола подрастающую смену торговцев и кулаков, молодое поколение мещан, поэтов уюта и пошлости!»<sup>12</sup> Таковы были слова.

Действительность была иной. Нужно было разоблачать тех, кто не имел по существующим порядкам права учиться в университете, но, воспользовавшись связями своих родителей, сумел найти путь сюда. В огромном большинстве это были все дети врачей, инженеров, учителей, которые имели только одно желание – учиться. Сразу же после начала учебного года специальные «активисты» получали доступ к личным делам первокурсников. Вместо того, чтобы учиться, посещать лекции, практические занятия, языки, эти «активисты», исходя бешеной слюной от ненависти, тщательно изучали дела. Какое на их лицах появлялось ликование, когда они находили следы высокого покровительства сильных мира сего (например записки наркома просвещения Луначарского, который раздавал подобные записки щедрой рукой)! Сразу же возникало шумное дело, которое обычно заканчивалось изгнанием из университета. Организаторы дела отлично знали, что Луначарский свою честь защищать не будет.

Отлично помню случай, связанный со студентом Бронштейном. На практических занятиях по языкознанию (руководил ими профессор М. Н. Петерсон) выяснилось, что Бронштейн свободно владеет немецким, французским и английским языками. У «моноглота» Крайнюка это обстоятельство вызвало лютую злобу. Засучив рукава, этот подонок засел за основательное изучение дела студента, не поленился навести справки, даже куда-то ездил. В конце концов установил, что мать Бронштейна лечит зубы самому профессору Челябинову, стоящему во главе Главпрофобра<sup>13</sup>. Челябинов позвонил по телефону Сережникову, и Бронштейн был принят в универ-

ситет. В таких случаях сильные мира сего никогда не вступались за своих подопечных. Так было и здесь. Не прошло и двух месяцев, как способный студент исчез. Больше о нем я никогда не слышал. Думаю, что судьба его была печальной.

Нет ничего удивительного в том, что и моя особа не оставила «активистов» равнодушными. Тот же Крайнюк основательно изучил и мое дело. Но тут он столкнулся с двумя трудностями. Первое – я по закону имел право поступить в университет как сын члена Общества политкаторжан. Второе – справка была подписана самим Е. Ярославским, а Ярославский среди многих своих обязанностей был еще и председателем общества «Безбожник»<sup>14</sup>. Крайнюк был связан с этим обществом; в будущем, после завершения курса, предполагал там работать. Поэтому в его планы никак не входило осложнять свои отношения с Ярославским. Поэтому очень скоро Крайнюк потерял ко мне всякий интерес. Не всегда неугомонный Крайнюк доводил дело до конца в своих разоблачениях.

Отличаясь сексуальной повышенной возбудимостью, он нередко затевал дело с одной целью – принудить красивую студентку к сожительству. И это ему часто удавалось. И вот этот растленный тип был подлинным героем нашего времени. Вот что о нем писала наша университетская газета от 7 ноября 1929 г.: «Вот т. Крайнюк. Активный работник, член бюро ячейки. Тяжелая жизненная школа. Дед портной. Отец портной. Сам слесарь». И так, отец врач – плохо, отец портной – отлично. Почему? Почему-то в этих оценках всегда забывали политическую экономию, которой, однако, придавалось большое значение в общем цикле основных марксистских дисциплин. Практически во всех оценках принадлежность к интеллигенции приравнивалась к эксплуататорским классам.

– Ты знаешь, а Макаров-то из бывших.

– Откуда ты взял это?

– Как откуда? Он сам мне говорил, что в детстве у него была нянька.

– Ну и что?

– Как что? Хорошее дело! Моя мать весь день стирала, была прачкой. Часто есть нечего было. Живот как барабан был, а тут нянька. Нет уж, прости, пожалуйста!

Такие разговоры можно было слышать постоянно. На втором курсе я подал заявление в профком для получения стипендии. В те годы стипендии распределяли сами студенты, а не деканат. Нужно было заполнять анкету. На вопрос о социальном происхождении я написал: «из интеллигенции». Мой случайный покровитель в профкоме, некто Сорокин, с ужасом на меня посмотрел. Он молча порвал анкету и сказал: «Я ничего не видел. Ты что, сошел с ума? Перепиши анкету. Напиши: "отец – революционер, член Общества политкаторжан"». Вероятно, это помогло, так как я действительно получил стипендию (12 рублей в месяц).

На факультете было немало «активистов», которые фактически занимались слезкой, принуждали к этому и малодушных людей. Каждый день можно было услышать: «А знаете, ведь Х-то из кулаков, а выдавал себя за бедного крестьянина. Вот подлец!» Поступил на наш факультет некто Голицын. Комсомолец. По документам, из бедной крестьянской семьи. Все было хорошо до той поры, когда кто-то случайно услышал, как этот Голицын с машинисткой бегло говорил по-французски. Сразу же началось дело. Было установлено, что учит он немецкий язык. На случайно поставленный вопрос, знает ли он французский, последовал отрицательный ответ. В родные места Голицына был послан один из «активис-

тов». Конечно, он привез то, что ожидали. Наш комсомолец – князь Голицын, а документы ему выдали в надежде, что он, при перемене власти, не забудет о помощи. Уже через несколько дней от князя и следа не осталось.

Спрос вызывал предложения. У нас был студент, который, конечно, за деньги, фабриковал нужные документы. Нет ничего удивительного в том, что к нему обращались многие социальные горемыки. Работал он смело, и все скоро обнаружилось. У него в чемодане под кроватью нашли полный набор нужных инструментов, разные шрифты, печати... Он был осужден на 10 лет. Вся эта обстановка создавала на факультете крайнюю напряженность. Каждый в той или иной степени чувствовал себя объектом внимательной слежки. Это, естественно, формировало замкнутые характеры. Откровенные разговоры могли быть только между близкими друзьями. А ведь не один раз близкие друзья оказывались провокаторами. И эти провокаторы были героями, светлыми личностями, их фотографии помещались в стенных газетах. Главная задача, стоявшая перед студентом, была бдеть. Чем больше он бдел, чем больше он доносил, чем больше вывел на чистую воду, тем он был милее, ближе, дороже властям предрержащим. Учение было на втором, если не на третьем месте. Ни руководители факультета, ни партийные и профсоюзные организации серьезно не интересовались академическими делами. «Активисты» в течение всего курса почти не учились. Время их уходило на собрания, бдения, на общественную работу. Многие профессора их боялись и ставили им зачеты при любом ответе. На факультете имена «активистов» были хорошо известны. «Академисты» же не пользовались никаким признанием, хотя среди них были те, которые через два–три десятка лет стали крупными учеными. Из «активистов» мало кто вошел в науку. Все годы моего обучения в университете были до краев заполнены мерзостью и гнусностью.

Естественно, такая обстановка порождала много различных трагедий. Прошло много времени, а лица многих студентов стоят передо мной, отражая переживания тех лет. Михаил Шор. Поступил в университет, проработав несколько лет на заводе рабочим. Пришел с огромным желанием учиться, стать историком. Он был весь в объятиях исторической науки. Ему повезло. Он попал в семинарий С. Д. Сказкина. Очень скоро определилась основная область его интересов. Он стал под руководством заботливого и умелого учителя специализироваться по истории Австрии. В короткий срок он основательно овладел немецким языком, научился читать средневековые латинские грамоты. Он вместе со мной посещал занятия латинского языка под руководством Б. Н. Гракова. Упорно работал в библиотеках над изучением документов. Скоро на него обратили внимание «активисты», которые зачислили его в «академисты». Я с самого начала ходил в «академистах», и к этому уже привыкли. У Шора положение было более сложным. Он поступил как рабочий, был членом партии. Такие студенты должны были грызть врагов, а не гранит науки. Серьезные неприятности у него начались уже на втором курсе. На первых порах он проявлял твердость характера, но постепенно начал сдавать. Я видел, как тает его любовь к исторической науке. Этому способствовало поведение многих профессоров и доцентов, которые часто делали то, что требовали от них обстоятельства. Надо иметь в виду, что среди преподавателей-историков был велик процент членов партии. Непосредственный руководитель Шора С. Д. Сказкин вел себя достойно, но кругом было так много растленных людешек! Шора потрясла та обстановка, в

которой проходила «дискуссия» об азиатском способе производства<sup>15</sup>, гнусное выступление И. И. Минца<sup>16</sup>. Я стал замечать, что от Михаила иногда попахивает вином. Это случалось все чаще и чаще. Постепенно наши отношения стали менее дружескими, встречи – более редкими, а после одного его выступления совсем прервались. После окончания курса его, по настоятельной рекомендации Сказкина, приняли в аспирантуру, но по новейшей истории, которой прежде он не интересовался. В годы аспирантуры я его почти не встречал. Слышал от нашего общего знакомого, что он защитил кандидатскую диссертацию и ездит читать лекции в Курск. Наша последняя встреча состоялась на квартире у Шора на Кропоткинской улице. Эту встречу можно легко датировать, так как в этот день в газетах сообщалось об убийстве близкого сподвижника Гитлера Рема<sup>17</sup>. Я теперь не могу вспомнить, что привело меня сюда. Хорошо помню, что в квартире был неопишеский хаос. На столе стояла полупустая бутылка водки, рядом валялись куски седелки и хлеба. Михаил не ждал моего прихода и поэтому сперва испытывал некоторое смущение, но потом его преодолел. Сперва начали обсуждать немецкие события, от которых перешли к нашим делам. Он убедительно и беспощадно характеризовал положение в исторической науке. «*Историческая наука полностью ликвидирована*», – сказал Шор. Он с негодованием говорил об историках, возглавивших историческую науку после смерти Покровского, о современном преподавании истории в высших учебных заведениях... На мой вопрос о работе ответил: «*Серьезным делом не занимаюсь. Все пошло прахом*». Это была наша последняя встреча. Вскоре он умер от белой горячки, умер 28 лет. Умер человек, который в нормальных условиях жизни мог бы стать крупным историком. Для этого у него были все данные.

Перед моим мысленным взором проходит целая вереница шоров. Они носили разные имена, интересовались различными науками, имели разные способности, но хотели преданно служить науке. Но этого им не позволили. На этнографическом отделении в мои годы блистал студент Алексеев. Якут по национальности, он отлично знал народный быт якутов, тунгусов и орочей. Человек могучего интеллекта, выдающихся способностей, необыкновенного трудолюбия и высокой принципиальности, Алексеев уже в студенческие годы был фактически молодым ученым. В памяти сохранился такой эпизод. В семинарии профессора Преображенского мне нужно было познакомиться с теорией немецкого этнолога Гребнера, автора известной книги «*Die Methode in der Ethnologie*»<sup>18</sup>. Я никак не мог разобраться в его критерии формы, чем в этом пункте его взгляд отличается от взгляда Фробениуса. Этот вопрос освещался Преображенским в его лекциях, но очень неопределенно и туманно. Я обратился за помощью к Алексееву. Он тут же подробно и очень толково объяснил мне суть всей проблемы. Мне приходилось не раз слушать выступления Алексеева по различным вопросам этнологии и этнографии.

В 1929 г. на факультете начался поход против этнологии и, естественно, против профессора Преображенского. Для этого нужно было среди студентов найти толкового человека, который возглавил бы этот поход. Обратились к Алексееву, но он с возмущением отверг это. Тогда решили бороться не только с Преображенским, но и с его учениками. Уже речь пошла об организованной антимарксистской группе во главе с антимарксистом Преображенским. Весь этот поход возгла-

вил подонок Толстов, о котором мне еще придется писать не один раз. В нашей университетской газете от 24 декабря 1929 г. была опубликована заметка под красноречивым названием: «Правая профессура в блоке с чуждыми». Вот ее текст: «На этнографическом отделении этнологического факультета группа сынков “бывших людей” в союзе с оппозиционерами, “обиженными” за фракционную борьбу, свила крепкое антисоветское гнездо. Студент Алексеев, сын кулака, при поступлении в университет скрыл свое социальное происхождение... Художники – сын мельника... Ерзин – сын торговца, оппозиционер Вартапетов... Свою антимарксистскую сущность они выявили на ленинградской конференции, куда они были посланы делегатами, блокируясь с профессором Преображенским, занимающим антимарксистское крыло в этнографии. Эта четверка голосовала за взгляды Преображенского». Вся фактическая сторона заметки – ложь от начала и до конца. Алексеев не был сыном кулака, но понятие «кулак» в это время носило скорее эмоциональный, нежели научный характер. Поэтому подобные обвинения было трудно опровергнуть. Судьба всей четверки была печальной. Алексею и ему подобным противостояли Крайнюк и ему подобные.

Вот краткий портрет «активиста» Кобецкого. Он поступил одновременно со мной, хотя был старше меня лет на 15. Поступил на тюркский цикл этнографического отделения. Занимал какой-то важный пост в обществе «Безбожник». Был ловким, хищным, изворотливым субъектом. За все годы обучения он никогда не сдавал зачеты в присутствии других студентов. Он все время шел последним. Это обстоятельство не один раз являлось предметом насмешек и анекдотов. Его доклады и выступления в семинариях представляли собой набор слов, за которым не скрывалось никакого смысла. Не один раз он с треском садился в лужу. Как мог этот тупой человек занимать ответственный пост в обществе «Безбожник»? Это было загадкой. Тюркский цикл Кобецкий избрал потому, что его родным языком был караимский. Он полагал, что практическое знание одного тюркского языка может освободить его от изучения других тюркских языков, от тюркологии вообще. Поэтому он не ходил на занятия тюркскими языками. В конце концов для Кобецкого создалось сложное положение, так как на третьем курсе он еще не сдал зачетов по основным тюркским языкам за первый курс. Это было бы трагичным для любого студента, но только не для «активиста» Кобецкого. Он ловко воспользовался реорганизацией факультета и перешел на музейно-краеведческий цикл, что освобождало его от зачетов по тюркским языкам.

Он с большой неприязнью относился к славянскому циклу, к славянам, к студентам-славистам. Уже на первом курсе он часто уговаривал меня уйти со славянского цикла. Аргументы у него были следующие: славяноведение – это славянофильство, а славянофильство – это черносотенство. Однажды я нашел способ избавиться от его общества. На Дальнем Востоке широкое распространение получили папиросы «Забавы» харбинских фабрикантов Кобецкого и Плюскулю. Я однажды с самым невинным видом спросил нашего Кобецкого, не родственник ли ему харбинский фабрикант. После этого вонючий безбожник оставил меня в покое.

20 марта. Последний месяц много работал над диссертацией. Удалось достать неизвестные мне прежде важные материалы, относящиеся к истории славяно-румынских языковых отношений. Некоторые аспекты исследования получают более ясные очертания. Ежедневно два часа перед сном отдаю болгаро-русскому

словарю. Очень трудно иметь дело с Лукановым. Он все время учит меня русскому языку. Мои познания в болгарском он оценивает высоко. На днях забрал у Биязи рукопись учебника болгарского языка. Пусть пока лежит у меня дома. Теперь, после реформы орфографии, потребуется много времени для подготовки рукописи к печати. Хотелось бы некоторые вопросы изложить подробнее.

16 апреля. Во второй половине апреля 1933 г. я вместе с группой аспирантов Московского научно-исследовательского института языкознания в связи с закрытием этого института был переведен в соответствующий ленинградский институт, который официально именовался Научно-исследовательским институтом языкознания, а фактически сохранял старое название Института речевой культуры. Директором Института был Л. П. Якубинский. Штат Института был невелик. Из ленинградских славистов в Институте работал только М. Г. Долобко. Наш переезд в Ленинград состоялся в середине апреля. Поселили нас в одной из комнат Института, который помещался на Исаакиевской площади, близ собора, в бывшем дворце графа Зубова<sup>19</sup>. Здесь мы должны были жить до летнего перерыва, а с осени 1933 г. нам должны были предоставить помещение в известном в Ленинграде студенческом общежитии на Мытне (Мытной. — *Ред.*). После оформления своих дел в Ленинграде (беседы со своим новым руководителем Долобко, утверждение диссертационной темы и т. п.) я выехал в Москву, чтобы принять у студентов Городского педагогического института экзамен по старославянскому языку. В конце мая я был уже в Ленинграде. 11 июня я почувствовал приближение тяжелой болезни. Я старался скрыть это от своих товарищей, но все они обратили внимание на мое состояние. По их настоянию я измерил температуру: градусник показал 39. А. А. Бокарев (мой единственный друг среди аспирантов) отвел меня в сторону и тихо сказал: «Сейчас в городе эпидемия сыпного тифа. Вас могут признать больным и увезти в сыпнотифозный барак, где и заразят настоящим тифом. Скорая помощь может в любой момент приехать за Вами. Думаю, что кто-нибудь уже успел сообщить о Вашем состоянии. Вы, дорогой, простудились. Скоро будете здоровы. А пока лучше нам с Вами уйти на целый день, а к вечеру температура спадет». Так мы и сделали.

Рано утром 12 июня вместе ушли из помещения Института и весь день бродили по городу. Поднялись по винтовой лестнице на самый верх Исаакиевского собора, сидели в Летнем саду, бродили по улицам. Есть не хотелось. Мой друг из чувства товарищества тоже не ел. Во второй половине дня мне стало совсем худо. Я весь горел огнем. Начались галлюцинации. Хорошо помню, как рухнул вниз Чернышев мост. Затем рухнуло большое здание на Невском, в районе Литейного. Бокарев понял, что в таком состоянии оставлять меня на улице нельзя. Медленно мы ползли домой. Уже сам, без посторонней помощи, подняться на верхний этаж Института я не мог. От аспирантов узнали, что за мной уже дважды приезжала карета скорой помощи. Завтра рано утром за мной снова приедут. Сквозь слабеющее сознание я слышал, как аспиранты отчитывали моего друга за легкомыслие. Вскоре я забылся тяжелым сном. Порой забытие приближалось к сознанию, но быстро снова гасло. Я чувствовал, что меня несут на носилках, везут куда-то, голова больно ударяется обо что-то твердое. На короткий срок сознание вернулось полностью. Я лежу на раскладушке в огромной комнате. Она вся заставлена такими же раскладушками. Подзываю красивого пожилого врача с бритым актерским лицом. Говорю ему: «Я не болен тифом. У меня простуда. Я не

хочу здесь заразиться». В ответ слышу: «Диагноз Вы поставили точный. Тифа у Вас нет. Скоро Вас перевезут в обычную больницу. У Вас воспаление легких». Сознание вновь покидает меня. Однако я чувствую, что меня сперва куда-то несут, а потом везут... 16 июня сознание совсем покинуло меня. Оно вернулось ко мне только 5 июля. Я лежал в небольшой палате. Возле окна сидела мама, читала книгу. Я позвал ее тихим голосом. Она радостно встрепенулась, положила книгу и села на стул рядом со мной. Ласково гладила по лицу... От нее я узнал, что мое положение было безнадежным. Когда она, по вызову Бокарева, приехала в Ленинград, я лежал в палате, откуда была одна дорога – в морг. Маме разрешили ухаживать за мной. Тут же она и спала. На другой день в палату пришел главный врач больницы. Помню его слова: «Ваша мать родила Вас во второй раз». Постепенно начался процесс выздоровления. Через несколько дней, когда я уже начал читать книги, начались новые галлюцинации. В окна хлещет вода, по воде плавают мертвые утки, в комнату входит мой московский приятель, который начинает меня душить, и т. д. По лицам врачей вижу, что наступил опасный период болезни. Однако постепенно галлюцинации прекращаются. 25 июля меня выписывают. Таким образом, болезнь продолжалась полтора месяца. Без посторонней помощи ходить не могу. Страшно болят те места в ногах, в которые вливали физиологический раствор. С большим трудом совершаю путешествие в Москву.

Первого августа переезжаю в санаторий «Михайловское». К первому сентября уже здоров. 10 сентября самостоятельно переезжаю в Ленинград, где начинаю интенсивно работать над диссертацией. Боль в ногах ощущаю еще долго. Не прошла болезнь бесследно и для сердца. С тех пор все врачи при выслушивании всегда спрашивают: «У Вас было тяжелое инфекционное заболевание?» Эпидемия 1933 г. унесла много человеческих жизней не только в Ленинграде, но и по всей стране. Мое поколение не один раз прошло через сыпной тиф. Первый раз он пронесся по стране во время гражданской войны. Тогда тяжело болела этой болезнью моя сестра. В 30-е годы пронеслась вторая волна. Третья волна обрушилась во время последней войны. Наш университетский коллектив во время пребывания в Ашхабаде за восемь месяцев потерял 36 человек, из них 16 умерли от сыпного тифа. Примечательно, что во время эпидемий эту болезнь было запрещено называть сыпным тифом. Официально такой болезни у нас в стране не было. Цензоры тщательно следили за этим.

Из всей аспирантской группы в настоящее время живы только двое: Севортян (тюрколог) и я. Бокарев и Сергеев погибли на фронте. Никулин умер в конце 1941 г. в Ленинграде от голода. Мамохин в 1937 г. был арестован и погиб в лагерях.

**17 апреля.** Недавно мне пришлось серьезно поговорить с профессором Дитякиным, который вместо Державина читает лекции по введению в славянскую филологию. Я познакомился с записками студентов, говорил со студентами и затем – с самим профессором. В курсе Дитякина филологии почти нет. Все время речь идет о борьбе славян со своими многочисленными врагами. Не лекции, а трескучий барабан. Я долго и, кажется, безрезультатно пытался объяснить Дитякину, что студенты в этом курсе должны получить определенную сумму знаний, очень важную для понимания последующих дисциплин. Он обещал учесть мои пожелания. Как я и предполагал, Державин лекций не читает и передоверил весь курс Дитякину. Не знаю, было бы лучше, если бы читал сам Николай Севастьянович. Дитякин хотя бы не влезает в лингвистику, а Державин, конечно, ударился бы в марризм.

25 апреля. Последние дни войны. Кажется, она приняла еще более ожесточенный характер. Как много в последние дни гибнет людей! Пройти всю войну и в последние ее дни возле Берлина сложить свои головы. Ужасно!

27 апреля. Завершил одну из наиболее трудных глав своей диссертации. Теперь уже виден конец. Вчера в течение долгого времени пытался объяснить Григорьевой, что она плохо преподает сербский язык, что нельзя преподавать этот язык без опоры на родной язык студентов. Она смотрела на меня своими бараньими глазами и молчала. Не знаю, что делать.

15 мая. Давно не записывал ничего. Было не до этого. События, события, события... Голова идет кругом... От переживаний не могу сосредоточенно работать, мысли все время уходят в сторону. Вместо работы брожу без всякой цели по городу. Всюду возбужденные и радостные лица. Великая война закончилась грандиозной победой.

20 мая. Постепенно вхожу в рабочий ритм. Сейчас много времени трачу на болгаро-русский словарь, так как последние два месяца почти не занимался им. Словарь очень нужен. Надеюсь, что в 1947 г. он выйдет из печати. Беда в том, что Луканов придумывает несуществующие слова в русском языке: например, «экземплярный» в значении «хороший экземпляр, могучий, красивый». Он даже привел пример: «*Ботев был экземплярным мужчиной*». Спорить с ним невозможно. Я просто на правах фактического редактора выбрасываю плоды его творчества в русский язык. С Тиневой легче, она без амбиций. Луканов упрямый като магаре ('как осел' – болг. – Ред.).

22 мая. Вчера провел весь вечер у Винокура. Обсуждали проблему членения основ. Его этот вопрос в настоящее время очень занимает. Он утверждал, что в слове *буженина* нет суффикса *-ина*, так как в русском языке нет морфемы *бужен-*. Я не соглашался с ним. Слово *буженина* входит в ряд таких слов как *телятина*, *свинина*, *баранина* и вместе с ними выделяет суффикс *-ина*. *Бужен-* нужно рассматривать как пустую морфему. Они существуют в языке. Дело в том, что членение основ может быть не только горизонтальным, но и вертикальным. Григорий Осипович внимательно выслушал мои аргументы и обещал обдумать мои соображения. Пока они не кажутся ему убедительными.

2 июля. Проходит торжественная юбилейная сессия, посвященная 220-летию Академии наук СССР<sup>20</sup>. Конечно, дата отнюдь не юбилейная, и в нормальных условиях навряд ли бы отмечали 220-летие. Но только что завершилась война в Европе. Возникла потребность собрать ученых нашей страны, чтобы поговорить о ближайших задачах науки. Приглашены и многие зарубежные ученые, главным образом иностранные члены Академии. Приехало несколько зарубежных славистов.

Наибольший интерес для меня представляет президент Сербской Академии наук и многолетний член-корреспондент нашей Академии профессор Александр Белич. В моей жизни этот человек сыграл некоторую роль, о чем он сам, конечно, не имеет никакого представления. Первые публикации Белича появились еще в конце прошлого века. Я знаю, что он родился в 1876 г. Таким образом, сейчас ему почти 70. Однако передо мной стоит человек, которому нельзя дать и 60. Высокий, стройный, элегантно одетый, он рядом со своими советскими сверстниками (например с А. С. Орловым) выглядит человеком совсем другого поколения. Белич, тесно связанный с ушедшим режимом, теперь переметнулся на



сторону Тито и в настоящее время играет в своей стране большую роль не только в науке, но и в политической жизни. В мои студенческие и аспирантские годы имя Белича постоянно сопровождало меня по разным поводам. В те годы мой учитель Селищев вел острую и темпераментную борьбу с Беличем на поле македонской диалектологии. Имя Белича вызывало у Селищева бурную реакцию негодования. Опубликована монография Селищева «Македонская диалектология и сербские лингвисты. А. Белич и его последователи»<sup>21</sup>, которая дает полное представление об этой борьбе. Но был один эпизод, связанный и со мной. В аспирантуре встал вопрос о теме диссертации. Селищев предложил две темы: «История диалекта Пирота» или «Турецкие элементы в языке дамаскинов XVI–XVIII вв.»<sup>22</sup> Сперва я остановился на первой теме, так как мне хотелось писать работу по исторической диалектологии. В основу исследования должны были лечь диалектные записи, описания (в первую очередь описания Олафа Брока), язык пиротского дамаскина, хранящегося в рукописном собрании Белграда. Селищев предложил сам оплатить из своего софийского гонорарного фонда фотографирование дамаскина. На первых порах все шло хорошо. Однако неожиданно об этом деле каким-то образом узнал Белич. Узнал он и о том, что фотографирование делается по заказу Селищева. Он легко сообразил, для какой цели это делается, и категорически запретил делать снимки. В официальном ответе было сказано, что рукопись находится в плачевном состоянии и фотографирование может плохо на ней отразиться. После получения ответа я стал работать над темой о турцизмах в дамаскинах, к которой был подготовлен двухлетними занятиями под руководством известного тюрколога Н. К. Дмитриева.

Узнав, что я ученик Селищева, Белич внимательно смотрит на меня своими умными глазами. Совершенно неожиданно он обращается ко мне с просьбой достать ему экземпляр книги Селищева «Очерки македонской диалектологии»<sup>23</sup>. В Югославии имеется один экземпляр, в библиотеке Кульбакина. Я даю обещание и вскоре расстаюсь со вторым экземпляром. Оставляю себе дарственный экземпляр с надписью: «Дорогому С. Б. Бернштейну. 3-го января 1932 г. Привет македонский. А. С.» В этот день я отмечал свой день рождения.

Из Франции приехал неугомонный Андрей Альбинович Мазон. После революции он приезжал в Москву неоднократно. За время войны заметно постарел, но еще очень бодр. Лицо гнома: веселые, ласковые глазки, бородка клинышком, румяные щечки. Впервые знакомлюсь с польским лингвистом Лер-Сплавинским. Ему 54 года, а выглядит на все 70.

5 июля. После общих собраний начинаются заседания по отделениям. Отделение языка и литературы открывается академиком С. П. Обнорским. Ученый очень ограниченных возможностей<sup>24</sup>, волей судьбы теперь он поставлен на должность главного русиста нашей страны. В свое время, по плану А. А. Шахматова, Обнорский написал ценный труд по именному склонению<sup>25</sup>. Теперь же он призван сам направлять исследования в области русского языка, т. е. выполнять функции Шахматова. Ни интеллектуально, ни нравственно он не может выполнять эти функции. Академик потерял то, чем прежде владел. В докладе он утверждал, что сильное смягчение согласных после гласных переднего ряда в русском языке свидетельствует об особой музыкальной тональности (именно так!) нашего языка. И весь этот бред академик читал в присутствии многих наших лингвистов, в присутствии Белича, Мазона и Лер-Сплавинского. Я сидел рядом с Винокуром. Тя-

жело было смотреть на Григория Осиповича, так он страдал и мучился. Белич в своем докладе повторил свои известные соображения об индикативе и релятиве в сербском языке. Его может оправдать лишь то, что из слушателей мало кто читал его работы по грамматике сербского языка. Я организовал встречу приехавших на сессию Неедлы и Горака со студентами-богемистами. Беседа прошла интересно. Наши девочки бегло говорили на чешском языке.

24 июля. Лишь недавно закончилась торжественная сессия Академии наук, только лишь разъехались свои и иностранные гости, совершенно неожиданно произошло событие: президент Академии Комаров снят с поста президента<sup>26</sup>. По указке свыше на его место был избран известный физик, академик С. И. Вавилов. В городе ходит много всяких слухов, но толком никто ничего не знает.

1 августа. В мои студенческие годы велась оживленная дискуссия о пользе и вреде лекций. Об этом публиковались статьи в университетской газете, в стенных газетах, [которые] широко обсуждались в аудиториях и университетских коридорах. Было много активных противников лекций. Они считали, что посещение любых лекций – потерянное время. Время лекций ушло, теперь они не нужны. В памяти осталась большая статья на эту тему моего сокурсника Г. Бровмана (в газете МГУ «Первый университет»). Она была напечатана в № 10 от 5 декабря 1929 г. Он выступил решительно против лекций. В статье были резкие выпады против защитников лекций, в частности против профессора В. И. Невского, который считал, что без лекций не может существовать университетское образование. Определились два лагеря: сторонников и противников лекций. Каждая сторона имела свой запас аргументов. Противники лекций говорили: лекции – это пассивная форма усвоения знаний; в большинстве случаев лектор сообщает сведения, взятые им самим из книг; лучше самому это время провести за книгой в библиотеке; многие лекторы читают лекции скучно, невнятно, с плохой дикцией; нужны не лекции, а непрерывные консультации по вопросам данной науки: студент обращается к специалисту по поводу неясных мест в прочитанной книге. Сторонники лекций говорили об огромном влиянии живого слова на студенческую аудиторию, о лекциях, содержащих результат творческого труда лектора, и т. п. Приводили в пример Ключевского, лекции которого в жизни очень многих людей оставили неизгладимый след. Слабость позиций защитников лекций состояла в том, что огромное количество наших профессоров и доцентов не отличалось красноречием Ключевского. Кроме того, обычно в лекциях излагались сведения, о которых могли прочитать в различных пособиях еще наши отцы. Как правило, лекции читались нудно, вяло, по запискам. Бывали и такие случаи. Профессор Любавский раскрывал перед собой свою книгу «История западных славян» и самым бесстыдным образом читал из нее. Мы по своим экземплярам следили за его чтением. Когда он ошибался, кто-нибудь поправлял его. Профессор отрывался от книги и вежливо благодарил. Конечно, были и отличные лекторы. Посещение их лекций давало очень много. В памяти остались лекции по философии Н. Карева, по этнологии – Преображенского, особенно лекции Селищева по специальным славяноведческим дисциплинам. Посещение лекций Селищева давало студентам очень много. Их не могли заменить никакие самостоятельные занятия в библиотеке. Но это было исключение. А правило – это были лекции этнографа Максимова, который бубнил что-то себе под нос, лекции историка Мороховца, историка Косминского, литературоведа Когана, слависта Ильинского и многих, многих наших деятелей науки. Я не участвовал в дискуссиях о ценности лекций, но для себя решил

свести посещение лекций к минимуму. Как правило, лекции на факультете ничего не давали.

Я все это вспомнил потому, что серьезно думаю над пользой лекционных курсов сейчас на славянском отделении. Прошло уже два года после сгедания славянского отделения, и можно сделать некоторые выводы. К сожалению, многие лекционные курсы стоят на весьма низком уровне. Это прежде всего относится к лекциям Дитякина, Богатырева, Павловича и др. Беда в том, что теперь посещение лекций обязательно. Но что делать?

**15 сентября.** Начался третий академический год славянского отделения. За два прошедших года сделано много. Несмотря на перегрузку, я начал работать над подготовкой к печати своей старой рукописи «Учебник болгарского языка»<sup>27</sup>. Такой учебник очень нужен. Пока, правда, не имею реального издателя. Учебник будет содержать краткую грамматику, уроки, тексты и словарь к текстам. У меня в этом академическом году история чешского языка, семинарий по истории чешского языка, история сербского языка и занятия с аспирантами. Плохо, что теперь у нас нет изданий на правах рукописей. Для такого издания я бы смог подготовить курс лекций по истории чешского языка. Это пособие очень нужно. Издавать его в обычном виде я не могу, так как мой курс не является оригинальным. Это настоящая компиляция.

**2 октября.** В декабре этого года будем отмечать на факультете 25-летие со дня смерти В. Н. Щепкина. В истории русского славяноведения Вячеслав Николаевич оставил заметный след. Будет прочитано несколько докладов. Я буду читать доклад «В. Н. Щепкин – историк болгарского языка». Щепкин ярко сочетал в своем творчестве филолога и лингвиста. Это сочетание очень редкое.

**26 октября.** Вышел из печати 51 том Большой Советской Энциклопедии. В нем опубликовано несколько моих статей: «Славянские языки», «Словацкая литература», «Словенский язык» и др. Несмотря на загруженность, много работаю над диссертацией. Скоро завершу ее. Аванесов сообщил мне, что на днях сборник памяти Ушакова<sup>28</sup> пойдет в типографию. В издательстве он лежит уже очень давно. Я дал в сборник свою старую статью «Материалы по польской диалектологии»<sup>29</sup>.

**2 ноября.** После завершения диссертации<sup>30</sup> начну новую, очень важную работу, написать которую я обещал Влахову. Речь идет о грамматике македонского языка. Эта тема представляет для меня большой интерес, так как здесь воочию видно, как создаются литературные языки. Нужно будет эту тему включить в план славяно-балтийского сектора Института русского языка, куда меня обещают зачислить после завершения докторантуры. Я был принят в докторантуру еще в Свердловске 15 марта 1943 г. Таким образом, срок завершается 15 марта 1946 г. Вчера выступил оппонентом на диссертации В. П. Петруся, посвященной истории слогового л в славянских языках<sup>31</sup>. В целом автор не вносит существенно нового во всю проблему, но интересно освещает историю этой фонемы в некоторых диалектах. Есть новые и поучительные сопоставления. Праславянскую часть диссертант не затрагивал, даже не пользовался термином «праславянский», что можно понять при современных обстоятельствах. Следует учесть, что Петрусь работает в провинции, а там марризм силен. У меня было много критических замечаний, но и я, вслед за Державиным и Обнорским, дал общую положительную оценку. Петрусь в свое время жил и работал в Киеве. Был арестован, какой-то срок провел в лагерях, а теперь живет и работает в Кирове. Девятью голосами против двух Петрусь получил степень доктора. Державин и я не голо-

совали, так как не являлись членами этого Ученого совета. Вероятно, одним из голосовавших «против» был Яковлев. Он сказал мне, что мой отзыв практически был отрицательным. Я не думаю, что он прав.

**22 декабря.** Не записывал почти два месяца. Все это время работал с утра и до вечера по 12 часов только над диссертацией. И сегодня могу написать то, о чем мечтал давно: диссертация завершена! Завтра сдаю рукопись машинистке. Объем диссертации 20 листов. Думаю, что на машинке будет страниц 450. Январь и часть февраля уйдут на перепечатку и правку.

**25 декабря.** После завершения диссертации следовало бы отдохнуть, но за спиной много неотложных дел. Сейчас прибавилось новое дело. На днях с Издательством литературы на иностранных языках подписал договор на учебник болгарского языка. Объем 20 листов. Основа книги давно уже готова, но предстоит еще очень большая работа. Согласно договору, в учебнике должно быть 35 уроков. Их нет, так как я никогда не вел систематических практических занятий по болгарскому языку с нефилологами. В договоре специально указано, что учебник предназначается для лиц любой специальности, изучающих болгарский язык. В связи с этим приказано значительно упростить грамматическую часть, убрать специальные термины, в хрестоматии сохранить только тексты современного литературного языка. Приступлю к учебнику в феврале.

### Примечания

- <sup>1</sup> Речь идет об открытии Западного фронта союзников (США и Великобритании) против фашистской Германии. Только 6 июня 1944 г. англо-американские войска высадилась в Северо-Западной Франции, открыв так называемый Второй фронт в Европе.
- <sup>2</sup> Подробнее см.: *Черчилль У.* Вторая мировая война. М., 1997–1998. Т. 1–6.
- <sup>3</sup> Славянскую эмиграцию в СССР в годы Великой Отечественной войны в Москве представляли болгарские, чехословацкие, польские, югославские коммунисты.
- <sup>4</sup> В списке трудов С. Б. Б. эта работа не значится. Ср. 1944 г., прим. 54.
- <sup>5</sup> Высказывания С. Б. Б. о Е. М. Галкиной-Федорук, жене тогдашнего ректора МГУ И. С. Галкина, на страницах мемуаров не совпадают с мнением о ней, сложившемся на филфаке МГУ, где ее имя до сих пор пользуется авторитетом и уважением. 18 марта 1998 г. здесь торжественно отмечалось столетие со дня ее рождения. Зав. кафедрой русского языка проф. М. Л. Ремнева охарактеризовала Е. М. следующим образом: «Е. М. Галкина-Федорук – живая легенда на филфаке МГУ. Человек неординарный, она невольно привлекала сильным характером, самостоятельностью суждений, оригинальностью мышления, своей открытостью для тех, кто нуждался в поддержке, внимании, просто добром словом». Академик АПН (РАО) Н. М. Шанский отметил, что Е. М. «не только прекрасный человек, но и большой ученый, немало сделавший для развития науки о русском языке, для воспитания научных кадров, причем в то время (40–60-е годы), когда кафедра русского языка являлась признанным центром мировой русистики» (*Донченко Г. В.* Памяти Е. М. Галкиной-Федорук // *Русский язык в школе.* 1998. № 3. С. 100–101).
- <sup>6</sup> *Бернштейн С. Б.* Краткий грамматический очерк чешского языка // *Чешско-русский словарь* / Под ред. П. Г. Богатырева. М., 1947. С. 394–432.
- <sup>7</sup> Как видно из записи от 14 апреля 1948 г., С. Б. Б. все же стал одним из авторов этого учебника. Однако в списках опубликованных трудов ученого этот учебник не значится. Он, вероятно, так и не был издан.
- <sup>8</sup> С. Б. Б. оказался прав. Журнал «Слов’янознавство» в Киеве не издавался, как не был реализован и план создания украинского Института славяноведения во главе с Л. А. Булаховским.
- <sup>9</sup> *Герцен А. И.* Былое и думы // *Герцен А. И.* Собр. соч. В 30-ти т. М., 1956. Т. 8. С. 109.
- <sup>10</sup> Там же. С. 151.
- <sup>11</sup> Там же. С. 150.

- <sup>12</sup> В 1927–1930 гг. органом общественных организаций Московского университета была многотиражка «Первый университет». В 1930 г. она была преобразована в газету «За пролетарские кадры». С 1938 до июня 1941 г. выходила под названием «Первый университет».
- <sup>13</sup> Так в 20-е годы сокращенно называлось Главное управление профессионального образования РСФСР.
- <sup>14</sup> Общество называлось: «Союз воинствующих безбожников СССР». Оно издавало журнал «Безбожник» (1925–1941).
- <sup>15</sup> Дискуссия об «азиатском способе производства» велась советскими историками и востоковедами на рубеже 20–30-х годов. Суть ее была в том, что некоторые историки-марксисты, опираясь на высказывание К. Маркса в «Предисловии» «К критике политической экономии», стали утверждать: в странах Азии существовала особая социально-экономическая формация, отличная от рабовладельческой и феодальной. Эта точка зрения в результате дискуссии была отвергнута. В советской историографии утвердилось мнение, что страны Запада и Востока, несмотря на своеобразие форм собственности и производственных отношений, проходят в общем и целом одинаковые стадии общественно-политического развития.
- <sup>16</sup> И. И. Минц выступил в ходе дискуссии с докладом, в котором позволял себе издевательские высказывания в отношении своих противников, навешивал на них разные ярлыки и призывал исключить всякую возможность научной деятельности «буржуазных» ученых, используя для этого «хлысты» пролетарской диктатуры (См.: Против механистических тенденций в исторической науке. М.;Л., 1930. С. 5–37, 229–239).
- <sup>17</sup> Руководитель штурмовых отрядов Э. Рем был убит 30 июня 1934 г. в Мюнхене. В эту «ночь длинных ножей» нацистское руководство расправилось со своими политическими противниками при помощи СС. Всего было убито 1 184 человека.
- <sup>18</sup> См.: *Gräbner F. Methode in der Ethnologie. Heidelberg, 1911.*
- <sup>19</sup> Речь идет о доме № 5 (который трудно назвать дворцом) на Исаакиевской площади (тогда пл. Воровского), где помещалось несколько научных учреждений, в том числе Научно-исследовательский институт языкознания и Государственная академия искусствознания.
- <sup>20</sup> О праздновании 220-летия АН СССР подробно см.: Вестник АН СССР. 1945. № 7–9.
- <sup>21</sup> Македонски преглед. София, 1934. Кн. 1–4.
- <sup>22</sup> Дамаскины – памятники болгарской письменности XVII–XVIII вв.; рукописные сборники религиозно-нравоучительных сочинений (по имени греческого проповедника XVI в. Дамаскина Студита).
- <sup>23</sup> *Селищев А. М. Очерки по македонской диалектологии. Казань, 1918. Т. 1.*
- <sup>24</sup> Оценка С. П. Обнорского, данная С. Б. Б., субъективна. Большинство его коллег признавали, что он «ученый-патриот», «неутомимый и талантливый исследователь, обогатил русское языкознание крупнейшими по своему значению трудами, подготовил многочисленные кадры педагогов-русистов для высшей школы» (*Борковский В. И. Сергей Петрович Обнорский // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1963. Т. 22. Вып. 1. С. 86–87.*)
- <sup>25</sup> *Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Л., 1927–1930. Т. 1–2.*
- <sup>26</sup> Официально академик В. Л. Комаров ушел с поста президента АН СССР по собственному желанию, в связи с тяжелой болезнью. О В. Л. Комарове см. также: *Гвоздецкий Н. А. В. Л. Комаров. М., 1953; Чернов А. Г. В. Л. Комаров. М., 1969.*
- <sup>27</sup> *Бернштейн С. Б. Учебник болгарского языка. М., 1948. 272 с.*
- <sup>28</sup> Сборник памяти Д. Н. Ушакова не был издан.
- <sup>29</sup> Статья не была опубликована.
- <sup>30</sup> См. 1943 г., прим. 27.
- <sup>31</sup> Докторская диссертация В. П. Петруся «Славянская фонематическая структура типа *tol̩t, tɔlt̩*» была защищена на заседании Ученого совета Института русского языка и Московского отделения Института языка и мышления АН СССР им. Н. Я. Марра 1 ноября 1945 г.

## 1946

**1 января.** Время идет стремительно. Прошлый год пролетел незаметно. Может быть, потому, что произошло много важных событий. В прошлом году успешно работал только вторую половину года. В первую половину очень трудно было сосредоточиться, разные события и дела отвлекали от серьезных занятий. Много было организационной работы на славянском отделении. В новом году я должен защитить диссертацию. Затем на очереди грамматика македонского языка, которую я должен сдать в печать в будущем году, рукопись учебника болгарского языка я забрал из Военного института генерала Биязи. Учебник требует еще работы. Необходимо все тексты перевести на новую орфографию, переработать некоторые параграфы фонетики. И это все нужно сделать в 1946 г. И это еще не все. В конце года наш коллектив завершит работу над болгаро-русским словарем, а я еще должен написать для него грамматический очерк. Как говорится, хлопот полон рот. Вероятно, в этом году что-нибудь выйдет из печати. Сдано много, но издадут сейчас мало и медленно.

**3 января.** Еще осенью прошлого года я вместе с Вульфиус, которая теперь носит фамилию своего второго мужа Пулькина, начал, под руководством одного албанского студента, изучать албанский язык. Встречаемся два раза в неделю. На занятиях основное внимание уделяем фонетике. Грамматикой я занимаюсь самостоятельно. Поразительно легко укладывается в голове лексика. Много хорошо известных славянских, турецких, латинских и греческих слов. Сдерживает темпы занятий Вульфиус, но она сама организовала эти занятия и поэтому ее нужно терпеть. Недавно присоединилась к нам лаборантка моей кафедры Н. С. Зауэр, которая поразительно быстро научилась отлично произносить все трудные албанские звуки. Ей языки даются легко. Она уже обогнала Вульфиус.

**6 января.** Среди прибывших к нам на учение албанских студентов особенно выделяется Юсуф Али-Бали. Умница. За короткий срок научился прилично говорить по-русски. Жаль, что избрал юридическую специальность. Я дополнительно с ним читаю албанские тексты.

**8 января.** Сегодня на факультете отмечали 25-летие со дня смерти В. Н. Щепкина. М. Н. Петерсон выступил с докладом «В. Н. Щепкин – университетский преподаватель». Это был доклад-воспоминание. Затем П. С. Кузнецов огласил доклад на тему «Труды В. Н. Щепкина в области старославянского языка». Я выступил с докладом «В. Н. Щепкин – историк болгарского языка». Неожиданно пришло много народу. В. В. Виноградов предложил опубликовать доклады в новой серии факультета «Доклады и сообщения»<sup>1</sup>.

**12 января.** Сегодня на Ученом совете факультета Петерсон в своем обычном стиле выступил против теорий за факты. Теории приходят и уходят, а факты остаются. Впервые я сердито выступил против своего учителя. «Голых фактов

нет, — сказал я. — *Они все одеты в одежды, сотканые из теорий. Без определенной теории собирать факты нельзя, не говорю уже об их истолковании. На основании старых фонетических описаний диалектов нельзя получить полного представления о всех фонологических оппозициях. Для фонетики нужны одни факты, для фонологии — другие*». Меня активно поддержал А. И. Смирницкий. Петерсон надулся.

**15 января.** Полным ходом идет перепечатка диссертации. Много времени уходит на выверку напечатанного текста, на различные вставки. Я готовлю четыре экземпляра. Машинистка грамотная, печатает хорошо, но машинка старая. Трудно читать третий экземпляр, а четвертый могу читать только я. Регулярно три часа вечером каждый день отдаю болгарско-русскому словарю. В этом году по плану он должен быть завершен. До учебника болгарского языка пока руки не доходят.

**29 января.** Плохо идут дела с курсом введения в славянскую филологию. Теперь этот курс совершенно официально читает Дитякин. Недавно он решил сделать уклон в сторону языкознания и рассказывает студентам яфетические бредни Марра и Державина. По этому вопросу я имел беседу с деканом. Показал Виноградову студенческие записи лекций. Виктор Владимирович согласился со мной, что Дитякину нельзя разрешать чтение лингвистических разделов курса. Вчера состоялась наша беседа с Валентином Тихоновичем. Приняли решение, что четыре лингвистические лекции буду читать я, после чего Дитякин продолжит лекции по другим разделам. Дитякин охотно согласился.

**4 февраля.** Сегодня С. Г. Бархударов напомнил мне, что 15 марта кончается срок моей докторантуры. *«Пора подавать заявление о продлении срока»*, — сказал Степан Григорьевич. Когда я рассказал о положении дел, он развел руками и молвил: *«Редкий случай, чтобы докторские диссертации завершались в указанный срок»*. Я обещал положить на стол готовый текст в день завершения докторантуры. Он сказал, что сразу же после подачи текста диссертации я буду переведен в штат Института русского языка на полставки.

**18 февраля.** Еще в середине прошлого года была сдана в печать рукопись сборника памяти Д. Н. Ушакова. Сегодня мне по секрету сказала одна сотрудница нашего издательства, что Виноградов советовал не торопиться с изданием книги. *«Она не принесет чести факультету»*, — сказал он. Ушаков презирал Виноградова, считал его пустым графоманом. Теперь Виноградов мстит покойному Ушакову. Я сообщил об этом Винокуру и Аванесову.

**21 февраля.** Очень много времени отнимает у меня чтение лекций. Я читаю несколько курсов, которые требуют много времени для их подготовки. В этом учебном году я читаю историю чешского языка, историю сербского языка (оба курса студентам третьего курса), сравнительную грамматику славянских языков (студентам четвертого курса), руковожу семинарием по истории чешского языка. Слишком много. Но что делать!

**1 марта.** Перепечатка текста диссертации почти завершена. На днях завершу выверку и сдам в переплет. Думаю о возможных оппонентах. Конечно, прежде всего М. В. Сергиевский. Он сможет оценить румынскую часть диссертации. Я уже говорил с ним по этому поводу. Он охотно согласился. Но прежде всего нужны слависты с уклоном в историю болгарского языка. Это главное. Прежде всего возникает кандидатура Л. А. Булаховского. Конечно, тематика диссертации далека

от его подлинных научных интересов, но выбора нет. Вот когда остро ощущаешь отсутствие Селищева! Третий оппонент недавно попросился неожиданно сам. Это Н. С. Державин. Узнав, что диссертация готова, он сказал, что с удовольствием возьмет на себя роль оппонента. «*В вопросах теории языка мы с Вами всегда стоим на разных позициях, но я смогу быть выше этого*», – важно сказал академик.

15 марта. Все было готово уже четыре дня тому назад, но я педантично выдерживал срок. Сегодня явился в Институт русского языка с тремя экземплярами диссертации и положил их на стол С. П. Обнорскому. От разных лиц я получил поздравления. Важнее было другое – я получил копию приказа о зачислении меня в штат Института старшим научным сотрудником на полставки в сектор балтославянского языкознания. Сектор фантастический, так как единственным его членом является М. Н. Петерсон. По плану сектора он пишет книгу «*Очерк литовского языка*»<sup>2</sup>. Таким образом, славистику буду представлять я один. Мне сказано, что после защиты диссертации меня утвердят заведующим сектором и дадут две штатные единицы. Бархударов сообщил мне, что предложение заведовать сектором было сделано Петерсону, но он отказался и рекомендовал мою кандидатуру. Это подтвердил Винокур.

24 марта. Передал сегодня экземпляр диссертации Максиму Владимировичу Сергиевскому. Вспоминали Селищева, историко-этнологический факультет, НИЯЗ... Последнее время Максим Владимирович заметно постарел, хотя ему только 53 года. Занят своими делами. Надеется, что в конце года пройдет в члены-корреспонденты Академии наук. Собирает всякие документы, материалы, отзывы. Надеется на помощь Державина и Обнорского. Но это все в Отделении языка и литературы. Главная надежда на Волгина, с которым он много работал в деканате историко-этнологического факультета Московского университета. Я знаю, что Волгин высоко оценивает административные способности Сергиевского и его трудолюбие. А это сейчас ценят выше научных заслуг.

2 апреля. Последнее время специально знакомлюсь с деятельностью нашего классического отделения, беседую с преподавателями, со студентами старших курсов. Трачу на это время с определенной целью. Нужно постепенно возрождать те разделы славяноведения, которые прежде занимали в нем господствующее положение, а позже исчезли. Последними их представителями были еще в советское время П. А. Лавров, М. Н. Сперанский, В. К. Никольский, А. В. Михайлов, Г. А. Ильинский и др. Речь идет об изучении славянской письменности, ее языка, деятельности Кирилла, Мефодия и их учеников, об издании древних текстов и т. п. Мы на славянском отделении самостоятельно готовить специалистов в этой трудной области не можем. У меня созрел такой план. Мы берем в аспирантуру успешно закончивших классическое отделение. Именно они в дальнейшем начнут готовить на славянском отделении соответствующих специалистов. Только пройдя курс классического отделения, можно основательно овладеть греческим и латинским языками. Славистическую подготовку им обеспечит уже наша кафедра. Что касается богословия (знание состава церковных книг, их функций и пр.), то здесь предстоит большая самостоятельная работа. Конечно, Дмитрий Григорьевич Коновалов смог бы обеспечить эту подготовку, но он не станет рисковать головой. Уровень филологической подготовки на отделении невысок. Есть сильные студенты, но они интересуются древней поэзией. Специально посвятить жизнь славянским богословским текстам у них нет никакого желания. Мусор же брать



нет смысла. Говорил по этому вопросу с Соболевским, Петровским, Радцигом, Покровской, Поповым. Все они думают, что студенты с творческими задатками не бросят античную литературу. Даже Сергей Иванович Соболевский сказал мне: «Разве можно поменять Аристофана на черноризца Храбра?» Мне кажется, что можно. Классики думают иначе. Вернусь к этому вопросу позже.

**14 апреля.** Зауэр – настоящая авантюристка. У нее засела в голову мысль вместе со мной начать работу над албанско-русским словарем. Я, конечно, отказался и запретил ей этим заниматься. Сегодня узнал, что она уговаривает одного албанца приступить к этой работе. Поразительное легкомыслие! Вышла из печати новая книжка Н. С. Державина «Славяне в древности»<sup>3</sup>. В этой популярной книжке автор умудрился сделать много элементарных ошибок. Подлинных текстов не читал. Поэтому много старых ошибок из сочинений разных авторов спокойно перекочевали в его книгу. Стыдно за академика. Я уже не говорю о марризме.

**5 мая.** Получил письмо от Л. А. Булаховского. Пишет, что первое впечатление от диссертации благоприятное. Обещает осенью прислать отзыв. Пишет о больших трудностях, с которыми приходится ему сталкиваться. На каждом шагу видны последствия войны. Трудности и научного характера. Большую силу берут марристы (точнее карьеристы, которые на марристской демагогии устраивают свои дела). В партийной организации факультета специально стоял вопрос о курсе сравнительной грамматики славянских языков, который читает Булаховский. «В будущем учебном году этого курса читать уже не буду, – пишет Леонид Арсеньевич. – Завидую вам, что в Москве другая обстановка. У нас на Украине всегда было все сложнее».

**14 мая.** Наконец пошел в набор мой грамматический очерк чешского языка, который печатается при чешско-русском словаре П. Г. Богатырева<sup>4</sup>. Читал рукопись очерка В. Н. Сидоров. Он дал положительный отзыв. Ему не понравилась лишь моя дробная классификация именного склонения. Я стремился все варианты обособить в отдельные группы. Сидоров полагает, что при этом смешивается важное и второстепенное. Нужно дать обобщенную классификацию, а уже затем внутри отдельных групп указать варианты. Вероятно, он прав. Но я не стал переделывать.

**24 мая.** По поручению директора Института русского языка составил план сектора на будущий год. Задача простая. По разделу славистики я наметил составление первого болгарского диалектологического атласа на основе изучения болгарских говоров нашей страны<sup>5</sup>. К лету 1947 г. должен завершить составление вопросника атласа. Первая экспедиция в болгарские села Бессарабии состоится летом 1947 г. В ней примут участие за счет Академии наук студенты славянского отделения Московского и Ленинградского университетов. Кроме того, поставил в план себе написание грамматики македонского литературного языка<sup>6</sup>. В плане Петерсона стоит грамматический очерк литовского языка.

На днях получил от ректора Ленинградского университета А. А. Вознесенского приглашение принять участие в первой послевоенной славистической конференции, которая состоится в Ленинграде с 15 июня по 4 июля<sup>7</sup>. Я поблагодарил за приглашение. Однако принять участие в ней не смогу, так как на конец июня у меня намечено много экзаменов.

**27 мая.** Сегодня в дирекции Института русского языка мне было заявлено, что денег на экспедицию в 1947 г. сектор не получит. Денег отпущено мало, и все они предназначаются сектору диалектологии по сбору материала для атласа

русских говоров. Славистика в Институте русского языка всегда будет на положении бедной родственницы. Печально.

29 мая. Лекции в этом году закончены. Их было слишком много. Поэтому будет очень много экзаменующихся. Я провожу экзамены медленно. С утра до пяти часов вечера могу пропустить не более 20 студентов. А их в этом году будет очень много.

5 июня. Прекратил работу над вопросником болгарского атласа, так как экспедиционная работа может начаться только в 1948 г. В 1947 г. я смогу поехать один для предварительного сбора материала, для определения маршрута экспедиции. Так мне сказали в дирекции. Я сейчас интенсивно готовлю рукопись учебника болгарского языка. Переделок больше, чем я думал. Много времени отнимет хрестоматия и составление словаря к тексту хрестоматии. Пишу грамматический очерк болгарского языка для болгарско-русского словаря.

9 июня. В настоящее время у нас многие лингвисты очень озабочены необходимостью четкого разграничения синхронии и диахронии. Однако это стремление обычно ясно обнаруживается в работах и докладах специалистов по современным литературным языкам. За пределами данной области это стремление пока выражено слабо. В этом отношении исключение представляет лишь Григорий Осипович Винокур. Еще в своей довоенной статье «О задачах истории языка» (правильнее было бы назвать статью «О задачах изучения истории языка») Винокур серьезно поставил вопрос о синхронии различных этапов истории языка. Он писал тогда: «В том историческом процессе, который представляет собой существование данного языка, должны быть выделены известные стадии, на каждой из которых изучаемый язык представляет собой систему, отличную от предыдущей и последующей. Каждая такая система должна быть изучена как реальное средство общения соответствующего времени и соответствующей среды, т. е. в исчерпывающей полноте тех внутренних связей и отношений, которые в этой системе заключены»<sup>8</sup>. В настоящее время он углубил анализ и перешел от общих рассуждений к конкретным исследованиям. Вчера он знакомил меня с итогами своих наблюдений над языком Мстиславовой грамоты<sup>9</sup>. Постоянное общение с Винокуром оказывает плодотворное влияние на мои лекции по сравнительной грамматике славянских языков. Если прежде я весь праславянский материал излагал на основе формального этимологического метода (история \*ъ и т. д.), то теперь я стремлюсь к синхронному изложению истории праславянского языка. Конечно, пока это реализуется в самой общей форме, схематично. Буду углублять этот аспект. Ценные соображения в этом плане я нахожу у Н. Н. Дурново, который, однако, сам ими в конкретных исследованиях не воспользовался.

14 июня. Из Кишинева прилетел М. В. Сергиевский. Рассказывал о страшных разрушениях в городе. Сообщил мне, что отзыв на мою диссертацию уже написан. *«Есть критические замечания, – сказал Максим Владимирович. – Однако оценка высокая. Во время полета из Кишинева была небольшая авария. Вынуждены были сесть прямо на поле. Страху натерпелись основательно»*.

18 июня. Сегодня экзаменовал по истории чешского языка. Проходя после экзамена по коридору, чуть не наступил на крысу, которая с перебитыми задними лапами медленно ползла, оставляя на полу полосу крови. Меня охватил какой-то страх, я почувствовал тошноту, захотелось сплунуть. Преодолевая брезгливость, я быстро, не оборачиваясь, пошел в деканат сдавать экзаменационные листы. Здесь я столкнулся с К. А. Левковской, лицо которой выражало скорбь и тревогу. От нее узнал, что вчера вечером у Максима Владимировича на даче произошел удар, и

положение очень опасное. Она снимает дачу рядом и видела Максима Владимировича через несколько минут после удара. Рядом живут два хороших терапевта. Они выражают надежду на выздоровление, но ничего определенного сказать не могут. Уже достали нужные лекарства, делают уколы. Это сообщение меня потрясло. Вчера после экзаменов я вместе с Максимом Владимировичем сидел на заседании Ученого совета. Он был весел, оживлен, на спинке стула висела авоська с разными продуктами, которые он должен был привезти на дачу. Покинул он заседание раньше всех, так как спешил к определенному поезду на вокзал. Весело со всеми попрощался и ушел. И все это происходило за два-три часа до удара.

**21 июня.** Вчера после второго удара (кровоизлияния в области мозжечка) Максим Владимирович скончался. Сегодня я был на даче и видел покойника. Лицо спящего человека. Были еще его родственники, коллеги, аспиранты. Нам предстояло перевезти тело в клуб университета на улицу Герцена. Это оказалось трудной задачей по многим причинам. Катафалк не мог проехать в поселок. Пришлось нести гроб километра два. Но и значительная часть пути на катафалке была ужасной. Чтобы не повредить лица покойника, мы сняли крышку гроба и держали тело, чтобы оно на многочисленных ухабах не вывалилось. На одном из ухабов неожиданно рука покойника сделала резкое движение и сильно ударила по лицу зятя Максима Владимировича. С молодым человеком началась истерика. Наконец, поздно вечером мы доставили труп. Завтра будет похороны.

**22 июня.** Сегодня мы хоронили Максима Владимировича Сергиевского. Сперва состоялась панихида в клубе. Пришло очень много народу. Гроб утопал в цветах. Оркестр исполнял траурную музыку. Выступали друзья, коллеги, аспиранты, студенты. Были незнакомые молодые женщины, лица которых выражали неподдельное горе. Затем большой кортеж машин направился в крематорий, где продолжалась панихида. Здесь с необыкновенно проникновенным словом выступил Вячеслав Петрович Волгин. За это выступление я еще больше его полюбил. Домой я ехал вместе с Винокуром. Он был очень печален. «*Теперь пришел мой черед*», – сказал он грустно. Я не стал говорить пошлых слов, только молча обнял его.

**29 июня.** Жизнь идет своим чередом. Завершаются экзамены. Экзамены по истории чешского и сербского языка прошли бледно. Блестящих ответов не было. Вызубрили свои записки, богемисты еще прочитали Селищева, сербисты ограничились Кульбакиным. Значительно лучше отвечали студенты четвертого курса сравнительную грамматику славянских языков. Этот экзамен доставил мне удовольствие. Вероятно, сравнительную грамматику я читал лучше, интереснее, нежели историю чешского и сербского языков.

**1 июля.** Университетские дела завершены. Однако отдыха летом не будет. Все лето должен работать. Иначе не выполню своих обязательств этого года. Вчера Милица Александровна Сергиевская передала мне рукопись отзыва на мою диссертацию. Отзыв, конечно, на диспуте огласят, но теперь нужен новый оппонент. У Бархударова возникла кандидатура Б. А. Ларина. Я не стал возражать, хотя и не был в восторге.

**15 июля.** Сегодня полностью завершил работу над учебником болгарского языка. Издавать учебник будет Издательство литературы на иностранных языках. Сам я не считаю этот учебник вполне удавшимся. Работал я над ним долго, но на разных этапах передо мной стояли разные задачи. Это отчетливо видно. Надеюсь, однако, что он принесет свою пользу.

**1 августа.** С большим удовольствием работаю над описанием грамматического очерка македонского языка. Морфология готова. Один вопрос хочу осветить подробнее в специальной статье. Имею в виду окончание 3 л. ед. ч. настоящего времени<sup>10</sup>. Вопреки старой традиции, опыту Мисиркова, данным диалектологии в современном литературном языке окончание *-т* упразднили. Для этого нет никаких оснований. В этом году стоит поразительно жаркое лето. Совсем нет дождей. Вероятно, будет плохой урожай. Видел вчера одного молдаванина. В Бессарабии все сгорело.

**10 августа.** Сажу за письменным столом с утра до позднего вечера. Переменяю работу над македонским языком с составлением и редактированием болгарско-русского словаря. Пока все идет по плану. Усталости не чувствую.

**17 августа.** Провел несколько дней на даче у своих друзей. Ольга Николаевна уехала лечиться в Цхалтубо. Небольшой отдых на лоне природы не только полезен, но и приятен.

**20 августа.** После смерти Т. Луканова работа над словарем пошла быстрее и легче. Он умер в феврале месяце этого года. Редактировать его карточки было мучение. Луканов был пустым, чванливым и глупым человеком. Удивительно, что он мог играть какую-то роль в болгарском революционном движении. Был страшный хвастун. Е. П. Тинева рекомендовала не верить ни одному слову Луканова. Совсем другое впечатление оставляет Тинева. Интеллигентность, скромность, трудолюбие – вот качества этой милой и симпатичной болгарки. Наша работа с ней идет быстро. К концу года все будет готово.

**22 августа.** На основе одного раздела диссертации пишу статью для «Известий ОЛЯ». Дал ей название «К вопросу об источниках славянской письменности в Валахии»<sup>11</sup>. В ней рассматривается вопрос, выходящий за рамки основной задачи диссертации. Для возникновения здесь своей письменности на славянском языке были местные источники. Вот почему она появилась в Валахии еще до интенсивного болгарского влияния, вызванного бегством многих болгарских книжников после турецкого завоевания Болгарии. Мне представляется, что статья может быть полезной историкам древней славянской письменности в разных странах.

**2 сентября.** Вчера вечер провел у Леонида Петровича Гроссмана. Были еще Г. О. Винокур, А. Я. Таиров и актер А. Н. Глумов. У всех похоронное настроение. Вызвано это последним постановлением партии от 14 августа<sup>12</sup>, о котором я ничего не знаю. Кажется, что оно еще не опубликовано, но мои собеседники имеют о нем полную информацию. Мрачный А. Я. Таиров говорит: «*Это только начало. Нас всех ждут тяжелые времена*». Гроссман пытался развеять мрачные предчувствия, но это звучало наивно и неубедительно. Неожиданно Глумов встал и очень сильно прочитал «Пророк» Пушкина. Все долго молчали. После великих пушкинских слов нельзя было говорить. Домой возвращался с Винокуром. Григорий Осипович сказал: «*Мы еще будем вспоминать счастливые времена военного времени*». Не хочу в это верить.

**5 сентября.** Оказывается, я отстал от событий. Уже 30 августа наши университетские литературоведы широко на кафедрах обсуждали постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград».

**15 сентября.** В этом учебном году для студентов 2-го и 3-го курсов читаю историю болгарского языка, для студентов 2-го курса – историю сербского языка, спецкурс по болгарской фонетике и веду семинарии по болгарскому и чешскому языкам. Историю болгарского языка читаю студентам по-болгарски.

Вспоминаю работу в Одесском педагогическом институте, где все специальные предметы в 1934–1938 гг. я читал на болгарском языке. Прошло с тех пор много лет. Поэтому первую лекцию я дома всю написал на болгарском языке. Однако уже во время лекции я отошел от текста и свободно излагал суть дела по-болгарски. Вчера прочитал вторую лекцию уже без предварительной языковой подготовки. Лучше всего кафедра обеспечивает преподавание практических занятий по польскому языку. Здесь нам большую и вполне квалифицированную помощь оказывает поляк Химова. Повысил уровень языковой подготовки наших полонистов Г. Вольпе, который прочитал на польском языке годовой курс, посвященный Мицкевичу. В прошлом году наш факультет по отделению русского языка и литературы закончила Е. Окунева. По совету и рекомендации ее руководителя я взял ее в аспирантуру по польской литературе несмотря на то, что она не знает ни польского языка, ни польской литературы. Аналогичный опыт я сделал с другим выпускником факультета С. Никольским. Его рекомендовал мне П. Г. Богатырев. Под его же руководством Никольский проходит аспирантуру по чешской литературе. Опыт рискованный, но ждать выпускников славянского отделения нельзя. Историю чешской литературы пока читает А. И. Павлович, читает на низком уровне. В свое время прочитать курс истории болгарской литературы обещал Н. С. Державин, но теперь после тяжелой болезни он полутруп<sup>13</sup>. Во время войны я дважды на отделении русского языка и литературы читал курс истории сербской литературы. Это был компилятивный поверхностный курс, который давал русистам некоторую информацию об одной из зарубежных славянских литератур. Сейчас я не могу тратить время и силы на чтение подобного курса. Кроме того, сербисты нуждаются в более серьезном курсе. В мои студенческие годы историю сербской литературы читал Г. А. Ильинский. Курс был факультативный, и я не посетил ни одной лекции. Значительную часть Ильинский посвящал Вуку [Караджичу]. Именно здесь возник интерес к сербскому фольклору у Н. И. Кравцова, который через несколько лет опубликовал большую книгу о сербском эпосе<sup>14</sup>.

**20 сентября.** Среди студентов-болгаристов есть одна миниатюрная студентка Надя Котова. Из коренной московской неинтеллигентной семьи, дочь почтальона. Первое время на нее никто не обращал внимания. Своим внешним видом она не давала никаких оснований для надежд. Однако эта совсем неказистая девушка обладает незаурядными способностями в изучении языков, в умении анализировать сложные тексты. Трудолюбива и скромна. Я ей сейчас начал уделять особое внимание. Нет сомнений, что Котова наш будущий аспирант. О более далеком будущем пока загадывать не буду.

**27 сентября.** Написал злую рецензию на скверную книжку Н. К. Грунского «Вступ до слов'янського мовознавства», которая в этом году вышла из печати на Украине в издании «Радянська школа»<sup>15</sup>. Труды Грунского никогда не украшали русского славяноведения<sup>16</sup>, но эта книга ниже всякой критики.

**5 октября.** Все последние дни был занят подготовкой к докладу «Проблемы балканского языкознания». Вчера доклад состоялся в зале Института русского языка. Инициатором доклада был Н. Ф. Яковлев. На докладе присутствовали лингвисты разных специальностей. Доклад в основном был посвящен теории языковых союзов, проблеме субстрата, роли фракийского субстрата в формировании так называемых балканизмов. Доклад вызвал оживленные прения. Было много сказано за и против теории субстрата, по-

нятия языкового союза и т. д. Примечательно, что были резкие столкновения между лингвистами, исповедующими «новое учение о языке». Интересно выступал Д. В. Бубрих. Среди поколения моих учителей Дмитрий Владимирович сейчас, может быть, самый яркий лингвист. Мне неоднократно приходилось с ним обсуждать различные вопросы в Ленинграде в бытность мою аспирантом зимой 1933–1934 гг. М. Г. Долобко высоко оценивал возможности Бубриха, но одновременно отмечал [его] склонность к смелым построениям без серьезного фундамента. Л. П. Якубинский это же выразил словами поэта: *«Бубрих не умеет наступать на горло собственным теориям»*.

15 октября. Состоялось решение Президиума АН СССР о создании специальной комиссии по изучению языка гагаузов<sup>17</sup>. Председателем комиссии утвержден Н. К. Дмитриев. В состав комиссии вошел и я. Всему этому предшествовали многочисленные заседания, споры и т. д. Баламутят братья Арабаджи (гагаузы) и И. И. Мещерюк, бессарабский болгарин, отличный знаток гагаузского языка. Они хлопочут о создании гагаузского литературного языка, чтобы маленькие гагаузайчики с первого класса могли учиться на родном языке. Дмитриева же все это интересует в плане изучения гагаузских диалектов. Состоялось первое официальное заседание комиссии. Боюсь, что в работе будет много трудностей, так как самые активные члены комиссии не имеют элементарной лингвистической подготовки. Без особых прений было принято решение положить в основу литературного языка так называемый *чадырлунгский* говор. Естественно, что алфавит должен быть русским с добавлением некоторых букв. Братьям Арабаджи и Мещерюку было поручено подготовить проект гагаузского алфавита к следующему заседанию комиссии, которое намечено провести в январе–марте будущего года. Дмитриев в беседе со мной уже после заседания комиссии справедливо указал на необходимость изучения ситуации на месте без участия наших гагаузов. В какой степени существует потребность в новом литературном языке, как к этому отнесутся местные учителя, газетные работники и т. д.? *«Нужно туда поехать»*, – сказал Николай Константинович. Выяснилось, что в ближайшие месяцы ни он, ни я поехать в Бессарабию не сможем. Я поеду туда по своим делам только летом будущего года.

2 ноября. В прошлом месяце вышел из печати справочник «Балканские страны» с целой серией моих статей. Сегодня читал корректуру статьи «В. Н. Щепкин – историк болгарского языка»<sup>18</sup>. Набрали отменно. Булаховский пишет, что скоро выйдет отзыв на диссертацию: «Определенно в Вашу пользу».

10 ноября. Вышел из печати первый выпуск «Докладов и сообщений филологического факультета». Это будет теперь наш печатный орган. Посвящен памяти М. В. Сергиевского. Открывается неожиданной для Петерсона статьей «Проблема метода в языкознании». Заканчивая свою статью, Петерсон пишет: «Таким образом, должны изучаться не отдельные элементы языка в произвольном порядке, а соотношение элементов в их закономерной связи со всеми другими элементами языка. Для установления генетических и типологических соотношений между языками необходимо производить сравнение целых систем, а не отдельных языковых явлений, произвольно вырванных из системы»<sup>19</sup>. Все это справедливо. Однако у Михаила Николаевича нет ни одной работы, в которой бы автор реализовал, хотя бы в самой малой степени, указанные выше постулаты. Мало знать, что язык – это система. Это нужно чувствовать нутром. Беда Петерсона в том, что он спокойно мо-

жет заниматься исследованиями языка на уровне старых атомарных представлений. Он говорит и пишет о системе языка, но она у него не работает. Еще во время пребывания в Москве Л. А. Булаховский выступил с докладом «Значение славянских языков для реконструкции древнейшей системы родственных языков». В первом выпуске напечатаны тезисы доклада из шести параграфов<sup>20</sup>. Докладчик подчеркивал особую важность данных славянских языков в реконструкции праиндоевропейского состояния. В прениях по докладу выступали несколько человек. Я сказал примерно следующее: «В таком случае почему в этимологических исследованиях, в индоевропейских этимологических словарях (например в словаре Ю. Покорного)<sup>21</sup> так скупо представлен славянский материал? В словаре Покорного процент примеров из литовского языка значительно выше процента примеров из всех славянских языков. Не следует забывать, что славянские языки не знают очень многих индоевропейских слов, относящихся к важнейшим элементам словаря. Отсутствуют многие индоевропейские грамматические категории, часто и следов от них нет. Я думаю, что праславянский может быть причислен к консервативным индоевропейским языкам, но не к архаическим. Есть все основания думать, что в праславянском диалекте индоевропейского языка отсутствовали некоторые общеиндоевропейские черты. Он занимал периферийное положение в индоевропейском языковом континууме (в восточной его части), был далек от тех центров индоевропейской речи, где наблюдалось активное развитие важнейших инноваций».

**12 ноября.** Поразительно устроена голова Николая Каллиниковича Гудзия. Отлично знает все тексты «Анны Карениной», все варианты, всю литературу об этом произведении читал и перечитывал, но, не проникнув глубоко в замыслы автора, не уяснил себе стилистики романа, его структуры и композиции. А ведь сколько сил и времени было потрачено на подготовку текста академического издания, на комментирование романа. К сожалению, большинство литературоведов плоско воспринимают художественные произведения, им не хватает интеллекта, чтобы глубоко распознать замысел автора. Толстой Гудзию не по зубам. А сколько у нас таких литературоведов: Бродский, Пиксанов, Нейман, Благой... Поэтому молодежь в ИФЛИ в прошлом и теперь на филологическом факультете МГУ тянется к таким лекторам, как Гриб, Пинский, Аникст, которые способны были не только рассказывать, но и анализировать не шаблонно, а творчески. Это прежде всего относится к Пинскому, человеку сильного интеллекта, превосходному аналитику. На его примере видно, что главное – не эрудиция, которой он, кстати, не блещет, а сила ума, логика, убежденность. Из ленинградских литературоведов я бы особо выделил Григория Александровича Гуковского. Подлинный литературовед!<sup>22</sup>

**14 ноября.** В свободное от занятий время для отдыха я люблю посещать цирк и кладбище. Почему я получаю удовольствие от мест, где живое и мертвое выражается в наибольшей степени? Странно. Интерес к театральным зрелищам во всех его видах очень ослабел.

**18 ноября.** Пришел, наконец, отзыв на мою диссертацию от Булаховского. Гора родила мышь. Держал диссертацию восемь месяцев только для того, чтобы на 9 страницах хвалить, а в конце сделать несколько замечаний по стилю. Такой отзыв можно написать за несколько дней. Неужели он не мог найти времени для более серьезного отзыва. Ведь такой отзыв роняет его престиж. Надо было об этом подумать. Значит, уже нет амбиции, а это старость, старость в 58 лет. Очень

огорчил меня этот отзыв. Державин сказал, что отзыва до защиты не будет. И Ларин привезет отзыв с собой из Ленинграда в день защиты. Я не был знаком с отзывами своих оппонентов и на кандидатском диспуте до их оглашения на самой защите. Тем более не могу роптать теперь. Много времени отнимает словарь. Скоро будет готов. Вчера закончил грамматический очерк к словарю.

19 ноября. Принято решение, чтобы после выступления оппонентов был оглашен отзыв Сергиевского. Его должен читать человек, знающий румынский язык, так как в отзыве много текстов на этом языке. От Бархударова узнал, что читать будет Константин Николаевич Державин.

20 ноября. Сейчас трудно себе представить, что до 1934 г. наше правительство не признавало никаких ученых степеней. Сразу после революции они были отменены. Была существенно упрощена и система ученых званий. Были отменены различия между ординарными и экстраординарными профессорами, отменены звания приват-доцентов. Правда, независимо от решений правительства, в академической среде в той или иной форме защиты диссертаций порой продолжались, но все это носило частный характер. Не было единой процедуры, обычно защищались диссертации без указания степени, результаты защиты не подтверждались документами. Широко было распространено мнение, что ученые степени являются признаком буржуазной науки и потому они глубоко чужды советскому строю. С подобными взглядами приходилось сталкиваться постоянно. В высших учебных заведениях и научных учреждениях еще работали люди, которые получили ученые степени в дореволюционное время. Обычно носители этих степеней старались забыть об этом. Во всяком случае, в анкетах и биографиях об этом не сообщалось. Особенно остро этот вопрос стоял в провинции. Одесский профессор П. О. Потапов перед революцией получил степень магистра за диссертацию об Озере<sup>23</sup>. В 1925 г. в одной анкете он сообщил, что является носителем ученой степени магистра. Это обстоятельство вызвало у него серьезные неприятности, о которых в период нашего знакомства, уже после признания ученых степеней, он вспоминал с улыбкой.

После введения ученых степеней в 1934 г. результаты всех частных защит до этого срока, как правило, не признавались. Так было, например, с К. Н. Державиным. Во второй половине 20-х годов он в Ленинграде защитил с большим успехом диссертацию по западной литературе. Один из письменных отзывов принадлежал Анри Барбюсу. Однако после введения степеней эта защита не была признана, так как не было никаких документов, ее подтверждающих. Державин отказался собирать свидетельские показания. Так, до конца жизни он, автор многих серьезных книг (достаточно назвать хотя бы его известную монографию о Вольтере<sup>24</sup>), не имел даже степени кандидата наук. Н. С. Державин как-то по этому поводу сказал: *«Хорошо иметь за спиной отца академика... Можно задрать нос»*. Но мне известны аналогичные случаи с людьми, у которых не было отцов академиков. Таких случаев было даже больше. За них некому было хлопотать. Некоторые изменения в отношении к ученым степеням начали ощущаться уже в начале 30-х годов. Однако полное признание они получили только в январе 1934 г., когда было опубликовано специальное постановление за подписью Куйбышева.

Отсутствие ученых степеней стало болезненно ощущаться в академической среде уже в середине 20-х годов. В некоторых республиках (на Украине, в



Азербайджане) именно в это время восстановили степень доктора наук, которая, однако, в РСФСР не признавалась. И на Украине, и в Баку эти степени не давали никаких административных и материальных преимуществ. В Москве было подготовлено несколько проектов. Один из проектов принадлежал О. Ю. Шмидту. В. П. Волгин в статье «Об установлении единой ученой степени» (Научный работник. 1926. № 7–8. С. 8) писал: «Дело для нас совершенно ясно: ученая степень (речь шла только об ученой степени кандидата наук) необходима для упорядочения и уточнения квалификации, в зависимости от которой решается вопрос о занятии тех или иных должностей». Было, однако, в различных учреждениях (в Наркомпросе, в ГУСе, Главпрофобре и др.) много активных противников ученой степени, которые связывали ученую степень доктора наук с ушедшими в прошлое академическими порядками. Борьба продолжалась почти 10 лет. Она была завершена лишь в 1934 г. опубликованием указа о введении ученых степеней кандидата и доктора наук<sup>25</sup>. После этого было еще несколько уточняющих постановлений.

**22 ноября.** Сразу же после революции университеты стали ареной острой политической борьбы. Либеральная профессура, боровшаяся до революции с консервативными порядками царской России, требовавшая университетской автономии, способная в виде протеста покинуть стены родного университета, в новых условиях вновь должна была бороться за университетскую автономию, но теперь уже не с царскими чиновниками, а с представителями самой радикальной политической доктрины. Изменились акценты, но борьба продолжалась. Правда, на этот раз она стала жестче и беспощадней. До середины XIX в. русские университеты стояли на очень низком уровне. Конечно, можно назвать несколько крупных имен того периода, но не они делали погоду. Понятным было стремление серьезных молодых людей из состоятельных семейств получить высшее образование за границей (чаще всего в Германии). Хорошо известен отзыв И. С. Тургенева о Петербургском университете, отзыв справедливый<sup>26</sup>. Часто в русских университетах профессора меняли свою специальность. Так, юрист мог легко стать филологом, математик – специалистом по русской словесности. Положение медленно, но неуклонно менялось к лучшему. Этот процесс стал особенно заметен в пореформенный период. Уже в 80-е годы в Московский университет приезжают иностранные студенты и молодые ученые, чтобы учиться сравнительному языкознанию у профессора Фортунатова. К концу столетия лучшие русские университеты стояли на уровне европейской науки. В начале XX в. немало русских ученых стали желанными гостями самых прославленных университетов Европы.

Вот один пример. Профессор Московского университета историк Англии П. Г. Виноградов в 1902 г. становится профессором Оксфордского университета. Престиж русской науки в это время стоял высоко. Сразу же после революции еще в разгар гражданской войны были приняты решения, которые грозили вернуть русские университеты к началу XIX в. Новая власть поставила задачу превратить университеты в центры культурно-просветительной работы в массах. Предлагались различные прожектерские планы реорганизации университетов. В 1918 г. в Москве дважды проходили совещания, на которых принимались различные решения по коренному изменению подготовки специалистов. Главная задача состояла в том, чтобы изменить социальный состав студенчества. Пусть студент ничего не знает, но он должен происходить из рабочей или крестьянской среды. 23 август

та 1918 г. был принят декрет «О приеме в высшие учебные заведения РСФСР»<sup>27</sup>, который отменял экзамены при поступлении в университет. Естественно, что не требовался и документ об окончании средней школы. В 1918 г. было подано в Московский университет 5 892 заявления. Основная масса подавших заявления не имела среднего образования. По инициативе М. Н. Покровского при университетах были организованы рабочие факультеты (рабфаки), которые должны были спешно готовить рабочую молодежь в университет.

Я поступил в Московский университет через десять лет после экспериментов 1918 г. Срок достаточный, чтобы трезво и беспристрастно оценить последствия университетских реформ. Могу с уверенностью сказать, что во время моего обучения большинство студентов историко-этнологического факультета проходили курс безо всякой для себя пользы. Общий культурный уровень основной массы студентов был поразительно низким. Экзамены были отменены, а получить зачет у большинства преподавателей не представляло большого труда. Особенно это относилось к отделениям историческому и литературоведческому, где обучалось много «активистов». На этнографическом их было значительно меньше, и это создавало здесь более благоприятную обстановку для обучения. Наши «зубры» (Селищев, Петерсон и др.) не боялись «активистов» и требовали на зачетах серьезных знаний. Основная масса «активистов» науками не занималась. Все свое время «активисты» тратили на бесконечные заседания, митинги, проработки преподавателей и профессоров, выявление классовых врагов и незаконно поступивших в университет детей интеллигенции. Учиться было некогда, да не было и большого желания. «Активисты» держали себя подлинными хозяевами университета. Они распределяли стипендии в профкоме, санкционировали выдвижение студентов на научную работу, в аспирантуру; следили за чистотой марксистской методологии, не имея самой элементарной философской подготовки; они травили неугодных им профессоров и преподавателей. 15 лет тому назад я закончил Московский университет. Где теперь все эти «активисты»? Их нет ни в университете, ни в Академии наук. Фамилии их забыты. Кто помнит теперь Захара Крайнюка, Ильюхова и многих других университетских «активистов»? Со всеми другими они канули в Лету.

Впрочем, не все исчезли. Илья Саввич Галкин занимает первый пост в университете. Однако он не был типичным «активистом», так как до поступления в университет был учителем. За прошедшие десять лет многие дети рабочих и крестьян пополнили ряды советской интеллигенции. Немалую роль в этом сыграл наш университет. Но эта интеллигенция особого рода. Представители ее не любят слово «интеллигенция», предпочитают называть себя служащими. Они и служат в различных учреждениях, часто занимают высокие посты. В науку же за эти годы вошли бывшие «академисты», которые позорили высокое звание советского студента. Все описанное мною относится к 20-м годам.

Положение несколько изменилось к лучшему в предвоенные годы. Филологический факультет ИФЛИ стоял неизмеримо выше по всем признакам. К этому времени изменились условия приема, повысились требования, поднялся уровень подготовки московских школьников, исчезли великовозрастные студенты старше 30 лет. Были существенно ограничены права и возможности студенческих общественных организаций. И это дало свои положительные результаты. Среди известных литературоведов и лингвистов велик процент бывших ифлийцев.

**2 декабря.** Написал вступительную речь. Сделал два варианта. Больше понравился первый, на нем и остановился. Основное содержание – задачи изучения болгарского языка, значение валашских грамот. В газете опубликовано объявление, что защита диссертации состоится 6 декабря. Это случайно совпало с четвертой годовщиной со дня смерти Селищева. Оппонентов не боюсь. Не исключено отрицательное голосование отдельных членов Совета, так как среди них есть марристы, а главный маррист, академик Мещанинов, будет даже председательствовать на самой защите. Мое отношение к марризму известно всем лингвистам. Известно, что в начале 30-х годов я состоял членом антимарровской группы «Языкфронт»<sup>28</sup>.

**9 декабря.** Прошла неделя после моей последней записи. За это время в моей жизни произошло важное событие. Как и было объявлено, 6 декабря состоялся мой докторский диспут в зале Института русского языка (Волхонка, 18). Неожиданно для меня на защиту пришло очень много народу. Зал был переполнен, многие стояли в соседней комнате. Присутствовали не только сотрудники Института и преподаватели факультета. Вижу лица некоторых историков, с которыми подружился в Ашхабаде и Свердловске, много студентов. Открывает заседание И. И. Мещанинов. Он дает слово секретарю, который оглашает документы. Затем слово предоставляется мне. Я говорил свою речь спокойно, но позже мне многие говорили, что на трибуне я стоял бледный. Затем первое слово дается оппоненту, академику Державину. У него нет готового текста, и он говорит безо всякого плана, неожиданно переходя от одной темы к другой. Основное в его выступлении – славяно-румынские языковые и этнические отношения. Он далеко уходит от конкретных проблем моей диссертации и погружается в этнологические дебри в марристском стиле. Иногда мне кажется, что он вообще забыл о цели заседания. Наконец, поток его красноречия иссяк, и он произносит трафаретную фразу о том, что я достоин степени доктора филологических наук. Многие вздыхают с облегчением, так как заметно устали от речи оппонента. Мещанинов передает слово Б. А. Ларину. Однако прежде чем Ларин успел подняться на трибуну, снова заговорил неутомимый Державин. Он решил блеснуть своими познаниями в области истории русской славянской филологии. Он сказал, что ровно сто лет тому назад в Харькове состоялся первый в России докторский диспут по славянской филологии<sup>29</sup>. Мне кажется, что это было не очень уместно. Однако в зале раздался по этому поводу даже жидкие хлопки. Ларин говорил кратко, ясно и по существу. Не будучи специалистом по проблемам диссертации, он, однако, хорошо понял задачи исследования, методику, познакомился с материалами работы. Он дал высокую оценку труду, но одновременно указал на несколько промахов. Замечания его были справедливыми. После выступления второго оппонента председатель уходит на другое важное заседание и передает свой председательский пост Виноградову, который только что выбран в академики. Секретарь оглашает письменный отзыв Л. А. Булаховского, так как Леонид Арсеньевич не смог приехать из Киева. С кафедры летит сладкая патока. Затем К. Н. Державин читает длинный отзыв покойного Сергиевского. После этого Виноградов предоставляет мне слово для ответов оппонентам. Должен сказать, что я оказался в затруднительном положении. Державину и Булаховскому практически материала для ответов не было. Ответы Ларину не заняли много времени. Широкое поле для дискуссии давал отзыв Сергиевского, так как Максим Владимирович допустил ряд серьезных фактических ошибок. Но упрекать в этом уже покойного оппонента... На ответы и трафаретные штампы у меня

ушло минут десять. Завершив всю необходимую в таких случаях процедуру, я с большим волнением долго говорил о своем учителе, который ушел от нас ровно четыре года назад. Неожиданно для меня голосование было единогласным: все члены Совета единодушно проголосовали за присуждение степени доктора наук. В счетную комиссию входили Винокур, Жирков и Яковлев. Читал протокол Яковлев. После этого начались всякие слова, рукопожатия и даже целования. Только на другой день я смог оценить меру усталости\*.

**15 декабря.** Имеется уже предварительное решение о создании в Академии наук Института славяноведения<sup>30</sup>. Он будет создан на основе сектора южных и западных славян Института истории, балто-славянского сектора Института русского языка и Славянской комиссии при Президиуме Академии наук. Фактически институт будет создаваться на голом месте, так как балто-славянский сектор и Славянская комиссия почти мифические организации. Говорят, что директором будет академик Греков. Это сильный удар по Державину, благодаря которому и принято решение о создании института. Он был директором Института славяноведения в 1931–1934 гг., активно хлопотал сразу же после войны об организации нового Института, привлек на свою сторону Г. М. Димитрова и Е. Ярославского. И вот... Институт создан, но руководителем будет его старый враг. Намечаются два заместителя директора: академик Пичета по истории и академик Обнорский по филологии. Как бы Державина не хватил второй удар.

**21 декабря.** По инициативе академика Пичеты вчера состоялась моя встреча с ним в помещении Института истории. Он сообщил мне о предстоящем решении и предложил занять пост руководителя сектора филологии. Прежде чем дать ответ, я охарактеризовал положение дел с кадрами как по языкознанию, так и по литературоведению. Специалистов нет, их теперь нужно создавать. Этим я занимаюсь в университете уже три года и знаю, как это теперь сложно и трудно. «Будем теперь создавать эти кадры здесь, в Академии наук», – ответствовал академик.

**23 декабря.** Многие поздравляют меня с блестящим докторским диспутом. Я отмалчиваюсь, так как знаю, что никакого блеска не было. Диспута вообще не было. Была удачная процедура, которая имеет весьма отдаленное отношение к научному диспуту. Все это как в капле воды показало уровень науки в нашей стране. Не нашлось ни одного человека, который бы на высоком профессиональном уровне мог разобрать, проанализировать мою работу, показать ее достоинства и недостатки. Все это очень печально. Если все сводить к внешней стороне, то все действительно было превосходно (даже несусветная болтовня Державина).

**26 декабря.** Только 20 декабря мое «дело» из Института ушло в ВАК. Теперь оно там должно пройти две стадии: экспертную комиссию и заседание ВАКа. На это уходит несколько месяцев.

\* Позднее С. Б. Б. вспоминал: «Отчетливо помню этот день. День стоял пасмурный, холодный. Защита проходила в зале того здания, где теперь находится Институт русского языка (Волхонка, 18). Председательствовал на защите И. И. Мещанинов, который в середине защиты ушел и передал свои функции В. В. Виноградову, только что избранному в состав академиков. Подробно я уже писал о защите. Помню, мне хотелось в своем вступительном слове сказать о том, что ровно сто лет тому назад в Харькове состоялся первый в России докторский диспут по славянской филологии. Я имел в виду диспут Срезневского. Не сказал, так как это могло прозвучать нескромно» (запись от 9 декабря 1976 г.).

**31 декабря.** Осталось несколько часов до конца года. Год прошел насыщенно: защитил диссертацию, закончил болгарско-русский словарь, учебник болгарского языка, несколько статей, основательно продвинул монографию о македонском языке. В первой половине будущего года должен ее закончить. Думаю, что в Институте славяноведения мне удастся уже в будущем году начать работу над атласом болгарских говоров в Советском Союзе. Здесь у меня не будет соперников из сектора диалектологии, которые в этом году забрали себе все деньги на экспедиции.

### Примечания

- <sup>1</sup> «Доклады и сообщения» филологического факультета МГУ издавались в 1946–1948 гг.
- <sup>2</sup> *Петерсон М. Н.* Очерк литовского языка. М., 1955. 160 с.
- <sup>3</sup> *Державин Н. С.* Славяне в древности: культурно-исторический очерк. М., 1945. 215 с.
- <sup>4</sup> *Бернштейн С. Б.* Краткий грамматический очерк чешского языка // Чешско-русский словарь / Под ред. П. Г. Богатырева. М., 1947. С. 394–432.
- <sup>5</sup> Замысел был реализован в 1958 г. См.: *Бернштейн С. Б., Чешко Е. В., Зеленина Э. И.* Атлас болгарских говоров в СССР. М., 1958. Т. 1. Вступительные статьи, комментарии к картам. 84 с.; Т. 2. Карты. 109 карт.
- <sup>6</sup> В силу ряда причин политического характера эта грамматика, о судьбе которой С. Б. Б. подробно рассказывает в дальнейшем, не была опубликована.
- <sup>7</sup> О славистической конференции в Ленинграде 15 июня–4 июля 1946 г. подробнее см.: *Havránek B.* Slavistická konference v Leningradě // *Slovanský přehled*. Roč. 32. 1946. S. 319–322; *Дми́триев П. А., Сафронов Г. И.* Первая послевоенная научная сессия по славяноведению // Советское славяноведение. 1977. № 1. С. 89–96.
- <sup>8</sup> *Винокур Г. О.* О задачах истории языка // Ученые записки Московского городского пед. института. М., 1941. Т. 5. Вып. 1. С. 10.
- <sup>9</sup> Доклад Г. О. Винокура «Фонетика Мстиславовой грамоты около 1130 г.», прочитанный в Институте русского языка АН СССР в 1946 г., вызвал большой интерес у слушателей. В прениях отмечалась новизна методологических принципов, примененных при анализе грамоты. Доклад был опубликован уже после смерти ученого (см.: Вопросы славянского языкознания. М., 1962. Вып. 6. С. 66–75).
- <sup>10</sup> *Бернштейн С. Б.* К вопросу о форме 3-го лица единственного числа настоящего времени в македонском литературном языке // Вестник МГУ. М., 1948. Вып. 2. Статья посвящена работе Р. П. Усиковой «К пятидесятилетию выхода в свет первой научной статьи о македонском литературном языке» (см.: Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 322–326).
- <sup>11</sup> *Бернштейн С. Б.* К вопросу об источниках славянской письменности в Валахии // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1947. Т. 6. Вып. 2. С. 125–135.
- <sup>12</sup> Речь идет об известном постановлении ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград» (См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1953. Т. 7. С. 1028–1031). Это постановление положило начало кампании по борьбе с «низкопоклонством перед Западом».
- <sup>13</sup> Во время своей командировки в Болгарию и Югославию в 1945 г. Н. С. Державин серьезно заболел (с ним случился инсульт). Болезнь продолжалась несколько месяцев.
- <sup>14</sup> *Кравцов Н. И.* Сербский эпос. М., 1933.
- <sup>15</sup> *Грунський Н. К.* Вступ до слов'янського мовознавства. Київ; Львів, 1946. Рецензия С. Б. Б. на эту книгу была опубликована в 1947 г. (См.: Доклады и сообщения. Филологический факультет МГУ. М., 1947. Вып. 3. С. 47–53).
- <sup>16</sup> Имя Н. К. Грунского пользовалось уважением среди славистов. О нем писали: «Неутомимый труженик науки, он пользовался большим авторитетом и у наших известных ученых, и у молодого

- поколения филологов. Его имя и сейчас с уважением произносится не только в нашей стране, но и за ее пределами» (*Черторижская Т. К.* Николай Кузьмич Грунский (1872–1951) // *Русский язык в школе.* 1973. № 1. С. 101).
- 17 Гагаузы – народ, проживающий на территории России, Молдавии, Украины, Болгарии и др. Гагаузский язык принадлежит к огузской группе тюркских языков. Религия – православие.
- 18 *Бернштейн С. Б.* В. Н. Щепкин – историк болгарского языка // *Доклады и сообщения. Филологический факультет МГУ. М., 1947. Вып. 2. С. 87.*
- 19 *Петерсон М. Н.* Проблемы метода в языкознании // *Доклады и сообщения...* М., 1946. Вып. 1. С. 3–7.
- 20 См.: Там же. С. 8–9.
- 21 См.: *Pokorny Ju., Walde A.* Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Berlin; Leipzig, 1928.
- 22 В кампаниях по борьбе с низкопоклонством перед Западом и с космополитизмом Г. А. Гуковский был объектом травли в ленинградских академических кругах. Все это кончилось его арестом и трагической смертью в тюрьме.
- 23 *Потапов П. О.* Из истории театра. Жизнь и деятельность В. А. Озерова. Одесса, 1915. 959 с.
- 24 См.: *Державин К. Н.* Вольтер. М., 1946. 483 с.
- 25 Об ученых степенях и званиях: Постановление Совета Народных Комиссаров СССР 13 января 1934 г. // *Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза ССР. М., 1934. № 3. Ст. 30.*
- 26 По-видимому, имеется в виду замечание И. С. Тургенева в предисловии к «Литературным и житейским воспоминаниям» о том, что в Санкт-Петербургском университете не было преподавателей, способных поколебать его убеждение, что в России можно получить лишь «несколько приговорительных сведений» перед учебой за рубежом (см.: *Тургенев И. С.* Соч. М., 1956. Т. 10. С. 260).
- 27 Имеется в виду подготовленный В. И. Лениным декрет «О правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР» от 2 августа 1918 г. (см.: *Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 138–141.*)
- 28 Языкфронт (15 сентября 1930 – 12 февраля 1932 г.) – название группы молодых языковедов, выступивших против марксизма в языкознании. Организационным лидером группы был коммунист Г. К. Данилов, идейным вождем – аспирант РАНИОН Т. П. Ломтев. Первоначально в нее вошли Я. В. Лоя, К. А. Алавердов, М. С. Гус, Э. К. Дрезен, С. Белевицкий, позднее – П. С. Кузнецов, Н. С. Чемоданов, С. Б. Бернштейн и др. Группа имела центр в Москве, филиалы в Ленинграде и Смоленске. При первоначальной поддержке представителей ЦК ВКП(б) и Наркомпроса группе удалось организовать в Москве Научно-исследовательский институт языкознания (далее – НИИЯЗ) при Наркомпросе (1931–1933 гг.), противостоявший марристам в Ленинграде. Директором НИИЯЗа был М. Н. Бочачер, зам. директора – Г. К. Данилов. Здесь работали и языковеды «старой школы». Языкфронт провозгласил борьбу с «новым учением о языке» с позиций марксизма и одновременно боролся с «буржуазной наукой» (в лице индоевропеистов). Это отождествление науки с идеологией и нигилизм в отношении к научному наследию привели в конце концов Языкфронт к поражению в борьбе с укрепившими свои позиции в ЦК ВКП(б) марристами. С. Б. Бернштейн, выступивший в защиту своего учителя А. М. Селищева, был исключен и из Языкфронта, и из НИИЯЗа. Подробнее см.: *Аллатов В. М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991. С. 95–101.
- 29 6 декабря 1846 г. состоялся докторский диспут профессора Харьковского университета И. И. Срезневского, получившего звание доктора славяно-русской филологии первым в России.
- 30 Подробнее об истории организации Института славяноведения в Москве см.: *Досталь М. Ю.* Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения АН СССР // *Славяноведение.* 1996. № 6. С. 3–25.

# 1947

**1 января.** Новый год встречаю с каким-то чувством тревоги и беспокойства. Все идет хорошо, планы на 1946 г. все выполнены, успешно прошла защита диссертации, а вот поди же... Вероятно, действуют на меня тревожные ожидания моих друзей и знакомых. Под Новый год встретил Льва Александровича Зенкевича. Он находится в депрессивном состоянии и не без основания думает, что биологический факультет университета станет лысенковским вертепом. С горечью говорил о тех своих коллегах, которые в последнее время, забыв стыд, переметнулись в этот вонючий лагерь. К сожалению, таких оказалось не так мало. *«Как мало одной интеллигентности, чтобы быть порядочным человеком, — сказал Лев Александрович. — Как слабо в нашей среде развито чувство чести. Этим и пользуются авантюристы типа Лысенко»*<sup>1</sup>. Вчера случайно на улице встретил Александра Сергеевича Серебровского. Пожелал ему в новом году здоровья и счастья. Он посмотрел на меня своими печальными глазами и молча прошел мимо. Заметно за последнее время постарел, а в Ашхабаде был еще очень активным и деятельным членом нашего коллектива. Помню, с таким же чувством пятнадцать лет тому назад я встречал 1932 г.<sup>2</sup> Неужели повторится тот год?

**3 января.** Вчера весь вечер у меня просидел Григорий Осипович Винокур. Забегал, чтобы поздравить с днем рождения, а просидел до двух часов ночи. Ольга Николаевна испекла очень вкусный пирог, а он до них большой охотник. Рассказывал о всяких событиях, связанных с постановлением о журналах «Звезда» и «Ленинград»<sup>3</sup>.

**7 января.** Подал докладную записку о приглашении профессора А. Белича на два месяца для чтения лекций на славянском отделении. Об этом я предварительно договорился с ним еще во время его пребывания в Москве в 1945 г. Однако лишь на днях получил от Белича письмо, в котором он пишет, что сможет приехать во второй половине мая и пробудет в Москве до конца июня. Время не очень удобное, но что делать! Будет читать лекции по истории сербского языка и по грамматике современного литературного языка. Согласен прочитать несколько лекций по общим вопросам языкознания на русском языке для всех желающих. Виноградов активно поддержал мою докладную записку. Он сам со своей резолюцией передал ее в ректорат. Обещал, что будет нажимать на иностранный отдел. Этот человеконенавистник к Александру Ивановичу относится с большой симпатией. Это тем более странно, что симпатия не взаимная. В 1945 г. в Москве Белич публично иронически говорил о «Русском языке» Виноградова<sup>4</sup>.

**12 января.** Во вчерашнем номере газеты «Правда» опубликована рецензия Викторова на справочник «Балканские страны». Судя по всему, наверху не понравилась основная статья «Балканы и балканские народы». Рецензия фактически посвящена только этой статье. В ней сильны еще пережитки прежних

взглядов, согласно которым освободительная миссия России на Балканах фактически представляла собою авантюры русского царизма. Именно под таким названием еще в довоенные годы вышла книжка Павловича «Авантюры русского царизма на Балканах»<sup>5</sup>. Предисловие к этой книжке тогда написал В. Коларов в стиле «школы Покровского». И в рецензируемом справочнике автором статьи «Балканы и балканские народы» является тот же Коларов. Написана она, конечно, в другой тональности, но тем не менее в разных местах еще ощущается прежний Коларов. Трудно по заказу выворачивать себя наизнанку тем более, что прежние взгляды ему были ближе. Не называя фамилии автора, Викторов основательно зуботычит Коларова. Ругал и другие статьи. Лишь две статьи удостоились благосклонного отзыва: «Культурные связи сербов и русских» и «Культурные связи болгар и русских». Оба эти раздела написаны мной. И в данном случае автор разделов не был назван<sup>6</sup>.

**24 января.** На днях получил письмо от ректора Ленинградского университета А. А. Вознесенского. Он пишет, что в начале февраля будет в Москве, остановится в гостинице «Москва» и просит меня зайти для беседы. Я догадываюсь, что речь будет идти о работе в Ленинградском университете на славянском отделении. У меня нет никакого желания переезжать в Ленинград и заново создавать новый коллектив славистов. Кроме того, здесь Институт славяноведения, который имеет большие возможности для организации значительных коллективных исследований.

**2 февраля.** Сегодня состоялась моя встреча с ректором Вознесенским. Как я и предполагал, речь шла о моем переезде в Ленинград. Ректор осведомлен, что у меня в Москве плохие жилищные условия, что я живу в самом университете, и бьет на это. Обещает в течение года предоставить отдельную двухкомнатную квартиру. Я сказал, что предложение для меня лестное, но совершенно неожиданное, что я очень тесно связан с Москвой, с Академией наук. Для ответа мне потребуется длительный срок. На этом и расстались. Сообщи об этой беседе И. С. Галкину. Может быть, это поможет скорее получить квартиру в Москве. За час беседы с Вознесенским получил известное представление об этом человеке. Конечно, нашему Галкину до него далеко. Чувствуется размах, хватка, инициатива. И по уровню культуры стоит повыше нашего Ильи Саввича. Что-то в нем есть от предпринимателя старой дореволюционной России. Именно такие люди прежде выходили в миллионеры. Конечно, ему легче руководить, так как за спиной тень могучего брата<sup>7</sup>.

**7 февраля.** Вчера прошел экспертную комиссию ВАКа, а теперь осталась одна инстанция – заседание самого ВАКа. Виноградов сказал, что до летнего перерыва меня утвердят в ученой степени доктора. Вчера же был на приеме у Ильи Саввича Галкина. Рассказал ему о встрече с Вознесенским и о предложении последнего переехать в Ленинград. Честно сказал Галкину, что переезжать в Ленинград не собираюсь, но тяжелые жилищные условия серьезно мешают нормальной работе. Галкин ответил, что я в числе тех профессоров, которым факультет предоставит квартиру в первую очередь. Сложнее ответить, когда это будет. Пока университет не получил ни одного метра жилплощади.

**12 февраля.** Ровно 15 лет назад произошло событие, оставившее глубокий след в моей жизни, в моем мироощущении. Оно во многом определило направление и характер моей деятельности во все последующие годы.



1931 год был годом резкого обострения борьбы партии со своими врагами во всех областях жизни. Именно в этом году началось мощное наступление на «идеологическом фронте». В январе было опубликовано постановление ЦК партии о журнале «Под знаменем марксизма», в марте состоялось постановление по докладу Президиума Коммунистической академии, в которых решительно требовалось усиление борьбы с ревизионистами, меньшевистствующими идеалистами, троцкистами, правыми уклонистами<sup>8</sup>. Всюду в научных учреждениях созывались пленумы и многодневные совещания, на которых произносились погромные речи, раздавались требования искоренения классовых врагов и т. д. Кульминация напряжения пала на ноябрь, когда в журнале «Пролетарская революция» было опубликовано письмо Сталина<sup>9</sup>, требовавшего в категорической форме усиления борьбы с троцкистской контрреволюцией и с правым уклоном. В стране началась вакханалия. Многие потеряли голову. Начали появляться статьи о марксизме в кузнечном деле, в шахматной игре, о роли марксизма в воспитании маленьких детей и т. д. Наркомпрос срочно приступил к созданию новых школьных программ. В новой программе по русскому языку (автором ее был Ломтев) было дано следующее определение предложения: «Предложение есть единица коммуникации, отражающая через классовое сознание объективную действительность». Каждый коллектив должен был найти в своей среде врагов, по которым нужно было стрелять беспощадно. Такая задача была поставлена и перед коллективом Научно-исследовательского института языкознания, в котором я с осени 1931 г. проходил аспирантуру под руководством А. М. Селищева. В декабре месяце я был приглашен в дирекцию Института. Со мной говорили директор Бочачер и секретарь партийного бюро Бондаренко. Они оба заявили, что Селищев наш классовый враг, что нужно показать его антисоветскую сущность, что он рупор болгарского империализма и т. д. В связи с этим дирекция и партийное бюро поручают мне ответственное и почетное задание – выступить с докладом о Селищеве на специальном заседании Ученого совета в январе месяце. Не было границ удивлению Бочачера и Бондаренко, когда я отказался от этого поручения. Я сказал, что Селищев мой учитель, что я всем ему обязан, что он не враг советской власти. Таких ученых нужно беречь и терпеливо помогать им в освоении марксистской методологии. Отчеканивая каждое слово, Бочачер сказал: «Перед вами две возможности. Первая – вы помогаете нам разоблачить нашего классового врага. Это принципиальный путь советского ученого. В этом случае всякие сантименты к черту. Вторая возможность – уклониться, встать в сторону. В этом случае мы ударим, и крепко ударим, не только по Селищеву, но и по его “школе”, по его последователям, среди которых вам будет обеспечено первое место». Несмотря на эти угрозы, я решительно отказался от этого «почетного» поручения.

Через несколько дней встречаюсь с А. Г. Робковым<sup>10</sup> и рассказываю ему обо всем. Он резко осудил мое поведение: «Ты отказался, они найдут другого, а этот другой найдет материал для шельмования. Вспомни хотя бы “Забайкальских старообрядцев”<sup>11</sup>. Свой план они выполнят и без тебя. А нужно сорвать их план, смешать им карты. Именно в этом сейчас главная задача. Тебе терять уже нечего. Нужно не обороняться, а наступать. Непременно соглашайся, а на самом заседании скажи все то, что считаешь нужным. Я тебя поддержу». Так мы и порешили.

Уже на другой день я был у Бочачера. «Я тщательно обдумал все и обещаю ваше поручение выполнить», – говорю я этому головорезу. Он своей грязной лапой почти обнимает меня и медовым голосом говорит: «Вот и молодец. Так поступаю настоящие советские ученые».

Началась мучительная подготовка к докладу. Каждый раздел доклада мы вместе с Робковым всесторонне обсуждали, отработывали каждую фразу. Основные положения доклада сводились к следующему. Селищев – крупнейший представитель славянского языкознания в нашей стране. Его труды содержат много важного и нового в области болгаристики, балканистики и русской диалектологии. Сам он вышел из низов, тесно связан с трудовым крестьянством. Мог получить среднее и высшее образование в России только в результате материальной помощи земства. Много сделал для решения македонской проблемы. Он доказал, что славянские жители Македонии – болгары. Это отвечает истинному положению дела. Македонцы не сербы и не самостоятельная нация, а обычные болгары. Такие же болгары, как и жители Балкан, Фракии и Родоп. Поэтому в македонском вопросе он занимает правильную позицию<sup>12</sup>. Селищев много сделал для изучения русского литературного языка послереволюционного периода. Все это говорит о том, что перед нами честный советский ученый, который своими трудами стремится принести большую пользу стране. Конечно, пока еще нельзя считать Селищева марксистом. На многое он смотрит так, как его учили в Казанском университете. Мы берем у Селищева конкретные знания. Перед нами стоит ответственная задача помочь крупному советскому ученому скорее стать на марксистские рельсы. Именно в этом и состоит наша задача, задача всего коллектива Института.

В январе 1932 г. заседание Ученого совета не состоялось, так как в стране проходили совещания учителей по изучению новых школьных программ. Большинство сотрудников и аспирантов в этой работе должны были принять самое активное участие. Я вместе с представителями разных школьных дисциплин входил в семинары, где должен был разъяснять и разбирать ломтевскую тарабарщину.

Заседание Ученого совета состоялось 12 февраля, ровно 15 лет тому назад. Ученый совет заседал весь день. Первая половина дня была посвящена Языкфронту. Вождь Языкфронта Данилов торжественно заявил, что эта организация самораспустилась, так как в новых условиях ее деятельность может принести вред. Злорадству марристов не было границ. Заседание было открытым. Поэтому на нем могли присутствовать Аптекарь, Девлет-Жильдеева, Дмитриев-Кельда и др.<sup>13</sup> После обеденного перерыва началось слушание «дела Селищева». Об этом хорошо было известно в Москве. Наш сравнительно небольшой зал в здании на Мясницкой<sup>14</sup> был набит до отказа. Пришли многие любители сенсаций и всяких проработок. Мне было предложено место за столом президиума. Председательствовал Ломтев. Он сказал несколько общих слов и предоставил мне слово. Я долго и внимательно смотрел на присутствующих в зале. На первой скамье, глядя на меня в упор, сидел Бочачер. Заметно было, что он слегка волнуется. Дело в том, что он требовал представить избранные места доклада заранее, но я это под разными предлогами не выполнил. Свой доклад я начал с предыстории. Я подробно рассказал о своих беседах с Бочачером и Бондаренко, о том, как они меня запугивали, какие давали советы. Я никогда не забуду взгляда Бочачера. Он сидел бледный, губы у него дрожали. [В. Н.] Сидоров, который последние дни почти перестал об-

ращать на меня внимание, смотрел на меня восторженно. Лица Аванесова не было видно. Он низко опустил голову. На лице Шапиро отчетливо виден был ужас. Каждый по-разному реагировал на мои слова. Передо мной лежит текст доклада, из которого я даю отдельные выдержки... (На этом рукопись обрывается. – *Ред.*)<sup>15</sup>

15 февраля. Часто вспоминаю годы своей работы в Одессе. Несмотря на тяжелые времена, вспоминаю их обычно с удовольствием. Солнечный и красивый город, молодость, университет, болгарский сектор в Педагогическом институте, Дом ученых, море, много преданной молодежи... Близких друзей среди коллег не было, но были люди, общение с которыми было приятным и полезным. Всплывает в памяти облик Евгения Александровича Загоровского, чудаковатого, внешне немножко смешного, влюбленного в свой родной город. Сын профессора юридического факультета Новороссийского университета Александра Ивановича Загоровского, Евгений Александрович получил отличное домашнее воспитание, в молодые годы часто летние месяцы вместе с родителями проводил за границей, с золотой медалью закончил в Одессе классическую гимназию. Все это способствовало развитию его природных дарований. А они у него были. Поражало его умение легко и свободно говорить на нескольких иностранных языках. Вспоминаю такой случай. Загоровский в местной публичной библиотеке заведовал Отделом рукописей и редких книг. Обсуждаем с ним в отделе какой-то специальный вопрос. Вдруг появляется директор и сообщает, что группа моряков со стоящего в порту итальянского парохода интересуется историей Одессы и ролью итальянцев в культурной истории города. Входит небольшая группа моряков, руководитель которой обращается к Загоровскому на французском языке. К большому удивлению итальянцев Евгений Александрович отвечает на итальянском. Начинается лекция с демонстрацией картин и фотографий. Итальянская речь течет свободно и непринужденно. После ухода гостей Загоровский признался мне, что в первые минуты ему было трудно, так как последний раз он говорил на итальянском языке лет десять тому назад. На французском, немецком и польском языках Загоровский говорил безупречно. Свободно говорил и по-английски, но с дурным произношением. В какой-то степени владел новогреческим, румынским и турецким языками. Тексты на этих языках читал свободно, обычно без словаря. Парадокс — он не умел говорить по-украински. Думаю, что в этом случае причина была эмоционального характера. В университете на историческом факультете Загоровский читал лекции по русской историографии, по истории Польши, по истории Северного Причерноморья от античности до XVIII в. Собственных публикаций у Евгения Александровича было немного. Я знал его небольшую книжку по истории Причерноморья<sup>16</sup>, ценное исследование «Славянская колонизация Новороссии в XVIII веке. Сербские военные поселения» (Киев, 1918), статью «Военная колонизация Новороссии при Потемкине»<sup>17</sup> и несколько рецензий. О широте его интересов свидетельствовали его лекции в местном Медицинском институте по истории медицины.

Самой глубокой любовью и привязанностью у Загоровского пользовались книги. Я несколько раз бывал у него дома и видел его драгоценное книжное собрание. С молодых лет все свои сбережения он тратил только на книги. Он был холостяком и поэтому мог себе это позволить. Все книги были в отличных переплетках, стояли на полках в полном порядке в один ряд, хозяин легко сразу же находил нужную ему книгу. Как бережно он держал книгу, с какой-то особой грацией лис-

тал ее! Его длинные пальцы ласкали страницы книги. Он смотрел на книгу глазами матери... Осведомленность Загоровского во многих вопросах была поразительной. Я как-то застал его в библиотеке с режиссером и художником местного оперного театра: он подробно рассказывал им, как Верди работал над оперой «Трубадур». Евгений Александрович отлично знал историю мужского европейского костюма со времени средневековья. Очень многие в Одессе пользовались его ценными консультациями и советами. Я часто эксплуатировал его по темам «История Новороссийского университета» и «История славянской колонизации Бессарабии и Новороссии». Его ответы всегда были точными и надежными.

В начале 1938 г. Загоровский разделил участь многих – он был арестован. Вместе с ним была арестована и вся его библиотека. Соседи видели, как загружали книгами стоящие возле дома грузовики. После падения Ежова<sup>18</sup> несколько человек из числа моих знакомых были освобождены. От них стало известно, что суда над Загоровским не было, так как во время одного из допросов он скончался. Однажды от директора университетской библиотеки я узнал, что завтра будут передавать университету библиотеку Загоровского. На другой день вместе с несколькими профессорами университета жду прибытия грузовиков с книгами. Наконец, появляется только один грузовик. Шофер снимает брезент, и мы видим, что библиотека умерла вместе со своим хозяином. Книг нет. В грузовике находится крошево из бывших книг. Нет ни одной целой книги, нет ни одного переплета... Стоявший рядом со мной старейший профессор университета А. С. Бориневич снимает шляпу и плачет. Страшное зрелище! Директор отказывается принять груз. Шофер, не говоря ни слова, закрывает грузовик брезентом, садится в кабину и уезжает...

**18 февраля.** Вчера слушал доклад С. П. Толстова, думал о Сергее Павловиче, анализировал его поступки... Плохой, очень плохой человек. Скверно, когда плохой человек наделен талантом, а Толстов, бесспорно, талантлив. Это делает его очень опасным. Трудно поверить в то, что этот человек теперь является директором Института этнографии Академии наук. В течение длительного времени он всеми дозволенными и недозволенными средствами истреблял этнографию и этнографов. Наши студенческие годы почти совпали. Я имел возможность наблюдать Толстова в длинной кавалерийской шинели, громящего врагов марксизма. От него всегда шел терпкий запах винного перегара, махры и грязного белья. Его хриплый голос часто гремел на всевозможных собраниях и митингах. Главной его мишенью был Д. К. Зеленин, которого он обвинял во всех смертных грехах. Доставалось и нашим факультетским этнографам и этнологам, главным образом Преображенскому. Он остерегался трогать лишь Б. М. Соколова, который, будучи директором Музея народоведения, пользовался большой поддержкой в Наркомпросе, Главпрофобре и других подобных организациях. Однако в начале лета 1930 г. еще совсем в молодом возрасте Борис Матвеевич скончался от болезни почек. Это неожиданно открыло перед Толстовым широкие возможности. И он ими воспользовался. Позже он воспользовался и событиями 30-х годов. И не без его помощи некоторые способные московские этнографы (например Маркелов, Самарин и др.) вынуждены были перебраться в места не столь отдаленные. Несколько лет Толстов провел в Ленинграде, где также успешно истреблял этнографов и этнографию. И вот теперь он директор Института этнографии. Примечательно, что сам он этнографией не занимается.

В Институте этнографии он руководит раскопками в области Хорезма. Готовит труд по истории цивилизации Хорезма<sup>19</sup>.

**19 февраля.** Извлек свою кандидатскую диссертацию и на основе одной главы написал статью «К изучению редакций болгарских списков “Сокровища” Дамаскина Студита»<sup>20</sup>. Пишу статью «Труды М. В. Сергиевского в области балкановедения» для сборника его памяти<sup>21</sup>. Сделал набросок программы курса под условным названием «Сравнительное изучение балканских языков». Здесь у меня слабое звено – новогреческий язык, которым я очень мало занимался в Одессе. Буду готовить курс исподволь. В центре будут находиться морфология и синтаксис. Нужно всеми средствами развивать балканское языковедение, активно работать в этой области я не могу, но нужно подготовить молодых специалистов. Уверен, что в будущем в системе Академии наук будет специальный Институт балканистики<sup>22</sup>. Вот тогда и потребуются специалисты. В журнале «Вопросы истории» (№ 11–12) опубликована небольшая статья Йоргу Йордана «О происхождении румынского языка». Статья очень слабая. Автор обошел стороной самые сложные и трудные аспекты проблемы. Слушал сегодня доклад Грекова о Белградском всеславянском съезде. Потерял время<sup>23</sup>.

**21 февраля.** Вышел из печати второй номер «Докладов и сообщений» филологического факультета МГУ. В нем опубликованы наши доклады, которые мы читали на заседании памяти В. Н. Щепкина. Среди публикаций выделяется статья Винокура «Чередования звуков и смежные явления в современном русском языке». Автор рассматривает факты со стороны словообразования. Это, конечно, важно. Однако меня все эти вопросы интересуют в плане морфонологии.

**23 февраля.** По поручению Комитета по Сталинским премиям пишу представление на книгу Н. С. Державина «История Болгарии»<sup>24</sup>.

**2 марта.** Закончил сегодня статью о балкановедческих работах Сергиевского. Писать было трудно, так как диалектологические работы Максима Владимировича по молдавским и греческим говорам содержат много недостатков.

**10 марта.** Для диалектологического бюллетеня Института русского языка написал рецензию на румынский лингвистический атлас<sup>25</sup>. Фактически получилась не рецензия, а информационная заметка о румынском атласе для наших диалектологов. Румыны первыми на Балканах начали серьезно работать в области лингвистической географии. В этом большая заслуга С. Пушкарю.

**13 марта.** В последнем номере (12) журнала «Советская книга» напечатана критическая статья И. С. Звавича о справочнике «Балканские страны». Великодушно одобряет мои статьи о культурных связях славян с русскими. Осуждает академическую оценку символизма в связи с творчеством Пенчо Славейкова. Проходимец! Сам влюблен в творчество русских символистов, а пишет о необходимости острой политической борьбы с представителями этого течения. Пустой человек. Кроме того, человек без специальности. Его можно определить так – беспринципный политикан! Все время ловчит.

**15 марта.** На факультете напряженная обстановка. Широко обсуждают прошлогодние постановления партии по вопросам литературы и искусства. В первую очередь это относится к кафедрам литературоведческого и искусствоведческого циклов. Однако приходится этим заниматься и лингвистам. К счастью, славистов в этом аспекте пока не трогают, но кафедре русского языка достается. В специальном постановлении сказано, что «вся научная работа кафедры долж-

на быть проникнута высокой идейностью, большевистской партийностью». В решении кафедры записано: «Необходимо подчеркнуть, что этот метод (марксизм-ленинизм) мы должны применять не только тогда, когда мы занимаемся такими общими проблемами, как вопросы об историзме в развитии языков, об образовании диалектов и национальных языков, о соотношении языка и мышления, которые непосредственно связаны с марксистско-ленинским учением об обществе и диалектико-материалистической теорией познания, но также и занимаясь любыми специальными и специфическими проблемами своей науки (например, вопросами грамматической и фонетической структуры языков)». Как все это напоминает 1931 год! Вновь мы входим в полосу левацких загибов, которые позже, конечно, будут осуждены.

24 марта. Несколько дней тому назад умер А. С. Орлов. Это был грузный мужчина с безобразным лицом. Странная помесь ученого с шутом гороховым. В мои студенческие годы он в университете лекций не читал, так как древней русской литературой на факультете распоряжался М. Н. Сперанский, а он к Орлову относился резко отрицательно. (Последний одним из первых историков древней русской литературы пытался применить ту методику, которой пользуются историки новой русской литературы. На этой почве у него возникали серьезные разногласия с академиком М. Н. Сперанским, который в Москве не давал ему ходу.)<sup>26</sup> На факультете при декане В. П. Волгине он играл роль «чего изволите?» Был заместителем декана, организатором и участником вступительных экзаменов по языку, литературе и истории, выполнял различные мелкие поручения. Вступительный экзамен по литературе я сдавал именно ему. Помню, его удивило мое знание текстов Загоскина. Самым его любимым делом было рассказывание похабных анекдотов. Этим приемом он привлекал к себе некоторую часть студентов. Его положение на факультете сильно пошатнулось, когда Волгин переехал в Ленинград в связи с избранием его в академики и занятием должности неперменного секретаря, т. е. хозяина Академии. Вопреки названию, «неперменный» секретарь академик С. Ф. Ольденбург был снят с этой должности. Новый декан С. [М.] Моносов не скрывал своего отрицательного отношения к Орлову.

Однако вскоре коренной москвич Орлов неожиданно для всех переехал в Ленинград. При активной поддержке Волгина уже в 1931 г. был избран академиком. Весной 1933 г. я переехал в Ленинград. Имел возможность часто встречаться с Александром Сергеевичем. Меня поразило, что здесь в Орлове видели крупного филолога, труды которого составили, якобы, целую эпоху в изучении древней русской литературы. От многих слышал самые лестные отзывы о его общем курсе истории древней русской литературы. (Курс был опубликован.)<sup>27</sup> Даже внешне он как-то здесь преобразился. Конечно, не стал красавцем, но появилась особая вальяжность, степенность. Чувствовал он себя в Ленинграде прекрасно, уверенно, выполнял ответственные поручения Президиума Академии наук (точнее – Волгина). Конечно, теперь уровень поручений был иным. Однако по-прежнему любил всякую похабщину. Теперь любимой темой его было ленинградское произношение, вернее его недостатки. Сам Орлов был носителем старого московского произношения со всеми его особенностями и тонкостями. Ленинградское книжное произношение раздражало старого москвича. Не раз мне приходилось слышать его резкие отзывы об особенностях произношения академика Крачковского, о его безударных гласных и шипящих. Доставалось и другим, особенно Щербе, Обнорскому и другим ленин-

радским лингвистам. Может быть, в этом выражалась его тоска по Москве, с которой связана была вся его жизнь. Ведь в Москве даже среди профессуры было совсем немало носителей книжного произношения, но здесь он так не бушевал.

Работая над дамаскинами в собрании Сырку в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук, я обнаружил три поздних дамаскина начала XIX в., которые в каталоге были описаны ошибочно. Я предложил новое описание и послал в «Известия АН». На рецензию статью послали Орлову, который посоветовал дать более обстоятельное описание. Статья не была опубликована. Это меня огорчило. Однако вскоре я встретил подробное описание всех дамаскинов из собрания Сырку, опубликованное еще в 1921 г. болгариним Ивановым<sup>28</sup>. Чувство огорчения сменилось чувством благодарности к Орлову. Однако в описании Иванова были пропуски и неточности. Поэтому я вновь засел за новое описание, которое доложил на заседании Ученого совета ленинградского Института славяноведения 10 апреля 1934 г. Описание было принято к печати в третий том «Трудов» Института. Однако третий том не был опубликован, так как Институт славяноведения был закрыт<sup>29</sup>.

Последний раз я видел Орлова в Москве летом 1945 г. на Юбилейной сессии Академии наук<sup>30</sup>. Очень жаловался на здоровье.

**27 марта.** Вышел из печати чешско-русский словарь, составленный П. Г. Богатыревым. Все наши богемисты ждут его с нетерпением. Издан по современным возможностям вполне прилично. При словаре опубликован написанный мною грамматический очерк чешского языка<sup>31</sup>.

**29 марта.** Вчера состоялась моя беседа с Грековым относительно моей командировки в Болгарию и Югославию. Инициатором этой затеи был Пичета. Греков обещал помочь. Пока нужно заполнить много анкет и подготовить различные документы. Учитывая современную ситуацию, я мало верю в реальность моей поездки<sup>32</sup>.

**2 апреля.** Подробно объяснял Владимиру Ивановичу Пичете<sup>33</sup> азы нашей науки. В молодые годы он, по его словам, ходил на лекции Фортунатова. Забыл все. Я должен был прочитать элементарную лекцию о важности изучения диалектов, о лингвистической географии, о научном значении предстоящей работы по изучению болгарских говоров на нашей территории. Кажется, понял. Боюсь, что аналогичные разъяснения будут отнимать у меня много времени.

**6 апреля.** Сегодня, наконец, полностью завершил учебник болгарского языка. Учел все замечания рецензентов, главным образом замечания и пожелания болгарского филолога В. Велчева. Получилось 20 листов. На днях передам рукопись в издательство. Болгарский филолог Велчев находится в Москве в длительной научной командировке. В прошлом он работал в области истории болгарской литературы. Теперь перешел на должность заведующего кафедрой истории русской литературы в Софийском университете. В центре его научных интересов творчество Тургенева и Максима Горького. На славянском отделении успешно читает курс истории болгарской литературы. Оказывает нам в этом отношении большую помощь.

**14 апреля.** На днях Державин жаловался мне на своего «любимца» Дитякина. Последний получает жалование Державина в МГУ по его доверенности. Он присвоил себе большую сумму. Державин даже не знает толком сколько. Константин Николаевич ходил по просьбе отца в бухгалтерию. Там установили точ-

ную сумму. Пока Дитякин вернул только часть этой суммы. Подонок! Где Державин откопал его! Прочитал сегодня корректуру своей статьи «К вопросу об источниках славянской письменности в Валахии». Печатается в Известиях ОЛЯ<sup>34</sup>. Набрали прилично.

20 апреля. Полностью завершен болгарско-русский словарь. Сегодня закончил для словаря грамматический очерк болгарского языка. Сроки выдержали. По договору обязаны были представить всю рукопись к 1 мая 1947 г. Словарь отнял много сил и времени. Конечно, в нем много недостатков во всех отношениях. Делали мы его быстро при отсутствии надежных пособий. Очень мешал работе Луканов. Через некоторое время нужно будет начать составление нового болгарско-русского словаря.

21 апреля. На днях в Институте славяноведения читал доклад о дамаскинах. Председательствовал Пичета. Среди присутствующих находился Велчев. Последний дал высокую оценку моим текстологическим исследованиям редакций дамаскинов. В конце доклада я говорил о необходимости издания Тихонравовского дамаскина<sup>35</sup>. По этому поводу Пичета просил срочно подать докладную записку.

25 апреля. Теперь моя главная задача – завершение монографии «Македонский язык». Я должен сдать рукопись в издательство осенью этого года<sup>36</sup>. Для «Вестника МГУ» подготовил статью из монографии «К вопросу о форме 3-го лица единственного числа настоящего времени в македонском литературном языке». Пытаюсь доказать, что в этой форме литературный язык должен иметь *-т*. Работаю над монографией с большим подъемом. К сожалению, нет в моем распоряжении источников, на основе которых я мог бы охарактеризовать орфоэпические аспекты. В центре описания грамматики нового языка будет стоять морфология. Специальная глава посвящена анализу языка Мисиркова. В книге будет хрестоматия и македонско-русский словарь к текстам хрестоматии. Недавно рассказывал о своей работе Велчеву. Он восторженно ее приветствует. Искренне ли? Во время болгарской оккупации Македонии он был доцентом Скопского университета.

26 апреля. Ленинградский университет готовит к семидесятилетию Державина сборник, участвовать в котором приглашены многие советские и зарубежные слависты. Учитывая интересы юбиляра, я пошлю в сборник статью «К истории болгарских поселений в Крыму»<sup>37</sup>. Статья была написана еще до войны. К юбилею сборник, конечно, не издадут. Осталось очень мало времени.

29 апреля. Я уже писал о своем провале в ВТО (Всероссийское театральное общество)<sup>38</sup>. Сегодня я снова посетил это Общество. Здесь проходил вечер болгарской поэзии. Наши студенты-болгаристы читали на болгарском языке стихотворения Ботева, Вазова, Яворова, Пенчо Славейкова, Смирненского, а Ирина Федоровна Шаляпина после каждого исполнения в оригинале своим зычным голосом читала русский перевод. Присутствовавший на вечере С. М. Городецкий совершенно неожиданно для всех и для меня в том числе произнес речь о моей роли в развитии советской болгаристики, конечно, в его понимании. Его речь была закончена шумными аплодисментами. Я вынужден был раскланиваться.

30 апреля. У ректора состоялась встреча с ректором Белградского университета С. Яковлевичем, известным сербским писателем. Произвел очень приятное впечатление. Наш университет оказывает помощь Белградскому университету книгами и оборудованием. Яковлевич подтвердил, что в середине мая в Москву приедет академик Белич для чтения курса лекций.



**2 мая.** Весь день разбирал свой архив. Накопилось очень много интересных материалов и ценных документов. Нужно все это сохранить. Многие факты из исторических документов одесского архива теперь известны только по моим выпискам, так как во время войны многие дела были утрачены. Архив находился в помещении церкви. При румынской оккупации в церкви началось богослужение, и весь архив в течение нескольких дней валялся во дворе церкви. Затем все дела архива были перевезены в одно из школьных помещений, где они в двух классах были свалены в кучу и находились там безо всякого присмотра.

**6 мая.** Ректор Ленинградского университета Вознесенский решил провести в нашей стране Международный съезд славистов<sup>39</sup>. Пока еще не ясно – будет международный съезд или международная конференция. Дело в том, что съезд организует не страна, а Международный комитет, в состав которого входят представители различных стран. Международную конференцию может организовать и провести отдельная страна. Не думаю, что в ближайшее время возможно организовать четвертый конгресс славистов. Вероятно, все ограничится конференцией. На днях я об этом говорил Вознесенскому, который не совсем ясно понимал правовую сторону его затеи. Он просил меня принять активное участие в разработке лингвистической тематики. Я указал на сложность поручения в связи с существующими расхождениями во взглядах советских лингвистов. *«Я не принадлежу к сторонникам “нового учения о языке”»,* – сказал я Вознесенскому. Ответ его был для меня совершенно неожиданным. *«Вот поэтому я и прошу вас помочь мне»,* – сказал Вознесенский. И это сказал ректор университета, где, говорят, сильны позиции сторонников Марра. Удивительно!

**15 мая.** Очень рад за Григория Иосифовича Роскина, который получил сегодня Ломоносовскую премию (первую) за исследование «Антибластомные вещества микробных клеток». Это очень важно и для биологического факультета, где усиливаются позиции лысенковских мракобесов<sup>40</sup>. Вторую премию получил Сергей Владимирович Киселев за исследование древней истории Сибири<sup>41</sup>.

**16 мая.** Сегодня на аэродроме встречал из Белграда академика Белича. Вместе со мной его встречал Н. С. Поспелов. Для Белича удалось получить отличный номер в гостинице «Метрополь». Помогла его должность президента Сербской Академии наук. Александр Иванович чувствует себя отлично, полон всяких планов. На сербском языке будет читать нашим сербистам историю сербского языка и некоторые разделы грамматики современного литературного языка. Согласен читать лекции ежедневно, может даже две пары. А ведь ему уже семьдесят лет! Будет в Москве до конца июня. В связи с таким планом мы вынуждены некоторые экзамены наших сербистов перенести на сентябрь. Ректор дал на это согласие. Кроме того, Белич прочитает несколько лекций на русском языке по некоторым теоретическим вопросам грамматики. Я угостил гостя ужином. Он остался доволен.

**18 мая.** Вчерашний день я не забуду до конца моей жизни. Утром я узнал, что скончался Григорий Осипович Винокур. В это трудно было поверить. Несколько дней тому назад, в воскресенье, он провел у меня весь вечер и даже часть ночи. Мы расстались во втором часу. Обсуждали много всяких научных и организационных вопросов. Он был возбужден, но на здоровье не жаловался.

Эта страшная весть меня ошеломила. Вероятно, я сильно изменился, так как меня бережно усадили на диван, а Зауэр подала мне стакан воды. Казалось, что в сердце вошел гвоздь. Я потерял близкого друга. Придя в себя, сразу

же пошел на квартиру Винокура. Там застал безграничное горе. Григорий Осипович лежал на диване в своем кабинете, лежал холодный, окаменевший. Я не мог отвечать на вопросы, так как спазмы сжали горло. Долго сидел возле тела. Винокуру только недавно исполнилось 50 лет. Так мало! Узнал, что во время тяжелого приступа его сестра, врач по специальности, пустила ему кровь, что, возможно, и привело к летальному исходу. Не хочется об этом думать. Пора уходить, нужно уступить место новым посетителям. Иду по Арбату с опустошенным сердцем. А впереди важные дела.

Сегодня в три часа ответственное заседание Института славяноведения, на котором Пичета выступит с докладом о задачах Института. Приглашено много гостей. Филологическая часть доклада написана мной. Неожиданно для меня мне поручается председательствовать на заседании, так как директор куда-то уехал, а Пичета будет делать доклад. По служебной иерархии я в Институте занимаю третье место. Большой кабинет Грекова переполнен. Я говорю несколько слов и передаю слово Пичете. Доклад продолжался больше часа. Мне очень трудно следить за содержанием доклада, так как перед глазами все время стоит милый облик покойного друга. Неожиданно во время доклада появляется Белич. После завершения доклада я говорю о нашем югославском госте, о его научных заслугах, о его связях с русской наукой. Присутствующие приветствуют Белича. После Пичеты несколько человек высказывают разного рода пожелания, дают советы. На этом и завершается заседание.

19 мая. Сегодня на Немецком кладбище хоронили Винокура. В его могиле я оставил часть своего сердца.

25 мая. Регулярно посещаю все лекции Белича. На это уходит много времени. Особое внимание уделяю его лекциям по истории сербского языка. В методическом отношении они для меня не представляют большого интереса, но содержат интересные и новые факты. Много беседую с Беличем по вопросам праславянской фонетики. Не всегда его соображения кажутся мне убедительными. Вчера Белич сравнил Державина с Кочубинским, лекции которого он слушал в молодые годы в Новороссийском университете. Сравнение очень меткое. Вообще, Белич умен. Книги не дают полного представления об их авторе. Белич умнее и интереснее своих книг. Примечательно, что в наших ежедневных беседах отсутствует одна тема – Селищев. Он деликатно обходит ее, так как знает о роли Селищева в моей жизни. Много интересного рассказывает о Шахматове, с которым часто встречался в России и на Балканах. По его словам, Шахматов хорошо различал сербские интонации. К сожалению, я плохо различаю их. Специально внимательно слушаю сербскую речь Белича на его лекциях, но результаты ничтожные. Не могу воспроизвести краткое восходящее ударение. Белич терпеливо произносит *жѣна, бѣрба, дѣсати, кобила, нѣга* и др. Я очевидно огорчен. Белич успокаивает: *«Мало кто из славистов различал наши интонации. Один из ваших учителей, милейший Григорий Андреевич Ильинский, не различал даже долготу и краткость»*. Белич перед началом лекции вынимает из жилетного кармана массивные золотые часы с цепочкой и кладет их перед собой. Во время перерыва мы прогуливаемся по коридорам, а дорогие часы бесконтрольно лежат на столе в аудитории. Белич убежден, что в университете их никто не стащит. У меня такого убеждения нет. Не могу поделиться с ним своими мыслями на этот счет. Выход найден. Поручаю по очереди студенткам охранять эти часы. Белич даже не подозревает о наших переживаниях. Счастливый человек!

**29 мая.** Наш сербский лектор Радмила Ивановна Григорьева говорила мне, что академика Белича она знает с юных лет, что ее родители были близкими знакомыми академика. Я не верил ей, так как она часто отдалялась от истины. Но в данном случае она говорила правду. Это подтвердил сам Белич. Я не скрыл от него, что преподает она очень плохо во всех отношениях. Но другого лектора нет, поэтому вынуждены держать ее. Белич попросил меня быть к ней снисходительнее.

**30 мая.** Отправил сегодня в Ленинград статью «Из истории болгарских поселений в Крыму» для сборника в честь Державина. Наконец пришла корректура докладов о Селищеве. Мы эти доклады читали в конце 1943 г. Они публикуются в четвертом номере «Докладов и сообщений». Одновременно пришла корректура и третьего номера, в котором публикуется моя сердитая рецензия на учебник Н. К. Грунского<sup>42</sup>.

**1 июня.** Вчера на заседании ВАКа я был утвержден в ученой степени доктора филологических наук. Теперь предстоит новое дело – утверждение в звании профессора.

**2 июня.** Вчера вечером вместе с Беличем был в гостях у Виноградова. Был еще Ожегов. Белич один выпил целую бутылку коньяка, но был совсем трезвым. Поразительная выдержка. По дороге в «Метрополь» мы спокойно обсуждали вопросы соотносительной хронологии палатализаций заднебных. Виноградов очевидно старается понравиться Беличу, лебезит перед ним. Это необычно для поведения Виктора Владимировича.

**3 июня.** Вышел из печати второй номер Известий ОЛЯ с моей статьей «К вопросу об источниках славянской письменности в Валахии».

**7 июня.** Сегодня был у врача. Он установил сильное переутомление. Необходим длительный отдых. Но где взять время для отдыха?

**8 июня.** Белич необычно для меня различает лингвистов и филологов. Зедь он мне сказал, что Мейе был филологом, а не лингвистом. По мнению Белича, лингвист изучает современный язык. Диалектологи, фонологи, фонетисты, специалисты по грамматике литературных языков – это все лингвисты. Исследователи истории языка, памятников письменности, специалисты по сравнительной грамматике, этимологии, топонимисты являются филологами. Вайян, Фасмер – типичные филологи, но не лингвисты. По Беличу, Бругман был филологом, Шахматов – филологом и лингвистом, а вот Нитш (в современном написании Нитш. – *Ред.*) – настоящий лингвист. С этим утверждением лингвиста Белича я не могу согласиться. Исследователь языка древних памятников на праславянском этапе изучения, конечно, должен быть филологом. Но вместе с тем он должен решать чисто лингвистические проблемы. Мейе, конечно, был лингвистом, выдающимся лингвистом.

**9 июня.** Принято решение избрать К. Нитша членом-корреспондентом нашей Академии наук. В. П. Волгин поручил мне по этому поводу составить текст представления. Вспоминаю осень 1933 г. Академик Б. М. Ляпунов предложил избрать Нитша членом-корреспондентом нашей Академии. Резко против предложения Ляпунова выступил Державин. Он говорил, что Нитш играет большую роль в антиукраинской и антибелорусской политике польского правительства. Отделение тогда отвергло кандидатуру Нитша. Теперь другие времена.

**13 июня.** Нитш был единогласно избран в состав членов-корреспондентов Академии наук. Вчера по поручению Грекова был занят составлением отзыва на

план исследований берлинского Института славяноведения. Теперь мы утверждаем планы научных учреждений Германии. Занятно! Пошли гранки набора болгарско-русского словаря. Набор грамотный. Сегодня получил выписку из решения об утверждении в научной степени доктора филологических наук.

**15 июня.** Лекции Белича идут успешно. На его русских лекциях многолюдно. Много времени уходит на чтение корректур. Чувствую себя скверно. Большая слабость. Врач настаивает на длительном отдыхе. Это разумный совет. Обещают на июль месяц путевку в академический дом отдыха в Поречье, в районе Звенигорода. Говорят, что там очень красивые места.

**16 июня.** Вскоре после заседания 17 мая Пичета лег в больницу. Я полагал, что он просто переутомился. Сегодня узнал, что у него рак и что положение у него безнадежно. Удивительно, 17 мая он говорил больше часа, говорил без видимых следов усталости, очень энергично и вот...

**23 июня.** Сегодня скончался Пичета, не дожив до 69 лет. Что теперь будет с нашим Институтом!?

**24 июня.** Несмеянов уделяет большое внимание Беличу. Сегодня утром обсуждали вопрос об избрании Белича почетным профессором Московского университета. После революции это будет первый случай такого избрания. Для Несмеянова должен написать текст выступления на церемонии избрания. Сообщил Державину о предстоящем избрании Белича. Злость старика не знала предела. Надо сказать, что приглашение Белича шло мимо Державина. Я не без оснований полагал, что он будет против. Поэтому мы с Виноградовым договорились не информировать Николая Севастьяновича о нашей затее. Державин заявил, что не придет на торжественный акт. Я сказал, что он не только должен прийти, но и надеть все свои многочисленные ордена и медали. Посмотрим!

**25 июня.** Начались экзамены по курсам Белича. Девочки сперва робели, но потом освоились и отвечали бойко. Белич был доволен.

**28 июня.** Состоялась церемония избрания Белича почетным профессором Московского университета. Проходила она в актовом зале университета. Все заседание передавалось по радио. Было много народу. Несмеянов хорошо изучил текст приветствия и говорил свободно, без бумажки. Хорошо выступил Белич. Он тепло говорил о профессорах Московского университета периода его обучения, о Шахматове, поблагодарил Виноградова и меня за гостеприимство. Похвалил студентов. В самом конце церемонии произошла гоголевская сцена. Шумно открылись двери, и в зал вошел Державин. Вся его грудь была покрыта орденами и медалями. Особенно импозантно смотрелись большая золотая звезда на животе и алая лента через плечо. Державин важно подошел к Беличу и по русскому обычаю решил его облобызать. Но высокий Белич не нагнулся, и Державин вынужден был поцеловать живот гостя. Эту впечатляющую сцену сняли многие репортеры.

**29 июня.** Сегодня вместе с Виноградовым и его женой провожал Белича. Александр Иванович доволен своим пребыванием в Москве. Я старался сделать все для этого.

**1 июля.** Сегодня веду записи уже в Поречье. Здесь буду жить целый месяц. Живу один в небольшой комнатке. Бродил немного возле дома. Места очень красивые. Дом расположен на высоком обрыве над Москвой-рекой. Сегодня же приехали сюда И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров. Пока их еще не видел.

10 июля. Наслаждаюсь отдыхом, бездельем, дышу свежим воздухом, впитываю ароматы цветов и луговых трав. Силы прибывают с каждым днем. Много гуляю, купаюсь. Часто встречаюсь и беседую с писателем Пришвиным, у которого рядом дача. Человек умный, наблюдательный, очень своеобразная речь, но злой. Легко обнаружил, что я плохо знаком с его произведениями. Однако к этому обстоятельству он отнесся спокойно. Вчера на короткий срок приехали сюда А. Я. Таиров и Алиса Георгиевна Коонен. Таиров работает, а мы с Коонен гуляем. Мне очень трудно соединить обворожительную красавицу из пьесы «Любовь под вязами» с реальной и некрасивой старухой. А прошло всего 18 лет. Поражают доброжелательные отзывы о других актерах. Это в артистической среде большая редкость. Рассказывает много смешных и веселых историй из жизни русских актеров. С большой симпатией говорит о Гроссмане. Считает, что у Леонида Петровича безупречный вкус. *«Во многих случаях я ему доверяю больше, нежели Александру Яковлевичу»*, – говорит Коонен с лукавой улыбкой.

18 июля. От усталости не осталось и следа. Уже начал скучать. Много читаю. В библиотеке сравнительно большой выбор книг и журналов. На два дня приехал С. И. Вавилов.

19 июля<sup>43</sup>. В Поречье я много общался с Сидоровым. Он подробно мне рассказал об условиях предварительного следствия по делу славистов<sup>44</sup>. Гнусно вели себя Виноградов, Туницкий, Павлович. Быстро раскололся Ильинский. С большим негодованием Владимир Николаевич говорил о Виноградове, который передал следователю записи разговоров, которые вели между собой Дурново, Сидоров и Виноградов. Этот подонок делал все, чтобы избежать наказания, чтобы выслужиться перед следователем. И он преуспел в этом. Его наказание было самым легким<sup>45</sup>: он был выслан на короткий срок в Вятку, его книга о языке Пушкина именно в это время была опубликована в Москве<sup>46</sup>. Сидоров несколько лет провел в лагере, а затем был в ссылке в Казани. Вернулся в Москву он перед самой войной. Мне не понятна враждебность Сидорова к Аванесову. В прошлом они были близкими друзьями, вместе работали, вместе разрабатывали теорию фонем. Сидорову пришлось пережить тяжелые времена, но вины в этом Аванесова нет. От ареста Аванесова спасла фамилия. По делу славистов арестовывали только русских, так как речь шла о реставрации монархии в России. Было бы, очевидно, нелепо привлекать по этому делу разных инородцев. Большую роль в охлаждении дружбы друзей играет [И. С.] Ильинская.

25 июля. Погода стоит отличная. Несмотря на это, скука смертная. Почти не гуляю. Перестал замечать прелесть окружающей природы: травы и цветы уже не пахнут. Пора уезжать. Надоели бессодержательные разговоры, болтовня.

28 июля. Запись делаю уже в Москве. Уехал на три дня раньше. Через несколько дней улетаю в Бессарабию.

29 июля. Со старой фотографии смотрит на меня волевое лицо старухи. Это моя бабушка, Рахиль Семеновна Дубникова (урожденная Лихтарникова). Она родилась в 1852 г. в деревне Душалан близ Баргузина. Бабушка не любит, когда я спрашиваю, каким образом ее родители оказались еще в первой половине прошлого столетия в Забайкалье. «Может быть, твой отец был фальшивомонетчиком?» – ехидно спрашиваю я. В ответ получаю легкий тумак по загривку. Бабушка – единственный хранитель в большой семье еврейских обычаев. Она знает древнееврейский язык, ходит в синагогу, соблюдает все религиозные ус-

тавы и ограничения. У нее много детей, они разбрелись по белу свету, есть среди них крещеные. Всех их она любит и не осуждает. Не осуждает и дедушку, который вне дома во время своих поездок к бурятам ест трепное, а дома редко ходит в синагогу и плохо помнит язык предков. На плечах бабушки большой дом, хозяйство, много людей. Ложится спать она позже всех, встает раньше всех. Летом уже в пять часов утра ее громкий голос слышен то на скотном дворе, то в амбаре, то на огородах. Дедушке принадлежат три дома, выходящие на главную улицу Баргузина. Угловой дом снимает китайская фирма Тянь-Ху-Се. Здесь магазин, в котором продаются китайские сласти, фрукты. В соседнем доме живут дедушка с бабушкой. В следующем, самом старом доме, живут случайные люди, здесь же помещается лавка дедушки, где продаются керосин, веревки, сбруя, халва, конфеты, мыло... Моему двоюродному брату через год исполнится 13 лет. Бабушка требует, чтобы он начал изучать древнееврейский язык. После занятий бабушка проверяет знания внука. Вместе с братом и я по своей воле посещаю занятия. На вопросы обычно вместо брата отвечаю я. Бабушка сердится, бранит внука, но ласково обнимает меня. До сих пор я помню десятка два древнееврейских слов, хотя больше никогда древнееврейским языком не занимался.

У бабушки было много причуд. Так, она очень любила собак, но только черной масти. Дворник Батьма, бурят по национальности, должен был кормить и оберегать целую свору крупных дворняг. Иногда их было больше 20. Однажды появился живой медвежонок. Он был прирожденным актером, прекрасно имитировал походку Батьмы. Он был любимцем всех детей, много играл с нами. Мы и не заметили, как он подрос и превратился в молодого медведя. Однажды он сильно поранил руку двоюродному брату. На другой день медведь исчез. Нам было сказано, что его отдали одному охотнику. Не было границ нашему горю, когда однажды мы увидели в амбаре шкуру нашего любимца.

В 1919 или 1920 г. к Баргузину подходит отступающая армия генерала Капеля. Все жители покидают город. Наша семья уезжает в Душалан, где живут родственники бабушки. Нет ничего удивительного в том, что каппелевцы, покинув Баргузин, затем прошли через Душалан, так как село расположено на основном тракте. Офицеры с удивлением спрашивали нас: «Если вы бежали от нас, то почему в Душалан; нужно было бежать в сторону от тракта». Но мы бежали именно в Душалан. Каппелевцы вели себя непривычно для того времени корректно, целовали женщинам руки, говорили по-французски, но привезли сыпной тиф. После их ухода началась эпидемия, которая унесла много народу. После прохода каппелевской армии мама в тот же день уехала в Баргузин. Дом наш был в порядке, каппелевцы ничего не тронули. Она вернулась снова в Душалан за нами. Однако, когда мы через день прибыли в Баргузин, наша квартира уже представляла собою страшное зрелище. Местные головорезы не знали, что мама видела квартиру после ухода каппелевцев, и решили основательно пограбить, а все свалить на офицеров. Были разграблены и другие дома.

После смерти дедушки в 1926 г. бабушка осталась в Баргузине одна. Через некоторое время ее перевезли в Иркутск к старшей дочери, а позже, вместе с другой дочерью, она переехала в Москву, где в 1934 г. скончалась в возрасте 82 лет.

2 августа. В мои студенческие годы очень часто наша прославленная Коммунистическая аудитория была местом встреч студентов с известными писателями. Далеко не всегда эти встречи проходили гладко. Помню, однажды мы так

допекли Юрия Слезкина, что он вынужден был прервать чтение своих бездарных рассказов и уйти. С большим успехом перед нами часто выступал Пантелеймон Романов. Студенческая молодежь с интересом следила за творчеством этого писателя, близкого молодому читателю. Его знаменитый рассказ «Без черемухи» пользовался большим успехом. Романов бесспорно обладал редким в среде писателей актерским дарованием. Особенно удавались ему сцены из романа «Русь». Мы не только слышали текст, но реально видели самых различных представителей русского дореволюционного общества. Всегда интересно и остроумно отвечал Романов на вопросы, иногда каверзные.

Помню встречу с известным в те годы поэтом П. Орешиним. Крепко сбитый мужичок с копной волос. Пиджак весь засыпан перхотью. Его чтение напоминало вой волка. И стихи он читал унылые, тягостные. Кто-то крикнул: «*Перестань играть под Есенина*». Наступила мертвая тишина. Поэт пригорюнился, смолк... Казалось, что вот-вот заплачет. Однако превозмог себя и начал отвечать на вопросы. Прочитал записку и снова опустил свою буйную головушку. Помолчал, а затем молвил: «Здесь не вопрос, а утверждение. Автор записки пишет: «Ты лапотная рожа»». В те годы было хорошо известно стихотворение Орешина, в котором он старую Русь назвал пахотной, лапотной рожей. Было жаль поэта, но никто не вступился за него.

Несколько раз в Коммунистической аудитории выступал Маяковский. Я был на одной из встреч, малоинтересной. В памяти сохранились его злые высказывания о поэте Жарове. Рассказывал о своей заграничной поездке. Мне пришлось слышать Маяковского в разных местах не один раз. Эта встреча была самой бледной. Интересно о поездке в Японию рассказывал Борис Пильняк. Противным, бабьим голосом читал бездарные вирши Безыменский. Один из студентов через несколько дней прочитал пародии на стихи Безыменского, прекрасно имитируя пискливый голос поэта. Отлично помню встречу с И. Эренбургом, который в те годы жил в Париже. Во время толстовского юбилея (сто лет со дня рождения) в Коммунистической аудитории состоялась встреча с иностранными писателями, прибывшими на торжества. Очень ярким и интересным было выступление Б. Келлермана, С. Цвейг разочаровал.

4 августа. Еще в школьные годы я стал заправским оратором. В характеристике, данной мне педагогическим советом николюк-уссурийской школы после завершения среднего образования в 1928 г., специально отмечались мои ораторские способности. Действительно, в те годы я часто выступал перед большой аудиторией. У меня не было заранее подготовленного текста, не было даже плана выступления. Все мои выступления являлись чистыми импровизациями на заданную тему. Не раз я замечал, что предварительная подготовка сковывала мою речь, мешала мне, понижала эмоциональный накал. Во время выступления я находился в состоянии какого-то экстаза. Я не искал слов, не контролировал себя, слова сами свободно выстраивались в готовые фразы. Мои публичные выступления производили сильное впечатление не только на моих сверстников, но и на взрослую аудиторию. Преподаватель словесности Подгаевский после очередного моего выступления сказал мне: «*Из тебя может выйти отличный адвокат*». Помолчав немного, добавил: «*А скорее баптистский проповедник*».

Осенью 1927 г. в нашей стране широко отмечалось десятилетие Октябрьской революции. В помещении местного городского театра состоялось общегородское

собрание школьников, посвященное этой дате. Я не был комсомольцем, но именно мне было поручено выступить на этом собрании от имени школьников города. Я узнал об этом поручении за несколько дней до собрания, но, конечно, и не думал готовиться к нему. До сих пор отчетливо помню [момент], когда после доклада, прочитанного по бумажке директором нашей школы Радушкевичем, было представлено мне слово. Я смело подошел к рампе и в черном провале зрительного зала почувствовал напряженное ожидание людей. Именно это ощущение зажигало мое красноречие. Началась обычная импровизация. Я полетел на крыльях того красноречия, которое уже не поддавалось никакому контролю. Успех был шумный. Эра красноречья очень быстро закончилась в университете. Здесь нужны были точные цитаты, убедительные факты, доказательства...

**5 августа.** Сколько я себя помню, естественные науки не увлекали меня. Лишь в Чите в 1924 г. неожиданно возник интерес к астрономии. При местной небольшой обсерватории работал кружок любителей этой науки. Я регулярно посещал занятия кружка, читал научно-популярную литературу (особенно охотно читал «Популярную астрономию» К. Фламмарiona<sup>47</sup>), вел занятия сходящими в обсерваторию школьниками. Отец очень поддерживал этот интерес, так как не хотел, чтобы я стал гуманитарием. Однако интерес к астрономии так же быстро погас, как и возник. С этого времени уже не было никаких сомнений, что мое будущее будет связано с гуманитарными науками. Но с какими? До 1926 г. на первом месте стояла история, однако затем появилось острое желание работать в области философии, теории познания. В восьмом и девятом классах я запоем читал общие курсы по истории философии, пытался самостоятельно преодолеть трудности гегелевских текстов. Теперь уже не помню, каким образом родился интерес к интуитивизму, но в последнем классе моим кумиром стал Бергсон. Мне казалось, что имеются силы более мощные, нежели интеллект, мышление. Интерес к подсознательному закономерно привел к Фрейдю. Именно в этой области я и собирался работать, когда принял решение поступить на философский цикл исторического отделения историко-этнологического факультета Московского университета. Я не имел никакого представления о тех условиях, в которых работают наши философы. Как я уже писал выше, первый урок мне преподавал В. К. Серезников. Второй я получил на семинарии Маньковского. Позже этих уроков было много. Уже через два месяца после поступления в университет я был весь в объятиях новой для меня науки – славяноведения. Я избежал серьезной опасности. Во всей полноте это я понял позже, когда осознал, что дело не только во внешних условиях, но и во мне самом. При самых благоприятных условиях из меня не вышел бы оригинальный философ, мыслитель. В лучшем случае я мог бы стать историком философии, русским Куно Фишером, не более. Эрудиция у меня бы заменила силу абстрактного мышления. Это скоро показали мои специальные занятия по языкознанию. Я с самого начала стал избегать абстрактных высот в новой для меня области. Этому я остался верен до конца. Занимаясь много теорией, я, однако, никогда не выходил за границы языкознания.

**23 августа.** Вчера вернулся самолетом из очень интересной поездки в Бессарабию. Задач было много: познакомиться с состоянием болгарских говоров, установить маршрут экспедиции будущего года, собрать дополнительный материал для вопросника Атласа. Я впервые был в Бессарабии, прежде видел ее только из Тирасполя и Паркан. Положение в Бессарабии тяжелое. Кишинев в развали-



нах. После страшного недорода летом 1946 г. прошедшая зима унесла человеческих жизней больше, нежели война. На каждом шагу видны следы голода. Встретили меня молдавские лингвисты очень приветливо. Директор Института истории, литературы и языка И. Д. Чебан предоставил в мое распоряжение машину и отпустил со мной двух сотрудников. В значительной своей части я повторил маршрут В. И. Григоровича. Мы выехали утром 9 августа на юг. Посетили Комрат, Кирсово, Твардицу, Чадыр-Лунгу, Вале-Перже, Тараклию, Болгарийку, Болград, Чешма-Варуиту, Измаил, Каракурт, Вайсал, Бановку, Татарбунар, Сарату, Волонтировку, Каушаны, Бендеры. Поездка продолжалась 11 дней. 20 августа мы были уже в Кишиневе. Поездка дала мне возможность познакомиться с отдельными говорами болгарских сел, получить общее представление о многих болгарских говорах, собрать обширный материал, которым следует воспользоваться при составлении вопросника атласа болгарских говоров Бессарабии. Был также установлен контакт со многими людьми, которые могут в будущем оказать немало услуг нашей экспедиции<sup>48</sup>.

Имел возможность познакомиться с жизнью кишиневской интеллигенции. Жил у своего старого друга Л. Е. Корнфельда, известного молдавского поэта, публикующего свои произведения под псевдонимом Корняну. В Кишиневе молдавская речь явление редкое. На улице раздается русская речь. Молдавские поэты и писатели дома, в семье, говорят только по-русски. Дети и жена Корнфельда не могут читать произведений своего отца и мужа, так как совсем не знают молдавского языка. Шофер Института истории, языка и литературы сказал мне, что по-молдавски говорят только в Институте и на базаре. Это похоже на истину. Познакомился с поэтом Деляну. Много говорил с ним по вопросам молдавского языка. По его мнению, румынский и молдавский языки различаются только графикой. Фактически это один язык. Правильно было бы его называть румыно-молдавским языком (сравни: сербохорватский язык). Однако подобные суждения в Молдавии резко осуждаются. Поэтому об этом говорят только в дружеских беседах. По мнению Деляну, беда в том, что местная интеллигенция плохо знает литературный язык. Обычно местные молдаване говорят на молдаво-русском языке. Особенно сильно русское влияние в синтаксисе, в употреблении предлогов, в порядке слов.

**28 августа.** Близка к завершению книга «Македонский язык». Закончено грамматическое описание литературного языка, написано введение, составлена хрестоматия. На очереди составление небольшого македонско-русского словаря к текстам хрестоматии. Общий объем книги 10–12 листов.

**29 августа.** Многие значительные произведения мировой литературы, прочитанные мною в годы отрочества и юности, крепко сидят в памяти. В данном случае я имею в виду не сочинения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Толстого, Бальзака, Стендаля, Франса, Шиллера, Диккенса и многих других великих писателей, которые я неоднократно перечитывал в разные годы. Речь идет о произведениях Гончарова, Писемского, Лескова, Флобера, Сенкевича и многих других авторов, которых я читал только один раз именно в те годы. Прошло свыше двадцати лет после чтения «Обломова» или «Камо грядеши», но я до сих пор отлично помню не только сюжет, но и детали. Но далеко не все прочитанное в молодости сохранилось в памяти. В студенческие годы я запоем прочитал изданные у нас переводы произведений С. Цвейга. В июне в библиотеке

дома отдыха в Поречье я перечел одностомник, куда вошли наиболее известные произведения писателя. Выяснилось, что я забыл все. Даже «Письмо незнакомки» и «Двадцать четыре часа из жизни женщины» совсем ушли из памяти. Я сравнительно хорошо помню содержание некоторых романов Купера, но совсем забыл Майн Рида. Вероятно, человеческая память умнее нас: она знает, что нужно сохранять, а что без ущерба можно забыть. Легко забываются произведения Цвейга, Моруа, Леонида Андреева и многих крупных писателей разных времен и народов. Они оседают на поверхности памяти, и годы легко все смывают.

**31 августа.** Завтра начинается новый учебный год. В этом учебном году мне предстоит читать сравнительную грамматику славянских языков, два спецкурса («Болгарский лингвистический атлас» и «Южнославянский глагол») и вести два семинара по тематике спецкурсов. Летом 1948 г. состоится первая диалектологическая экспедиция в болгарские села Бессарабии. Необходимо подготовить к этой работе студентов-болгаристов. Кроме того, аспирантам буду читать курс «Болгарская фонетика». Главными заданиями до конца текущего года (т. е. до января) являются завершение книги «Македонский язык» и составление программы-вопросника «Атласа болгарских говоров в СССР». До экспедиции его необходимо опробовать в полевых условиях. Эту работу я возложу на нового сотрудника сектора Е. В. Чешко и аспирантку Института Л. С. Плотникову. Необходимо еще написать подробный отчет о поездке в Бессарабию и опубликовать его.

**5 сентября.** Я подготовил конспект своих лекций по истории чешского языка. Хотел их издать литографированным способом на правах рукописи. По этому поводу ходил к директору университетского издательства. Выяснилось, что подобного рода изданий университет не публикует. Мне рекомендуют издать рукопись обычным типографским способом. Однако на это я пойти не могу, так как работа носит компилятивный характер. Творчески я никогда чешским языком не занимался. Рукопись представляет собой тщательно составленные записки лекционного курса на основе работ Гебауэра, Травничка, Гавранка и других богемистов. Выступать в печати в функции историка чешского языка я не могу.

**15 сентября.** Вышел из печати третий номер «Докладов и сообщений филологического факультета». Он открывается очень интересной статьей покойного Винокура «Понятие поэтического языка». В номере опубликована моя злая рецензия на книгу Н. К. Грунского «Вступ до слов'янського мовознавства». Н. С. Зауэр напечатала небольшую заметку о защите моей докторской диссертации<sup>49</sup>. Опубликованы материалы в связи с обсуждением постановлений о журналах «Звезда» и «Ленинград». Огонь направлен на Л. И. Тимофеева. «Тов. Тимофеев отошел от партийной позиции в трактовке исторической роли литературных группировок 20-х годов, дав совершенно неправильную характеристику символизма, совершенно недостаточное внимание уделил эстетическим взглядам Горького»<sup>50</sup>. А нужно сказать, что лекции Тимофеева пользуются среди студенчества большим успехом. Он читает интересно и нетрафаретно, привлекает студентов думать<sup>51</sup>. Вот это и плохо. Теперь герой дня Еголин.

**16 сентября.** Моя диссертация прошла РИСО и вскоре должна поступить в производство. Монография попала в список книг, которые должны быть опубликованы к предстоящему съезду славистов (т. е. до 15 апреля будущего года). Написал подробный отчет о своей бессарабской поездке для «Ученых записок» Института.

**18 сентября.** Почти одновременно с третьим номером «Докладов и сообщений» вышел и четвертый, содержащий доклады о научной деятельности Селищева. Прочитаны эти доклады были 6 декабря 1943 г., в первую годовщину смерти ученого.

**7 октября.** Проходит различные стадии мое «профессорское дело». Оно прошло уже заседание факультетской конкурсной комиссии и, наконец, заседание Ученого совета факультета. Теперь осталось пройти еще два этапа: заседание экспертной комиссии ВАКа и заседание самого ВАКа.

**10 октября.** На этих днях написал рецензию на болгарский журнал «Език и литература»<sup>52</sup>, небольшую статью о подготовке славистов-филологов в Московском университете<sup>53</sup>. Пишу о достижениях и недостатках. За четыре года проделана большая работа. Лингвистические курсы обеспечены квалифицированными преподавателями, хуже обстоит дело с литературоведческими дисциплинами. Для «Вестника Академии наук» написал небольшую статью о болгарском диалектологическом атласе<sup>54</sup>. Отдал ее Б. Д. Грекову. Он сообщил мне, что статья будет опубликована в № 12 за этот год.

**13 октября.** На основе одного раздела морфологической главы книги «Македонский язык» написал статью «К вопросу о форме 3-го лица единственного числа настоящего времени в македонском литературном языке» для «Вестника МГУ». Для шестого номера «Докладов и сообщений филологического факультета МГУ» подготовил небольшую статью о научной деятельности Державина по случаю его семидесятилетия<sup>55</sup>. Сегодня же отправил заметку о нем в Малую Советскую Энциклопедию<sup>56</sup>.

**15 октября.** Сегодня провел вечер у Гроссмана. Случайно зашел разговор о «Преступлении и наказании». Я пытался доказать, что в центре романа стоят два персонажа – Раскольников и Свидригайлов. Оба преступника несут кару. Положительного героя в романе нет. Леонид Петрович думает, что я упрощаю задачу автора. Она гораздо сложнее. У Леонида Петровича есть интересные наблюдения над композицией романа. В конце беседы Гроссман сказал: *«Не могу утверждать, что я люблю Достоевского, но жить без него не могу. Этот гигант всегда рядом со мной»*.

**18 октября.** В № 9 «Вестника высшей школы» появилось сообщение о моей диссертации с указанием темы, места защиты, времени, именах оппонентов. Указана дата утверждения в степени доктора ВАКом. Дана краткая аннотация. Составлена лучше, чем можно было ожидать.

**20 октября.** После смерти Пичеты я теперь являюсь полноправным хозяином филологического отдела Института. Греков не вникает в дела Института и быстро подписывает все бумаги, которые я даю ему на подпись, подписывает, не читая. *«Вы у меня пользуетесь полным доверием»*, – говорит мне Борис Дмитриевич. Получил ставку для Е. В. Чешко. Она будет моим главным помощником в работе над атласом болгарских говоров СССР. Принята в аспирантуру Л. С. Плотникова. Она будет изучать язык Тихонравовского дамаскина и принимать участие в работе над болгарским атласом. Не без труда удалось зачислить в сектор Н. И. Кравцова по истории сербской литературы. Чешскую литературу в секторе представляет А. И. Павлович, чешский язык – А. Г. Широкова. Еще при жизни Пичеты в Институт был принят некто В. Ф. Мочульский, старый приятель Владимира Ивановича по Минску. За ним числится тема по истории сербской литературы. Докла-

дов пока не делал, ни разу на секторе не выступал. Есть основание полагать, что друг Пичеты невежда и дурак. Посмотрим!

24 октября. На секторе в Институте сегодня утром читал доклад о некоторых проблемах македонского литературного языка. Все слушали молча. После обеда был в Институте истории на докладе Россейкина о кирилло-мефодиевском вопросе. Коктейль из махрового панславизма, православия, марксизма и невежества. Однако имел успех!

25 октября. Посетил директора Издательства литературы на иностранных языках. Некто Яковлев. Обещал выпустить в свет мой учебник болгарского языка к съезду славистов.

27 октября. Державин сообщил мне о своей беседе с ректором Несмеяновым. По состоянию здоровья жить в Москве и Ленинграде Николай Севастьянович больше не может. Он возвращается в Ленинград и изредка будет навещать Москву во время сессий Академии наук. Поэтому он попросил освободить его от заведования кафедрой славянской филологии. На эту должность он рекомендовал меня.

28 октября. Вознесенский сообщил, что состоялось решение о проведении очередного съезда славистов в Москве. Установлен срок (15–21 апреля 1948 г.). Он показал мне список Оргкомитета по подготовке съезда. Почетным председателем утвержден академик Державин, председателем – Вознесенский, заместителями председателя утверждены Булаховский, Виноградов, Обнорский, Белецкий, Еголин, Гудзий. Ответственными секретарями за подготовку лингвистической части конгресса утверждены Бархударов и я. Была попытка протащить в секретариат Сердюченко, но Вознесенский решительно отверг эту кандидатуру. «Этот специалист по кавказским языкам нам не нужен», – сказал Вознесенский. Я не раз замечал, что Вознесенский не жалуется марристов. Мой милый напарник – фантастический лентяй, работать буду я.

31 октября. Подал докладную записку на имя Грекова. Прошу разрешить до Славянского конгресса провести в Институте конференцию, на которой следует обсудить наиболее актуальные вопросы славянской филологии. Греков одобрил это.

1 ноября. Сегодня встретился с Бархударовым. Обсудили ряд вопросов. Решили второй номер «Известий ОЛЯ» за будущий год целиком посвятить славянской филологии. Наметили возможных авторов. Неожиданно возник вопрос о роли историков-славистов в предстоящем конгрессе. Остро этот вопрос у нас в Институте поставил И. И. Удальцов. Он считает, что историки должны участвовать в конгрессе на равных правах с филологами. Эту же точку зрения разделяют некоторые историки за пределами нашего Института. Сложившаяся традиция говорит против участия историков. Удальцов вопит, что это традиция буржуазной науки, что она очевидно антимарксистская традиция<sup>57</sup>. Посмотрим!

2 ноября. Я принял решение выступить на конгрессе с докладом «Проблема македонского языка». Проблема острая, злободневная, интересная. Работа над книгой «Македонский язык» подходит к концу. До конца года проведу рукопись через Совет Института. Остается мало времени для публикации, но Греков обещал, что книгу будут набирать молнией.

9 ноября. Сижусь с утра и допоздна над «Македонским языком». Должен, однако, заниматься и другими делами. Диссертация прошла техническое редактирование и на днях послана в Ленинград, где она будет набираться. Сегодня со-

общили, что скоро получу гранки учебника болгарского языка. По поручению Министерства составил программу по болгарскому языку для студентов отделений русского языка и литературы университетов. Для справочника «Чехословакия» написал статью «Чешский язык»<sup>58</sup>.

**2 декабря.** Последнее время работаю сверх всякой меры, по 12 часов в день. Вчера поставил точку в рукописи «Македонский язык». Должен написать аннотацию для Ученого совета Института и издательства. Пошли гранки учебника болгарского языка, читаю верстку болгарско-русского словаря. И все это после лекций и заседаний.

**9 декабря.** Сегодня прочитал корректуру [рецензии] на румынский лингвистический атлас. Набрали хорошо. Начали поступать доклады по славянскому языкознанию, предназначенные для конгресса славистов. Пока времени читать их нет.

**28 декабря.** Вчера получил сигнальный экземпляр болгарско-русского словаря. Словарь имеет много недостатков, но он очень нужен сейчас. В будущем я подготовлю новый словарь другого уровня. Вчера за свой «Македонский язык» получил премию в 4 000 рублей. Рукопись уже утверждена к печати. Ответственным редактором назначен С. П. Обнорский. Закончил чтение гранок болгарского учебника. Жду корректуру валашских грамот.

**31 декабря.** До Нового года осталось несколько минут. Сегодня утром к Новому году получил хороший подарок: справку об утверждении в звании профессора по специальности «славянское языкознание». Прошедший год был многоликим: потерял близкого человека, много написал, много опубликовал, болел, совершил интересную поездку по Бессарабии, был свидетелем активизации советских магницких<sup>59</sup>, много отдал сил и времени научно-организационной работе. Работы было так много, что не было времени думать. А это очень опасно.

## Примечания

- <sup>1</sup> Речь идет о кампании борьбы «народного академика» Т. Д. Лысенко и его «мичуринского направления» за монополию в советской биологической науке (поддержанной партийным руководством страны) против классической генетики. Ее апогеем стала печально знаменитая сессия ВАСХНИЛ 31 июля – 7 августа 1948 г., закончившаяся фактическим запретом генетики в СССР и изгнанием из науки ее ведущих специалистов. Подробнее см.: *Александров В. Я.* Трудные годы советской биологии. Из записок современника. СПб., 1992; *Медведев Ж.* Взлет и падение Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929–1966). М., 1993; и др.
- <sup>2</sup> См. запись от 12 февраля 1947 г.
- <sup>3</sup> Одним из печальных последствий постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» была известная кампания по борьбе с буржуазным космополитизмом, развернувшаяся во всех отраслях науки и культуры главным образом в первой половине 1949 г. Подробнее см.: *Азадовский К., Егоров Б.* О низкопоклонстве и космополитизме // *Звезда*. 1989. № 6. С. 157–176; *Костырченко Г. В.* Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР // *Вопросы истории*. 1994. № 8. С. 47–60; *Он же.* В плену у красного фараона. М., 1994; *Досталь М. Ю.* «Борьба с космополитизмом» на историческом факультете МГУ весной 1949 г. // *Интеллигенция и власть*. М., 1999. С. 167–175; и др.
- <sup>4</sup> По-видимому, А. И. Белич в 1945 г. говорил о первом издании этого труда: *Виноградов В. В.* Современный русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1938–1939. Вып. 1–2.
- <sup>5</sup> Авантюры русского царизма в Болгарии. Сборник документов / Сост. П. Павлович. Предисловие В. Коларова. М., 1935. 240 с.

- <sup>6</sup> В рецензии Я. Викторова «О трех справочниках» (Правда. 1947. 11 янв. С. 4) о статье В. Коларова «Балканы и балканские народы», в частности, сказано, что она «представляется нам излишней. Автор ее не справился с задачей «освещения общности развития балканских стран» (так сформулирована цель помещения статьи в заметке «От редакции»).
- <sup>7</sup> Речь идет о Н. А. Вознесенском, в то время члене Политбюро ЦК ВКП(б), председателе Госплана, заместителе председателя Совета министров СССР.
- <sup>8</sup> О журнале «Под знаменем марксизма». Постановление ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 г. // Правда. 1931. 25 янв.; Постановление ЦК ВКП(б) от 15 марта 1931 г. по докладу Президиума Коммунистической Академии // Вестник Коммунистической Академии. 1931. № 2/3. С. 3.
- <sup>9</sup> *Сталин И. В.* О некоторых вопросах истории большевизма. Письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» // Пролетарская революция. 1931. № 6 (113). С. 3–12.
- <sup>10</sup> «Этюд» об А. Г. Робкове см. в Приложении (запись от 14 июля 1974 г.).
- <sup>11</sup> Вероятно, речь идет о книге А. М. Поповой «Семейские (забайкальские) старообрядцы» (Верхнеудинск, 1928. 36 с.) и книге А. С. Долотова «Старообрядчество в Бурятии (семейские в Забайкалье)» (Верхнеудинск, 1931. 52 с.). Писал о старообрядцах и А. М. Селищев (См.: *Селищев А. М.* Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920). Какое «дело» было связано с забайкальскими старообрядцами, выяснить не удалось.
- <sup>12</sup> Подробнее см.: *Селищев А. М.* Очерки по македонской диалектологии. Казань, 1918. Ч. 1.
- <sup>13</sup> О Языкфронте см. 1946 г., прим. 28.
- <sup>14</sup> НИЯЗ располагался по адресу: ул. Мясницкая, д. 45.
- <sup>15</sup> По сведениям В. М. Алпатов, А. М. Селищев был уволен из Института еще в январе 1932 г., так что заседание Ученого совета состоялось постфактум. Разумеется, выступление Бернштейна в защиту ученого «старой школы» не осталось безнаказанным. Месяцем позже он разделил участь Селищева. В. М. Алпатов сообщает далее: «Правда, после вмешательства наркома просвещения А. С. Бубнова оба летом того же года были восстановлены на работе». Бочачер вскоре был репрессирован. См.: *Алпатов В. М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991. С. 98. См. также Приложение (запись от 14 июля 1974 г.).
- <sup>16</sup> *Загоровский Е. А.* Очерк истории Северного Причерноморья. Одесса, 1922. Т. 1.
- <sup>17</sup> *Загоровский Е. А.* Организация управления Новороссией при Потемкине в 1774–1791 годах // Записки Одесского общества любителей истории и древностей. Одесса, 1913. Т. 31.
- <sup>18</sup> Нарком внутренних дел Н. И. Ежов был снят с поста в НКВД в декабре 1938 г. и назначен наркомом водного транспорта. Арестован и казнен в марте 1939 г.
- <sup>19</sup> *Толстов С. П.* Древнейший Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. 352 с. Труд удостоен Сталинской премии в 1949 г.
- <sup>20</sup> *Бернштейн С. Б.* К изучению редакций болгарских списков «Сокровища» Дамаскина Студита // Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов. София, 1957. С. 215–224.
- <sup>21</sup> Сборник памяти М. В. Сергиевского очень долго лежал в издательстве и был издан лишь в начале 1960-х годов. См.: *Бернштейн С. Б.* Труды М. В. Сергиевского в области балкановедения // Сборник статей по языкознанию. Памяти заслуженного деятеля науки проф. М. В. Сергиевского. М., 1961. С. 13–26.
- <sup>22</sup> К большому сожалению С. Б. Б., специальный Институт балканистики не был создан, а балканистика была введена в тематику Института славяноведения после его реорганизации.
- <sup>23</sup> Академик Б. Д. Греков, участвовавший в нем, полагал, что «конгресс внес большой вклад в дело объединения и культурного сотрудничества всех славянских народов» (*Греков Б. Д.* Славянский конгресс в Белграде. (Итоги и впечатления) // Вестник АН СССР. М., 1947. № 4. С. 59). Подробнее см.: *Досталь М. Ю.* Белградский славянский съезд победителей фашизма (1946) // Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998. С. 226–242.
- <sup>24</sup> *Державин Н. С.* История Болгарии. М., 1945–1948. Т. 1–4.

- <sup>25</sup> *Бернштейн С. Б.* Рец. на кн.: *Atlasul lingvistic român de Muzeul limbii române din Cluj sub conducerea lui S. Puscariu. Vol. 1. Cluj, 1938; Vol. 2. Cluj, 1942* // Бюллетень диалектологического сектора ИРЯ АН СССР. М., 1948. Вып. 3. С. 93–100.
- <sup>26</sup> В скобках приведен отрывок из черновой заметки С. Б. Б. об А. С. Орлове, разъясняющий суть разногласий последнего с М. Н. Сперанским.
- <sup>27</sup> *Орлов А. С.* Древняя русская литература XI–XVI вв. М.; Л., 1937. 379 с.
- <sup>28</sup> См.: *Иванов П.* Котленски дамаскин, преписан от Стойко иерей на 1765 г. (Принос към изучаването на нашите дамаскини): Български дамаскин в библиотеката на Академия на науките в Петроград // *Известия на семинара по славянска филология при университета в София.* София, 1921. Кн. 4. С. 49–85.
- <sup>29</sup> Институт славяноведения АН СССР в Ленинграде под руководством Н. С. Державина работал в 1931–1934 гг. Был закрыт в связи с развертыванием «дела славистов».
- <sup>30</sup> Юбилейная сессия АН СССР происходила в мае–июне 1945 г.
- <sup>31</sup> *Бернштейн С. Б.* Краткий грамматический очерк чешского языка // *Чешско-русский словарь* / Под ред. П. Г. Богатырева. М., 1947. С. 394–432.
- <sup>32</sup> В 1947 г., в канун кампании борьбы с космополитизмом, проводились негласные ограничения в приеме на работу и выезде евреев за границу.
- <sup>33</sup> Подробнее см.: *Досталь М. Ю.* Владимир Иванович Пичета (1878–1947) // *Историки России XVIII–XIX веков.* М., 1999. Вып. 6. С. 97–110.
- <sup>34</sup> *Бернштейн С. Б.* К вопросу об источниках славянской письменности в Валахии // *Известия ОЛЯ.* 1947. Т. 6. Вып. 2. С. 125–135.
- <sup>35</sup> Идея С. Б. Б. о необходимости издания Тихонравовского дамаскина была реализована его ученицей Е. И. Деминой. См.: *Демина Е. И.* Тихонравовский дамаскин: Болгарский памятник XVII в. София, 1968; 1971; 1985. Ч. 1–3.
- <sup>36</sup> Книга по политическим причинам не была издана.
- <sup>37</sup> В данном виде замысел осуществлен не был. В дневнике С. Б. Б. указано, что он собирался написать для этого сборника статью «Балканский лингвистический атлас».
- <sup>38</sup> О провале С. Б. Б. в ВТО в рукописи мемуаров ничего не сообщается.
- <sup>39</sup> Подробнее см.: *Досталь М. Ю.* Идея славянской солидарности и несостоявшийся в Москве в 1948 г. Первый общеславянский конгресс ученых-славистов // *Славянский вопрос: веки истории.* М., 1997. С. 182–203.
- <sup>40</sup> Запись за это число в первоисточнике отсутствует. Поздняя вставка не случайна. Вскоре Г. И. Роскин и его жена и коллега Н. Г. Ключева были обвинены в передаче в США технологии противоракового лекарства. Против них была организована шумная кампания. 5–7 июня 1947 г. над ними был проведен «суд чести», необоснованно заклеивший их как предателей и шпионов.
- <sup>41</sup> *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949.
- <sup>42</sup> *Бернштейн С. Б.* Рец. на кн.: *Грунський М. К.* Вступ до слов'янського мовознавства. Київ; Львів, 1946 // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. М., 1947. Вып. 3. С. 49–53.
- <sup>43</sup> В оригинале ошибочно указан август.
- <sup>44</sup> Подробнее см.: *Ашин Ф. Д., Алпатов В. М.* «Дело славистов». 30-е годы. М., 1994.
- <sup>45</sup> О ссылке и других преследованиях В. В. Виноградова подробнее см.: *Гуськова А. В. В.* Виноградов и дело «русских фашистов» (1933–1934 гг.) // *Наш современник.* 1995. № 1. С. 182–192; *Она же.* Письма из ссылки (1934–1936) [В. В. Виноградов. Вятские будни] // *Вестник РАН.* М., 1995. Т. 65. 1. С. 74–81.
- <sup>46</sup> *Виноградов В. В.* О языке Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л., 1935. 454 с.
- <sup>47</sup> *Flammarion C.* *Astronomie populaire.* Paris, 1885. 840 p. Первое русское издание труда К. Фламариона опубликовано в С.-Петербурге в 1905 г. под названием «Популярные лекции по астрономии».

- <sup>48</sup> Подробнее см.: *Бернштейн С. Б.* Отчет о диалектологической поездке в болгарские села Молдавской ССР и Измаильской области УССР летом 1947 года // УЗИС. 1949. Т. 1. С. 385–391.
- <sup>49</sup> *Зауэр Н. С.* Защита докторской диссертации доц. С. Б. Бернштейном // Доклады и сообщения ... 1947. Вып. 3. С. 102–103.
- <sup>50</sup> Там же. С. 100.
- <sup>51</sup> О Л. И. Тимофееве подробнее см.: *Фохт У.* Леонид Иванович Тимофеев // Литература в школе. 1964. № 1; *Поляк Л.* Леонид Иванович Тимофеев (К 60-летию со дня рождения) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1964. Т. 23. Вып. 2.
- <sup>52</sup> Рецензия на болгарский журнал «Език и литература» опубликована не была.
- <sup>53</sup> *Бернштейн С. Б.* О подготовке славистов-филологов в Московском университете // Доклады и сообщения ... 1948. Вып. 6. С. 76–78.
- <sup>54</sup> *Бернштейн С. Б.* Болгарский лингвистический атлас // Вестник АН СССР. М., 1948. № 2. С. 119–122.
- <sup>55</sup> *Бернштейн С. Б.* Академик Н. С. Державин (К 70-летию со дня рождения) // Доклады и сообщения... 1948. Вып. 6. С. 79–80.
- <sup>56</sup> *Бернштейн С. Б.* Державин Н. С. // МСЭ. 3-е изд. М., 1959. Т. 3. С. 440.
- <sup>57</sup> Подробнее мнения о предмете славистики рассмотрены в статьях: *Досталь М. Ю.* Методологические вопросы истории славяноведения в чехословацкой и советской историографии последнего двадцатилетия // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 283–306; *Kudělka M.* O pojetí slavistiky. Vývoj představ o jejím předmětu a podstatě. Praha, 1984. 287 s.; *Досталь М. Ю.* Предмет славистики в работах чехословацких ученых (1945–1985 гг.) // Славяноведение и балканистика в странах зарубежной Европы и США. М., 1989. С. 144–164; *Горяинов А. Н., Досталь М. Ю., Робинсон А. Н.* Методологические проблемы истории славистики как объект анализа в рамках международных съездов славистов // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 196–209.
- <sup>58</sup> Справочник не был опубликован.
- <sup>59</sup> О М. Л. Магницком, символе обскурантизма, подробнее см. в именном указателе.



## 1948

5 января<sup>1</sup>. В конце лета 1917 г. наша семья переехала на новую квартиру. Все лето жили на Амурской<sup>2</sup>, теперь переехали на Баснинскую<sup>3</sup>. Переехали в большой деревянный дом, принадлежавший вдове-полковнице. Мы были единственными штатскими среди многочисленных жильцов дома. Дом был в хорошем состоянии, со всех сторон окружен большим садом. И здесь, как на Амурской, жили семьи военных, которые в этот период состояли из стариков, женщин и детей. Мужчины были на фронте. Наше новое жилье находилось в непосредственной близости от дома генерал-губернатора. Напротив была гимназия, кажется, женская, недалеко находилось юнкерское училище<sup>4</sup>. Октябрь и ноябрь прошли спокойно. Я регулярно посещал второй класс частной школы Третьяковой<sup>5</sup>. Наша новая учительница София Константиновна Лейбович (в первом классе нас опекала Александра Михайловна) учила нас арифметике, русскому языку, читала вслух басни Крылова и т. д. Отца видел редко. Он то появлялся, то совсем неожиданно исчезал на несколько дней. Мама работала в больнице, которая находилась на противоположном берегу Ангары, в районе Звездочки<sup>6</sup>. В доме мы снимали две большие комнаты с террасой. Хозяйство вела домработница<sup>7</sup>. Муж ее, солдат, служил в местном гарнизоне. С конца ноября домработница начала в большом количестве сушить сухари. На недоуменные вопросы отвечала неопределенно — пригодятся. И, действительно, скоро они пригодились. Надо думать, что от мужа она получала информацию, содержащую секретные сведения.

Однажды я рано пришел из школы. Через некоторое время услышал сухой треск ружейных выстрелов. Домработница усадила меня и сестру в дальний угол большой комнаты, приказала сидеть на одном месте и не подходить к окнам. Вскоре появилась мама. От нее мы узнали, что в городе идут бои<sup>8</sup>. По понтонному мосту она бежала под пулями. Скоро появился и отец, который, однако, быстро исчез. А ружейная пальба все усиливалась. Изредка доносились отзвуки артиллерийской стрельбы. От домработницы мы узнали, что все жильцы дома спустились в подполье, где находиться было безопаснее. Она пошла к хозяйке, но получила резкий отказ: «Вы сами заварили всю эту кашу, теперь сами и расхлебывайте». Однако к вечеру у нас появилась сама важная хозяйка и предложила нам всем перейти в подполье. Неожиданная метаморфоза объяснялась просто. В подполье появились первые раненые, которым нужна была медицинская помощь. Мы, конечно, не дали себя долго уговаривать и, забрав с собой все запасы продовольствия и самое необходимое из вещей, спустились в подполье. Подполье шло подо всем домом. Был деревянный пол, электричество, сравнительно высокие потолки. В углу стояли две большие бочки квашеной капусты. К нашему приходу здесь уже находилось человек 30. Сперва нас встретили враждебно, но очень скоро всю власть забрала в руки мама. Решительным тоном она отдавала приказы, которые выполнялись. Прежде

всего она приказала сдать все продовольствие, которое было изъято из личного пользования. Капусту выдавали только детям. Был установлен строгий рацион. Куренье в подполье было запрещено. Наша домработница часто выбегала на улицу с ведром под пули, быстро набирала снег, из которого получалась грязная вода. Дело в том, что снег был покрыт сажей. Но и эта вода была драгоценной. Домработница готовила воду только для меня и сестры, но мама конфисковала воду и давала ее равными долями всем детям. Домработница сердилась, грозила, что больше под пули выбегать не будет, но запасы воды кончались, и она вновь выбегала за новой порцией снега. Однажды к нам забрел молодой юнкер. По просьбе сестренки он с Ангары принес большой кусок белоснежного льда. Нашей детской благодарности не было предела.

С каждым днем положение в нашем подполье становилось все более и более трудным. Заметно усиливался накал боев. Совсем близко от нас горело несколько зданий. Были раненые, стоял стон и плач. У одного раненого мальчика резко подскочила температура. Нужно было предпринимать срочные меры. Возможно, была гангрена. Мать мальчика с мольбой смотрела на маму, но что мама могла в этой обстановке сделать? Наконец мама приняла решение. Она оделась и ушла. После ее ухода наступила тягостная тишина. Сразу все осиротели. Долго ее не было. Наконец она появилась с группой молодых парней. Они принесли носилки. Уложили мальчика на носилки и унесли его. Долго был слышен их крик: «Красный крест, красный крест!» Но это спасало лишь от прицельного огня. Воздух был весь насыщен летящими пулями.

На пятый день сидения в подполье пришли к концу все запасы продовольствия. Совсем мало оставалось и капусты. Начался голод. Взрослые едва стояли на ногах. И дети больше лежали. Началась общая апатия. Даже мама заметно приуныла. Возник небольшой скандал. У одного старичка неожиданно обнаружили три банки рыбных консервов. Как он рыдал, когда мама конфисковала эти три банки, а наша домработница сделала на основе этих консервов блюдо. Ели только дети, в том числе внук старичка. На другой день старичок умер. Тело вынесли в сад. На восьмой день сидения в дом ворвалась шумная группа солдат. Приказали всем подняться наверх и стать возле стены. Смогла подняться лишь часть. Сестра осталась лежать, а мы с мамой поднялись наверх и стали возле стены. Это способны были сделать человек десять. Я был уверен, что нас будут расстреливать. Мама позже вспоминала, как я, весь белый от страха, крепко сжимал ее руку и повторял: «Мама, мы не умрем?» «Конечно, не умрем», – ласково говорила мать и гладила меня по голове. Солдаты что-то искали. Не найдя ничего, ушли. Перед уходом с одним из них говорила наша домработница. Солдат подошел ко мне, погладил меня шерпавой ладонью и дал мне жменю кедровых орехов. Я по-братски поделился ими со сверстниками.

Наступил десятый день. В подполье было совсем тихо, все лежали. Кто-то неожиданно громко крикнул: «Уже не стреляют, тишина!» Действительно, стояла непривычная тишина. Кое-как начали вылезать из подполья. В комнатах после подполья было холодно, но не было спертого воздуха. Легко дышалось. Мама пошла посмотреть, что осталось от нашей квартиры. Все было уничтожено. В одном месте артиллерийский снаряд пробил стену и искорежил всю мебель. Совершенно неожиданно появился дядя Ося (И. М. Дубников. – *Ред.*). Радости не было границ. «Мы думали, что вы все погибли, – сказал дядя. – Угораздило же вас переехать в район, который был центром всех боев. У нас по Саломатовской можно было свободно хо-

дять». «Что теперь вспоминать, – в ответ сказала мама. – Хорошо, что все теперь в прошлом». Долго собираться нам не пришлось. Дядя взял сестру на руки, меня за руку взяла мама, и мы направились к Белицким<sup>9</sup> на Саломатовскую улицу.

Никогда не забуду нашего путешествия по хорошо известным улицам Иркутска, теперь превращенным в руины. Горело красивое здание Русско-Азиатского банка<sup>10</sup>. Универсальный магазин Второва<sup>11</sup> представлял собою груды щебня и камней. Возле юнкерского училища не успели убрать все трупы. Один молодой юнкер лежал на спине с высоко поднятой рукой. Мимо проехал на коньках молодой парень. Он палкой ударил по руке юнкера. В морозном воздухе далеко прозвучал звук треснувшего стекла. Вот, наконец, и Саломатовская. Здесь мы попадаем в жаркие объятия. Затем нас раздевают и уносят в ванную комнату. После этого должны были кормить, но после всех волнений и особенно горячей ванны мы крепко уснули. Позже мне пришлось пережить много событий более впечатляющих и страшных, но иркутские события декабря 1917 г. были первыми.

**9 января.** Вчера прочитал корректуру своей статьи «Болгарский лингвистический атлас». Печатается во втором номере «Вестника Академии наук СССР» за 1948 г. Завтра с Виноградовым еду в Ленинград на юбилей Державина. Пробуду там дня 2–3. Увижу Мишутку<sup>12</sup>.

**16 января.** Вчера приехал из Ленинграда. Было много интересных встреч. Чудесный город!

**17 января.** Сегодня пришла верстка болгарского учебника. Сделана хорошо. Получил копию договора на издание Академией моей диссертации. До сих пор она еще не пошла в набор.

**23 января.** Сегодня на заседании кафедры делал доклад о научной деятельности Державина. Утром в Институте славяноведения АН СССР делал доклад о своей книге «Македонский язык». Должен к первому числу написать подробную аннотацию на эту работу для «Вестника Академии наук»<sup>13</sup>.

**27 января.** Читаю корректуру статьи «К вопросу о форме 3-го л. ед. ч. настоящего времени в македонском литературном языке». Выйдет во втором номере «Вестника Московского университета» за 1948 г. Набрали сносно. Получил всю верстку своего болгарского учебника. Вышло 273 стр. Набрали почти все пети-том, поэтому 25 печ. листов смогли уложить на 273 страницах.

**12 февраля.** Чествование Державина все еще не прекращается. Послезавтра опять делаю доклад «Н. С. Державин как болгаровед». На этот раз на сессии Отделения языка и литературы Академии наук. Сегодня читал верстку статьи о форме 3-го л. ед. ч. На днях засяду за составление нового плана славянского отделения. Нужно будет внести существенные коррективы. Сдал вчера всю верстку своего болгарского учебника.

**15 февраля.** Вчера на торжественном заседании Отделения языка и литературы АН СССР я сделал доклад «Н. С. Державин – болгаровед». Будет, кажется, печататься в бюллетене Ленинградского университета<sup>14</sup>. Нужно написать книгу «Введение в изучение славянских языков»<sup>15</sup>. Размер – 15 печатных листов. Написать популярно для студентов первого курса. Летом обдумать план и содержание. Работу закончу к лету 1949 г.

**16 февраля.** Сдал сегодня в дирекцию Института славяноведения рукопись своей книги «Македонский язык». Завтра, наконец, мои валашские грамоты идут в типографию. Я получу сразу сверстанные листы. В марте будет много работы.

17 февраля. Нужно написать статью о сравнительном методе Гринковой («Воронежские говоры»)<sup>16</sup>. Метод порочный, но может оказаться соблазнительным. Сегодня видел новое издание тематического плана АН СССР на 1948 г. Фигурирует мой болгарский атлас. Дело продвигается. Ерихонов – дубина.

18 февраля. Утверждение в степени доктора напечатано в «Бюллетене Министерства высшего образования СССР», № 7 за 1947 г., стр. 9.

20 февраля. Наконец получено утверждение об издании журнала, который, вероятно, будет называться «Славяноведение»<sup>17</sup>. Будет выходить 4 раза в году. Подготовка к съезду проходит ужасно. Виноградов отказался читать доклад. О преподавании славянских языков будет делать доклад... Сердюченко. Также отказался читать доклад и Волгин.

22 февраля. В течение весенних месяцев должен написать две статьи: «О некоторых проблемах сравнительного метода в языкознании»<sup>18</sup> и «К вопросу о лингвистическом картографировании»<sup>19</sup>. За март должен буду прочитать сверку болгарского учебника, гранки диссертации. Также, видимо, должен буду редактировать Мейе.

28 февраля. Наконец, после долгих мук, решен вопрос об издании русского перевода «Общеславянского языка» Мейе<sup>20</sup>. Вопрос должен был решить... Сердюченко. Вчера принесли мне перевод и все отзывы. Теперь нужно засесть за редактирование и составление комментария. Должен закончить к маю.

1 марта. Вышел второй номер «Вестника Академии наук» за 1948 г. с моей статьей «Болгарский лингвистический атлас».

9 марта. Вчера приехал из Праги Б. А. Гавранек. Будет читать лекции по истории чешского литературного языка и сравнительную грамматику славянских языков.

12 марта. Сегодня получил сверку своего учебника болгарского языка и верстку статьи «К изучению редакций болгарских списков “Сокровища” Дамаскина Студита», которая печатается в «Ученых записках Института славяноведения». Сегодня же утвердил обложку для своих валашских грамот. Сделана хорошо. Обещают верстку грамот на днях. Сегодня же узнал, что скоро наш Институт получит особняк на Пятницкой<sup>21</sup>. Помог съезд славистов.

15 марта. Сегодня читал верстку своей рецензии на «Ученые записки МГУ», которая печатается в первом томе «Ученых записок Института славяноведения»<sup>22</sup>.

19 марта. Вчера читал верстку своей диссертации. Получил девять печатных листов. Набрано прекрасно. Сегодня было заседание в новом здании. Делал доклад Кузнецов о сербской фонологии. Выступал Гавранек.

26 марта. Сегодня вечером закончил чтение корректур своей книги. Получилось полных 23 печатных листа. Нужно будет читать еще сверку. Говорят, что книга выйдет в апреле. Сегодня Гавранек читал в Институте славяноведения доклад на тему «Межславянское значение чешского языка».

30 марта. Сегодня подал докладную записку Грекову о необходимости перевода сектора диалектологии из Института русского языка в Институт славяноведения. Вчера началось совещание заведующих кафедрами русского языка университетов. В мае будет совещание кафедр славяноведения в Киеве.

4 апреля. Съезд славистов отложен. Предполагается провести его в июне. Думаю, что его проведут осенью<sup>23</sup>. Вчера Гавранек кончил читать лекции. Вче-

ра же провел экзамены. Остался доволен. Вечером ректор Несмеянов устроил в честь Гавранка небольшой прием. Завтра Гавранек летит домой. Одновременно с ним летит Несмеянов на торжества по случаю 600-летия университета<sup>24</sup>. Сегодня прочел 13 печатных листов сверки своей книги.

**6 апреля.** Вышел второй номер «Вестника Московского университета» с моей статьей «К вопросу о форме 3-го л. ед. ч. глаголов настоящего времени в македонском литературном языке».

**10 апреля.** Министерство утвердило мой болгарский учебник, как учебник [для] университетов<sup>25</sup>. Кончил читать сверку валашских грамот. Теперь пойдет в печать.

**11 апреля.** Учпедгиз предлагает заключить договор на издание научного курса болгарского языка. Пока не дал ответа. Нужно еще обдумать. Следовало бы написать книгу, в которой дать подробное описание фонетики, морфологии и синтаксиса современного языка, привлекая для сравнения материал из народных говоров.

**12 апреля.** Сегодня по поручению академика Б. Д. Грекова написал в Комитет по присуждению Сталинских премий отзыв о Державине. Чудеса! Греков заботится о присуждении Сталинской премии Державину! По всему видно, что сделан нажим.

**14 апреля.** Сегодня сдал, наконец, свою часть учебника русского языка для болгар<sup>26</sup>. Основная часть написана Ф. Ф. Кузминым. Мы должны были сдать этот учебник в самом начале 1946 г.

**19 апреля.** Пришли чистые листы валашских грамот. Напечатаны хорошо. Началась активная подготовка к Киевскому совещанию славистов. Продвигается дело с изданием журнала «Славяноведение». По заданию Славянского комитета написал отзывы на доклады Скока и П. Зарева, которые они должны читать на славянском съезде. Доклад Скока посредственный.

**21 апреля.** Сегодня начал читать лекции профессор Софийского университета Михаил Димитров о Ботева. Читает на болгарском языке. Сегодня подал документы на имя Грекова на конкурс по замещению [должности] зав. сектором Института славяноведения. Пока что я являюсь только и. о. зав. сектора.

**23 апреля.** 5 октября 1942 г. в Москве защищал кандидатскую диссертацию П. П. Свешников, посвященную конструкциям с *да* в болгарском языке<sup>27</sup>. Оппонентами выступали Селищев и Сергиевский. Это было последнее публичное выступление Селищева. Через два месяца (6 декабря 1942 г.) он скончался. Сегодня мне пришла мысль издать в извлечениях диссертацию Свешникова<sup>28</sup>. Нужно будет тщательно обдумать этот вопрос. Наш Институт славяноведения кроме «Ученых записок» будет издавать журнал «Славяноведение». Сегодня или завтра пойдет в печать мой болгарский учебник. Он набран, сверстан, выверен, утвержден Министерством и Главлитом. В мае, надо думать, выйдет в свет.

**24 апреля.** Из газеты «Труд» получил заказ на статью о Державине<sup>29</sup>. Они уже знают о предстоящем награждении его Сталинской премией и заранее готовят статьи.

**28 апреля.** Вышел в свет, наконец, первый том моих «Разысканий по исторической диалектологии болгарского языка». Внешне издано очень хорошо. Прекрасный переплет и бумага. Есть, однако, опечатки, и некоторые из них досадные. Вернулись из поездки в Тараклию, Табаки и Чешма-Варуиту Чешко и Плотникова. Привезли ценный материал.

**30 апреля.** Греков издал к празднику приказ, в котором специально отметил нашу работу над болгарским атласом. Упоминают меня, Чешко и Плотникову.

Приятно, что дирекция ценит работу по диалектологии. Вообще Греков вполне понимает значение работы над атласом. Уходит много времени на подготовку к славистической конференции в Киеве.

**6 мая.** Вышла моя статья «Македонский язык» в четвертом номере «Вестника Академии наук СССР».

**20 мая.** Сегодня приехал из Киева, где происходило совещание руководителей кафедр славянской филологии всех университетов, где имеются славянские отделения или славянские кафедры. Были представители из Москвы, Ленинграда, Киева, Львова, Риги, Ростова, Тарту и других городов. Совещание продолжалось с 10 по 18 мая. Мне пришлось выступать с несколькими докладами и сообщениями. Было принято несколько важных решений. Думаю, что совещание даст некоторые результаты в деле развития славистического образования в нашей стране<sup>30</sup>.

**21 мая.** Просмотрел свой «Македонский язык». Учел отдельные замечания рецензентов. Завтра дам рукопись. Изменил название. Работа будет называться «Очерки по македонскому языку».

**23 мая.** Определились, как будто, мои выступления на Славянском съезде. Это выступления о болгарском лингвистическом атласе (по докладу профессора Аванесова) и о преподавании славянских языков в СССР (по докладу профессора Сердюченко). Со съездом все еще неопределенно. Вышел том, содержащий письма славистов с 1850 по 1912 г.<sup>31</sup> В комментариях к письмам масса ошибок.

**25 мая.** Получил от С. Стойкова письмо и его новую работу о *ятъ* в болгарском литературном языке. Интересуется нашей работой над болгарским лингвистическим атласом. Хочет принять участие в нашей работе.

**29 мая.** Вчера был на заседании у Вознесенского по случаю предстоящего съезда славистов. Министр говорил вздор и чепуху. Сегодня вышел сигнальный экземпляр трудов Института славяноведения. В нем напечатана моя статья об изводах дамаскинов<sup>32</sup> и рецензия на труды Московского университета о мировом значении русской науки. Издан том хорошо. Только что передали сообщение о присуждении Сталинской премии 1947 г. Н. С. Державину.

**1 июня.** В сегодняшнем номере газеты «Труд» напечатана моя статья о Державине в связи с присуждением ему Сталинской премии.

**3 июня.** Вышел сигнальный экземпляр моего учебника болгарского языка. Родился после долгих и мучительных родов. Предисловие подписано 21 июля 1946 г.

**8 июня.** Наконец поступила в продажу моя книга «Разыскания в области болгарской исторической диалектологии». Съезд перенесен на осень. Все понимают, что это фактически означает отмену съезда. Жаль времени, которое я и многие другие потратили на всю эту затею.

**12 июня.** Смотрел сегодня собрание картин из Дрездена. Видел знаменитую Рафаэлевую мадонну и многое другое. Истинная гениальность не требует ярлыков. Великое искусство!

**14 июня.** Сердюченко и другие обещали дать бой против «Известий Отделения языка и литературы АН СССР». Журнал, дескать, аполитичный и многое другое. Неожиданно пришел (вернее приехал из Ленинграда) академик Мещанинов, редактор журнала. У всех (Сердюченко, Еголин и др.) сразу же пропало желание ругаться.

**16 июня.** Издательство иностранной литературы сегодня созвало совещание по поводу издания переводов лингвистических трудов. Мещанинов, Яковлев и

др. пытались все это фактически похоронить. Их рассуждения: теоретические работы переводить нельзя; они могут оказать вредное влияние на молодежь. К ним трудно(!) писать предисловие. Мы так далеко ушли вперед, что все эти работы не представляют для нас интереса. Следует переводить лишь описания отдельных языков. Против этого решительно выступили Чемоданов, Аванесов и я. На заседании победили мы. Но кто будет настоящим победителем?

Сегодня же подписал договор на перевод румынской грамматики Йордана<sup>33</sup>. Срок – первого ноября.

**20 июня.** Обнорский согласился редактировать мою книгу «Очерки по македонскому языку». Хотел бы издать ее к съезду, который, кажется, все же состоится осенью. Вновь вернулся к мысли об издании популярной книги о славянских языках. Это должен быть точный и популярный справочник, очень важный для начинающих славистов. Кто его издаст? Может быть, Академия наук в своей научно-популярной серии? Отредактировал отзыв Павловича на учебник польского языка Дворецкого. Отзыв будет печататься в журнале «Советская книга»<sup>34</sup>.

**22 июня.** Сегодня получил книжку Василия Ивановского «Отделни въпроси на Македония», изданную в Софии еще в 1946 г. Там между прочим читаем: «Решението на комисията е да се вземе за основа на литературен език централното наречие, а именно битолско-прилепското и нешто от охридското. Това е правилно. На таква становище е и знаменитият съветски филолог Бернштайн, който в едно свое писмо искаше да предпази македонските филолози от грешка. В това писмо Бернштайн съветваше да не се взема източното македонско наречие, което е силно българизирано, нито скопско-велешкото, което е претърпяло големи изменения под влиянието на сръбския език» (стр. 29–30)\*.

**30 июня.** Сегодня закончился учебный год. Через несколько дней выезжаю вместе с большой группой болгароведов в Бессарабию. Вчера получил письмо от Державина. Гнусное письмо! Он взбешен, что свою книгу я посвятил Селищеву и вспоминаю его только в своем предисловии. Вот что он пишет: «Селищева вы знаете лучше меня. Мы его знаем как довольно темного человека, ввиду чего, между прочим, ему в свое время было отказано в просьбе включить его в состав сотрудников Института славяноведения. Мы его знали как сербофила, переметнувшегося впоследствии в болгарский лагерь». Чудесное место! В державинском Институте славяноведения работали такие «светлые личности», как то: Кораблев, Пушкаревич и др. Пакостный и мелкий старикашка этот Державин. «Сербофильство» Селищева объясняется тем, что он очень хорошо и крепко высек Державина в свое время за его антинаучную книжечку «Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопрос»<sup>35</sup>.

**4 июля.** На днях отмечали 60-летие С. П. Обнорского. Тяжелое впечатление осталось от заключительного слова Обнорского, которое зачитала Комшилова. Полный маразм!

\* «Решение комиссии состоит в том, чтобы взять за основу литературного языка центральное наречие, битолско-прилепское, и кое-что из охридского. Это правильно. На такой точке зрения стоит и известный советский филолог Бернштейн, который в одном из своих писем хотел предостеречь македонских филологов от ошибок. В этом письме Бернштейн советовал не ориентироваться ни на восточное македонское наречие, которое сильно болгаризировано, ни на скопско-велешское, которое сильно изменилось под влиянием сербского языка» (болг.).

Сегодня с большим трудом отправил первую группу экспедиции. Уехали ленинградцы и несколько наших. Возглавляет группу Плотникова. До сих пор не могу получить деньги по чеку. С разных сторон слышу одобрительные отзывы о моем болгарском учебнике. Бородич на мои «Разыскания» пишет рецензию для журнала «Славяне»<sup>36</sup>.

6 июля. Вчера сдал, наконец, отредактированный текст «Общеславянского языка» Мейе и комментарий. Сегодня получил деньги на экспедицию. Выезжаю в Бессарабию восьмого утром.

27 августа. Вчера прилетел из Кишинева. Экспедиция прошла очень удачно. Обследованы следующие пункты: Болград, Комрат, Кирсово, Новое Вале-Перже, Исерлия, [Старое] Вале-Перже, Твардица, Ново-Ивановка, Новый Троян, Кирютня, Калининчак, Чийшия, Пандаклия, Кубей, Болгарийка, Кайраклия, Курчи, Каракурт, Вайсал, Бановка, Ташбунар, Шикирлик[-Китай], Импуцита. Осталась еще группа Елены Вл[адимировны] Чешко, которая обследует села Алдату и Лощиновку. С уже обследованными говорами Тараклии, Табаки и Чешма-Варуиты обследованы говоры 28 сел. А если учесть, что в Тараклии и Болграде представлено по четыре самостоятельных говора, а в Вайсале, Вале-Перже и Кубее – по два, то нами обследованы уже 37 говоров. Работа показала, что программа в общем составлена удачно.

Выяснено, что необходимо обследовать говоры Таврии. Без таврических говоров много неясного остается при изучении бессарабских говоров. Таким образом, необходимо форсировать изучение бессарабских говоров. В течение будущего 1949 г. необходимо закончить обследование бессарабских говоров, говоров Одесщины и ольшанских болгар. Для этой цели мне нужно иметь 10–12 отрядов.

Общий план таков. Один отряд работает в Таврии. Один отряд из двух подотрядов (всего 5 человек) работает в Одесской области и в Парканах. Один отряд работает в Ольшанском районе. 7–8 отрядов работают в Бессарабии. Я из Москвы выезжаю в Таврию вместе с первым отрядом. Работаю там в течение десяти дней. Затем выезжаю в Одессу. Здесь наблюдаю десять дней над работой. Выбираю подходящее село. Затем еду в Аккерман. Здесь будет центр бессарабской экспедиции.

28 августа. Купил третий выпуск диалектологического бюллетеня Института русского языка АН СССР. В нем напечатана моя статья о румынском лингвистическом атласе<sup>37</sup>. Обнорский дал положительный отзыв на мою работу «Очерки по македонскому языку». Первый том трудов нашего Института задержан из-за статьи Цвиттера<sup>38</sup>. Вместо июня том выйдет в октябре. С первого сентября выезжаю в Узкое. Там серьезно займусь переводом румынской грамматики Йордана, напишу отчет об экспедиции и напишу статью для третьего тома наших трудов «О языке города Болграда»<sup>39</sup> (вступительная глава из подготавливаемой монографии «Язык города Болграда»). Сегодня отправил книги Ларину и Кунчеву.

2 октября. Три дня назад приехал из Узкого, где провел целый месяц. Очень хорошо отдохнул. Кое-что сделал. Вчера уже сделал два доклада. Утром на заседании сектора в Институте славяноведения прочитал доклад на тему «О языке города Болграда». Вечером на заседании кафедры в университете сделал доклад о проведенной педагогической практике студентов в болгарских селах. Решено производственную практику проводить ежегодно, и не только на болгарском секторе.

6 октября. Сегодня отправил письмо Бархударову с предложением сдать статью об атласе в «Известия АН. Отделение языка и литературы»<sup>40</sup>.



**9 октября.** Неожиданно для меня вышел шестой выпуск «Докладов и сообщений филологического факультета», в котором напечатаны две мои статьи «О подготовке славистов в Московском университете» и «Н. С. Державин. К 70-летию со дня рождения». Я даже не видел корректуру и думал, что выпуск еще не пошел в набор. А он уже вышел! Есть грубые ошибки. Сегодня получил верстку своей статьи «Труды М. В. Сергиевского в области балкановедения». Набрано сносно.

**14 октября.** По поручению ректора написал адрес Польской академии наук в связи с 75-летием со дня ее основания. На юбилей поедут Несмеянов и Греков. Получил ответ от Бархударова. Просит статью. Вышлю ему в конце октября. Вчера на Ученом совете стоял доклад Чемоданова о двух направлениях в лингвистике в связи с дискуссией у биологов. Петерсон попал в ряды антимарксистов и идеалистов<sup>41</sup>. Читал список ученых трудов Сергиевского, который будет издан в сборнике его памяти. Боже мой! Почти ничего нет. И это почти за 30 лет научной деятельности (первая работа М. В. была напечатана в 1917 г.). Если отбросить всякую мелочь, то останется десяток статей. Плохой пример для других.

**15 октября.** Сегодня получил в канцелярии университета справку об утверждении меня в должности зав. кафедрой славянских языков. Утвержден был Министерством еще 7 сентября. Все время сижу над переводом румынской грамматики Йордана. Последние дни работа идет быстрее.

**22 октября.** Сегодня на заседании сектора филологии Института славяноведения делал отчетный доклад об экспедиции в болгарские села Бессарабии. Были почти все московские участники экспедиции. Подвели итоги. Они немалые. Проведена уже предварительная обработка материала. Сделана карта. Комарова принесла фотографические снимки. В сегодняшнем номере «Известий» Издательство литературы на иностранных языках рекламирует мой учебник болгарского языка.

**28 октября.** Вчера в Институте русского языка Ив. Ив. Мещанинов делал доклад о положении на лингвистическом фронте. Доклад был сделан в очень корректных тонах. Но эту сторону доклада «исправил» Филин, который со всей решительностью поставил все точки над *i*<sup>42</sup>. Меня избрали в президиум и вынудили прочитать глупое выступление С. П. Обнорского, который по болезни не был. Сегодня продолжается заседание, но я не пошел.

Сегодня получил письмо от Велчева. Он пишет, что Софийский университет послал приглашение мне, Еголину и Токареву приехать на короткое время. До меня это не дошло.

Вчера на заседании кто-то пустил слух, что сборник памяти Сергиевского решили разобрать (точнее, рассыпать набор). Думаю, что это вранье. Правда, покойный Максим Владимирович попал сейчас под сильный обстрел<sup>43</sup>.

**1 ноября.** Сегодня в течение всего дня происходило заседание Института славяноведения. Были подвергнуты серьезной и глубокой критике многие работы. Досталось и мне за еще ненапечатанную рецензию. Кажется, она и не выйдет.

**6 ноября.** Думаю во второй половине 1949 г. заключить договор с Издательством иностранных словарей на издание нового болгарско-русского словаря. Новый словарь будет значительно отличаться от старого не только объемом (45 000 слов), но и своим характером<sup>44</sup>.

**10 ноября.** На днях пришел из Праги последний номер журнала «Slavia». В нем напечатана статья С. А. Никитина об Институте славяноведения<sup>45</sup>. Сообщается о предстоящем выходе в свет моих «Разысканий», об окончании моего тру-

да «Македонский язык» и о начале работы над болгарским лингвистическим атласом. Сегодня мне сообщили, что П. Н. Третьяков (ныне очень важный человек) высоко оценил мои «Разыскания». В том же номере «Slavia» напечатана программная статья Гавранка о задачах славянского языкознания<sup>46</sup>. Необходимо внимательно с ней познакомиться.

21 ноября. В пятницу, 19-го, делал доклад об очередных задачах славяноведения. Присутствовали все московские слависты. Председательствовал Державин. Выступало много народа.

27 ноября. Вчера на заседании кафедры обсуждали мой учебник болгарского языка. Бородич выступила с детальным разбором. Отметила целый ряд действительно слабых мест. С некоторыми замечаниями я не согласился. Вчера же наконец отправил Бархударову статью о болгарском лингвистическом атласе.

Все сильнее испытываю потребность в написании курса болгарской диалектологии. Дело очень трудное. Нужно будет потратить несколько лет. Пока что для наших «Докладов и сообщений» нужно будет составить подробную программу с исчерпывающим списком литературы.

3 декабря. Остро встал вопрос о совместительстве на полной ставке в Институте славяноведения. Может быть, придется перейти на полставки. Первого декабря Греков направил соответствующее ходатайство в Президиум АН с просьбой разрешить мне совместительство на полной ставке.

Сегодня И. И. Удальцов сообщил мне, что по полученным им сведениям мою книгу («Разыскания...») будут издавать в Болгарии на болгарском языке. Нужно будет проверить<sup>47</sup>.

12 декабря. спасаю сборник памяти Сергиевского. Нужно усилить критический элемент в статьях о нем. Сейчас сижу над своей статьей, а также над статьями Смирницкого и Левковской. Полным ходом идет перевод румынской грамматики Йордана. Еще месяц уйдет на перевод. Затем сяду за статью о нем и за шлифовку текста. В феврале все должен буду сдать. Перевод Мейе уже набирается.

15 декабря. Вышел № 11 журнала «Славяне». В нем напечатана рецензия Бородич и Шептунова на мои «Разыскания». Рецензия бессодержательная. Но я рад ее появлению, так как положительный отзыв о научной работе в нашей прессе стоит дорого. Думаю, что этот отзыв будет полезен во многих отношениях.

Редактор «Славян» С. Н. Пилипчук просит написать статью о македонском языке в антисербском духе. Вновь оживает старое. Но как быть в таком случае с македонским литературным языком и, в частности, с моей работой о нем?

17 декабря. Отметили пятую годовщину со дня смерти Юрия Владимировича Готье. Перед глазами стоит его коренастая фигура с головой Сократа. Умные, чуть насмешливые глаза смотрят прямо в лицо собеседнику. Кажется, что Юрий Владимирович его тщательно изучает. Не очень счастливо сложилась его научная биография. С молодых лет его интересовали вопросы административного управления России XVII–XVIII вв. (главным образом областного). Большой и ценный материал он собрал и обработал по истории экономического быта Московской Руси. Этому посвящена очень ценная его монография «Замосковский край в XVII в.»<sup>48</sup> Революцию Готье встретил в расцвете творческих сил. Было много разных планов. Однако теперь его специальные интересы никому не были нужны<sup>49</sup>. Он стал лишним, как и большинство его русских коллег. Нужно было найти выход, и он его нашел. В пореволюционные годы власти активно поддерживали ин-

терес к археологии. Именно сюда обратил он свои взоры. По своей подготовке он был далек от археологии, конечно, совсем не владел техникой раскопок. Он отлично понимал, что полевым археологом он не станет. Поэтому он избрал путь компилятора. Он поставил перед собой задачу дать на основе существующих археологических исследований общий обзор истории каменного века и железа на территории Восточной Европы. Эту задачу он выполнил вполне корректно<sup>50</sup>.

В мои студенческие годы Юрий Владимирович на славянском цикле этнографического отделения историко-этнологического факультета читал небольшой курс истории Болгарии и Сербии и руководил просеминарием. Помню, читал лекции поверхностно, скучно. Все это было далеко от его подлинных научных интересов. На зачете требовал знаний в объеме популярных книжек А. Л. Погодина «История Болгарии» и «История Сербии»<sup>51</sup>. В его просеминарии я читал доклад о богомилстве. Он был написан быстро, на скорую руку. В 1931 г. я закончил университет и до 1939 г. с Готье не встречался. Слышал о его тяжелых испытаниях<sup>52</sup>. Новая встреча произошла в сентябре 1939 г. в ИФЛИ. В пятницу наши лекции совпадали. Он, конечно, сразу меня не узнал, но вспомнил после того, как я назвал свою фамилию и тему доклада в его просеминарии.

В течение всего 1939–1940 учебного года мы регулярно встречались в профессорской и часто вместе покидали здание Института. Не один раз в хорошую погоду шли вместе от Ростокинского проезда<sup>53</sup> до станции метро «Сокольники». Я внимательно, с большой пользой для себя слушал его бесконечные рассказы из истории русской бюрократии, из истории Московского университета, из интимной жизни Романовых, из области геральдики, которую он знал превосходно. Сразу же по возвращении на свою Усачевку<sup>54</sup> я тщательно записывал все его рассказы, но все эти записи перед отъездом из Москвы в конце октября 1941 г. вместе с другими материалами я сжег. Теперь по памяти могу восстановить немного. Сильнее других в памяти сохранился его красочный рассказ о защите диссертации П. Н. Милюкова в 1892 г. Попробую воспроизвести хотя бы внешнюю сторону защиты, не касаясь существа дела.

В конце 80 – начале 90-х годов прошлого столетия Павел Николаевич Милюков был одним из наиболее талантливых молодых учеников В. О. Ключевского. Многие в те годы думали, что именно ему Ключевский в будущем передаст свою кафедру. В 1892 г. Милюков опубликовал в Петербурге большую монографию «Государственное хозяйство России в первую четверть XVIII в. и реформа Петра Великого». Милюков решил представить ее в качестве диссертации на суд Ученого совета историко-филологического факультета родного университета. Ученый совет охотно принял труд к защите. Декан факультета, профессор Троицкий, учитывая объем исследования и сложность проблемы, поставил вопрос перед членами Совета о возможности присуждения автору сразу ученой степени доктора. Троицкий был убежден, что Ключевский возражать не станет. Поэтому он предварительно этот вопрос обсудил с другими членами Совета, которые высказались за степень доктора. И вдруг, совершенно неожиданно, решительно против этого предложения выступил Василий Осипович. В связи с этим было решено данный вопрос решать уже после защиты.

Большая Богословская аудитория. Среди обычных студенческих тужурок и профессорских сюртуков неожиданно глаз останавливается на изысканных туалетах красавиц, на офицерских мундирах. Аудитория переполнена. Все убеждены, что защита пройдет блестяще и что Милюков получит степень доктора русской истории. Известно, что у «Яра»<sup>55</sup> заказан отличный ужин. Сам герой дня облачен в

великолепный фрак, держится молодцом, хотя необычная бледность выдает внутреннее волнение. Все уже собрались, но нет самого Ключевского, который обычно всегда приходит на лекции и на заседания Ученого совета точно. Назначенное время уже истекло, а его нет. Декан Троицкий заметно волнуется. Наконец появляется Ключевский, но в каком виде! На нем старый-престарый сюртучишко, стоптанные штиблеты. Щеки повязаны красным платком, от чего бородавка стоит торчком. Он небрежно здоровается с коллегами, жалуется на острую зубную боль.

Диспут начинается. Все идет обычно, согласно правилам. Милюков уверенно, твердым голосом докладывает о результатах своего исследования. Затем декан предоставляет слово Ключевскому. В ответ на это Ключевский что-то невнятно мычит, указывая пальцем на профессора И. А. Линниченко, который выступал вторым оппонентом. Тема диссертации Милюкова очень далека от научных интересов Ивана Андреевича. Поэтому его отзыв почти не содержит полемики. Отдельные замечания носят частный характер. В заключение своего отзыва Линниченко говорит, что автор исследования без всяких сомнений заслуживает присуждения ему степени доктора, а не магистра. Выступление Милюкова было очень коротким, так как для спора не было материала. Теперь уже должен выступать Ключевский. Видно, что весь зал с нетерпением ждет его выступления. Многие ждут спектакля, и они не ошиблись в своих ожиданиях. Действительно был настоящий спектакль. (На этом рукопись обрывается. – *Ред.*)\*

**27 декабря.** Сегодня читал корректуру рецензии на издание документов по истории славяноведения. Будет напечатана в № 1 «Вопросов истории» за 1949 г.

**30 декабря.** Сегодня было заседание у проректора, профессора Сидорова. Обсуждали состояние кафедры истории славян, которую возглавляет профессор Никитин. Я высказал пожелание, что необходимо создать славянское отделение, которое бы готовило не только филологов, но и историков, археологов, этнографов и искусствоведов. Согласившись в принципе с моим предложением, все, однако, решили, что пока еще нет реальной возможности все это реализовать.

\* Сам П. Н. Милюков вспоминал: «Состоялась, наконец, защита диссертации (17 мая 1892 г.). Бояться этой защиты мне было нечего, даже при таком сильном оппоненте, как Ключевский. Возражать мне можно было только на основании моих же данных. В своих выводах из этих данных я был безусловно уверен. Заменить их другими – значило проделать сызнова мою же работу. При всем моем почтении к Ключевскому я знал, что эта почва спора для него не годится. Свои цели и выводы я разъяснил собравшейся публике во вступительной речи, потом опубликованной. Актовая зала была полна: публика собралась на диспут, как на борьбу чемпионов тяжелого веса. Мнения о том, кто победит, были разные...

Ключевский выбрал систему высмеивания. Он высмеивал мои статистические данные, которыми сам потом пользовался. Других не было. Он ловил меня на словах и искал противоречий. Опровергнуть это было нетрудно: достаточно было сослаться на общие выводы. Я не припоминаю, чтобы хоть одно из его возражений было основательно, хотя часть публики, уверенная в авторитете профессора и подчинившаяся его менторскому тону, наверное, думала иначе. У меня росло только чувство оскорбления за эту профанацию, рассчитанную на внешнее впечатление. Диспут кончился. Профессор Троицкий, декан факультета, поднимаясь на кафедру с листком для прочтения решения и встретив меня, спускающегося с кафедры, с соболезнованием сказал: «Что делать, вы рассчитывали на большее, ну, вы напишете другую диссертацию». А я тут же дал себе слово, которое сдержал: никогда не писать и не защищать диссертации на доктора. Через короткое время мои петербургские друзья предлагали мне представить на доктора другую мою научную работу. Я отказался» (*Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 107.*)

Получил сегодня письмо от Державина. Неугомонный старик хочет получить снова Сталинскую премию за свою историю Болгарии. Но из этого ничего не выйдет<sup>56</sup>.

### Примечания

- <sup>1</sup> В машинописном оригинале рукописи под 1948 г. значатся записи от 5 января и 17 декабря. Остальное воспроизведено по оригиналу рукописного дневника.
- <sup>2</sup> Амурская улица – впоследствии ул. Ленина в Иркутске.
- <sup>3</sup> Баснинская улица – впоследствии ул. Свердлова.
- <sup>4</sup> Юнкерское училище, точнее Вторая иркутская школа прапорщиков на Амурской улице.
- <sup>5</sup> Учебное заведение, где учился С. Б. Б., представляло собой комплекс, состоявший из школы и детского сада. Оно было основано в 1912 г. учительницей Аделаидой Эдуардовной Третьяковой и содержалось на средства ее мужа, богатого иркутского купца.
- <sup>6</sup> Роща «Звездочка» находилась за Ангарой, в предместье Иркутска.
- <sup>7</sup> По воспоминаниям сестры мемуариста В. Б. Беркович, ее звали Ксенией.
- <sup>8</sup> Вооруженная борьба за установление советской власти в Иркутске происходила с 8 по 18 декабря 1917 г. Учащиеся военных училищ и другие верные Временному правительству войска заняли центр города. Бои шли в основном на Амурской и прилегающих улицах.
- <sup>9</sup> Семья Давида Самойловича Белицкого, двоюродного брата С. Б. Б., в то время студента Иркутского университета.
- <sup>10</sup> Русско-Азиатский банк размещался по адресу: Амурская улица, дом 38.
- <sup>11</sup> Пассаж Второва на Ивановской улице был разрушен 12 декабря в результате пожара.
- <sup>12</sup> Речь идет об Эммануиле, сыне С. Б. Б. от первого брака с Валентиной Павловной Перегуд-Погорельской, жившем с матерью в Ленинграде. С. Б. Б. звал его Мишуткой.
- <sup>13</sup> *Бернштейн С. Б.* Из подготовленных работ. Македонский язык // Вестник АН СССР. 1948. № 2. С. 119–122.
- <sup>14</sup> Доклад был опубликован в Москве, по-видимому, в кратком варианте. Подробнее см.: *Бернштейн С. Б.* Академик Державин (к 70-летию со дня рождения) // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. 1948. Вып. 6. С. 79–80.
- <sup>15</sup> Замысел не был осуществлен.
- <sup>16</sup> *Гринкова Н. П.* Воронежские диалекты. Докторская диссертация. (Печатается в сокращении). Л., 1947. 300 с.
- <sup>17</sup> Проект издания журнала «Славяноведение» тогда реализован не был. С 1949 г. выходили ежегодные «Краткие сообщения Института славяноведения». С 1965 г. стал выходить журнал «Советское славяноведение» (с 1992 г. – «Славяноведение»).
- <sup>18</sup> *Бернштейн С. Б.* О некоторых вопросах сравнительно-исторического метода в языкознании // Краткие сообщения. Институт славяноведения АН СССР. М., 1952. Вып. 7. С. 3–13.
- <sup>19</sup> *Бернштейн С. Б.* О некоторых вопросах лингвистического картографирования // Славянская филология. М., 1951. Вып. 1. С. 17–23.
- <sup>20</sup> *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.
- <sup>21</sup> Институт славяноведения АН СССР несколько месяцев в 1948 г. работал в особняке президента АН СССР по адресу: Пятницкая улица, дом 33.
- <sup>22</sup> Рецензия С. Б. Б. была помещена в № 1а «Ученых записок Института славяноведения» 1948 г.
- <sup>23</sup> Съезд славистов в Москве в 1948 г. не состоялся из-за обострения и разрыва отношений в июне между компартиями СССР и Югославии.
- <sup>24</sup> В «Правде» от 5 апреля 1948 г. сообщалось, что на торжественном заседании Ученого совета Пражского университета, посвященном его 600-летию, почетными докторами университета были избраны академики С. И. Вавилов, В. В. Виноградов, Б. Д. Греков, Б. Л. Исаченко, И. И. Мещанинов, Л. А. Орбели, Е. В. Тарле и И. П. Трайнин. Подробнее см.: Шестисотлетие

- Пражского университета // Славяне. 1948. № 4. С. 61; *Стойков Ст.* 600 години чешски университет в Прага // Език и литература. София, 1948. Кн. 2. С. 156–157.
- 25 *Бернштейн С. Б.* Учебник болгарского языка. М., 1948. 272 с.
- 26 В списке трудов С. Б. Б. этот учебник не значится.
- 27 Диссертация П. П. Свешникова «Продуктивность конъюнктивных конструкций в балканских языках», представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук, была защищена на заседании Ученого совета Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина.
- 28 Этот замысел С. Б. Б. не был осуществлен.
- 29 См.: *Бернштейн С. Б.* Крупнейший знаток истории славянства // Труд. 1948. 1 июня.
- 30 Подробнее см.: *Дитякин В. Т.* Всесоюзное совещание кафедр славянской филологии // Славяне. 1948. № 6. С. 61–62.
- 31 Документы к истории славяноведения в России (1850–1912) М.; Л., 1948. 407 с.
- 32 *Бернштейн С. Б.* К изучению редакций болгарских списков «Сокровища» Дамаскина Студита // УЗИС. 1948. Т. 1а. С. 371–374.
- 33 *Йордан Й.* Грамматика румынского языка. М., 1950.
- 34 *Павлович А. И.* Рец. на кн.: *Дворецкий И. Х.* Польский язык. М., 1947. 355 с. // Советская книга. М., 1948. № 9. С. 112–114.
- 35 Имеется в виду рецензия А. М. Селищева на книгу Н. С. Державина «Болгарско-сербские взаимоотношения и македонский вопрос» (Пг., 1914), опубликованная в «Ученых записках Казанского университета» (Казань, 1915. № 6/7. С. 1–15).
- 36 *Бородич В., Шептунов И.* Новое исследование по истории болгарского языка // Славяне. 1948. № 11. С. 52–55.
- 37 См. 1947 г., прим. 25.
- 38 *Цвиггер Ф.* Национальный вопрос в истории Словении // УЗИС. М., 1948. Т. 1а. С. 312–319. Эта статья словенского ученого оказалась нежелательной ввиду советско-югославского конфликта 1948 г. Весь том был задержан цензурой. Институт славяноведения был вынужден присвоить его нумерацию (№ 1) следующему выпуску «Ученых записок». Со временем это вызвало путаницу в библиографии, сохранившуюся до сих пор.
- 39 *Бернштейн С. Б.* О языке города Болграда // УЗИС. 1950. Т. 2. С. 225–231.
- 40 *Бернштейн С. Б.* Лингвистический атлас болгарских говоров СССР // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1949. Т. 8. Вып. 3. С. 245–253.
- 41 В докладе Чемоданова говорилось о языковедах-идеалистах (индоевропеистах) и материалистах (марристах). К первым был отнесен Петерсон.
- 42 22 октября 1948 г. в Ленинграде состоялось совместное заседание ученых советов ИЯМа и ЛО ИРЯ АН СССР. И. И. Мещанинов прочел доклад «О положении в лингвистической науке», а Ф. П. Филин – «О двух направлениях в языковедении». Видимо, они были повторены в Институте русского языка в Москве. См.: *Алпатов В. М.* История одного мифа... С. 147.
- 43 В вышеназванном докладе И. И. Мещанинова М. В. Сергиевский вместе с В. В. Виноградовым и А. С. Чикобавой обвинялся в критике марризма. См.: *Мещанинов И. И.* О положении в лингвистической науке // Известия ОЛЯ. 1948. № 6. С. 484–485.
- 44 *Бернштейн С. Б.* Болгарско-русский словарь. Около 45 000 слов. М., 1953. 851 с.
- 45 См.: *Никитин С. А.* Институт славяноведения АН СССР // Slavia. Roč. 18. 1947/48. S. 521–523.
- 46 *Havráněk B., Wollman F.* Naše pojetí slovanské filologie a její dnešní úkoly // Slavia. Roč. 18. 1947/48. S. 249–268.
- 47 Проект издания книги С. Б. Б. в Болгарии не был реализован.
- 48 *Готье Ю. В.* Замосковский край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906. 2, VIII, 602 с.; 2-е изд. М., 1937.
- 49 О ненужности в условиях Советской России своих научных изысканий Ю. В. Готье неоднократно писал в своем дневнике: «Горько думать, что и наши все научные занятия – это никому не нужная

- роскошь, в которой русские гориллы не нуждаются и нуждаться не будут...», – писал он 25 февраля 1918 г. (См.: Вопросы истории. 1991. № 9. С. 170).
- <sup>50</sup> К этому можно добавить оценку археологической деятельности Готье специалистом: «Одной из главных научных заслуг академика Ю. В. Готье является объединение истории и археологии..., он всегда будет известен своими классическими трудами по истории России XVI–XVIII вв..., но Ю. В. Готье сумел стать еще и археологом... В 1900 г. начинается его археологическая деятельность, которая в конце концов привела к таким блестящим результатам, когда он под старость занялся широкими проблемами археологии...», – писал, например, о Готье известный советский археолог А. В. Арциховский (Доклады и сообщения. Исторический факультет МГУ. М., 1945. Вып. 1. С. 21).
- <sup>51</sup> *Погодин А. Л.* История Болгарии. СПб., 1910. 225 с.; *Он же.* История Сербии. СПб., 1908. 168 с.
- <sup>52</sup> В июле 1930 г. Ю. В. Готье был арестован по так называемому «академическому делу», обвинен в том, что руководил «московской секцией» мифического «Союза борьбы за возрождение свободной России» и административно выслан в Самару. В 1934 г. он смог вернуться в Москву и вскоре начал преподавать в МИФЛИ.
- <sup>53</sup> МИФЛИ размещался в доме 13а по Ростокинскому проезду, где сейчас находится заочное отделение Московского лингвистического университета.
- <sup>54</sup> После переезда из Одессы в Москву в 1939 г. С. Б. Бернштейн жил в аспирантском общежитии МИФЛИ на улице Усачева, дом 35, комната 55.
- <sup>55</sup> «Яр» – известный московский ресторан, где выступали цыгане. Ныне «Отель Советский» (Ленинградский проспект, дом 32).
- <sup>56</sup> С. Б. Б. оказался прав. Державин Сталинской премии в тот год не получил.

# 1949<sup>1</sup>

**1 января.** Несколько минут идет уже новый год. Прошедшим годом я доволен. Опубликовал две книги, несколько статей, получил кафедру в университете, утвержден ВАКом в звании профессора. Написал несколько работ и сделал перевод румынской грамматики Йордана.

В 1949 г. должен сделать:

- 1) Закончить работу по сбору материала в Бессарабии.
- 2) Написать две статьи о болгарских говорах СССР.
- 3) Подготовить сборник «Материалы по болгарской диалектологии СССР».
- 4) Написать статью «Очередные задачи болгарского языкознания».
- 5) Подготовить «Труды кафедры славянских языков МГУ».
- 6) Собрать материал и частично обработать по теме «Происхождение болгарского литературного языка».
- 7) Обработать материал по Валахии и проработать все работы Барбулеску по славяно-румынским языковым отношениям.

В конце 1951 г. должен быть готов атлас и моя книга «Славянское население в Валахии». На 1951 г. по Институту славяноведения возьму тему «Болгарские говоры СССР», что явится введением к атласу. В 1952 г. приступлю к теме «Болгарская диалектология». Над книгой буду работать до конца 1953 г.

**10 января.** Сегодня было в Институте славяноведения заседание, посвященное памяти Христо Ботева. Я председательствовал и сделал краткое вступительное слово. Хорошие доклады прочитали Марков и Валеv. Только что по радио передали сообщение об этом заседании. Сообщили, что заседание происходило под председательством Грекова, хотя он был только на втором отделении и молчал. Вот так!

Сегодня же выступил на заседании ученого совета Университета. Выдвигал словарь Ушакова<sup>2</sup> на Сталинскую премию. Следовало бы отметить это издание.

Вышел № 6 «Известий отделения языка и литературы» с резолюцией, где между прочим упомянуто имя Аванесова<sup>3</sup>.

**15 января.** Сегодня подал докладную записку Чемоданову о необходимости создания в университете специального факультета славяноведения с отделениями филологии, истории и этнографии, археологии и искусствоведения, права и отделения переводчиков. В связи с этим предлагаю еще целый ряд мер (создание новых кафедр и т. д.)

Завтра вечером уезжаю в Ленинград, где буду в Институте русского языка делать доклад о болгарском атласе. Увижу своего Мишутку.

**22 января.** Вчера утром приехал из Ленинграда. Своей поездкой очень доволен. Доклад об атласе в Институте русского языка прошел с большим успехом. Все встречали тепло и сердечно. Попал на открытие конференции молодых лингвистов ИЯМа. Прослушал доклад на тему «Русские работы по вопросу о славян-



ском влиянии на румынский и молдавский языки». О моей персоне говорилось с большим пиететом. Моя работа была оценена докладчиком очень высоко. Посетил заседание кафедры славянских языков Ленинградского университета. Говорили о предстоящей поездке в Бессарабию.

Вчера же получил из Болгарии «Кратък осведомителен въпросник за проучване на българските местни говори», составленный доцентом Стойковым. Раскрыл его с большим волнением, так как ожидал найти вещи, которые могли бы сильно видоизменить наш вопросник. Но ничего не нашел. Вопросник составлен плохо. В течение февраля напишу для «Бюллетеня [диалектологического сектора Института] русского языка» рецензию на этот вопросник<sup>4</sup>.

**3 февраля.** Сегодня закончил статью «Из истории конъюнктивных местоимений в болгарских говорах» для четвертого номера «Вестника Московского университета». Сегодня у проректора Сидорова вырабатывали проект резолюции по докладу Чемоданова, который он будет делать на заседании Ученого совета университета 7 февраля. Очень глупо вел себя Виноградов. Вообще он — влюбленный в себя дурак. Мне многие говорили раньше то же, но я не верил. Напрасно!

Перевод Йордана сейчас у машинистки. В течение февраля должен написать вводную статью к переводу. В феврале же должен для «Докладов и сообщений» факультета (№ 9) закончить небольшую статью «О некоторых вопросах лингвистического картографирования»<sup>5</sup>. Обещал Державину небольшую статью о Цоневе<sup>6</sup>.

В течение марта должен сдать в производство первый том трудов кафедр славянских языков и славянских литератур<sup>7</sup>. После его сдачи займусь подготовкой «Статей и материалов по болгарской диалектологии СССР»<sup>8</sup>. Под таким названием будут выходить неперIODически сборники в издании Института славяноведения.

На днях из приазовских сел приехала Бунина. Была в болгарских селах Дяновка и Райновка. Собрала ценный и интересный материал. Привезла письма от бывших моих одесских учеников.

**16 февраля.** Вышел первый номер журнала «Вопросы истории», в котором напечатана рецензия (моя и Дитякина) на издание документов по истории славяноведения<sup>9</sup>. Получил корректуры статей, помещаемых в первом томе «Ученых записок Института славяноведения». Сдал в № 4 «Вестника Московского университета» статью «Из истории конъюнктивных местоимений в болгарских говорах». Получил от машинистки статью о Цоневе для державинского «Введения в славяноведение»<sup>10</sup>. Завтра пошлю ему.

**17 февраля.** Вчера собрал всех своих аспирантов. Теперь будем собираться для заслушивания различных докладов по славянскому языкознанию. Может быть, из нашей группы родится в будущем что-нибудь большее. Сейчас это — объединение аспирантов-славистов. В будущем может быть — лингвистическое общество славистов вообще.

**4 марта.** Сегодня на заседании сектора филологии Института славяноведения делал доклад на тему «Из истории конъюнктивных местоимений в болгарских говорах». Статья будет напечатана в № 4 журнала «Вестник Московского университета». Пришли гранки повестей Вазова, которые издаются под моей редакцией<sup>11</sup>.

**8 марта.** Вчера, наконец, сдал свой перевод румынской грамматики в Издательство иностранной литературы. Сейчас пишу вступительную статью к пере-

воду. Полным ходом идет подготовка к сдаче «Ученых записок кафедр славянских языков и славянских литератур».

17 марта. Сегодня сдал Издательство иностранной литературы вступительную статью к переводу грамматики Йордана. Рад, что дело наконец кончилось. Ушла масса времени, которое мог бы использовать гораздо продуктивнее. Вообще, нужно осмотрительнее и реже заключать с издательствами договоры.

23 марта. Сегодня, наконец, сдаю в издательство университета «Ученые записки кафедр славянских языков и славянских литератур». Потратил массу времени. Том получился неплохой. Буду стараться, чтобы второй том был еще лучше. Я дал в том статью «О некоторых вопросах лингвистического картографирования». Она представляет собою отдельную главу из книги «Проблемы лингвистической географии»<sup>12</sup>, которую я задумал написать. План работы ясен.

Вышел из печати проспект книг «Академкниги» на 1949 г. С большим удивлением прочитал на 31 странице о предстоящем выходе моей книги «Очерки македонского литературного языка». Пройдет еще много времени, пока она пойдет в производство.

3 апреля. Неожиданно было отменено заседание Совета факультета, на котором должен был стоять доклад Чемоданова о борьбе с космополитизмом. Состоится в будущую среду, но уже при «закрытых дверях». Кажется, подул ветер с другой стороны!<sup>13</sup>

Мой перевод румынской грамматики пошел в набор. Надо думать, что летом книга выйдет. На днях читал корректуру своей статьи о конъюнктивных формах местоимений в болгарских говорах. Печатается в № 4 «Вестника Московского университета».

11 апреля. Сегодня приступил к работе над книгой «Проблемы лингвистической географии». Начал составлять полную библиографию. Делаю конспект книги Йордана. Книгу должен закончить в первой половине 1950 г. Ориентировочный размер 15–20 печатных листов. Отдельные главы из нее нужно будет до завершения всей работы публиковать в журналах.

17 апреля. На днях получил на адрес Института славяноведения из Парижа от А. Мазона письмо с просьбой выслать на адрес редакции «Revue des études slaves» «Разыскания». Конечно, посылать ничего не буду. Аспирант Кондрашов сдал 15/IV свою диссертацию на тему «Категория личности и личности в словацком языке». Работа хорошая. Уже готова верстка статьи о конъюнктивных местоимениях. В мае выйдет из печати. Работаю над докладом «О путях развития славянского языкознания в странах народной демократии». Пишу отзывы на статьи из сборника в честь Державина. Сборник хочет издавать Академия наук.

11 мая. В газетах начали щипать Мещанинова и его сателлитов. Получил сегодня из ВОКСа несколько нужных мне румынских книг. Осенью закончу большую статью «К изучению славянских элементов в румынском и молдавском языках». Это будет глава из второго тома моих «Разысканий»<sup>14</sup>. На днях вышел лингвистический атлас русских говоров озера Селигер<sup>15</sup>. Сделан посредственно. Недавно на диалектологическом совещании сделал доклад о нашей работе над болгарским атласом. Доклад понравился.

16 мая. В последнем номере «Revue des études slaves» напечатано сообщение о моей статье «К вопросу об источниках славянской письменности в Валахии», напечатанной еще в 1947 г.

20 мая. 28 апреля 1925 г. на основе постановления Союзаркома РСФСР от 9 июля 1924 г. факультет общественных наук был реорганизован. На его основе сформировали историко-этнологический факультет и факультет советского права. Деканом историко-этнологического факультета был утвержден В. П. Волгин. На этнографическом отделении был открыт цикл западных и южных славян. Руководителем этого цикла был назначен зав. кафедрой славянской филологии профессор Селищев. Он получил вакантные ставки. На одну он взял специалиста по белорусскому языку профессора П. А. Расторгуева. Украинский язык на условиях почасовой оплаты преподавал Н. Л. Туницкий. Но нужен был славист, т. е. специалист широкого профиля, способный читать курсы зарубежных славянских языков, сравнительную грамматику, руководить семинарами. Такого специалиста в Москве не было. В РАНИОНе проходили аспирантуру по славянскому языкознанию А. И. Павлович и П. П. Свешников, но на них рассчитывать не приходилось. Селищев очень низко оценивал их возможности. Начались поиски. Д. Н. Ушаков по собственной инициативе написал письмо своему ученику Р. О. Якобсону в Прагу о возможности устроиться на работу. Якобсон в этот период своей жизни испытывал большие затруднения материального характера, не имел постоянной работы. Живя в Праге, он, однако, в то время еще сохранял советский паспорт. Роман Осипович охотно последовал совету своего старого учителя. Создание факультета давало надежды на возрождение филологии, славистики, языкознания. Близки ему были поиски литературоведов формального направления, которые в этот период много публиковали интересных исследований. Еще до получения письма Ушакова Якобсон вел переговоры с поэтом Тычиной о переезде в Харьков. Однако теперь все его надежды были направлены на Москву. Манил родной университет. В конце 1926 г. Якобсон послал на имя ректора Московского университета соответствующее заявление и необходимые бумаги. Тогда же о новых планах Якобсона стало известно Трубецкому. В письме от 12 января 1927 г. он писал Роману Осиповичу: «Образование “цикла южных и западных славян” – новость интересная и скорее радостная: приходится радоваться всякому расширению филологического дела в СССР. Эгоистически для меня печально только то, что это может вызвать Ваше переселение в Москву и, следовательно, затруднение сношения с Вами. Но для Вас лично это разрешение вопроса, конечно, наилучшее. Во всяком случае лучше Харькова (о материальной стороне судить, конечно, не берусь, сужу только с точки зрения научного интереса и возможности работы). Хорошо было бы так или иначе пристроить в том же “цикле” и Дурново». Одновременно с заявлением Якобсона в ректорат пришло заявление известного русского слависта Г. А. Ильинского, который в этот период работал в Казани. Однако он часто приезжал в Москву, являясь действительным членом РАНИОНа. Селищев не был в восторге от кандидатуры Ильинского. Было хорошо известно, что Григорий Андреевич плохой лектор. До этого он успел уже поработать в Петербургском, Киевском университетах, в известном Институте им. Безбородко в Нежине. Читал лекции в Харькове, Саратове, Юрьеве и, наконец, в Казани. Нигде долго Ильинский не задерживался. Имея уже значительный стаж педагогической работы, он не воспитал ни одного слависта, известного своими учеными трудами. Но еще отрицательнее Селищев отнесся к кандидатуре Якобсона. Все направление научной деятельности Якобсона было глубоко чуждо Селищеву. Имя Якобсона в это время было тесно связано с Дурново, с Трубецким, с фонологией. Все это для Селищева было неприемлемым. Впервые со времени

приезда в Москву у Селищева возникли осложнения в личных отношениях с Ушаковым. Последнее слово было за Селищевым, а он предпочел Ильинского<sup>16</sup>.

21 мая. Вышел четвертый номер «Вестника Московского университета», в котором напечатана моя статья «Из истории конъюнктивных местоимений в болгарских говорах». Сегодня отослал корректуру своей статьи «Лингвистический атлас болгарских говоров СССР» в Ленинград. Печатается в третьем номере «Известий АН СССР. Отделение языка и литературы»<sup>17</sup>. Составил новый учебный план славянских отделений университетов. Вчера [он] утвержден начальником управления университетов министерства. До сих пор еще не назначена защита дипломных работ. В этом году защита задержалась на всех факультетах. Пришла мысль провести в будущем году семинарий на тему «История славянской филологии в Московском университете».

26 мая. Получил третий номер журнала «Език и литература» (за 1949 г.). В нем напечатана статья Стойкова «Български езиков атлас», в которой Стойков излагает содержание моей прошлогодней статьи на эту же тему. В статье Лекова «Нови славистични и обществоведски публикации в чужбина» раздел посвящен моим «Разысканиям».

1 июня. Решил начать издавать в Институте славяноведения новое издание «Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР». Подготовил первый выпуск. Написал для него вступительную статью – «Задачи изучения болгарских говоров СССР»<sup>18</sup>. В сборник войдут следующие статьи: Е. В. Чешко «Первые итоги работы по составлению лингвистического атласа болгарских говоров СССР», И. К. Буниной «Из истории вайсальского говора», Л. С. Плотниковой «О некоторых особенностях говора с. Кирютни Конгазского района Молдавской ССР», Н. В. Котовой «Язык села Твардицы (МССР)». Сборник получился удачным. Если не будет задержки с изданием, будем выпускать подобные сборники ежегодно.

Сегодня ровно шесть лет, как я вернулся из Свердловска и поселился на улице Герцена. Шесть лет жизни на одном месте. Первый случай в моей жизни. До сих пор не было случаев, чтобы я жил шесть лет непрерывно в одном городе. А теперь шесть лет... в одной комнате. Кажется, скоро получу квартиру. Уже давно пора.

Начался закат Мещанинова. «Друзья» усердно помогают этому. В университете началась аттестация всех профессоров и преподавателей. Я должен дать подробное жизнеописание всех членов своей кафедры.

14 июня. Сегодня состоялась защита кандидатской диссертации моего аспиранта Кондрашова на тему о категории личности в словацком языке<sup>19</sup>. Защита прошла блестяще. Голосовали все единогласно за присуждение степени кандидата филологических наук. Оппонентами были профессор Аванесов и доцент Широкова. Выступление Аванесова было интересным и содержательным. Выступление Широковой было бесцветным. Из публики выступил профессор Смирницкий.

15 июня. В течение июля буду отдыхать. Во время отдыха должен написать для БСЭ несколько статей и заметок. Должен раньше проработать книгу Барбулеску «Individualitatea limbii române și elementele slave vechi», 1929. Вероятно, придется читать корректуру румынской грамматики. Буду ежедневно работать три часа (два часа утром и один вечером). В сочетании с отдыхом эта работа будет полезна и для самого отдыха.

Сегодня было заседание редколлегии «[Ученых записок] Института славяноведения». Решили включить мои «Статьи и материалы» целиком в третий том. Я согласился, так как в таком случае они выйдут наверное.

Во второй половине года должен буду написать две статьи по плану Института (второй том моих разысканий). Это — «К вопросу о периодизации славянских элементов в румынском языке» и «О некоторых вопросах истории румынского языка». Может быть, и статью «К вопросу об изучении румынской топонимии»<sup>20</sup>.

Буду тщательно готовиться к лекциям по истории болгарского языка. Они будут стенографироваться. На основе стенограмм к осени 1950 г. должен представить готовый учебник по истории болгарского языка<sup>21</sup>. Буду работать над книгой «Проблемы лингвистической географии». Книгу должен закончить к концу 1950 г.

**24 июня.** Сегодня сдал «Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР». Будут печататься в третьем томе «Ученых записок Института славяноведения». Сегодня через Удальцова получил письмо от Романского. Просит для болгарско-русского словаря, который составляет его Институт, прислать человека.

**12 октября.** Давно не записывал. За это время произошло много разных событий. Весь июль провел в санатории «Сосновый бор» в Болшево, где усердно читал корректуру учебника румынского языка<sup>22</sup>. В сентябре прошла уже верстка и сверка учебника. Вероятно, в ноябре он выйдет. Весь август провел в Бессарабии. Работа там прошла успешно. На днях в Институте славяноведения делал доклад об итогах экспедиции. Отчет, написанный совместно с Е. В. Чешко, сдал в № 7 диалектологического бюллетеня Института русского языка<sup>23</sup>. В августе вышел из печати сборник рассказов Вазова на болгарском языке под моей редакцией и моя статья «Лингвистический атлас болгарских говоров СССР» в третьем номере «Известий Отделения языка и литературы АН СССР». В течение сентября много было редакторской работы. Сам писал мало.

Важным событием этого времени было получение квартиры в новом доме. Переехал 9 октября. Теперь я имею хороший кабинет и могу работать.\*

**15 октября.** Идет обследование Института славяноведения. Ничего путного из этого не будет. Институт напоминает чахлого ребенка у бедных родителей. Нет средств, чтобы ему помочь. А олимпиец Греков парит в облаках. Поразительный человек. Любит только себя. Даже свою науку любит только в себе. Пустой и дрянной человечешко! Дрянь так хорошо видна, что все ее видят сразу<sup>24</sup>.

Сегодня первый раз в своем новом кабинете работал весь день. Писал статью «Болгарские говоры южного Буджака» и написал для БСЭ заметку «Будилович». Для второго издания написал раньше «Албанский язык», «Болгарский язык», «Булаховский». В ближайшие дни должен еще написать «Брюкнер», «Брандт»<sup>25</sup>.

\* В дневнике от 1 июня 1974 г. (стр. 24–25) С. Б. Б. записал в дополнение к вышесказанному: «1 июня 1943 г. наш университетский коллектив вернулся из эвакуации в Москву. Эшелон прибыл в ночь, и мы все, легко одетые, провели ночь на площади возле Казанского вокзала. Холод был страшный. Многие пешком ушли к себе. Это было сделать совсем нетрудно, так как Свердловск поглотил почти все имущество. Я с женой должен был ждать, так как нам, собственно, некуда было идти. До войны мы жили в общежитии МИФЛИ на Усачевке. Теперь не было этого института, не было и общежития. Мы знали, что в нашей комнате теперь живут другие люди, а вещи и библиотека находятся в подвале. Утром Оля достала машину, и мы прибыли в старое здание университета. В главном здании нам сказали, что вновь прибывших временно будут размещать в здании исторического факультета (Герцена 5), куда мы с пустыми чемоданами и направились. Здесь нас встретил Сергей Данилович Сказкин, который поселил нас в комнате [24] на третьем этаже. «Поживите здесь несколько дней, а там видно будет», — сказал Сказкин. В этой комнате мы прожили с 1 июня 1943 г. по 9 октября 1949 г. (шесть с половиной лет)».

22 октября. Для справочника «Польша» написал статью «Польский язык» (10 000 знаков)<sup>26</sup>. На днях приступил к статье «Языкознание в странах народной демократии». Должен ее закончить до ноябрьских праздников.

25 октября. Скоро, наконец, выйдет из печати моя статья о болгарской колонизации нашего Юга во время и после русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Некоторые работы имеют очень сложную судьбу. Материал для этой статьи мной был обнаружен в Одесском историческом архиве осенью 1934 г. Материал оказался очень интересным, и весной 1935 г. я написал статью под названием «Греко-болгарская иммиграция в Россию во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг.». Статью сдал в один сборник, который должен был печататься в стенах Одесского университета. Сборник пролежал без движения до 1937 г., а затем по различным обстоятельствам статьи были возвращены авторам. Осенью 1937 г. я послал статью в Ленинград академику Н. С. Державину, который предложил ее в «Известия АН СССР». Однако туда она не подошла. Тогда он в 1938 г. устроил ее в предполагавшийся к изданию сборник по славяноведению под его же редакцией. В статью он внес некоторые изменения (незначительные). В частности, из заголовка снял – «греко». Оставил только – «болгарская иммиграция». В сентябре 1940 г. я, наконец, получил первые гранки. В мае 1941 г. я получил письмо из Ленинграда, в котором мне сообщили, что не по вине редакции набор был рассыпан и что летом я получу гранки нового набора. На этом все и кончилось. Началась война и ...

В 1944 г. я на тему своей статьи сделал доклад на заседании Славянской комиссии. После этого, по предложению Державина, ее включили в первый том трудов Комиссии, который, однако, все время лежал в портфеле Комиссии (точнее в делах Дитякина). Славянская комиссия до самой своей ликвидации (конец 1946 г.)<sup>27</sup> не издала ни одной работы, хотя в проекте было много всего.

В 1948 г. я предложил свою несчастную статью для «Ученых записок Института славяноведения». Послали ее на рецензию нескольким человекам. Державин дал краткий, но очень выразительный отзыв: «Работа интересная, напечатать». Несколько критических замечаний сделали рецензенты Валев и Терехова, но после беседы со мной возражения свои сняли. Пришлось лишь из отдела «статьи» перенести ее в отдел «сообщений и публикаций» и назвать «Страницы из истории болгарской иммиграции в Россию во время русско-турецкой войны 1828–1829 годов». Спокойно статья дошла до верстки. И тут вдруг редактор Подгорненская (редактор издательства) испугалась слов *колония*, *колонизация*, *колонист*. Нужно было срочно, уже в верстке менять эти слова (встречались они в статье часто) на село, переселение, иммигрант или переселенец. После этого все было хорошо, и я в начале августа 1949 г. уехал в экспедицию. Во второй половине октября меня неожиданно вызвал Миллер (редактор тома от Института) и сообщил, что Главлит задерживает том из-за моей статьи. В ней упоминается часто переселение греков, а это в данный момент нежелательно. Статья может идти в печать только без упоминания греков. Сперва мне казалось, что эта новая задача не выполнима. Однако, после некоторой работы я успешно справился и с этой задачей. Том еще не вышел из печати, и поэтому я не гарантирован еще от новых неожиданностей<sup>28</sup>.

В Институте славяноведения новое «дело». Взят в оборот Дитякин. Наша молодежь основательно взялась за его «Историю Хорватии». Установили, что большую часть своей работы он просто списал из старых работ. Дело приняло скандальный оборот и на последнем заседании Дирекции решили снять Дитякина с

работы в Институте. Таким образом у него остается лишь половина ставки в университете, где его положение тоже не твердое (точнее – неопределенное).

На днях на заседании сектора в Институте славяноведения делал отчет об итогах экспедиции. Экспедиция этого года прошла очень удачно.

**29 октября.** Вчера в Институте славяноведения делал доклад на тему «Болгарские говоры южного Буджака». Получилась интересная статья в 3/4 листа<sup>29</sup>. Не знаю, куда ее сдать. В академические издания статей уже сдал много. Может быть, сдам в «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ». Должны начать собирать девятый выпуск.

Планы на ноябрь – к 18 ноября должен написать доклад «Языковедение в странах народной демократии». Работа над ним разрушает все планы, но ничего не поделаешь. Должен его писать. Сразу же после завершения доклада должен приступить к докладу «Основные вопросы истории болгарского языка в свете нового учения о языке». Доклад буду делать в начале декабря. В конце ноября нужно подготовить выступление на тему о значении трудов Сталина для изучения истории славянских национальных языков. В течение декабря должен написать статью (листа на два) о славяно-румынских делах.

**7 ноября.** Издательство национальных и иностранных словарей все время настаивает на создании нового большого болгарско-русского словаря. Все время колеблюсь. Нужно его сделать в течение 1950 г. План выпуска указан 1952. Набираться и печататься будет в течение 1951 г. Фактически нужно заново создавать словарь. В первом издании много недостатков. Нужно изменить подачу грамматического материала, идиоматики, значительно увеличить словарь. Окончательно вопрос нужно решить в этом (т. е. [19]49) году. Нужно обдумать все кандидатуры помощников. Лучше всех, конечно, Котова.

На торжественном заседании Института славяноведения Дирекция особо отметила работу по лингвистическому атласу и премировала меня и Чешко ежемесячным окладом жалованья.

Много времени вынужден уделять устройству квартиры. Покупаю мебель. Купил сейчас больше, чем за всю жизнь. Кое-что купил ценное.

**12 ноября.** Вчера на сессии, посвященной национально-языковому строительству, Ломтев делал доклад об учении Ленина и Сталина о национальных языках. Я знаю Ломтева больше 20 лет. Поразительно, до чего в нем устойчивы косность и некультурность. Сколько за эти 20 лет он думал и читал, а основа все та же, старая, серая. Стоило Ломтеву сказать несколько слов, как все нутро было освещено ярким светом<sup>30</sup>. Вообще, лучше всего выдает человека его язык. Человек может надеть новый костюм, может даже приобрести новое, более осмысленное выражение лица, но свой язык... В старой поговорке «Язык мой – враг мой» содержание более глубокое, нежели обычно думают.

На новой квартире живу второй месяц, а до сих пор не могу устроиться. Все книги лежат на полу, нет стеллажа.

**15 ноября.** Закончил статью «Языковедение в странах народной демократии». В пятницу, 18 ноября, буду читать ее на заседании кафедры. Придется, вероятно, повторять ее на Ученом совете факультета и, может быть, на заседании в Институте славяноведения. В статье достанется Гавранку, Лекову и Росетти. Если доклады пройдут удачно, отдам статью Бархударову для «Известий Отделения литературы и языка АН СССР». На днях должны поставить в квартире телефон.

**22 ноября.** Доклад «Языкознание в странах народной демократии» прошел удачно. Нужно будет сделать несколько дополнений. Пошлю его Бархударову. 2 декабря буду повторять доклад в Институте славяноведения. Сейчас пишу статью «Проблемы изучения истории болгарского языка».

**29 ноября.** Вышел, наконец, новый том «Ученых записок Института славяноведения», в котором напечатана моя горемычная статья «Страницы из истории болгарской иммиграции в Россию в 1828–1829 гг.», отчет о научной командировке в Бессарабию летом 1948 г. (написан совместно с Буниной).

**3 декабря.** На днях в Ленинграде внезапно скончался Дмитрий Владимирович Бубрих. Это для нашей науки большая потеря. Финнолог с мировым именем, Бубрих был не только большим эрудитом, но и необычайно творческой личностью. В своих работах никогда не боялся ставить большие проблемы (может быть, иногда даже легкомысленно). Начал как славист. Его диссертация о системе кашубского ударения в истории славянской акцентологии не утратила и ныне своего значения. Последний раз видел его недавно в Москве<sup>31</sup>.

**4 декабря.** На днях вышел третий номер «Советской этнографии» за 1949 г. со статьей С. А. Токарева под названием «К постановке проблем этногенеза». Редакция напечатала статью в порядке обсуждения. В статье много спорного и ошибочного. Нужно ответить. Свою ответную статью назову «Этногенез или глоттогенез?»<sup>32</sup>

**6 декабря.** Сегодня исполнилось три года со дня защиты моей докторской диссертации и семь лет со дня смерти Селищева.

**12 декабря.** 9 декабря послал Бархударову в Ленинград для «Известий» статью «Языковедение в странах народной демократии»<sup>33</sup>. Сегодня в Институте славяноведения происходила проверка работы за 1949 г. По нашему сектору проверка прошла вполне удачно.

**14 декабря.** Вчера было заседание Ученого совета Института славяноведения. Греков делал доклад о своей поездке в Польшу<sup>34</sup>. Утвердили к печати «Ученые записки» (второй том). Сегодня написал в БСЭ заметку «Бодянский»<sup>35</sup>.

**15 декабря.** Сегодня наш Институт славяноведения отчитывался перед Президиумом Академии. Греков сделал доклад, в котором обнаружил полное незнание работы Института. Сделал в докладе много ошибок. С содокладом от обследовавшей Комиссии выступил А. Д. Удальцов, который, как всегда, говорил общими словами. Затем выступил Толстов С. П., сделавший несколько ошибочных и дельных замечаний. Между прочим, напал на меня за болгарский лингвистический атлас (совсем зря). Выступил Вавилов С. И., который заявил, что проблему славистических кадров мы не решим до тех пор, пока не встанем на путь командировок (длительных) в славянские страны: «Нужно послать 15–20 человек на несколько лет». Благие мысли, которые осуществить пока что никому не удавалось.

После заседания я беседовал с Волгиным. На мой вопрос о научных командировках в славянские страны пожал плечами: «Может быть, Сергей Иванович поставит вопрос решительно». Я слегка кольнул Волгина, сказав: «Вот если бы славянское отделение в университете в 1930 г. не закрыли, то мы сейчас имели бы много славистов». Он смолчал. В ликвидации славянского отделения Вячеслав Петрович сыграл не последнюю роль.

**22 декабря.** Сегодня в Колонном зале состоялось торжественное заседание, посвященное семидесятилетию тов. Сталина. Было очень торжественно. Встретил много старых знакомых, с которыми давно не встречался. Делали доклады



Вавилов, Мухелишвили и Вышинский. Доклад Вышинского был очень интересен. Он часто отвлекался от темы и много интересного говорил о текущих делах заседаний последней ассамблеи [ООН]. Впервые я видел Вышинского осенью (в сентябре) 1928 г. Тогда он был еще сравнительно молод, волосы были рыжие. Теперь это уже старик (совсем седой), но очень бодрый. Сегодня он говорил два часа и совсем не устал. Чувствуется, что он может говорить без конца.

**31 декабря.** Через четыре часа наступит новый год и новое десятилетие. Заканчиваются сороковые годы XX в. и начинаются пятидесятые. В истории человечества сороковые годы XX в. оставят глубокий след. Современникам этого десятилетия пришлось трудно, но увидели они многое и великое. Истекшим годом я не очень доволен. Прошел он менее плодотворно, нежели 1948 год. Меньше написал, меньше опубликовал. Но он, несомненно, сыграл значительную роль в методологии. Пришлось за этот год многое передумать и пересмотреть.

В 1950 г. должен сделать много. Прежде всего написать книгу «История болгарского языка», которую будет издавать университет. В голове она готова. На бумаге лишь отчасти. Кроме того, к концу года должен закончить книгу о болгарско-румынских языковых отношениях. Раньше предполагал назвать ее «Славянское население в Валахии». Теперь думаю назвать «Славяно-румынские языковые отношения». Размер 12–15 печатных листов<sup>36</sup>. Должен закончить атлас болгарских говоров. Нужно будет написать небольшое введение к атласу (размером в два листа).

### Примечания

- <sup>1</sup> 1949 год в мемуарах С. Б. Б. отсутствует. Текст печатается по рукописи черного дневника.
- <sup>2</sup> Толковый словарь русского языка / Сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов. Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М., 1947–1948. 2-е изд. Т. 1–4.
- <sup>3</sup> В резолюции совместного заседания ученых советов ИЯМа и Ленинградского отделения ИРЯ АН СССР от 22 октября 1948 г. говорилось: «Вплоть до последнего времени реакционные языковеды отстаивают отжившие свой век традиции либерально-буржуазной лингвистики в нашей стране и рабски отражают гнилые теории соссюрианства и структурализма, ставшие модными в среде буржуазных языковедов в последние два десятилетия. Лингвисты этого толка (академик В. В. Виноградов, проф. М. Н. Петерсон, Г. О. Винокур, А. А. Реформатский, Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов, В. Н. Сидоров, А. С. Чикобава и др.) вели и ведут борьбу с советским материалистическим языкознанием, проповедуя идеалистические и оторванные от жизни взгляды» (Известия ОЛЯ. 1948. № 6. С. 498).
- <sup>4</sup> Замысел не был осуществлен.
- <sup>5</sup> Статья была опубликована в сб. «Славянская филология». (М., 1951. Вып. 1. С. 17–23).
- <sup>6</sup> Статья в свет не вышла.
- <sup>7</sup> Сборник вышел в свет в 1951 г. под названием «Славянская филология».
- <sup>8</sup> Под таким названием сборник выходил с 1952 по 1962 г. (Вып. 2–10). Первый выпуск был опубликован в 1950 г. в составе второго тома «Ученых записок Института славяноведения».
- <sup>9</sup> *Бернштейн С. Б., Дитякин В. Т.* Ред. на кн.: Документы к истории славяноведения в России (1850–1912). М.; Л., 1948 // Вопросы истории. 1949. № 1. С. 132–135.
- <sup>10</sup> Книга в свет не вышла.
- <sup>11</sup> На болгарском языке книга И. Вазова «Под игото» была издана в Москве в 1950 г. С. Б. Б. был редактором и автором предисловия.
- <sup>12</sup> Замысел книги не был осуществлен. Статья «О некоторых вопросах лингвистического картографирования» опубликована в «Славянской филологии» (М., 1951. Вып. 1. С. 17–23). См. также *Бернштейн С. Б.* Задачите на картографирането на българските народни говори (по материали-

- те на «Атлас на българските говори на територията на СССР») // Български език. 1955. Год. V. Кн. 4. С. 293–307.
- 13 Действительно, кампании по борьбе с космополитизмом, развернувшейся в конце января 1949 г., «сверху» был дан отбой. В начале апреля М. А. Сулов сообщил на особом заседании идеологическим работникам мнение Сталина о том, что «раскрытие литературных псевдонимов недопустимо. Это пахнет антисемитизмом». Однако кампания борьбы с космополитизмом в течение апреля–мая по инерции, несколько утихнув, продолжалась.
- 14 Замысел написания второго тома «Разысканий» не был реализован.
- 15 Лингвистический атлас района озера Селигер / Сост. М. Д. Мальцев, Ф. П. Филин. М.; Л., 1949.
- 16 В дневнике 20 мая 1978 г. (стр. 15) С. Б. Б. записал: «Впервые я встретился с Романом Осиповичем в Москве весной 1956 г., когда он после длительного перерыва приехал в родную Москву. Мы обсуждали много различных вопросов. Не помню уже как, в разговор вклинилось имя Селищева. При упоминании этого имени Якобсон сразу же замкнулся и перешел к другому собеседнику».
- 17 *Бернштейн С. Б.* Лингвистический атлас болгарских говоров в СССР // Известия ОЛЯ. 1949. Т. 8. Вып. 3. С. 245–253.
- 18 Статья была опубликована: УЗИС. 1950. Т. 2. С. 219–234.
- 19 *Кондрашов Н. А.* Категория личности и неличности в словацком языке. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1949. 12 с.
- 20 Замыслы статей не были реализованы.
- 21 Книга не была издана.
- 22 По-видимому, имеется в виду «Грамматика румынского языка» Й. Йордана (М., 1950), над которой С. Б. Б. много и долго работал.
- 23 В седьмом номере «Бюллетеня диалектологического сектора Института русского языка» за 1949 г. отчет не был опубликован.
- 24 Иное мнение о Б. Д. Грекове – крупном советском историке и организаторе науки см.: *Горская Н. А.* Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. 271 с.
- 25 Статьи были опубликованы: БСЭ. М., 1950, 1951. Т. 5, 6.
- 26 Справочник «Польша» в свет не вышел.
- 27 Славянская комиссия АН СССР была ликвидирована по постановлению Президиума АН СССР 20 сентября 1946 г. Некоторые ее члены (Н. С. Державин, С. Б. Бернштейн, В. Т. Дитякин) стали сотрудниками созданного в 1947 г. Института славяноведения АН СССР.
- 28 Статья вышла в свет: УЗИС. 1949. Т. I. С. 327–341. См. также: *Бернштейн С. Б.* Из истории болгарских поселений в Крыму (по материалам Одесского исторического архива) // Исследования в чест на Марин С. Дринов. София, 1960. С. 273–281.
- 29 *Бернштейн С. Б.* Болгарские говоры южного Буджака // Статьи и материалы по болгарской диалектологии. М., 1952. Вып. 2. С. 4–20.
- 30 С. Б. Б. чаще всего в своих мемуарах пишет фамилию Т. П. Ломтева как Ломтёв, подчеркивая тем самым свою оценку культурного уровня коллеги по МГУ.
- 31 О Д. В. Бубрихе см.: *Керт Г. М.* Дмитрий Владимирович Бубрих. 1890–1949. Очерк жизни и деятельности. Л., 1975. 104 с.
- 32 Замысел не был реализован.
- 33 Краткий вариант статьи был опубликован в «Вопросах языкознания». См.: *Бернштейн С. Б.* Вопросы языкознания за рубежом. Болгария // ВЯ. 1952. № 3. С. 122–125.
- 34 Подробнее о поездке Б. Д. Грекова в Польшу см.: *Горизонтов Л. Е.* «Методологический переворот» в польской историографии на рубеже 1940–1950-х годов // Славяноведение. 1993. № 6; См. также: *Горская Н. А.* Указ. соч. С. 158–159.
- 35 Статья о О. М. Бодянском была опубликована: БСЭ. М., 1950. Т. 5. С. 367–368.
- 36 Эти книги изданы не были.

# 1950<sup>1</sup>

**5 января.** Для БСЭ написал заметки о Даничиче и Гавранке<sup>2</sup>. Сегодня состоялся малоприятный разговор с проректором А. Л. Сидоровым. Заведующие кафедрами проходят переаттестацию не на факультете, а в ректорате. Сегодня утром я проходил ее. Присутствовал только Сидоров. Он молча протянул мне бумагу с текстом моей характеристики и порекомендовал мне до беседы с ним ознакомиться с текстом. Я внимательно прочитал текст. Он состоял из двух самостоятельных разделов, написанных, конечно, разными людьми. В первой части давалась весьма положительная оценка моей педагогической и научной деятельности, моей роли в создании славянского отделения факультета. Во второй части сообщалось в стиле зубодробительных проработок, что я стою на позиции буржуазного языкознания, не признаю «нового учения о языке», пользуюсь понятием праязыка и, таким образом, защищаю расистские взгляды в языкознании. Первый раздел писал Чемоданов, второй – Ломтев. *«Вы, конечно, понимаете, что для Вас особый интерес должна представлять вторая часть характеристики, – сказал Сидоров. – Мы Вас ценим как специалиста и хорошего организатора. Вы нам нужны. Однако мы не можем доверять воспитание студентов человеку, который сознательно не признает нового учения о языке, советского марксистского языкознания. Мы в ректорате и в партийном комитете университета приняли пока такое решение. Переносим Вашу переаттестацию на январь 1951 г. Если через год политическая сторона Вашей характеристики не изменится самым решительным образом, мы вынуждены будем расстаться с Вами».*

**7 января.** В наш болгарский атлас я решил внести некоторые изменения. Он теперь будет называться «Исторический атлас болгарских говоров СССР»<sup>3</sup>. Он покажет в ряде случаев прошлое болгарских говоров в самой Болгарии, современные говоры в их движении и развитии.

**8 января.** Сегодня встретил в букинистическом отделе книжного магазина Академии наук у Эриванцевой А. К. Дживелегова. Невозможно было остановить поток его слов. Имена, даты, события, в большинстве своем пикантные. Сам Алексей Карпович мне напоминает мыльный пузырь, который отливает всеми цветами радуги. Он прожил длинную и пустую жизнь<sup>4</sup>.

**10 января.** Вчера под председательством ректора состоялся Ученый совет, на котором декан филологического факультета Чемоданов делал отчет о работе факультета. Задача была показать, что на факультете все обстоит благополучно. Однако выступавшие на заседании убедительно показали, что факультет переживает тяжелое время. Глупо выступал Ломтев. В конце заседания Несмеянов сказал несколько общих слов о необходимости поднять уровень профессиональной подготовки на факультете.

14 января. Вышел, наконец, мой перевод румынской грамматики Йордана. Издан хорошо. Особенно хорош переплет. Набрано почти без ошибок. В моей вступительной статье еще в гранках обнаружил следы творчества Г. П. Сердюченко. Без согласования со мной он вставил следующие слова: «Автор повторяет зады сосюррианских идеалистических идей, полностью опровергнутых советским материалистическим языкознанием. Влияние буржуазной лингвистики сказалось также на используемой автором терминологии (“модель” языка, “языковое сознание”), формалистическом анализе частей речи и т. д.» Я заявил решительный протест. Сердюченко обещал снять весь написанный им абзац. Но книга вышла, а все осталось без изменений. Вчера с глазу на глаз говорил с ним по этому поводу. В ответ услышал: *«Моя приписка может только вам помочь. Вы должны знать, что ваше положение весьма шаткое. Вы занимаете враждебную позицию по отношению к материалистическому языкознанию. Вас активно поддерживает и защищает Н. К. Дмитриев, но и он не всесилен»*. Сволочь!

22 января. Несколько дней назад подал Грекову заявление с просьбой освободить меня от должности исполняющего обязанности заведующего сектором. Вопрос обсуждался на дирекции. Греков попросил меня продолжать выполнение обязанностей заведующего сектором и обещает добиться утверждения в должности. Мне известно, что против моего назначения выступают Филин и Сердюченко. Не знаю, что в такой ситуации может сделать Борис Дмитриевич?

25 января. Обсуждали в Институте издательский план. Пока наш Институт опубликовал очень мало. В печати находится второй том «Ученых записок». На днях сдаем третий том, срочно готовим четвертый. До летнего перерыва сдадим пятый. Кроме того, Институт будет издавать «Краткие сообщения». До летнего перерыва сдадим в печать два выпуска<sup>5</sup>. Пришла верстка книжки С. С. Советова о польской сатирической поэме XVIII в., которую я сейчас редактирую<sup>6</sup>. К сожалению, книжка весьма посредственная, но она хорошо отражает возможности Сергея Сергеевича. Предстоит сдача в печать двух монографий Н. И. Кравцова: «Сербский эпос» и «Деревня в изображении сербских реалистов XIX века»<sup>7</sup>. Правда, пока никто из нас этих работ не видел. Все мои попытки провести обсуждение этих работ на секторе не дали положительных результатов. Боюсь, что этих работ вообще нет. Кравцов не вызывает доверия.

28 января. В прошлом году кафедру славянской филологии поделили на самостоятельные кафедры: славянских языков и славянских литератур. Сделано это было по моему ходатайству. Исполняющим обязанности зав. кафедрой славянских литератур назначили Павловича. На этом посту он осрамился и теперь на меня возложили обязанности зав. кафедрой славянских литератур. Я, конечно, практически должен объединить обе кафедры. Таким образом, все вернулось на круги своя. Пошли в набор «Ученые записки» кафедры.

Должна скоро начаться на факультете сессия, посвященная Марру. Мои «друзья и благодетели» взяли меня за горло. По словам Чемоданова и Ломтева, я должен на этой сессии выступить с докладом. Доклад должен показать, что я перестраиваюсь в духе нового учения о языке. Ломтев долго и нудно говорил о необходимости в дальнейшей работе опираться на теорию Марра. *«Никого не интересует, что ты думаешь на самом деле, – сказал Тимофей. – Сейчас у нас установка на Марра, и ты, как и мы все, должен подчиниться этому требованию. Мы все хотим тебе помочь, но и ты должен помочь нам спасти тебя для*

факультета». На помощь Ломтеву пришел декан Чемоданов: «Ты должен прекратить чтение лекций по сравнительной грамматике славянских языков. Я скрываю от ректора и от министерства, что на факультете читается такой курс. В любой момент может разразиться скандал. Не буду скрывать от тебя, что это больно ударит и по мне». Я напомнил моим благодетелям, что двадцать лет тому назад мы все сообща боролись с теорией Марра в группе «Языкфронт». Нужно было видеть физиономию Ломтева, да и Чемоданов не был в восторге. «Советую тебе забыть об этом, — мрачно и не без угрозы сказал Ломтев. — Решай сам! Наше дело предостеречь тебя».

**29 января.** Утром звонил Д. Е. Михальчи. Его звонок меня очень удивил, так как мы никогда по телефону не разговаривали. Очень скоро стало все ясно. От своего имени и от имени каких-то моих друзей он настоятельно советовал мне принять активное участие в предстоящей научной сессии, посвященной Марру. Я сухо поблагодарил его и друзей за заботу и положил трубку.

Что за черт! На душе чернее черной кошки. Что делать? Пренебречь советом — значит уйти из университета, вероятно, и из Института славяноведения. Ну а потом? Менять специальность уже поздно. Постепенно в душу закрадывается мыслишка — я должен подумать и о славянстве. Пока оно и в университете, и в Институте пропадет без меня. Я не имею права бросать его на произвол, я отвечаю перед потомством за его судьбу. Так постепенно возник мостик для соглашения. Чувствую, что пойду на компромисс. Грязная свинья!!!

**30 января.** Пришло сообщение о смерти В. П. Коларова. С Василием Петровичем во время его пребывания у нас в эмиграции мне приходилось встречаться и беседовать не один раз. О некоторых из этих встреч я уже писал. Он с большим сочувствием и вниманием относился к моим болгароведческим занятиям. Последний раз я видел его в Доме Союзов в первых числах сентября 1944 г. Он делал доклад о событиях в Болгарии. На собрании было много болгарских политических эмигрантов. Были Д. Влахов, Р. Кандева, М. Колинкова и много других. С Влаховым обсуждал вопросы македонского литературного языка. Он попросил меня в письменном виде изложить свои соображения о диалектной основе нового литературного языка.

**31 января.** Для марровской сессии состряпал доклад на тему «Проблемы изучения истории болгарского языка в свете нового учения о языке». Это не представляло никакого труда, так как на сессиях подобного рода нужны крик и шум, треск и барабан, а не наука. Мы все уже давно наловчились выступать с подобного рода «научными» докладами. Приступил к работе над новым болгарско-русским словарем. Предварительная работа шла уже давно, сегодня же начал составлять первую букву. Новый словарь будет значительно больше старого. Вся работу над словарем планирую завершить к концу 1951 г.<sup>8</sup>

**15 февраля.** На днях [14 февраля] на сессии памяти Марра читал доклад. Все мои «благожелатели» были в восторге. Я полагал, что все закончится докладом. Однако Ломтев требует его публикации. Неужели я должен пройти и через этот позор! Пока буду тянуть всеми средствами<sup>9</sup>. Кондрашов и Балакин опубликовали в «Литературной газете» заметку о плохой работе факультета<sup>10</sup>. Остается неясным повод.

**28 февраля.** Для БСЭ написал заметку о Гебауэре<sup>11</sup>. Для словаря Гранат пересмотрел свою старую заметку о Яворове<sup>12</sup>. Сдал сегодня корректуру болгарских рассказов на болгарском языке и словарик к ним<sup>13</sup>.

7 марта. На днях скоропостижно скончался историк Константин Васильевич Базилевич. Смерть поразила всех, так как всем казалось, что Базилевич совершенно здоров. Несколько дней тому назад мы встретились у Эриванцевой. Мы подружились в Ашхабаде, где вместе были во время войны. Там похоронили его жену, которая также умерла совершенно неожиданно. Позже в Москве он женился вторично, но второй его жены я не знал. Небольшой ученый, он был очень образованным историком и превосходным лектором. На последней встрече я подарил Константину Васильевичу перевод румынской грамматики Йордана.

21 марта. На похоронах Базилевича с прочувственной речью выступил Сергей Владимирович Бахрушин. А сегодня хоронили самого Сергея Владимировича. Ушел из жизни очень крупный историк, выдающийся знаток источников, строгий и серьезный учитель. Не вижу ему замены<sup>14</sup>.

10 апреля. Подготовил к изданию на болгарском языке «Под игото» Ивана Вазова. Написал вступительную статью к роману.

21 апреля. На заседании дирекции Института я предложил проект нового коллективного труда «Грамматика болгарского литературного языка». Мой проект предусматривает подготовку двух томов. Первый будет содержать фонетику и морфологию. Во втором будет словообразование и синтаксис. Для работы над первым томом нужно будет привлечь Маслова. Во введении к первому тому нужно дать очерк истории болгарской грамматической мысли. План получил полную поддержку в дирекции и в Отделении. Авторская работа над первым томом должна быть закончена в 1954 г.<sup>15</sup> Необходимо к работе привлечь группу молодежи, которая займется выпиской примеров из текстов.

12 апреля состоялось заседание сектора, на котором присутствовали русисты. Заседание было посвящено нашему болгарскому атласу, работа над которым близится к концу. Работа получила полное одобрение. Иначе выступали литературоведы, которые очень непрофессионально критиковали всю работу над атласом. Особенно изопрылся Кравцов. Я вижу в этом руку нашего нового директора<sup>16</sup>. Боюсь, что сорвется летняя экспедиция. Для завершения всей работы мне нужна еще одна экспедиция, т. е. 30 тысяч рублей<sup>17</sup>.

9 мая. Сегодняшний день оглушил всех нас, не только лингвистов, но и всех гуманитариев. Произошло почти чудо: в сегодняшнем номере газеты «Правда» напечатана огромная для газеты статья профессора Тбилисского университета Чикобава «О некоторых вопросах советского языкознания»<sup>18</sup>. В статье дается беспощадный анализ теории Марра. Автор показывает, что новое учение о языке коренным образом противоречит марксизму и данным языкознания. В основных своих частях статья убедительна. Публикация статьи в «Правде» вне зависимости от конкретных исходов дискуссии показывает, что возврата к прежнему положению быть не может. Она больно ударит по Сердюченко, Филину, возможно, и по Мещанинову. Важно примечание редакции. Здесь справедливо указывается на то, что в советском языкознании наблюдается состояние застоя. Но кто в этом виноват? Пока об этом молчат. Виноваты не только эпигоны Марра, которые фактически ликвидировали языкознание. Виноваты более высокие инстанции, которые поддерживали этих полуграмотных эпигонов. Убежден, что теперь будут открыты окна и затхлый яфетический воздух, в котором так хорошо дышалось «ученикам Марра», рассеется. Теперь и мой личный вопрос будет решаться иначе.

**15 мая.** Вот уже несколько дней не могу работать. Все очень взволнованы, но по-разному. Активные марристы имеют унылый вид. Противники «нового учения о языке» подняли голову. Мещане молча ждут, в споры не вступают.

**25 мая.** Лингвистическая дискуссия на страницах газеты «Правда» продолжается. Напечатана статья Мещанинова – статья слабая и трусливая<sup>19</sup>. Он человек умный и хорошо понял, что его господству пришел конец. Опубликованы статьи Чемоданова, Серебренникова, Санжеева и др.<sup>20</sup> Статья Чемоданова вялая и неинтересная. Он-то влип в марризм совсем зря. В этом повинна Гухман, которая сделала из него, противника яфетической теории, сторонника «нового учения о языке»<sup>21</sup>. Статья Серебренникова хорошо показывает антинаучный характер многих основных положений Марра. Встретился с Н. К. Дмитриевым. Его реакция на статью Чикобавы меня очень огорчила. Неужели серьезный ученый-лингвист может быть огорчен концом марризма?

**26 мая.** Сегодня закончил статью для дискуссионного листка «Правды». Назвал ее «Против канонизации Марра». Главная мысль статьи – беда не в теории Марра, а в том, что она сделалась обязательной для всех советских лингвистов. Материал славянских языков совсем не укладывается в схемы Марра и его учеников, он полностью противоречит этим схемам. Вот почему большинство славистов не могли опираться на новое учение о языке. Завтра отнесу статью в редакцию.

**29 мая.** 27 мая сдал статью в редакцию «Правды». Меня принял некто Реутов. Он при мне бегло ознакомился с текстом статьи. Как будто она ему понравилась. Сказал, что дискуссия продлится еще долго. Дискуссия уже имеет резонанс в административных сферах. Чемоданов снят с должности декана филологического факультета. На эту должность назначен Виноградов. На факультете эта смена вызвала полное одобрение. Для «Известий Отделения литературы и языка» пишу статью «К вопросу о периодизации истории болгарского языка»<sup>22</sup>.

**1 июня.** Сегодня первый летний день, а на дворе настоящая стужа. Без пальто выйти нельзя. Сдал в редакцию статью о периодизации истории болгарского языка. В очередном «Дискуссионном листке» опубликованы очень слабые статьи. Особенно плоха статья Филина<sup>23</sup>. Ничтожная личность! Во всех сферах отношение к марристам становится ироническим. Уже ходят разные анекдоты, в которых высмеиваются многие марристские догмы.

Сегодня исполнилось семь лет со дня возвращения всего коллектива университета из Свердловска<sup>24</sup>. Почти все это время прожил в помещении исторического факультета, в здании, которое когда-то принадлежало князю Мещерскому, издателю газеты «Гражданин». По материнской линии внук Карамзина, он, однако, не унаследовал от деда литературного таланта. Сегодня узнал о снятии с должности заведующего филологической редакцией Издательства иностранной литературы Сердюченко. Уже летят первые головы, а дискуссия еще продолжается. Для всех очевидно, что марризму пришел конец. Впрочем, не для всех. Видел Толстова. Он исходит бешеной злобой и обещает Чикобаве Голгофу.

**3 июня.** Меня издавна интересовали вопросы исторической фонетики праславянского языка. Однако заниматься этими вопросами до дискуссии фактически было невозможно. Даже сам термин «праславянский язык» был под запретом. Говорили – древнейшее фонетическое состояние. В лекциях я пользовался термином «праславянский язык», но за пределы преданной мне аудитории вы-

носить его было невозможно. Уверен, что теперь положение коренным образом изменится. В голове рождается много всяких планов. Напишу статью о принципах изучения истории праславянского языка. Накопилось много материала, относящегося к праславянской диалектологии<sup>25</sup>.

10 июня. В далеком будущем мечтаю опубликовать сравнительную фонетику славянских языков<sup>26</sup>. Но не слишком ли я размахнулся? А вдруг все останется по-прежнему? Нет, невозможно! Джинн уже выпущен из бутылки. Марризму конец!

12 июня. Вчера обсуждал создавшуюся ситуацию с А. В. Арциховским. Он, один из немногих археологов, – активный противник теорий Марра. Он убежден, что яфетический период истории советской археологии закончен. Еще более решительно против марризма настроен Граков. Обеими руками за Марра держится Татьяна Сергеевна Пассек. Она глубоко усвоила всю яфетическую чужь. Жаль! Она способный археолог.

13 июня. В дискуссионном листке «Правды» появились статьи Виноградова, Булаховского, Кудрявцева и Никифорова<sup>27</sup>. Самая интересная из них статья Виноградова. Я прочитал ее с большим интересом. Есть новые аспекты освещения проблемы. Статья Булаховского произвела бы впечатление до дискуссии. Теперь рассуждения о безграмотности сторонников «нового учения о языке» уже не производят впечатления. Нет свежих мыслей. Статьи Никифорова и Кудрявцева пусты и бессодержательны. Примечательно, что в двух последних дискуссионных листках «Правды» не опубликовано ни одной статьи в защиту Марра.

15 июня. Был в редакции «Правды» у Реутова. Просмотрел отредактированный кем-то текст моей статьи «Против канонизации Марра». Произведены некоторые сокращения не в ущерб статье. Реутов вновь повторил, что дискуссия будет продолжаться долго, вероятно, до самой осени. По его словам, моя статья будет опубликована в первой половине июля.

20 июня. Сегодня в воскресенье телефонный звонок застал меня еще в кровати. Звонил Чичагов. Взволнованно сообщил, что в сегодняшнем номере «Правды» опубликована статья Сталина «Относительно марксизма в языкознании». Я стремительно открыл почтовый ящик, откуда извлек газету. От чтения статьи впечатление было колоссальным. При первом чтении я даже совсем забыл, что марризм в значительной степени – это детище самого Сталина. Летом 1930 г. проходил XVI съезд партии, на котором от имени всех советских ученых выступал Марр. Кажется, он первым среди ученых в стране получил орден Ленина. А сколько ответственных лиц (Покровский, Лебедев-Полянский, Фриче и много других) выступали с заявлениями, что яфетическая теория – это марксизм в языкознании! Лебедев-Полянский это публично заявил еще в конце прошлого года<sup>28</sup>. Обо всем этом я забыл. Мое сердце было переполнено глубокой благодарностью. Весь день я бродил по городу, не замечая ни улиц, ни людей. Время от времени садился на скамью и снова, уже в который раз, перечитывал текст статьи. Постепенно энтузиазм и восторженность начали слабеть. Я начал замечать, что далеко не все утверждения автора статьи можно принять. Вспомнил и все прошлое нашего советского языкознания. Вспомнил, как мы, молодые члены Языкфронта, в начале тридцатых годов активно выступили против доктрины Марра и его сподвижников, и как решительно это движение было задавлено. То, что теперь ясно Сталину, многим лингвистам было ясно 25 лет тому назад. Марризм в языкознании – это позор, несмыслаемый позор.

В прошлом столетии в России жил помещик Платон Лукашевич, который занимался языкознанием. На свои средства он издавал книги, посвященные но-



вой науке, которую он называл «чаромутием». Это был бред в стиле яфетической теории<sup>29</sup>. Однако престиж русской науки от «чаромутия» Лукашевича не пострадал, так как вся эта писанина находилась за пределами науки и никто из русских ученых за нее не отвечал. Здесь положение было иным. Не следует забывать, что Марр в течение ряда лет был не только академиком, но даже вице-президентом и директором главного лингвистического учреждения Академии наук. Все мы несем ответственность за марровский позор. Наши потомки не смогут простить нам нашего малодушия!

23 июня. Публикация статьи Сталина была полной неожиданностью не только для нас, но и для руководящих работников высших партийных инстанций. Статья была передана редактору «Правды» вечером 19 июня, а утром 20-го увидела свет. Несколько дней тому назад тов. Реутов сказал мне, что дискуссия будет продолжаться еще долго. Теперь, конечно, она будет закончена, так как спорить со Сталиным... Многие марристы находятся в состоянии шока. Совсем недавно Гухман защищала в Ленинграде докторскую диссертацию с позиций «нового учения о языке». Теперь ей капут<sup>30</sup>. Сергей Павлович Толстов совсем почернел. Чемоданов ходит понурым. Один Ломтев не унывает. Он мне открыто и цинично сказал: *«Я всегда стою на позиции партии. До выступления тов. Сталина позиция партии в языкознании состояла в признании "нового учения о языке". Теперь начинается новый этап, этап сталинский. Я вместе с партией перехожу на этот новый этап. Я уже переработал свою статью в свете новых установок. Тебе жить труднее, так как у тебя нет путеводной звезды, за которой бы ты шел бездумно. Сейчас многие бывшие марристы собираются писать покаянные письма. Я этого делать не буду, так как большей глупости нельзя и придумать. Моя совесть чиста!»* Таков Ломтев! На факультете суматоха. Нужно выступать с лекциями о сталинской работе на всех факультетах, на фабриках и заводах, в научных учреждениях, в воинских частях... Необходимо срочно, еще до летнего перерыва, переработать программы лингвистических курсов, пересмотреть все учебные планы, проблематику диссертаций, план научных исследований и т. д. Только что прошли на факультете экзамены по курсу введения в языкознание, на которых студенты оценивали все с позиций «нового учения о языке». Как быть теперь? Виноградов решил мудро – что с возу упало, то пропало! Студенты не виноваты, что их головы забивали мусором. В будущем году они прослушают новый краткий курс на основе уже сталинского языкознания.

28 июня. Опубликованы последние дискуссионные статьи Ломтева и Ахвлядиани<sup>31</sup>. Авторы коренным образом перерабатывали свои статьи в свете уже опубликованной статьи Сталина. Теперь Ломтев защищает позиции, против которых он решительно выступал в первом варианте статьи. От саморазоблачений марристов несет запахом мертвечины.

3 июля. Вчера меня пригласили в ЦК ВКП(б). Принял меня некто Кружков, который занимает какой-то крупный пост здесь в области культуры и науки. Сперва беседа носила весьма дружеский характер. Кружков сказал, что они очень ценят мое принципиально отрицательное отношение к марризму, что рассчитывают на мою активную помощь в деле перестройки языкознания. Говорили о необходимости коренной перестройки, подготовки научной смены. На мой вопрос о новом лингвистическом журнале Кружков ответил положительно. Такой журнал скоро будет. Все шло хорошо до беглого замечания Кружкова о том, что противники Марра должны были бы до дискуссии выступить против «нового учения о язы-

ке». «Значит, мы должны были более смело выступить против политики партии в области языкознания?» – спросил я своего хозяина. Что с ним мгновенно произошло! «Какие у вас доказательства, что партия поддерживала марристов?!» – завопил Кружков. Я спокойно и подробно привел ему много неоспоримых доказательств. Последним было заявление Лебедева-Полянского в декабре прошлого года, напечатанное в первом номере «Известий ОЛЯ» за этот год<sup>32</sup>, где черным по белому было написано, что всякий, выступающий против нового учения о языке, фактически выступает против политики партии в вопросах языка. Кружков злобно и мрачно молчал. От прежней доброжелательности не осталось ни следа. Молча написал мне пропуск и дал мне понять, что аудиенция закончена.

5 июля. Появилась новая статья Сталина по вопросам языкознания. Еще не читал<sup>33</sup>.

9 июля. Состоялась беседа с Виноградовым. Началась она с его вопроса: «Что Вы там наговорили в ЦК на беседе с Кружковым?» Я подробно рассказал. «Ну и ну! – молвил Виноградов. – Неужели Вы не понимаете, что Вы нажали на самое больное место. Они там только и думают о том, как бы избежать ответственности за все марристские дела. Участие в дискуссии Сталина для них было полной неожиданностью. Знал только один Берия. Мне приказано выкорчевывать вредные настроения в среде лингвистов. Вы при Мещанинове были не в чести, теперь тоже не будете в фаворе. Надо же было так ляпнуть. Теперь Кружков слышать Вашей фамилии не может». Не могу сказать, что все это меня огорчило.

15 июля. После всех событий дирекция Института ведет себя покладисто. Положительно решен вопрос о летней экспедиции в болгарские села. Даже денег дали больше, чем я просил. Выезжаю вместе с участниками экспедиции 28 июля. Вернусь в Москву 20 августа. Появилась еще одна лингвистическая статья Сталина. Это ответ на письмо Санжеева<sup>34</sup>. Пока она еще не опубликована. Вчера мне дал почитать ее Санжеев, который теперь очень возгордился. Мне кажется она наименее удачной. Странные утверждения о курско-орловской основе русского литературного языка. Решительно для всех это новость. Не задвину нашим русистам.

10 июля на заседании Ученого совета Института делал доклад о языкознании. Откровенно говорил о Марре, его учениках и последователях. Подробно остановился на «трудах» Гринковой, Филина. Приветствовал новые труды Сталина. Присутствовал Н. С. Державин. Для него все эти события почти трагедия. Всю вторую половину своей жизни он отдал учению Марра. Опубликовал много статей, в которых демонстрировал свое умение пользоваться элементарным анализом. С помощью Марра, без поддержки русистов и славистов прошел в состав действительных членов Академии наук. Он всем был обязан Марру и всеми силами старался оправдать его доверие. Среди всех учеников Марра он был самым последовательным яфетидологом. Лишь он один после смерти Марра пользовался элементарным анализом. И вот теперь он должен был отказаться от своего учителя, бросить в него комья грязи. Конечно, он должен был встать на защиту Марра. Но он не был бы Державиным, если бы сделал это. И в этот критический момент он показал себя трусом, карьеристом... После моего доклада он по бумажке прочитал отходную «новому учению о языке». Слушать все это было просто мучительно. Закончив чтение, он высказал ряд критических замечаний по моему докладу. Только здесь я почувствовал нечто подлинное, так как он, забыв

о сегодняшней ситуации, начал меня критиковать с прежних своих позиций. Все с удивлением смотрели на академика, а мне эта часть его выступления понравилась. Значит марризм крепко сидит в нем, является его кровью и мясом.

20 июля. Вышел из печати сборник рассказов современных болгарских писателей на болгарском языке под моей редакцией. Это – учебное пособие для студентов-славистов. Шум от статей Сталина по вопросам языкознания велик. Шумят не только лингвисты, но и археологи, этнографы, историки и даже философы. Интерес к языкознанию огромный. Думаю, что за всю историю языкознания в нашей стране не было такого лингвистического бума. На днях читал лекцию студентам-биологам третьего курса. Задавали много вопросов, свидетельствующих о некоторых специальных знаниях в этой области науки. Было интересно. Готовлюсь к диалектологической экспедиции в болгарские [села] Приазовья. Последний раз в этих селах я был летом 1937 г. Вчера собирал всех участников экспедиции, распределяли обязанности, поручения. Народ уже достаточно опытный.

26 августа. Вернулся из экспедиции. Прошла она успешно<sup>35</sup>. Собран богатый материал, очень ценный для уяснения диалектной картины Бессарабии. Без приазовских говоров мы не смогли бы восстановить подлинную картину многих говоров Бессарабии. Это относится к говорам Таш-Бунара, Шикирлика, Кайраклии и многих других. Я посетил многие села. В Коларовке (бывшая Романовка), Зеленовке, Мариновке, Преславе, Бановке провел по нескольку дней. Встретил многих своих одесских учеников.

Министерство высшего образования перед началом нового учебного года собрало со всего Союза лингвистов, которых спешно просвещают в духе трудов Сталина. Виноградов попросил меня прочитать лекцию о праславянском языке.

27 августа. Пребывание в приазовских селах всколыхнуло старые воспоминания. Впервые я посетил эти села летом 1935 г. Тогда отмечалось десятилетие коларовского болгарского национального района, который был организован в 1925 г. Это был период подъема национальной культуры местного болгарского населения. В школах шло преподавание на родном языке. В Преславе помимо школы был еще педагогический техникум, издавалась газета на болгарском языке<sup>36</sup>. Большую роль в те годы играли представители болгарской интеллигенции, эмигрировавшие в нашу страну после восстания 1923 г. Газеты издавались в разных районах с болгарским населением. В Харькове выходила большая газета «Коллективист»<sup>37</sup>. В Одессе, в местном педагогическом институте, был болгарский сектор, на котором шла подготовка учителей по всем специальностям. Именно здесь я руководил кафедрой болгарского языка и литературы. В медицинском институте также был болгарский сектор, на котором готовили врачей для болгарских сел. Был в городе педтехникум с болгарским сектором. В городе существовал болгарский национальный театр имени Димитрова, на сцене которого шли пьесы болгарских, советских и европейских авторов. В Харькове, позже в Киеве, было издательство, которое издавало на болгарском языке учебную, художественную и политическую литературу. Вот почему представители болгарской политической эмиграции, а их было в те годы в нашей стране очень много, чувствовали себя почти как дома. Многие из них на чужбине не только в семье, но и на работе пользовались только своим языком. Я знал болгар, которые за двадцатилетний период пребывания в нашей стране не научились правильно говорить на русском языке.

Теперь все не так. В 1938 г. все школы с болгарским языком преподавания перешли на русский язык. В том же году был закрыт болгарский сектор Одесского педагогического института и педтехникума, перестали существовать болгарские газеты. После войны болгарские эмигранты уехали на родину. Произошли существенные демографические сдвиги в болгарских районах. В болгарских селах появились русские и украинцы, стали не редкостью смешанные браки. Все это привело к существенному снижению здесь болгарской народной культуры. Резко уменьшилось число людей, говорящих на болгарском литературном языке, болгарские говоры начали испытывать заметное влияние местной русской речи. Все это я мог теперь наблюдать. Особенно сильно новая ситуация заметна в Преславе, в прошлом – культурном центре болгарского Приазовья. Много разрушений военного времени. От знаменитой учительской семинарии остались одни стены. Полностью разрушен в Коларовке дворец культуры, в котором в 1935 г. происходили торжества по случаю десятилетнего юбилея. Болгарщина понесла тяжелые потери. Некоторые из моих учеников забыли литературный болгарский язык и вернулись к диалекту. Заметно очень сильное влияние русского языка.

**15 сентября.** Суматоха на факультете не прекращается. Все время идут собрания, заседания, обсуждения. Резко меняется характер и направление лекционных курсов. Чувствую, как с каждым днем растет мое беспокойство. Можно услышать следующие слова: «Исследования И. В. Сталина дали ясные, четкие и глубокие ответы на все основные вопросы советского языкознания». Если так, то пора прекратить в этой области науки всякие новые исследования. Конечно, категорически запрещается высказывать любые критические замечания по поводу этих исследований. Но являются ли они исследованиями? Идет мощная волна вульгаризации. Котков уже готов признать, что в основе русского литературного языка лежат курско-орловские говоры<sup>38</sup>. Как говорится, из огня да в полымя!

**10 октября.** Закончил статью «К вопросу о языковых смешениях»<sup>39</sup>. Вышел из печати под моей редакцией и с моим предисловием роман Ивана Вазова «Под игото» на болгарском языке. Издан очень хорошо. Я предполагал издать роман в первой редакции, но издательство не согласилось. Мне кажется, что первая редакция была лучше. На днях прочитал лекцию по вопросам языкознания студентам физического факультета. Задавали интересные вопросы. Дискуссия сделала нашу науку очень популярной.

**22 октября.** По всем славянским языкам составлены новые программы, которые Министерство уже успело утвердить. В настоящее время они срочно печатаются. Впервые после долгих лет гонений получила права сравнительная грамматика славянских языков. В научной тематике кафедры она теперь будет занимать центральное место. Читаю общий курс сравнительной грамматики, который посещает много студентов, аспиранты и преподаватели. Интерес к этому курсу велик.

**6 ноября.** В четвертом номере «Известий АН СССР. Серия истории и философии» опубликовано краткое изложение моего доклада о дискуссии на заседании Ученого совета Института славяноведения<sup>40</sup>. Старые кумиры низвергнуты, воздвигнуты новые. Почему нельзя работать без кумиров?

**16 ноября.** Вышел второй номер «Известий ОЛЯ» с моей статьей «К вопросу о периодизации истории болгарского языка». Не все в ней мне нравится. Уж слишком социологична! Нужно подобные вопросы анализировать строже. 14 но-

ября на заседании Ученого совета факультета делал доклад о построении курса сравнительной грамматики славянских языков. Доклад и обсуждение прошли очень оживленно и интересно.

**5 декабря.** Завершается работа над «Атласом болгарских говоров СССР». Пишу в настоящее время вступительную статью к атласу. Уже написал главу об истории болгарской колонизации России, главу, посвященную истории изучения болгарского населения нашей страны. Сейчас пишу о методах сбора и обработки материала. Нужно еще дать характеристику вопросника. Кроме того, нужно будет еще поработать над главой «Группировка болгарских говоров СССР». Она мне не очень нравится.

**7 декабря.** Сдал в печать третий том «Ученых записок Института». В нем будет опубликовано несколько статей по старославянскому языку. Это очень важно во всех отношениях. Среди них статья Бородич об употреблении глаголов настоящего времени совершенного вида в Саввиной книге, Чешко о глаголах движения в Зографском евангелии и моя статья о местоимении *чьсо* в памятниках старославянского языка<sup>41</sup>. Статью эту я написал еще в 1940 г. Она печаталась в ленинградском сборнике под редакцией Б. М. Ляпунова. В марте 1941 г. читал корректуру статьи. Однако из-за войны сборник из печати не вышел. Решил посвятить статью памяти Бориса Михайловича.

**10 декабря.** Вышел из печати второй том «Ученых записок Института», в котором напечатан первый выпуск «Статей и материалов по болгарской диалектологии СССР». В дальнейшем это будет самостоятельным изданием<sup>42</sup>. Уже готовлю второй выпуск. Хочу начать новую серию изданий по болгарской диалектологии. Такого издания в настоящее время нет и в Болгарии. На первых порах это издание будет посвящено только говорам СССР. Надеюсь позже сделать его специальным изданием по болгарской диалектологии вообще. Нужно будет Стойкова включить в состав редколлегии. Издательство словарей торопит меня с подачей материала, а времени на эту работу мало. Этот год работаю сверх всякой меры.

**24 декабря.** Работу Института обследует специальная комиссия. Многим недовольна. Атлас болгарских говоров понравился, особенно новые приемы картографирования. В январе Ученый совет будет утверждать Атлас в печать. Это пройдет гладко. Хуже будет в издательстве. Здесь предстоит битва русских с кабардинцами. Буду воевать. В феврале уйду в отпуск. Проведу его в «Узком». Буду там гнать всю словарь.

**31 декабря.** Последний день года, года интересного, очень важного. В историю нашего языкознания он войдет как год окончательной ликвидации вонючего марризма. Как жаль, что до этого не дожили Ушаков, Селищев, Винокур... Своей работой в этом году доволен. Сделано много. Написал ряд важных для меня статей. Совсем на другом уровне читаю лекции. Выросли крылья!

### Примечания

<sup>1</sup> Текст мемуаров С. Б. Б. за 1950 г. опубликован. См.: *Бернштейн С. Б.* Из книги «Зигзаги памяти» (Год 1950) // Публикация В. П. Гудкова // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. М., 1997. № 4. С. 175–190. Текст откомментирован заново.

<sup>2</sup> *Бернштейн С. Б.* Даничич // БСЭ. 2-е изд. М., 1952. Т. 13. С. 338 (без подписи); *Он же.* Гавранек // Там же. М., 1951. Т. 9. С. 604 (без подписи).

- <sup>3</sup> Атлас вышел только в 1958 г. См.: *Бернштейн С. Б., Чешко Е. В., Зеленина Э. И.* Атлас болгарских говоров в СССР. М., 1958. Ч. 1–2.
- <sup>4</sup> Иную оценку А. К. Дживилегова см.: *Девятова Ю. Н.* Алексей Карпович Дживилегов (1875–1952) // *Историки России XVIII–XIX веков.* М., 1999. Вып. 6. С. 93–94.
- <sup>5</sup> За первые три года работы (1947–1949) Институтом славяноведения АН СССР было выпущено пять монографий и сборников и два тома «Ученых записок» (№ 1а в 1948 г., № 1 – в 1949). Второй том «УЗИС» из печати вышел в 1952 г., третий–четвертый – в 1951 г., пятый том увидел свет в 1952 г. «Краткие сообщения Института славяноведения» выходили в свет с 1951 г.; в течение этого года появились первый–шестой выпуски.
- <sup>6</sup> Упоминутая С. Б. книга С. С. Советова из печати не вышла. Была опубликована лишь его статья «К вопросу о языке польских сатирических поэм в XVIII в.» (См.: *УЗИС.* М., 1949. Т. 1. С. 293–324).
- <sup>7</sup> Вышла в свет статья Н. И. Кравцова «Идейное содержание сербского эпоса». См.: *Труды Института этнографии АН СССР.* М.; Л., 1951. Новая серия. Т. 13. Книги его, упомянутые С. Б. Б., изданы не были.
- <sup>8</sup> Словарь, составление которого начал мемуарист, вышел из печати в 1953 г. См.: *Бернштейн С. Б.* Болгарско-русский словарь. Около 45 000 слов. М., 1953. 887 с.
- <sup>9</sup> Доклад не был опубликован.
- <sup>10</sup> См.: *Кондрашов Н. А., Балакин А. М.* В обстановке спокойствия и благодушия // *Литературная газета.* 1950. 15 февр. С. 3. Поводом для написания статьи послужило обсуждение работы филологического факультета МГУ на Ученом совете. Истинная же причина публикации, в которой указывалось на «неблагополучное положение с изучением и развитием теории Н. Марра», была, по-видимому, связана с началом в первые месяцы 1950 г. административного преследования немарристов, вплоть до их увольнения с работы.
- <sup>11</sup> *Бернштейн С. Б.* Гебауэр // *БСЭ.* 2-е изд. М., 1952. Т. 10. С. 303 (без подписи).
- <sup>12</sup> Том Энциклопедического словаря «Гранат», где должна была публиковаться статья «Яворов», в свет не вышел.
- <sup>13</sup> Рассказы современных болгарских писателей. М., 1950. 212 с.
- <sup>14</sup> О Бахрушине см., например: *Преображенский А. А.* Сергей Владимирович Бахрушин (1882–1950) // *Историки России XVIII–XX веков.* М., 1996. Вып. 3. С. 84–93.
- <sup>15</sup> Книга вышла в свет в 1959 г. под заглавием «Вопросы грамматики болгарского литературного языка». В 1951 г. Институтом славяноведения был опубликован ее проспект «Основные проблемы болгарской грамматики».
- <sup>16</sup> Далее в рукописи зачеркнута фамилия П. Н. Третьякова, который в 1950 г. директором еще не был, до 1951 г. Институтом славяноведения продолжал руководить Б. Д. Греков.
- <sup>17</sup> Экспедиция 1950 г. состоялась в августе.
- <sup>18</sup> *Чикобава А. С.* О некоторых вопросах советского языкознания // *Правда.* 1950. 9 мая. С. 3–5.
- <sup>19</sup> *Мецанинов И. И.* За творческое развитие наследия академика Н. Я. Марра // *Правда.* 1950. 16 мая. С. 3–4.
- <sup>20</sup> *Чемоданов Н. С.* Пути развития советского языкознания // *Правда.* 1950. 23 мая. С. 3; *Серебренников Б. А.* Об исследовательских приемах Н. Я. Марра // Там же. С. 3–4; *Санжеев Г. Д.* Либо вперед, либо назад // Там же. С. 4.
- <sup>21</sup> По сведениям Алпатов, М. М. Гухман (жена Н. С. Чемоданова) сама обвинялась в космополитизме и антимарризме. См.: *Алпатов В. М.* История одного мифа... С. 157.
- <sup>22</sup> *Бернштейн С. Б.* К вопросу о периодизации истории болгарского языка // *Известия АН СССР.* Отделение литературы и языка. М., 1950. Т. 9. Вып. 2. С. 108–118.
- <sup>23</sup> *Филин Ф. П.* Против застоя, за развитие советского языкознания // *Правда.* 1950. 30 мая. С. 3.
- <sup>24</sup> Резвакуация из Свердловска, где большая часть сотрудников МГУ работала с сентября 1942 г., началась 25 мая и закончилась 10 июня 1943 г.
- <sup>25</sup> Статья не была написана.
- <sup>26</sup> Замысел книги о сравнительной фонетике славянских языков был впоследствии воплощен С. Б. Б. в двухтомном «Очерке сравнительной грамматики славянских языков» (М., 1961, 1974). Первый том содержит разделы «Введение» и «Фонетика».

- 27 *Виноградов В. В.* Развивать советское языкознание на основе марксистско-ленинской теории // Правда. 1950. 6 июня. С. 3–4; *Булаховский Л. А.* На путях материалистического языковедения // Там же. 13 июня. С. 3; *Кудрявцев В. Д.* К вопросу о классовости языка // Там же. С. 4; *Никифоров С. Д.* История русского языка и теория Н. Я. Марра // Там же. С. 4.
- 28 По-видимому, это было высказано П. И. Лебедевым-Полянским в одном из устных выступлений в конце 1949 г.
- 29 *Лукашевич П.* Чаромутие или священный язык магов, волхвов и жрецов. СПб., 1846.
- 30 Как сообщает В. М. Алпатов, докторская диссертация М. М. Гухман не была утверждена и ее пришлось писать заново.
- 31 *Ломтев Т. П.* Боевая программа построения марксистского языкознания // Правда. 1950. 27 июня. С. 3; *Ахведиани Г. С.* За ленинско-сталинский путь развития советского языкознания // Там же. С. 4.
- 32 В указанном номере журнала (Известия ОЛЯ. 1950. № 1) статьи П. И. Лебедева-Полянского в защиту марризма нет.
- 33 *Сталин И. В.* К некоторым вопросам советского языкознания: Ответ товарищу Е. Крашенинниковой // Правда. 1950. 4 июля. С. 3.
- 34 Письмо И. В. Сталина Г. Д. Санжееву было опубликовано в «Правде» 2 августа 1950 г. вместе с его письмами Д. Белкину, С. Фуреру и А. Холопову. Эти письма были объединены под заглавием «Ответ товарищам».
- 35 См.: *Бернштейн С. Б., Чешко Е. В.* Отчет о диалектологической экспедиции в болгарские села Запорожской области УССР в августе 1950 года // Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР. М., 1952. Вып. 2. С. 99–106.
- 36 Как свидетельствует библиографический справочник «Газеты СССР», в селе Преслав газета не выходила. В Приазовье на болгарском языке с 1930 г. издавалась газета «Коллективно поле» (Коларовка), закрытая в 1939 г. Кроме того, на болгарском языке выходили районные газеты в селах Одесской области Ольшанка («Колхозен труд», 1932–1937) и Благоево («Ленински завет», 1932–1939).
- 37 Коллективист. Орган ЦК КП(б) Украины. Харьков (с 16 сентября 1937 г. – Киев), 1934–1937.
- 38 См.: *Котков С. И.* История носителей курско-орловского диалекта // Орловский альманах. Орел, 1952. Кн. 4. С. 157–163.
- 39 *Бернштейн С. Б.* К проблеме языковых смещений // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. М., 1952. Ч. 2. С. 291–306.
- 40 *Бернштейн С. Б.* Краткое изложение доклада на Ученом совете Института славяноведения АН СССР 10 июля 1950 г. // Известия АН СССР. Серия истории и философии. М., 1950. Т. 7. № 4. С. 356–357.
- 41 Третий том «Ученых записок Института славяноведения» вышел в 1951 г. В нем опубликованы следующие статьи, упомянутые С. Б. Б.: *Бородич В. В.* К истории форм настоящего времени глаголов совершенного вида в древнеболгарском языке. С. 345–393; *Чешко Е. В.* К истории славянских глагольных видов: Основы глаголов движения в Зографском кодексе. С. 329–341; *Бернштейн С. Б.* Об одном чехо-моравизме в памятниках старославянского языка. С. 320–327.
- 42 См.: Статьи и материалы по болгарской диалектологии. М., 1952–1962. Вып. 2–10.

15 января. Лихорадочно работаю над статьей «Славяно-минойские языковые параллели»<sup>2</sup>. Читаю много по археологии. Намечаются интересные выводы. Чрезвычайно важными представляются связи критской и минойской\* культур.

22 января. Работа над изучением славяно-минойских языковых параллелей затормозилась. Пока отложил. Много работаю над составлением болгаро-русского словаря. От этой работы голова отдыхает. Завтра начну лекции аспирантам Института языкознания АН СССР по болгарскому языку. В последнем номере «Известий Отделения языка и литературы» напечатана гнусная рецензия Черных на курс русской диалектологии Аванесова<sup>3</sup>. Жаль, что в основном она инспирирована Виноградовым.

27 января. Сегодня закончил составление буквы Б (нового болгарско-русского словаря). Получается процентов на 40–50 больше, чем в первом издании. По объему будет больше, так как богато представлена фразеология.

Неожиданно 24 января умерли президент Академии наук Вавилов и академик Крачковский. Игнатий Юлианович был самым крупным ученым в Отделении языка и литературы. Заслуги его перед русской арабистикой очень велики. Приходилось часто с ним встречаться и беседовать (особенно в московский период его жизни). Был обаятельный собеседник. Думаю, что на его место изберут Н. И. Конрада.

18 февраля. На днях избран президентом Академии Несмеянов. Говорят, что ректором будет академик Христианович. На днях получил от редакции «Slavia» приглашение участвовать в дискуссии на тему о сравнительно-историческом периоде в славянском языкознании. Получили еще несколько человек. Приглашение пришло с большим запозданием. Пишу для «Ученых записок Института славяноведения» статью «Очередные задачи изучения славянских языков в свете трудов И. В. Сталина»<sup>4</sup>.

3 марта. На днях закончил большую статью (57 стр. на машинке) «Очередные задачи изучения славянских языков в свете трудов И. В. Сталина». Для второго номера «Известий Отделения языка и литературы» написал короткую статью «Краткие сведения о минойском языке»<sup>5</sup>. Сегодня закончил составление буквы Г для болгарско-русского словаря.

До сих пор еще нет ректора. Называют различных кандидатов. Академик Христианович отказался. Называют чаще других Опарина. Для диалектологического бюллетеня Института славяноведения на днях должен написать статью «Атлас болгарских говоров СССР»<sup>6</sup>. После этой статьи засяду за статью «О не-

\* В тексте неразборчиво.



которых вопросах сравнительно-исторического метода» для большого сборника Института языкознания<sup>7</sup>. Нужно еще написать небольшую статью «Труды И. В. Сталина по языкознанию и задачи кафедры славянских языков»<sup>8</sup>. На очереди еще составление большой программы по истории болгарского языка<sup>9</sup>.

**24 марта.** Сдал статью «Атлас болгарских говоров СССР». Прошло обсуждение моей статьи о задачах славянского языкознания в свете работ Сталина. Внес некоторые дополнения. Аванесов и Серебренников написали отзывы. Сегодня статью отправили в типографию. Поставлен вопрос о передаче лингвистов из Института славяноведения в Институт языкознания. Виноградов и Греков относятся к этому положительно. Институт языкознания поручил мне к концу года написать главу – «История изучения южнославянских языков в России и в СССР»<sup>10</sup>.

**14 апреля.** Предполагается научная сессия, на которой будут решаться вопросы этногенеза. Думаю, что она ничего не даст. Сейчас идет обсуждение тезисов. На днях в связи с моим выступлением на обсуждении тезисов Удальцова решили перенести сессию с апреля на июнь. Думаю, что и в июне она не состоится. Полным ходом идет защита дипломных работ. Сегодня пришла верстка моей небольшой статьи «Новое о языке минойских надписей» (печатается во втором номере «Известий АН СССР»). Сегодня сдал верстку ученых записок кафедры. Обещают выпустить летом. На днях решится вопрос о судьбе славистов-лингвистов: останутся ли они в Институте славяноведения или будут переведены в Институт языкознания.

Научная библиотека университета издает серию «Замечательные ученые МГУ». Пока по нашим наукам вышла книжка о Покровском М. М.<sup>11</sup> Для этой серии в этом году я должен написать книжку о Вячеславе Николаевиче Щепкине<sup>12</sup>.

**28 апреля.** Создана постоянная комиссия АН СССР по вопросам сравнительной грамматики славянских языков. В ее состав вошли Булаховский, Борковский, Аванесов, Кузнецов, Петерсон и я. Председателем комиссии избрали меня. Комиссия должна организовать и возглавить работу по сравнительной грамматике не только в Академии, но и в Киеве, Минске и по кафедрам славянских языков.

Вчера на Ученом совете Института славяноведения я делал доклад о задачах в области сравнительной грамматики славянских языков. Подробно изложил план работы Института славяноведения в этом направлении. Выступавшие в прениях (Греков, Кузнецов, Борковский) согласились со всеми основными положениями доклада. В течение месяца я должен составить план сборника «Проблемы сравнительно-исторического метода и славянское языкознание»<sup>13</sup>. К участию в нем нужно привлечь Аванесова, Булаховского, Кузнецова, Борковского, Маслова, Серебренникова, Кондрашова, Широкову, Топорова. Следует привлечь еще молодежь.

**12 мая.** Вышел второй номер «Известий АН СССР», в котором напечатана моя статейка о языке минойских надписей. Получил письмо от Булаховского. Он отказывается принимать участие в коллективной работе о системе падежей в славянских языках. Вчера моя бывшая аспирантка Е. В. Немченко блестяще защитила диссертацию в Институте языкознания АН СССР на тему «История депричастий в чешском языке». Извлечение из диссертации напечатают в «Ученых записках Института славяноведения» (вероятно, в шестом томе)<sup>14</sup>. С

первого мая работают в Институте славяноведения Бунина и Мухина. Вероятно, будет работать и Булыгина.

**4 июня.** Полным ходом идет работа над болгарско-русским словарем. К первому августа должен сделать буквы до Л. Готовы А, Б, Г, Д, Е. Осталось В, Ж, З, И, К. В июне должен сделать И и часть К. На июль падает большая работа (завершение К, В, Ж, З). К первому января 1952 г. должен сделать буквы Л, М, Н, О, П. От Р и до конца – к апрелю-маю. Июнь – написание грамматики. Словарь в июле 1952 г. должен пойти в производство.

**10 июня.** Вчера приехал из Ленинграда, где провел три дня. Видел Мишу. Беседовал с ленинградскими славистами по поводу их участия в сборнике «Проблемы сравнительно-исторического метода и славянское языкознание». В сборнике обещали принять участие Ларин, Маслов и Якубинская. Встретился с ленинградской группой участников экспедиции Института в Шикирлик<sup>15</sup>.

**17 июня.** Всюду идут заседания, посвященные годовщине выступления тов. Сталина по вопросам языкознания. Вчера закончилась сессия в университете, на которую приехало много лингвистов из провинции. К сожалению, не было ни одного интересного доклада. Вчера в Институте славяноведения на заседании Ученого совета делал доклад Кравцов о значении работ Сталина по языкознанию для славянского литературоведения. Доклад был совершенно бессодержательный. Я сказал об этом в своем выступлении. Это же сказал и Чичеров. Если доклад был пустым, то заключительное слово было просто хамским. Мерзкий тип<sup>16</sup>.

В последнем номере «Литературной газеты» напечатана прекрасная статья томского профессора Кузнецова о необходимости борьбы с заседаниями<sup>17</sup>. Статья ценная и нужная.

Должен написать две статьи: «Заметки по болгарской диалектологии: членная форма мужского рода единственного числа и местоимения 3 лица единственного числа женского рода» (размер 1,5 листа, для третьего выпуска «Статей и материалов по болгарской диалектологии СССР»)<sup>18</sup> и «Твердые и мягкие согласные в болгарском языке» (для «Вестника Московского университета»)<sup>19</sup>.

**20 июня.** Сегодня исполняется двадцать лет моей научной деятельности. Ровно двадцать лет тому назад, после окончания университета, я выступил в тогдашней Коммунистической академии с докладом «Диалектика формирования русского литературного языка». Доклад был открыто антимарровский. В нем было много незрелого, однако он имел большой успех. Выступало много народу. Марровцы ругали, антимарровцы – хвалили. Доклад был принят к печати в журнал «Язык и революция». Печатался во втором номере журнала. Помню, как я с большим волнением читал впервые корректуру статьи. Однако вскоре после выхода в свет первого номера журнал был закрыт и второй номер не вышел, что, хорошо помню, меня очень огорчило.

**22 июня.** Вышел третий том «Ученых записок Института славяноведения», в котором напечатана моя статья «Вопросы изучения славянских языков в свете трудов тов. Сталина по языкознанию». Кроме того, напечатаны еще статьи по старославянскому языку (моя, Чешко, Бородич) и статья по польской фонологии Шаумяна.

**24 июля.** Университет издает серию «Замечательные ученые Московского университета». По лингвистике вышла брошюра «М. М. Покровский». Намечено издание нескольких новых брошюр. Издательство университета заключи-

ло со мной договор написание брошюры о В. Н. Щепкине. По договору должен сдать 15 ноября. На днях вместе с большой группой научных сотрудников, аспирантов и студентов выезжаю в Бессарабию. Это лето будем работать в селе Суворово около Измаила.

**25 августа.** Вчера прилетел из Кишинева. Был в Суворово, где вместе с большой группой диалектологов проводил наблюдение над языком. Собран большой материал<sup>20</sup>.

**26 августа.** На сентябрь: составить в болгарско-русском словаре букву К, закончить статью о членных формах в болгарских говорах<sup>21</sup> для третьего номера «Статей и материалов по болгарской диалектологии СССР», подготовить для этого же номера отчет о законченной летней экспедиции и собрать материал для брошюры о Щепкине.

**31 августа.** Завтра начинается новый учебный год. Мне в этом году предстоит читать лекции по истории болгарского языка, по сравнительной грамматике славянских языков, руководить семинаром по болгарской диалектологии, руководить аспирантами и дипломниками. Вчера провел первое заседание кафедры. Сегодня Президиум Академии наук принял решение об издании с января 1952 г. журнала «Вопросы языкознания». Журнал будет выходить шесть раз в год по 20 листов каждый номер. Редактором утвержден Виноградов, зам. редактора – Санжеев и секретарем – Орлова. Мне кажется, что коллегия составлена удачно. Поднять такой журнал будет тяжело. На днях скоропостижно скончался Никифоров. Сегодня пришла верстка статьи «Опыт классификации болгарских говоров СССР», которая печатается в четвертом томе «Ученых записок Института славяноведения»<sup>22</sup>. На днях подписал, наконец, к печати первый том «Ученых записок» кафедры.

**2 сентября.** Вышел из печати проспект «Основные проблемы болгарской грамматики». Нужно будет разослать несколько сот экземпляров. По решению Отделения языка и литературы Академии наук СССР создана новая комиссия по истории филологической науки России (под председательством Бархударова). Включен в эту комиссию и я (по разделу славянской филологии).

**17 сентября.** Решение отделения 14/IX подтвердил Президиум АН СССР<sup>23</sup>.

**30 сентября.** По плану выполнил составление буквы К болгарско-русского словаря и подготовил отчет о диалектологической экспедиции. Собирал материал о Щепкине. Не выполнил: не закончил написание статьи о членных формах. План на октябрь:

1. Составить буквы Л и Ж.
2. Написать часть брошюры о Щепкине (не менее одного листа).
3. Закончить статью о членных формах.

**1 октября.** Один из выпусков «Кратких сообщений» Института славяноведения посвятим вопросам болгарской грамматики (Основные проблемы болгарской грамматики). В нем нужно поместить следующие статьи: моя – «Задачи создания научной грамматики болгарского языка», Чешко – «Функции предлога на в болгарском языке», Лекова – «О виде глагола», Буниной – «К вопросу о классификации болгарского глагола» и проспект. Подготовить к весне<sup>24</sup>.

**3 октября.** Думаю, что следует организовать небольшую дискуссию о классификации болгарского глагола. Нужно тщательно продумать этот вопрос.

5 октября. Вчера сдал в издательство букву К. В этом месяце сделаю буквы Л и Ж. В 3–4 номере чешского журнала «Sovětská věda» за этот год появилась статья К. Горалека о моей статье «К вопросу о периодизации истории болгарского языка». Фактически просто полное содержание статьи. Наконец после долгих мытарств пошел Мейе. Вчера пришло шесть листов<sup>25</sup>. Кондрашов обещает выпустить книгу в 1951 г.

17 октября. Вчера хорошо прошла защита моей аспирантки Буниной на тему о языке ольшанских болгар<sup>26</sup>.

28 октября. Президиум Академии наук серьезно заинтересовался вопросами сравнительной грамматики славянских языков. На секретариате у Топчиева было специальное заседание, на котором выступали Третьяков, я и Сухотин. Топчиев ругал Сухотина и Институт за отсутствие серьезной работы в этой области. Обещал дать ставки. На днях вопрос будет стоять на Президиуме.

Вышел, наконец, первый том трудов кафедры «Славянская филология». Готовлю второй том<sup>27</sup>. Содержание (ориентировочное):

1. А. Г. Широкова – Из истории чешского литературного языка XVI в.
2. Т. И. Степанова – К вопросу об образовании наречия в современном чешском литературном языке.
3. Н. А. Кондрашов – Категория личности в словацком языке.
4. А. С. Посвянская – О порядке слов в славянских языках.
5. В. В. Бородич – К вопросу о значении сложных прошедших времен в старославянском языке.
6. С. Б. Бернштейн – Сравнительная грамматика славянских языков (программа).

7. Т. П. Попова – О сербском словаре Вука Караджича.

30 октября. Сегодня был в Кремле, где получил орден «Знак почета» за «выслугу лет».

31 октября. План октября не выполнил. Основная причина – пришлось неожиданно читать верстку книги Мейе. Сдал второй выпуск «Статей и материалов по болгарской диалектологии СССР». Не закончил Л, не начинал Ж. Мало работал над «Щепкиным».

Что делать в ноябре?

1. Составить Л, Ж, М.
2. Работать над «Щепкиным».
3. Закончить в основном статью для «Кратких сообщений Института славяноведения» на тему «Проблемы сравнительного изучения славянских языков в свете трудов И. В. Сталина».

4 ноября. План несколько меняется, так как для первого номера журнала «Вопросы языкознания» по поручению Виноградова должен срочно написать статью «Болгарское языкознание после выхода труда И. В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”»<sup>28</sup>. Позавчера было заседание Президиума Академии наук, на котором стоял вопрос о сравнительной грамматике. Приняли удовлетворительное решение. Виноградов сделал замечание о теме (почему склонение, а не спряжение). Я ответил, что этот вопрос нужно специально обсудить. При Президиуме создан особый Комитет по языкознанию. От Института славяноведения в него вошел Третьяков.

**12 ноября.** Сегодня для военкомата получил в университете характеристику. Текст: «Профессор С. Б. Бернштейн, 1911 года рождения, б/п, по национальности еврей, доктор филологических наук, работает на филологическом факультете МГУ с 1939 года в должности профессора и заведующего кафедрой славянских языков.

Проф. Бернштейн С. Б. ведет большую научную работу и является автором ряда значительных работ в области славянской филологии.

На факультете С. Б. Бернштейн читает курс по истории славянских языков, руководит аспирантами и пользуется большим авторитетом среди студентов, аспирантов и всего коллектива факультета».

Подписана проректором профессором Сидоровым и председателем профкома Шишкиным.

В последнем номере факультетской стенгазеты напечатана большая статья обо мне, в которой в очень напыщенных и торжественных тонах пишется о моей скромной особе. Особо подчеркивается, что я и руководимая мною кафедра были всегда врагами марризма и что даже в самый разгар аракчеевщины я читал лекции по сравнительной грамматике славянских языков.

**21 ноября.** Наконец, после долгих лет волокиты, я 16 ноября утвержден в должности зав. сектором славянских языков Института славяноведения. Закончил сегодня статью «Проблемы сравнительно-исторического метода в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию». Будет напечатана в «Кратких сообщениях» Института. 28 ноября должен закончить статью для «Вопросов языкознания».

**11 декабря.** Сегодня вернулся из Кишинева, куда ездил вместе с Виноградовым, Сухотиным, Будаговым, Серебренниковым и др. на сессию, посвященную вопросам молдавского языкознания. Выступал на сессии, делал доклад<sup>29</sup>. Сессия прошла интересно.

**31 декабря.** Сегодня последний день 1951 г. Весь год работал много. Однако итогами года не доволен. Писал много статей, много редактировал. Много заседал. Над большими, основными трудами не работал. Так, без движения лежит «История болгарского языка» (даже договор с издательством порвал), ничего не делаю для «Введения в сравнительное изучение славянских языков». Вяло движется словарь. В 1951 г. напечатал несколько статей и заметок. Под моей редакцией вышел из печати «Общеславянский язык» Мейе. Сдал в печать «Атлас болгарских говоров СССР», два выпуска «Статей и материалов по болгарской диалектологии СССР», седьмой выпуск «Кратких сообщений» Института славяноведения, посвященный проблемам славянского языкознания, и ряд статей. Таким образом, из больших вещей в 1952 г. выйдет из печати «Атлас болгарских говоров СССР».

В 1952 г. в основном буду работать над словарем. Я его обязан сдать весь к сентябрю, так как он должен выйти из печати в первой половине 1953 г. Таким образом, и в 1952 г. основные труды будут лежать без движения. Возможно, к концу 1952 г. подготовлю «Хрестоматию по истории и диалектологии болгарского языка» (размер ориентировочно 10 печатных листов)<sup>30</sup>. Обязательно нужно написать брошюру о Щепкине для университетского издания и несколько статей для Института славяноведения и других учреждений Академии наук.

Предполагал к десятилетию смерти Селищева (6 декабря 1952 г.) подготовить большой сборник его памяти. Однако это потребует уже сейчас месяц време-

ни и сил, тем более, что ни у кого это предприятие не вызывает большого энтузиазма (все очень загружены). Жаль, но придется все это отложить до другой даты (например 15 лет со дня смерти).

Вопреки решению моей кафедры министерство издало программу по введению в славянскую филологию Державина. Программа совершенно не отвечает содержанию курса и, кроме того, рекомендует много марристских работ (в частности самого Державина). Я заявил протест и указал, что этой программой мы пользоваться не будем.

Между прочим, целый абзац программы уделен моей особе (обзору моих трудов и их значению). В то же время в программе нет ни слова об Ильинском и многих других крупных славистах. Нужно поручить Дитякину сделать доклад об этой программе.

### Примечания

- <sup>1</sup> Печатается по рукописи чернового дневника С. Б. Б.
- <sup>2</sup> Статьи под таким названием в списке работ С. Б. Б. нет. См.: *Бернштейн С. Б.* Новое о языке минойских надписей (по поводу работ проф. Вл. Георгиева) // *Известия ОЛЯ.* 1951. Т. 10. Вып. 2. С. 198–200.
- <sup>3</sup> *Черных П. Я.* Рец. на кн.: *Аванесов Р. И.* Очерк русской диалектологии. М., 1949. Ч. 1 // *Известия ОЛЯ.* М., 1950. Т. 9. Вып. 6. С. 501–508. П. Я. Черных обвинял Аванесова в использовании марристских терминов, выступая одновременно как приверженец фонологии.
- <sup>4</sup> *Бернштейн С. Б.* Вопросы изучения славянских языков в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию // *УЗИС.* 1951. Т. 3. С. 5–38.
- <sup>5</sup> См. прим. 2.
- <sup>6</sup> *Бернштейн С. Б.* Атлас болгарских говоров СССР // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. 1952. Т. 2. С. 135–141. Издания «Диалектологический бюллетень Института славяноведения», указанного С. Б. Б., не существовало. С 1951 г. стали выходить «Статьи и материалы по болгарской диалектологии».
- <sup>7</sup> *Бернштейн С. Б.* О некоторых вопросах сравнительно-исторического метода в языкознании // *КСИС.* 1952. Вып. 7. С. 3–13.
- <sup>8</sup> *Бернштейн С. Б.* Труды И. Сталина по языкознанию и задачи кафедры славянских языков // *Славянская филология.* М., 1951. Вып. 1. С. 3–8.
- <sup>9</sup> *Бернштейн С. Б.* Программа по истории болгарского языка. М., 1952. 7 с.
- <sup>10</sup> Замысел главы был реализован в позднейшей статье «Из истории изучения южных славянских языков в России и СССР» (*Вопросы славянского языкознания.* М., 1957. Вып. 2. С. 123–152).
- <sup>11</sup> О М. М. Покровском см.: *Радицг С. И.* Михаил Михайлович Покровский. М., 1948. 44 с.
- <sup>12</sup> *Бернштейн С. Б.* Вячеслав Николаевич Щепкин. М., 1955. 43 с.
- <sup>13</sup> Замысел сборника не был реализован.
- <sup>14</sup> Е. В. Немченко защитила кандидатскую диссертацию «Из истории кратких причастий действительного залога в чешском языке». В *УЗИС* (1952. Т. 7. С. 59–66) было напечатано извлечение из диссертации.
- <sup>15</sup> Имеется в виду экспедиция в болгарское село Шикирлик-Китай (с. Суворово Измаильской обл. УССР).
- <sup>16</sup> Ср.: *Бернштейн С. Б.* Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века) // *Сов. славяноведение.* 1989 №1 С. 81, где дается весьма положительная характеристика Н. И. Кравцова как ученого и человека. О Н. И. Кравцове см. также: *Кулагина А. В.* Н. И. Кравцов – исследователь сербскохорватского эпоса (К 80-летию со дня рождения) // *Вестник Московского*

- университета. Филология. 1986. № 6; *Злыднев В. И.* Николай Иванович Кравцов // Сов. славяноведение. 1981. № 3. С. 125–126.
- <sup>17</sup> См.: *Кузнецов В. Д.* Заседательская суетня // Литературная газета. 1951. 6 апр. № 71. С. 2.
- <sup>18</sup> *Бернштейн С. Б.* Заметки по болгарской диалектологии // Славянская филология. М., 1954. Вып. 2. С. 68–75.
- <sup>19</sup> Статья не была опубликована.
- <sup>20</sup> Подробнее см.: *Бернштейн С. Б., Журавлев В. К., Сенкевич М. Г., Толстой Н. И.* Отчет о диалектологической экспедиции в болгарское село Суворово летом 1951 года // Статьи и материалы по болгарской диалектологии. 1953. Вып. 3. С. 110–149.
- <sup>21</sup> Статья вышла в свет в другом издании: *Бернштейн С. Б.* Заметки по болгарской диалектологии (I раздел: Членные формы мужского рода единственного числа) // Славянская филология. М., 1954. Вып. 2. С. 68–73.
- <sup>22</sup> См.: Ученые записки Института славяноведения. М., 1951. Т. 4. С. 327–343 (совм. с Е. В. Чешко).
- <sup>23</sup> Речь идет о создании при Отделении языка и литературы АН СССР Комиссии по истории филологической науки России под председательством С. Г. Бархударова.
- <sup>24</sup> Проект сборника реализован в 1959 г. Опубликован также проспект «Основные проблемы болгарской грамматики». В «Кратких сообщениях Института славяноведения» (М., 1953. Вып. 10. 192 с.), вышедших под названием «Основные вопросы грамматики современного болгарского литературного языка», опубликованы итоги обсуждения этих проблем.
- <sup>25</sup> *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.
- <sup>26</sup> *Бунина И. К.* Говор ольшанских болгар. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1951. 14 с.
- <sup>27</sup> Второй том вышел в 1954 г.
- <sup>28</sup> *Бернштейн С. Б.* Развитие зарубежного языкознания после выхода в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Болгария // Вопросы языкознания. 1952. № 3. С. 122–128.
- <sup>29</sup> *Бернштейн С. Б.* Славянские элементы в молдавском языке // Тезисы докладов научных сотрудников Института языкознания АН СССР и Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР на совместной сессии, посвященной вопросам молдавского языкознания. Кишинев, 1951. С. 43–44.
- <sup>30</sup> Замысел остался нереализованным.

# 1952

**5 января.** Вот уже полтора года мы живем под лучами сталинского языкознания. С каким воодушевлением многие из нас встретили начало лингвистической дискуссии и ее неожиданное завершение полным разгромом марризма! В статьях Сталина было немало профессиональных ошибок, неверных утверждений, но все это нас не огорчало. Главное было в том, что пришел конец яфетическим благоглупостям, что марксисты теперь признают сравнительно-историческое языкознание со всеми его законами и принципами. Вдохновляло утверждение, что наука не может развиваться в условиях аракчеевского режима, что необходимы борьба мнений, свободные дискуссии и т. д. Однако фактически на смену одному режиму пришел другой режим. Под ошибочные утверждения Сталина теперь подводят фактическую базу. Появились новые сердюченки и филины, которые сводят всю нашу работу только к одной задаче: комментирование трудов Сталина. Ловкач Котков уже пишет «фундаментальный» труд, в котором доказывает, что в основе русского литературного языка лежат курско-орловские говоры<sup>1</sup>. В статьях многих ретивых карьеристов можно прочесть, что в трудах Сталина разрешены все трудные проблемы языкознания. Вот одна цитата: «Имея огромное общеполитическое и общенаучное значение, исследования И. В. Сталина дали вместе с тем ясные, четкие и глубокие ответы на все основные вопросы советского языкознания». Так писал Будагов<sup>2</sup>, который до дискуссии проявлял большую лояльность к активным деятелям «нового учения о языке», сам часто цитировал их «труды». На днях мне вернули рукопись моей статьи только на том основании, что в ней не было ни одной ссылки на статьи Сталина. Редактора издания не убедили мои слова, что я рассматриваю специальные вопросы, далекие от тех, на которые отвечал Сталин. По его словам (это был Виноградов), в настоящее время необходимо опираться на «Марксизм и вопросы языкознания». Сейчас часто можно услышать (правда, лишь в частных беседах), что под руководством Виноградова формируется новый аракчеевский режим. Однако, несмотря на все это, положение в нашей науке изменилось коренным образом. К прежнему возврата нет и не может быть.

**14 января.** Много сил и времени отдал македонскому языку. К сожалению, законченная работа «Македонский язык» лежит без движения. Издать ее в современных условиях невозможно. Нужно ждать улучшения отношений с Югославией. Сейчас вижу в этой работе ряд существенных недостатков. Писал я ее быстро, так как хотел, чтобы она вышла из печати к съезду славистов. Съезд не состоялся, рукопись должен был положить в архив. Если бы была надежда на ее публикацию, я бы с большим удовольствием засел за ее завершение. Нужно было бы углубить фонологический аспект описания, подробнее охарактеризовать глагольную систему. Может быть, некоторые разделы рукописи после доработки опубликую в виде статей. Факультет переживает тяжелые дни. Все это



связано с общим положением. Активизировались всякие василенки, самарины и прочая нечисть. Факультет потерял нескольких серьезных ученых<sup>3</sup>.

**26 января.** После обсуждения состояния нашего Института на Президиуме Академии наук СССР удалось получить для расширения исследований в области славянского языкознания 15 ставок. На 5 ставок уже зачислили молодых славистов. В течение этого года зачислю еще 10 человек. На заседании в дирекции Института был всесторонне обсужден и одобрен мой доклад о работе на 1952–1955 гг. В обсуждении приняли участие Аванесов и Кузнецов, а также некоторые сотрудники Института. Историки рекомендовали особое внимание уделить проблемам этногенеза славян. Я отверг эту проблематику на том основании, что ее нельзя решать без самого активного участия археологов и историков. А таких специалистов в нашем Институте фактически нет. Основание для отказа от исследований этногенеза славян было, однако, иным, но о нем я воздержался говорить. К нам на работу поступают молодые сотрудники. Воспитать из них серьезных ученых на изучении этногенеза невозможно. Пусть пока поработают над изучением конкретных лингвистических вопросов. В докладе я наметил несколько областей, над которыми будем работать в ближайшие годы. Это болгарская диалектология, грамматика болгарского литературного языка, история падежной системы славянских языков, категории твердости/мягкости согласных в славянских языках, история местоимений в славянских языках и ряд других проблем. На днях сдал в печать статью «К изучению славянских элементов в молдавском языке»<sup>4</sup>. В основе статьи лежит мой доклад, который я читал в Кишиневе на сессии по языкознанию. На днях поеду в Вильнюс, где буду вести переговоры со специалистами по истории литовского языка. Древнейшую историю славянского склонения нельзя изучать без данных литовского языка.

**27 января.** Изо всех бывших сторонников «нового учения о языке» только один Абаев ведет себя достойно. Он умудрялся и в прошлом, в период господства марризма в нашей стране, заниматься серьезно наукой, а не демагогией и доносами. Он один не выступал с покаянными речами, не топил своих бывших «друзей». С каким чувством собственного достоинства он отвечал на наветы Серебренникова, который, занимая до дискуссии антимарровские позиции, теперь превратился в шута горохового (не без помощи Виноградова). В период господства марристов на поверхности было много вонючей накипи. Теперь господствуют другие, сменилась и накипь, но она продолжает вонять. Сухотин не лучше Сердюченки. Сейчас очевидно, что все дело не в так называемом «новом учении», а в нашей общественной системе<sup>5</sup>.

**9 февраля.** Вчера вернулся из своей поездки в Минск и в Вильнюс. В Минске бывал не один раз еще до войны, в Вильнюсе был впервые. Оба города в развалинах. В Минске в прошлом я останавливался в небольшом деревянном домике возле огромного Дома правительства. Удивительно, но домик сохранился, сохранилась и фабрика-кухня<sup>6</sup>. Мое пребывание в Минске было бесполезным, так как практически лингвистики теперь здесь нет. Я сделал доклад о работе нашего Института, но все это было не в коня корм.

Большие надежды я возлагал на Вильнюс, но и они не оправдались. Во главе литовских лингвистов стоит академик Бальчиконис, большой знаток современного литовского языка (литературного и народного), но очень далекий от исторического языкознания. Это сознают и сами литовцы. Именно поэтому они решили

привлечь ленинградского лингвиста Б. А. Ларина, который в молодые годы занимался изучением литовских говоров и даже опубликовал одну сравнительно большую работу<sup>7</sup>. Ларин согласился на короткое время приехать в Вильнюс из Ленинграда при условии избрания его действительным членом Академии наук ЛитССР. Литовцы обещали и выполнили свое обещание. Один раз в месяц на короткий срок в Вильнюс приезжает Ларин. Случайно мой приезд совпал с его пребыванием в Вильнюсе. Контакта у Бориса Александровича с литовской молодежью не получилось. Причин было много. Выяснилось, что он не только не владеет практически литовским, но и очень плохо понимает разговорную речь. Это воздвигло сразу же между ним и литовцами стену, так как в Институте литовского языка и литературы говорят только по-литовски. Кроме того, быстро выяснилось, что у Ларина отсутствует серьезная подготовка в области сравнительного балтийского языкознания. Приписанные к нему аспиранты избегали встреч со своим руководителем. Это озлобило Ларина, и он допустил в своих действиях серьезные промахи. Я пробыл в Вильнюсе четыре дня, и все эти четыре дня Ларин с утра и до вечера был со мной. Я скоро понял, что Борису Александровичу в Вильнюсе просто нечего делать. В Институте литовского языка и литературы на общем собрании я сделал доклад о работе лингвистов Института славяноведения, о наших планах. Доклад был выслушан молча. Бальчиконис пожелал успехов.

Интереснее было знакомство с городом. В течение пяти часов Бальчиконис был моим чичероне в костеле Петра и Павла<sup>8</sup>. Впечатление неизгладимое. Он толково объяснил мне значение всех деталей храма, подробно рассказал об истории строительства храма. Здесь передо мной был настоящий специалист. Один вечер с Лариным провел в театре. Пьеса шла на литовском языке. Я внимательно слушал непонятную мне литовскую речь, Ларин заметно скучал. Принял решение – заняться литовским языком и заняться основательно.

Население относится враждебно к пришлым из России. Обычно я обедал в ресторане гостиницы «Вильнюс», где жил. Здесь обслуживали аккуратно. Однажды, гуляя по городу, зашел пообедать в небольшой, но уютный ресторанчик. Просидел я здесь больше часа и ушел «не солоно хлебавши». Кельнеры пробегали мимо меня, весело и любезно обслуживая только литовцев. Рассказал об этом кельнеру в ресторане «Вильнюс». Он самым решительным образом предостерег меня от посещения ресторанов. Нужно обедать только в нашем ресторане. Встречные на улице на вопросы обычно не отвечают. Жить здесь, конечно, трудно.

**12 февраля.** Материал для Чуковского: Маленькая девочка стоит на тротуаре. Она подняла руки и говорит матери: «Мама, *на* меня».

**3 марта.** Планы на ближайшее будущее. К началу апреля должен написать доклад «Задачи изучения болгарского литературного языка»<sup>9</sup>. В течение апреля должен написать статью «Задачи изучения падежной системы в славянских языках»<sup>10</sup>. 21–23 апреля в Институте будет проходить широкое обсуждение проспекта будущей книги «Основные вопросы болгарской грамматики». В апреле должен сдать в печать четвертый выпуск «Статей и материалов по болгарской диалектологии СССР». Он будет содержать две работы: Буниной «Ольшанский говор» и Журавлева «Из истории ташбунарского говора»<sup>11</sup>. В мае должен сдать в печать лингвистический выпуск «Кратких сообщений»<sup>12</sup>. Много и других дел!

**20 марта.** На днях состоялась встреча в отделении истории с Тодором Павловым. Это была моя вторая встреча с болгарским академиком. На первой шла бе-

седа о македонском языке. Тогда Павлов попросил Грекова издать книгу большим тиражом, так как она нужна для преподавания родного языка в Пиринском крае. По разным причинам книга не увидела свет. Теперь я обратился к Павлову с вопросом, нельзя ли опубликовать книгу в Болгарии? Неожиданно для меня реакция Павлова была резко отрицательная. «Об издании книги у нас, – сказал Павлов, – не может быть и речи. Хочу Вам дать дружеский совет. В связи с изменившимися обстоятельствами работы по македонскому языку теперь объективно носят антиболгарский характер. Советую Вам не издавать свою книгу, если хотите сохранить дружеские отношения с нами». Я попросил Павлова более обстоятельно изложить болгарскую позицию по македонскому вопросу. На это он ответил: «Мы ждем ваш приезд в Болгарию. Тогда мы встретимся, и я смогу обстоятельно осветить наше современное понимание македонской проблемы». Очевидно, болгары теперь решили пересмотреть свою старую позицию, согласно которой «Македония для македонцев». Неужели они сползут на те позиции, которые еще недавно они определяли как позиции болгарского империализма? Убежден, что на этом пути их ждет провал.

**22 марта.** Весь стол завален корректурой разных изданий. Люблю читать корректуры, но это уже слишком! Составил новый учебный план славянского отделения. По некоторым пунктам он существенно отличается от прежнего плана.

**31 марта.** Сегодня завершил составление буквы П в своем болгарском словаре. Можно сказать, что я достиг вершины. Теперь будет спуск. Для биографического словаря русских ученых написал статью о Б. М. Ляпунове<sup>13</sup>.

**15 мая.** Вчера закончилась конференция по болгарской грамматике. Она проходила в Институте славяноведения. В ней приняли активное участие болгаристы Московского, Ленинградского, Львовского университетов; выступали и некоторые русисты и специалисты по другим славянским языкам. Обсуждение докладов проходило очень активно. С докладами выступали я, Чешко и Маслов. Очень интересно обсуждался вопрос о падежах, о пересказывательном наклонении. Все материалы конференции (не только доклады, но и выступления, тексты принятых решений) будут опубликованы отдельной книгой<sup>14</sup>.

**20 мая.** Вышел из печати второй выпуск «Статей и материалов по болгарской диалектологии СССР». Третий прошел РИСО, четвертый скоро будет уже готов для сдачи в издательство.

**31 мая.** Последнее время в связи со своими занятиями часто заглядываю в «Историю болгарского языка» С. Младенова<sup>15</sup>. Почти никогда не получаю ответа. Вся история изложена с птичьего полета. Помню, еще в начале 1930 г. на заседании кафедры в университете Селищев произвел детальный анализ только что полученной книги. Отзыв был суровым. Селищев обратил внимание на наличие не относящегося к делу материала (например индоевропейских соответствий) и отсутствие необходимых диалектных данных. Слабо, по мнению Селищева, была использована старая письменность, топонимика, данные соседних славянских и неславянских языков. Основной вывод – автор книги очень далек от проблематики исторического изучения языка. Напрасно он взял на себя непосильный труд. «Плохо то, – сказал Селищев, – что публикация данной книги может надолго задержать издание серьезного руководства». Ильинский попытался взять Младенова под свою защиту, но даже присутствующие студенты (я вел протокол заседания) понимали слабость аргументации профессора. Через два–три месяца Селищев по-

лучил от Фасмера приглашение написать детальную рецензию для его журнала<sup>16</sup>. Селищев отказался. Ильинский опубликовал коротенькую комплиментарную рецензию. Ильинский был отличным филологом, но история языка была для него закрытой книгой.

**7 июня.** Очень много работы. Много драгоценного времени отнимает словарь. А в голове много новых планов. Главное – начать серьезную работу над подготовкой учебника по сравнительной грамматике славянских языков<sup>17</sup>. Потребность в таком учебнике велика. Работа над ним будет полезна и мне самому. В будущем учебном году буду читать фонетику. Каждую лекцию буду писать до лекции, а затем уже, после ее прочтения, буду готовить окончательный текст. Дело в том, что во время чтения перед аудиторией часто возникают новые мысли.

**3 июля.** На днях вышел из печати второй том «Против вульгаризации марксизма в языкознании». В нем напечатана моя статья «К вопросу об языковых смещениях»<sup>18</sup>. С некоторыми ее положениями на последней сессии ОЛЯ полемизировал Жирмунский. Нужно внимательно продумать его критические замечания. На первый взгляд, они кажутся неосновательными. Со мной согласен Аванесов. На днях в Институте прочитал доклад «К изучению истории славянских языков дописьменного периода». Была небольшая дискуссия с Кузнецовым. Сегодня в Институте языкознания выступал оппонентом по кандидатской диссертации Лухт «Влияние русского языка на развитие словарного состава современного молдавского языка»<sup>19</sup>. Диссертация весьма средняя. Степень дали. В последнее время по десять часов сижу над словарем.

**5 июля.** Думаю о музыкальных вкусах Аванесова, точнее – о его отношении к музыке. В свое время он закончил Московскую консерваторию по классу Крейна, занимался композицией, хотел стать дирижером. Ежедневно слушает музыку, чаще всего Баха. Работает над соотношением слова в речи и в музыке. Готовит на эту тему работу на материале «Хованщины» Мусоргского. Меня удивляет и огорчает узость его вкусов, пристрастий. Для него Чайковский – лимонад на сахарине, Рахманинов – бездарь и т. д. В его богатом собрании нет пластинок с записями этих композиторов. В русской музыке первое место он отводит Мусоргскому. По его мнению, это подлинный гений. Признает Глинку, высоко ставит Скрябина, некоторые произведения Прокофьева. Органически не переносит музыки, которая способна вызвать слезы: «Если хочешь плакать, натри глаза луком или слушай Чайковского». Его кумир – Бах. Часто слушает Моцарта, Гайдна. Бетховена слушает, но редко и избирательно. Из современных композиторов отдает предпочтение Стравинскому. На днях исполнил при мне на рояле одно произведение Метнера. Мне показалось скучно. Но как интересно и убедительно он затем показал высокие достоинства пьесы. Завидую ему. Мой ум молчит во время прослушивания музыкального произведения. Я слушаю сердцем.

**8 августа.** Впервые я не участвую в очередной диалектологической экспедиции в наши болгарские села. Все из-за проклятого словаря. Правда, теперь мои сотрудники уже не нуждаются в опеке: все идет по хорошо отработанному плану. Несмотря на это, тоскую. За пределами кабинета и лекций самым любимым делом являются диалектологические наблюдения.

**16 августа.** Вышел из печати второй выпуск «Докладов и сообщений» Института языкознания. В нем опубликована моя статья «Атлас болгарских говоров СССР». Написал ее по поручению Виноградова. С большим интересом и пользой

для себя прочитал в этой же книге статью Б. А. Серебренникова «О видовых значениях прошедшего очевидного и неочевидного времен в лугово-восточном маарийском языке». Точные соответствия находим в болгарском языке. Наличие данной категории в чувашском дает основание расширить круг возможных источников этой категории в болгарском.

**28 августа.** Вот и конец лету. На завтрашний день назначил первое заседание кафедры. Главная задача второго полугодия – завершить составление болгарско-русского словаря. Отнимает много драгоценного времени. Кроме того, нужно написать две статьи. Январь будущего года уйдет на составление грамматического справочника болгарского языка, который будет напечатан при словаре. В 1952/53 учебном году буду читать курс сравнительной грамматики славянских языков (введение в фонетику) и историю сербского языка.

Недавно вышел из печати учебник по истории русского языка П. Я. Черныха. Характерная для всех произведений этого лингвиста неясность мысли перекочевала и в этот учебник. Часто в весьма ответственных местах нельзя понять позицию автора. Учебник как в зеркале отлично отражает весь внутренний облик профессора, уровень его интеллекта и образованности<sup>21</sup>. По такому учебнику готовиться к экзамену невозможно.

**31 августа.** Вчера выступал в нашем студенческом клубе перед первокурсниками. И в этом году почти одни девочки, 1934 года рождения<sup>22</sup>.

**4 сентября.** В последнем номере журнала «Большевик» (№ 16) напечатана рецензия на журнал «Вопросы языкознания»<sup>23</sup>. По нашим временам написана корректно, но в основе своей дает отрицательную оценку деятельности журнала. Примечательно, что впервые в печати после дискуссии критикуется Виноградов. Реформатский считает, что кульминация славы Виноградова уже достигнута и теперь начнется период падения. Быстро наступила кульминация (всего два года). Автор рецензии предлагает: «Ряд спорных и недостаточно обоснованных положений, выдвинутых в статье В. В. Виноградова по вопросу о внутренних законах развития языка, следовало бы поставить на обсуждение научной общественности, организовав, таким образом, широкий обмен мнений по одной из важнейших проблем языкознания». Виноградовская холуйская мелочь заволновалась.

**18 сентября.** Розвадовская настаивает на заключении договора с издательством на учебник по истории болгарского языка на 20 листов. Сегодня дал отрицательный ответ. Заготовок для написания такой книги много, но не хочется повторять опыта Младенова. А для написания подлинно научного обобщающего труда время еще не пришло. Во всяком случае, для меня. Буду рад, если такую книгу напишу лет через 20.

**29 октября.** Впервые я стал членом Дома ученых<sup>24</sup> в 1939 г. Во время войны не платил членских взносов и, таким образом, механически вышел из состава Дома ученых. Теперь решил вновь стать его членом. Нужны разные справки и характеристики двух членов Дома ученых. Нашли мое старое дело с характеристикой Д. Н. Ушакова. С удовольствием читал ее. Милый старик. В канцелярии сказали, что достаточно одной характеристики.

**18 ноября.** Словарь близок к завершению. Вчера закончил статью под наименованием «История изучения южных славянских языков в России и в СССР»<sup>25</sup>. Фрагмент будущей книги. Вышла из печати программа по курсу сравнительной грамматики славянских языков<sup>26</sup>. Корректуры не читал. Есть досадные печат-

ки. Сижу над статьей «К изучению истории славянских языков дописьменного периода». Этой статьей будет открываться сборник «Проблемы славянского языкознания»<sup>27</sup>. В сборнике еще будут опубликованы статьи П. С. Кузнецова «Чередования в праславянском языке» и Ю. С. Маслова об имперфекте от основ совершенного вида в славянских языках<sup>28</sup>.

**19 ноября.** Вышел из печати седьмой выпуск «Кратких сообщений» Института славяноведения. Среди других опубликована моя статья «О некоторых вопросах сравнительно-исторического метода в языкознании». В основе статьи лежит мой доклад, который я читал вскоре после завершения лингвистической дискуссии. За короткий срок, прошедший после дискуссии, мы все основательно возмужали и поумнели. Теперь мне кажется, что в статье есть элементарные вещи, наивности. Вероятно, не следовало ее публиковать. Мой курс по сравнительной грамматике славянских языков по моей просьбе стенографируется. Каждую стенограмму тщательно редактирую.

**30 ноября.** 15 декабря исполняется 75 лет Державину. Старика вспомнили. Сегодня по поручению Президиума АН СССР составил адрес. Сегодня же написал краткий отзыв на статью проф. Мирчева, которую он прислал в журнал «Славяне». Андрейчин прислал мне свою новую книгу по болгарскому языкознанию<sup>29</sup>. Пустяки! Мы все ждем от него фундаментальной работы по истории болгарского литературного языка, а он пробавляется всякой мелочью. Неужели он исчерпал уже все возможности своего интеллекта?

**6 декабря.** Сегодня две даты. Ровно десять лет тому назад умер А. М. Селищев. Ему теперь было бы только 66 лет. Его преждевременная смерть нанесла тяжелый удар по нашей науке. Все свалилось на мои плечи, а они слабее плеч учителя. Жаль, что не могли организовать к этой дате специального заседания. Все страшно заняты: нет свободной минуты. Шесть лет тому назад я защитил докторскую диссертацию. Эти годы прошли очень быстро. Интенсивно идет работа над коллективной монографией «Творительный падеж в славянских языках»<sup>30</sup>. Думаю над другими монографиями этой серии.

**16 декабря.** Умер Алексей Карпович Дживелегов. Много знал, много работал, много опубликовал разных книг, но следа в серьезной науке не оставил. Не умел самостоятельно решать поставленные задачи. По самой своей природе он был компилятором. Я близко познакомился с ним в «клубе Эриванцевой», о чем уже писал<sup>31</sup>.

**21 декабря.** Вчера в помещении Славянского комитета (Кропоткинская 10) состоялось торжественное заседание, посвященное 75-летию Державина. Доклад о его творческом пути сделал С. С. Советов, единственным достоинством которого была лаконичность. От Болгарии его приветствовала Стелла Благоева. Мне пришлось сказать от имени филологов. Вспомнил его труды, посвященные языку и быту болгарских колонистов России. Я держался в рамках реальности. Присутствовал Виноградов, представитель Президиума Академии наук. Все ждали, что он скажет несколько слов, но он промолчал. Это вызвало удивление у присутствующих. Ему, конечно, было поручено выступить, но он решил промолчать. Вспоминаю 1946 г., когда от голоса Державина зависело избрание Виноградова в академики. Тогда он лизал ему зад, проявлял максимум внимания к старику. Мерзкий тип. Может быть, напишу о нем в будущем. Изобразу под именем академика Апельсинова.

**31 декабря.** Через несколько часов завершится 1952 год. Год во многих отношениях тяжелый. Особенно тяжелой была обстановка в университете, где

шла активная борьба с космополитизмом и его представителями<sup>32</sup>. В академических институтах (в частности, в Институте славяноведения) это все носило более мягкие формы. Недавно в министерстве слушал выступление «профессора» Жигача (правая рука Кафтанова). Он метал гром и молнии против тех евреев, которые свои еврейские фамилии меняют на русские и тем самым «вводят в заблуждение русский народ». Все слушали молча. Шел домой вместе с Гудзием. Его доклад очень взволновал, но он молчал. Но разве можно его обвинять в этом? В январе еду в санаторий «Узкое», где проведу месяц. Возьму с собой работу. Буду там редактировать две работы. Люблю бывать в этом санатории, с которым связано много событий в довоенные годы. В разное время его посещали многие интересные деятели культуры и науки. Мне пришлось здесь встречаться и беседовать со многими незаурядными людьми.

### Примечания

- <sup>1</sup> Котков С. И. К изучению орловских говоров. Орел, 1952. 192 с. В этом же году С. И. Котков защитил в Орле докторскую диссертацию на тему: «Говоры Орловской области (Фонетика и морфология)».
- <sup>2</sup> Будагов Р. А. Предисловие к кн.: Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М., 1950. С. 5.
- <sup>3</sup> Так, был изгнан из университета проф. П. Г. Богатырев, необоснованно обвиненный в политической неблагонадежности. Только в 1963 г. он смог вернуться на филологический факультет. Также не по своей воле должны были покинуть университет доценты кафедры зарубежных литератур (зав. Р. М. Самарин) – Е. Л. Гальперина и Л. Е. Пинский.
- <sup>4</sup> Бернштейн С. Б. Славянские элементы в молдавском языке // Вопросы молдавского языкознания. М., 1953. С. 150–158. См. также 1951 г., прим. 29.
- <sup>5</sup> Записи за 1952 г., представленные в белой рукописи, существенно отличаются от черногового дневника за этот год. К выводу об «огрехах» советской общественной системы, судя по дневниковым записям, С. Б. Б. пришел в 70-е годы.
- <sup>6</sup> Фабрика-кухня в Минске – одно из наиболее монументальных зданий довоенной постройки в центральной части города.
- <sup>7</sup> Ларин Б. А. Материалы по литовской диалектологии // Язык и литература. Л., 1926. Т. 1. С. 2–70.
- <sup>8</sup> Костел Петра и Павла в Вильносе – один из известных памятников европейской культуры эпохи барокко. Его строили в 1668–1676 гг. по проекту архитектора И. Заора. Костел замечателен выразительными гипсотурами и скульптурами своих интерьеров. Только человеческих фигур там больше двух тысяч. Интерьер оформляли 300 местных художников и скульпторов под руководством итальянских художников Пьетро Перетти и Джованни Галли.
- <sup>9</sup> Бернштейн С. Б. Задачи изучения современного болгарского литературного языка // Основные вопросы грамматики современного болгарского литературного языка: Обсуждение проспекта «Основные вопросы болгарской грамматики» на совещании в Институте славяноведения АН СССР 12–14 мая 1952 г. М., 1953 (Краткие сообщения Института славяноведения. 1953. Вып. 10).
- <sup>10</sup> См.: Бернштейн С. Б. Методы и задачи изучения функций падежей в славянских языках // Творительный падеж в славянских языках. М., 1958. С. 5–40.
- <sup>11</sup> Бунина И. К. Звуковой состав и грамматический строй говора ольшанских болгар // Статьи и материалы по болгарской диалектологии. М., 1953. Вып. 4. С. 5–123; Журавлев В. К. Ташбунарский говор: Глагол // Там же. С. 124–166.
- <sup>12</sup> Имеется в виду седьмой выпуск «Кратких сообщений Института славяноведения» (вышел из печати в конце 1952 г.).
- <sup>13</sup> Упомянутый мемуаристом биографический словарь в свет не вышел.
- <sup>14</sup> См.: Основные вопросы грамматики современного болгарского литературного языка: Обсуждение проспекта «Основные вопросы болгарской грамматики» на совещании в Институте

- славяноведения АН СССР 12–14 мая 1952 г. /Отв. редактор С. Б. Бернштейн. М., 1953. 192 с. (КСИС. 1953. Вып. 10).
- <sup>15</sup> *Mladenov St.* Geschichte der bulgarischen Sprache. Berlin; Leipzig, 1929. 354 S.
- <sup>16</sup> Журнал «Zeitschrift für slavische Philologie» выходит в Берлине с 1925 г. до настоящего времени.
- <sup>17</sup> См. 1944 г., прим. 23.
- <sup>18</sup> *Бернштейн С. Б.* К проблеме языковых смещений // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. М., 1952. Т. 2. С. 290–306.
- <sup>19</sup> Кандидатская диссертация Линды Ивановны Лухт называлась «Роль русского языка в развитии словарного состава современного литературного молдавского языка».
- <sup>20</sup> *Черных П. Я.* Историческая грамматика русского языка: Краткий очерк. Пособие для педагогических и учительских институтов. М., 1952. 312 с. (До 1954 г. учебник выдержал три издания).
- <sup>21</sup> Иное мнение о П. Я. Черных как ученом см.: *Никитин О. В.* Павел Яковлевич Черных (1896–1970) // Отечественные лексикографы XVIII–XX века. М., 2000. С. 279–300.
- <sup>22</sup> В этом году в болгарскую группу поступил Владислав Маркович Иллич-Свитыч (1934–1966), любимый ученик С. Б. Б. Впоследствии он – соавтор первого в мире «Македонско-русского словаря» (30 000 слов) (М., 1963), автор монографии «Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм» (М., 1963. 177 с.), совершившей переворот в представлении об индоевропейско-славянских акцентных отношениях; инициатор исследования карпатского ареала, которое открыло широкие перспективы изучения языковых контактов и географии восточно- и южнославянских групп языков древнего периода. Иллич-Свитыч явился основателем нового глобального направления в языкознании – ностратики, показав отдаленное родство шести больших языковых семей Старого Света (См.: *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. М., 1971. Т. I. 369 с.; М., 1976. Т. II. 155 с.; М., 1984. Т. III. 135 с.).
- <sup>23</sup> *Касьянов Н.* Новый журнал по языкознанию // Большевик. 1952. № 16. С. 65–72.
- <sup>24</sup> Дом ученых в Москве (размещается в неоднократно перестраивавшемся особняке XVIII–XIX вв. по адресу: Пречистенка, д.16) был открыт в 1922 г. Его первым директором была М. Ф. Андреева, актриса МХАТ, жена А. М. Горького. Он находится в ведении Академии наук. В 50-е годы Дом представлял собой закрытое учреждение культурно-просветительного характера, организующее отдых ученых.
- <sup>25</sup> *Бернштейн С. Б.* Из истории изучения южных славянских языков в России и в СССР // Вопросы славянского языкознания. М., 1957. Вып. 2. С. 123–152.
- <sup>26</sup> *Бернштейн С. Б.* Программа по курсу сравнительной грамматики славянских языков (для филологических факультетов государственных университетов). М., 1952. 7 с.
- <sup>27</sup> Вместо этой статьи в издании «Вопросы славянского языкознания» (М., 1954. Вып. 1. С. 5–23) появилась статья С. Б. Б. «Основные задачи, методы и принципы “Сравнительной грамматики славянских языков”».
- <sup>28</sup> *Кузнецов П. С.* Чередования в общеславянском «языке-основе» // Вопросы славянского языкознания. М., 1954. Вып. 1. С. 24–67; *Маслов Ю. С.* Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // Там же. С. 68–138.
- <sup>29</sup> О какой конкретно книге идет речь, заключить трудно. Любомир Андрейчин опубликовал в 1952 г. несколько статей в научных журналах по проблемам болгарского языкознания, выпустил учебник по болгарской грамматике для средних школ. С. Б. Б., видимо, ждал от него какой-то крупной фундаментальной работы. Подробнее см.: *Русинов Р.* Любомир Андрейчин – жизненный путь и научное дело. Велико Търново, 1995. С. 139–142.
- <sup>30</sup> Творительный падеж в славянских языках / Под ред. С. Б. Бернштейна. М., 1958. 378 с.
- <sup>31</sup> См. запись С. Б. Б. от 8 января 1950 г. (1950 г., прим. 4).
- <sup>32</sup> Апогей кампании по борьбе с космополитизмом пришелся на первые четыре месяца 1949 г. В 1952 г. разворачивалось «дело врачей», постепенно приобретавшее антисемитский характер.



# 1953<sup>1</sup>

**9 февраля.** 6 февраля приехал из Узкого, где провел целый месяц. Составил букву С и начал Р. По решению Комитета по Сталинским премиям написал отзыв на «Граматику русского языка»<sup>2</sup>. В этом году я включен в состав историко-филологической секции Комитета и посещаю все заседания.

**28 февраля.** 26 февраля скончался Николай Севастьянович Державин. Несмотря на все его недостатки и грубые ошибки, которые он делал очень часто, имя его будет тесно связано с развитием славяноведения. Меня часто раздражали его труды, его выступления, его действия, но ... я его все же любил. Через всю свою жизнь он пронес любовь к болгарскому народу, его истории, культуре, языку.

**22 марта.** Вышел из печати третий выпуск «Статей и материалов по болгарской диалектологии СССР». Сдал в печать IX том «Ученых записок Института славяноведения», большая часть которых посвящена изучению старославянского языка. На днях сдал второй выпуск «Ученых записок» кафедры. Все время идут различные споры вокруг нашего плана по сравнительной грамматике славянских языков. У многих вызывает раздражение, что в плане нет больших сводных и обобщающих работ.

**30 марта.** Вышел журнал «Slavia». Горалек напечатал большую статью «Sovětská práce o periodisaci dějin bulharštiny»<sup>3</sup>, посвященную моей статье о периодизации истории болгарского языка. Сделал ряд критических замечаний. С некоторыми нужно согласиться. В первом номере «Вопросов языкознания» за 1953 г. напечатана заметка И. Буниной о прошлогоднем совещании по болгарской грамматике<sup>4</sup>. Сейчас пришла верстка «Кратких сообщений» № 10, в котором печатается стенограмма этого совещания<sup>5</sup>.

**2 апреля.** Вышел громовой приказ ректора об аспирантуре. Крепко попало и мне. «Предупредить профессоров Благого Д. Д., Гудзия Н. К., Бернштейна С. Б., Еголина А. М., Петерсона М. Н., Тимофеева Л. И., доцента Ожегова С. И., что если они не выправят дело с систематической и планомерной подготовкой аспирантов, с защитой диссертаций в срок, они будут лишены прав руководства аспирантами». Держу корректуру статьи «Славянские элементы в молдавском языке» – доклад, который читал в Кишиневе в декабре 1951 г. В Институте истории АН СССР много всяких изменений. Снят Греков и все его заместители<sup>6</sup>. Произойдут большие изменения в личном составе и тематике научно-исследовательской работы.

**16 апреля.** Сегодня писал докладную записку о необходимости издания этимологического словаря Ильинского и его же праславянской грамматики. Мне сообщили, что словарь совсем в сыром виде, а рукопись грамматики утеряна. Я попросил показать мне словарь. Рассматривая словарь, который оказался далеко не сырым, я обнаружил, что он составлен на черновой рукописи грамматики. Таким образом, грамматика найдена. Задача теперь состоит в том, чтобы подготовить ее к печати и издать. При всех ее недостатках, издание ее будет делом полезным<sup>7</sup>.

**21 апреля.** Сегодня декан предложил мне возглавить Комиссию по истории филологической науки в Московском университете. К юбилею (начало 1955 г.) мы должны уже выпустить из печати этот труд<sup>8</sup>. До сих пор во главе комиссии стоял Гудзий, но он ничего не делал и фактически провалил все дело. Пока я еще не дал согласия.

**27 апреля.** Получил из Софии от академика Георгиева статью о периодизации истории болгарского языка. Вся статья построена на моих работах. Однако в статье много спорного. Сразу чувствуется, что автор не специалист по болгарскому языку. Бородич подготовила плохой доклад к болгарскому совещанию. Поэтому решил перенести совещание по болгарской грамматике на октябрь месяц.

**31 мая.** Пошел в набор мой болгарско-русский словарь. Пока пошло только до буквы И. В конце месяца все остальное. Нужно еще закончить краткий грамматический очерк. В конце июня пойдут первые гранки. Вышел из печати четвертый выпуск «Статей и материалов по болгарской диалектологии СССР» и десятый выпуск «Кратких сообщений Института славяноведения», в котором напечатана стенограмма прошлогоднего совещания по болгарской грамматике. Думаю этим летом немного поездить по стране. Путешествие – лучший отдых.

**14 июня.** Неожиданно пришли первые гранки словаря. Одно находит на другое. Буквально нет свободной минуты. Ко всему еще экзамены. Вчера весь день сидел на государственных экзаменах.

**30 июня.** Закончился учебный год. Прошел тяжело. В новом (1953/54) учебном году буду читать историю болгарского языка и сравнительную грамматику славянских языков. Дело идет к ликвидации Института славяноведения. Теперь, кажется, уже нет смысла в его существовании. Вышел, наконец, из печати молдавский сборник. В нем напечатана моя статья «Славянские элементы в молдавском языке»<sup>9</sup>.

**17 августа.** 15 августа вернулся из очень интересной и содержательной поездки в Западную Украину. Хорошо познакомился со Львовом. Прекрасный город. Много старинных зданий, костелов, церквей. Чудесные парки. Воспоминания о Стрыйском парке останутся на всю жизнь. Превосходное кладбище. Нашел могилы Гертнера, Огоновского, Головацкого (склеп) и др. Мало в городе музеев, и они плохи. Совсем плох университет. Фактически нет ни одного лингвиста. Был еще в Стрые, Дрогобыче, Бориславе, Трускавце. Ездил в Карпаты на скалы Довбыша (возле села Уричи). Очень красивые места. Полным ходом набирается словарь. Скоро будет весь набран. Получено 13 листов верстки.

**1 сентября.** Сегодня начался новый учебный год. Вчера выступал перед первокурсниками. Сегодня был на торжественном митинге на Ленинских горах в связи с открытием нового здания университета<sup>10</sup>. В этом году буду читать сравнительную грамматику славянских языков и историю болгарского языка. К весне подготовлю хрестоматию по истории болгарского языка. Кроме текстов нужно дать основательный комментарий и словарь.

**19 октября.** Идет подготовка к выборам в Академию наук. По Отделению языка и литературы дали только места для членов-корреспондентов, несмотря на то, что за последние годы умерли несколько академиков. Впервые за все существование Академии в ее составе не будет академиков по русской литературе и славянской филологии. В члены-корреспонденты по языкознанию (на одно место) выдви-

гают Аванесова, Кузнецова, Борковского, Серебренникова. Говорят, что наиболее вероятно избрание Борковского. Следовало бы, конечно, избрать Аванесова. Полным ходом идет издание словаря. Гранки уже прошли. Прошло 34 листа верстки. Предполагают 10 ноября подписать к печати.

**21 октября.** Прошла верстка словаря. Однако до сих пор словарь еще не печатается. Сегодня утвердил обложку сборника «Славянская филология», который выходит в издании МГУ. Написал очерк о Щепкине. Дважды докладывал. Сейчас идут выборы в академики и члены-корреспонденты. По нашему Отделению для академиков мест не дали. Членом-корреспондентом избрали Серебренникова. Это вызвало всеобщее удивление.

**23 октября.** Сегодня прошли выборы. В академики прошел М. Н. Тихомиров. Это, кажется, всеми одобряется. В члены-корреспонденты провалились Третьяков и Сидоров. Провалились даже при повторном голосовании. Это должно заставить Петра Николаевича [Третьякова] серьезно задуматься. Все время занят чепухой, а для серьезной работы времени не остается. Единогласно провалили Арциховского. Странно!

Филологи в обиде. Выборы прошли подчеркнуто в антифилологическом духе. Не дали ни одного места для академиков, для лингвистов дали одно место члена-корреспондента, на которое избрали Серебренникова. А ведь были сильные кандидаты (Аванесов, Кузнецов). Очень интересно, чем вызван такой антифилологизм. Думаю, что наверху недовольны нашей работой, деятельностью Виноградова. Действительно, работа идет плохо. Виноградов на посту руководителя окончательно скомпрометировал себя.

Вот уже десять лет веду записи в эту книгу<sup>11</sup>. Жаль, что все мои дневники и записи погибли. Они содержали в себе много интересного для истории науки.

**28 октября.** Вновь встал вопрос об учебнике по сравнительной грамматике славянских языков. Учпедгиз настаивает. Нужен учебник. Но что делать? Правда, у меня есть собственные записи всех лекций, прошлогодние стенограммы всего курса. Однако, несмотря на все это, для подготовки всего учебника потребуется очень много времени. А свободного времени нет. К середине 1954 г. я должен подготовить к печати монографию «Творительный падеж в славянских языках». Есть еще ряд других работ. Нужно подумать. Может быть, подготовить первый выпуск (введение и фонетику). Но и этот выпуск возьмет много времени.

**15 ноября.** Последнее время все больше и больше отхожу от своих болгарских интересов. Перетягивают на сравнительную грамматику. Должен сказать, что это противоречит моим интересам. Я прежде всего болгаровед, а уж затем все другое (славист-сравнитель, историк науки и т. д.). В Институте же настроение определенно антиболгаристское. Все их планы на длительный срок связаны со сравнительной грамматикой. На днях получил письмо от Теодорова-Балана. Завтра начинаем предварительное обсуждение докладов по болгарской грамматике. Второе совещание состоится 7–9 декабря.

**22 ноября.** Рукопись сборника «Вопросы сравнительно-исторического метода и славянское языкознание» (вып. 1)<sup>12</sup> в свое время издательство Академии наук направило на отзыв Виноградову. Только на днях он написал отзыв (положительный). Моя статья ему особенно понравилась, и он попросил дать ему ее для «Вопросов языкознания». Я дал согласие. Решил, однако, для журнала немного ее по-

полнить. Задерживается работа над первой главой книги «Творительный падеж в славянских языках», которую я должен закончить к 20 декабря.

26 ноября. Вышел проспект «Очерков по истории языкознания в СССР». Составлен неудачно. Совсем не отражены вопросы праславянского языка. Почти не отражены труды по сравнительной грамматике славянских языков.

29 ноября. Идут чистые листы словаря. В середине декабря выйдет в свет. Сегодня закончил статью для второго номера «Вопросов языкознания», посвященную сравнительной грамматике славянских языков<sup>13</sup>. К концу декабря должен сдать главу из книги «Творительный падеж в славянских языках». М. В. Щепкина прочитала мою рукопись о ее отце. Очерк ей понравился. Сделала несколько несущественных дополнений.

6 декабря. Завтра начинается совещание по вопросам болгарской грамматики. Будут стоять три доклада – Матусевич о произношении согласных в болгарском литературном языке, Бородич об употреблении времен и Маслова о болгарском виде. Совещание должно было быть еще в мае, но пришлось перенести, так как первый вариант доклада Бородич был очень плохой.

10 декабря. Вчера закончилось совещание по болгарской грамматике. Прошло удачно. Кроме намеченных состоялся еще доклад Чешко об употреблении предлога *с* (*със*). Доклады (кроме доклада Бородич) прошли удачно. Доклад Бородич вызвал серьезные возражения. Боюсь, что в наших «Основных вопросах болгарской грамматики» не будет раздела о временах. Вчера вечером в университете удачно прошла защита докторской диссертации Бородич о видовых отношениях старославянского глагола<sup>14</sup>. Последний месяц вновь начали ходить слухи о реорганизации Института славяноведения. Однако все эти разговоры неосновательны. Как будто решено сохранить Институт в прежнем виде.

21 декабря. Вышел сигнал болгарско-русского словаря. Обещают через несколько дней дать авторские экземпляры. Завтра исполняется Мише восемнадцать лет. Сегодня послал ему поздравительную телеграмму. В «Известиях» появилась резко отрицательная рецензия на морфологию русского языка, изданную университетом<sup>15</sup>. Основной удар направлен против Виноградова. Очень резкие отзывы о статьях Галкиной и Ломтева. Дуня даже заболела.

30 декабря. Словарь уже вышел и продается в магазинах<sup>16</sup>. Сегодня на Ученом совете Института славяноведения делал доклад о работе сектора и задачах в области сравнительной грамматики славянских языков. Заседание прошло удовлетворительно. Выступления историков были доброжелательными. В болгарских газетах напечатано сообщение о нашем совещании по болгарской грамматике и о присуждении Бородич ученой степени доктора филологических наук за диссертацию о видовой системе староболгарского глагола.

31 декабря. Через несколько часов закончится 1953 год. В этом году, наконец, был закончен и выпущен в свет болгарско-русский словарь, который отнял много сил и времени. Написал несколько статей, работал (мало) над учебным пособием по сравнительной грамматике славянских языков, руководил коллективом, работающим над исследованием о творительном падеже в славянских языках. Много писал всяких отзывов. Работал в течение всего года много, но все время ощущаю чувство неудовлетворенности. Хочется работать над одним, большим... Как хорошо было бы все бросить и засесть за монографию по истории болгарского языка. Но сие от нас не зависит. Большую часть времени 1954 г.

съест творительный падеж. Кое-что сделаю для своего пособия по сравнительной грамматике, напишу несколько статей. Уже в конце января должен сдать статью «Лингвистическая география и сравнительная грамматика»<sup>17</sup> для сборника статей, посвященного вопросам сравнительно-исторического языкознания, написать отзыв на диссертацию о сложных словах в молдавском языке. Много времени уйдет в 1954 г. на работу с аспирантами. В этом году должны защитить диссертации 4–5 моих аспирантов. Много потрачу времени на издательские дела. Пойдет в набор Атлас болгарских говоров, том ученых записок, несколько различных изданий. Затем вместе с Будаговым [буду вести] подготовку сборника в память Сергиевского<sup>18</sup>. И на это придется потратить очень много времени. Планов много, но все, в общем, мелкие. В этом беда. Правда, не только моя беда. От мелочей все страшно страдает.

### Примечания

- <sup>1</sup> Этот год дается по оригиналу рукописи черногого дневника С. Б. Б.
- <sup>2</sup> Грамматика русского языка / Под ред. акад. В. В. Виноградова. М., 1952. Ч. 1. Удостоена Сталинской премии.
- <sup>3</sup> *Horalek K.* Sovětská práce o periodisaci dějin bulharštiny // *Slavia*. 1952. № 1. S. 50–62.
- <sup>4</sup> *Бунина И.* Обсуждение основных вопросов болгарской грамматики // *Вопросы языкознания*. 1953. № 1. С. 155–157.
- <sup>5</sup> Краткие сообщения Института славяноведения. 1953. Вып. 10.
- <sup>6</sup> В 1950–1953 гг. деятельность возглавляемого Б. Д. Грековым Института истории АН СССР подвергалась серьезной критике. В 1950 г. его критиковали за состояние дел с подготовкой кадров и выполнением плановых работ, потом – за работу филиала ЛОИИ, в 1952 г. – за ошибки при освещении национальных проблем и пр. В апреле 1953 г. последовало снятие Грекова с поста директора Института истории АН СССР. Подробнее см.: *Горская Н. А.* Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 175–181.
- <sup>7</sup> Первое издание «Праславянской грамматики» Г. А. Ильинского увидело свет в 1916 г. в Нежине. В 20–30-х годах ученый работал над вторым изданием книги, которое не было опубликовано. Остался в рукописи также этимологический словарь, подготовленный Г. А. Ильинским.
- <sup>8</sup> См.: *История Московского университета*. М., 1955. Т. 1.
- <sup>9</sup> Имеется в виду сб. «Вопросы молдавского языкознания». М., 1953.
- <sup>10</sup> Высотное здание университета на Ленинских (Воробьевых) горах было построено в 1949–1953 гг. по проекту архитекторов Л. В. Руднева, С. Е. Чернышева, П. В. Абросимова, В. Н. Насонова. В нем расположены ректорат, некоторые факультеты, музеи, научная библиотека и клуб, общежития.
- <sup>11</sup> Речь идет об «амбарной книге», в которой С. Б. Б. вел дневниковые записи в 1943–1959 гг.
- <sup>12</sup> Сборник в свет не вышел.
- <sup>13</sup> *Бернштейн С. Б.* Основные задачи и принципы «Сравнительной грамматики славянских языков» // *Вопросы языкознания*. 1954. № 2. С. 49–67.
- <sup>14</sup> *Бородич В. В.* Видовые отношения старославянского глагола. Автореферат дисс. ... докт. филол. наук. М., 1953. 31 с.
- <sup>15</sup> *Прянишников И.* Недостатки важного пособия. Рец. на кн.: Современный русский язык. Морфология. М., 1952 // *Известия*. 1953. 18 дек.
- <sup>16</sup> *Бернштейн С. Б.* Болгарско-русский словарь. Около 45 000 слов. М., 1953. 851 с.
- <sup>17</sup> Статья не была опубликована.
- <sup>18</sup> Сборник статей по языкознанию: Памяти заслуженного деятеля науки профессора М. В. Сергиевского. М., 1961.

## 1954

**18 января.** Много лет в университетском издательстве лежит рукопись сборника, посвященного памяти М. В. Сергиевского<sup>1</sup>. Наконец издательство проявило интерес к сборнику. Обещают выпустить из печати. Роздал всем авторам их статьи для обновления. В свою статью «Труды М. В. Сергиевского в области балкановедения» внес ряд дополнений, кое-что вычеркнул. Приступил к редактированию очередного сборника кафедры «Славянская филология»<sup>2</sup>.

**24 января.** Написал отзыв на кандидатскую диссертацию Перевой о сложных словах в молдавском языке<sup>3</sup>. Диссертация слабая. Отзыв получился с перцем. Незаметно для себя постепенно привыкаю к термину *молдавский язык*. Прежде я решительно избегал им пользоваться. По существу никаких изменений в моем представлении о румынском языке не произошло. Различие между румынским и молдавским языками только графическое. Молдаване могли бы создать свой литературный язык на основе бессарабских говоров, но на это они не пойдут. И для них престижным является бухарестское произношение.

**30 января.** Перева на защите провалилась. Она не смогла опровергнуть ни одного из моих критических замечаний, беспомощно отвечала на вопросы присутствующих. Семь членов Ученого совета голосовали против, пять за. В № 11 журнала «Вопросы истории» опубликована статья П. Н. Третьякова «О происхождении славян». После лингвистической дискуссии он вместе с марристами отказался от своих взглядов, но отказался лишь на словах. Фактически новая статья написана с позиций нового учения о языке. У нас произошла «горячая» беседа.

**31 января.** В конце концов [текст] для «Истории Московского университета»<sup>4</sup> пришлось писать мне (речь идет об истории языкознания до 1917 г.). Должен был написать эту статью Петерсон, но из этого ничего не вышло. Теперь Петерсон еще и заболел. Получаю письма с благоприятными отзывами о моем новом болгарско-русском словаре<sup>5</sup>. Есть и критические замечания. Главное – много турцизмов. Однако это реальность. Я их не брал из турецких источников. Они реально существовали и существуют в языке Вазова, Славейкова, Константинова, даже многих современных авторов. Я в словаре стремился отразить реальность, с которой нужно считаться. Вышла из печати историческая морфология русского языка П. С. Кузнецова<sup>6</sup>. Слабое сочинение. Петр Саввич не понимает, что русскую историческую морфологию в полном отрыве от синтаксиса давать нельзя. Это, вероятно, можно осуществить в описании языка синтагматической структуры (ср. английский язык). В языке парадигматической структуры историю падежной системы давать вне синтаксиса невозможно. Кроме того, мало собственного материала, встречаются ошибки. Сегодня получил за подписью ректора Венского университета и декана философского факультета приглашение приехать в Вену на заседание, посвященное памяти И. В. Ягича. Заседание состоится 31 марта этого года.

**5 февраля.** Работаю над разделами истории языкознания для двухтомной истории Московского университета. Читаю корректуры разных публикаций.

**20 февраля.** Поднят вопрос о необходимости реорганизации славянского отделения. Вопреки всем прогнозам Кафтанова возникли трудности в распределении выпускников нашего отделения на работу. Нет заявок! В 1943 г. Кафтанов утверждал, что скоро потребуются тысячи (!) славистов<sup>7</sup>. Прошло только одиннадцать лет, и было четыре выпуска, и вот – мест нет! Способных принимаем в аспирантуру, удовлетворили небольшой спрос на библиотекарей, в разные учреждения, и все. В высших инстанциях предполагали какое-то особое использование наших выпускников. Этого не получилось, и вот теперь мы должны думать о трудоустройстве молодых славистов. В среду на заседании Ученого совета должен делать доклад об этом. Предлагаю усилить подготовку в области русского языка и литературы с тем, чтобы слависты имели право преподавать русскую словесность в школе. Это, конечно, снизит уровень их специальной славистической подготовки, но другого выхода не вижу. Хлопочу о заграничной командировке в Чехословакию для Широковой и Кондрашова. Пока сталкиваюсь с упорным сопротивлением.

**24 февраля.** Впервые прочитал «Слово о полку Игореве» медленно, останавливаясь почти на каждой строке. Все это убедило меня в том, что это произведение не могло быть написано в XVIII в. Основание – автор «Слова», конечно, по вероисповеданию был уже христианин. Но по всей системе своих поэтических образов, по поэтическому мировоззрению был в плену язычества. Это могло быть в XII в., но не в XVIII в той социальной среде, в которой создавалась древнерусская литература. Случайно сохранился один список. Конечно, подобных произведений было много, но официальная церковь истребляла их. Нет сомнений, что на пирах у Киевского князя, вопреки санкции церкви, пелись аналогичные произведения, посвященные более важным событиям, нежели поход Игоря. Сравнительно легко было заменить языческий культ христианским, но очень трудно было освободить русского человека XII в. от языческих представлений о мире, от всей поэтики язычества. В крестьянской среде некоторых районов России пережитки язычества сохранялись до нашего времени.

**15 марта.** Сохранилась в памяти беседа с Н. С. Державиным в гостинице «Москва» в 1944 г.<sup>8</sup> Державин сказал: «Ваш учитель Селищев в казанский период своей деятельности был болгарофобом. На такой позиции он стоял, когда писал рецензию на мою книгу “Болгарско-сербские взаимоотношения и македонский вопрос”<sup>9</sup>. Рецензия написана с позиции сербофила. Позже он стал защитником болгарской каузы, так как захотел воспользоваться издательскими возможностями Болгарской Академии наук». Через некоторое время я принес с собой текст рецензии и без труда показал, что в ней нет ничего антиболгарского. Конечно, в связи с этим пришлось затронуть некоторые положения книги Державина. Старик надулся как индюк. Непременно нужно написать книжку о Селищеве. Это моя священная обязанность<sup>10</sup>.

**18 марта.** Зайчиха стремительно убегает от преследующих ее самцов. Она отдается победителю. Конечно, думаем мы высокомерно, зайчиха не понимает, что ею руководят силы природы: потомство должно бегать быстро. Однако и мы недалеко ушли от зайчихи. Многие наши действия имеют высокие цели, о которых мы и понятия не имеем. Мы не только экспериментаторы, но и объекты каких-то экспериментов.

20 марта. Близость славянских языков поразительна. Она настолько очевидна, что легко обнаруживается лицами, не имеющими никакой лингвистической подготовки. Однако при серьезном изучении чужого славянского языка, например, русским или поляком возникают трудности, аналогичные тем, с которыми встречается славянин при изучении, скажем, английского или турецкого языков. На первых порах студент-славист в любой славянской стране имеет неоспоримое преимущество перед студентом-германистом или тюркологом. Однако это преимущество скоро утрачивается. Если говорить о словарном составе, то это объясняется различиями в значении общих слов, различным набором их семантических признаков, различной иерархией этих признаков, различными сферами их употребления, связанными с различными жанровыми и стилистическими условиями.

25 марта. Закончила свою деятельность секция историко-филологических наук Комитета по присуждению Сталинских премий<sup>11</sup>. Нам сообщили, что мы должны написать не только свои рекомендации отдельным трудам, но и составить записку о положении языкознания в нашей стране. Записку будет составлять Виноградов. Членам языковедческой подсекции поручено в письменном виде свои соображения передать Виноградову. Сегодня я отправил Виноградову письмо следующего содержания: «Глубокоуважаемый Виктор Владимирович! Виктор Петрович Сухотин сообщил мне сегодня, что члены нашей подсекции должны сообщить Вам свои соображения о состоянии языкознания для общей докладной записки. Достижения нашего языкознания после дискуссии бесспорны и хорошо известны. Писать о них нет оснований. Хочу написать о недостатках. Думаю, что в докладной записке нужно написать о следующих теневых сторонах нашей науки. Недостатки планирования. Многие наши языковеды работают над одними и теми же темами. Большое место занимает подготовка статей для коллективных сборников. В результате публикуется много сборников и мало серьезных исследований. Слишком много внимания уделяется изучению языка писателя. На эту тему на филологическом факультете МГУ защищается много никому не нужных диссертаций<sup>12</sup>. Полагаю, что в центре внимания должны стоять проблемы исторической грамматики и сравнительного языкознания. Имеются серьезные пробелы в подготовке аспирантов. Большинство аспирантов занимается изучением языка писателя, вопросами стилистики. В аспирантуре они не получают подготовки для самостоятельной научной и педагогической деятельности. С уважением...».

4 апреля. Вчера состоялось заседание Главной редакции БСЭ, посвященное статье «Караджич». Эта статья вызвала протест группы югославов, живущих в Москве. В статье говорится об австрофильстве Караджича<sup>13</sup>. Виноградову и мне пришлось давать длительные объяснения. Все закончилось благополучно. Никто не хотел раздувать дело. Решено исправить неловкость в статье, посвященной истории сербской литературы<sup>14</sup>.

9 апреля. Вчера получил письмо из Болгарии от академика Георгиева, который благодарит меня за присланный словарь и пишет, что «это действительно лучший труд в этой области, который заполняет чувствительную лауну, существовавшую до сих пор». У меня нет никакой уверенности, что написано все это искренне. Определить качество словаря очень трудно. Для этого нужно время.

17 апреля. Вышел из печати второй номер журнала «Вопросы языкознания». В нем напечатана моя статья, посвященная предстоящей работе над срав-



нительной грамматикой славянских языков<sup>15</sup>. Может быть, на страницах журнала начнется дискуссия!

**22 апреля.** Сегодня умер профессор Смирницкий. Это был талантливый неудачник. Много было ярких идей, но [он] не владел завершающей стадией научного труда. Может быть и не было подлинной любви к своим научным занятиям. Много уделял внимания совсем посторонним делам. Мне кажется, что Смирницкий ошибся в выборе специальности. Он должен был быть инженером. Еще был большой недостаток: он жил только настоящим<sup>16</sup>. Ученому мало таланта и трудолюбия. Он непременно должен жить будущим. Без этого нет науки.

**1 мая.** Родной язык – это больше, чем язык. Это культура, окружающий мир, нравственность, любовь... Язык, на котором ты произнес свои первые слова, это твоя сущность, ты сам, твой мир. Он должен тебя сопровождать всю жизнь, это твое дело, твоя голова, твой разум. Когда коречат твой родной язык, коречат твоё тело, твою плоть. Можно научиться говорить на чужом языке, но нельзя чужой язык сделать родным. Жизнь в чужой языковой среде (все равно, в Грузии или в Китае) опасна для развития нравственности. Творить можно только на родном языке. Это отлично понимал Тургенев. Опыт Бруно Ясенского (польский, французский<sup>17</sup>, русский языки) – свидетельство глубокой безнравственности. Ничего значительного его опыт дать не мог ни в интеллектуальном, ни в нравственном отношении.

**15 мая.** Вспоминал с Владимиром Николаевичем Сидоровым наш факультет 20-х годов. Почему-то выбрали фигуру Орлова. Помесь ученого с шутком гороховым. В мои студенческие годы он лекций не читал, так как древней русской литературой на факультете распоряжался академик М. Н. Сперанский, а он к Орлову относился резко отрицательно. На факультете при декане Волгине играл роль «чего изволите?». Был заместителем декана, был организатором и участником вступительных экзаменов в университет, выполнял различного рода мелкие поручения. Вступительный экзамен в университет я сдавал именно ему. Помню, его удивило мое знание творчества второстепенных русских писателей (например, Загоскина). Самым любимым делом Орлова [было] рассказывать студентам похабные анекдоты. Этим он привлекал к себе некоторую часть студенчества. Положение Орлова на факультете серьезно пошатнулось, когда Волгин переехал в Ленинград в 1930 г. в связи с избранием в должность неперменного секретаря Академии наук. Новый декан С. Моносов не скрывал своего отрицательного отношения к Орлову. Вскоре Орлов уехал в Ленинград, что вызвало удивление, так как Александр Сергеевич был не только коренным москвичом, но и большим патриотом Первопрестольной. Всеобщее удивление вызвало избрание Орлова в действительные члены Академии. По этому поводу даже сочиняли анекдоты. Весной 1933 г. я переехал в Ленинград, где имел возможность часто встречаться с Орловым. Меня поразило, что в Ленинграде в Орлове многие видели крупного ученого, труды которого якобы составили целую эпоху в русской науке. С большим успехом он здесь читал общий курс истории древней русской литературы. Даже внешне он в Ленинграде преобразился. Конечно, не стал красавцем, но появились вальяжность, степенность, осанка... Чувствовал он себя в Ленинграде прекрасно, уверенно, выполнял ответственные поручения Президиума Академии наук. Однако по-прежнему любил всякую похабщину. Теперь его любимой темой было ленинградское произношение, которого он органически не

выносил. Сам он был носителем старого московского произношения с уклоном в московское просторечье. По инициативе Волгина было решено издать сборник в честь Орлова. Круглой даты не было. Решили издать сборник по поводу сорокалетия научной деятельности. В те годы издание сборника в честь ученого было событием чрезвычайным. Приглашение участвовать в сборнике получили многие московские филологи. Начались разного рода совещания и консультации. Помню, от Г. А. Ильинского я узнал, что Сперанский относится отрицательно к участию в сборнике. Сам он был значительно старше Орлова, но сборника в его честь издано не было. Вероятно, не желая обострять отношений со Сперанским, многие москвичи не послали своих статей. Так поступили С. К. Шамбинаго, Н. Н. Дурново, Ильинский и др. Послал статью Н. К. Гудзий, который не работал в университете и, таким образом, никак не зависел от Сперанского. Приняли участие в сборнике несколько московских специалистов по истории новой русской литературы (Б. В. Нейман, С. А. Богуславский, И. Н. Розанов и др.). Было полной неожиданностью участие в сборнике самого Сперанского, что до выхода сборника в свет тщательно скрывалось. Сперанский опубликовал статью «Забелинский отрывок Хронографа с Малалой». Опубликовал статью и ближайший ученик Сперанского профессор В. Ф. Ржига<sup>18</sup>. Ильинский был вне себя от злости. Владимир Николаевич Сидоров высоко оценивает вклад Орлова в науку. Главная заслуга Орлова – создание нового направления в изучении памятников древней русской литературы. Суть этого нового направления состояла в том, что Орлов в отличие от своих современников изучал древние памятники не только как филолог, но и как литературовед. Я возражал, указывая на низкий уровень филологического анализа, грубые ошибки, на общий и беспредметный характер его литературоведческих штудий.

20 мая. Многие актеры полагают, что для создания образа достаточно иметь грим и костюм. Однако значительно важнее овладеть пластикой образа, движением, походкой, жестикуляцией, интонацией. Только пластика образа вскрывает социальную природу, национальные особенности. Например, не владел особенностями походки английского аристократа Массальский. Ноздрев Ливанова фальшив, так как актер изобразил не шумного кутилу, дворянина, а цыгана из табора. Было удивительно этого цыгана видеть на балу у губернатора. Умнее и ярче этот образ вылепил Москвин. Большая неудача постигла Ливанова в образе горьковского Булычева. Актер создал образ из кусочков профессора, адвоката, преуспевающего промышленника. Походка, жесты, интонация – все было фальшивым. Совсем иначе этот образ вылепил в том же театре Лукьянов. Здесь был дан цельный образ капиталиста, отец которого был плотогоном. Во МХАТе был выдающийся актер Хмелев, который в совершенстве владел социальной пластикой образа. В каждой роли (дворника из «Горячего сердца», Алексея Турбина, князя из «Дядюшкина сна», Каренина, Беликова и многих других) Хмелев был предельно достоверен во всем.

5 июня. Получил небольшое письмо из Софии от Райны Михайловны Кандевой. Спрашивает – почему я не приезжаю в Болгарию? «Когда мы жили с тобой в Одессе, как ты мечтал побывать в Софии, поехать по стране. Я могу организовать тебе приглашение через Комитет болгаро-советской дружбы». Сегодня я ответил ей. Написал, что в 1955 г. приеду в Болгарию на целый месяц. Письмо вызвало в памяти много событий, связанных с жизнью в Одессе в 1935–1939 гг.

В те годы я заведовал кафедрой болгарского языка и литературы<sup>19</sup>. По языку главным моим помощником была Кандева. У нее был большой опыт преподавания болгарского языка в средней школе в Болгарии и в приазовском селе Преслав. С молодых лет она мужественно шла по дороге революционера. Ее партийный стаж начался в 1903 г. и все время в рядах тесняков. Ее муж Ламби Кандев был одним из руководителей партии, близким человеком Благоева. Тесно связана с Благоевым была и Райна Михайловна. Опубликована переписка Кандева с Благоевым<sup>20</sup>. Во время своей жизни в Одессе я вечерами посещал только Кандеву. С коренными одесситами личного контакта у меня не было. Кандева жила на Садовой улице в небольшом доме возле почтамта. Обычно собирались у Кандевой вечером в субботу. Приходило всегда несколько человек. В те годы в Одессе жило много эмигрантов. Я с большой пользой для себя купался в живой болгарской речи, узнавал много интересных фактов из политической жизни Болгарии начала века. Угощение было самым простецким – на столе стоял большой кувшин дешевого кислого вина, пить которое я не мог. Другие гости пили его с видимым удовольствием. Когда кончалось вино, Варя (русская воспитанница Кандевой) приносила новую порцию.

Время было суровое. Поэтому явления советской жизни, актуальные вопросы политики не обсуждались, так как среди гостей могли быть люди разных нравственных принципов. В 1937–1938 гг. это подтвердилось. Обсуждались лишь события внутренней болгарской жизни. Конечно, редкая встреча обходилась без обсуждения македонского вопроса. В те годы Болгарская коммунистическая партия защищала лозунг «Македония для македонцев». Практически это значило [признание того, что] славянское население Македонии в огромном своем большинстве составляет самостоятельную славянскую нацию со своим языком и со своей культурой. В несколько иной формулировке защищал его и я. Главный редактор БСЭ Ф. Н. Петров<sup>21</sup> по рекомендации В. П. Коларова заказал статью «Македонский язык» мне. Она была опубликована в 37 томе БСЭ в 1938 г.<sup>22</sup> Гости Кандевой этот вопрос решали по-разному. Скоро я заметил одну закономерность. Выходцы из Софии и из северо-западных районов Болгарии (Враца, Видин, Лом и т. д.) убежденно защищали партийную точку зрения. Более того, остро чувствовалось неприязненное отношение этих болгар к македонцам. Они любили рассказывать анекдоты, в которых македонцы всегда выглядели неприглядно. На этой почве порой возникали очень опасные ситуации, которые легко могли перейти в драку. Однако Кандева вовремя умела тушить пожар, и при мне дело до драки не доходило. Остро против официальной позиции партии в македонском вопросе выступали болгары из различных городов Восточной Болгарии (Шумена, Варны, Анхиало, Бургаса и т. д.). Сперва я не понимал причины такой ориентации. Кандева мне объяснила. Все эти восточные болгары по своему происхождению выходцы из Македонии. Официальная позиция партии превращает их во второсортных болгар. Страстно против лозунга «Македония для македонцев» выступал Ризов, представитель знаменитой македонской семьи. Кандева редко принимала участие в этих спорах. Она считала, что в будущем Македония должна быть самостоятельной республикой в южнославянской федерации. По ее словам, так думал и сам Благоев.

Кандева пользовалась большим авторитетом и даже любовью у студентов. Всем им она была родной матерью. Не пощадил ее 1938 год. В самом начале года

она была арестована, в тюрьме прошла через тяжелые испытания. Была освобождена в мае 1938 г. Летом 1938 г. в связи с ликвидацией болгарского сектора в педагогическом институте переехала в Москву. В Москве встречались редко. Она работала в Радиокомитете, была диктором болгарских передач.

Еще во время войны началась работа над русско-болгарским словарем<sup>23</sup>. Составителем словаря был И. Г. Кара-Иванов, я был редактором. Составитель был очень занят, часто куда-то исчезал. Тогда я обратился к Кандевой с просьбой войти в состав авторской группы. Она решительно отказалась: «Заедно с мръсника Кара-Иванов не мога да работя»\*. Позже я узнал, в чем причина такой неприязни. У Кара-Иванова была сестра Невена Генчева, с которой Кандева работала в Преславе. В 1936 г. Генчева была арестована. Кандева поехала в Москву, где пыталась организовать защиту Генчевой. Кара-Иванов отказался помочь и больше всего боялся, чтобы на него не пала тень.

Вскоре после завершения войны Кандева уехала на родину. За несколько дней до отъезда была у меня. Долго вспоминали нашу совместную работу в Одессе. Воспитанница Варя вышла замуж за Кочева, который учился у нас на болгарском секторе. Сейчас живет на Украине, счастлива. Вот и все о Кандевой, женщине сильного характера и мощного духа. Ничто не могло ее сломить. Она принадлежит к тем людям, которые способны на героические поступки. С большой радостью встречу с ней в Софии.

7 июня. В конце мая исполнилось 20 лет со дня защиты мною кандидатской диссертации. Я уже писал об этом<sup>24</sup>. Очень гордился своим приемом, с помощью которого эффектно положил своего оппонента М. Г. Долобко на обе лопатки. Теперь жалею об этом. В молодые годы любил производить впечатление. Милий Герасимович, может быть, и недостоин жалости, но это не меняет положения.

12 июня. Вчера переехал на дачу. В этом году снял дачу на берегу Клязьминского водохранилища. На Олю напала целая стая комаров. От их укусов ее не спасали никакие жидкости. Меня эти зловредные насекомые не трогают. Странно! Планирую это лето провести на природе без книг. Купил байдарку.

24 июня. Тщательно проанализировал деятельность Виноградова за последние четыре года. После дискуссии он получил большие возможности хорошо организовать нашу лингвистическую жизнь, прекратить бесплодные споры, обратить внимание на подготовку молодых специалистов. Однако ни профессионально, ни нравственно он не был готов для этого. Случайная фигура оказалась на месте руководителя. Вся беда в том, что нет другого человека, который мог бы заменить Виноградова. Печально!

15 июля. Стоит отличная погода. Много купаюсь, плаваю на байдарке, ужу рыбу... Мне во всем помогает И. В. Дорба, переводчик с украинского языка на русский. Он со своей женой Александрой [Петровной] Рябининой<sup>25</sup> живет в одном доме со мной. Рябинина – зав. редакцией национальных литератур в Издательстве художественной литературы. От нее многое зависит. Это видно по тому, как часто ее навещают писатели из различных республик, и всегда с богатыми дарами. Вчера Рябинину посетил генерал А. А. Игнатьев с женой. Провел у нее целый день. Еще утром я с Дорбой принес корзину грибов (главным образом подосиновиков). Генерал облачился в костюм повара и приготовил из этих грибов

\* Вместе с негодем Кара-Ивановым я не могу работать (болг.).

отличное блюдо. Разговоры не выходили за границу кулинарии. В этой области он великий мастер. Жена его молчала<sup>26</sup>.

**1 августа.** Давно уже не получал такого удовольствия от лета. Много плаваю, рано утром стою с удочкой по колена в воде, совершаю прогулки по лесу, гребу на байдарке. Дорба отличный спутник. Он инициатор многих походов. Прекрасно загорел. Давно этого уже не было со мной. Мне кажется, что я вернулся в детство.

**20 августа.** Вчера весь день у меня на даче провел Слава Иллич-Свитыч. Много гуляли, наслаждались природой, но одновременно много говорили по специальным вопросам. Он всесторонне одарен. Прекрасно разбирается в самых сложных вопросах сравнительной грамматики. Знает много языков. Боюсь, что мне не удастся удержать его в славянском и балтийском языкознании. Постепенно у него созревает потребность выйти за пределы не только славянского, но и индоевропейского языкознания. Последнее время его начали беспокоить общие элементы в различных языках Старого Света. Путь опасный. Сколько талантливых людей сломало себе шею на этом! Сделаю все, чтобы удержать его в славянском языкознании. Хватит ли сил!!!<sup>27</sup>

**22 августа.** Часто приезжает на дачу к Рябининой литературовед Яковлев. Настоящая его фамилия Хольцман. Во время авиационного налета на Москву осенью 1941 г. был сильно ранен, но теперь уже здоров. Малоинтересный человек. Все мысли вокруг нескольких тем, тем шаблонных.

**28 августа.** Уже в городе. Долго не забуду прошедшего лета. Оно чем-то напомнило мне летние дни детства.

**5 сентября.** Начался новый учебный год. В этом учебном году читаю историю сербского языка, специальный курс по истории славянских именных основ и веду занятия по турецкому языку для болгароведов. Буду работать над учебником «Очерк сравнительной грамматики славянских языков». Материал в основном собран, структура книги продумана. Хочу написать элементарный курс, но отвечающий современному состоянию науки.

**18 сентября.** Вышел из печати второй выпуск трудов кафедры «Славянская филология». Хорошо оформлен. Мало опечаток.

**25 сентября.** На днях в составе делегации Болгарской Академии наук в Москву приехал Вл. Георгиев. В день его приезда весь день провел с ним. Касались многих вопросов, но поверхностно. Он был заметно взволнован. Впечатление от Георгиева противоречивое. Сочетание серьезной учености и суетности. Но пока делать выводы рано. Очевидно одно – всеми средствами пытается понравиться.

**27 сентября.** Для БСЭ написал статью «Славянские языки»<sup>28</sup> и заметку «Селищев»<sup>29</sup>. Пришла корректура статьи «Польский язык»<sup>30</sup>.

**29 сентября.** Вчера в Институте Георгиев делал доклад на тему «Болгарское языкознание на новых путях». Слушатели были шокированы. Дело в том, что Георгиев прочитал свою статью на данную тему, уже опубликованную в венгерском журнале «Акта лингвистика»<sup>31</sup>. Все ее читали. Наши рассерженные болгаристы начали задавать вопросы с перцем, на которые докладчик отвечал плохо. Даже сделал несколько ошибок. Безо всяких церемоний его исправляли. Георгиеву было жарко. Показали болгарскому академику, что у нас выступать с докладом непросто. Нужно специально готовиться.

**3 октября.** Приступил к работе над новым изданием болгарско-русского словаря. Это будет не новое издание прежнего словаря, а совсем новый словарь, значительно большего объема<sup>32</sup>. Сегодня разбирал свой архив неопубликованных ра-

бот. За много лет их накопилось немало. Внимательно просмотрел рукопись «Македонский язык». Работу я завершил осенью 1947 г. Зимой она была набрана. Корректуру читал в марте 1948 г. В проспекте публикаций Академии наук она уже значилась. Я уехал в Киев в полной уверенности, что по возвращении увижу уже книгу. Однако все было иначе. Весной 1948 г. произошли известные югославские события<sup>33</sup>, которые закрыли возможность публикации книги. Набор был рассыпан. Я тяжело переживал это. Теперь положение изменилось. Думаю, что после основательной доработки рукопись можно будет опубликовать<sup>34</sup>. Конечно, приоритет утрачен. За эти годы опубликовано три грамматики.

17 октября. Я уже не один раз вспоминал о богатой библиотеке своего отца<sup>35</sup>. В ней можно было найти русские переводы Байрона и Шекспира, произведения Пушкина, Гоголя, Достоевского, Салтыкова-Щедрина (любимого писателя отца), знаменитую книгу Вайнингера «Пол и характер», произведения Фореля и Фрейда, «Никаких компромиссов» В. Либкнехта<sup>36</sup>, сочинения Струве, Булгакова, произведения Олара, Ключевского, Соловьева, политические брошюры всех возможных в России направлений, справочники, энциклопедии, атласы, учебники средней школы по всем наукам и т. д. До 1922 г. я был полновластным хозяином этого сокровища. Конечно, в те годы я не мог воспользоваться ее богатствами в полной мере. В конце 1922 г. все книги были сложены в семь длинных ящиков и следовали за нами до Верхнеудинска. Здесь, а позже в Чите, все книги хранились в этих ящиках. До 1925 г. все это богатство находилось рядом, но было недоступно. Осенью 1925 г. вместе с нами библиотека переехала в Александровск-на-Сахалине. Во время разгрузки (пароход стоял далеко на рейде) один ящик сорвался и скрылся в морской пучине. Осталось шесть ящиков, которые в первые же дни были вскрыты, и книги были расставлены по стеллажам. Я вновь стал хозяином большого сокровища, теперь уже более подготовленный для восприятия великих мыслей. К тому же рядом был отец. И он после большого перерыва погрузился в свое богатство. Так для меня продолжалось чтение до осени 1926 г., когда я покинул Александровск. Я остро чувствовал, что расстаюсь с библиотекой навсегда. Так оно и случилось. Последний день пребывания на Сахалине я уже не читал книг, а только гладил корешки. Отец прожил на Сахалине до 1928 г. Перед отъездом в Москву он официально передал все свое сокровище в местную библиотеку. О дальнейшей ее судьбе никаких сведений у меня нет.

20 октября. Все время думаю о необходимости начать коллективный труд «История болгарского языка»<sup>37</sup>. Речь идет, конечно, не о фундаментальном многотомном исследовании, а пока об одномтомном труде, лекционном курсе. Однако он должен принципиально отличаться от курса Мирчева<sup>38</sup>. В той или иной степени он должен отразить современный уровень науки. Я хочу пригласить для участия в работе Ю. С. Маслова, Е. В. Чешко и М. Г. Сенкевич. Маслову поручу весь глагол. Чешко – историю именного и местоименного склонения. Сенкевич – синтаксис. На себя возьму введение, историографию, фонетику и редактирование всей книги. Для успешного хода работы необходимо уже в 1956 г. начать составление картотеки. Трудно сейчас сказать, в какой степени нами будут привлечены еще неизданные рукописи. Основой картотеки будут являться примеры из изданных памятников и из исследований. В ноябре в Институте будет происходить совещание по вопросам плана будущей пятилетки. В самой общей форме я доложу о моем плане. Сегодня в кабинете ректора принимал чешских ученых во главе с Травничком. Пришлось произнести торжественную речь, вспоминать Шафарика и прочие древности<sup>39</sup>.

**22 октября.** Виноградов всегда был плохим человеком, злым и не очень умным. Все эти качества в последние годы получили благоприятные условия для дальнейшего развития. Теперь это просто законченный негодяй. Ему доставляет удовольствие мучить и унижать своих верных холоуев (Галкину, Ефимова, Ожегова и др.). Тяжело смотреть, как и Аванесов стал гнуть перед ним свою выю. Конечно, придет время, и Виноградова прогонят, но пока он сильно мешает нормальному развитию языкознания.

**30 октября.** На днях в Институте в присутствии Вл. Георгиева обсуждали вопрос о болгарских падежах. Чешко сделала очень интересный доклад, в котором ответила на ряд возражений русских и болгарских ученых. Выступление Георгиева было бледным. Хорошо видно, что проблемы грамматики далеки от него.

**1 ноября.** Приближается юбилей Остромирова Евангелия. На заседании Отделения литературы и языка я поставил вопрос о необходимости подготовки нового издания памятника. Меня поддержал Борковский, Виноградов задал мне ехидный вопрос: «Кто сейчас у нас способен выполнить эту работу?» Я назвал Жуковскую, Ходову. По лицу Виноградова пробежала сардоническая улыбка. После заседания Борковский обещал серьезно заняться этим вопросом. Надежды мало!<sup>40</sup>

**7 ноября.** В последнем номере журнала «Коммунист» напечатана статья о рецензиях в наших научных журналах<sup>41</sup>. Показано, что обычно вместо рецензий публикуют беззубые аннотации. Это справедливо. В первые годы после войны публиковались интересные рецензии. Однако постепенно они выродились. Для этого были свои причины. К сожалению, в статье «Коммуниста» эти причины не вскрыты. Поэтому пользы от статьи не будет. В последнем номере «Вопросов языкознания» опубликована скверная рецензия Ломтева на историческую морфологию Кузнецова<sup>42</sup>.

**8 ноября.** Для нового болгарско-русского словаря закончил составление буквы А. В опубликованном моем словаре буква А содержит 799 слов. В новом словаре их уже 1002. Из старого словаря исключено 69 слов. Таким образом, добавлено 272 слова. В конце ноября в Берлине состоится конференция славистов<sup>43</sup>. В делегацию включены Виноградов, Аванесов, Бархударов, Маслов и я. Однако позже были произведены изменения. Поедут Виноградов, Аванесов, Борковский, Поспелов и Кузнецов. Вероятно, в виде утешения, Третьяков сказал мне, что я поеду в Париж и в Рим. Должен сказать, что большого желания путешествовать по Европе у меня нет.

**20 ноября.** В Берлин ездили Виноградов, Борковский и Поспелов. Они представляли на конференции советскую славистику! Кажется, и другие делегации были на том же уровне.

**27 ноября.** Вышел из печати первый выпуск «Вопросов славянского языкознания»<sup>44</sup>. Оформлен в виде журнала. Может быть, родился новый журнал? В конце 1955 г. сдам второй выпуск. Кроме статей, следует в номере опубликовать серьезную рецензию. Рецензии определяют успех журнала.

**4 декабря.** Сегодня наконец пришли гранки брошюры о Щепкине<sup>45</sup>. Виноградов и К<sup>о</sup> делали доклады о Берлинской конференции славистов. Очевидно, что докладчики плохо поняли содержание большинства докладов, которые читались по-немецки. Я задал несколько вопросов по поводу отдельных докладов, но вразумительных ответов не получил. Виноградов отделался самыми общими замечаниями, а Борковский и Поспелов просто невыразительно мычали. На днях читал доклад о перспективном плане работы сектора на 1956–

1960 г. Решил начать подготовку новой серии учебников по славянскому языкознанию<sup>46</sup>. Речь идет об учебниках зарубежных славянских языков для студентов отделений русского языка и литературы. Они будут содержать краткую характеристику современных литературных языков, очерк исторической фонетики и морфологии и хрестоматию со словарем. Размер каждого учебника – 12–14 листов. Чешский язык будет писать Широкова, словацкий – Кондрашов, польский – Посвянская, болгарский – Бородич, македонский – Бернштейн, сербохорватский – Кузнецов, словенский – Толстой.

16 декабря. Неожиданно умер Сергей Николаевич Дурылин. В области русского театра это был выдающийся эрудит. В этом мне приходилось убеждаться не один раз. Однако природа не наделила его способностью самостоятельных суждений. Я никогда не доверял его вкусу. Эстетическое чутье у него заменяла эрудиция, которая в вопросах искусства плохой судья.

18 декабря. К делу переиздания Остромирова Евангелия подключил Тихомирова. Дал ему подписать докладную записку на имя президента. Виноградов подписать отказался.

26 декабря. На днях скончался Николай Константинович Дмитриев в возрасте 56 лет. Это тяжелый удар. Нас связывала многолетняя дружба. Последнее время встречались часто в связи с редактированием его очерка о Корше для серии «Замечательные ученые Московского университета»<sup>47</sup>. Ушел человек большого обаяния. Настоящий интеллигент. Я не мог установить границ его познаний. Конечно, особенно глубоко он знал Восток, но знал и Европу (особенно Италию). Практически владел многими восточными и европейскими языками. Без затруднений писал на немецком, французском, английском, итальянском и сербохорватском языках. На своем юбилее по случаю 50-летия отвечал всем на том языке, на котором выступал с приветствием гость. Помню, затруднился лишь с ответом якуту. Ему отвечал по-русски. Должен написать статью о работах Дмитриева в области славяно-тюркских языковых отношений. В этом учебном году впервые веду занятия по турецкому языку у болгароведов. Полезно главным образом мне, так как вспоминаю язык, который под руководством Дмитриева изучал два года (1931–1933). Для журнала «Вопросы востоковедения» должен написать статью «Страница из истории русского востоковедения»<sup>48</sup>.

28 декабря. Сегодня два моих ученика успешно защитили свои кандидатские диссертации: Демина в Институте языкознания на тему «Употребление прошедших времен в языке болгарских памятников XVII–XVIII вв.» и Толстой в университете на тему «Краткие и полные формы прилагательных в старославянском языке».

31 декабря. Через несколько часов закончится 1954 год. Этим годом не очень доволен. Много было суетни, мало дела. Много времени ушло на редактирование коллективной монографии «Творительный падеж в славянских языках»<sup>49</sup>. Писал много мелочей. В центре будущего года будет стоять «Очерк сравнительной грамматики славянских языков».

### Примечания

<sup>1</sup> См. 1953 г., прим. 18. С. Б. Б. совместно с Р. А. Будаговым редактировал сборник и составлял включенный в него список трудов М. В. Сергиевского.

<sup>2</sup> Славянская филология. Сб. статей. М., 1954. Вып. 2.

<sup>3</sup> *Перева С. В.* Сложные имена существительные современного молдавского литературного языка (диссертация защищалась в Институте языкознания АН СССР).



- <sup>4</sup> См. 1953 г., прим. 8.
- <sup>5</sup> См. 1953 г., прим. 16.
- <sup>6</sup> Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Учебное пособие. М., 1953.
- <sup>7</sup> О беседе министра высшего образования С. В. Кафтanova в августе 1943 г. с академиком Н. С. Державиным и С. Б. Б. в связи с острой потребностью в специалистах по славянским языкам см. воспоминания С. Б. Б. «Трагическая страница из истории славянской филологии» (Советское славяноведение 1989. № 1. С. 77–78.).
- <sup>8</sup> В годы войны Н. С. Державин, выехавший из осажденного Ленинграда, жил в столичной гостинице «Москва».
- <sup>9</sup> Рецензия А. М. Селищева на книгу Н. С. Державина (1914) была опубликована в «Ученых записках Казанского университета» (Казань, 1915. Кн. 6/7. С. 1–15).
- <sup>10</sup> Замысел такой книги был осуществлен лишь в 1980-е годы. См.: *Бернштейн С. Б.* А. М. Селищев – славист-балканист. М., 1987.
- <sup>11</sup> Имеется в виду Комитет по Сталинским премиям при Совете Министров СССР в области науки и техники. С. Б. Б. участвовал в работе подсекции языкознания историко-филологической секции комитета.
- <sup>12</sup> Намек на чрезмерное, по мнению С. Б. Б., пристрастие В. В. Виноградова к вопросам языка и стиля писателей.
- <sup>13</sup> Караджич // БСЭ. 2-е изд. М., 1953. Т. 20. С. 107–108 (без подп.). В статье (ее автор – Н.И. Толстой) сказано, что, «находясь под сильным влиянием австрофила В. Копитара... К[араджич] стремился искусственно оградить серб[ский] язык от благотворного русского влияния, что отрицательно сказалось на развитии нового литературного сербского языка...».
- <sup>14</sup> Речь идет о разделе «Литература» статьи «Сербия». См.: БСЭ. 2-е изд. М., 1955. Т. 38. С. 550–551 (без подп.).
- <sup>15</sup> *Бернштейн С. Б.* Основные задачи, методы и принципы «Сравнительной грамматики славянских языков» // Вопросы языкознания. 1954. № 2. С. 49–67. По сути дела эта публикация является проспектом труда С. Б. Б. «Очерк сравнительной грамматики славянских языков» (М., 1961, 1974).
- <sup>16</sup> В книге об А. И. Смирницком (*Медникова Э. М.* Александр Иванович Смирницкий. М., 1968) особо подчеркивается необычайная широта научных интересов ученого и приводится высказывание о нем С. Б. Б., дополняющее характеристику Смирницкого: «Мне было очень важно показывать свои работы Александру Ивановичу, – говорил Бернштейн, – это был человек сильного интеллекта» (с. 9). Тональность книги далека от оценок творчества Смирницкого, данных в настоящих мемуарах.
- <sup>17</sup> Бруно Ясенский не писал на французском языке.
- <sup>18</sup> Сборник статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934.
- <sup>19</sup> В 1934 г. С. Б. Б. был назначен заведующим кафедрой болгарского языка и литературы Одесского педагогического института и проработал на кафедре до ее закрытия в 1938 г.
- <sup>20</sup> С. Б. Б., видимо, дописал под датой «5 июня» характеристику Л. и Р. Кандевых позже, не ранее 1956 г., когда впервые были опубликованы некоторые письма к ним Д. Благоева, относящиеся к 1906–1910 гг. (См.: Димитър Благоев. Сборник от документи. София, 1956. С. 270–274, 277–279, 284, 287–288, 292–293).
- <sup>21</sup> С. Б. Б. ошибается: главным редактором Большой Советской Энциклопедии в 1924–1941 гг. был О. Ю. Шмидт, Ф. Н. Петров работал его заместителем.
- <sup>22</sup> Ошибка автора в год публикации, статья была опубликована в 1-м изд. БСЭ в 1936 г., стлб. 743–744 (подписана инициалами С. Б.).
- <sup>23</sup> *Кара-Иванов И. Г.* Русско-болгарский словарь. 25 000 слов. М., 1944.
- <sup>24</sup> Видимо, С. Б. Б. имеет здесь в виду запись от 20 ноября 1946 г. о положении дел с учеными степенями в СССР до середины 1930-х годов. О теме кандидатской диссертации С. Б. Б. запись от 3 июля 1945 г., о защите кандидатской диссертации он сделал запись лишь 15 января 1957 г.
- <sup>25</sup> Отчество Рябининой указано ошибочно, правильно – Александра Петровна.

- <sup>26</sup> Об увлечении А. А. Игнатъева кулинарией и его работе над книгой «Беседа повара с приспешником о секретах кухни» см. в воспоминаниях жены генерала: *Труханова-Игнатъева Н. В.* Парижские встречи // Встречи с прошлым. М., 1987. Вып. 4. С. 154–169.
- <sup>27</sup> См. 1952 г., прим. 22.
- <sup>28</sup> *Бернштейн С. Б.* Славянские языки // БСЭ. 2-е изд. М., 1956. Т. 39. С. 305–309. (без подп.).
- <sup>29</sup> *Бернштейн С. Б.* Селищев А. М. // БСЭ. 2-е изд. М., 1955. Т. 38. С. 418 (без подп.).
- <sup>30</sup> *Бернштейн С. Б.* Польский язык // БСЭ. 2-е изд. М., 1955. Т. 33. С. 661–662 (без подп.).
- <sup>31</sup> *Георгиев В.* Болгарское языкознание на новом пути // *Acta linguistica Academiae scientiarum Hungaricae.* Budapest, 1954. Т. 4. Fasc. 1–2. Р. 1–5.
- <sup>32</sup> См.: *Бернштейн С. Б.* Болгарско-русский словарь. Около 58 000 слов. М., 1966.
- <sup>33</sup> Имеется в виду спровоцированный властями Советского Союза в 1948 г. конфликт с Югославией, возникший на почве недовольства И. В. Сталина самостоятельной политикой югославских правящих кругов.
- <sup>34</sup> В связи с позицией болгарского коммунистического руководства, отрицавшего наличие у македонского населения отличных от болгар языка и культуры, книга так и не была опубликована.
- <sup>35</sup> См. записи от 17 августа 1943 г., 13 февраля 1982 г. (в приложении) и др.
- <sup>36</sup> По-видимому, речь идет о книге В. Либкнехта «Без компромиссов!: Об отношении социал-демократии к буржуазным партиям» (Киев, 1906).
- <sup>37</sup> Замысел осуществлен не был.
- <sup>38</sup> *Мирчев К.* История на български език. София, 1949.
- <sup>39</sup> С. Б. Б. обыгрывает название одного из главных трудов словацкого ученого и общественного деятеля П.-Й. Шафарика «Славянские древности» (*Šafárik P. Slovanské starožitnosti.* Praha, 1837. Т. 1–2).
- <sup>40</sup> Древнейший датированный памятник древнерусской письменности Остромирово Евангелие был создан в 1056–1057 гг. по заказу новгородского воеводы и посадника Остромира дьяком Григорием, переписавшим его с болгарского оригинала. В СССР переиздание этого памятника, впервые опубликованного А. Х. Востоковым в 1843 г., было осуществлено лишь в 1988 г.
- <sup>41</sup> *Гейфтер М., Покатаев Ю., Шахназаров Г.* Критика и библиография в научном журнале // *Коммунист.* 1954. № 15. С. 107–115.
- <sup>42</sup> *Ломтев Т. П.* Рец. на кн.: *Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. Морфология. Учебное пособие. М., 1953 // *Вопросы языкознания.* 1954. № 5. С. 137–144. См. также: *Кузнецов П. С.* Ответ на рецензию Т. П. Ломтева // Там же. 1955. № 3. С. 135–139.
- <sup>43</sup> Имеется в виду Берлинское совещание славистов (11–13 ноября 1954 г.), организованное Академией наук Германской Демократической Республики и Берлинским университетом имени В. Гумбольдта. На совещании обсуждались проблемы языкознания, литературоведения и фольклористики.
- <sup>44</sup> *Вопросы славянского языкознания.* М., 1954. Вып. 1.
- <sup>45</sup> *Бернштейн С. Б.* Вячеслав Николаевич Щепкин. М., 1955.
- <sup>46</sup> В этой серии до 1961 г. вышла только книга А. Г. Широковой «Чешский язык. Учебник для филологических факультетов университетов и педагогических вузов СССР» (М., 1961).
- <sup>47</sup> *Дмитриев Н. К.* Федор Евгеньевич Корш. М., 1962.
- <sup>48</sup> Замыслы статей, посвященных Н. К. Дмитриеву и истории русского востоковедения, в то время С. Б. Б. осуществлены не были. Много лет спустя он реализовал один из них: *Бернштейн С. Б.* Николай Константинович Дмитриев // *Вестник Московского университета. Филология.* М., 1974. № 6. С. 42–51.
- <sup>49</sup> Творительный падеж в славянских языках. М., 1958.

## 1955

**8 января.** Интенсивно работаю над «Очерком сравнительной грамматики славянских языков». Он будет содержать обширное введение и фонетику. На днях умер Евгений Викторович Тарле. Это большая потеря для нашей исторической науки. Я не был с ним близко знаком, но часто слышал его выступления и доклады по разным вопросам. Особенно интересны бывали его выступления в прениях по чужим докладам. Он поразительно легко обнаруживал слабые звенья в логических построениях и доказательствах своих коллег. Обладал обширными познаниями, хорошо знал архивы. До глубокой старости сохранил необыкновенную память и чувство юмора. Конечно, в его многочисленных сочинениях много спорного, даже мелкого, он часто шел на поводу у злобы дня. Его обширное исследование о Крымской войне<sup>1</sup> содержит много недостатков. Суровый Д. М. Петрушевский очень низко расценивал книжку Тарле о Талейране<sup>2</sup>. Все это так. Но был «Наполеон»<sup>3</sup>, было блестящее исследование о Венском конгрессе<sup>4</sup>, умные и яркие лекции по истории Западной Европы XIX в. и многое другое. Необычной была его судьба. Были редкие в нашей жизни взлеты и падения, и снова взлеты, и снова падения. Редчайший случай – перед ним должна была извиниться газета «Известия»!<sup>5</sup> Он много раз встречался со Сталиным, который ждал от Тарле книги об Иване Грозном с реабилитацией злодея. (По другим сведениям, речь шла о книге, посвященной Петру Великому.) К чести Евгения Викторовича, этой книги он не написал.

**12 января.** Во вчерашнем номере «Литературной газеты» опубликована интересная и полезная статья Кнунянца и Зубкова о школах в науке<sup>6</sup>. Авторы пытаются существенным образом пересмотреть прежние официальные взгляды. Еще сравнительно недавно всякие разговоры о школах решительно пресекались: «У нас единая марксистская школа». Пренебрежительно говорили: «всеякие там школы и школки». Авторы убедительно показывают, что отсутствие школ приводит в любой науке к застою. Следует, однако, хорошо помнить, что нужно признавать школы не только на словах. Различные школы должны иметь равные возможности (материальные, престижные, издательские). В языкознании таких возможностей нет. Вчера вечером в Доме ученых помпезно отмечалось шестидесятилетие Виноградова. Льстивая патока лилась рекой. Сам юбиляр важно восседал в центре президиума. Самым поразительным было заключительное слово Виноградова. В восхвалении своей особы он не уступал выступавшим льстецам. Было стыдно за него. Упоенный славой дурак!

**14 февраля.** Давно думаю над общими проблемами лингвистической географии. Нужна книга, опирающаяся преимущественно на данные славянских диалектов. Мы часто спорим с Жильероном, не отдавая себе ясного отчета в том, что французский диалектолог<sup>7</sup> создал свою теорию на основе французских диалектов, характер которых существенно отличается от диалектов славянских. Если будет время, напишу небольшую книжку под названием «Славянская лингвистическая география»<sup>8</sup>.

**17 февраля.** Фонологи напоминают мне сектантов. Каждый хвалит свою секту, а другую полностью отвергает. Фонологи убеждены, что прежде никто в фонологии ничего не понимал, что ее вообще не существовало. Теперь она появилась, и ее представляет данная секта. Аванесов полностью отвергает Щербу, ученики Щербы – московскую фонологическую школу, Шаумян ниспровергает тех и других. Однако никто из них не задумывается над тем, почему русская орфография, в своих основах созданная давно, покоится на фонологических принципах (в частности на противопоставлении позиционных и непозиционных изменений в языке). Все дело в том, что многие фонологические представления возникли еще в давние времена. Создатель первой славянской азбуки уже имел представление об иерархии звуков речи. Он понимал, что одни из них нуждаются в буквенном выражении, другие не нуждаются, одни фонетические изменения нужно отражать на письме, другие этого не требуют. Яковлев как-то признавался мне, что барон Услар, давший описание некоторых северокавказских языков, практически был фонологом. Фонологи не понимают, что различия в некоторых фонологических принципах объясняются не общими логическими построениями, философскими принципами, а задачами данного описания. Нельзя смешивать теоретическую фонологию, выходящую за рамки языкознания, и общую фонологию, которая служит задачам конкретного описания языков. Именно эта фонология и является лингвистической дисциплиной. С позиций логических построений Карнапа Трубецкой смешивает фонологию и фонетику, т. е. уровень конструктов и реальное описание (так называемую протокольную базу). Трубецкой видит в фонеме некую реальность, тогда как с позиции теоретической фонологии она лишь конструкт. Фонему произнести нельзя, так как она представляет собою только пучок дифференциальных признаков. Подобная теория имеет право на существование. С ее помощью могут быть решены серьезные логические задачи. Все это найдет свое место в современной логике науки. Однако лингвистам такой подход дает мало (вернее сказать – ничего не дает). Практически лингвист не может получить необходимые ему сведения, игнорируя материальную природу языка и признавая только реляционные категории. Лингвистическое описание фонологии языка с позиции науки логики будет эклектичным, но именно такое описание и нужно лингвистам. Я много раз пытался объяснить Шаумяну, что его фонологическая теория не является лингвистической, а сам он не лингвист. Он иного мнения.

**10 марта.** Студенты славянского отделения в последние годы обязаны проходить педагогическую практику в школах по русскому языку и литературе, так как кроме специальности «Славянский язык» наши выпускники получают право преподавания русского языка и словесности. Это ввели недавно, так как возникли трудности с распределением на работу по основной специальности. В свое время Кафтанов говорил о тысячах славистов, которые скоро потребуются нашей стране. Прошло десять лет. Оказалось, что не нужны и десятки. В этом году практику студенты проходят в школе № 370 в Сокольниках. Эта школа была открыта в 1899 г., в столетнюю годовщину рождения Пушкина. Поэтому она носит имя великого русского поэта. Сегодня я посетил урок нашей студентки в седьмом классе. От урока от самой школы, от учителей и учеников осталось тяжелое впечатление. Мое появление вызвало настоящий переполох. Я сидел за последней партой вместе с учительницей. Урок давала наша студентка Михайловская. Меня поразили руки учи

тельницы. Это руки человека, который очень редко держит карандаш, перо. Таки-ми руками стирают белье, моют полы. И одета эта учительница была хуже всех в классе. Урок проходил на очень низком уровне. Седьмой класс я проходил в Чите в 1924–1925 гг. Русскую литературу преподавал Орлов. Я вспоминал его занятия, его толкования текстов Пушкина и думал: «Что произошло с нашей школой? Далекая Чита и столичная школа имени Пушкина! Печально!»

**26 марта.** В 1956 г. исполнится 25 лет моей педагогической деятельности в высшей школе. За эти годы я прочитал много различных курсов. Некоторые из них читал свыше десяти раз. К лекциям я всегда готовлюсь тщательно. Даже теперь я затрачиваю на подготовку к лекциям не меньше времени, нежели в первые годы своей работы. Я избегаю повторений и всегда стремлюсь обновлять курс. Поэтому один и тот же предмет спокойно могу читать ежегодно. Каждый раз готовлю новые примеры. Текст самой лекции не готовлю, так как люблю импровизацию. Во время лекции часто приходят новые мысли, сопоставления... Я это очень ценю. После лекции, уже дома, я нередко записываю основные положения прочитанной лекции. Перед студентами в аудитории мысль работает сильно. Вот почему именно здесь приходят разного рода интересные соображения, которые я уже после лекции дома фиксирую на бумаге. Для меня научная и педагогическая деятельность неразрывно связаны. К сожалению, многие из моих учеников не любят педагогической работы.

**4 апреля.** На днях долго беседовал с Михаилом Николаевичем Тихомировым. Теперь мы встречаемся редко и редко обсуждаем разные вопросы. Вспомнили Ашхабад<sup>9</sup>, события военного времени. Прежде его обижали, затирали (Греков и др.). Теперь он сам достиг высшей власти. Однако осталась привычка говорить с обиженными интонациями. Конечно, Тихомиров серьезный ученый, большой знаток источников, но в руководители нашей исторической науки он не годится. Жидковат! Сразу видно, что он интеллигент первого поколения. С большим негодованием говорил о разрушении в Москве исторических памятников. К сожалению, его естественное негодование было густо пропитано антисемитским духом: в этих разрушениях прежде всего повинны евреи<sup>10</sup>.

**12 апреля.** Включен в состав комиссии по проверке деятельности Института этнографии. Председателем комиссии назначен Рыбаков. На первом заседании комиссии он просил всех нас внимательно изучить деятельность Института и выявить все недостатки. Вникаю в работу над этнографическим атласом<sup>11</sup>. Это наиболее интересный объект. Институт большой, народ разный. В центре внимания стоят проблемы, которые к этнографии не имеют никакого отношения. Директор Толстов и его сектор занимаются археологией. Много внимания уделяется повышению благосостояния сельского населения, что может быть предметом социологии, но никак не этнографии. Вообще наша этнография влачит жалкое существование. В этом большая «заслуга» Толстова.

**20 апреля.** Университет лихорадит: предстоят торжества по случаю его двухсотлетия. По поручению ректора еще в прошлом году я составил список иностранных лингвистов, которых следует пригласить на торжества. На ученых из капиталистических стран необходимо было дать не только научную, но и политическую характеристику. Я дал всем указанным в списке ученым положительную характеристику. Список получился большой. Хотел бы видеть в Москве Фасмера, Вайяна, Станга, Пизани...

22 апреля. Много времени сейчас трачу на новый болгарско-русский словарь. Он будет значительно больше словаря, опубликованного два года тому назад. Получил приглашение участвовать в сборнике памяти Вайса, выдающегося знатока глаголицы. После Ягича равного ему знатока глаголической письменности не было. Вчера Ученый совет Института утвердил к печати седьмой выпуск «Статей и материалов по болгарской диалектологии»<sup>12</sup>.

25 апреля. Друзья советуют купить дачу. Конечно, иметь собственный уголок для летнего отдыха хорошо, но все это потребует большого физического труда, к которому я не привык. Можно купить дачу в районе города Истры, место отличное. Называется оно НИЛ (т. е. «Наука и литература»). Оля решительно не советует. Думаю, что она права.

3 мая. В серии «Замечательные ученые Московского университета» вышла моя книжка, посвященная В. Н. Щепкину. В набор пошла книжка Кондрашова о Бодянском<sup>13</sup>. Начались юбилейные торжества в университете.

15 мая. Наконец закончились юбилейные торжества и шумиха. Устали все, не только хозяева, но и гости. Был праздник высшей администрации, министерства, но не профессоров университета. Из профессоров университета на торжественном открытии в Большом театре были только члены общеуниверситетского Ученого совета и зав. кафедрами. Не были приглашены профессора Гудзий, Ржига, Аванесов, Черных... Естественно, что было много обид. И в то же время в партере важно восседали высокие министерские чины вместе со своими женами, всюду шныряла мелкая административная сошка. Я вместе с профессорами Никитиным, Арциховским, Бунаком и многими другими сидел в ложе третьего яруса. Была заметна и дискриминация гуманитариев. Профессора – зав. кафедрами естественных факультетов сидели в ложах второго и даже первого яруса. Видел математиков, которые по условиям распределения билетов не должны были присутствовать на торжественном открытии. Не был приглашен старейший профессор университета Сергей Иванович Соболевский, который начал свою педагогическую деятельность в Московском университете в 1887 г., т. е. работает в университете 68 лет. Несмотря на возраст, Сергей Иванович уже после войны опубликовал несколько капитальных трудов в области классической филологии. Юбилей прошел не как торжество науки, не как праздник ученых Московского университета, а как важное бюрократическое мероприятие. Этот характер юбилея проявлялся как в большом, так и в малом. Такой же характер носил и доклад ректора Петровского. Много раз упоминались имена Белинского, Герцена, но ни разу не были упомянуты имена Соловьева, Ключевского, Фортунатова, Буслаева. В докладе много раз упоминались пустяки, [но] не вспоминалось то, чем мог гордиться наш университет. «История Московского университета»<sup>14</sup>, как и следовало ожидать, к юбилею из печати не вышла. Успели издать краткий исторический очерк [деятельности] университета<sup>15</sup>, сборник статей<sup>16</sup> и монографию Белявского<sup>17</sup>. В памяти останется заседание 9 мая, на котором выступали члены иностранных делегаций. Из лингвистов наиболее интересно выступил Станг, профессор университета в Осло. Я ему уделил много внимания, показав ему не только Москву, но и некоторые окрестности, водил в театр. Обсуждали различные лингвистические проблемы. Мы полностью с ним сходимся в оценке характера балто-славянских языковых контактов. Мы оба противники теории балто-славянского праязыка. Он хорошо владеет русским языком, хотя в России первый раз. Он имел практику в

русских семьях Тарту (в частности в семье Правдина). Очень эрудированный, интересный и скромный человек. Готовит к печати сравнительную грамматику балтийских языков. Доклад Вл. Георгиева о происхождении индоевропейцев был на уровне студенческой лекции. Он сказал мне, что лингвисты Софии с нетерпением ждут меня в Болгарии.

**21 мая.** Принял участие в заседании у ректора, на котором обсуждались предварительные итоги прошедших торжеств по случаю юбилея. Сообщалось о многочисленных промахах, накладках. Однако больше говорилось об успехах.

**24 мая.** Закончил сегодня статью, посвященную некоторым важным вопросам болгарского лингвистического атласа. Будет печататься в сборнике в честь Виноградова<sup>18</sup>. Для сборника Вайса, возможно, пошлою статью под названием «Старославянский или древнеболгарский»<sup>19</sup>. Речь будет идти о том, как следует называть древнейший письменный славянский язык, на котором началось богослужение в Моравии в середине 60-х годов IX в. Убежден, что называть его древнеболгарским нельзя, хотя многие соображения Трубецкого и Дурново на этот счет принять не могу. Возводить мягкие *к* и *г* на месте *tj*, *dj* к IX в. нельзя. Первоначальная основа была македонская, но окончательное оформление язык получил уже в Моравии, испытав сильное влияние местного славянского культурного языка, на котором местное славянское духовенство читало проповеди, исповедовало местное население.

**25 мая.** В сентябре в Белграде состоится международное совещание славистов<sup>20</sup>. Меня, конечно, в состав нашей делегации не включили. Славистов в ней будет представлять Ю. С. Маслов, который выступит с докладом об изучении западных и южных славянских языков в СССР в послевоенный период. Вчера состоялась на факультете защита кандидатской диссертации В. В. Иванова, посвященная хеттскому языку. Почти единогласно Совет присудил диссертанту степень доктора<sup>21</sup>. Иванов человек редких способностей и трудолюбия.

**22 июня.** Стоит мерзкая и холодная погода. Переехал на дачу, на которой отлично провел время в предыдущем году. Но в этом году жизнь на берегу Клязьминского водохранилища – одно мучение. Каждый день дождь, ветер... Жаль, если все лето будет таким. Вышел, наконец, первый том «Истории Московского университета». Он посвящен дореволюционному периоду. Внешне издание богатое. Однако в статьях много ошибок. Жаль, что и в моей статье (она посвящена языкознанию) я обнаружил одну ошибку. Московский университет приглашал не Шафарика, а Челаковского. Я это отлично знаю, об этом прежде где-то даже писал, а вот поди же! Все время появляются статьи о необходимости повышения требований при подготовке научных работников. Однако наше министерство своими приказами и распоряжениями все время мешает этой здоровой тенденции.

**23 июня.** Вчера на методологическом семинарии в университете выступил с докладом о теории субстрата. Доклад был принят хорошо. Сегодня на заседании Ученого совета Института утвердили к печати XIII том «Ученых записок» (лингвистический)<sup>22</sup> и второй выпуск «Вопросов славянского языкознания»<sup>23</sup>. В июле должны еще утвердить монографию «Творительный падеж в славянских языках» и № 18 «Кратких сообщений Института славяноведения»<sup>24</sup>.

**24 июня.** Сегодня состоялась колючая беседа с Будаговым. Он упрекнул меня в том, что я объективно способствую формированию структуралистов и нашошу тем самым вред марксистскому языкознанию. Я деликатно обратил внимание на бестактность его заявления. Его теоретические суждения по вопросам

языкознания пахнут плесенью. К сожалению, он бросил заниматься романистикой, ради которой мы его вытащили из Ленинграда.

**25 июня.** Делаю все возможное, чтобы в нашем Институте интенсивно разрабатывались проблемы балтийского языкознания. Все это очень важно и для славыстики. Следует подумать о составлении сборника под названием «Учение о падежах в современном зарубежном языкознании»<sup>25</sup>. Сборник мог бы быть издан Издательством иностранной литературы. Я взял бы на себя составление вступительной статьи и редактирование переводов. Нужно будет составить предварительный список возможных авторов (Ельмслев, Якобсон, Курилович и др.).

**27 июня.** Заканчиваю проспект будущей книги по сравнительной грамматике славянских языков. Обсуждать его будем осенью. Целесообразно в марте 1956 г. созвать в Институте совещание по вопросам сравнительной грамматики с постановкой ряда докладов и обсуждением моего проспекта. Пригласить следует преподавателей этой дисциплины в наших университетах, а также некоторых зарубежных специалистов (Лер-Сплавинского, Гавранка, Горалка, Лекова, Штибера и др.). В сентябре нужно будет приступить к подготовке совещания.

**1 июля.** Вчера вечером от рака скончался Василий Константинович Чичагов. Тяжело провожать человека, с которым был связан в течение весьма длительного времени. Мы познакомились в 1930 г. у Селищева. В те годы он был студентом Ярославского педагогического института, в котором по совместительству работал Афанасий Матвеевич. Селищев очень любил Чичагова. Василий Константинович был незаурядным человеком. Однако внешние события его жизни сложились для него крайне неблагоприятно. Отец Чичагова был владельцем шапочной мастерской и поэтому принадлежал к нетрудовому населению. Василий Константинович на своем горбу хорошо узнал, что значит быть сыном такого человека. Он хлебнул горя полной чашей. Возможно, были и личные качества, которые мешали нормальному развитию его способностей. Сделал он, конечно, очень мало. Любил читать студентам старославянский язык, но это не нашло отражения в его специальных трудах. Последние годы заинтересовался вопросами русской топонимики и антропонимики. И в этом сказалось влияние Селищева. В прошлом году мы вместе оплакивали смерть А. Г. Робкова. Теперь нет и Чичагова. Уже после войны он женился на своей студентке. Оставил молодую жену и маленького сына. Ему было всего 49 лет.

**4 июля.** Тургенева считают выдающимся мастером пейзажа. Это верно. Однако он слаб в передаче цветовой гаммы. Его пейзаж в большинстве случаев беден красками, и они, эти краски, статичны, мертвы. Чтобы отчетливо почувствовать это, полезно внимательно почитать Марсея Пруста. Необыкновенное богатство цветовых нюансов, их движение, делают пейзаж Пруста живым и глубоким. Французский писатель находит разнообразные краски для передачи луга, где мы видим лишь зеленый цвет. Пруст во многом ближе художникам, нежели писателям. В русской литературе равных примеров я не знаю. Чехов дружил с Левитаном, но в своем творчестве он был далек от красок жизни. Вчера я заплыл на байдарке в небольшой камышовый затон, где гнездятся чайки. Я долго смотрел на воду, на заросли камыша, слушал оглушительные крики чаек. По мере движения солнца, облаков менялись краски, полутона неожиданно приобретали резкие очертания. В моем лексиконе нет слов, чтобы реально описать эти изменения. К сожалению, нет нужных слов и в языке наших писателей.



**7 июля.** Второй год рядом в одной даче со мной живет Александра [Петровна] Рябинина. Вчера ее посетил, уже не в первый раз, бывший царский генерал А. А. Игнатъев со своей женой. У Рябининой обширные знакомства в самых различных слоях нашего общества. Много гуляли. Я вместе с женой генерала собрал полную корзинку грибов (главным образом сыроежек). Из этих плохих грибов генерал приготовил отличное блюдо<sup>26</sup>. Я все время старался толкать старика на путь воспоминаний, но он решительно отнекивался. Рассказал лишь, как его мать умело сберегала яблоки до нового урожая: она пересыпала яблоки хреном. Муж Рябининой Иван Васильевич Дорба – переводчик художественных произведений с украинского языка. Жалуется, что мало работы. Я посоветовал ему изучить сербский язык и начать переводить сербских писателей. Он к моему совету отнесся серьезно<sup>27</sup>. Я снабдил его необходимой литературой, и он по несколько часов в день ковыряется в трудных для него текстах. Человек он трудолюбивый и настойчивый. Может быть, появится новый переводчик с сербского языка.

**25 июля.** Исподволь готовлюсь к поездке в Болгарию. Для доклада избрал тему о принципах картографирования болгарских говоров. Кроме того, нужно подготовить сообщение об изучении болгарского языка в нашей стране после войны. Главная задача – подготовить почву для совместной работы над атласом болгарских говоров<sup>28</sup>. Задача трудная, но выполнимая. Все будет зависеть от позиции Т. Павлова. Поддержки от Вл. Георгиева ждать нельзя, но и мешать он не станет. Получил письмо от Ст. Стойкова. Пишет, что все болгарские лингвисты с нетерпением ждут моего приезда. Обещает устроить интересную поездку по стране.

**10 августа.** Погода мешает полноценному отдыху. Много работаю над словарем, читаю... Проверяю переводы Ивана Васильевича Дорбы с сербского языка. Он молодец. Я думаю, что из него выйдет хороший переводчик произведений сербских писателей. Сейчас он пробует переводить тексты С. Матавуля<sup>29</sup>. От Курловича получил целую кипу оттисков из различных журналов.

**26 августа.** Закончился летний отпуск. Начинается мой двадцать пятый учебный год в высшей школе. В этом году буду читать сравнительную грамматику славянских языков на четвертом курсе и историю болгарского языка на втором. Очень бы хотел обработать все свои лекции по истории болгарского языка и на их основе написать учебник. Найду ли время для этого?<sup>30</sup>

**12 сентября.** Сегодня закончил доклад, который буду читать в Софии на тему «Задачи картографирования болгарских народных говоров (по материалам «Атласа болгарских говоров в СССР»)». Написал по-болгарски. Уехала наша делегация на конференцию в Белград. В ее состав вошли: Виноградов, Борковский, Маслов, Мясников и Алексеев. Из Издательства литературы на иностранных языках на днях прислали рукопись болгарской грамматики Маслова<sup>31</sup>. Попросят написать рецензию. Морфология не вызывает никаких замечаний, глагол описан отлично. Значительно хуже написана фонетика. Дам положительный отзыв, будут отдельные критические замечания.

**15 сентября.** Жаль, конечно, что я не вошел в состав делегации на Белградскую конференцию. Перед отъездом Виноградов намекнул мне, что при современной ситуации я попал бы в состав делегации. Однако состав определялся еще в начале года.

**17 сентября.** Недавно только подумал об учебнике по истории болгарского языка, а сегодня получил официальное предложение из Издательства литерату-

ры на иностранных языках подготовить такой учебник. Пока решил воздержаться. Сейчас нет для этой работы свободного времени. Но дело не только в этом. Я могу написать учебник, который по всем параметрам будет лучше учебника Мирчева. В этом я убежден. Однако это совсем не значит, что он будет хорошим. Одно дело читать студентам лекции, совсем другое выступать с самостоятельным трудом. По другим славянским языкам я могу выступать в печати с компилятивными учебниками. По истории болгарского языка такой возможности у меня нет. В будущем напишу такой учебник, но не теперь.

**20 сентября.** Подготовил для Софии текст доклада о состоянии болгаристики в нашей стране в послевоенный период. Сообщаю не только о проделанной работе, но и о планах на будущее. И здесь говорю об атласе болгарских говоров.

**27 октября.** 24 октября вернулся из Болгарии, где провел 24 дня. В состав делегации входили литературоведы Кравцов, Злыднев, Шептунов, лингвист Бернштейн. Я был назначен руководителем делегации. Выехали поездом и поэтому смогли получить некоторое представление о восточной части Румынии. Сравнительно хорошо познакомились с Яссами, где поезд в общей сложности стоял 12 часов (шесть часов туда и столько же часов обратно). В городе много следов разрушений военного времени. На многих зданиях еще сохранились надписи «Мин нет. Лейтенант (имярек)». Город грязный. Население одето бедновато. На рынке наблюдали различного рода колоритные картинки. Уличный парикмахер порезал клиента. Он берет кусок бумаги, кладет его себе на язык, а затем приклеивает эту бумагу на рану клиента. Клиент не возражает. Много цыган разного возраста. В городе имеются красивые здания. Среди них особо выделяется дворец молдавских господарей. К сожалению, внутрь дворца сейчас не пускают. В городе много памятников различным государственным деятелям прошлого. Пока они еще стоят на месте. Думаю, что многие из них потом пойдут в переплавку. Хорошее впечатление производит здание университета. В прошлом здесь работали многие крупные ученые Румынии. В настоящее время таких ученых здесь нет. Языкознание представлено плохо. О Бухаресте получили весьма слабое представление. Гуляли в районе Северного вокзала. Ночью пересекли Дунай по новому мосту. Знаменитый город Русе (Русчук). Дорога на Софию. Проезжаем [Горную] Оряховицу, Левски, Плевен, Червен Брег, Мездру. Здесь наблюдаем чудесный горный (точнее, скальный) пейзаж. Вот она, Стара Планина. Гигантские скалы, напоминающие динозавров и ихтиозавров. Трудно передать волнение, которое охватывает меня. Оно сродни волнению, которое испытывает человек, возвращающийся после многих лет разлуки на свою родину. Кажется, я вижу места, где я родился, где прошло мое детство, где я был вскормлен молоком матери. Удивительно! Как можно было сродниться со страной только через книги! Впрочем, не только через книги, но и через живых людей. Я весь переполнен болгарщиной.

Медленно поезд подходит к вокзалу Софии. От волнения не могу говорить, спазмы сжимают горло. В вагон врывается шумный Велчев и обнимает нас. На вокзале представители нашего посольства, президиума Болгарской Академии наук, ученые, писатели. Знакомых мало. Пасмурно, накрапывает мелкий дождь, но в душе солнечно. Едем в отель «Болгария». Проезжаем мимо красивых домов, знаменитого Софийского собора. Выходим из машины. Напротив отеля бывший царский дворец, в котором теперь размещены художественный музей и Институт этнографии Академии наук. Дворец по нашим представлени-

ям весьма скромный. В Ленинграде он бы легко сошел за особняк. Получаю на втором этаже номер 126. Привожу себя в порядок и схожу вниз.

Среди встречавших нас на вокзале не было лингвистов. Они решили, что я прибуду самолетом и встречали меня на аэродроме. Теперь некоторые из них уже здесь. Велчев знакомит меня с Андрейчиным. Трудно поверить, что стоящий передо мной человек – автор превосходной грамматики болгарского языка<sup>32</sup>. Тупое и неинтеллигентное лицо. Первое впечатление оказалось верным. За все время моего пребывания в Болгарии я не говорил с ним ни по одному научному вопросу. Заметил, что и болгарские лингвисты на эти темы с ним не говорят. Не слышал его выступлений, хотя поводов выступить у него было предостаточно. Знаксмлюсь с зав. иностранным отделом Академии наук П. Стояновым, с известным литературоведом П. Заревым. Большой группой проходим в ресторан. Появляется К. Мирчев. Необыкновенно симпатичная внешность. Садится рядом со мной. Вот и Стойков, на лице которого видны радость и одновременно смущение. Молодая студентка или сотрудница преподносит мне огромный букет алых гвоздик. Зарев поднимается и приветствует нашу делегацию от имени Президиума Академии наук и от всех филологов академических учреждений и университета. После Зарева от имени делегации выступил я с речью, конечно, на болгарском языке. Вообще, я решил по-русски говорить здесь только с русскими. Во время обеда веду непринужденную беседу с Мирчевым, моим соседом. Хочется говорить со Стойковым, но он сидит далеко. Обед длится поразительно долго. После обеда я забираю к себе в номер Стойкова, с которым обсуждаем предварительно все вопросы, связанные с моим пребыванием в Болгарии. Он согласен со мной, что главной задачей является организация совместной работы над болгарским диалектологическим атласом. Со своей стороны он обещает активную помощь. Переполненный всякими впечатлениями, я рано укладываюсь спать. Так проходит первый день.

Весь день 29 сентября был заполнен различными официальными делами. Утром делегация посетила нашего посла, с которым состоялась длительная беседа. После обеда литературоведы направились по своим делам. Я был на приеме в Институте болгарского языка, где вместе с Андрейчиным и Стойковым определили план моего пребывания в Болгарии. Затем состоялась встреча с Вл. Георгиевым, которому я передал книги. Говорил с ним о совместной работе над атласом. Мне показалось, что он не принадлежит к горячим приверженцам диалектологии. Жаль! Андрейчин сказал мне, что для организации совместной работы над атласом болгарских говоров необходима серьезная поддержка со стороны руководства Академии наук (прежде всего со стороны Павлова). Это очевидно. Но нужно найти путь к Павлову, убедить его.

Вечером после беседы с Георгиевым присутствовал на заседании Ученого совета Института болгарского языка и Отделения литературы и языка, на котором обсуждались доклады о только что прошедших конференциях в Риме<sup>33</sup> и Белграде. Перед началом заседания председательствующий Георгиев сказал несколько теплых слов о моей научной деятельности. Познакомился с Лековым. Внешний его облик не оказался неожиданным: настоящая лисица. Именно таким я и представлял его прежде. После заседания в ресторане «Крым» состоялась ужин. Так прошел второй день.

30 сентября начал работу. В университете получил отдельную комнату, кабинет Андрейчина и Стойкова. Сажу за столом Стойкова. Буду здесь ежедневно

работать первую половину дня до обеда. В моем распоряжении будут богатейшие диалектные материалы. После обеда – различного рода встречи, беседы, посещения музеев, знакомство с городом, посещение театров и т. д. Узнал, что для всей делегации предполагается поездка по маршруту Пловдив–Казанлык–Шипка–В[елико] Тырново. Я сказал Стойкову, что этот маршрут меня не устраивает. По этому маршруту пусть едут литературоведы. Я же хочу посетить Родопы<sup>34</sup> и Пиринский край<sup>35</sup>. Желая скрыть свой особый интерес к Пиринской Македонии, я для маскировки назвал и Родопы. Но все дело в Македонии. Я своими глазами и ушами хочу познакомиться с македонским населением Болгарии, узнать его настроения, степень его обособления от болгар. Пока по этим вопросам имею противоречивые суждения. Я должен видеть все сам. Заметил, что моя просьба вызвала некоторое замешательство. Однако моя настойчивость победила.

Первого октября после обеда состоялась беседа с деканом филологического факультета. Речь шла об учебных планах, программах, организации всего учебного процесса. Я знакомился с положением дел в Софийском университете, рассказывал о работе славянского отделения нашего факультета. Здесь значительно хуже обстоит дело с семинарами, дипломных работ нет совсем. Зато много внимания уделяется практическим занятиям по всем лекционным курсам. В четыре часа наша делегация возложила венок у Мавзолея Димитрова<sup>36</sup>, вошли внутрь и постояли возле тела. Вечером были в театре.

Второго октября (первое воскресенье в Софии) вся делегация выехала за город. Проехали Княжево, село Владай, сделали длительную остановку у водохранилища Студена. В селе Студена смотрели свадьбу. Поездка завершилась посещением знаменитой Боянской церкви<sup>37</sup>. По снимкам я и раньше знал все фрески этой изумительной церкви. Однако все это нужно видеть в натуре. Впечатление огромное.

Мы со Стойковым времени не теряли и обсуждали различные аспекты нашей будущей совместной работы. В наших взглядах по вопросам диалектологии и языкознания очень много общего. Думаю, что мы будем дружно работать. В Стойкове легко обнаружить деловитость, четкость в суждениях и поступках, эрудицию. Легко заметить, что эти качества здесь большая редкость. С ним приятно общаться, он внимательно слушает собеседника, очень остроумен, духовит. Окончательно избрали для первого тома юго-восточную Болгарию.

В понедельник после обеда состоялась длительная беседа всех членов нашей делегации с президентом Болгарской Академии наук Т. Павловым. Это была фактически не беседа, а многочасовой монолог президента. В своей речи он касался самых разнообразных тем, совершенно не связанных между собой и не имевших к нам никакого отношения. Говорил все время по-русски, которым он владеет прилично. Это здесь редкость. Не связанные в прошлом с нашей страной говорить по-русски не умеют. Когда, наконец, поток красноречья президента иссяк, я рассказал ему о наших планах совместной работы над диалектологическим атласом болгарского языка. Он попросил подать ему подробную докладную записку по этому вопросу, подписанную мной и Стойковым. Ужинал вместе с Вл. Георгиевым. Рассказал ему о встрече с Павловым. Он обещал оказать содействие в продвижении наших планов.

Вторую половину дня во вторник посвятил знакомству с букинистическими магазинами, прежде всего с магазином на улице имени графа Игнатьева. Меня поразило обилие довоенных изданий по болгаристике. Однако книги стоят очень дорого, а левов у меня кот наплакал. Меня сопровождал молодой лингвист Кирилл

Костов. Он видел мои страдания и молча сочувствовал мне. Должен признаться, что у меня не было никаких надежд приобрести нужные мне книги по болгаристике. На другой день произошло чудо. Костов сообщил мне, что все нужные мне книги будут куплены Обществом болгаро-советской дружбы и отправлены мне в Москву. Попросил составить список всех нужных мне книг. Сперва я составил небольшой список, однако затем по совету Андрейчина и Стойкова значительно его пополнил. Вечером был в театре им. Вазова. Смотрел «Гераковы» Елина Пелина.

Вечером в среду в университете делал доклад о задачах картографирования болгарских говоров. Присутствовало много народу. И здесь Вл. Георгиев перед докладом сказал несколько лестных слов о моих занятиях болгарским языком. Слушали внимательно, задавали много общих и специальных вопросов. Мне кажется, что вопрос о болгарском диалектологическом атласе заинтересовал многих. В пятницу состоялась новая встреча с президентом Павловым, уже специально посвященная болгарскому атласу. На встрече присутствовал Стойков. Мы подали Павлову специально по его просьбе составленную докладную записку. На этот раз встреча носила более деловой характер. Президент внимательно при нас прочитал докладную записку, задал несколько вопросов. В заключение он сказал, что будет активно поддерживать наш проект. Думаю, сказал в конце беседы Павлов, что вопрос будет решен положительно. С хорошим настроением мы покинули здание Президиума Академии наук.

8 октября в аудитории № 34 я выступил перед студентами и преподавателями университета с докладом «Днешното състояние на българското езикознание в Съветския Съюз»\*. Перед докладом с лестными для меня словом выступил профессор Мирчев. После доклада студенты устроили мне настоящую овацию. Вообще, на каждом шагу ощущаю внимание, трогательную заботу и даже любовь. Это волнует. Состоялась встреча с членами кафедры болгарского языка. Я рассказал о славянском отделении Московского университета, о подготовке болгаристов, об общих и специальных курсах по болгарскому языку. Профессор Мирчев познакомил меня со всеми членами кафедры и кратко рассказал о работе кафедры.

Рано утром 9 октября, в воскресенье, я вместе с профессором Ст. Стойковым на машине «Победа» выехал из Софии на восток по шоссе на Пловдив. Ехали по старинному торговому пути, который связывал в средние века Европу с Константинополем. Дорога малоинтересная. Лишь в районе Момин проход (Момина клисура) проезжаем мимо красивых мест. Здесь расположены курорты на месте радиоактивных источников. Проезжаем городишко Ихтиман. Нет ничего интересного. Это единственный грязный город, который мне встретился в Болгарии. Проезжаем Пазарджик. В памяти остается памятник К. Величкову. Первая остановка в Пловдиве. Здесь будем ночевать. Останавливаемся в гостинице Интуриста. После короткого отдыха обедаем и затем осматриваем город. Я много читал об этом городе, знаю по книгам его достопримечательности, но неожиданности поджидают на каждом шагу. Ансамбль района этнографического музея свидетельствует о высоком уровне мастерства местных архитекторов-древodelьцев. Это подлинный заповедник. После осмотра старой части города поднимаемся на высокий холм, с которого открывается красивый вид на город. Здесь воздвигается огромный монумент в честь русских воинов. Пока грандиозная фигура солдата лежит на земле. Я дотрагиваюсь до

\* Современное состояние болгарского языкознания в Советском Союзе (болг.).

головы, которая скоро будет возвышаться над всем городом<sup>38</sup>. Затем снова возвращаемся в город для осмотра музеев. Делаем много фотоснимков.

На другой день рано утром выезжаем в Родопы. Проезжаем Асеновград (Станимаку), где запасаемся виноградом, остатки крепости Асеня II. Делаем остановку в Бачковском монастыре<sup>39</sup>. После поверхностного осмотра монастыря продолжаем путь. Короткую остановку делаем в Хвойне, обедаем в Чепеларе. Об этих сказочно красивых местах много написано. В Чепеларе делаем несколько записей речи местных жителей на магнитофон Филипс, который очень помог нам в нашей работе. Проезжаем Рожен, Устово, Райково. Вот и Смолян, конечная цель нашего сегодняшнего путешествия. Всюду встречаем много священников. Узнаем, что здесь проходит конференция Смолянской епархии. Так нам сказал местный житель. Думаю, что сами священники называют это иначе. На другой день, оставив свои вещи в гостинице, мы выехали в село Смилян, где смогли записать на ленту речь нескольких информаторов. Здесь отлично сохраняется старый родопский говор не только у стариков, но и у молодежи. Примечательно, что наш шофер, коренной житель Софии, не понимал местного говора. Второй день целиком отдали изучению смолянского говора, ознакомлению с местными достопримечательностями. Местный певец-любитель Ахмед Моллов исполнил в местном клубе для нас несколько произведений из репертуара Поля Робсона. У певца бас красивого тембра, широкого диапазона. Я сказал зав. клубом, что Моллову нужно непременно учиться, из него бесспорно выйдет отличный артист. В ответ было сказано: *«У нас в Родопях таких певцов много. Тут все поют. Мы все наследники Орфея»*.

Отдав Смолян два дня, мы выехали в известное каждому диалектологу село Широкая Лука. Это одно из наиболее культурных родопских сел. Местный говор был уже предметом специального изучения. Бывали здесь фольклористы и этнографы. Местный диалект функционирует не только как устная речь малограмотного населения. На нем говорит местная интеллигенция, существуют пьесы, написанные на диалекте, которые с успехом идут на сцене местного клуба. Я получил в подарок книгу «Широка Лъка: Просветно огнище в Родопите» (1947 г.), в которой опубликована одна из таких пьес – «Попрелка»\*. Большую роль в жизни местных жителей всегда играла церковь, особенно в период турецкого ига. Местное православное население со всех сторон окружено помаками<sup>40</sup>. Сделали записи на магнитофонную ленту. Теперь перед нами стояла трудная задача – через Доспат прямо ехать к Неврокопу. Трудная, так как здесь очень плохие дороги, ездят только на волах и лошадях. При поломке машины помощи ждать неоткуда. С трудом добрались до Доспата. После страшной тряски я вышел из машины, чтобы немного прийти в себя. Стойков с необычным для него мрачным видом остался в машине. На мой вопрос он ответил: *«Не хочу своими ногами прикасаться к этой земле. Резня в Батаке – это дело рук местных помаков»*<sup>41</sup>. Новая для меня проблема, о которой я знаю мало. Я читал в записках Захария Стоянова<sup>42</sup> о зверствах помаков, но как-то не придавал этому большого значения. Думал, что все это давно забыто. Но вот интеллигентный столичный житель, предки которого не страдали от помаков, носит в своем сердце обиду на своих соотечественников, которые в свое время приняли мусульманство и были в первых рядах

\* «Посиделки с прядением» (болг.).

угнетателей. Стойков не распространяет своего чувства на всех помаков, в чем я смог уже убедиться в других помацких селах.

Поздно, в темноте благополучно въезжаем в Неврокоп, который теперь носит имя Гоце Делчева. Только теперь мы добрались до того района, ради которого я затеял все дело. Мы в Македонии. За время пребывания в Пиринской Македонии мы, кроме Неврокопа, посетили Банско, Разлог, Петрич, Благоевград (Горна Джумая). В селах Илинденци и Крупеник, в г. Петрич сделали много магнитофонных записей. В Разлоге я записал в свой блокнот много неизвестных мне слов. В Банско посетили музей Вапцарова. Нас приняла мать поэта [Вапцарова Е.]. К нашему приходу она завершала беседу с одним американским ученым. Меня поразила ее отличная английская речь. Я думал, что Вапцаров происходил из бедной неинтеллигентной семьи. Но в таком случае откуда отличный английский язык его матери?<sup>43</sup> Почти никто из моих болгарских коллег не владеет этим языком. Путешествие по Пиринской Македонии было очень интересным. Правда, здесь я не мог производить своих наблюдений так легко и свободно, так как все время находился под неослабным вниманием Стойкова. Стойков довольно умело все вопросы македонского языка и македонской нации переводил в плоскость диалектологии. В его присутствии местные жители становились замкнутыми, а он меня одного почти не оставлял. Но за три дня надзора я все же имел возможность поговорить с населением наедине. Кроме того, некоторые представители интеллигенции не боялись Стойкова. Подробно обо всем напишу позже. Пока могу утверждать лишь одно: местное городское население теперь не причисляет себя к болгарам. Сельское население индифферентно. Большое впечатление оставил Разлог, где сохраняется много старины в языке и быте. В селах имел возможность собственными ушами слышать: *ргнка\**, *чендо\*\** и подобное. Так говорят только старухи. Это дает основание местной молодежи утверждать, что старухи говорят по-гречески. Во время второго посещения Благоевграда в местном городском Совете произошла стычка между Стойковым и зав. отделом культуры по вопросу о македонцах и македонском языке. Но об этом подробнее другой раз.

Завершив свое пребывание в Македонии, мы выехали в знаменитый Рыльский монастырь, памятник былой болгарской славы<sup>44</sup>. В монастыре провели целые сутки. Стояла чудесная погода. Все горы пылали огнем осеннего леса. В монастыре поразительная тишина и благолепие, несмотря на шум водопадов и горных рек. Может быть, этот монотонный шум и создает акустическое впечатление тишины, тишины рая. По приказу игумена мне отвели покои из трех больших комнат, в которых я чувствовал себя владыкой. Стойкову отвели небольшую комнату рядом. Он входил ко мне и отвечивал глубокий монастырский поклон. Вообще мы здесь провели весело время. Мой новый болгарский друг все время шутил. Здесь я в полной мере оценил остроумие и веселый нрав Стойкова. Совершенно неожиданно не только для меня, но и для Стойкова монастырское начальство прислало ко мне службу с богатым обедом. Мы оба были сконфужены, но не дали себя долго упрашивать. Я налег на рыбу, Стойков – на овощи. Здесь встретили молодого польского болгариста Е. Русека, которого сопровождал студент Кочев. У студента симпатичное, но глу-

\* рука (макед. диалектн. с сохранением назализации).

\*\* ребенок (макед. диалектн. с сохранением назализации).

поватое лицо. Ему очень понравился мой миниатюрный перочинный ножик. Следуя обычаям горцев, я подарил ему его. Он уже было пытался спрятать его в карман, как после нескольких слов Стойкова, сказанных на непонятном мне блатном языке, с грустью в лице вернул мне нож. Стойков познакомил меня с заведующим отделом рукописей монахом Кириллом. Я легко признал в нем русского человека: иконописное узкое лицо, русый, голубоглазый. Действительно, со времени революции он живет в Болгарии, не только хранит, но и изучает древние славянские рукописи. Большая библиотека в образцовом порядке. Наедине признался мне в тяжелом состоянии монастыря. Власти не оказывают серьезной материальной помощи, частных пожертвований, естественно, нет. Поговаривают, что монастырь будет преобразован в музей, монахи будут переданы в другие монастыри. В грустных глазах Кирилла вижу искры тревоги. Во время прогулки встретили словацкого болгариста В. Бланара. Он часто посещает Болгарию, так как женат на болгарке. Отлично владеет болгарским языком. Познакомил нас со своим спутником, который приехал из Братиславы читать лекции в Софию. По специальности, кажется, ветеринар. Бешено ненавидит чехов и все чешское. *«Нам было бы лучше жить с венграмми, чем с чехами»*, – шипит словак. Бланар молчит, но на лице довольная улыбка. Ветеринар может быть более откровенным.

На другой день покинули райский уголок. Теперь наш путь лежал через Самоков в Боровец (бывшая Чамкория), где нас ждал знаменитый болгарин А. Балан. О нем я специально напишу как-нибудь в другой раз. Сейчас лишь отмечу, что он имеет от роду 96 лет, полностью сохранил интеллект, много пишет, активно участвует в современной языковой жизни. Он нас принял в старой и основательно запущенной даче. Хозяйкой была его сноха, опустившаяся и грязная старуха, в прошлом фрейлина болгарской царицы. Она все время курила и откровенно ругала новую власть. На короткое время в комнату зашел сын академика, в прошлом адъютант царя Бориса. Отличная выправка сразу же выдавала его офицерское прошлое. После прихода новой власти угодил в тюрьму, в которой провел несколько лет. По просьбе отца был выпущен на волю и теперь живет вместе с отцом. Беседа с академиком по вопросам языка доставила огромное наслаждение. Поразила память старика, явление редкое. Обсуждали многие вопросы нашей общей специальности.

Поздно вечером вернулись в Софию после почти десятидневного путешествия. Оно было для меня очень полезным и приятным. По возвращении в Софию наступило трудное время. Приближался срок отъезда, а дел было еще очень много. На заседании Ученого совета Института [болгарского языка] я выступил с докладом «Принципы составления сравнительной грамматики славянских языков». Доклад вызвал большой интерес. Дискуссия началась выступлением Лекова, который дал высокую оценку докладу, но сделал ряд критических замечаний. Значительно интереснее выступил профессор Ф. Славский, который только что приехал из Кракова в Софию. [Он] оказался очень симпатичным человеком. На другой день мы проговорили с ним целый вечер у меня в номере. Обсуждали некоторые научные проблемы. По многим вопросам у нас оказались общие точки зрения. После Славского на моем докладе взял слово сам Павлов, который неожиданно для меня говорил толково и интересно. Убедительно опроверг одно критическое замечание Лекова. Мне было задано много вопросов. Я все время чувствовал, что большинство присутствующих серьезно интересуется сравнительным языкоз-



нанием. После завершения прений и моего ответного слова все присутствующие направились в Институт болгарского языка, где в мою честь был дан банкет. И здесь снова пришлось держать речь. Пришел к себе в номер почти мертвым.

На другой день утром состоялась встреча с членами кафедры славянской филологии [Софийского университета]. После этого присутствовал на обсуждении диалектологической программы Стойкова в Институте болгарского языка. И здесь пришлось выступить в поддержку Стойкова. Сразу же после заседания я должен был вернуться в гостиницу «Болгария», где в банкетном зале в честь нашей делегации Болгарская Академия наук и Союз болгарских писателей дали прием. Присутствовало много ученых и писателей. На приеме Павлов, Радевский и я выступили с речами. После приема по просьбе Н. М. Дылевского я должен был встретиться с членами кафедры русского языка. Поздно вечером Союз болгарских писателей в честь делегации дал торжественный ужин. Удивительно, почему я не умер в этот день! Кончил этот насыщенный день полумертвым.

Слава Богу, наступил последний день наших испытаний: пятница, 21 октября. Последний день брожу по улицам Софии, делаю покупки... Во второй половине дня на вокзале еще одно испытание. Собралось свыше сотни провожающих. Пришли многие лингвисты, литературоведы, писатели, деятели Комитета дружбы<sup>45</sup>. Всю эту массу народа возглавлял сам президент Павлов. Прощание заняло не меньше 20 минут. Блага Димитрова каждому из нас преподносит большой пакет отличных кюстендильских яблок. Но вот, наконец, поезд трогается. Лес рук, море улыбок, крики... Вокзал скрывается. Уф!... Счастье...

**29 октября.** Всю дорогу медленно переваривали свои болгарские впечатления. Их много, и они очень яркие. Один лишь Кравцов недоволен. Злыднев мне рассказал, что не один раз он ставил всю группу литературоведов в ложное положение. Сочинял всякие небылицы. Об одной из них я знал еще в Софии. Караславов спросил меня о капитальной истории болгарской литературы Кравцова, которая в настоящее время печатается в Москве. Я должен был ответить, что ничего не слышал об этой работе. Меня поразила слабая языковая подготовка Кравцова. Он не только не мог говорить по-болгарски, но даже плохо понимал свободную болгарскую речь. Он находился в весьма затруднительном положении, так как на улице, в магазинах, в отеле русский язык понимают плохо. Это для меня оказалось неожиданным. Примечательно, что русский язык основательно забыт даже теми болгарскими, которые длительное время жили в эмиграции у нас. Из лингвистов свободно говорит по-русски, делая, однако, при этом грубые ошибки, только Георгиев. Отлично по-русски говорит Савва Константинович Чукалов, но его, строго говоря, трудно считать лингвистом. Он автор плохого русско-болгарского словаря<sup>46</sup>. Во время нашего пребывания в Софии одновременно с нами находилась в командировке Ирина Сергеевна Ильинская. Она широко пользовалась немецким языком, который местная интеллигенция знает хорошо. С нами в одном вагоне ехали две молодые болгарские певицы. Цель поездки – стажировка в Большом театре. Обе утверждают, что у нас вокалу учиться нельзя. Этому они учились в Италии. К нам едут учиться сценическому мастерству. Одна из них очень симпатична – Катя Георгиева. В Софии у меня было много различных встреч, о которых я не упоминал. Конечно, я видел Кандеву и свою первую учительницу болгарского языка Мару Георгиевну Колинкову. Она не скрывала от меня своего отрицательного отношения к руководству страны, к его политике: *«Я всю свою жизнь отдала будущему Болгарии,*

но я это будущее не видела таким, каким его видит Червенков». Мне кажется, что с Червенковым у Мары Георгиевны еще старые, московские счеты. Но об этом подробнее другой раз. Состоялись встречи со Ст. Младеновым и Ст. Романским. Обе были краткими и неинтересными.

**1 ноября.** В Болгарии давно утвердились глубокие симпатии к русскому народу. С Россией всегда были связаны надежды на освобождение от турецкого ига. Первое серьезное испытание русско-болгарская дружба пережила вскоре после освобождения Болгарии по причине недальновидной и противоречивой политики правящих кругов России. Однако это не коснулось болгарского крестьянства, которое продолжало оставаться русофильским. Иной характер носило русофильство радикальных слоев болгарского общества, которые в той или иной степени были связаны с русским освободительным движением. Были русофилы и среди городского населения. Однако болгарская буржуазия, техническая интеллигенция, адвокаты, врачи в своей массе к концу прошлого столетия совершенно очевидно стали ориентироваться на Запад (главным образом на Германию и Австро-Венгрию). Эта новая ориентация получила еще большие импульсы после Октябрьской революции. Великая Отечественная война вновь всколыхнула старые русофильские настроения. Они охватили широкие круги общества. Но вот кончилась война. Многие наши порядки, глубоко чуждые болгарам, стали активно и даже бесцеремонно насаждаться в Болгарии. Быстро сформировался новый бюрократический класс. В страну понаехало много советских людей, людей грубых и бесцеремонных. Их повадки активно шокировали болгар. Алчность приезжих была поразительной. Многие из них держали крупные суммы денег в сберегательных кассах. Конечно, работники этих касс не делали тайны из этого. Примечательно, что во время единственной встречи с нашим послом в Софии мы были предупреждены, что советским людям теперь запрещено держать вклады в болгарских сберегательных кассах. Под формулой использования советского опыта в Болгарии насаждались наши советские принципы и обычаи, совершенно чуждые местному населению. Наконец, начались обычные репрессии, в результате которых погибло немало партийных деятелей. Все это привело к коренному изменению в подлинном отношении болгарского народа к нашей стране, ее людям и нашей жизни. Большую роль в этом процессе сыграли многие бывшие болгарские эмигранты, прожившие в Советском Союзе два десятилетия. Значительная их часть потеряла в 30-е годы своих близких. Они рассказывали здесь об ужасных условиях, в которых они жили. Это быстро становилось известным в широких кругах населения. Моя болгарская речь не один раз вводила в заблуждение болгар, которые при мне высказывали свое истинное отношение к моей стране. Они принимали меня за болгарина и не стеснялись в своих выражениях. Даже Стойков не раз говорил: «*Ние прилагаме съветския опит*»\*, когда речь шла о различного рода безобразиях. Бесконечные напоминания об освобождении болгар русскими вызывают и не могут не вызывать раздражения.

**5 декабря.** Несколько дней тому назад получил, наконец, два больших ящика книг из Болгарии. Среди них 15 томов «Сборника за народни умотворения», 8 томов журнала «Македонски преглед», много монографий и оттисков. Болгарика моей библиотеки существенно пополнилась. Вопрос о совместной работе над бол-

\* Мы используем советский опыт (болг.).

гарским диалектологическим атласом успешно продвигается. 1 ноября на сессии Народного Собрания в Софии выступал Павлов, который упомянул о предстоящей работе советских и болгарских диалектологов над болгарским атласом<sup>47</sup>. На это выступление быстро откликнулся Комитет по научному и техническому сотрудничеству Советского Союза и Болгарии<sup>48</sup>. Сразу же после возвращения из Софии я был в этом Комитете, подал докладную записку, но встречен там был весьма холодно. Мне сказали, что Комитет не планирует совместных исследований в области гуманитарных наук. Уже через несколько дней после выступления Павлова меня пригласили в Комитет и поручили в десятидневный срок подготовить более подробную докладную записку, план экспедиционной работы на пять лет и смету расходов. В конце декабря будет утверждаться новый пятилетний план, в который должна успеть войти и совместная работа над атласом. Все необходимые бумаги и материалы я представил в Комитет через неделю. Теперь меня встретили здесь очень любезно и заверили, что я уже могу планировать первую экспедицию на лето 1956 г.

**25 декабря.** Получил письмо от румынского филолога Дамяна Богдана из Бухареста, который упрекнул меня в том, что я в основу своего исследования языка валашских грамот положил старое издание Иона Богдана<sup>49</sup>, а не более новое и критическое издание Точилеску<sup>50</sup>. Правда, тут же он меня успокоил: в цитированных мною текстах по изданию Богдана ошибок нет. Он их все сличил по изданию Точилеску. Издание Точилеску вышло в те годы, когда у нас не было с Румынией никаких контактов. Мой новый румынский корреспондент обещал мне позже выслать издание Точилеску со всеми исправлениями, установленными им самим при сличении издания с оригиналами. Буду с нетерпением ждать этот драгоценный подарок.

**31 декабря.** Делаю запись в последний день старого года, года весьма удачного. Главное – посещение Болгарии. Работа над болгарским диалектологическим атласом из мечтаний становится реальностью. Основательно продвинул сравнительную грамматику славянских языков.

### Примечания

<sup>1</sup> *Тарле Е. В.* Крымская война. М., 1943. Т. 1–2.

<sup>2</sup> *Тарле Е. В.* Талейран. М., 1939.

<sup>3</sup> *Тарле Е. В.* Наполеон. М., 1936.

<sup>4</sup> *Тарле Е. В.* Европа от Венского конгресса до Версальского мира, 1814–1919. Пг., 1924.

<sup>5</sup> Публичные извинения были принесены Е. В. Тарле одновременно газетами «Правда» и «Известия» в номерах за 11 июня 1937 г. по указанию И. В. Сталина. Этим извинениям предшествовали разгромные статьи в указанных газетах за 10 июня о книге Е. В. Тарле «Наполеон», которая именовалась «вражеской вылазкой» (подобные оценки были в условиях 1937 г. прелюдией к аресту).

<sup>6</sup> *Кнунянц И., Зубков Л.* Школы в науке // Литературная газета. 1955. 11 янв. № 5. С. 1.

<sup>7</sup> Автор неправильно называет Ж. Жильерона французским ученым – он родился и жил в Швейцарии.

<sup>8</sup> Замысел этой книги осуществлен не был.

<sup>9</sup> В октябре 1941 г. большая часть студентов и сотрудников Московского университета была эвакуирована в Ашхабад, где университет работал до лета 1942 г. (затем он был переведен в Свердловск, ныне Екатеринбург).

<sup>10</sup> Такой оценке настроений М. Н. Тихомирова противоречит сообщение Е. Н. Кушевой о мужественном поведении ученого во время кампании 1948 г. против «космополитов». Как вспоминала Кушева в журнале «Отечественная история» (1994. № 4. С. 145), в ответ на предложение выступить в ходе кампании в антисемитском духе, М. Н. Тихомиров заявил: «Я в еврейских погромах не участвую».

- <sup>11</sup> Работы по этнографическому картографированию велись в Институте этнографии АН СССР в течение многих лет и в разных направлениях. Итогом этих работ стал сводный труд «Атлас народов мира» (М., 1964), а также ряд историко-этнографических атласов регионов СССР.
- <sup>12</sup> Седьмой выпуск «Статей и материалов...» вышел в свет в 1955 г. в издательстве АН СССР.
- <sup>13</sup> Кондрашов Н. А. Осип Максимович Бодянский (1808–1877). М., 1956.
- <sup>14</sup> История Московского университета. В 2-х т. М., 1955. Т. 1–2.
- <sup>15</sup> Сахаров А. М., Шелестов Д. К. Московский университет за 200 лет. Краткий исторический очерк. М., 1955.
- <sup>16</sup> Из истории Московского университета, 1917–1941. Сб. статей. М. 1955.
- <sup>17</sup> Беляевский М. Т. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955.
- <sup>18</sup> Бернштейн С. Б. Об одном важном источнике «Болгарского лингвистического атласа» // Сборник статей по языкознанию. Профессора Московского университета – академику В. В. Виноградову. М., 1958. С. 67–72.
- <sup>19</sup> Публикацию статьи с таким названием обнаружить не удалось.
- <sup>20</sup> Имеется в виду Международное совещание славяноведов в Белграде (15–21 сентября 1955 г.), на котором была достигнута договоренность о возобновлении международных съездов славистов, прекратившихся в годы второй мировой войны. На совещании был образован Международный комитет славистов, координирующий славистическую деятельность и готовящий съезды, проходящие каждые пять лет.
- <sup>21</sup> Иванов Вяч. Вс. Индоевропейские корни в клинописном хеттском языке и особенности их структуры. Решение Ученого совета о присуждении за эту диссертацию докторской степени не было утверждено Высшей аттестационной комиссией. «Ее президиум, – вспоминал ученый, – по настоянию видного официального экономиста Островитянова отложил этот вопрос. А позднее на все напоминания, которые посылались в ВАК, следовал ответ, что диссертация и все дело о ней утеряны...» (Иванов Вяч. Вс. Голубой зверь: Воспоминания // Звезда. 1995. № 3. С. 164).
- <sup>22</sup> Ученые записки Института славяноведения/Отв. ред. С. Б. Бернштейн. М., 1956. Т. 13.
- <sup>23</sup> Вопросы славянского языкознания / Отв. ред. С. Б. Бернштейн. М., 1957. Вып. 2.
- <sup>24</sup> КСИС. М., 1956. Вып. 18.
- <sup>25</sup> Замысел подобного сборника осуществлен не был.
- <sup>26</sup> Здесь С. Б. Б. повторяет эпизод, приведенный в записи от 15 июля 1954 г. Как и в первой записи, ошибочно указано отчество А. П. Рябининой.
- <sup>27</sup> Видимо, И. В. Дорба, который, по свидетельству его второй жены Х. Дорба, был профессиональным разведчиком и долгое время жил в Югославии, умышленно скрывал от С. Б. Б. свое хорошее знание сербского языка.
- <sup>28</sup> Начинание С. Б. Б. было воплощено в жизнь в 1964–1981 гг. в виде четырехтомного издания «Български диалектен атлас». Как совместное издание Болгарской Академии наук и Академии наук СССР вышел первый том этого издания, последующие тома выпускались Болгарской Академией наук.
- <sup>29</sup> Впоследствии И. В. Дорба опубликовал свои переводы в сборнике С. Матавуля «Баконя фра Брне: Рассказы» (М., 1960) и написал к этому сборнику предисловие.
- <sup>30</sup> Замысел этот осуществлен не был.
- <sup>31</sup> Маслов Ю. С. Очерк болгарской грамматики. Уч. пособие для гос. ун-тов. М., 1956.
- <sup>32</sup> Андрейчин Л. Основна българска граматика. София, 1944.
- <sup>33</sup> Международная встреча славистов в Риме прошла 1–3 сентября 1955 г. во время X Международного конгресса славистов. Советские слависты во встрече не участвовали. На ней обсуждались проблемы «Общество и образование славянских литературных языков», «Концепция критики в литературной истории славянских народов».
- <sup>34</sup> Родопы – горный массив в восточной части Балканского полуострова на территории Болгарии и Греции.
- <sup>35</sup> Пиринский край или Пиринская Македония – территория на юго-западе Болгарии в пределах Горно-Джумайского (в 1950–1980-е годы – Благоевградского) округа. Одна из трех частей

- исторической области Македонии, разделенной в результате Балканских войн между Сербией, Болгарией и Грецией.
- 36 В Мавзолее «Георги Димитров», построенном в 1949 г., сохранялось тело руководителя БКП и народно-демократической Болгарии Г. Димитрова (1882–1949). По примеру Мавзолея В. И. Ленина в Москве, он был избран властями местом обязательного посещения приезжавших в Софию официальных делегаций. После крушения коммунистического режима тело Г. Димитрова было предано земле; в 1999 г. пустовавший несколько лет Мавзолей был снесен.
- 37 Боянская церковь – выдающийся памятник средневековой болгарской архитектуры. Расположена на юго-западе современной Софии, в бывшем селе Бояна. Древнейшая часть церкви построена в конце X или начале XI в., пристройки относятся к XII и XIX вв. Церковь украшена уникальными росписями.
- 38 Имеется в виду памятник Советской Армии, известный в Болгарии и России как «Алеша» (создан под руководством скульптора В. Радославова). Работа над памятником, представляющим собой фигуру советского солдата высотой 12 м, шла в 1952–1955 гг. Памятник установлен на холме, господствующем над Пловдивом.
- 39 Бачковский монастырь Успения Богородицы – действующий монастырь в Южной Болгарии близ Асеновграда. Основан в конце XI в. Сохранившиеся постройки относятся главным образом к XVII – первой трети XIX в., наибольший архитектурный интерес представляет церковь-гробница XI в.
- 40 Помаки – «потуреченные» болгары, говорящие на болгарском языке, но исповедующие ислам.
- 41 В селе Батак в Родопах при подавлении Апрельского восстания 1876 г. помаки уничтожили свыше пяти тысяч болгар-христиан.
- 42 Имеется в виду ставшая классической и многократно переизданная мемуарная книга З. Стоянова «Записки о болгарских восстаниях».
- 43 Мать поэта Елена Вапцарова овладела английским языком в американском пансионе в Самокове, где училась в детстве.
- 44 Рильский, Рылский монастырь – старейший и наиболее крупный действующий монастырь Болгарии. Основан в X в. Расположен в горном массиве Рила на юго-западе страны. В средние века – центр болгарской культуры и просвещения. В монастыре хранится большое количество книг и рукописей, в том числе ценнейшие болгарские рукописные и печатные книги XIII–XVII вв.
- 45 Имеется в виду Всенародный комитет болгаро-советской дружбы.
- 46 Чукалов С. Руско-български речник. София, 1951 (был переиздан в СССР в 1962, 1972 и 1975 гг.).
- 47 На очередной сессии Народного Собрания Болгарии с одной из приветственных речей, обращенных к прибывшей с визитом в Болгарию делегации Верховного Совета СССР, выступил Т. Павлов. Говоря о значении сотрудничества с Советским Союзом для развития болгарской науки, техники и культуры, он упомянул в качестве одного из примеров «наиболее рациональных форм сотрудничества» совместное составление болгарскими и советскими учеными атласа болгарских говоров (см.: Народна Република България. Второ народно събрание. Четвърта редовна сесия 1955 г. Стенографски дневници. София, [1955]. С. 16).
- 48 Имеется, вероятно, в виду аппарат существовавшей в 1950–1961 гг. Советско-болгарской комиссии по научно-техническому сотрудничеству.
- 49 Bogdan J. Documente privitoare la relațiile țării Românești cu Brașovul și cu țara Ungureasca în sec. XV și XVI... București, 1905. Vol. 1. P. 1413–1508.
- 50 534 documente istorice slavo-române din Țara-Românească și Moldova privitoare la legăturile cu Ardealul, 1346–1603. București, 1931.

# 1956

**23 января.** Закончил подведение итогов работы за истекший год. Определил задачи нового года. Они значительны и потребуют напряжения всех сил. Главное внимание нужно уделить сравнительной грамматике. Работа затянулась по разным причинам. По решению дирекции книга попала в список тех трудов, которые должны быть изданы к очередному съезду славистов, т. е. к осени 1958 г. Об этом недавно была публикация в «Вечерней Москве». В списке работ мой «Очерк» стоял на первом месте<sup>1</sup>. Сейчас под руководством одной преподавательницы английского языка шлифую свое варварское английское произношение. Над его искажением поработали многие преподаватели. Сегодня по поручению Отделения литературы и языка АН СССР написал представление о Лер-Сплавинском. Его хотят выбрать в иностранные члены-корреспонденты нашей Академии<sup>2</sup>. В данный момент много времени отдаю болгарско-русскому словарю. В ближайшие дни закончу составление буквы Г. Написал для дирекции Института «Отчет о диалектологической поездке в Родопы и Пиринскую Македонию осенью 1955 г.» Кроме того, написал отзыв о докторской диссертации В. Г. Орловой<sup>3</sup>, отзыв кислый. Ее кандидатская диссертация о сонанте *в* была значительно ярче<sup>4</sup>. Написал еще отзыв о книге Ю. С. Маслова «Очерк грамматики болгарского языка»<sup>5</sup>. Книга хорошая. Начал читать рукопись В. В. Бородич «Болгарский язык». Дам, кажется, отрицательный отзыв<sup>6</sup>. Слишком много отдаю сил и времени написанию различных отзывов, но что делать? Работа очень важная.

**3 февраля.** Медленно, но верно продвигается дело о совместной работе с болгарскими диалектологами над болгарским диалектологическим атласом. Над этим основательно потрудились президент Болгарской Академии наук Т. Павлов. По его представлению решение о совместной работе было принято болгарским Народным Собранием<sup>7</sup>. Из Софии получено официальное приглашение. И у нас теперь к этой совместной работе все инстанции изменили отношение. Прежде со мной по этому вопросу разговаривали сквозь зубы, небрежно. Теперь говорят с милой улыбкой, торопят. Еще недавно все мои сотрудники не верили в реальность совместной работы над атласом болгарских говоров. Но мечты превращаются в реальность! Боюсь только, что на этот год дадут денег меньше, нежели я запросил. Я планировал от нашей страны участие 20 болгаристов на два месяца. Говорят, что пошлют только семь человек. Началась подготовка к четвертому конгрессу славистов, который состоится в Москве осенью 1958 г.<sup>8</sup> Президиум АН СССР утвердил состав Комитета по подготовке конгресса<sup>9</sup>, на который возложена вся работа. Боюсь, что на меня взвалят много всякой работы, так как в состав Комитета вошло много вельмож, которые умеют только командовать.

**15 февраля.** Пришел из Софии четвертый номер за 1955 г. журнала «Български език». В нем среди других статей опубликована моя статья о принципах кар-

тографирования болгарских народных говоров<sup>10</sup>. Статья представляет текст моего доклада, который я читал в прошлом году в Софии. В том же номере напечатана заметка С. Стойкова о моем прошлогоднем пребывании в Болгарии<sup>11</sup>. Вчера на Отделении исторических наук выступил с отчетом о нашей поездке в Болгарию. Должен был делать доклад я, так как был руководителем группы. Много задавали вопросов. Отчет прошел успешно. Председатель выразил мне благодарность.

**26 февраля.** Кончается второй месяц года, а итоги слабые. Слишком много занимался второстепенными делами. Они много съедают времени. Почти ничего не сделал по сравнительной грамматике. Заметно продвинул словарь.

**28 [апреля].** Стойков в Москве. Работаем совместно над вопросом будущего атласа. Много спорим, но работаем дружно. С ним работать легко. Прекрасный человек! Много спорного в разделе фонетики. Стойков склонен все сводить к произношению отдельных слов, тогда как я стремлюсь выявить фонетические явления. Написал статью «Дринов-языковед». Читал ее на заседании сектора в присутствии Стойкова. Ему понравилось. Опубликую ее в «Кратких сообщениях» нашего Института<sup>12</sup>.

**10 мая.** Я много лет посвятил изучению русской истории XIX в. Конечно, я не изучал подлинные материалы, не сидел в архиве. Читал сочинения русских историков и, главным образом, мемуары известных государственных деятелей России этого периода. Толчок был дан еще в школьные годы, когда я в отцовской библиотеке нашел известное издание Гранат, посвященное русскому XIX в.<sup>13</sup> Поражает скудость умных, профессионально образованных государственных деятелей. Сколько было гурьевых, клеймихелей, шуваловых... И цари в вопросах внешней политики были полными дилетантами. Конечно, были среди государственных деятелей яркие личности ([П. Д.] Киселев, Н. А. Милютин), но им было очень трудно работать в условиях царской бюрократии. Они были связаны по рукам и ногам. Сколько крупных ошибок было сделано в XIX в. русскими государственными деятелями! Вот одна из ужасных ошибок. Ценой больших жертв русская армия заняла Болгарию и подошла почти к Константинополю<sup>14</sup>. И в этот момент армию останавливают и начинают мирные переговоры, которые кончаются позорным Берлинским миром<sup>15</sup>. Решение могло быть только одно — нужно было ввести русскую армию в Константинополь. Русское командование испугалось возможности войны с Англией. Но в это время Англия на большую войну с Россией не пошла бы<sup>16</sup>. После опыта Крымской кампании английские государственные деятели поняли, что на Черном море у России выиграть войну европейские государства не могут. Россия в Крымской войне понесла большое поражение, но ни Англия, ни Франция ничего не выиграли от победы.

**12 мая.** Принял решение провести в ноябре месяце в Институте конференцию, посвященную некоторым вопросам сравнительной грамматики славянских языков. Это будет своего рода репетиция перед будущим конгрессом славистов. На конференцию нужно будет пригласить не только специалистов академических институтов, но и университетов. Пока наметил следующую повестку дня: С. Б. Бернштейн. Обсуждение проспекта «Очерка сравнительной грамматики славянских языков»; Р. И. Аванесов и Л. Э. Калнынь. Категория твердости-мягкости согласных фонем в славянских языках; В. Н. Топоров. Балто-славянские языковые отношения; О. Н. Трубачев. Задачи славянской этимологии. Это пока лишь первые наброски. Уверен, что докладов будет много.

16 мая. Завтра начинается заседание Международного комитета славистов, посвященное подготовке Четвертого конгресса славистов. Уже вчера начался съезд ученых. Мы все распределили между собой обязанности по встрече. Я встретил А. Мазона (Франция) и Е. Хилл (Великобритания). Первый раз я видел Мазона в 1932 г. в Москве. Он посетил тогда наш Институт языкознания, знакомился с работой сотрудников. Меня тогда поразило его превосходный русский язык. Он говорил не только правильно грамматически, но и безупречно в фонетическом отношении. Вчера я обратил внимание на то, что он говорил по-русски несколько напряженно. Чувствовалось, что он боится сделать ошибку. Приезжал он в Москву в 1945 г. За эти годы постарел, но и сейчас сохранил подвижность и молодую реакцию. По дороге в город в машине спрашивал о Селищеве. Благодарил меня за то, что несколько лет тому назад я послал ему очередной выпуск «Докладов и сообщений филологического факультета МГУ», содержащий доклады о Селищеве<sup>17</sup>. Затем пришлось ехать на аэродром встречать Хилл. Я не знал ее в лицо, не имел никакого представления о ее научных трудах. Однако наши молодые помощники, которые эти дни все время проводят на аэродроме, отыскали эту даму. Эта англичанка очень похожа на еврейку и говорит по-русски с сильным одесским акцентом. Она мне сообщила, что славистику изучала под руководством А. И. Белича. Вечером посетил Белича в гостинице. Мы не виделись с 1947 г., когда он читал лекции студентам славянского отделения МГУ. Мы не думали, когда расставались на аэродроме в 1947 г., что не увидимся много лет. Наоборот, речь шла об укреплении наших научных и учебных контактов... Никто из нас не мог предполагать, что скоро наступит полный разрыв между нашими странами. Встреча в гостинице была очень теплой. Вспоминали разные случаи из пребывания Белича у нас в послевоенные годы. Академик заметно постарел, стал грузным, лицо отяжелело. Не следует, однако, забывать, что летом ему исполнится 80. Но и сейчас ему не дашь семидесяти. Закончилась командировка Стойкова. Хорошо и очень плодотворно поработали. Он пробыл в Москве сорок дней. Можно сказать, что теперь мы готовы к сбору материала для болгарского лингвистического атласа. Точно и детально обсудили план первой экспедиции, которая будет работать в Бургасском округе.

17 мая. Сегодня состоялось первое заседание Международного комитета славистов. Утреннее заседание почти все ушло на знакомство. Я впервые видел Р. О. Якобсона, А. Стендер-Петерсена, В. Дорошевского, И. Кнежу и многих других. Из прибывших знал Лер-Сплавинского, Мазона, Гавранка, Георгиева... Было заметно, что наибольший интерес советские ученые проявляют к Якобсону. Вокруг него всегда сустились разные люди. Чувствовалось, что Роман Осипович взволнован. Уже несколько десятилетий он не был в родном городе. Фасмер интересовался работой славянского отделения университета. Говорил о своих ближайших планах. Первый день прошел достаточно сумбурно. В значительной степени в этом повинен Виноградов, который заранее не продумал плана.

18 мая. Сегодня весь день обсуждалась повестка дня будущего конгресса. Говорили о составе будущих делегаций из стран-участниц. Обсуждение шло довольно хаотично. Виноградов плохо справляется со своими обязанностями председателя. Интереснее беседы в кулуарах, за обедом, вечером. Приезжих гостей развлекают: театры, поездки по городу, за город, в Загорск. Некоторые приехали со своими женами. Нашим молодым помощникам – хлопот полон рот. Сегод-



ня долго разговаривал с Фасмером. Рассказывал ему о Селищеве. Научные интересы этих двух ученых были очень близкими. Фасмер рассказывал об условиях его жизни в Германии во время фашизма. Он даже собирался совсем уехать в США, но пробыл там совсем недолго, так как очень не понравились условия американской жизни, весь быт и нравы.

**24 мая.** Отдыхаем после заседаний Международного комитета славистов.

**26 мая.** Говорят, что «Литературная газета» готовит материал для статьи о положении в языкознании после дискуссии. Якобы собираются основательно высечь Виноградова. Заметно, что академик нервничает.

**27 мая.** В первом номере журнала «Български език» за этот год опубликована заметка С. Илчева<sup>18</sup>, в которой он убедительно показывает несостоятельность критических замечаний Б. Симеонова о моем болгарско-русском словаре, опубликованном в 1953 г. Симеонов в прошлом году в журнале «Език и литература» напечатал рецензию на мой словарь<sup>19</sup>. Среди его недостатков рецензент указал на большое число устаревших и областных слов. Илчев свидетельствует, что все указанные рецензентом слова часто встречаются в произведениях современных писателей, в разговорном языке городских жителей, в частности Софии. В противоположность Симеонову Илчев положительно оценивает наличие указанных рецензентом слов. По мнению Илчева, словарь должен содержать те, теперь уже, может быть, устаревшие, слова, которые, однако, хорошо известны болгарину и которые встречаются в произведениях болгарских писателей начиная с Ив. Вазова.

**10 июня.** Закончил сегодня составление буквы Д. Летом планирую подготовить буквы Е, Ж, З. Это потребует напряженной работы. Завтра переезжаю на дачу. Стоит сильная жара. Это плохой признак. По моим наблюдениям, очень жаркий июнь предвещает холодный июль и август. В связи с началом совместной работы над болгарским диалектологическим атласом Ученый совет Института по моему представлению принял решение наше издание «Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР» переименовать в «Статьи и материалы по болгарской диалектологии» и просить дирекцию Института болгарского языка БАН включить своего представителя в редколлегию издания. Фактически теперь это будет орган «Болгарского диалектологического атласа».

**20 июня.** Сегодня исполнилось ровно 25 лет со дня моего выступления в Коммунистической академии с докладом о формировании русского литературного языка. С этого дня я веду начало своей научной деятельности. Прошло десять лет со дня смерти М. В. Сергиевского. В университете состоялось торжественное заседание с докладами, посвященными различным сторонам деятельности Максима Владимировича. Я читал доклад «М. В. Сергиевский — балкановед».

**24 июня.** Наконец с большим запозданием вышел из печати восемнадцатый выпуск «Кратких сообщений» Института. В нем опубликован подробный prospect моей сравнительной грамматики<sup>20</sup>. Опубликован с большим запозданием. Теперь уже нет необходимости проводить его обсуждение, так как через год я уже должен завершить книгу. Первый том «Очерка» будет содержать обширное введение и фонетику. В пятом номере «Вестника АН СССР» опубликован сокращенный текст моего доклада о поездке в Болгарию<sup>21</sup>. Сегодня Ученый совет Института утвердил к печати третий выпуск «Вопросов славянского языкознания». Выпуск получился интересным. Он почти целиком посвящен балто-славянским

проблемам. В нем публикуются статьи Лер-Сплавинского, Куриловича и других менее известных специалистов<sup>22</sup>. Пора думать о четвертом выпуске. Думаю посвятить его славяно-романским языковым отношениям. Пошлю приглашения Росетти, Михаиля, Поповичу<sup>23</sup>. Для сборника статей к конгрессу славистов, который готовит Комитет славистов, напишу статью о так называемом балто-славянском языковом единстве<sup>24</sup>. Хочу показать, что теория балто-славянского праязыка принесла большой вред сравнительной грамматике славянских языков. На днях получил письмо от Р. О. Якобсона. Живу на даче и погибаю от холода. В этом году практически нет лета. В будущем году лето буду проводить на юге.

**28 июня.** Сегодня ночью вылетели в Болгарию Чешко, Толстой, Зеленина, Станишева и Рожновская. С первого июля наша экспедиция в составе болгарских и советских диалектологов начнет работу в юго-восточной Болгарии. Я вылету в Болгарию 5 сентября и пробуду там шесть недель. Несколько дней тому назад у меня произошло столкновение с Виноградовым. Я показал, что он плохо руководит очень сложной работой по подготовке к конгрессу славистов. Он не умеет руководить большим делом. Мне еще придется иметь дело с этим гангстером.

**18 августа.** Все время стоит ужасная погода. Уже совсем переехал в город. От Якобсона получил брошюру «Славянские языки»<sup>25</sup>. Жидковато. От Куриловича получил новую книгу «Апофония в индоевропейском» (по-французски)<sup>26</sup>. Многие разделы книги в виде статей публиковались раньше. До отъезда в Болгарию должен написать доклад о лингвистическом картографировании болгарских говоров, статью о преподавании сравнительной грамматики славянских языков. Первый доклад буду читать в Болгарии на совещании диалектологов, второй – на совещании в Министерстве высшего образования СССР.

**23 августа.** Неожиданно вспомнил сегодня содержание одной беседы с Селищевым. Он говорил примерно так. Мы с Вами занимаемся важным делом. Однако наши кормильцы не имеют никакого отношения к результатам нашего труда, он им не нужен. Крестьянин относится к нам с большим уважением, но это уважение бескорыстное, возвышенное. А чем русская интеллигенция платит ему за это? В массе своей ничем. Бескорыстие крестьянина непонятно аристократу. Вот почему граф Толстой так активно не любил нашу науку. По самой своей социальной природе он не мог быть бескорыстным. Плохо, что сейчас резко сокращается число сельских жителей. Это еще даст свои печальные результаты.

**4 сентября.** Сегодня ночью вылетаю в Софию. Пробуду в Болгарии шесть недель. По полученным сведениям, дела экспедиции идут хорошо.

**14 октября.** 11 октября прилетел из Софии. Пробыл в Болгарии пять недель. Наша первая экспедиция прошла очень успешно. Удалось обследовать значительную часть Бургасского округа. Создан единый творческий коллектив из болгарских и советских диалектологов, в чем большая заслуга Стойкова. Между болгарскими и советскими диалектологами установились дружеские взаимоотношения.казалось, что работал коллектив ученых одной страны. Беседы носили свободный и откровенный характер. Наши диалектологи своим трудолюбием и знаниями завоевали большой авторитет. Из болгарских диалектологов хотел бы отметить Младенова, Холиолчева, Велчеву. Я посетил многие села Бургасского округа, наблюдал за работой диалектологов, сам проводил наблюдения не только по программе атласа. Хорошо познакомился с болгарским крестьянином, с его психологией, укладом жизни. В массе своей очень симпатичный народ, гостеприимный, смелый. Не боят-

ся говорить о всех сторонах своей жизни, часто критикуют действия властей. Свободно держатся перед микрофоном, беседу ведут непринужденно, любят веселые истории, все поют и танцуют. Большое впечатление оставляют дети. Держатся они свободно, раскованно, но не переходят границы дозволенного. Кроме многих сел посетил города Бургас, Анхиало, Несебыр, Грудово, Малое Тырново, Хасково, Харманли, Кырджали, Ивайловград, Свиленград, Ямбол, Сливен, Старую Загору и ряд других небольших городов. Снова был в Рыльском монастыре. Могу сказать, что теперь знаю большую часть Южной Болгарии. Имел возможность лучше познакомиться с Софией. Приобрел ряд ценных книг по болгаристике: Недельник Софрония Врачанского<sup>27</sup>, грамматику болгарского языка Неофита Рыльского<sup>28</sup> и др. На заседании Ученого совета Института болгарского языка прочитал доклад «Марин Дринов – языковед». Рядом со мной сидел Теодоров-Балан, который внимательно слушал. Мне было очень важно услышать мнение маститого старца, который лично хорошо знал Марина Дринова. Он сказал несколько хороших слов о моем докладе, а затем поделился своими воспоминаниями о встречах с Дриновым. В его выступлении прозвучала критическая нотка в адрес харьковского профессора: Дринов с удовольствием вернулся в Харьков («к себе домой»). Таким домом для Дринова был Харьков, а не София, которая была объявлена столицей по предложению самого Дринова. Ближе познакомился со своими софийскими коллегами. Еще больше стал ценить Стойкова – прекрасного человека, отличного диалектолога, заботливого учителя. Утвердился в своем отрицательном отношении к Лекову. Встречался в Софии с Райной Кандевой и Марой Колинкоевой. Первая чувствует себя в новой Болгарии хорошо. Она окружена почетом, всеобщим уважением. Колинкоева настроена резко враждебно к новым порядкам. Она даже сказала мне: *«Неправильно я прожила свою жизнь. Я боролась с плохой жизнью, а пришла новая – еще хуже»*. Она не может простить Димитрову его трусливого поведения в период ежовщины, когда он побоялся заступиться за своих лейпцигских товарищей Танева и Попова, когда он спокойно взирал на аресты многих болгарских эмигрантов в Советском Союзе, в том числе на арест ее сына Мирча.

17 ноября. На Ученом совете Института сделал доклад о прошедшей экспедиции в Болгарии. Слушали с интересом, задавали вопросы. Приняли решение об успешном завершении первой экспедиции. Теперь задача состоит в подготовке второй, во время которой должно быть обследовано значительно больше населенных пунктов.

Н. А. Кондрашов недавно предстал перед нами во всей своей красе. Этот подонок присвоил чужой текст. Украинский языковед Белодед сообщил, что глава «Украинский язык» в книге Кондрашова «Славянские языки»<sup>29</sup> принадлежит ему, а не Кондрашову. Этот тип способен на любое преступление. На днях вернулась из Софии Станишева. Я оставил ее в Софии за счет неиспользованных нами дней для копирования материалов экспедиции. Она привезла с собой номер газеты «Софийски университет», первая страница которой целиком посвящена нашей экспедиции. Недавно уехал домой профессор П. Динеков, который находился у нас в кратковременной командировке. Я познакомился с ним еще в Софии в прошлом году, но теперь имел возможность узнать его ближе. До конца года должен завершить введение к «Очерку сравнительной грамматики», которое должно содержать несколько учетно-издательских листов, и написать статью о балто-славянской языковой общности для сборника статей к конгрессу славистов.

24 ноября. Последнее время работаю вяло. Плохо отдохнул летом. Все время переделываю написанное. Много думаю над характером балто-славянских языковых отношений. Все говорит против существования в прошлом балто-славянского праязыка. Много общего между языками этих групп, но все эти черты позднего происхождения.

2 декабря. Сегодня внезапно умер Валентин Тихонович Дитякин. Его из Казани в 1943 г. привез в Москву Державин. Он дал ему должность секретаря Славянской комиссии, полставки на факультете, где он вместо Державина читал лекции по курсу введения в славянскую филологию, и в связи с ликвидацией Славянской комиссии полставки в Институте славяноведения АН СССР. Читал лекции он очень плохо, вульгарно. До дискуссии 1950 г. молился на Марра. Последние годы по моей просьбе лингвистических вопросов не касался. Из Института вылетел еще несколько лет тому назад. Он сдал, якобы в законченном виде, монографию «История Хорватии». На проверку оказалось, что он представил груды выписок из различных трудов русских и зарубежных историков. Оправдывался он так: «Я не думал, что кто-то будет читать мою рукопись». В молодые годы он интересовался историей Италии, Леонардо да Винчи. Об этом великом итальянце он для детей написал книгу, которая находится сейчас в издательстве<sup>30</sup>.

5 декабря. Вчера на Ваганьковском кладбище хоронили Дитякина. Пришло много народу. На похоронах был известный шалопай моих студенческих лет Вася Гуков. Я его не видел 25 лет. Очень сильно изменился, постарел. Много лет провел в лагерях.

7 декабря. Еще в юношеские годы меня привлекали явления, факты, имеющие отношение к подсознательному. Этот интерес шел не только от книг, но и от собственных переживаний. В 16-летнем возрасте меня томили какие-то неясные желания, возникали совсем неожиданные ассоциации, вызывавшие порой совсем странные проявления. Много меня мучило, томило, наполняя тоской и ожиданием чего-то неожиданного... Понять причины этого я не мог. Иногда все эти состояния связывались с определенными лицами, с музыкальным мотивом. Вдруг какие-то слова, поступки, вещи заставляли сжиматься сердце, вызывали все признаки депрессии. Именно в это время я запоем читал произведения Фрейда, Бергсона... Никогда не забуду того состояния, в каком я находился при первом знакомстве с романом Марселя Пруста «В поисках за утраченным временем»<sup>31</sup>. Героем романа был я сам. Все его переживания были моими переживаниями. В русской литературе я не нашел ничего подобного. Большую роль в этот период играли сновидения, обычно не их содержание, а какое-то определенное лицо или предмет. Возникло желание посвятить свою жизнь философии, изучению проблем подсознательного. Об этом я уже писал. Новая встреча с Прустом у меня произошла в годы войны в Ашхабаде. И снова я испытал мощь писательского гения великого французского писателя.

10 декабря. Приближается 80-летие известного югославского лингвиста. Речь идет о профессоре Люблянского университета Райко Нахтигале. Люблянский университет готовит сборник в его честь. Вчера получил приглашение принять участие в этом сборнике. Срок – март 1957 г. Пошлю статью о К. Мисиркове<sup>32</sup>. Нахтигалю принадлежит хороший учебник по сравнительной грамматике славянских языков, капитальные труды по старославянскому языку и письменности, по балканистике. Принадлежит к поколению Белича, Ильинского, он во многом опередил их в понимании взаимосвязи отдельных элементов языковой структуры.

15 декабря. В ближайшие дни сдаю в издательство очередной том «Ученых записок». Булаховский для этого тома дал большую работу «Акцентологический комментарий к болгарскому языку»<sup>33</sup>. Это первая работа Леонида Арсеньевича, которая будет опубликована в трудах нашего Института. К сожалению, сочинение очень слабое. В своих суждениях он опирается на материал, извлеченный из элементарных двуязычных словарей болгарского языка. Ценнейшие данные диалектов автор не использовал. На днях выходит из печати тринадцатый том «Ученых записок»<sup>34</sup> и второй выпуск «Вопросов славянского языкознания»<sup>35</sup>. В ближайшее время сдаем в издательство труд «Основные вопросы болгарской грамматики»<sup>36</sup> и диссертацию О. Н. Трубачева о славянских терминах родства<sup>37</sup>. Готовлю очередной (четвертый) выпуск «Вопросов славянского языкознания», посвященный в основном славяно-романским языковым контактам.

19 декабря. Закончил статью о балто-славянской языковой сообщности. Она будет опубликована в первом сборнике к конгрессу славистов. Этот том поручено редактировать мне. Первые три статьи будут посвящены балто-славянским языковым отношениям<sup>38</sup>. В статье Вл. Георгиева активно защищается теория балто-славянского языка. С иных позиций этот вопрос рассматривается в статье английского слависта Матьюса и в моей статье.

25 декабря. Сегодня состоялось заседание бюро Отделения исторических наук. Одним из вопросов повестки дня был мой отчет о прошедшей диалектологической экспедиции в Болгарии. Отчет прошел удачно. Слушали с большим интересом, задавали вопросы. Утвержден проект постановления. Изменена лишь оценка (она повышена) и объявлена благодарность мне и профессору Стойкову. Думаю, что вторая экспедиция пройдет еще удачнее. При Отделении исторических наук создана комиссия, которая должна заниматься организацией подготовок мемуаров и их публикацией. Эту комиссию возглавляет академик И. М. Майский. По рекомендации академика Тихомирова от Института славяноведения в состав комиссии включен и я. Я не стал возражать. Несколько слов о работе комиссии сказал Майский. Он с горечью говорил о том, что теперь очень редко пишут мемуары, многие важные события уходят бесследно. Он лишь благоразумно умолчал о причинах этого. Из печати вышел тринадцатый том «Ученых записок» Института. Том содержит только лингвистические работы. На днях состоялось заседание Комиссии по гуманитарным наукам при Комитете по Ленинским премиям. Я член комиссии и поэтому должен был участвовать. По языкознанию выдвинуты три работы: труд академика Шишмарева, посвященный старофранцузскому языку<sup>39</sup>, турецкая грамматика Кононова<sup>40</sup> и русско-узбекский словарь<sup>41</sup>. Мы рекомендовали пленуму утвердить книгу Шишмарева.

31 декабря. Через несколько часов закончится старый год. Год прошел интересно. Главное – удачно проведена первая диалектологическая экспедиция в Болгарии, создан хороший творческий коллектив диалектологов, с которым можно уверенно решать трудную задачу создания атласа болгарских говоров. Основательно продвинул сравнительную грамматику, болгарско-русский словарь, написал несколько статей по различным вопросам. Много сил и времени отдал редактированию. Планов на новый год много. Конечно, не все они будут выполнены. От их выполнения отвлекают неожиданные и срочные дела, которые планированию не поддаются.

## Примечания

- <sup>1</sup> В газете «Вечерняя Москва» от 21 января 1956 г. была напечатана анонимная заметка «Международные связи советских ученых», посвященная решениям международного совещания славистов в Белграде. Упомянув, что Президиум АН СССР решил, после обсуждения итогов совещания, издать ряд сборников и исследований, автор назвал в качестве примера «Очерки сравнительной грамматики славянских языков» С. Б. Б. Другие конкретные издания в заметке названы не были.
- <sup>2</sup> В состав Академии наук СССР Т. Лер-Сплавинский избран не был.
- <sup>3</sup> Орлова В. Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров (диссертация защищена в Институте языкознания АН СССР в 1956 г.).
- <sup>4</sup> Кандидатская диссертация В. Г. Орловой «К истории звуков *в-ф* в русском языке» была защищена в ИФЛИ весной 1941 г.
- <sup>5</sup> Маслов Ю. С. Очерк болгарской грамматики. Уч. пособие для уч-тов. М., 1956.
- <sup>6</sup> Книга В. В. Бородич не была опубликована.
- <sup>7</sup> Какого-либо формального решения в связи с выступлением Т. Павлова (см. об этом выступлении запись от 5 декабря 1955 г. и примечание к ней) сессия Народного Собрания Болгарии не принимала. Видимо, в данном случае речь идет о каком-то другом официальном документе.
- <sup>8</sup> IV Международный съезд славистов прошел в Москве 1–10 сентября 1958 г.
- <sup>9</sup> Вскоре этот орган стал официально именоваться Советским комитетом славистов.
- <sup>10</sup> Бернштейн С. Б. Задачите на картографирането на българските народни говори: (По материалите на Атлас на българските говори на територията на СССР) // Български език. 1955. № 4. С. 297–307.
- <sup>11</sup> Стойков С. Проф. С. Б. Бернштейн в България // Български език. 1955. № 4. С. 376–378.
- <sup>12</sup> Статья была напечатана в 21-м выпуске КСИС (М., 1957. С. 37–50).
- <sup>13</sup> История России в XIX веке. М., 1907–1911. Т. 1–9.
- <sup>14</sup> Речь идет о разгроме турецкой армии русскими войсками в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.
- <sup>15</sup> Берлинский трактат, подписанный представителями России и других великих европейских держав 1 июля 1878 г., в заключительный день работы Берлинского конгресса, радикально изменял в ущерб России условия завершившего русско-турецкую войну Сан-Стефанского мирного договора.
- <sup>16</sup> По мнению подавляющего большинства специалистов по истории внешней политики России, Англия в случае оккупации русскими войсками Константинополя была вполне готова при поддержке Австро-Венгрии начать крайне невыгодную для России войну.
- <sup>17</sup> Доклады и сообщения. Филологический факультет МГУ. М., 1947. Вып. 4.
- <sup>18</sup> Илчев С. По повод на две рецензии // Български език. 1956. № 1. С. 91–94.
- <sup>19</sup> См.: Език и литература. 1955. № 1/2. С. 140–142.
- <sup>20</sup> Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков: (Проспект) // КСИС. М., 1956. Вып. 18. С. 3–26.
- <sup>21</sup> Бернштейн С. Б. В Отделении исторических наук (доклады о зарубежных поездках советских ученых) // Вестник АН СССР. 1956. №5. С. 85–86.
- <sup>22</sup> Вопросы славянского языкознания. М., 1958. Вып. 3. В сборнике опубликованы, в частности, статьи: Лер-Сплавинский Т. Балто-славянская языковая общность и проблема этногенеза славян (с. 5–14); Курилович Е. О балто-славянском языковом единстве (с. 15–49).
- <sup>23</sup> См.: Вопросы славянского языкознания. М., 1959. Вып. 4. Славяно-румынские языковые отношения: Проблемы праславянского языка. В сборнике опубликованы следующие статьи упомянутых С. Б. Б. ученых: Росетти А. Slavo-romanica (с. 3–7); Михаилэ Г. Некоторые вопросы изучения семантики древнеславянских заимствований в румынском языке (с. 73–89); Попович И. Когда славяне впервые заселили Южную Истрию? (с. 21–33).
- <sup>24</sup> Бернштейн С. Б. Балто-славянская языковая общность // Славянская филология. Сб. статей. М., 1958. Вып. 1. С. 45–67.

- <sup>25</sup> *Jakobson R.* Slavic languages. A condensed survey. 2-d ed. New York, 1955.
- <sup>26</sup> *Kuryłowicz E.* L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956.
- <sup>27</sup> *Софроний Врачански.* Кириакодромион сиреч неделник поучение... Римник, 1806 (книга неоднократно переиздавалась).
- <sup>28</sup> *Неофит Рилски.* Болгарска граматика. Крагуевац, 1835.
- <sup>29</sup> *Кондрашов Н. А.* Славянские языки. М., 1956.
- <sup>30</sup> См.: *Дитякин В. Т.* Леонардо да Винчи. М., 1959.
- <sup>31</sup> Речь идет о цикле М. Пруста «В поисках утраченного времени», состоящем из семи романов, впервые опубликованных в 1913–1927 гг. В этих романах Пруст попытался объяснить законы человеческой психики.
- <sup>32</sup> Речь, видимо, идет о вышедшем с опозданием счетверенном номере журнала «*Slavistična revija*» (1957, № 1/4), посвященном юбилею Нахтигала. В этом номере статья С. Б. Б. не появилась, о ее судьбе см. запись от 21 сентября 1960 г.
- <sup>33</sup> Работа Л. А. Булаховского была в окончательном виде опубликована в УЗИС (М., 1959. Т. 17. С. 3–72) под заглавием «Сравнительно-исторические комментарии к болгарскому ударению».
- <sup>34</sup> УЗИС. М., 1956. Т. 13.
- <sup>35</sup> Вопросы славянского языкознания. М., 1957. Вып. 2.
- <sup>36</sup> Книга вышла в виде сборника статей под названием «Вопросы грамматики болгарского литературного языка» (М., 1959).
- <sup>37</sup> *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
- <sup>38</sup> Кроме статьи С. Б. Б. (см. прим. 24) в сборнике опубликованы, в частности, статьи: *Георгиев В.* Балто-славянский, германский и индо-иранский (с. 7–27); *Матьюс В. К.* О взаимоотношениях славянских и балтийских языков (с. 27–45).
- <sup>39</sup> *Шишмарев В. Ф.* Историческая морфология французского языка. М.; Л., 1952. (Удостоена вместе с позднейшими работами автора Ленинской премии за 1957 г.)
- <sup>40</sup> *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.
- <sup>41</sup> Русско-узбекский словарь / Гл. ред. М. Т. Айбек, А. К. Боровков. Ташкент, 1950–1955. Т. 1–5.

# 1957

15 января. Май 1934 г. в Ленинграде был необыкновенно теплым. Перепадали по-летнему жаркие дни. Я бродил по городу, освобожденный от всех забот и обязанностей. Еще в середине апреля я сдал перепечатанные на машинке два экземпляра диссертации<sup>1</sup> своим официальным оппонентам профессору М. Г. Долобко и профессору Н. К. Дмитриеву. Теперь нужно было ждать самой защиты, которая была назначена на последний день мая. Я и мои товарищи были очень огорчены, что по новому постановлению была введена ученая степень кандидата наук. Кандидаты наук были и в дореволюционное время, но тогда эти звания не были учеными степенями<sup>2</sup>. Нам очень хотелось быть магистрами<sup>3</sup>. У меня не было серьезных оснований бояться за судьбу диссертации, но... Ничего не было известно о процедуре самой защиты. В постановлении о введении ученых степеней об этом не было ни слова. Не было и дополнительных инструкций. Директор Института речевой культуры профессор Л. П. Якубинский сказал лишь, что вступительная речь не должна повторять текста диссертации. Мне он предложил рассказать об общих проблемах балканистики. Во время работы над диссертацией у меня не было свободного времени думать о чем-либо другом. Теперь из головы не выходили Селищев, другие слависты<sup>4</sup>... Никаких сведений об их окончательной судьбе не поступало. После длительного напряжения наступила какая-то расслабленность, апатия. Сперва предполагал на некоторое время съездить в Москву, но потом раздумал. Бесцельно бродил по городу, заходил в музеи, в парки, ездил на парходике по Неве, смотрел кинокартины. Все время перед глазами стоял образ Афанасия Матвеевича, образ близкого и дорогого человека, которому сейчас очень тяжело. Все еще теплилась слабая надежда на освобождение. Ни Державин, ни Долобко не разделили судьбы Селищева<sup>5</sup>. Может быть, разберутся? Наступило 15, затем 20 мая, а оппоненты не дают письменных отзывов. Не получил я этих отзывов и за день до защиты. Познакомился с ними вместе со всеми присутствующими на защите. Наконец наступил день защиты диссертации. Моя защита была назначена на 14 часов. После ее завершения состоялась защита диссертации А. А. Бокарева на тему «Пассивный строй аварского глагола».

Наш небольшой зал переполнен. Это была одна из первых защит диссертаций в Ленинграде после январского постановления о введении ученых степеней. Пришли не только лингвисты, но [и] представители весьма далеких от нас специальностей. Всех интересовала процедура, сам ход защиты. Ученый секретарь Института огласил все необходимые материалы, кратко сообщил основные даты моей биографии. Затем Якубинский предоставил мне слово для вступительной речи. Она была посвящена общим проблемам балканистики. По совету Якубинского я говорил без бумажки, без заготовленного текста. Затем Якубинский обратился к присутствующим с просьбой задавать вопросы. Все молчали. Тогда



Якубинский вторично повторил свой призыв, указав, что можно задавать вопросы не только по диссертации, но и по специальности. Наступила тягостная тишина. Почему-то ноги стали свинцовыми, в горле пересохло. Никто не откликнулся на призыв председателя. Надо думать – пожалели меня. Я почувствовал огромное облегчение, когда Якубинский предоставил слово моему первому оппоненту Милию Герасимовичу Долобко. Наши отношения были сложными. Его многое во мне раздражало. Марризмом к этому времени он уже успел переболеть, но его по-прежнему заносило в сторону «высокой» теории. Столкновение произошло на практических занятиях по старославянскому языку, о которых я уже писал<sup>6</sup>. Моя диссертация носила прежде всего филологический характер, так как для установления путей и времени проникновения турцизмов в язык дамаскинов я должен был провести большую текстологическую работу. Все это было очень далеко от интересов Милия Герасимовича. Нужно, однако, сказать, что на защите он проявил объективность. Он дал высокую общую оценку работе, после чего приступил к анализу отдельных частностей, высказав свои соображения.

**21 января.** Недавно слушал доклад о Рузвельте. Мне кажется, что его роль в мировой истории преувеличивается. Это можно понять, когда о нем пишет его сын<sup>7</sup>, но не серьезные и опытные историки. В чем была сила Рузвельта? Он был волевым человеком, умным и наблюдательным политиком. Главное, однако, состояло в том, что он хорошо разбирался в людях, умел привлекать к себе людей активных, способных генерировать яркие и интересные концепции. Еще будучи губернатором штата Нью-Йорк, он сколотил группу таких людей: Они умели четко формулировать задачи момента, устанавливать пути их решения. Сам Рузвельт держал всех этих людей в тени. Широкая публика узнавала обо всем этом от самого Рузвельта, как плод его самостоятельных размышлений. Его реформы (так называемый «новый курс») были разработаны его талантливыми помощниками.

**3 февраля.** Стих Некрасова – загадка. Очень немногие его произведения могут выдержать строгий анализ любителя и знатока поэзии. В них много банальных образов, стертых и привычных приемов, бедная рифма... Немало противоречий и нелепостей. В интимную лирику поэт свободно вносил элементы книжного и даже канцелярского языка. Он хорошо знал крестьянскую речь, но часто вносил в нее чуждые ей элементы. Можно сказать, что стилистическая культура поэтического языка Некрасова была низкой. Несмотря на это, воспоминания о многих произведениях поэта с детских лет крепко сидят в памяти. Мое поколение несет в себе много образов Некрасова. Я когда-то сказал о противоречии поэзии Некрасова Гроссману. На это Леонид Петрович ответил: «Вы читайте Некрасова, но не анализируйте». Мудрый совет. Мощный талант может жить в помещении, построенном слабым архитектором. Конечно, это не прошло бесследно для современного восприятия поэзии поэта. Современное активное поколение не читает Некрасова. Возможно, в будущем интерес к его поэзии вновь вспыхнет. Из всех произведений поэта больше всего люблю «Мороз Красный нос».

**21 февраля.** Имеется странная и непонятная форма моноглотизма. Обычно моноглотизм является результатом незнания иностранных языков. Эта форма понятная. Однако я встречался с моноглотами, которые знали иностранные языки. Их ярким примером может служить известный французский славист А. Вайян. Он отлично знает сербохорватский язык, но всегда собеседнику сер-

бу или хорвату отвечает по-французски. Так и с русским языком. Мне говорил Леписье, что Вайян хорошо знает немецкий язык, но никогда не говорит на этом языке. Вайян понимает родную речь всех славян, но всегда отвечает им на своем родном языке. Вероятно, объяснить этот феномен могут только психологи. Может быть, Вайян в данном случае только подражал своему учителю А. Мейе? Но в таком случае можно переадресовать вопрос Мейе. Может быть, здесь играет роль французская спесь? Все должны знать язык Вольтера.

1 марта. Память хранит много картин и событий, относящихся к годам детства и отрочества. К самым приятным из них относятся общения с книгами. Уже в тот период моей жизни в моем бесконтрольном распоряжении была большая и отличная библиотека. Книги с самого раннего детства были моими друзьями. Они стояли на полках, одни в красивых и дорогих переплетах, другие в бумажных обложках. Однако все они в одинаковой степени были мне дороги. Я любил их гладить, осторожно перелистывая страницы всегда сухим пальцем и всегда с верхнего угла страницы. Общение с книгой наполняло душу спокойным блаженством, слаще которого я не знал. У меня не было прагматического отношения к книге: любая книга была для меня бесценным даром. Содержание одних книг было мне доступно, содержания других я не понимал, но и в этом случае я испытывал неизъяснимое состояние спокойной радости. Даже страшные рожи в альбоме Ламброзо не пугали меня. Любил часами рассматривать иллюстрации в книгах Брема, в «Истории земли» Мельхиора Неймайра, в русском издании книги «Мужчина и женщина». С тех пор прошло несколько десятилетий, но любовь к книгам не ослабела. Когда я возвращаюсь домой после долгой разлуки с библиотекой, я нежно смотрю на своих верных и бескорыстных помощников, глажу их корешки. Мне кажется, что они рады моему возвращению, что без меня они скучали. Заметил, что теперь они ревниво относятся к новым поступлениям, не пускают их на свою территорию. «Что нашел наш хозяин в этих бездарных книгах? – шепчут они. – Нам и без них тесно». Но они не всегда объективны. К их огорчению, некоторые старые книги покидают свои места совсем, чтобы на этих местах появились новые. Порой я слышу шепот неодобрения. Однако скоро устанавливаются мир и спокойствие. Книги, книги...! Не все они равноценны, но всех их я люблю какой-то особой книжной любовью. Если бы я обладал проницательностью Дж. Свифта, я бы мог многое рассказать о жизни моих книг, об их взаимоотношениях, спорах, а возможно, и о баталиях. Не могу понять, когда прилагательное *книжный* употребляется в пейоративном значении. С гордостью ношу звание книжного человека.

10 марта. В прошлом цитировать античных авторов было принято на языке оригинала. Это было естественно, так как каждый филолог должен был хорошо знать греческий и латинский языки. Теперь свободно читают древних авторов в оригинале только классики. Однако ныне признаком хорошего тона считается цитирование только в оригинале. Автор разыскивает оригинал, не без труда находит соответствующее место в опубликованном на известном ему языке переводе, таким образом уясняет себе суть дела, но в окончательном тексте своей книги или статьи дает только греческий или латинский текст. Меня это очень злит. Недавно я посадил в лужу одного типа. Я попросил его истолковать одно место в цитате из его статьи на греческом. Вышел настоящий конфуз. Думаю, что теперь он уже не осмелится кокетничать греческими цитатами. Вспомнил Твена, который в своих

путевых заметках о Германии писал: «У меня издавна зуб на людей, которые приводят иностранные тексты и не поясняют их тут же переводом. Предположим, что читатель – это я; если автор надеется, что я и сам разберусь, то он, конечно, льстит моему самолюбию, но пусть он лучше позаботится о переводе, а я, так и быть, поступлюсь самолюбием»<sup>8</sup>. Своим ученикам я всегда говорил о недопустимости при цитировании античного или иностранного автора ограничиваться только текстом оригинала. Если оригинал труден, возможны его различные толкования, то автор в сноске может привести еще и подлинный текст.

**20 марта.** Я не получил домашнего музыкального образования. Впервые познакомился с нотной грамотой в 1926 г. в педагогическом техникуме в городе Никольск-Уссурийск. В этом техникуме я проучился один год (1926/27 уч. г.). Здесь большое внимание уделялось музыкальной подготовке будущих учителей. Занятия вел импозантный старик Герман Иванович Тучинский де Вирра, известный в свое время композитор. Я был убежден, что не имею никаких музыкальных способностей и даже музыкального слуха. Поэтому я делал все возможное, чтобы не встречаться с Германом Ивановичем. Но я не знал его характера. Очень скоро он так мощно взял меня под свою опеку, что я был вынужден посещать все занятия. Мало того. Он не один раз заставлял нас после уроков оставаться для специальных упражнений. Неожиданно для меня он очень скоро добился того, что я стал сносно справляться с сольфеджио. Очень интересными были рассказы Германа Ивановича о видах музыкальных произведений, он учил нас по звуку распознавать инструменты. Сам он отлично играл на многих музыкальных инструментах, особенно любил скрипку. Учился я у Германа Ивановича только один год, прошел самые азы музыкальной грамоты. Главное, однако, состояло в том, что я понял: музыка для меня не закрытая книга.

Тогда же, в Никольск-Уссурийске, я стал посещать концерты. В памяти сохранился концерт известного в те годы скрипача Михаила Эрденко, во Владивостоке был на концерте Лео Сироты из Вены, который блестяще исполнил «Петрушку» Стравинского. В Москве в студенческие годы концерты посещал очень редко. В эти годы как-то заметно снизился интерес к серьезной музыке. Прошло несколько лет, и в Ленинграде вновь вспыхнула потребность слушать серьезную музыку. В сезон 1933/34 гг., несмотря на интенсивную работу над диссертацией, я посещал концерты в филармонии. Впервые серьезная музыка властно вошла в мой внутренний мир. Никогда не забуду исполнение сонат Бетховена А. Шнабелем, особенно 32-ю сонату. Исполнением этой сонаты Шнабель потряс весь зал. Не забуду игры скрипачей Хейфеца, Цимбалиста и других известных музыкантов.

Осенью 1933 г. неожиданно в ленинградском Доме учителя (известный особняк Ф. Юсупова) встретил Германа Ивановича. Прошло всего семь лет, но как сильно он изменился! От прежней импозантности не осталось и следа. Передо мной стоял бедно одетый, осунувшийся старик. Я назвал себя, но он меня не узнал. После переезда в Одессу мои музыкальные увлечения получили благоприятную почву. В этом музыкальном городе я имел возможность слушать симфонические концерты под управлением Ферреро, Бамбергера, Дранишникова, Рахлина и многих других интересных дирижеров, фортепианную игру Э. Петри...

После знакомства, а затем женитьбы на Ольге Николаевне я еще сильнее окупнулся в мир музыки. Мы вдвоем часто посещали концерты, часто встреча-

лись с местными музыкантами и певцами. Резкий поворот произошел в Москве. Сперва я еще изредка посещал концерты, но все реже и реже. Затем началась война. После войны решил вернуться к музыке с помощью домашнего прослушивания пластинок. Я приобрел много прекрасных пластинок, первое время часто их прослушивал, но сердце оставалось спокойным. Убежден, что серьезную музыку нужно слушать на людях, нужно видеть оркестр, дирижера, нужно быть празднично одетым.

17 мая. Исполнилось десять лет со дня преждевременной кончины Григория Осиповича Винокура. За эти годы произошло много событий, участником которых с большой пользой для дела мог бы быть Винокур. Григорий Осипович обладал тем профессорским красноречием, которое объединяет глубину изложения материала, железную логику, блестящую форму, безупречную литературную языковую норму. К этому еще следует добавить необыкновенный дар полемиста. Лекций я его не посещал, но слышал о них самые лестные отзывы. Много раз присутствовал на его докладах, слушал его выступления на различных заседаниях, на диссертационных диспутах. Много раз обсуждал с ним различные научные проблемы. Винокур обладал многогранным талантом. В иных условиях он добился бы значительных результатов. Университет он закончил во время гражданской войны, затем несколько лет работал журналистом за рубежом и у нас в стране. Наукой стал заниматься только в 30 лет, а преподавать в высших учебных заведениях начал только с 1933 г., 37 лет. Умер 50 лет.

Много времени трачу на всякие дела, связанные с предстоящим конгрессом славистов. Готовлю доклад, редактирую сборник<sup>9</sup> и многое другое. Мы все ждем многого от этого конгресса. На днях проходила сессия, посвященная вопросам соотношения диахронии и синхронии. Все закончилось пустой болтовней. Начали дискуссию по важнейшему вопросу теоретического языкознания при полном отсутствии новых мыслей. Вот уже несколько лет идут постоянные заседания, симпозиумы, коллоквиумы и пр., которые не имеют никакого отношения к подлинной науке. Достоинно сожаления, что в этот поток включились талантливые молодые ученые. Легко отказываются от прежних принципов, которые в свое время помогли им войти в науку. Ученому полезен особый вид консерватизма. Речь идет о верности тем принципам исследования, которые ученый усвоил в годы своей молодости. Нужно до конца использовать все их возможности. К новым принципам нужно переходить осторожно и только тогда, когда старые уже себя полностью исчерпали.

18 мая. Сейчас в Москве находится большая группа немецких филологов. По просьбе ректора я их опекаю. Вчера ездил с ними в Ясную Поляну. Стыдно признаться – вчера в Ясной Поляне был первый раз. Впечатление огромное. Впервые мемориальный музей взволновал до глубины души. После осмотра директор Пузиков рассказал о действиях немецких солдат и офицеров во время захвата ими Ясной Поляны<sup>10</sup>. Все немцы были взволнованы и подавлены. Фишер стал бледным. Я думал, что он потеряет сознание. Но, слава Богу, все обошлось. Эта часть в программу не входила, но директор не смог промолчать. Предполагался после осмотра музея обед. Однако немцы не захотели оставаться. Пришлось голодным покинуть это замечательное место.

20 мая. Умер Владимир Иванович Чичеров. В течение ряда лет он руководил на факультете кафедрой фольклора. В прошлом году в Абрамцево купил себе

дачу. С энтузиазмом начал заниматься садоводством: копал землю, в рюкзаке из лесу носил на свой участок хорошую землю и т. д. Все это закончилось мгновенной смертью. В 1929 г. вместе с ним ездил под Тверь, где мы записывали народные песни. К сожалению, в острые моменты нашей академической жизни не проявлял твердости характера. Панически боялся Василенка.

**26 мая.** Вероятно, придется на днях выехать в Софию. Весенняя поездка не предусматривалась программой. Все дело в том, что неожиданно возникают осложнения с предстоящей летом экспедицией. Нужно будет на месте выяснить все детали и определить условия.

**12 июня.** На днях выступал с докладом о балто-славянской языковой общности. Текст доклада будет опубликован в первом сборнике статей, публикуемом к предстоящему конгрессу славистов. По этой проблематике в сборнике будет опубликовано несколько статей. Вновь должен был вернуться к атласу болгарских говоров СССР, который уже давно лежит в Издательстве АН СССР. Удалось добиться включения его в список изданий к конгрессу. Однако директор Издательства потребовал сокращения объема рукописи. Пришлось изъять все тексты.

**7 июля.** 4 июля вернулся из Болгарии, где провел три недели. Занят был подготовкой второй экспедиции, картографированием собранных в прошлом году материалов и другими делами. Очень мешает подобострастность, с которой сталкиваешься на каждом шагу. В середине июня я прилетел в Софию. Полагал, что меня встретит Стойков и два сотрудника из нашей команды. Моему удивлению не было границ, когда возле самолета я увидел Мирчева, Георгиева, Лекова, Стойкова и очень много сотрудников Института болгарского языка. Здесь же был устроен банкет, на котором произносились речи. Подобные вещи меня угнетают. Я не верю в их искренность, они нарушают нормальный ход работы, отрывают людей от занятий наукой. Леков, конечно, поехал на аэродром потому, что побоялся проявить непочтительность к советскому гостю. Поселился в гостинице «Болгария». Первые дни провел в Софии, работал над подготовленными картами с результатами первой экспедиции. Часто возникали споры со Стойковым. Он не очень верит в наличие чисто фонетических изоглосс, не связанных с определенной лексикой. Я стою на другой точке зрения. За его спиной личный богатый опыт исследователя болгарских диалектов. Я опираюсь на опыт русских диалектологов прежде всего. В связи с подготовкой второй экспедиции вторично посетил Старую Загору, Тополовград и Елхово. Здесь нужно было проверить несколько картотек, материалы которых вызывали сомнение. После возвращения в Софию через два дня выехал вместе со Стойковым. Нужно было определить населенные пункты, встретиться с местным начальством. Посетили Пирдоп, Копривщицу, Сопот, Карлово, Калюфер, Казанлык, Шипку, Трявну, Тырново, а затем через Севлиево, Ловеч и Орхание вернулись в Софию. Много было интересных встреч. Поездка очень обогатила меня свежими впечатлениями, поставила на реальную почву мои книжные знания, приобретенные за многие годы изучения Болгарии. После возвращения из поездки вновь вместе со Стойковым терли наш вопросник атласа. По просьбе Георгиева на заседании Ученого совета Института болгарского языка прочитал доклад о балто-славянских языковых связях.

**11 июля.** В Софии у меня состоялся длительный разговор с Мирчевым о позиции Селищева в македонском вопросе. Мирчеву не все здесь было ясно. Он хотел уяснить некоторые аспекты. Селищев был решительным врагом Белича

и всех тех, которые утверждали, что в формировании македонских говоров какую-то роль играли сербские этнические элементы. Генетически македонские говоры вместе с собственно болгарскими говорами представляют единую группу, четко обособленную от говоров сербского языка. Это ясно. В этом пункте, сказал Мирчев, Селищев ближе нам, нежели Малецкий. Но одновременно возникает ряд вопросов. Милетич собирался в немецком переводе издать книгу Селищева «Очерки по македонской диалектологии»<sup>11</sup>. Из этого ничего не получилось из-за позиции Селищева. Милетич резонно хотел, чтобы книга называлась «Очерки по македонской диалектологии болгарского языка». Кроме того, он хотел внести некоторые незначительные изменения в текст, которые бы более рельефно охарактеризовали позицию автора в македонском вопросе на современном этапе. Селищев в резкой форме отверг это, и книга, к сожалению, не была опубликована. Многое остается для меня неясным, продолжал Мирчев, и в резко отрицательной рецензии на книгу Державина по македонскому вопросу, в которой Державин страстно защищал болгарскую каузу. Могу к Вашим вопросам добавить, сказал я, еще один факт. В 1928 г. в серии «Малка енциклопедическа библиотека» (№ 61 и 62) вышла в переводе Ст. Чилингирова книжка Селищева «Езикът като социално явление». В предисловии переводчика было написано, что Селищев «един от най-авторитетните защитници на българските права над Македония»<sup>12</sup>. Это вызвало страшный гнев Афанасия Матвеевича. Он был всегда далек от политических аспектов македонского вопроса. Его, лингвиста, интересовала история македонских говоров, а не современная политика. «Это дело болгар, и нам не следует вмешиваться в их дела, – говорил Селищев. – Формирование национального сознания – сложный процесс, в котором участвуют многие гетерогенные факторы. Учесть их в Москве невозможно. Это дело политиков, а не ученых». Зашел разговор о «Славянском языкознании». Рукопись этого труда Селищев отправил в Софию еще в 1935 г. Первый том содержал описание южнославянских языков, второй – западнославянских. Рукопись пролежала в Болгарии много лет и не была опубликована. Неожиданно возможность публикации труда уже в Москве возникла в 1938 г.<sup>13</sup> Селищев начал подготовку к печати старого труда не с южнославянского отдела, а с западнославянского. На мой недоуменный вопрос он ответил примерно так: «За прошедший период по западнославянским языкам сделано больше, нежели по южнославянским. Тем не менее мне легче начать с западнославянских языков, так как в данном случае речь идет лишь о дополнениях и незначительных исправлениях. В южнославянском томе теперь возникают новые аспекты, которых прежде не было. Я имею в виду македонскую проблему». Так говорил Селищев. Мне известно, что в курсе «Введение в славянскую филологию», который он читал в 1938 г. в ИФЛИ, он, перечисляя южнославянские языки, вслед за болгарским называл македонский. В это же время я из редакции «Большой советской энциклопедии» получил заказ написать статью «Македонский язык». До сдачи в редакцию я показал текст Селищеву. Он его одобрил. Вот почему я имел право написать в статье «Вклад ученых Московского университета в изучение болгарского языка» следующие слова: «Селищев умер до событий, которые привели к созданию македонского

\* Один из самых авторитетных защитников болгарских прав на Македонию (болг.).

литературного языка. Нет никаких сомнений в том, что он горячо бы приветствовал формирование нового литературного славянского языка». Это цитата из статьи, которая печатается в «Известия на Института за български език» (кн. V)<sup>14</sup>. Уже была корректура. Мне сказали в Институте, что книга скоро выйдет в свет. Мирчев внимательно слушал мой рассказ.

**24 августа.** 22 августа вернулся из отпуска. В этом году провел его отлично. Хорошо отдохнул, получил много впечатлений, видел много интересного. Большую часть времени жил в Гаграх, посетил Сочи, Лоо, Ахун, Хосту, Мацесту, Пицунду, Гудауты, Новый Афон и Сухум. Прожил несколько дней на озере Рица. В некоторых из указанных мест бывал и прежде. Чудесные места! Однако к концу пребывания в этих райских местах почувствовал пресыщение. С удовольствием вернулся в родную Москву. В Болгарии уже идет вторая экспедиция. Я должен выехать туда 7 сентября. Пробуду там месяц. Вышел из печати второй номер журнала «Български език», в котором опубликован отчет о прошлой экспедиции, подписанный Стойковым и мною<sup>15</sup>.

**13 октября.** 11 октября вернулся домой. В Болгарии участвовал во второй экспедиции. Вместе со Стойковым посетил все группы участников экспедиции, некоторые по два-три раза. Видно было, что в этом году все работают увереннее. Уже накоплен известный опыт. Правда, не все в одинаковой степени работают добросовестно. Некоторые стараются облегчить свои задачи. Это выражается в том, что основательно изучают говор того села, в котором живут. Соседние села часто обследуют поверхностно, говор их подгоняют под говор основного села. Были вскрыты случаи недобросовестного отношения. Все они были предметом специального обсуждения. В Софии состоялось детальное обсуждение итогов второй экспедиции. Были споры, но дружба наша стала еще крепче. Со Стойковым работать одно удовольствие: отличный диалектолог и прекрасный человек. Вместе с ним на автомобиле сделал более тысячи километров, и это на небольшом пятакке! Был в Жеравне, Котеле, Сливене, Ямболе, Варне и многих других местах. В конце своего пребывания вторично посетил Родопы, Рыльский монастырь. Во время моего пребывания в Болгарии из печати вышел сборник в честь Ст. Младенова<sup>16</sup> и пятый том «Известий Института болгарского языка». В обеих книгах опубликованы мои статьи.

**22 октября.** Вышел из печати третий номер за этот год польского журнала «Język polski». В нем опубликовано мое письмо профессору К. Нитшу<sup>17</sup> в связи с демагогическим выступлением в печати Ташицкого. Он обвинил Нитшу в том, что последний игнорирует работу советского слависта Бернштейна о диалектной основе польского литературного языка. Я резко оценил поступок Ташицкого и разрешил Нитшу опубликовать мое письмо в его журнале. Тяжело, когда серьезного ученого нужно уличать в безнравственных поступках.

**7 ноября.** Живу на даче у Аванесова в Абрамцево. Сидим почти все дни над текстом нашего совместного доклада для конгресса славистов. Доклад посвящен Общеславянскому лингвистическому атласу<sup>18</sup>. Поделили его на две части. Я работаю над первой частью, Рубен Иванович над второй. Так работаем до обеда. После обеда часа два слушаем музыку, один час гуляем, а вечером обсуждаем те части, над которыми работали утром. Много спорим. В некоторых пунктах разногласия весьма значительны. Я подчеркиваю своеобразие общеславянского атласа, его отличие от национальных атласов, пытаюсь это показать конкретно. У

Аванесова иная тенденция. Он хочет, чтобы ОЛА как можно больше походил на русский лингвистический атлас. Аванесов совсем не знает зарубежной славянской лингвистической географии, состояния диалектов славянских языков, все мерит на русский аршин. Совместную работу цементирует только наша дружба, которая не боится самых резких слов. Работа идет медленно. Мы полагали, что справимся за неделю. Однако работаем с первого ноября, а конца еще не видно. Часто уже совсем готовые разделы бракуем. По некоторым пунктам договориться не можем. В этом случае их исключаем из текста. Это снижает уровень доклада. Не думал, что работа будет такой трудной. Один я бы уже давно справился с задачей. Аванесов привык работать со своими учениками, которые послушно записывают все то, что диктует им их учитель. Здесь ситуация возникла иная. Мне кажется, что и Аванесов жалеет, что связался со мной. Все дело в том, что во многих вопросах теории и методики лингвистической географии мы стоим на разных позициях. В полной мере мы осознали это только теперь, но обратного хода нет. Нужно как-то завершить работу.

**15 ноября.** 12 ноября, наконец, закончили работу над текстом. Оба не в восторге от него. Мне кажется, что наша дружба дала маленькую трещину. Думаю, что это временно.

**25 ноября.** Во время работы над нашим совместным докладом я предложил всю работу над Общеславянским лингвистическим атласом провести в два этапа. Сперва подготовить вариант малого атласа с ограниченным числом вопросов и со значительно сокращенным числом населенных пунктов. Так, для русского языка следует ограничиться 80 пунктами. Остальным славянским языкам дать от 60 до 25 населенных пунктов. Это даст возможность завершить первый вариант ОЛА в сравнительно короткий срок. Главное, однако, состоит не в этом. Первый вариант поможет нам найти верный путь в нашей трудной затее, покажет, на что следует обратить особое внимание, а что можно отбросить при подготовке уже полного варианта. Пока мы все еще идем во многом ощупью, в потемках. Мы начали работать над капитальным трудом, которому пока еще не было аналогов в истории лингвистической географии. Необходим переходный этап к его полному осуществлению. Нашего опыта [работы] над русским, белорусским и болгарским атласами недостаточно. Этот тезис не нашел поддержки у Аванесова. Он самым решительным образом отверг мой план, хотя аргументов убедительных представить не мог. Мой довод о различной степени сохранности диалектов в различных славянских языках на него не подействовал. Не подействовали на него и мои аргументы, которые я высказал, опираясь на опыт совместной работы с болгарскими диалектологами над атласом болгарских говоров. Эти диалекты содержат значительно меньше фонетических изоглосс, не связанных с определенной лексикой, нежели русские диалекты. Большинство фонетических явлений в болгарских диалектах лексикализованы. В этом отношении русские и болгарские говоры значительно различаются. Против этого у Аванесова был лишь один аргумент: если обстоит дело так, то теряет всякий смысл наша работа над ОЛА. В таком случае чисто фонетических карт в ОЛА быть не может, а без таких карт ОЛА будет убогим. Мы попытаемся, сказал Аванесов, создать даже фонологические карты. В конце концов пришли к решению: мой план создания двух вариантов ОЛА в нашем совместном докладе не отражается. Скрепя сердце, я согласился. Однако доводы моего оппонента меня не убедили.



**30 ноября.** Из Кишинева пришло сообщение о смерти Леонида Ефимовича Корняну (Корнфельда). Известный в Молдавии поэт и драматург, он в современной молдавской литературе занимал определенное место. Среди так называемых «левобережников»<sup>19</sup> он выделялся хорошим знанием румынского языка. Впервые я познакомился с Леонидом Ефимовичем в Ленинграде осенью 1933 г., где мы одновременно проходили аспирантуру. Его руководителем был Владимир Федорович Шишмарев. Уже в то время он был автором нескольких сборников стихотворений на молдавском языке. Непосредственно в результате общения с ним я впервые серьезно заинтересовался румынским литературным языком и под его руководством приступил к его изучению. Сведения самого общего характера у меня были и прежде, но теперь мне захотелось в какой-то степени практически овладеть этим языком. Поэтому мы не столько занимались изучением грамматики, сколько тренировались в разговорной речи. Вновь встретились уже в Одессе в 1935 г., а затем несколько раз в 1937–1939 гг. Он часто приезжал в Одессу по делам службы из Тирасполя. Тогда он был руководителем молдавского радио. У него в те годы по службе часто случались неприятности, но до серьезного дело не доходило. Продолжал писать стихи. Именно к этому времени относятся его лучшие лирические стихотворения. После большого перерыва в 1946 г. встретились случайно в Москве. Ежегодно встречались в 1947, 1948 и 1949 гг. в Кишиневе, куда я приезжал во время ежегодных экспедиций в болгарские села Бессарабии. В один из своих приездов жил у Леонида Ефимовича и имел возможность наблюдать его семейную жизнь. В эти годы он фактически перестал писать стихи и перешел на написание пьес и либретто музыкальных комедий. В прошлом он был способным лирическим поэтом, теперь же стал плохим драматургом. Много переводил с русского и украинского языков. Думаю, что в послевоенный период эта его деятельность была самой важной. Пытался заниматься фольклористикой, но без больших результатов. Много времени и сил уходило на семейные дела. Он оставил свою жену. Было много скандалов, которыми с удовольствием жил небольшой Кишинев. С этого времени он стал часто болеть. Последний раз я видел его у себя в Москве года три тому назад. Выглядел он очень плохо, сильно похудел, то и дело возвращался к теме смерти. Вспоминали молодые годы, годы весьма тяжелые, но вспоминали их легко, даже с удовольствием. При расставании он сказал, что видимся в последний раз. Так оно и случилось.

**6 декабря.** Сегодня исполняется 15 лет со дня смерти Афанасия Матвеевича Селищева. Думали устроить торжественное заседание по этому случаю, но, конечно, не успели. Все загружены сверх всякой меры. Эти дни занят редактированием сборника ответов на вопросы, который должен выйти из печати к предстоящему конгрессу славистов<sup>20</sup>. Наконец пришла из издательства верстка нашей коллективной монографии «Творительный падеж в славянских языках».

**14 декабря.** Для «Вопросов языкознания» написал статью о Б. М. Ляпунове<sup>21</sup>. В конце зимы исполнится 15 лет со дня его смерти. Две причины толкнули меня на написание этой статьи, которая отняла много времени. В 30-е годы я часто встречался с Борисом Михайловичем в Ленинграде, а однажды и в Одессе. Мы переписывались. К сожалению, письма не сохранились, так как они почти все были написаны еще в довоенный период<sup>22</sup>. Он с большим вниманием относился к моим славистическим занятиям. Думаю, что все дело в Селищеве, учеником которого я был. К Афанасию Матвеевичу Ляпунову относился с необыкновенным пиететом.

Была [и] другая, более важная причина. Вскоре после смерти Бориса Михайловича в «Известиях ОЛЯ» была опубликована статья Обнорского о научной деятельности Ляпунова, в которой Сергей Петрович ошибочно характеризует научный путь ученого, его интересы, его труды<sup>23</sup>. Я поставил перед собою задачу точнее охарактеризовать творческий путь этого слависта. Для юбилейного сборника в честь профессора Й. Йордана написал небольшую заметку о румыно-славянском и славяно-румынском двуязычии<sup>24</sup>. Вчера состоялось очередное заседание кафедры. Еще раз убедился в том, что больших, серьезных научных проблем перед коллективом кафедры ставить нельзя. Почти все их силы уходят только на проведение занятий и на подготовку к ним. Мои сотрудники в секторе славянского языкознания Института находятся совсем в иных условиях. Все свое время они отдают науке. Поэтому и результаты иные. Разговоры о том, что Московский университет является не только учебным, но и крупным научным центром – демагогия. Подлинных условий для серьезной научной деятельности здесь нет.

**16 декабря.** Вчера весь вечер слушал музыку Бетховена и Вагнера. Поражительная сила искусства: какие разные художники, но как одинаково волнуют!

**29 декабря.** С годами все больше и больше испытываю потребность в углублении своих познаний в области лингвистической теории. В молодые годы много занимался вопросами высокой теории, философией, социологией, эстетикой. В университетские годы совсем отошел от всей этой проблематики. С этого времени провозгласил себя эмпириком. Постепенно вновь начал возникать интерес к теоретическим вопросам, но уже только на уровне конкретных задач языкознания. Этот новый этап начался во время войны, в Свердловске, под воздействием частых встреч и бесед с Аванесовым. Только здесь я серьезно начал изучать фонологическую теорию, теорию лингвистической географии, некоторые проблемы грамматики и морфонологии. Работаю над докладом, с которым выступлю в Институте в январе–феврале будущего года. Доклад будет содержать общий анализ проделанной работы сектора за пять лет, характеристику предстоящей деятельности в 1958–1965 гг. Хочу дать оценку деятельности каждого члена коллектива. Больше всего меня беспокоит последняя часть. У нас это не принято. В ближайшие дни в Москве создается Общество советско-болгарской дружбы<sup>25</sup>. Меня попросили войти в состав оргкомитета. Я дал согласие.

**31 декабря.** Через несколько часов наступит новый, 1958 год. Прошедший год был очень хлопотливым. Много, очень много сил и времени ушло на подготовку к Международному конгрессу славистов. Пришлось много заседать, редактировать, ездить. Однако, несмотря на все это, основательно продвинул сравнительную грамматику славянских языков.

### Примечания

- <sup>1</sup> Бернштейн С. Б. Турецкие элементы в языке дамаскинов XVII–XVIII вв. (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук).
- <sup>2</sup> В дореволюционной России звание кандидата наук присваивалось студентам, представившим при окончании высшего учебного заведения письменную работу, равнозначную современной дипломной работе.
- <sup>3</sup> Магистр в дореволюционной России – первая ученая степень, соответствующая введенной в 1934 г. в СССР степени кандидата наук, присваивалась лицам, окончившим высшее учебное заведение, сдавшим экзамен по данной отрасли науки и защитившим диссертацию.

- <sup>4</sup> А. М. Селищев был арестован 8 февраля 1934 г. по сфабрикованному в ОГПУ «делу» мифической «Российской национальной партии» (так называемое «дело славистов»). По тому же «делу» были произведены аресты еще нескольких известных московских и ленинградских славяноведов.
- <sup>5</sup> Как теперь установлено, Н. С. Державин был назван следователем в качестве одного из главных обвиняемых по «делу славистов», но остался на свободе. «Видимо, руководство ОГПУ само или по согласованию с высшей властью решило не предпринимать нового разгрома Академии наук», – пишут исследователи судеб репрессированных по «делу» (см.: *Ашинин Ф. Д., Алпатов В. М.* «Дело славистов»... С. 77).
- <sup>6</sup> Подобной записи нам найти не удалось. Сравни запись от 7 июня 1954 г.
- <sup>7</sup> Видимо, имеется в виду русское издание книги Эллиота Рузвельта «Его глазами» (М., 1947).
- <sup>8</sup> См.: *Твен М.* Пешком по Европе // *Твен М.* Собр. соч. М., 1960. Т. 5. С. 96.
- <sup>9</sup> Славянская филология. Сб. статей. М., 1958. Вып. 1–3 (совм. с В. В. Виноградовым и др.).
- <sup>10</sup> Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» был 30 октября 1941 г. захвачен наступающими на Москву немецкими войсками; оккупанты за полтора месяца пребывания в усадьбе нанесли ей значительный ущерб.
- <sup>11</sup> *Селищев А. М.* Очерки по македонской диалектологии. Казань, 1918. Т. 1.
- <sup>12</sup> *Селищев А. М.* Езикът като социално явление. София, 1928. С. 3.
- <sup>13</sup> *Селищев А. М.* Славянское языкознание. Т. 1. Западнославянские языки. М., 1941.
- <sup>14</sup> *Бернштейн С. Б.* Вклад ученых Московского университета в изучение болгарского языка // Известия на Института за български език. София, 1957. Кн. 5. С. 383–392.
- <sup>15</sup> *Бернщайн С., Стойков Ст.* Резултати от първата експедиция за събиране на материали за български диалект атлас // Български език. 1957. Кн. 2. С. 181–186.
- <sup>16</sup> В этом сборнике опубликована статья С. Б. Б.: *Бернштейн С. Б.* К изучению редакций болгарских списков «Сокровища» Дамаскина Студита // Езиковедски изследвания в чест на академик Ст. Младенов. София, 1957. С. 215–224.
- <sup>17</sup> *Bernsztein S.* List w sprawie pochodzenia polszczyzny literackiej // *Język polski.* 1957. № 3. S. 236–237.
- <sup>18</sup> *Аванесов Р. И., Бернштейн С. Б.* Лингвистическая география и структура языка: О принципах Общеславянского лингвистического атласа. М., 1958.
- <sup>19</sup> Жители части Молдавии по левому берегу Днестра, составлявшей в межвоенный период Молдавскую АССР (территория между Днестром и р. Прут входила в состав Румынии).
- <sup>20</sup> Сборник ответов на вопросы по языкознанию. К IV Международному съезду славистов / Ред. коллегия: С. Б. Бернштейн и др. М., 1958.
- <sup>21</sup> *Бернштейн С. Б.* Борис Михайлович Ляпунов // Вопросы языкознания. 1958. № 2. С. 67–75.
- <sup>22</sup> Впоследствии эти письма были обнаружены С.Б.Б. в своем архиве и опубликованы. См.: Семнадцать писем академика Б.М. Ляпунова (из архива С.Б. Бернштейна) // Вестник МГУ. 1993. №6. С. 54–67.
- <sup>23</sup> *Обнорский С. П.* Памяти академика Б. М. Ляпунова // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1944. Т. 3. Вып. 5. С. 228–231.
- <sup>24</sup> *Bernstein S.* Cu privire la legăturile lingvistice slavo-române // *Omagiu lui Jorgu Jordan cu prilejul împlinirii de 70 de ani.* București, 1958. P. 77–79.
- <sup>25</sup> Общество советско-болгарской дружбы (ныне Союз друзей Болгарии) создано в марте 1958 г. На организационном собрании С. Б. Б. был избран в его правление (см.: Славяне. 1958. № 4. С. 33).

## 1958

**7 января.** Три четверти года уйдут на подготовку и проведение четвертого Международного конгресса славистов, который состоится в Москве в первую декаду сентября. Конгрессу на верхах придают большое значение. В связи с этим отпущены значительные средства, утверждены издательские планы, во много раз превышающие обычные наши планы. Идет интенсивная переписка с зарубежными научными организациями и лицами. Ожидается приезд на конгресс многих русских славистов, живущих после революции за границей. Плохо лишь, что у руля стоит Виноградов, который легко может посадить наш корабль на мель. Я прежде считал его только плохим человеком. Теперь убедился, что он еще и глуп. Об этом мне когда-то говорил Винокур, но тогда я не очень ему верил, так как знал об их плохих взаимоотношениях. Большую работу по подготовке конгресса ведет Толстой. Без него было бы плохо.

**27 января.** Как изменилось в нашей стране за последние 30–35 лет отношение к спорту! В мои молодые годы резко отрицательно оценивался профессиональный спорт. Под словом «спорт» и понимали только профессиональный спорт. Поэтому слово «спорт» было эмоционально окрашено. Тогда в нашей стране не было спорта, а была лишь физкультура, т. е. массовое, непрофессиональное занятие спортом. Профессионалы у нас были, но только в цирке или на ипподроме. Хорошо помню лозунги на красных полотнищах — *«Нам не нужны чемпионы, долой буржуазный спорт»* и все в таком же духе. Постепенно положение стало меняться. Связано это было с появлением в высоких инстанциях новых амбиций: наша страна должна стать ведущей спортивной державой мира. Стали отпускатся большие денежные средства. Все стало подчиняться формированию спортсменов, которые бы могли занять высокие места в мировом спорте. Сперва стыдливо, а затем уже вполне откровенно начали активно формировать профессиональных футболистов, бегунов, прыгунов и т. д. Теперь у нас господствует профессиональный спорт, т. е. спорт безнравственный. Отсюда грубость, с которой прежде решительно боролись, а теперь культивируют.

**4 февраля.** Вчера у своих друзей слушал в прекрасном техническом исполнении записи музыки Вагнера и Бетховена. Исполнял австрийский оркестр под руководством Карла Бема. Удивительный дирижер! Особенно четко вчера осознал, что оценить мастерство дирижера может только тот, кто хорошо слышит исполнение деталей. Прежде я думал, что это важно для исполнения произведений Моцарта, Шопена, но не Бетховена. Я ошибался. В исполнении Бема есть все: глубокое понимание общего замысла, проникновение в детали, строгая дисциплина, подлинный темперамент. Великий мастер! Сегодня весь день не могу работать.

**3 марта.** Подготовка к конгрессу идет полным ходом. Уже появляются первые публикации. Советские доклады публикуются пока отдельными брошюрами, уже после конгресса будут напечатаны в сборниках. На днях выйдет доклад об обще-

славянском атласе, подготовленный Аванесовым и мною. Кроме докладов в печати находятся три тома статей советских и иностранных авторов<sup>1</sup>, два тома «Ответов на вопросы»<sup>2</sup> и ряд других трудов. Тексты иностранных авторов публикуются на родном языке авторов. Скоро выйдет из печати коллективный труд «Творительный падеж в славянских языках» под моей редакцией и многострадаальный «Атлас болгарских говоров в СССР». Сейчас в Академии наук заняты детальной разработкой плана научных исследований до 1965 г. Таким образом, речь идет о подготовке семилетнего плана научных работ<sup>3</sup>. По своему сектору я подготовил такой план, конечно, в самых общих чертах. Детально выработать такой план невозможно. С планом ознакомил членов сектора. Чтобы план не был пустой формальностью, основное внимание я уделил не плану, а людям, членам сектора. Впервые я дал характеристику каждому члену сектора. Говорил искренне, не замазывая углов. Говорил долго. Я чувствовал, что аудитория напряжена до предела. Чтобы в будущем не было никаких кривотолков, весь текст доклада был написан. Я ни разу не отклонился от написанного текста. Конечно, я не позволил себе никаких замечаний, которые бы унизили достоинство моих сотрудников. Заседание проходило при мертвой тишине, все расходились молча. Правильно ли я поступил? Думаю, что правильно.

**10 марта.** В Институте только и речи, что о моем докладе. Слышал, что многие очень осуждают меня. Мне это прямо сказал историк Илья Соломонович Миллер. По его словам, руководитель сектора не имеет права публично, при всех, высказывать свои суждения о возможностях членов сектора. *«Если бы такую вещь себе позволил Никитин, я бы демонстративно покинул заседание сектора»*, — сказал Миллер. В ответ я мог только сказать, что никто из членов моего сектора не покинул заседания. Никитин сказал: *«Как это Вы не побоялись выступить с таким докладом?»* В ответ я только пожал плечами.

**12 марта.** Сегодня закончил составление буквы **И**. Она отняла у меня много времени — трудная буква. До июня должен завершить работу над буквой **К**. Буква большая, но легкая. Летом составлю буквы **Л** и **М**. До конца года должен завершить составление буквы **Н**. Эта буква тоже не из легких. Таков план на этот год. Для сборника в честь Ст. Романского написал статейку «Към историята на българската диалектология»<sup>4</sup>.

**15 марта.** По просьбе Аванесова пишу рецензию на «Атлас русских говоров к востоку от Москвы» для «Известий ОЛЯ»<sup>5</sup>. Для «Вопросов языкознания» Виноградов заказал рецензию Жирмунскому. Как может Жирмунский оценивать специальную работу по русской диалектологии?<sup>6</sup> Сукин сын! Любит натравливать одних на других.

**17 марта.** На днях состоялось учреждение нового Общества советско-болгарской дружбы. В правление избрано 64 человека, среди которых очень мало людей, каким-то образом связанных с Болгарией. Удивляюсь, почему меня включили в состав правления. Я было хотел отказаться, но Л. Б. Валев считает это неразумным. Он думает, что новое общество можно будет использовать для активизации исследований в области болгаристики, увеличатся издательские возможности. Все это мало вероятно. Посмотрим!

**14 апреля.** Вышел, наконец, из печати «Творительный падеж в славянских языках». Рукопись долго пролежала в издательстве. Я уже давно думаю о необходимости создания серии монографий, посвященных синтаксису славянских падежей. «Творительный падеж» — первая книга в этой серии. Завершена монография о

локативе в славянских языках. Это – кандидатская диссертация В. Н. Топорова<sup>7</sup>. Над дательным падежом успешно работает А. Б. Правдин. Уже имеются отдельные публикации<sup>8</sup>. После завершения монографии о дательном падеже Правдин начнет исследовать родительный падеж. Монографию о винительном падеже я поручил Станишевой<sup>9</sup>. Об именительном падеже пока речи нет. Монографии о звательной форме не будет, так как звательная форма – не падеж. После завершения всех монографий нужно будет написать сводный труд «Падежи в славянских языках». Об авторе этой монографии пока говорить рано. Таковы планы.

**18 апреля.** Закончил для «Известий ОЛЯ» рецензию на «Атлас русских говоров к востоку от Москвы». На рецензию ушло много времени, но я не жалею. Было очень интересно и поучительно основательно изучить атлас. Рецензия получилась большая. Не знаю, будет ли ею доволен Аванесов, так как я отмечаю в ряде случаев серьезные упущения. Общая оценка весьма положительная. Труд, конечно, фундаментальный и во многом важный принципиально. Выходят из печати все новые и новые публикации к конгрессу. «Вопросы языкознания» начали публикацию ответов на вопросы, которые одновременно будут опубликованы отдельными книгами.

**21 апреля.** Перечитываю вышедший из печати доклад об Общеславянском лингвистическом атласе. Я написал одну часть доклада, Аванесов – другую. Затем вместе все обсуждали, корректировали, замазывали швы. Однако эти швы в опубликованном докладе очень хорошо просматриваются. Многие положения доклада мне сейчас кажутся спорными, другие требуют более глубокой аргументации. Борковский сообщил мне сегодня, что моя рецензия на атлас русских говоров будет опубликована в четвертом номере «Известий» и, таким образом, выйдет к конгрессу.

**23 апреля.** Вчера состоялось заседание Ученого совета Института, на котором совершенно неожиданно для меня меня выдвинули в члены-корреспонденты АН СССР. Конечно, из этой затеи ничего не выйдет, но было приятно. Слаб духом человек!

**24 апреля.** Все время уходит на чтение корректур, редактирование. К конгрессу выходит много книг. Некоторых зарубежных лингвистов и литературоведов мы приглашаем на конгресс за наш счет. Это очень престижно. Поэтому стремятся получить эти приглашения лица, которые наверняка будут включены в состав своих делегаций. А задуманы эти приглашения были совсем не для них, а для тех, которые имеют мало шансов попасть в свои официальные делегации, т. е. для талантливых молодых ученых. Сейчас в Москве находится Белич. Он очень сердит, зачем мы пригласили на конгресс его лютого врага Поповича, а не пригласили Милку Ивич. Он считает, что нужно было пригласить не только Павле Ивича, но и Милку. Но кто мешают Беличу включить в состав делегации Милку? Мы и пригласили Ивана Поповича потому, что Белич никогда не включит его в делегацию своей страны. Получил письмо от Роже Бернара с просьбой включить его в список приглашенных, так как Мазон и Вайян не включают его во французскую делегацию. Виноградов обещал включить его в список. Очень много претензий к нам у поляков. С нашей позиции они все неосновательны. На днях пришло из Лондона сообщение о смерти английского слависта Матьюса. Успели его фамилию в сборнике статей дать в траурной рамке. Сборник скоро выйдет в свет.

**1 июня.** Мою кандидатуру в члены-корреспонденты поддержали Институт языкознания и филологический факультет. Вокруг выборов разгорелся страшный ажиотаж. Благой, Ермилов, Борковский горят, как в лихорадке. Такое впечатление, что если Борковского не изберут, он умрет. На лице Ермилова при

взгляде на Виноградова можно печь блины. От любви к Виноградову его лицо излучает много счастья и преданности. И этот Ермилов часто говорит и пишет о честности, смелости, принципиальности... В последнее время стало известно, что по его доносам были в свое время репрессированы многие писатели и журналисты.

**7 июня.** Следует серьезно подумать об организации в Институте специально-балто-славянского сектора (или даже просто сектора балтийских языков). Руководить этим сектором мог бы Топоров<sup>10</sup>. В его состав могли бы войти Иванов, Иллич-Свитыч, Дыбо, Булыгина. Было бы целесообразно в 1959 г. провести специальную конференцию по вопросу о балто-славянских языковых связях.

**19 июня.** Состоялись выборы в Академию наук СССР. В академики избраны: Конрад, Алексеев, Белецкий, в члены-корреспонденты: Аванесов, Борковский, Боровков и Федоренко. Я очень рад за Аванесова. Избраны в академики еще два писателя: Федин и Рыльский.

**30 июня.** 15 июля еду в Болгарию на один месяц. В связи с подготовкой к конгрессу в этом году я не должен был ехать. Планировалась позднее Чешко, но она заболела. Я должен поехать еще и потому, что предстоит серьезное обсуждение итогов первых двух экспедиций. Участники экспедиции выедут в Софию 22 июля. Вышли из печати почти все доклады, первый том статей под моей редакцией, № 25 «Кратких сообщений» Института славяноведения. На днях выйдет из печати балто-славянский номер «Вопросов славянского языкознания»<sup>11</sup>. Вышли некоторые университетские издания, [в том числе] сборник в честь Виноградова<sup>12</sup>. Третий выпуск «Славянской филологии»<sup>13</sup> сдан в производство, но к конгрессу выйти не успеет. Редактирую специальное университетское издание «Библиография трудов по русскому и славянскому языкознанию ученых МГУ»<sup>14</sup>.

**15 августа.** 12 августа вернулся из Болгарии. Поездка была удачной. На заседании Ученого совета Института болгарского языка сделал доклад об итогах картографирования. В течение нескольких дней шла работа по уточнению программы атласа. Все это удалось осуществить до приезда сотрудников нашего Института. Перед началом третьей экспедиции в присутствии всех участников была проведена конференция, на которой обсуждались научные и организационные вопросы. Было обращено внимание на разноречивость в транскрибировании, на противоречия в материале и т. д. После отъезда всех участников экспедиции я на один день вместе с К. Мирчевым и К. Костовым выехал в Кюстендил. На другой день вернулись в Софию, а вечером того же дня я вместе со Стойковым выехал в район экспедиции. Здесь мы поделили между собой области наблюдения. Мне достались села района Старой Загоры, Сливена, Новой Загоры, Ямбола. Стойков взял себе села к востоку и юго-востоку от меня. Наблюдения в разных группах показали, что диалектологи хорошо освоили методику, умело выбирают информантов, точно фиксируют все особенности произношения. Во время первой экспедиции приходилось отмечать серьезные промахи, которые позже были предметом всестороннего обсуждения. Теперь подобных промахов ни я, ни Стойков не наблюдали. Это дало нам основание разрешить себе недельный отдых в Анхиало (Поморие), где отдыхает семья Стойкова. Для меня этот короткий отдых был просто необходим, так как я чувствовал острую усталость. Возле Стойковых снял на неделю комнату. Рядом был пляж, на котором мы все проводили много времени. Сильной жары не было. Близко узнал детей Стойкова. Сын и совсем маленькая дочь покорили мое сердце. С Анхиало связаны многие интимные страницы жизни болгарского поэта П. Яворова. После Анхиало посетил еще два села, в которых работали Попова и Велчева. Работа идет хорошо. После

этого вернулся в Софию, где провел еще четыре дня. Восстановил старое знакомство с академиком Й. Йорданом, который после войны некоторое время был румынским послом в Москве. Его отец по своему происхождению был болгарин, но Йордан посетил Болгарию первый раз. Языка болгарского он не знает. Сносно говорит по-русски, который он выучил во время своей работы в Москве. Тогда мы и познакомились. Позже я имел с ним дело в связи с тем, что его грамматика румынского языка в моем переводе вышла в 1950 г. в Москве. В Софии жили в одном отеле «Балкан», встречались, обсуждали разные лингвистические проблемы. По некоторым специальным вопросам обнаружилось общие позиции. Конечно, немало и расхождений. Он совсем плохо знает русскую лингвистику, но отлично знает западноевропейскую. Утром 12 августа я вылетел в Москву. Экспедиция будет продолжаться до 20 сентября. Ее участники не будут принимать участия в предстоящем конгрессе славистов. В Москве полным ходом идет подготовка к конгрессу. Вышло много наших изданий. Получено много книг из разных стран, приходят доклады и разного рода материалы. На конгресс прибудет большое число славистов даже из Монголии и Австралии.

20 августа. На меня очень сердит Д. Д. Благой. На заседании Ученого совета факультета в начале июня я делал доклад об издательской деятельности факультета, в котором в качестве [примера] нерадивого и халатного отношения к своим научным обязанностям привел Благого. После моего доклада стоял вопрос о выдвижении кандидатов в академики и члены-корреспонденты Академии наук. Среди кандидатов был и Благой. При голосовании он не набрал нужного числа голосов. В этом он теперь обвиняет меня.

25 августа. Академическое издательство показывает чудеса: книги выходят одна за другой. Вышел из печати «Атлас болгарских говоров в СССР». Вышли все три тома сборников статей, все доклады, два тома ответов на вопросы и много другого. Правда, из некоторых стран до сих пор еще не получены доклады. Это особенно беспокоит литературоведов, специалистов по новейшему периоду. Им приказано бдеть, быть начеку, давать отпор активным врагам марксистского литературоведения. Среди утвержденных докладов есть немало острых в политическом отношении. На предварительных заседаниях некоторые темы не были утверждены, но и среди утвержденных имеются такие, которые могут дать повод для политических дискуссий. Виноградов вопреки указаниям делал все, чтобы нашим литературоведам хорошо намылили шею.

29 августа. Все как будто готово. Решены все организационные и структурные задачи, готова выставка новых изданий по славяноведению. Наш раздел выглядит импозантно. Действительно, за последние годы опубликовано много (конечно, прежде всего по русской филологии). Много опубликовано специально к конгрессу. Установлен состав президиума конгресса. В него вошли все члены Международного комитета славистов, некоторые маститые старцы (например Теодоров-Балан) и официальные представители АН СССР и МГУ. В секретариат конгресса входят Аванесов, Робинсон и Толстой. Практически пока все на своем горбу тащит Толстой. Конгресс будет проходить в новом здании университета. Открытие назначено на 1 сентября в актовом зале. Пленарных заседаний будет два: одним первого сентября конгресс будет открыт, вторым десятого сентября закрыт. Со второго сентября начнется работа трех секций: лингвистической, литературоведческой и литературно-лингвистической. Исторической секции нет. Доклады по этногенезу и по некоторым вопросам славянской археологии будут обсуждаться на лингвистической



секции. Еще во время подготовки к конгрессу наши историки подняли вопрос о необходимости создания специальной исторической секции, на которой бы обсуждались актуальные проблемы новейшей истории. Зарубежные слависты все единодушно выступили против. С помощью Виноградова им удалось пока блокировать требования советских историков. Последние угрожают после конгресса поднять вопрос о равноправном участии историков в славянских конгрессах. По их мнению, филологический период славяноведения уже закончился. На первое место теперь должна выйти история. Лингвистическая секция подразделяется на пять подсекций: славянские литературные языки и лексикология, сравнительно-историческая грамматика славянских языков, лингвистическая география славянских языков и славянская диалектология (с группой фонологии и фонетики), происхождение славянских языков и народов и последняя подсекция – машинного перевода. И другие две секции также подразделяются на подсекции. Во главе каждой подсекции стоит ответственное лицо, которое должно обеспечить нормальный ход работы. Оно постоянно должно находиться в президиуме и составлять новый президиум для каждого заседания, определять председателя, помогать ему в его работе, следить за регламентом и т. д. Мне поручена подсекция по сравнительной грамматике. Моим техническим помощником определен О. Н. Трубачев. Я не в восторге от данного поручения, так как теперь я все время должен находиться на заседаниях одной подсекции. Примечательно, что мой доклад идет по другой подсекции. Ну, посмотрим.

**30 августа.** Уже полным ходом идет съезд участников конгресса и гостей. Члены Международного комитета славистов почти все приехали несколько раньше и заседают. Я поехал встречать болгарскую делегацию, которая прилетела на специальном самолете. Прилетел даже Теодоров-Балан, которому через месяц исполнится 99 лет. Перелет он перенес лучше Лекова. Только тут я узнал, что Теодоров-Балан впервые находится на русской земле. Прежде он никогда в России не бывал. Это для болгарского интеллигента его поколения редкость, особенно для гуманитария. Требуется уточнение: он родился в бессарабском селе Кубей, которое после Крымской войны отошло от России к Молдавии. В 1859 г. (год рождения ученого) оно входило в состав Молдавского княжества. После Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. оно вновь вместе со всей Бессарабией вошло в состав Российской империи. И теперь оно наше. Так что можно сказать, что Балан – наш соотечественник. Среднее образование он получил в известной Болградской гимназии. Эта гимназия сыграла большую роль в истории болгарского культурного возрождения, в формировании первых поколений болгарской интеллигенции.

**1 сентября.** Пишу под сильным впечатлением событий от сегодняшнего дня. Мне кажется, что они не оставили равнодушным никого. Открытие конгресса проходило в Актовом зале университета. Мы, организаторы конгресса, пришли рано. Однако и гости начали появляться значительно раньше указанного времени. Все участники конгресса нацепили на лацканы пиджаков планки, на которых указаны фамилия и страна. Нацепил планку и я. Однако очень скоро я ее снял. Этому предшествовало следующее – ко мне подошел небольшого росточка человечек (думаю, что это был американец), бесцеремонно схватил мой лацкан, притянул его к своим близоруким глазам, прочитал фамилию и, не говоря ни слова, побежал дальше. Со многими из иностранных лингвистов я уже был хорошо знаком, но были и новые встречи. Осталось очень приятное впечатление от беседы с Б. Г. Унбегауном. Знакомство с А. Вайяном, В. Дорошевским, В. Махеком, З. Штибером ограничилось рукопожатием и короткой беседой. Наконец началось пленарное заседание. Оно

было открыто вступительной речью Виноградова. Текст речи был написан Толстым. Затем от Академии наук СССР выступил с речью академик К. В. Островитянов (текст написал П. Н. Третьяков), от Московского университета – проректор Г. Д. Вовченко. Текст его речи писал я. Затем с приветствиями выступили А. Белич (Югославия), Б. Гавранек (Чехословакия), Т. Лер-Сплавинский (Польша), В. Георгиев (Болгария), Цао Цзин Хуа (Китай), А. Мазон (Франция), М. Фасмер (ФРГ), Г. Бильфельдт (ГДР), С. А. Коновалов (Великобритания), В. Эджертон (США), А. Стендер-Петерсен (Дания), Р. Ягодич (Австрия), Д. Клер-Собелль (Канада), К. ван Схонефельд (Голландия), Э. Петрович (Румыния), Й. Вальдапфель (Венгрия), М. Альтбауэр (Израиль). На этом закончилась первая часть утреннего заседания. После короткого перерыва началась вторая часть. Были заслушаны доклады Лер-Сплавинского об этногенезе славян, Мазона о глагольном виде в славянских языках, Белича о падежах и образовании старых и новых предлогов, Виноградова об изучении истории древнерусского языка, Щербины о социалистическом реализме и Стифа (Дания) о взаимоотношении между русскими летописями и народным эпосом. Во время доклада Щербины в зале громко разговаривали, шумно покидали зал заседания, многие уехали обедать. Практически докладчика никто не слушал. После длительного перерыва на обед начались заседания секций. Здесь прошло обсуждение утренних докладов. День прошел интересно, но очень утомительно. С большим трудом делаю эту запись.

**3 сентября.** В моей подсекции «Сравнительно-историческая грамматика» все идет гладко: читаются доклады, идут обсуждения. Ярких докладов не было. Одно беспокойство: многие выступающие нарушают регламент. Это типично, главным образом, для наших славистов. Не умеем мы говорить сжато. Вчера выступил с докладом Р. О. Якобсон на тему с неопределенным названием «Морфологические наблюдения над славянским склонением». Пришло так много народу, что предназначенная для нашей секции большая аудитория не смогла вместить всех. Председательствовал на этом заседании Л. А. Булаховский. Мы решили перенести заседание в Актовый зал. И он был полон. Интерес вызывает не тема доклада, а сам докладчик. Поэтому я видел многих литературоведов. Основные положения доклада не содержали нового, но много было высказано интересных частных. Мне было приятно слышать высокую оценку Якобсоном монографии «Творительный падеж...». В прениях по докладу выступали только советские лингвисты: Иванов, Кузнецов, Ломтев, Ревзин, Сидоров, Шапиро, Шаумян, Янко-Триницкая. Меня очень удивило выступление Сидорова, которое, конечно, ему было «заказано». В такой функции я еще никогда Владимира Николаевича не видел. Попахивал и Шапиро. После заседания Якобсон сказал мне, что выступление Сидорова его очень огорчило. Огорчило оно и меня. Я бы не рекомендовал Владимиру Николаевичу публиковать его. Сегодня удалось на короткий срок покинуть свою секцию и принять участие в обсуждении доклада Ст. Урбанчика о формировании славянских литературных языков.

**5 сентября.** Подсекция работает без особых событий. Сегодня интересно обсуждался доклад Гавранка о методах изучения праславянского синтаксиса. Особенно интересным было выступление чешского лингвиста Я. Бауэра. На подсекции «Славянские литературные языки» большой интерес вызвал доклад Б. О. Унбегауна о древнерусской юридической терминологии. Сегодня нашел время, чтобы посетить в фонетической секции доклады Бернара о чередовании *я/е* на месте *ѣ* в современном болгарском языке и Х. Клагстада (США) о фонологическом изучении некото-

рых болгарских диалектов. Доклад Бернара был очень слабым, школьным. Выступили по этому докладу К. Попов и Ст. Стойков, которые сказали несколько общих слов. Они же выступили и по докладу Клагстада и дали очень высокую оценку основным положениям американского слависта. По этому же докладу выступил еще В. К. Журавлев. Я не выступал. После заседания Бернар устроил скандал. Он обиделся на меня (почему я молчал), очень обиделся на болгар. Он вернул болгарам все их книжные подношения и собирается покинуть конгресс.

**6 сентября.** Сегодня говорил с Мазоном о вчерашнем скандале на докладе Бернара. *«Может быть, перед ним нужно извиниться?»* – спросил я французского слависта. *«А в чем Вы виноваты?»* – спросил Андрей Альбинович. – *«Вы виноваты лишь в том, что послали ему личное приглашение, но за это просить прощения неудобно»*. Сегодня на подсекции фонетики и фонологии обсуждался доклад об Общеславянском лингвистическом атласе. Доклад состоит из двух самостоятельных частей, которые обсуждались самостоятельно. В обсуждении приняли участие 14 человек. Это рекордное число выступавших. Были споры, но все в той или иной степени говорили о важности поставленной задачи. Близок к нашему докладу был доклад П. Ивича о значении лингвистической географии для изучения истории южнославянских языков. Заседание моей подсекции идет спокойно. Большое место занимают проблемы синтаксиса. На заседании подсекции «Происхождение славянских языков и народов» особое внимание уделяется вопросам родства балтийских и славянских языков. По докладу Отрембского, защищавшего теорию балто-славянского праязыка, выступило много оппонентов. Я не выступал, так как изложил свою позицию в только что опубликованной статье к конгрессу. Споры выявили различные точки зрения. В чистом виде теорию балто-славянского праязыка теперь мало кто защищает. Иванов и Топоров выдвинули новую теорию, согласно которой праславянский язык является продолжением одного из прабалтийских диалектов. Странная теория!

**8 сентября.** На подсекции широко обсуждаются проблемы глагольного вида. Мне кажется, что переливают из пустого в порожнее. Интереснее доклады о временах. Работа подсекций уже приближается к концу. Основные доклады уже прочитаны. Об их качестве пока говорить рано, так как каждый из нас слушал небольшую их часть. Можно с уверенностью сказать лишь одно – много было ученических докладов. Было вообще слишком много докладов. Поэтому мало оставалось времени для дискуссий, а это главное. Очень устал.

**11 сентября.** Вчера состоялось закрытие конгресса. На пленарном заседании Виноградов сделал отчетный доклад, из которого я узнал, что на моей подсекции было заслушано и обсуждено докладов больше, нежели на других подсекциях (38 докладов). После Виноградова выступили Белич, Мазон, Хилл, Фасмер, Стендер-Петерсен, Чаттерджи, Эджертон, Мериджи, Ринчен, Альтбауэр, Кристенсен и Георгиев. Все они благодарили организаторов конгресса за отлично проведенный конгресс. Сегодня и завтра разъезд делегаций. Все очень устали, особенно мы, организаторы конгресса. Лер-Сплавинский, Вайян и Фасмер дали высокую оценку выступлениям Иллич-Свитыча, Топорова, Иванова. Они поздравили меня с тем, что за короткий срок нам удалось подготовить таких ярких и эрудированных ученых. Следующий конгресс славистов (пятый) будет проходить в 1963 г. в Софии.

**15 сентября.** Уже после завершения конгресса узнал, что литературоведческие подсекции были ареной идеологической борьбы. На подсекции «Славянская стилистика, поэтика, художественный перевод» американский славист Штильман прочитал доклад «Проблемы литературных жанров и традиций в “Евгении Онегине”».

Почему-то этот доклад решили подвергнуть жесткой критике. Выступления Городецкого, Благого, Измайлова показались слишком дружелюбными и академическими. Городецкий даже сказал, что доклад производит хорошее впечатление. Тогда решили выпустить Самарина, который решительно отбросил всякие церемонии. Штильман привел в докладе известное изречение Элиота, что плохие поэты подражают, а гениальные поэты крадут<sup>15</sup>. Речь идет о том, что крупные поэты, заимствуя, коренным образом перерабатывают заимствованное, т. е. делают его своим. Самарин воспользовался этим местом в докладе Штильмана, чтобы приписать докладчику утверждение, что Пушкин крал и присваивал чужое. Гнусность! К счастью, на лингвистических подсекциях подобной мерзости не было.

17 сентября. Завершаю письменный отчет о работе подсекции и собираюсь на юг. Должен основательно отдохнуть. Решил месяц провести в Гаграх, где весь октябрь стоит летняя погода.

14 октября. Вчера вернулся из Гагр. Хорошо отдохнул. Посетил много новых мест, где прежде не бывал. Несколько дней провел в Красной Поляне. После войны местное греческое население было насильственно переселено в Сибирь. Теперь греки возвращаются. В Москве узнал о смерти К. Нитша. Завершилась целая эпоха истории польского языкознания. Этот маленький человек обладал волей титана. Как важно, чтобы ученый имел сильный характер и могучую волю! Одного интеллекта мало.

19 октября. Пришло сообщение, что Институту разрешено издавать журнал «Советское славяноведение». В связи с этим прекращается издание «Кратких сообщений»<sup>16</sup>. Есть опасность, что новый журнал будет не столько научным, сколько научно-популярным. Дело в том, что на новый журнал возложена функция журнала «Славяне», который издавал Славянский комитет. Теперь журнал закрыт<sup>17</sup>.

11 ноября. Уже давно меня занимает одна важная лингвистическая и этногенетическая проблема – роль кельтов в этногенезе народов Восточной Европы. Эта роль была значительнее, нежели обычно думают. Слависты совсем мало внимания уделяли этому вопросу. Шахматов лишь подошел к нему. Недавно кельтскую проблему затронул Лер-Сплавинский, но очень поверхностно. Археологи здесь делают больше лингвистов. Нет сомнений в том, что кельтская речь оказала влияние на некоторые диалекты праславянского языка. Это влияние необходимо учитывать историку румынского языка.

23 ноября. Много и с большим удовольствием работаю над текстом сравнительной грамматики. Часто возникают желания обработать в виде статей отдельные разделы, но я безжалостно их подавляю. Однако вынужден то и дело отрываться для менее важных дел. Вчера написал небольшую статью для сборника в честь Э. Петровича (Румыния)<sup>18</sup>. Продолжаю работать над болгарским словарем.

6 декабря. На факультете очень напряженная обстановка, отражающая общее положение. Очень боюсь за В. В. Иванова, который активно поддерживает Пастернака<sup>19</sup>. Если он вынужден будет уйти, на факультете прекратится преподавание курса сравнительной грамматики индоевропейских языков. Я говорил это Юшину. В ответ услышал: нет незаменимых людей. Глубоко ошибочное и вредное утверждение, однако очень распространенное. Надеюсь, что все обойдется. К сожалению, на факультете общая обстановка стала напоминать конец сороковых годов. В Институте спокойнее.

31 декабря. Год прошел интересно, но очень суматошно. Много времени отнял конгресс славистов. Однако он содействовал значительному оживлению слависти-

ки в нашей стране. Нет сомнений, что будущий историк славяноведения именно этот год отметит, как год большого оживления специальных исследований, установления тесных контактов международного характера. При любом диктаторском режиме всегда плохо либералам. Вскоре после восшествия на престол Николай I, указывая жене на Карамзина и Жуковского, сказал: «Это самые опасные люди в моем государстве». Внешне ничего противозаконного они не делают, сослать их в Сибирь нельзя, но именно они способствовали формированию в России тех настроений, которые привели к бунту декабристов. Возможно, что это же чувствовал и сам Карамзин. Он тяжело перенес расправу молодого царя с декабристами, незадолго до казни вождя движения, будучи всего 60 лет, скончался.

### Примечания

- <sup>1</sup> См. 1957 г., прим. 9.
- <sup>2</sup> Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958; Сборник ответов на вопросы по языкознанию. К IV Международному съезду славистов. М., 1958.
- <sup>3</sup> План исследований на 1959–1965 гг. разрабатывался Академией наук в рамках подготовки Семилетнего плана развития народного хозяйства СССР, утвержденного в начале 1959 г.
- <sup>4</sup> Езиковедско-этнографски изследвания в памет на академик Ст. Романски. София, 1960. С. 345–348.
- <sup>5</sup> Бернштейн С. Б. Рец. на кн.: Аванесов Р. И. и др. Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы... М., 1957 // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1958. Т. 17. Вып. 4. С. 361–368.
- <sup>6</sup> В журнале «Вопросы языкознания» (1959. № 3. С. 117–118) была опубликована рецензия на «Атлас», автором которой являлся С. П. Обнорский.
- <sup>7</sup> Топоров В. Н. Локатив в славянских языках. М., 1961.
- <sup>8</sup> Правдин А. Б. Дательный прилагольный в старославянском и древнерусском языках // УЗИС. М., 1956. Т. 13. С. 3–120; Он же. К вопросу о праславянском значении дательного падежа // Вопросы языкознания. 1957. № 6. С. 81–83 и др.
- <sup>9</sup> Станишева Д. Винительный падеж в восточнославянских языках. София, 1966.
- <sup>10</sup> Такой сектор создан не был, но по инициативе С.Б.Б. институт подготовил ряд «балто-славянских» изданий: «Балто-славянский сборник» (М., 1972), «Балто-славянские языковые контакты» (М., 1980), наконец «Балто-славянские исследования» (1981–2000 под ред. В. Н. Топорова).
- <sup>11</sup> Вопросы славянского языкознания. М., 1958. Вып. 3.
- <sup>12</sup> Сборник статей по языкознанию. Профессора Московского университета – академику В. В. Виноградову. М., 1958.
- <sup>13</sup> Славянская филология. Сб. статей. М., 1960. Вып. 3.
- <sup>14</sup> Труды ученых филологического факультета Московского университета по славянскому языкознанию (Библиографический указатель). М., 1960.
- <sup>15</sup> Изречение Т. С. Элиота в русском переводе – «начинающие поэты подражают, маститые поэты крадут». См.: Душенко К. В. Словарь современных цитат. М., 1997. С. 416.
- <sup>16</sup> «Краткие сообщения Института славяноведения» выходили с 1951 г. Решение об их замене журналом «Советское славяноведение» (ныне выходит под названием «Славяноведение») было осуществлено лишь в 1965 г., когда начал выходить журнал и был выпущен последний, 43-й выпуск «Кратких сообщений».
- <sup>17</sup> Журнал «Славяне» издавался Славянским комитетом СССР, выходил в 1942–1958 гг.
- <sup>18</sup> Bernschtein S. Zur Genesis des Komparativs *слаще* im Russischen // Cercetări de lingvistică: Anul 3, 1958. Supliment. Cluj, s. a. P. 115–117.
- <sup>19</sup> См. воспоминания Вяч. Вс. Иванова «Голубой зверь» (Звезда. 1995. №3. С. 160).

## 1959

**1 января.** Вступаю в новый 1959 год. Планов много. Хорошо, если выполню часть их. Главная задача этого года – завершение и сдача в печать первого тома сравнительной грамматики славянских языков.

**12 января.** Комитетом по Ленинским премиям я утвержден членом секции филологических наук. Первое заседание назначено на 16 января.

**17 января.** Вчера состоялось заседание филологической секции. Выдвинуто несколько работ. Самая достойная среди них – это труд Эндзелинса «Латышская грамматика»<sup>1</sup>. Я активно продвигал этот труд.

**24 января.** Январем доволен. Много и плодотворно работал над сравнительной грамматикой. В процессе работы возникло много мыслей, соображений. Много думал над проблемой диалектного членения древнерусского языка. Полагаю, что современное горизонтальное членение русских диалектов не отражает прямо древнерусского членения. Вертикальное членение более древнее. Северо-восточные говоры когда-то были ближе к юго-восточным, нежели к северо-западным. Древний смоленский говор тяготел к древнебрянскому. Конечно, пока это все домыслы. Решать это нужно прежде всего на материале атласа. Мы до сих пор не знаем, как формировался белорусский язык. Монография Шевелева<sup>2</sup> – плод поверхностных наблюдений и скороспелых утверждений. Историки русского языка теперь мало интересуются вопросами формирования восточнославянских языков и их диалектов. У Аванесова был интерес к этой проблематике, но теперь он ушел от этих вопросов. А жаль! В университете наступил полный хаос. Наиболее творческая часть преподавателей ушла в Академию наук. Теперь здесь руководят проходимцы. Достаточно назвать «профессора» Метченко, человека с интеллектом каменотеса и моралью члена союза Михаила Архангела. Он стоит во главе кафедры советской литературы и определяет в значительной степени лицо факультета. Естественно, что уровень подготовки студентов резко снизился. Интересные дипломные работы – редкое явление. А в недалеком прошлом я опубликовал несколько дипломов наших славистов<sup>3</sup>. Теперь таких дипломов уже давно нет. Особенно резко снизилась подготовка студентов на отделении русского языка и литературы. Недавно обсуждал все эти вопросы с профессором Гудзием. Он настроен очень мрачно. Не видит выхода из создавшегося положения.

**14 февраля.** Вечерами после работы над сравнительной грамматикой сижу над болгарско-русским словарем. Словарь подвигается медленно. Сегодня закончил составление буквы М. Вышла из печати новая книга Вл. Георгиева о родстве индоевропейских языков<sup>4</sup>. Она отлично отражает все особенности творческого метода этого крупного болгарского лингвиста. С поразительной легкостью создаются рискованные построения, сознательно замалчивается то, что говорит против домыслов автора, автор не умеет серьезно полемизировать.

Вместо доказательств – простое вещание. Георгиев не может посмотреть на себя со стороны. Книга не украшает автора. Он талантлив, трудолюбив, эрудирован, но нет необходимой критичности.

**27 февраля.** Началась серьезная борьба с Виноградовым. Дело это трудное, так как он пока еще силен. Он настойчиво требует передачи лингвистов Института славяноведения в Институт русского языка, а фактически – ликвидации Института славяноведения, так как этот Институт может нормально функционировать только как комплексный институт. Буду всеми возможными средствами бороться с этим пиратом. Меня поддерживает директор Третьяков, но он скоро покидает наш Институт. В прошлом году он прошел в члены-корреспонденты Академии, а наш Институт ему нужен был только для этого. Среди его возможных преемников называют И. С. Галкина. Это маловероятно. На историческом факультете университета основательно бодают Сергея Александровича Токарева. В недавно изданной [книге по] этнографии он написал, что чеченцы всегда были врагами России<sup>5</sup>. Писалось это давно, а опубликована книга теперь, при иной ситуации. По мнению некоторых, это оправдывает автора. Не думаю. Нужно всегда к делу относиться серьезно, честно, а не идти на компромисс. Сергей Александрович много знает, давно интересуется этнографией, но всегда быстро откликается на требования момента и при этом шумно садится в лужу. Он никогда не занимался Балканами. Сразу же после войны была создана международная комиссия из специалистов по Балканам, на которую были возложены важные функции уточнения границ в некоторых районах. Университет рекомендовал мою кандидатуру, но она высокими инстанциями была отведена. Тогда возникла кандидатура Токарева. К моему удивлению, он согласился, несмотря на то, что никогда Балканами не занимался. Он вошел в комиссию, что дало ему возможность посетить многие балканские и европейские страны<sup>6</sup>. От США и Англии в комиссию вошли крупные знатоки Балкан, и они без большого труда нашего Токарева основательно облапошили<sup>7</sup>. Токарев висел на волоске. К счастью, дело не дошло до тюрьмы.

**15 марта.** Активно заворочались все враги структуральной и математической лингвистики. Однако некоторые из прежних врагов этого направления неожиданно заявили себя его сторонниками. Среди них сам Виноградов. Ситуация сейчас в нашей науке такова. Есть большая группа структуралистов, которая полностью отрицает сравнительное и историческое языкознание. Они свою задачу видят только в описании структуры языка с помощью математических символов. Имеются лингвисты, которые стремятся объединить задачи математической лингвистики с традиционной лингвистикой. Некоторые лингвисты продолжают работать в области традиционной проблематики, но в той или иной степени используют достижения структурализма. Я принадлежу именно к этой группе. Наконец, есть активные враги новых направлений. Конечно, немало и простых эклектиков, приспособленцев. Я полагаю, что необходимо создать условия, при которых можно было бы работать представителям всех направлений. Истина рождается в споре. Это мы часто забываем. Нужно иметь еще в виду, что выбор методики может определяться не только общими принципами, а и конкретными задачами данного исследования. Одна методика используется при описании звуковой или грамматической структуры, другая – в этимологических исследованиях. Поэтому граница между структуралистом и неструктуралистом ярко проявляется в одних областях науки и отсутствует в других. Для меня это

очевидно. Математическая лингвистика – это особая область науки со своими задачами и своей методикой. Придет время, и она станет совсем самостоятельной наукой. Пока в этой области работают дилетанты. Долго так продолжаться не может. Нужно готовить математиков-лингвистов с первого курса. Придет время, и появятся новые науки: техническая лингвистика, биологическая лингвистика, медицинская лингвистика и т. д.

**17 марта.** На днях на Ученом совете факультета Звегинцев выступил с докладом о задачах математической лингвистики. На заседании присутствовало несколько известных математиков и специалистов по математической лингвистике. Докладчик претендует на роль руководителя этого направления в университете. Однако присутствующие специалисты без особого труда показали некомпетентность докладчика. Звегинцев не знает традиционной лингвистики, решил податься в математическую, за что получил по заслугам. Математики продрали его с песком.

**18 марта.** 12 февраля в Софии на сотом году жизни скончался от гриппа самый старый лингвист современности Ал. Теодоров-Балан. Почти одновременно с ним софийский грипп убил С. Романского. Балан – поразительный пример долголетия, не только физического, но и интеллектуального. До конца жизни он сохранял не только бодрость, не только интерес к жизни, но и творческую энергию, изумительную память. Его научная деятельность продолжалась семьдесят пять лет. Он не только изучал болгарский язык, но и сам активно вмешивался в языковую политику, создал много новых слов. Не всегда эта его деятельность была удачной, что давало материал для пародий и карикатур. Однако часто забывают, что значительно больше было удач. Многие обычные для современного литературного языка слова были в свое время введены Баланом. Брал он их из народных говоров, из чешского языка, порой ковал их сам. О своих встречах и беседах с этим интересным человеком я уже писал. На заседании кафедры прочитал доклад о деятельности ученого. Нужно будет опубликовать некролог Балана<sup>8</sup>. В прошлом году он участвовал в международном конгрессе славистов. В России был первый раз. Он родился и среднее образование получил в той части Бессарабии, которая после Крымской войны и до освобождения Болгарии входила в состав Молдавии<sup>9</sup>.

**19 марта.** Реабилитация структурализма в языкознании ввела в большое смущение литературоведов-социологов. Социологическое литературоведение является у нас господствующим. Некоторые литературоведы, далекие по своим настроениям от проблем социалистического реализма, пытаются новые решения в области лингвистики перенести и на литературоведение. Указаний свыше пока на этот счет нет, и правоверные марксисты находятся в состоянии известной растерянности. Положение усугубляется тем, что за структурное литературоведение начинают активно выступать молодые ученые и студенты. Недавно в круглой аудитории факультета был дан настоящий бой Самарину, Метченко и другим правоверным защитникам вульгарного литературоведения. Партийные организации университета пока занимают выжидательную позицию.

**28 марта.** Сегодня закончилось годичное собрание Академии наук. Я посетил завершающее собрание, от которого остался тяжелый осадок. Руководители Академии хотят изменить коренным образом структуру институтов, хотят ликвидировать сектора, а вместо них создать мобильные творческие группы. В этом есть здоровое зерно, но в наших условиях осуществить это невозможно. Нет сомнений,



что проведение этой затеи в жизнь встретит на практике очень много трудностей. Об этом говорили достаточно много. Тяжелое впечатление осталось от выступлений академиков-гуманитариев. Как-то трудно даже называть их гуманитариями. Выступали Деборин, Майский, Жуков, Митин, Константинов, Островитянов и пр. Много говорили о важности гуманитарных наук, [о том,] что их нельзя недооценивать и т. д. Было стыдно слушать их аргументацию, наблюдать реакцию зала. Рыбаков с пафосом говорил о важности археологии, древней истории. Аргументация была следующая: нужно держать порох сухим, нужно разоблачать реакционные теории западных ученых, давать отпор клеветникам, которые сомневаются в подлинности «Слова о полку Игореве», норманистам и т. д. Эта вульгарная аргументация вызвала в зале среди представителей точных и естественных наук законный протест. В зале стоял шум, в котором тонул могучий бас Рыбакова. Примечательно, что представители точных и естественных наук в массе значительно интеллигентнее гуманитариев. Они лучше и правильнее говорят по-русски, лучше произносят иностранные слова, говорят без заготовленного заранее текста. Я уже не говорю о том, что они лучше знают зарубежную науку, лучше знают иностранные языки. Зал активно был настроен против гуманитариев. Во время их выступлений многие громко разговаривали, шумели, выходили из зала. Первый раз в жизни мне было стыдно, что я нахожусь в одной компании с Рыбаковым и подобными. Вступительный доклад прочел Топчиев. Обычно в подобных докладах о языкознании ничего не говорится. Впервые теперь было сделано исключение, но только для математической лингвистики. Кроме Топчиева, о важности математической лингвистики говорили Берг, Марков, Ляпунов и др.

**3 апреля.** По поручению Третьякова я составил докладную записку в Президиум Академии наук о необходимости организации в Институте славяноведения сектора структурной лингвистики. Чтобы ярче подчеркнуть его своеобразие и задачи, я предложил именовать этот сектор сектором структурной типологии славянских языков<sup>10</sup>. За подписью директора записка уже ушла в Президиум. Вчера говорил с А. И. Бергом. Он уверен, что сектор будет организован. У него обширные планы всестороннего развития в нашей стране исследований кибернетического характера. Одновременно почувствовал пренебрежение к традиционному языкознанию. Жаль!

**14 апреля.** События развиваются стремительно. Состоялось заседание Президиума Академии наук о необходимости интенсивного развития структуральных методов в языкознании, математической лингвистики и ее технических приложений. Утверждены новые сектора, обещано много новых ставок. Активные враги этих новых направлений заметно приуныли, наиболее приткие утверждают, что они всегда были сторонниками этих направлений. На заседании остро высекли Виноградова за его позицию. После лингвистической дискуссии 1950 г. о Виноградове в таком тоне говорили впервые. Особенно остро критиковал Виноградова Берг. В конце с заключительным словом выступил Виноградов. Давно я не видел его таким жалким. Между прочим он утверждал, что всегда симпатизировал структурализму, что еще в 1949 г. марристы обвиняли его в сочувствии этому направлению. Это в зале вызвало смех. По решению Президиума в Комитет по кибернетике<sup>11</sup> ввели ряд лингвистов.

**15 апреля.** Сегодня большая группа московских лингвистов выехала в Ленинград, где состоится всесоюзная конференция по математической лингвисти-

ке. Выехало много людей, которые не имеют никакого представления ни о математической лингвистике, ни о математике. Теперь это стало модно и, конечно, сюда ринется много проходимцев типа Пиотровского, Андреева и подобных.

**30 апреля.** Уже виден конец книги «Очерк сравнительной грамматики славянских языков». С 1 по 6 июня в Москве будет происходить очередная встреча по болгарскому атласу. Из Софии приедут Стойков и Холиолчев. Занят подготовкой доклада. Возможны по некоторым вопросам серьезные разногласия. В последнем номере журнала «Вопросы языкознания» опубликована статья Славы Иллич-Свитыча о рефлексах ларингалов в праславянском<sup>12</sup>. Последнее время эта проблема его очень интересует. Статья вызывает ряд сомнений. Эту проблему должен решать не славист, а индоевропеист. Во всяком случае, торопиться с публикациями на эту тему не следует. Но Славу активно в этом направлении поддерживает В. В. Иванов. В том же номере журнала напечатана бессодержательная рецензия А. Б. Правдина на нашу коллективную монографию «Творительный падеж в славянских языках»<sup>13</sup>. Монография дает повод для серьезного разговора о методах изучения синтаксиса славянских падежей. Много в ней спорного, хотя на прошлогоднем конгрессе славистов Р. О. Якобсон положительно отозвался о ней. Слаба заключительная часть монографии. Рецензент обошел все наиболее спорные и интересные проблемы.

**10 мая.** Меня все больше и больше интересует проблема слога. Слависты мало ей уделяют внимания. Прочел работы Росетти, Граммона, Фуше, Дюрена, Галы, Мальмберга и др. В моей сравнительной грамматике в разных местах достаточно много говорится о слоге, главным образом в связи с законом утраты в праславянском закрытых слогов и вызванными этим законом глубокими преобразованиями фонетической и грамматической структуры этого языка. Но слогу следовало бы значительно больше внимания уделить при изложении общеславянских процессов после распада праславянского языка. Но теперь это уже осуществить поздно. Возможно, вернусь к этому в специальной работе. Редакция «Литературной энциклопедии» прислала мне проспект, так как в ней некоторое отражение должна найти и лингвистическая тематика (главным образом персоналии). Конечно, отвечать не буду, так как с этой энциклопедией не желаю иметь дела. Среди персоналий отсутствуют, например, Соссюр, Шухардт, но присутствуют Борковский и Ожегов. Я все больше и больше убеждаюсь в том, что связь языкознания и литературоведения противоположна. Не так давно я добился преобразования моей кафедры в кафедру славянского языкознания. Литературоведы выделены в особую кафедру, и я теперь не имею к ним никакого отношения.

**12 мая.** Должен пройти в университете конкурс на заведование кафедрой на новый срок. Подал заявление, но не думаю, что использую весь пятилетний срок. С годами все труднее и труднее осуществлять руководство двумя большими коллективами. При необходимости выбора, конечно, предпочту сектор в Институте. Там ведется серьезная работа. Наш факультет превратился в богадельню. Вообще университет весь переживает тяжелый кризис. Живые силы покидают его. За последние два года из университета ушло много ярких и талантливых ученых. Преподавательский состав некоторых факультетов обновился существенным образом (например, исторического факультета). Теперь основные курсы читают никому не известные люди.

**14 мая.** Уже несколько лет вхожу в состав редакции «Замечательные ученые Московского университета». Представляю в редакции языкознание. За последние годы в этой серии вышло несколько брошюр о лингвистах. Недавно В. К. Журавлев написал для этой серии очерк о Г. А. Ильинском<sup>14</sup>. После основательного редактирования передал его в издательство. Р. М. Цейтлин заказал книжку о Винокуре<sup>15</sup>. Кондрашов пишет о Брандте<sup>16</sup>. Следует найти авторов для очерков об Ушакове<sup>17</sup>, Дмитриеве<sup>18</sup> и Корше<sup>19</sup>. Следовало бы подготовить и издать новую книжку о М. М. Покровском, так как опубликованная несколько лет тому назад брошюра С. И. Радцига<sup>20</sup> очень плоха. К сожалению, никто не берется написать о Фортунатове. Его легко прославлять, но трудно написать о нем работу. Во многом Фортунатов – легенда. О Селищеве должен написать я, но ряд обстоятельств осложняет эту задачу.

**15 мая.** В связи с разговорами о создании мобильных творческих групп дирекция поручила мне подготовить план тематики творческих лингвистических групп. Пустая затея, но надо выполнять приказы дирекции. Я назвал следующие группы: «Общеславянский лингвистический атлас» (руководитель Бернштейн), «Болгарский язык» (руководитель Чешко), «Болгарский атлас» (руководитель Бернштейн), «Балто-славянские отношения» (руководитель Топоров). Других групп пока не получается, так как большинство областей представлено одним человеком.

**16 мая.** На филологическом факультете состоялось заседание кафедры русского языка, на которое были приглашены лингвисты других кафедр. Речь шла о необходимости начать большую работу над этимологическим словарем русского языка. Все это началось по инициативе ректора Петровского. Он узнал, что готовится русское издание этимологического словаря русского языка немецкого слависта Фасмера<sup>21</sup>. Негодованию его не было границ: «*Неужели наши лингвисты не в состоянии создать хороший этимологический словарь русского языка?*» Виноградов рапортовал: «*Конечно, можем и сделаем еще лучше.*». «*Делайте*», – благословил Петровский и дал несколько ставок для этой цели. На кафедре решались конкретные вопросы. Среди присутствующих не было ни одного человека, имеющего большой собственный опыт в области русской этимологии. В редколлегию включили многих русистов, тюркологов, романистов. Славистику должен был представлять я, но я сразу же категорически отказался. В своем выступлении я сказал, что случайный авторский коллектив не сможет справиться с поставленной задачей, что факультет не готов еще, что словарь будет создаваться много лет и будет низкого качества. После моего выступления началось настоящее цирковое представление. Было заявлено, что словарь будет подготовлен к 1965 г.<sup>22</sup>

**17 мая.** У меня возник первый серьезный конфликт с Аванесовым, с которым меня связывает давняя дружба. Я против новой публикации нашего доклада на IV конгрессе славистов «Лингвистическая география и структура языка: О принципах общеславянского лингвистического атласа». Все доклады советской делегации к конгрессу были опубликованы брошюрами, а теперь их решили издать отдельной книгой<sup>23</sup>. После обсуждения на конгрессе, бесед со специалистами выявились многие слабые стороны доклада, некоторые положения требуют пересмотра. Уже во время работы над докладом у нас возникли некоторые разногласия. Рубен Иванович – отличный знаток русских и белорусских говоров, имеет большой опыт полевой работы, умело использует данные диалектов русского языка для воссоздания многих процессов древнерусского языка. Все это так. Но он

совсем не знает зарубежных славянских языков, не имеет никакого представления о современном состоянии изучения славянских диалектов. Он мерит все русской меркой, не отдавая себе отчета в том, что в разных областях славянского языкового мира степень сохранности диалектов совсем разная, что во многих случаях уже нельзя говорить о фонетических изоглоссах, так как далеко зашла степень лексикализации фонетических признаков. Аванесов недвусмысленно дал мне понять, что он в будущем коллективе [Общеславянского лингвистического атласа] должен играть роль руководителя. Мне же кажется, что на роль руководителя может претендовать специалист по сравнительной грамматике славянских языков и одновременно диалектолог. Я бы эту роль отдал Штиберу.

**18 мая.** Сегодня состоялось заседание Ученого совета филологического факультета, на котором я прошел по конкурсу на должность зав. кафедрой славянских языков. Срок – пять лет. С большим удовольствием уступил бы эту должность другому человеку, но пока достойного человека нет. Широкова еще совсем зеленая, очень мало знает, Кондрашов – темная личность.

**25 мая.** Полным ходом идет подготовка к совещанию по болгарскому атласу. Оно начнется 1 июня. Неожиданно свалилось много корректур. Идут наборы «Основных вопросов болгарской грамматики», девятого выпуска «Статей и материалов по болгарской диалектологии»<sup>24</sup>, семнадцатого тома «Ученых записок»<sup>25</sup>. Аванесов болен. Поэтому я сейчас занят подготовкой первой конференции по Общеславянскому лингвистическому атласу, которая состоится в конце года в Варшаве. Веду переписку с возможными участниками работы над атласом. В «Известия ОЛЯ» отдал некролог Балана.

**31 мая.** Сегодня на конференцию по болгарскому атласу в Москву приехали Стойков и Холиолчев. Конференция начнется завтра в Институте. Завтра же начнется двухдневное совещание по вопросам общего языкознания. Специальная комиссия под председательством Виноградова подготовила тезисы, которые наглядно свидетельствуют о полной растерянности наших признанных теоретиков.

**6 июня.** Сегодня закончилась встреча по болгарскому атласу. Работа над первым томом подходит к концу. Возникли серьезные споры о характере комментариев к картам. В своем докладе я доказывал, что комментарии должны содержать первые итоги изучения данных карт. Стойков решительно возражал. Он считает, что комментарии должны носить исключительно технический характер. Пока решили так: наш советский коллектив подготовит комментарии, которые будут включать анализ карт, а болгарская сторона ограничится только техническим комментированием. Фактически победили болгары, так как через два года мы должны сдать в печать первый том атласа, а времени на переработку болгарских комментариев уже не будет. Проще будет нам упрощать (фактически ухудшать) наши комментарии. При расставании Стойков сказал мне совершенно искренне: *«Мои сотрудники с серьезным комментированием не справятся. Посоветуйте своим сотрудникам на основе подготовленных комментариев написать статьи. Таким образом, их работа не пропадет»*. Все материалы совещания будут опубликованы в десятом выпуске «Статей и материалов по болгарской диалектологии»<sup>26</sup>. Сперва Стойков хотел опубликовать эти материалы в Болгарии, но, соблазнившись гонораром, согласился издать их в Москве. На него произвел впечатление большой гонорар, который он получил здесь по доверенности Кочева.

8 июня. Сегодня утром болгары улетели домой. Послал с ними письма Георгиеву и Станишевой. Готовлюсь к поездке в Карловы Вары, где буду лечиться с 15 июня по 15 июля. Это будет моя первая поездка в Чехословакию. Хотел бы повидать Прагу.

12 июня. Антресоли Эриванцевой! Сколько с ними связано интересных и полезных встреч и бесед! После войны заведовать букинистическим отделом книжного магазина Академии наук на улице Горького стала некая Эриванцева. До войны встречаться с ней мне не приходилось. Она не имела глубоких познаний в книжном деле, но была умна, достаточно образована, хорошо воспитана, знала языки. На первом этаже магазина в ее распоряжении была одна секция, где она обслуживала обычных покупателей. На втором этаже (а точнее – на антресолях) она владела сравнительно большой территорией, где стояли стеллажи с книгами. Именно сюда прежде всего поступали книги, а уже затем какая-то их часть опускалась вниз. Наверху стояли удобные кресла, большой стол, можно было снять верхнюю одежду. Сюда допускались только избранные, которые могли свободно любое время проводить возле стеллажей. Общепризнанным мэтром здесь был Сергей Иванович Вавилов, не только крупный физик, но и большой книголюб. Это положение он занял не потому, что был Президентом Академии наук. Бесспорно, он был выдающимся знатоком русской и европейской книги XVIII в., обладал большим личным обаянием, был хорошо воспитан. Второе место после Вавилова занимал Алексей Карпович Дживелегов. Постоянными посетителями по воскресеньям здесь были Абрам Маркович Эфрос, Леонид Петрович Гроссман, Константин Васильевич Базилевич, Николай Каллиникович Гудзий, Сергей Николаевич Дурылин... Мне удалось проникнуть в эту среду осенью 1947 г. с помощью моего друга Леонида Петровича Гроссмана. Появление на антресолях сравнительно молодого человека, имевшего, правда, уже степень доктора филологических наук и звание профессора, было неожиданным. Я прекрасно понимал, что здесь я должен завоевать авторитет поведением и редкими знаниями. Поведению придавалось большое значение. По рекомендации Гудзиева на антресолях неожиданно появился известный актер Н. П. Смирнов-Сокольский. Однако очень скоро он начал вызывать к себе неприязненное отношение. Дело дошло до того, что по совету Эриванцевой Смирнов-Сокольский стал приходить сюда только в будни. Все это объяснялось тем, что этот цирковой трибун разрешал себе говорить слишком громко, перебивал других, активно жестикулировал. Через некоторое время Вавилов просто перестал замечать нового посетителя. Эфрос фыркал. Поднимаясь на антресоли по воскресеньям, он еще на лестнице громко спрашивал Эриванцеву: «Ковровый уже пожаловал?» В отличие от Смирнова-Сокольского я держался скромно и тихо, но этого, конечно, было мало. Нужно было иметь свое лицо, в какой-то области располагать редкими сведениями. Я отлично понимал, что ни славяноведение, ни языковедение здесь не пройдут. Совершенно неожиданно обнаружилась золотая жила, которую я начал активно разрабатывать. Однажды Вавилов спросил у Гроссмана о генерале Инзове, о его происхождении, о его специально придуманной фамилии (Инзов – инако зовется). Пушкинист Гроссман мог рассказать об Инзове лишь то, что имело непосредственное отношение к Пушкину. Зная о моих занятиях вопросами иностранной колонизации Новороссии и Херсонской губернии, Гроссман обратился за помощью ко мне. Я подробно рассказал о жизни и деятельности этого симпатичного генерала. Только после этого я почувствовал себя полноправным членом нашего кружка. Мне

стали задавать вопросы, порой спрашивали советов, интересовались моими покупками. После Инзова мне пришлось не раз рассказывать о деятельности крупных государственных деятелей нашего Юга. Мой рассказ о деятельности А. Э. Рিশелье был выслушан молча в течение полутора часов. Конечно, я все подготовил заранее и только ждал случая, чтобы свои свежие знания вылить на своих слушателей. Такой случай представился, и я с блеском им воспользовался. За купленные книги мы хорошо платили Эриванцевой, сдачи не брали. Часть этих денег, однако, шла на нас же. В воскресенье от часу до двух здесь подавалось черное кофе, на столе стояли коньяк и ваза с печеньем. За годы посещения антресолей Эриванцевой я узнал очень много интересного из истории русской и западноевропейской культуры, истории административного управления России, истории книжного дела... Первым ударом по нашему кружку была неожиданная смерть Сергея Ивановича Вавилова в 1950 г. Вскоре умерли Дживелегов и Базилевич, а затем ушла и Эриванцева. Встречи на антресолях прекратились. Однако еще часто о них вспоминал Гроссман, вспоминал всегда с тихой грустью. Гудзий утверждал, что кружок Эриванцевой – это единственный случай за советский период существования букинистического магазина-клуба.

**14 июня.** Завтра вылетаю в Прагу. С 15 июня по 15 июля буду лечить нарушения обмена веществ в Карловых Варах. По совету опытных людей накопил много подарков для обслуживающего персонала: водку, черную икру, парфюмерию и пр.

**15 июля.** Сегодня вернулся из Чехословакии. Целый месяц провел в Карловых Варах, где избавлялся от отложений солей. Курорт помог. Совсем перестали болеть колени. Лечился активно, по всем правилам науки. В санатории «Империал» отличный средний медицинский персонал. Врачам здесь делать нечего. Все давно отработано. Известен старый австрийский анекдот, когда извозчик сообщает своему седоку, чем и как его будут лечить. Этот анекдот реально произошел со мной. На пражском аэродроме меня ждала машина. Шофер точно предсказал все в моем лечении, вплоть до номера источника. Курорт старый, с большими традициями. Здесь особенно успешно лечат нарушения обмена веществ и сахарный диабет. В моем лечении существенную роль играла диета. Один день мне разрешали есть все без ограничений, на другой день морили голодом. Так продолжалось все время. За месяц я сбросил 8 килограммов. Было очень жарко. От многочисленных источников в узком ущелье скапливается много влаги. Сердечники чувствовали себя неважно. Народ в санатории лечился серый. Было много переодетых в штатское военных. Познакомился с московским литературоведом М. В. Урновым, специалистом по истории английской литературы. Много вместе гуляли, ездили. Из писателей были Шагиня и Нагибин. Последний отвратителен – настоящий подонок. В первое же воскресенье с группой лечащихся весь день провел в Праге. Город производит огромное впечатление. Конечно, получил лишь самое общее представление. Очень устал. Случайно на улице в Праге встретил чешского лингвиста Гаузенбласа, от которого мои пражские друзья узнали о моем пребывании в Карловых Варах. Б. А. Гавранек по телефону договорился с директором санатория, и мне разрешили три дня провести в Праге, конечно, без продления сроков путевки. За мной на машине приехал Антонин Достал, который был моим чичероне в Праге в течение всех трех дней. А работы было много. Первое посещение – Институт славяноведения на Валентиновской номер один. Здесь состоялась встреча с директором, а затем с коллективом старославянского словаря, который возглавляет

профессор Курц. Мне показали картотеку словаря, готовые словарные статьи. От имени дирекции Курц официально предложил начать совместную работу с нашим Институтом над однотомным словарем старославянского языка<sup>27</sup>. Я обещал сообщить об этом дирекции нашего Института. Вечером первого дня мне показывали Прагу. Утром второго дня состоялась встреча с сотрудниками Института чешского языка. Здесь хозяином является Гавранек. Поражает не только большое число разнообразных картотек, но и образцовый порядок. Большую часть времени я провел в секторе диалектологии. Обедал вместе с Гавранком в старинном пражском ресторанчике, где Богуслава Антоновича отлично знают и отменно кормят. После короткого отдыха – прогулка по центральной части города с Досталом, вечером – в театре с Доланским. Третий день брожу в одиночестве по городу, теперь смотрю больше на людей, нежели на здания. Вечером предстоит встреча в Доме журналистов с лингвистами Праги. Я полагал, что будет приглашена небольшая группа моих хороших знакомых и мы в интимной обстановке проведем отлично вечер. Но было все иначе. Когда мы с Досталом прибыли в Дом журналистов, два больших зала были переполнены. Мне стало ясно, что на встречу должны были прийти все лингвисты города. Это было политическое мероприятие, демонстрация советско-чешской дружбы. Не забуду лиц Галы и Шмиляуэра, которые, сидя в стороне за отдельным столиком, бросали на меня злобные взгляды. В залах царил напряженный, никто не знал, что нужно делать, о чем говорить. Даже мои друзья были необычно скованы. Мучительно прошли два часа. Этот вечер основательно испортил мое пребывание в Праге. На другой день утром вернулся в Карловы Вары. В воскресные дни имел возможность посетить еще Хеб, Марианске Лазне, замок Меттерниха и другие места.

**23 июля.** На днях группа студентов-болгаристов во главе с Усиковой уехала в Болгарию. Теперь студенты могут посещать страну изучаемого языка. Это очень важно. Завтра в Прагу выезжают участники семинара по богемистике. Едут члены кафедры и сектора. Наши связи с зарубежными славянскими странами крепнут. По просьбе Курца должен написать рецензию на первые выпуски чешского старославянского словаря для журнала «Slavia»<sup>28</sup>. Не знаю, будет ли доволен Курц моим отзывом? 6 июля у меня появился внук. Итак, я теперь дедушка.

**24 июля.** Вновь активизировался Виноградов. Он всеми средствами добивается передачи лингвистов Института славяноведения в Институт русского языка. Обосновывает это мероприятие он не очень логично. По его словам, издания по языкознанию нашего Института стоят на низком научном уровне. Поэтому всех нас нужно перевести в его Институт. Здравый смысл подсказывает другое решение: нужно просто закрыть сектор, члены которого не могут вести серьезной научной работы. И зачем свой Институт засорять бездарными неучами? Но не тут зарыта собака. Все дело в том, что мы не подчиняемся Виноградову не только по линии Института, но даже Отделения. Наш Институт входит в состав Отделения исторических наук. В последнее время из нашего Института была послана докладная записка в Президиум Академии наук, в которой деятельность Виноградова была подвергнута резкой критике. Вот это и злит старика, у которого последнее время все сильнее и сильнее проявляется маразм. Передача нас в Институт русского языка свяжет нам руки. Будет ликвидирован серьезный научный центр, который не подчиняется Виноградову и может многие вопросы решать самостоятельно. Это понятно всем. Борьбу с Виноградовым буду вести до конца. Победа Виноградова будет означать поражение славистики.

12 августа. Много времени отдаю сравнительной грамматике славянских языков. Уже виден конец. В этом году сектор Института будет представлен рядом новых изданий. Академическое издательство стало значительно лучше работать, окрепла техническая база. Нужно повысить требования к «Ученым запискам», куда иногда попадают посредственные работы. Думаю, что вместо «Ученых записок» целесообразнее издавать отдельно небольшие монографии. В университете научная работа замерла. Филологический факультет пришел в состояние полного упадка. В таком же положении находится и исторический факультет.

1 сентября. Стоим на пороге нового учебного года. Наступление его омрачено приказом ректора о снятии с работы многих профессоров и доцентов, работающих на полставки<sup>29</sup>. Их даже не предупредили об этом. Все сделано крайне безтактно. В связи с этим приказом в трудное положение попали деканаты многих факультетов. Многие ответственные курсы некому читать, нет руководителей ряда семинариев, аспиранты остались без руководителей.

3 сентября. Ректорат уже бьет отбой: многим посланы приглашения остаться в университете на прежних условиях. Однако известные мне профессора решили совсем покинуть университет. Вышли из печати «Вопросы грамматики болгарского литературного языка», семнадцатый том «Ученых записок». Скоро появится в продаже четвертый выпуск «Вопросов славянского языкознания»<sup>30</sup>. В четвертом номере «Известий ОЛЯ» опубликован некролог Балана, составленный мною. Получил приглашение от Берлинской Академии наук принять участие в конференции по серболужицкому языкознанию, которая состоится 23–25 октября. Воспользоваться этим приглашением не смогу, так как в это же время буду участвовать в первом совещании по Общеславянскому лингвистическому атласу.

10 сентября. Все эти дни был занят всякими делами, связанными с болгарским праздником (15-летием новой власти в Болгарии). 7 сентября на заседании Ученого совета Института делал доклад о научных связях болгарских и советских ученых. Уже 8 сентября болгарские газеты сообщили о моем докладе.

14 сентября. Несмотря на очень большую загрузку научной и организационной работой, я в Институте получаю только половину оклада, так как два полных оклада по существующим правилам получать не полагается. Уже почти 15 лет я руковожу двумя коллективами. Каждый из коллективов имеет свое лицо. Оба коллектива мне одинаково близки. Однако теперь передо мной поставлен вопрос выбора. Он решается теперь просто: я перехожу в Институт на полную ставку. Если решение о запрещении совместительства пройдет в жизнь, покину факультет. Если разрешат совмещать работу в Академии наук с работой в университете, останусь на факультете на полставки. Вся моя научная работа связана с Институтом.

1 октября. В Болгарии медленно, но неуклонно идет процесс пересмотра македонской проблемы. Главное – хотят реабилитировать ту политику, которую проводила царская Болгария и которая в прошлом болгарскими марксистами квалифицировалась как политика болгарского империализма. Конечно, ясно и четко так вопроса не ставят, но суть именно в этом. Положение трудное, так как Болгарская коммунистическая партия всегда поддерживала лозунг «Македония для македонцев». О необходимости создания самостоятельной Македонии говорится во многих решениях не только болгарской компартии, но и в решениях Коминтерна. Теперь в душах болгарских коммунистов созрел новый лозунг – «Македония для болгар». Я уже писал, как Т. Павлов во время своего первого



посещения Института славяноведения в Москве был очень доволен, что я завершил книгу «Македонский язык». Тогда он обратился с просьбой к Грекову издать мою книгу большим тиражом. Теперь он мою деятельность в этой области расценивает крайне отрицательно. В прошлом году по инициативе Вл. Георгиева моя кандидатура была выдвинута в иностранные члены Болгарской Академии наук. На собрании академиков против моей кандидатуры выступил Павлов. Основание – интерес к македонскому языку. На этом основании я не прошел в иностранные члены. В Карловых Варах в одном санатории со мной лечился болгарин, работник одного софийского издательства. Он мне прямо сказал: *«Наша партия в македонском вопросе стояла на непатриотических позициях. Только теперь она начинает понимать вред лозунга “Македония для македонцев”. Будущая Болгария должна включать в себя не только всю Македонию, но и побережье Эгейского моря»*. Я задал ему вопрос: *«Каким способом это будет осуществляться?»* Болгарин промолчал. Ему не хотелось употреблять слово *война*.

**14 октября.** Готовлюсь к первой конференции по Общеславянскому лингвистическому атласу, которая скоро состоится в Варшаве. Аванесов не едет. Дорошевский сообщил мне, что конференция будет открыта моим докладом, посвященным теоретическим проблемам диалектологического атласа родственных языков. Вопрос трудный. Некоторые аспекты проблемы мне не ясны. Узнал, что все руководство польским коллективом взял в свои руки Дорошевский. Штибер даже не будет принимать участия в варшавской конференции. Очень странно!

**20 октября.** Полным ходом идет перепечатка рукописи «Очерк сравнительной грамматики славянских языков». Она состоит из двух частей – Введения и Фонетики. Введение будет обсуждаться на секторе через несколько дней. Введение содержит общую методологическую часть, вопросы взаимоотношения славянских языков между собой, балто-славянскую проблематику, общие вопросы истории праславянского языка и его взаимоотношения с родственными и неродственными языками. Фонетика содержит историю праславянского языка и историю общеславянских процессов в истории отдельных славянских языков. В книге будут опубликованы четыре указателя и карты. Общий объем книги не должен превышать 25 листов. Фонетика будет обсуждаться на секторе в начале декабря. В Германии состоялся международный симпозиум по проблемам знаковости языка. От нас там выступала с докладом Дунька Галкина. Этот ее доклад я слышал у нас на факультете еще в прошлом году. Срам и позор. Это многие понимают, но всем все безразлично.

**5 ноября.** На секторе состоялось обсуждение вводной части моей сравнительной грамматики: интересных выступлений не было.

**9 ноября.** Наступает время, когда нужно смело сказать: нет!!! Нет Виноградову, нет всей его административной деятельности, которая принесла нашему языкознанию много вреда. Больше молчать нельзя. Говорил об этом с Аванесовым, но он еще не готов для боя с Виноградовым. Он его люто ненавидит, но боится. Понесу эту ношу один. Требование Виноградова о передаче лингвистов в Институт русского языка будет обсуждаться 12 ноября в Президиуме Академии наук в кабинете вице-президента по гуманитарным наукам. Я постараюсь этот частный вопрос перевести в план обсуждения деятельности Виноградова на посту академика-секретаря Отделения литературы и языка. Обещают выступить на заседании Топоров и Шаумян.

12 ноября. Сегодня во второй половине дня в кабинете вице-президента Островитянова состоялось под его председательством совместное заседание Отделения литературы и языка и Отделения исторических наук. Островитянов сказал несколько слов и передал слово Виноградову. Я сразу же понял, что Виноградов не ждет от нас резких выступлений. Он был убежден, что никто из нас на таком высоком административном уровне не рискнет начать с ним войну. Он совсем не готовился и говорил всякий вздор, говорил высокомерным тоном, барски сюсюкал, допустил ряд необоснованных выпадов против историков. Все это пошло мне на пользу. Я воспользовался всеми промахами академика. Сразу же после выступления Виноградова председатель предоставил слово мне. Неожиданно мне разрешили говорить 30 минут, чем я и воспользовался. Я кратко охарактеризовал деятельность лингвистов нашего Института, общее направление нашей работы, указал на важность совместной работы лингвистов с историками и литературоведами. После этого я перешел к характеристике деятельности лингвистов Института русского языка, подробно остановился на методологической беспринципности Виноградова, на его отношении к людям, [сказал] о его грубости, о культивировании им подхалимства, доносов и пр. Говорил я взволнованно, но следил за своей речью и не допустил ни одного неакадемического выражения. Мало сказать, что все присутствующие слушали меня внимательно. Они слушали, широко раскрыв глаза. Видно было по всему, что им редко в Президиуме приходится слышать подобные выступления. Стояла мертвая тишина. В заключение я сказал: *«Под руководством Виноградова наш коллектив лингвистов тоже нормально функционировать не будет. Поэтому я от имени всего коллектива Института славяноведения прошу сохранить прежнюю структуру»*. Виноградов не ожидал подобного выступления. Вид он имел довольно жалкий. После меня слово взял М. Н. Тихомиров. Он сказал, что Институт русского языка в теперешнем его виде не может претендовать на единственный центр по изучению славянских языков, так как даже с изучением истории русского языка дела плохи. Он убедительно показал это на нескольких примерах. Шаумян говорил о беспринципности Виноградова в основных вопросах методологии языкознания. Топоров указал, что в Институте русского языка дирекция проявляет полное непонимание задач сравнительно-исторического изучения славянских языков. После выступления Топорова было решено продолжить заседание 19 ноября. Я сильно устал и медленно спускался по лестнице. Меня догнал наш известный египтолог Коростовцев и сказал: *«Вы молодец. Давно я в нашей затхлой академии ничего подобного не слышал»*.

21 [ноября]. События развиваются стремительно. 19 [ноября] в Президиуме Академии наук состоялось второе заседание. Оно прошло в более мягких тонах, но в совершенно ясном антивиноградовском направлении. Победил наш Институт. Важно, что никто из официальных лиц не защищал Виноградова. Принято решение, что Институт славяноведения сохраняет свою прежнюю структуру. Вчера я дал бой Виноградову уже на факультете. Я уже писал об авантюре кафедры русского языка, т. е. о шумной затее по составлению нового этимологического словаря русского языка методом *крякнем-пукнем*. Деканат поручил мне выступить со своими соображениями на заседании Ученого совета. Не составляло большого труда показать нереальность плана, непонимание задач труда, некомпетен-

тность решительно во всем. Однако я не ограничился заданной темой доклада. И здесь я повел атаку против Виноградова – руководителя кафедры, человека. И здесь царило оцепенение, все напряженно молчали. Одни смотрели на меня восторженно, другие сострадательно, третьи враждебно. Позже Грозная мне сказала: *«Я так боялась за Вас, Вы были так бледны»*. Начались прения. Сильно выступила Елкина, которая говорила о грубости академика. Неожиданным было выступление близкой ученицы Виноградова Галкиной. Она ласково журила академика за его высокомерие, за неумение работать с людьми. Во время выступления Галкиной лицо Виноградова было все искажено злобой и ненавистью. Мне порой казалось, что на его лбу вырастают рога. *«А не черт ли он»*, – думал я. Большинство членов Совета упорно молчало. Молчали Будагов, Ярцева, Чемоданов, Иванов, Шанский. Молчали даже его клеветы. Виноградов ясно понял, что защитников у него нет. Это было очень красноречивое молчание. Председатель Самарин предложил выступить Виноградову, но последний отказался с брезгливой миной. На этом заседании Ученого совета закончилось.

**30 ноября.** Вместе с Топоровым занят составлением докладной записки о состоянии нашей языковедческой науки за последискуссионный период (т. е. с 1950 г.). Работаем над ней по поручению Президиума Академии наук. С 24 по 29 ноября находился в Варшаве. Принимал участие в первой конференции по Общеславянскому лингвистическому атласу. Конференция прошла интересно, несмотря на плохую организацию. Дорошевский показал себя плохим организатором. Не было заранее подготовлено никаких материалов, проектов решений и т. д. Все было пущено на самотек. Уже во время самой конференции я вместе с [Я.] Беличем должен был делать то, что по обычаю выполняют хозяева конференции. От Чехословакии на конференции присутствовали [Я.] Белич, Гавранек, Паулини, от Югославии – Видоевский, Вукович, Ивич, Логар, Павлович, Храсте, от Болгарии – Андрейчин, Стойков, Тодоров, от ГДР – Новотный и Михалк, от Венгрии – Кирай. Советский Союз представляли Орлова и я. От Румынии представителей не было. Официально Польшу представляли Дорошевский, Конечно, Помянская, Урбанчик. Эпизодически посещали заседания Курашкевич, Лер-Сплавинский, Заремба, Сюдут, Штибер. Было много молодежи. После открытия конференции председательствующий на первом заседании Дорошевский предоставил мне слово. В центре доклада стояли вопросы структуры Атласа. В своем докладе я внес ряд существенных коррективов в тот проект Атласа, который был предложен Аванесовым и мной на IV конгрессе славистов в прошлом году. Речь шла как об общих принципах, так и о многих конкретных вопросах теории и методики. Я предложил делать атлас в два этапа. Первый – малый атлас с ограниченным числом вопросов и сравнительно небольшим числом обследуемых пунктов; затем приступить к созданию большого общеславянского лингвистического атласа. Это мое предложение было активно поддержано Гавранком и особенно Беличем. Представители других национальных коллективов встретили это предложение сдержанно. Горячие споры возникли в связи с другим моим предложением, которое кратко сводилось к следующему: мы приступаем к составлению общеславянского атласа, где славянские языки в каком-то смысле можно рассматривать на уровне диалектов одного языка, а не разных языков. Такой подход избавит нас от возможных споров об отнесении тех или иных пунктов к различным славянским языкам. Каждая карта будет отражать распределение определенных языковых

признаков. Можно иметь прозрачную карту с политическими границами. Наложение этой карты на лингвистические карты поможет ориентироваться читателю в определенном направлении. Нужно сделать все возможное, чтобы избежать споров, не имеющих прямого отношения к предмету наших занятий, но способных нанести ущерб нашей работе. Я был убежден, что мое предложение не встретит возражений. Но я ошибся. Оно вызвало решительные возражения, особенно со стороны Дорошевского. Странно, но в моем предложении увидели проявление великорусского национализма. Прямо так не было сказано, но намеки были прозрачными. Мое предложение было отвергнуто. Будущее покажет, кто был прав. На одной только македонской проблеме мы сможем сломать себе шею. Детально обсуждались вопросы о будущих программах Атласа. Решено было каждый раз дел программы готовить в двух центрах, что даст возможность более активного их обсуждения. Так, раздел по фонетике поручено готовить коллективу Штибера и моему коллективу. Аналогично были распределены поручения по другим разделам программы. Штибер посетил лишь первое заседание конференции, а мне хотелось обсудить с ним некоторые важные вопросы будущей работы. Его приглашение вместе пообедать в ресторане решило эту задачу. Разговор был откровенным и интересным. Штибер [сказал, что] *Дорошевский не имел и не мог иметь никаких отношений к проекту создания общеславянского атласа, так как он является только полонистом. Об этом он впервые услышал только на IV конгрессе славистов в Москве. Однако сразу же после возвращения в Варшаву Дорошевский начал активно действовать, чтобы эта новая тема была закреплена за его коллективом, и добился этого. Мне кажется, что нечто подобное произошло и в Праге. И здесь все в свои руки взял [Я.] Белич, тогда как подлинным руководителем всей работы в Чехословакии может быть только Гавранек. Во главе всей работы над Атласом должны стоять не полонисты, богемисты, русисты, а специалисты по сравнительной грамматике славянских языков. Хорошо, что по крайней мере у вас в Москве понимают это.* Я грустно промолчал. Без полонистов, богемистов, русистов и пр. нам не обойтись, так как в их руках находится весь аппарат по сбору диалектного материала, а на вторую роль они не согласны. Все это вселяет большую тревогу. С городом имел возможность познакомиться очень поверхностно, так как заседания проходили днем и вечером. Поэтому я отказался от поездки в Желязову Волю и весь день бродил по городу. Осень. Почти все время идет дождь, деревья голые, цветов нет, на Маршалковской стоят коробки бывших зданий... И тем не менее город прекрасен, особенно старый город. Он восстановлен с фотографической точностью. Это делает честь полякам. Взял с собой немного варшавской земли, чтобы насыпать ее на могилу тещи. Это был ее родной город, который она должна была покинуть, так как вышла замуж за русского офицера.

7 декабря. Сегодня в Институте славяноведения состоялась научная сессия, посвященная Бодуэну де Куртене. Пришло много московских лингвистов. Зал не мог вместить всех желающих. Было много интересных докладов. Издадим их отдельной книжкой<sup>31</sup>. Дорошевский прислал приветственную телеграмму.

9 декабря. Подробно рассказал Аванесову о конференции в Варшаве. Его реакция на мое предложение о предварительном создании малого атласа была бурной и отрицательной. Он в плохом настроении. Думает, что Виноградов не даст ему возможности заниматься Общеславянским лингвистическим атласом. Мне-то уж во всяком случае не даст после моей баталии с ним. Оформле-

ние выездов на международные конференции по этой теме идет по Отделению литературы и языка, а он меня не пропустит. Рубен думает, что во главе советской группы Виноградов поставит Орлову. Но это значит провалить все дело. Возможно, что это и входит в его планы.

**20 декабря.** Вчера, наконец, полностью завершил свою сравнительную грамматику. Несколько дней назад на секторе прошло обсуждение Фонетики. Теперь осталось провести работу через Ученый совет, и все.

**31 декабря.** Последний день 1959 г. Прошедшим годом доволен. Главное – завершил сравнительную грамматику. Много работал в области теории. Много думал над вопросами структуры Общеславянского лингвистического атласа. Выявились существенные разногласия с Аванесовым по ряду принципиальных вопросов. Доволен итогами работы сектора. По сектору в истекшем году было опубликовано шесть книг. Было проведено много интересных заседаний. К сожалению, плохо работала кафедра. Заметно снизился научный уровень подготовки славистов. Доволен своими баталиями с Виноградовым. С помощью своих молодых друзей основательно пощипал этого индюка. Убежден, что эти битвы имели большое воспитательное значение. Впервые в 1959 г. посетил Чехословакию и Польшу. В 1960 г. в основном буду работать в области лингвистической географии. Это – завершение первого тома болгарского атласа и начало работы над общеславянским атласом. Должен написать несколько статей. Буду систематически один час в день работать над болгарским словарем. Планов много. Нужно их выполнить.

### Примечания

<sup>1</sup> *Endzelins J.* Latviešu valodas gramatica. Rīga, 1951.

<sup>2</sup> *Shevelov G. Y.* Problems in the formation of Belorussian. New York, 1953.

<sup>3</sup> Например, были опубликованы дипломные работы Н. В. Котовой (1950), Т. С. Тихомировой (1958), В. П. Гудкова (1958) и др.

<sup>4</sup> *Георгиев В. И.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. Родственные отношения индоевропейских языков. М., 1958. 317 с.

<sup>5</sup> Здесь С. Б. Б. неточен. В книге «Этнография народов СССР» (М., 1958. С. 244) С. А. Токарев писал, что «чеченцы были самыми заклятыми врагами русских» в годы Кавказской войны, когда «именно Чечня была главным очагом военно-религиозного движения мюридизма».

<sup>6</sup> Речь идет о межсоюзнической Комиссии по изучению итало-югославской границы, работавшей в марте–апреле 1946 г. в Юлийской Крайне с целью подготовки материалов для обсуждения вопроса о мирном договоре с Италией на 2-й сессии Совета министров иностранных дел пяти великих держав (апрель–май и июнь–июль 1946 г.). Работа С. А. Токарева в группе этнографов–экспертов этой комиссии подробно описана в его дневнике, отрывки из которого опубликованы в сборнике «Проблемы итальянской истории, 1993» (М., 1993. С. 244–265). «Говорить и выступать на заседаниях комиссии, задавать вопросы и пр., – писал, в частности, он, – мне... не придется, это дело главы делегации. Наше дело подготовить материалы» (с. 247).

<sup>7</sup> Вряд ли Токарева «облапошили» иностранные эксперты. «Моя точка зрения продолжает оставаться прежней, – записывал он, например, в дневнике 22 марта. – ... Истрия должна принадлежать Югославии...» (с. 257).

<sup>8</sup> *Бернштейн С. Б.* Академик А. Теодоров-Балан // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1959. Т. 18. С. 391–392.

<sup>9</sup> Здесь повторены сведения об А. Теодорове-Балане, сообщенные ранее С. Б. Б. в записи от 30 августа 1958 г.

- <sup>10</sup> В 1960 г. в Институте появился сектор структурной типологии славянских языков (руководитель В. Н. Топоров, затем – Вяч. Вс. Иванов, сейчас – Т. М. Николаева).
- <sup>11</sup> Имеется в виду Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика» под руководством академика А. И. Берга; в нем Вяч. Вс. Иванов после изгнания в 1958 г. из МГУ ведал лингвистикой и семиотикой.
- <sup>12</sup> *Иллич-Свитыч В. М.* О некоторых рефлексах индоевропейских «ларингальных» в праславянском // Вопросы языкознания. 1959. № 2. С. 3–18.
- <sup>13</sup> См.: Вопросы языкознания. 1959. № 2. С. 132–136.
- <sup>14</sup> *Журааев В. К.* Григорий Андреевич Ильинский (1876–1937). М., 1962.
- <sup>15</sup> *Цейтлин Р. М.* Григорий Осипович Винокур (1896–1947). М., 1965.
- <sup>16</sup> *Кондрашов Н. А.* Роман Федорович Брандт. М., 1963.
- <sup>17</sup> Книга о Д. Н. Ушакове не была опубликована.
- <sup>18</sup> *Аракин В. Д.* Николай Константинович Дмитриев. М., 1972.
- <sup>19</sup> Неясно, почему С. Б. Б. нужно было подыскивать для такой книги автора: как видно из записи от 26 декабря 1954 г., соответствующий очерк Н. К. Дмитриева (см. прим. 47 к указанной записи) им редактировался еще в 1954 г.
- <sup>20</sup> *Радциг С. И.* Михаил Михайлович Покровский, 1869–1942. Биографический очерк. М., 1948.
- <sup>21</sup> *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964–1973. Т. 1–4.
- <sup>22</sup> «Этимологический словарь русского языка» печатается с 1963 г. В 1960–1987 гг. изданием словаря руководил Н. М. Шанский, в настоящее время его возглавляет А. Ф. Журавлев. В 1999 г. вышел вып. 9 (буква Л).
- <sup>23</sup> Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961. В предисловии (с. 3) специально оговорено, что доклад Р. И. Аванесова и С. Б. Бернштейна «по решению авторов не перепечатывается...»
- <sup>24</sup> Девятый выпуск «Статей и материалов...» вышел в свет в 1959 г.
- <sup>25</sup> УЗИС. М., 1959. Т. 17.
- <sup>26</sup> Статьи и материалы по болгарской диалектологии. М., 1962. Вып. 10. Ни в этом сборнике, ни в др. изданиях материалы совещания опубликованы не были.
- <sup>27</sup> Как сообщают авторы предисловия к вышедшему в 1994 г. в Москве совместному чешско-русскому «Старославянскому словарю (по рукописям X–XI вв.)», инициатива Й. Курца, поддержанная С. Б. Б., была одобрена. «Работа велась под их руководством, – сказано в предисловии (с. 9), – в 60-е годы и прекратилась на начальной стадии. Работа над настоящим словарем началась в середине 70-х годов...».
- <sup>28</sup> *Бернштейн С. Б.* Рец. на кн.: *Slovník jazyka staroslovenského*. Praha, 1952–1959. Seš. ukazk., 1–3 // *Slavia*. 1961. Seš. 2. S. 318–325.
- <sup>29</sup> Видимо, этот приказ был издан в связи с подготовкой постановления Совета Министров СССР «Об ограничении совместительства по службе», принятого 10 декабря 1959 г. (Собрание постановлений Правительства СССР. М., 1959. № 20. Ст. 164). Этим постановлением упразднилось, в частности, штатное совместительство в высших учебных заведениях.
- <sup>30</sup> Вопросы славянского языкознания. Вып. 4. Славяно-романские языковые отношения: Проблемы праславянского языка. М., 1959.
- <sup>31</sup> См. 1960, прим. 18.

## 1960

**1 января.** На новый год намечено много всяких планов. Хорошо бы их все выполнить! В январе я должен завершить редактирование своего очерка сравнительной грамматики славянских языков, подготовить к печати статью о принципах комментирования атласа болгарских говоров<sup>1</sup>, написать статью в сборник в честь Дорошевского (Варшава), приступить к работе над словарем (я ее прервал перед отъездом в Карлсбад) и многое другое. Буду в этом году более тщательно планировать работу на неделю.

**14 января.** Сегодня на Ученом совете Института утверждена к печати моя сравнительная грамматика.

**16 января.** Начало действовать постановление Совета Министров о совместительстве. В связи с этим я сегодня подал на имя ректора следующее заявление: «С самого основания Института славяноведения АН СССР я руковожу в нем сектором языкознания<sup>2</sup>. Сектор насчитывает теперь 30 научных сотрудников. В настоящее время я руковожу коллективной работой над «Атласом болгарских говоров», который создается болгароведами Института славяноведения АН СССР совместно с диалектологами Института болгарского языка Болгарской Академии наук. Я являюсь ответственным редактором двух изданий Института: «Вопросы славянского языкознания» и «Статьи и материалы по болгарской диалектологии». Совет Министров СССР принял 10 декабря 1959 года за № 1367 специальное постановление «Об ограничении совместительства по службе». Данное постановление запрещает руководить кафедрой в учебном заведении и сектором в научном учреждении одновременно. Это же постановление предусматривает ликвидацию всякого совместительства в 1960 году. Тщательно и всесторонне взвесив все обстоятельства, я принял решение перейти в Институт славяноведения АН СССР на полную ставку. Поэтому прошу Вас в связи с новыми условиями освободить меня от должности зав. кафедрой славянских языков МГУ и перевести до конца учебного года на полставки. Обязуюсь выполнить полностью всю свою годовую нагрузку. Во втором семестре я должен читать лекции по сравнительной грамматике славянских языков на 4-м курсе русского и славянского отделений, спецкурс на 4-м курсе и историю сербского языка на 2-м курсе славянского отделения. Буду продолжать руководить дипломными и курсовыми работами и двумя аспирантами... Дирекция Института славяноведения АН СССР даст письменное разрешение на работу по совместительству до конца учебного года. 16 января 1960 года».

**25 января.** Вероятно, моя педагогическая деятельность в университете прекратится. Видимо, в университете полуставочников не будет. Оставаться на почасовой оплате, конечно, нет смысла. Почти все профессора нашего факультета остаются в университете. Я такой выбор сделать не смог, так как бросить Институт не могу. Главная моя работа проходит именно в Институте.

**5 февраля.** На днях вернулся из дома отдыха, где провел только шесть дней. Этот кратковременный отдых был мне просто необходим. Сейчас чувствую себя

окрепшим. Много времени уходит на техническую подготовку рукописи сравнительной грамматики, несмотря на то, что мне помогают мои молодые сотрудники. Приходится одновременно вести много больших и малых дел. До сих пор еще не закончил редактирования перевода книги Нахтигала «Славянские языки»<sup>3</sup>. В ближайшее время должен написать для журнала «Slavia» рецензию на старославянский словарь Курца.

**7 февраля.** Недавно к нам на филологический факультет приезжал Шолохов. Должна была состояться встреча знаменитого писателя со студентами. Знаменитый писатель приехал совершенно пьяным. Он едва ворочал языком. Сидел и мутным взглядом все время обводил аудиторию. Читал отрывки из «Поднятой целины» некто Лукин. Сам автор не был в состоянии произнести двух слов. До какого предела нужно пасть, чтобы приехать в таком виде к студентам Московского университета! Мерзость!

**18 февраля.** Кузнецов закончил книгу «Очерки по праславянской морфологии». Книга очень плохая. Мне пришлось дать заключение. Несмотря на то, что оно было чрезмерно снисходительным, Ученый совет Института русского языка не утвердил книгу к печати<sup>4</sup>. Сегодня отправил статью в Варшаву в сборник в честь Дорошевского. Послал еще статьи Трубачева и Топорова<sup>5</sup>.

**26 февраля.** Оборвалась длинная, сложная и, конечно, очень интересная жизнь. Умер Александр Иванович Белич. За свою 83-летнюю жизнь он сделал очень много как в области сербского языкознания, так и в области сравнительной грамматики славянских языков. Последние два десятилетия он много работал над проблемами теории языка. Но здесь он успел мало. Он не был оригинальным и интересным теоретиком. Отдал Белич обильную дань великосербскому шовинизму. Последний толкал его на путь демагогии и даже извращения фактов. В свое время Селищев преподавал ему хороший урок научной объективности<sup>6</sup>.

**6 марта.** Для сборника в честь Дорошевского послал в Варшаву статью о праславянских изоглоссах. Наконец завершил редактирование книги Нахтигала «Славянские языки». Кроме того, написал вступительную статью об авторе<sup>7</sup>.

**8 марта.** Президиум АН СССР создал комиссию, которая должна подготовить проект приказа о развитии структурных методов изучения языка. В эту комиссию вошли лингвисты и математики. Вчера состоялось первое заседание комиссии. Председательствовал Виноградов. Вел он заседание глупо. Все время давал повод для разных реплик. Так, он вопреки фактам утверждал, что Отделение литературы и языка АН СССР никогда не выступало против структурной лингвистики. Резко и хорошо выступали против беспринципности Виноградова Ляпунов, Успенский и Иванов. Несмотря на упорное противодействие Виноградова были приняты удовлетворительные решения. Решено в Институте славяноведения АН СССР создать сектор структурной типологии славянских языков и издавать журнал. Конечно, это только решение нашей комиссии. Как решит еще Президиум? Здесь я больше опасаясь Жукова, нежели Виноградова.

**16 марта.** Я все больше и больше убеждаюсь в том, что необходимо подготовить и издать аннотированный библиографический указатель по славянскому языкознанию<sup>8</sup>. При названиях целесообразно давать список рецензий. Готовить этот указатель нужно исподволь.

**23 марта.** События развиваются стремительно. Все антиструктуралисты сразу стали структуралистами. Вчера закончила свою работу комиссия по подготовке решения Президиума о развитии структурной лингвистики. Проект носит



крайне структуралистический характер, а принят был почти без возражений. Виноградов уже пригласил Шаумяна к себе в Институт заведовать сектором структурной лингвистики. Идет напряженная борьба вокруг книги Виноградова, выдвинутой на соискание Ленинской премии<sup>9</sup>.

**30 марта.** Вчера в Доме ученых состоялось собрание представителей гуманитарных институтов Академии наук. Речь шла о задачах в области гуманитарных наук. Доклад делал академик Островитянов. Доклад состоял из общих и пустых фраз. Сам докладчик делал много языковых ошибок. Когда, говоря о задачах языковедов, он начал вещать о необходимости повысить культуру речи, весь зал дружно захохотал. Выступления в прениях были не содержательнее доклада. Собрание закончилось при пустом зале. Сегодня, наконец, отправили в издательство рукопись моей сравнительной грамматики. Теперь начнется ее хождение по издательским этапам. От издательства книгу будет редактировать Лесскис.

**12 апреля.** Получил приглашение принять участие в сборнике в честь Лер-Сплавинского – сеньора польской славистики. Много всяких дел в связи с предстоящими осенью конференциями. Пришла, наконец, верстка сборника памяти Сергиевского. Этот сборник был сдан в издательство МГУ в январе 1955 г. (а возможно, и раньше).

**22 апреля.** Сегодня опубликованы имена лауреатов Ленинской премии<sup>10</sup>. Виноградова среди них нет. Все очень рады.

**30 апреля.** Сейчас обнаруживаются серьезные противоречия между нашим и софийским коллективами, работающими над атласом болгарских говоров. Эти противоречия существовали и прежде, но сейчас они обнажились в связи с тем, что мы от сбора материала перешли к его обработке. Присланные из Софии карты и комментарии имеют весьма значительные недостатки. В связи с этим я сегодня отправил большое письмо Стойкову, в котором подробно изложил все возражения нашего коллектива. Все это меня крайне беспокоит. В «Работническо дело» от 26 апреля сего года опубликована статья М. Младенова «Крупни дела на нашата езиковедска наука». В ней много похвальбы. Однако важно то, что там сказано о сроках издания атласа. Автор утверждает, что атлас выйдет из печати к пятому съезду славистов в Софии. На днях написал рецензию на очень интересную книжку М. Ромпортла об изучении связной речи в говорах Тешинского края<sup>11</sup>. Книжка очень важна в методологическом отношении.

**7 мая.** На днях уезжаю во Львов, Ужгород и Черновцы в связи с подготовкой Всесоюзного координационного совещания по славистике.

**25 мая.** Вчера вернулся из поездки в Западную Украину. Посетил Львов, Дрогобыч, Борислав, Самбор, Ужгород, Станислав и Черновцы. Главная задача – установить контакт с языковедами Львова, Ужгорода и Черновцов. Видел много интересного, познакомился со многими людьми. Уровень науки невысок. Работают плохо и без плана, не знают совсем зарубежной науки. Все хотят установить с нами контакт. Хотят печататься у нас, хотят совместно работать над общими темами. В Ужгородском университете прочитал лекцию о принципах изучения истории языка дописменного периода.

**20 августа.** Закончился дачный период, который нанес серьезный ущерб научным занятиям. Ужасное время лето – все планы рушатся. Но теперь снова установится порядок. На даче удалось основательно поработать над болгарским словарем. Летом из печати вышли «Труды ученых филологического факультета Московского университета по славянскому языкознанию», на которые я в свое время положил

много сил и времени. Наконец вышел из печати массивный сборник теперь уже памяти (собирался в честь) Романского<sup>12</sup>. До сих пор еще не вышел сборник памяти Сергиевского. Плохи издательские дела в этом году и в Институте.

**24 августа.** Про ленинградских филологов в шутку говорят – все они делятся на три группы. Одни все знают и все понимают. Представителем их является Жирмунский. Другие все знают, но ничего не понимают. Их блестяще представляет Алексеев. И, наконец, ученых, которые ничего не знают и ничего не понимают, ярко возглавляет Пиксанов. Сказано зло, но в отношении Алексеева и Пиксанова верно.

**30 августа.** Сегодня закончил составление буквы Н. До нового года должен составить букву О. Весь январь и февраль посвящу составлению буквы П. На это время уеду в отпуск и буду работать ежедневно часов по десять. Написал рецензию на словарь старославянского языка, который выходит в Чехии. Пошлю ее в журнал «Slavia».

**3 сентября.** Очень хорошо прошла международная лужицкая диалектологическая экспедиция, в которой от нашего Института приняли участие Калнынь и Ермакова. Они привезли с собою много материала (записи, ответы на программу и магнитофонные ленты). Теперь в нашем распоряжении имеется ценнейший материал для научной работы в области лужицких языков. Я думаю, что к 1962 г. мы сможем подготовить лужицкий сборник. Калнынь даст статью по фонологии, Ермакова – по глагольным временам. По вопросам глагольного словообразования статью даст Грозная. Из Самарканда статью по синтаксису пришлет Ройзензон. Михайлов из Владивостока примет участие в сборнике статьей по именному словообразованию<sup>13</sup>.

**21 сентября.** В истории русской литературы существует глубокая, не всегда осознанная связь между различными писателями. Их могут разделять время, антипатия, различное мировоззрение. Связь можно установить между Гоголем, Салтыковым, Достоевским и Горьким. Они все связаны между собой художественным видением мира, системой образов и даже технических приемов. Между Головлевыми, Карамазовыми, Самгиным – глубокая связь. Это – направление жестоких талантов, мучеников. Другое направление в русской литературе ярко представлено Пушкиным, Герценом, Толстым. Условно это направление можно назвать дворянским. Для творчества писателей этого направления характерна глубокая вера в жизнь, гедонизм. У Толстого это наиболее ярко отражено в «Казаках» и в первой части «Войны и мира». Этих писателей жизнь заставляла думать, даже страдать. Но их страдания не погасили в них восприятия красоты жизни. Ссылка легко изломала Достоевского, но не Герцена, на его характер ссылка не оказала большого влияния. Горький любил Толстого и ненавидел Достоевского. Однако все это было внешним и нарочитым. С Толстым его ничего не связывало. Ему был просто очень симпатичен этот старик. У ненавистного же Достоевского Горький был в лапах и вырваться из них не мог. Совершенно неожиданно в мои руки попал номер XI (3–4) журнала «Slavistična revija» за 1958 г., в котором напечатана моя статья «“Вардар” К. П. Мисиркова». Напечатаны еще статьи В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева<sup>14</sup>. Все эти статьи я отправил весной 1957 г. в номер, посвященный Нахтигалу. В 1958 г. этот номер вышел из печати, но наших статей там не оказалось. На мой запрос Антон Оцвирк ответил, что наших статей редакция не получила. Тогда я решил опубликовать все три статьи в наших изданиях. Они и были опубликованы у нас<sup>15</sup>. Теперь оказалось, что эти статьи опубликованы дважды. Но вины моей в этом нет.

**24 сентября.** Меня все время осаждают из университета, начиная от администрации и кончая студентами. Попросят, чтобы я вернулся на факультет. Все твердят в один голос, что славянское отделение без меня разваливается на глазах. Кондрашов, по мнению многих, годен лишь для уголовных дел. Я дал согласие пойти на полставки. Говорят, что получить ее очень трудно. Осенью, может быть, поеду в Ташкент для выяснения вопроса о македонцах. Там их живет очень много. Закончили наконец с Лесским редактирование рукописи моей сравнительной грамматики. Теперь она попадет в руки Технического редактора Рожковой. В производственный отдел рукопись перейдет лишь в ноябре.

**27 сентября.** Вчера со мной говорил ректор. Обещал в скором времени добиться полставки. Я дал согласие. Завтра начинаю работу в университете.

**1 октября.** Вчера после перерыва состоялось заседание кафедры под моим председательством. Все встретили меня очень тепло (конечно, кроме Кондрашова). Бородич сделала разбор книги Буниной о старославянских временах<sup>16</sup>. Разбор был очень слабым. Пришлось это сказать.

**9 октября.** Затягивается мой отъезд в Прагу. Я думал там провести вторую половину сентября. А по всему видно, что поеду только во второй половине октября. Это во многих отношениях неудобно. У меня будет слишком мало времени для подготовки к поездке в Болгарию на заседание Международного комитета славистов. На заседание в Будапешт от нас никто не поедет. Это очень плохо.

**14 октября.** Вчера решен окончательно вопрос о составе делегации в Болгарию на совещание славистов. Лингвисты едут — только члены Комитета (т.е. Виноградов и Борковский). Едут еще два литературоведа (Храпченко и Робинсон) и два историка (Рыбаков и Удальцов). Таким образом, в составе делегации нет ни одного слависта. Bravo! С большим интересом читаю воспоминания С. Ю. Витте<sup>17</sup>. Это был выдающийся государственный деятель России. Утвердил обложку книги — «Очерка». На днях пришла корректура сборника «Бодуэн де Куртэнэ»<sup>18</sup>.

**19 октября.** 21-го вылетаю в Прагу на две недели. Кроме Праги буду еще в Брно и в Братиславе. Должен обсудить вопрос о совместной работе над старославянским словарем. Сделаю доклад о нашей фонетической программе общеславянского атласа.

**7 ноября.** Вчера прилетел из Праги, где провел две недели. Поездка была очень интересной и содержательной. По вопросу о совместной работе над словарем удалось договориться по всем пунктам. Сделал доклад о фонетической программе общеславянского атласа. Сравнительно хорошо познакомился с Прагой. Много слушал органную музыку. Два раза ездил по стране. Был в Таборе, Чешских Будейовицах, в замке Глубока, в Писеке, Воднянах и Добржише. Второй раз ездил на Кутную гору. От архитектурных памятников впечатление осталось огромное.

**15 ноября.** Наконец вышел из печати многострадальный третий выпуск сборника кафедры «Славянская филология». Приступил к подготовке нового сборника, который сдам в январе<sup>19</sup>. Вчера моя рукопись сравнительной грамматики из издательства перекочевала в типографию (в Ленинград). В издательстве она пролежала почти восемь месяцев. Если бы такая выдержка улучшала качество рукописей! На днях обсуждали проспект работы Зализняка<sup>20</sup>. Очень способный малый, но еще совсем зеленый.

**20 ноября.** Приступил к подготовке нового университетского выпуска «Славянской филологии». Это уже будет четвертый выпуск. Для этого выпуска дам статью «Город Болград в истории болгарского возрождения»<sup>21</sup>. Вчера слу-

шал доклад Леонова о Толстом. Интересные и смелые мысли чередовались с банальными. Много было противоречий. К концу года из изданий сектора должны выйти из печати «Бодуэн», «Ученые записки», т. 19<sup>22</sup> и книжка Трубачева<sup>23</sup>.

**26 ноября.** Пришла, наконец, верстка моей статьи о происхождении сравнительной степени *слаще* в русском языке, которую несколько лет тому назад я отправил в Румынию в сборник в честь академика Э. Петровича. Вчера окончательно поругался с Шаумяном<sup>24</sup>.

**4 декабря.** Меня все больше и больше беспокоит то направление, которое дает всей деятельности нашего Института И. И. Удальцов. Теперь только и слышишь, что Институт славяноведения является политическим институтом. Со всем уже не говорят, что наш Институт является прежде всего научным институтом. Интересная тема для исследования: принятие христианства должно было оставить глубокий след в истории языков. Славяне были язычники. Религиозные представления славян-язычников нашли отражение в языке. Принятие новой религии привело к появлению новых слов. Однако для языковеда важнее другое: как старые слова наполнялись новым содержанием. Следует предложить эту тему кому-нибудь из своих способных учеников.

**11 декабря.** Прошло на секторе обсуждение нашей части болгарского атласа. На днях ее повезут в Софию Чешко и Зеленина.

**22 декабря.** Вчера Чешко и Зеленина уехали в Болгарию. Увезли с собою весь атлас. Все время думаю о новом лингвогеографическом предприятии. Речь идет о так называемом «Карпатском лингвистическом атласе»<sup>25</sup>. Сегодня на Ученом совете Института утвердили Топорова зав. сектором структурной типологии, Калнын, Широкову и Ревзина старшими научными сотрудниками. Утвердили к печати монографию Топорова и Трубачева «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья»<sup>26</sup>.

**23 декабря.** На 1961 г. план таков:

1. Интенсивная работа над словарем. В течение года составить буквы: П, Р, С.  
2. Начать работу над вторым томом «Разысканий»<sup>27</sup>. Составить подробный проспект, план книги. Дать характеристику источников. Написать два-три листа. Может быть, на основе написанного составить статью для журнала.

3. Для журнала «Slavia» до лета написать статью. Посвятить ее Аванесову по случаю его шестидесятилетия, один печатный лист. Предпочтительно по проблеме структуры слога в праславянском<sup>28</sup>.

4. В Софии совместно со Стойковым отредактировать атлас болгарских говоров и написать вступительную статью (апрель-май).

5. Следить за работой по атласу (помощник Калнын) и по старославянскому словарю (помощник Цейтлин).

6. Подготовить к печати десятый выпуск «Статей и материалов по болгарской диалектологии» до лета<sup>29</sup>.

7. Делать наброски для книги «Селищев».

8. Держать корректуру «Очерка» и книги Нахтигала «Славянские языки».

План на январь 1961 года:

1. Работа над словарем. Завершить О и начать П.  
2. Закончить статью «Город Болград в истории болгарского возрождения» и сдать в печать «Славянскую филологию» № 4.

3. Завершить фонетическую программу «Общеславянского атласа».

4. Написать доклад для координационного совещания.

31 декабря. Последний день 1960 г. Завтра начинается новое десятилетие, которое, думаю, будет очень важным как в истории человечества, так и в истории науки в частности. Прошедшим годом я доволен. Он был насыщен многими и важными событиями. В этом году я много думал над проблемами теории, много читал. Сделал ряд важных наблюдений из области сравнительной грамматики, лингвистической географии. Занимался доработкой своей сравнительной грамматики, которая теперь уже в типографии. Она была сдана туда только осенью. Много думал о принципах и структуре старославянского словаря. Познакомился с картотекой старославянского словаря в Праге. Написал большую рецензию на чешский старославянский словарь, которая будет печататься в «Slavia». Много занимался проблемами общеславянского атласа. В настоящее время специально занимаюсь проблемами слога и слогоделения. Завершил редактирование книги Нахтигала, которая выйдет из печати в 1961 г. в Издательстве иностранной литературы. Много работал над своим болгарским словарем: составил букву Н и почти завершил букву О. В будущем году главная задача в этом направлении – составление буквы П. Для журнала «Slavia» должен написать статью, посвященную Аванесову по случаю его 60-летия. Вообще в 1961 г. будет много всяких дел и забот. Решил в этом же году начать работу над мемуарами, которые должны отразить не только личное, но и общественное. Они должны дать некоторое представление об истории нашего общества, об истории науки, о людях. Может быть, именно последнее – самое важное.

### Примечания

- <sup>1</sup> Этот замысел не был реализован.
- <sup>2</sup> С. Б. Б. с 1947 г. возглавил в Институте объединенный сектор славянской филологии, который в 1951 г. был разделен на сектор славянских языков (во главе с С. Б. Б.) и сектор славянских литератур (им руководил С. В. Никольский).
- <sup>3</sup> *Нахтигал Р.* Славянские языки / Пер. со словен. Н. М. Елкиной. М., 1963.
- <sup>4</sup> Книга П. С. Кузнецова все же вышла в свет. В 1961 г. его «Очерки по праславянской морфологии» были выпущены Издательством АН СССР под грифом отклонившего ее ранее Института русского языка.
- <sup>5</sup> Статьи были посланы в посвященный В. Дорошевскому том возобновленного после длительного перерыва ежегодника «Prace filologiczne» (Warszawa, 1963–1965. Т. 18. Cz. 1–4). Статья С. Б. Б. в ежегоднике не появилась; статьи В. Н. Топорова «О некоторых фонетических особенностях славянских языков в связи со словообразованием» и О. Н. Трубачева «Славянские этимологии, 40: слав. *Gotovъ*» были опубликованы в ч. 2, вышедшей в 1964 г. (с. 139–144 и 153–156).
- <sup>6</sup> Речь идет о монографии А. М. Селищева «Македонская диалектология и сербские лингвисты: А. Белич и его последователи» (Македонски преглед. София, 1934. Кн. 1–4). В книге «А. М. Селищев – славист-балканист» (М., 1987. С. 54) С. Б. Б., проанализировав эту работу, отмечал: в ней «убедительно показано, что взгляды сербского академика на происхождение македонских говоров противоречат реальным фактам».
- <sup>7</sup> *Бернштейн С. Б.* Предисловие // *Нахтигал Р.* Славянские языки. С. 5–11.
- <sup>8</sup> Впоследствии этот замысел трансформировался, видимо, в план создания аннотированного библиографического указателя И. Е. Можаяевой «Южнославянские языки» (М., 1969), который С. Б. Б. редактировал. Он был также редактором библиографии «Славянское языкознание: Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1959 г.» (М., 1960. Т. 1–2), не снабженной аннотациями, но имевшей ряд продолжений, выходявших вплоть до 1988 г.
- <sup>9</sup> *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. М., 1959.

- <sup>10</sup> В Комитете по Ленинским премиям в области науки и техники при Совете Министров Союза ССР. О присуждении Ленинских премий за наиболее выдающиеся работы в области науки и техники // Правда. 1960. 22 апр. С. 1.
- <sup>11</sup> Бернштейн С. Б. Рец. на кн.: *Romportl M. Zvuková stránka souvislé řeči v nářečích na Těšinsku. Fonetická studie.* Ostrava, 1958 // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 137–138.
- <sup>12</sup> Езиковедско-этнографски изследвания в памет на академик Стоян Романски. София, 1960. В сборнике опубликована статья С. Б. Б. «Към историята на българската диалектология» (с. 345–348).
- <sup>13</sup> По замыслу С. Б. Б. был подготовлен и издан «Серболужицкий лингвистический сборник» (М., 1963). В сборнике, открывавшемся статьей С. Б. Б. «Русское славяноведение о серболужицких языках» (с. 5–22), были, среди прочих, опубликованы статьи Л. Э. Калнынь «О нижнелужицком вокализме» (с. 23–46), М. И. Ермаковой «Морфология и значение форм настоящего времени глагола в нижнелужицком» (с. 84–106), М. А. Михайлова «О форме винительного падежа имен существительных как составной части верхнелужицких сложных слов» (с. 107–131).
- <sup>14</sup> *Трпоров В. N. Slovenica // Slavistična revija.* 1958. № 3/4. S. 156–158; *Трубачев О. Н.* Следы язычества в славянской лексике // *Ibid.* S. 219–231.
- <sup>15</sup> Бернштейн С. Б. Из истории македонского литературного языка: «Вардар» К. П. Мисиркова // Славянская филология. М., 1960. Вып. 3. С. 70–79; *Топоров В. Н. Slovenica // Вопросы славянского языкознания.* М., 1959. Вып. 4. С. 90–99; *Трубачев О. Н.* Следы язычества в славянской лексике // Там же. С. 130–143.
- <sup>16</sup> *Бунина И. К.* Система времен старославянского глагола. М., 1959.
- <sup>17</sup> *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 1–3.
- <sup>18</sup> И. А. Бодуэн де Куртенэ. К 30-летию со дня смерти / Отв. ред. С. Б. Бернштейн. М., 1960.
- <sup>19</sup> Славянская филология. М., 1963. Вып. 4.
- <sup>20</sup> *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М., 1967.
- <sup>21</sup> Замысел не был осуществлен, в четвертом выпуске сборника «Славянская филология» С. Б. Б. не публиковался.
- <sup>22</sup> УЗИС. М., 1960. Т. 19.
- <sup>23</sup> *Трубачев О. Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках. Этимологические исследования. М., 1960.
- <sup>24</sup> С. К. Шаумян работал в Институте славяноведения АН СССР с 1953 г. в секторе славянского языкознания, руководимого С. Б. Б., являлся одним из ведущих структуралистов страны. С. Б. Б. добивался ставок, чтобы С. К. мог получить отдельное лингвистическое подразделение. Когда в 1960 г. Президиум АН наконец выделил Институту ставки под структурный сектор (и заодно – такое же количество ставок головному лингвистическому Институту русского языка) и уже пятеро сотрудников были зачислены во вновь созданный сектор, Шаумян внезапно ушел в ИРЯ. Новый сектор, спасая положение, согласился возглавить В. Н. Топоров.
- <sup>25</sup> Карпатский диалектологический атлас. М., 1967. Ч. 1–2.
- <sup>26</sup> *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- <sup>27</sup> Имеется в виду книга С. Б. Б. «Разыскания в области болгарской исторической диалектологии», первый том которой вышел в Издательстве АН СССР в 1948 г. Замысел издания второго тома не осуществился.
- <sup>28</sup> Этот замысел реализован в докладе к V Международному съезду славистов «К истории слога в праславянском языке» (Славянское языкознание. Доклады советской делегации. М., 1963. С. 53–69.)
- <sup>29</sup> Статьи и материалы по болгарской диалектологии. М., 1962. Вып. 10.

# 1961

**3 января.** Сегодня был первый юбилей в моей жизни. Теперь могу утверждать, что состояние юбиляра тяжелое. Все время нужно слушать о себе в суперлятиве. Я, однако, все время чувствовал живое биение горячих сердец. Все время ощущал эманацию любви и тепла, которая шла на меня потоками из зала. Это большое счастье.

**8 января.** Шестого января устроил в ресторане «Украина» банкет. Пригласил всех членов секторов славянского языкознания и структурной типологии, членов кафедры славянских языков МГУ, дирекцию Института и своих друзей. Было очень приятно. Все веселились. В связи с юбилеем получил неожиданно много приветственных телеграмм и писем от многих наших лингвистов, от отдельных лингвистов и целых коллективов Софии, Варшавы, Праги и Брно.

**15 января.** Нужно думать, что все хлопоты и волнения в связи с юбилеем прошли. Они меня основательно выбили из нормального курса. Прошла половина января, а я сделал за это время очень мало. А в этом году мне предстоит сделать много. Особенно много времени должен буду отдать словарю.

**16 января.** Сегодня отправил Радевскому письмо следующего содержания: «Глубокоуважаемый тов. Радевский! Пишу Вам это письмо не только как ответственному редактору журнала «Септември», но и как своему знакомому, с которым много говорил в Москве и в Софии о болгарской культуре, судьбы которой нам обоим очень дороги. Я постоянный читатель Вашего журнала. В конце декабря получил последний (12) номер журнала, который, не буду от Вас скрывать, меня очень огорчил. Речь идет о большой рецензии Г. Ст. Георгиева «В защита на българския език»<sup>1</sup>. Вы предоставили возможность рецензенту изложить свои соображения на огромной площади. Я думаю, что в рецензии не меньше пяти печатных листов! Могу Вам с полной уверенностью сказать, что я хорошо знаю академический словарь<sup>2</sup>. Дело в том, что я уже несколько лет готовлю новый болгарско-русский словарь. Естественно, что академический словарь все время лежит передо мной. В этом словаре много достоинств, много важного и принципиально нового, много существенных недостатков. Иначе и быть не могло. Ведь это первый болгарский толковый словарь. Рецензент напрасно привел замечательные слова Теофиля Готье<sup>3</sup>. Я глубоко убежден в том, что он сам совсем не читает словарей или читает их очень редко. Он не поставил в своей рецензии ни одной специальной лексикографической проблемы, он не понял структуры словаря, его рецензия не квалифицированная. Об этом Вам скажет любой лексикограф. Рецензент обнаружил много редакторских недоделок. Об этом нужно было сказать в заключительной части рецензии уже после всестороннего анализа словаря. Но

---

\* «В защиту болгарского языка» (болг.).

анализа в рецензии нет совсем. Вся рецензия написана высокомерно, с брезгливой миной, написана снобом, который кичится своим мнимым знанием европейской культуры. Он сам допустил много грубых ошибок из разных областей. Он не знает самых элементарных и азбучных истин из области теории и практики словарного дела. Рецензии подобного характера могут только скомпрометировать ту большую и трудную работу, которую ведут болгарские лексикографы. Такие рецензии – камень на дороге. Странно, что эти камни бросаются с помощью самого авторитетного журнала в Болгарии. С уважением и пр. ».

**20 января.** Последнее время очень занят подготовкой к славистическому координационному совещанию, которое открывается в Институте славяноведения 24 января. Это будет первое представительное совещание славистов в нашей стране.

**29 января.** Закончилось координационное совещание по актуальным проблемам славяноведения. Прошло оно удачно. Приняты очень важные решения. Теперь нужно, чтобы эти решения были реализованы. Мне удалось провести все свои планы. Главный из них – западноукраинский атлас, который должен показать степень влияния южнославянских языков. В этой работе примут участие Дзэндзелевский и Нимчук. От нашего Института к активному участию в работе привлеку Иллич-Свитыча и Клепикову.

**1 февраля.** Прошел первый месяц нового года. Прошел шумно и бурно. Успел за столом сделать мало. Нужно наверстать в феврале.

**4 февраля.** Вчера на годичном собрании Академии наук встретился с В. П. Волгиным. Редкий случай научной активизации в глубокой старости. Всю свою жизнь Волгин много занимался организационной деятельностью и мало научной. Для последней не оставалось свободного времени. Несколько лет тому назад он оставил пост вице-президента Академии. И вот теперь в возрасте 81 года он много и с увлечением работает, много публикует. «Сейчас я переживаю болдинскую осень», – сказал он мне. «А может быть волгинскую?» – спросил я его. Оба весело смеялись. У него много различных планов. Счастливая старость! Правда, [в] эти годы у него было много семейных неприятностей.

**18 февраля.** Вышел первый номер за этот год журнала «Вопросы языкознания». В нем напечатана моя рецензия на очень интересную книжку Милана Ромпортла. Наконец пришла верстка книги Топорова «Локатив в славянских языках». Вновь сидим за картами и комментариями болгарского атласа, но теперь уже безо всякого энтузиазма. Пропал всякий интерес к работе, когда ее методологический уровень определяется Стойковым.

**25 февраля.** Виноградов снова начал портить воздух. Этот старый [...] не может успокоиться. Под новым лозунгом консолидации сил он опять идет на старый лад. Нужно быть бдительным, так как он всегда умеет находить сторонников. Островитянов теперь, кажется, держит его сторону.

**28 февраля.** 24 февраля Президиум Академии наук СССР принял специальное постановление «О перспективах развития исследований Института языкознания Академии наук СССР»<sup>4</sup>. Текст постановления подписан академиком Несмеяновым. Речь идет об оценке деятельности Института языкознания (директор Б. А. Серебренников). Однако в постановлении дана общая оценка состояния дел в советском языкознании. Отмечается ряд отрицательных сторон, но критика слабая и поверхностная. Нет сомнений в том, что в подготовке текста постановления принимали участие заинтересованные лица. Беззубое постановление! Оно мо-



жет привести к гальванизации трупа. Теперь совершенно ясно, что наша наука нуждается в коренном изменении руководства во всех лингвистических институтах. В связи с этим я принял решение написать докладную записку на имя Несмеянова. Несмотря на большую загрузку, засел за составление текста.

**2 марта.** 18 марта еду в Ялту, где проведу в Доме творчества литераторов им. Чехова 26 дней. Нуждаюсь в отдыхе. Однако собираюсь основательно поработать над словарем. Думаю далеко продвинуть букву П. Кроме того, буду там еще редактировать четвертый выпуск «Славянской филологии». До отъезда должен еще отредактировать фонетическую программу ОЛА, сдать в печать доклад на Координационном совещании по актуальным проблемам славяноведения<sup>5</sup>, завершить статью о положении в советском языкознании<sup>6</sup> и многое другое.

**8 марта.** Вернулись «ташкентцы» и привезли богатую жатву. Действительно, в Ташкенте живет много македонских славян из Эгейской Македонии<sup>7</sup>. Особенно хорошо представлены говоры западной части (районы Костура и Лерина). Старички хорошо сохраняют традиционные черты говоров. Ездили Толстой, Иллич-Свитыч и Клепикова. Им удалось собрать большой материал, записать семь километров магнитофонной ленты. Хорошо бы создать атлас македонских говоров района Костура и Лерина. Над этим следует подумать. Вчера из Софии получил книгу «Исследования в чест на Марин Дринов», в которой опубликована моя статья «Из истории болгарских поселений в Крыму»<sup>8</sup>. Статья была написана еще в конце 1936 г. и пролежала в моем архиве много лет. В 1946 г. я передал ее в сборник в честь Н. С. Державина по случаю его 70-летия. Однако вместо сборника к юбилею было опубликовано только оглавление, а сборник так и не вышел. В 1956 г. я послал статью в сборник памяти Дринова. Только теперь, через 25 лет после ее написания, она увидела свет. Вчера передал И. И. Костюшко пять экземпляров своей статьи «Записка о положении советского языкознания». Теперь все будет зависеть от энергии и смелости Удальцова. Вот текст этой записки:

### **Записка о положении в советском языкознании (Докладная записка в Президиум АН СССР)**

9 мая 1950 года газета «Правда» сурово охарактеризовала состояние советского языкознания. «В связи с неудовлетворительным состоянием, в котором находится советское языкознание, редакция считает необходимым организовать на страницах газеты «Правда» свободную дискуссию с тем, чтобы путем критики и самокритики преодолеть застой в развитии советского языкознания и дать правильное направление дальнейшей научной работе в этой области» [— писала газета]. С тех пор прошло одиннадцать лет. За это время советская наука сделала огромный скачок. По ряду важнейших теоретических и прикладных наук Советский Союз вышел на первое место в мире. Возникли новые отрасли науки, перед старыми науками поставлены новые задачи. Однако темпы развития различных наук в нашей стране разные. Объясняется это как объективными причинами, так в ряде случаев причинами случайными, субъективными, связанными с неверной оценкой современного состояния науки, с ошибочным определением актуальных задач, с порочным методом организации научной работы.

В нашей стране созданы все необходимые условия для успешного развития науки. XX съезд КПСС нанес сокрушительный удар по культуре личности, осудил метод бесплодного теоретизирования, цитатничество, талмудизм. Однако для успешного развития науки мало наличия объективных условий. Необходимо, чтобы люди, возглавляющие науку, могли в наилучшем виде использовать эти условия и обеспечить высокие темпы развития науки. В связи с быстрыми темпами развития современной науки организационные вопросы приобретают огромное значение.

Нужно прямо сказать, что положение в советском языкознании продолжает оставаться тяжелым. До сих пор не удалось преодолеть состояние застоя, который теперь дает себя чувствовать в какой-то степени даже болезненнее. Это связано с тем, что в системе современных наук роль языкознания неизмеримо возросла. Теперь в успешном развитии языкознания кровно заинтересованы математики, физики, представители ряда технических дисциплин, биологи, врачи. Сформировалось математическое языкознание, перед которым поставлены трудные теоретические и практические задачи.

Советское языкознание прошло сложный и трудный путь. В течение трех десятилетий у нас господствовала вульгарно-социологическая школа академика Н. Я. Марра, представители которой под флагом марксизма в языкознании протаскивали антинаучные положения, вступавшие в резкое противоречие с реальными языковыми фактами. Это, однако, не помешало многим крупным языковедам тех лет успешно разрабатывать труднейшие проблемы теоретического и прикладного языкознания. Здесь в первую очередь следует назвать имена замечательных советских языковедов Е. Д. Поливанова, Н. Ф. Яковлева, Н. В. Юшманова, А. М. Пешковского, Г. О. Винокура и ряда других. Этими учеными были разработаны принципы фонологии, впервые показана возможность применения математических методов в лингвистических исследованиях, решены труднейшие вопросы теории построения алфавитов для ранее бесписьменных народов, заложены основы лингвистической стилистики и многое другое. Следует сказать, что и некоторые представители школы академика Марра в ряде случаев, вопреки ложной теории, давали ценные исследования. Так, труды академика И. И. Мещанинова по типологии кавказских и северных языков пользуются широкой известностью. Крупный вклад в советскую иранистику сделал В. И. Абаев, капитальными трудами обогатил советскую германистику С. Д. Кацнельсон.

Важным этапом в истории нашего языкознания явилась дискуссия на страницах газеты «Правда», открытая статьей А. С. Чикобавы, в которой была дана убедительная критика основных теоретических положений «нового учения о языке». Как известно, в этой научной дискуссии принял участие И. В. Сталин. В своих статьях, позже объединенных в брошюре под названием «Марксизм и вопросы языкознания», тов. Сталин впервые с марксистских позиций показал, что широко распространенная теория о надстроечном и классовом характере языка противоречит марксизму. Именно в этом и состоит непреходящее значение работы «Марксизм и вопросы языкознания». Были резко осуждены методы административного руководства в науке.

Дискуссия 1950 года родила большие надежды. Казалось, что навсегда завершился период, когда научные споры решались чисто административными мерами, когда забыли, что научные истины рождаются в процессе свободной борьбы мнений. Казалось, что пришел конец цитатничеству. Следует прямо сказать, что прошедшее десятилетие не оправдало и малой части этих надежд.

После дискуссии к руководству советским языкознанием пришли новые люди. Они должны были ликвидировать все отрицательные последствия длительного господства школы Марра, создать благоприятные условия для творческого развития теории и практики советского языкознания. Однако этого не получилось. Новое руководство Отделения языка и литературы АН СССР сразу же забыло ценное указание, что «никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики» (*И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950. С. 31*). Выступая с критикой представителей «нового учения о языке», новые руководители не только сохранили старые принципы руководства научной деятельностью, но [и] значительно их «обогатили». Ряд крупных лингвистов, разделявших некоторые положения учения Марра, были лишены возможности какой бы то ни было научной деятельности в области языкознания. Трагическая судьба замечательного советского лингвиста Н. Ф. Яковлева тому яркий пример. После проведения лингвистической дискуссии 1950 года организовывались публичные проработки академика Мещанинова, профессора Абаева и других лингвистов, которые не носили характера научных диспутов, а напоминали скорее публичные суды. Многие сторонники и последователи академика Марра были вынуждены выступать в печати в унижительной и не свойственной нашим советским принципам роли самобичевателей. Это являлось неперемennым условием их дальнейшей работы.

Небывалый в истории советского языкознания размах приняло цитатничество. Вся теоретическая работа свелась теперь к талмудистскому комментированию отдельных мест из «Марксизма и вопросов языкознания». На основе этой небольшой брошюры были написаны десятки толстых книг и сотни статей, проводились многочисленные конференции и совещания. Это нанесло огромный ущерб науке. Вопреки заявлению самого тов. Сталина, что он не сможет полностью удовлетворить лингвистов, так как не является сам лингвистом, любое его замечание по каждому конкретному вопросу принималось безоговорочно (например, ошибочное утверждение, что в основе русского национального языка лежат курско-орловские говоры). Академик Виноградов посвятил комментированию работы «Марксизм и вопросы языкознания» несколько десятков больших статей, целью которых было доказать, что в данной работе изложена вся система марксистского языкознания. Задача советских лингвистов, по его мнению, состоит в подтверждении отдельных положений этой работы новым конкретным материалом. В своей статье «Сталинские труды по языкознанию и советская школа» академик Виноградов писал: «Работы И. В. Сталина по вопросам языкознания внесли яркий свет во все сферы, во все области лингвистической науки и ее практического применения... Работы И. В. Сталина по языкознанию внесли полную ясность во все вопросы, которые глубоко волновали советских лингвистов, преподавателей высшей и средней школы»<sup>9</sup>. Заявлений подобного рода было сделано очень много. Все это привело к самому грубому чуждению, к бессодержательному переливанию из пустого в порожнее. Какое количество книг, брошюр и статей за эти годы было издано, которые теперь мертвым грузом неподвижно стоят на книжных полках!

Эта форма «теоретической деятельности» оказалась очень удобной ширмой для новых руководителей. Она дала им возможность легкого теоретизирования без изложения собственных взглядов по основным вопросам теории языка. В этом отношении руководители советского языкознания до 1950 года имели бес-

спорное преимущество. Академик Мещанинов был не только учеником Марра, но и вполне самостоятельным и крупным ученым. Лингвистическая концепция Мещанинова хорошо известна каждому языковеду. Было бы непосильной задачей изложить основные черты общей концепции академика Виноградова, так как он самостоятельно не выступал с изложением своих взглядов по основным вопросам теоретического языкознания. Чрезвычайно путанными и противоречивыми являются суждения Б. А. Серебренникова.

Теоретическая беспомощность новых руководителей очень хорошо видна по журналу «Вопросы языкознания», главным редактором которого является академик Виноградов. Журнал пытался организовать ряд дискуссий по многим вопросам нашей науки, но все они провалились, так как редакция не смогла подвести итогов этим дискуссиям. На это в свое время обратил внимание журнал «Коммунист». В № 7 за 1955 год «Коммунист» дал суровую оценку этой стороне деятельности редакции «Вопросов языкознания». «Внимание широких научных кругов дискуссия может привлечь лишь тогда, когда она посвящена важному вопросу науки, с решением которого связано дальнейшее развитие определенной отрасли знания. Плодотворная дискуссия по узловому вопросу науки помогает не только двинуть вперед теорию, но и решить ряд менее важных спорных проблем. К чему приводит пренебрежение этим требованием, видно на примере журнала «Вопросы языкознания». Подавляющая часть дискуссионных статей, опубликованных более года назад в этом журнале, так и не получила до сих пор отклика, не вызвала обмена мнениями. И это не случайно. Трудно рассчитывать на развертывание дискуссий по таким, скажем, темам, как «О некоторых синтаксических конструкциях в удмуртском языке» или «Об основном словарном фонде горских языков Дагестана»...»<sup>10</sup>. Журнал «Коммунист» справедливо указывает, что при организации дискуссий редакция «Вопросов языкознания» не обеспечивает привлечения «сторонников различных точек зрения»<sup>11</sup>, т. е. обращает внимание на основной порок организации научной работы по языкознанию. Вместе с тем, организовывались «дискуссии» по надуманным темам (например ряд дискуссий по проблеме основного словарного фонда), которые, конечно, не могли дать никаких положительных результатов.

Сторонники «нового учения о языке» уделяли большое внимание важнейшим проблемам теоретического языкознания: взаимоотношению языка и мышления, структурной типологии языков различного происхождения, смешению языков, теории субстрата и др. Большинство этих вопросов решалось ими с позиций вульгарного материализма. Однако после лингвистической дискуссии 1950 года все вопросы подобного характера вообще перестали разрабатываться. Вся теоретическая работа свелась к игре в цитаты. Было опубликовано много путаных статей, которые, конечно, не могли послужить основой для развертывания серьезной теоретической работы. На это обстоятельство было обращено внимание уже через два года после дискуссии. В журнале «Большевик» (№ 16 за 1952 год) была опубликована статья, в которой высказывалась большая тревога за судьбы советского языкознания<sup>12</sup>. В статье справедливо указывалось, что, например, в статье академика В. В. Виноградова «Понятие внутренних законов языка в общей системе марксистского языкознания» («Вопросы языкознания», № 2, 1952) «высказан ряд противоречивых суждений, в частности о проявлении закона перехода количественных изменений в качественные в развитии языка. Автор подвергает критике группу советских ученых, признающих наличие скачков в развитии языка, считая это механическим

ким перенесением законов развития явлений базисного и надстроечного характера на развитие языка. В то же время он заявляет: “Если скачком называть качественное изменение вообще, всякий переход количественных изменений в качественные, то нельзя отрицать наличие скачков в развитии языка...” (с. 26). Это показывает, что у самого автора нет достаточно ясной позиции в данном вопросе; очевидно, что для решения его советские языковеды должны провести большую работу по изучению конкретного материала, на основе которого только и можно сделать правильные теоретические выводы... Нам думается, что ряд спорных и недостаточно обоснованных положений, выдвинутых в статье В. В. Виноградова по вопросу о внутренних законах развития языка, следовало бы поставить на обсуждение научной общественности, организовав таким образом широкий обмен мнениями по одной из важнейших проблем языкознания» (с. 68–69).

Призыв журнала «Большевик» не был реализован. Статья не была поставлена на обсуждение научной общественности. Наоборот, в языковедческих учреждениях Отделения языка и литературы Академии наук СССР, в журнале «Вопросы языкознания» прочно утвердился культ академика Виноградова, который нанес большой ущерб советскому языкознанию. Каждое высказывание академика Виноградова принималось безоговорочно. Самые робкие попытки критики отдельных положений руководством Отделения языка и литературы АН СССР воспринимались как подрыв основ советского языкознания, как попытка реставрации отдельных положений «нового учения о языке». В каждом номере журнала «Вопросы языкознания» можно прочесть такие отзывы о работах главного редактора журнала: «Ярко и интересно вопрос об основном словарном фонде освещен в статье академика В. В. Виноградова», «В статьях В. В. Виноградова поставлено много других новых и интересных проблем», «В статье академика В. В. Виноградова яркое освещение получает вопрос о соотношении между внутренними законами развития языка и языком как общественным явлением» (все примеры из № 4 за 1952 год). Аналогичных цитат можно привести сколько угодно из разных номеров журнала.

До лингвистической дискуссии 1950 года советские языковеды большое внимание уделяли проблемам этногенеза, истории формирования различных этнических групп и их языков. В этой работе самое деятельное участие принимали историки и археологи. Между языковедами, археологами, историками и этнографами существовал тесный творческий контакт. Проводились совместные экспедиции, конференции, публиковались коллективные труды. Конечно, нельзя закрывать глаза на то, что теоретической базой большинства исследований по этногенезу была теория академика Марра. В работах по этногенезу академика Н. С. Державина, А. Д. Удальцова, С. П. Толстова и ряда других советских ученых полностью отрицался сравнительно-исторический метод, достижения исторического языкознания. Все это привело к тому, что вся система лингвистических доказательств в работах, например, по славянскому этногенезу коренным образом противоречила данным современной науки. После дискуссии 1950 года должен был бы наступить коренной перелом в исследованиях этого рода. Перелом произошел, но совершенно неожиданный. Исследования этногенетического характера прекратились. За последние одиннадцать лет не было опубликовано ни одного исследования, посвященного проблемам этногенеза восточных славян (русских, украинцев и белорусов). Нарушился старый и прочный контакт между языковедами, с одной стороны, и историками, археологами, этнографами – с другой. Все это яви-

лось совершенно закономерным следствием организационной и научной деятельности руководителей Отделения языка и литературы АН СССР. Дело в том, что проблемы исторического языкознания (в частности проблемы истории русского языка) были переведены в разряд второстепенных научных проблем. В научных планах Института русского языка АН СССР работы по истории русского языка занимают весьма скромное место. За последние годы опубликовано несколько случайных монографий, написанных специально для получения ученых степеней доктора и кандидата наук. Значительная работа проводилась лишь в области русской диалектологии, но и здесь опубликовано очень мало. Языковеды почти не участвуют в очень важной работе по изданию древнерусских памятников письменности. Она очень интенсивно ведется историками в Институте истории АН СССР.

Между языковедами Отделения языка и литературы и учеными институтами Отделения исторических наук АН СССР в настоящее время нет творческого контакта. Это наносит большой вред науке. Укажу на один пример. В Институте русского языка уже много лет идет работа над атласом русских говоров. В Институте этнографии создается этнографический русский атлас. Конечно, оба эти атласа во многом будут отличаться друг от друга, так как различен их объект. Однако совершенно очевидно, что обоим коллективам приходится решать много общих задач. Плодотворность тесного сотрудничества диалектологов и этнографов подтверждается опытом польских ученых. В Польше диалектный и этнографический атласы создаются в тесном содружестве.

В результате недооценки исторического языкознания в языковедческих институтах Отделения языка и литературы АН СССР очень мало сделано для изучения истории русского языка. Отсутствуют работы по сравнительной грамматике славянских языков, по этимологии, по топонимике. Однако потребность в соответствующих исследованиях велика. Вот почему данные области языковедческой науки стали развиваться в Академии наук СССР за пределами Отделения языка и литературы. Центрами сравнительного и сравнительно-исторического языкознания стали лингвистические секторы тех комплексных институтов, которые входят в состав Отделения исторических наук АН СССР. Соответствующая славянская тематика разрабатывается в секторе языкознания Института славяноведения. Здесь выполнен ряд исследований по сравнительной грамматике славянских языков, по этимологии, по истории отдельных славянских языков. Сектор уделяет большое внимание и истории русского языка. В прошлом году завершено первое капитальное исследование гидронимов Верхнего Поднепровья. Выполнено несколько исследований по истории украинского и белорусского языков.

Неудовлетворительное состояние с изучением русского языка признается всеми. Вынуждены теперь признать это и руководители Отделения языка и литературы. *Бесспорно, наука о русском языке является самым отсталым участком советского языкознания.* Это очень беспокоит всех языковедов, беспokoит и Президиум Академии наук СССР. Президиум принимал по данному вопросу ряд постановлений. В постановлении от 6 февраля 1959 года «О задачах и перспективах научных исследований в области русского языка»<sup>13</sup> указывалось на необходимость коренного улучшения в этой области науки. Однако до сих пор положение продолжает оставаться тяжелым.

Истекшее десятилетие характеризовалось необыкновенно бурным развитием совершенно новых областей языкознания. Неожиданно для языковедов выяснилось, что их наука имеет первостепенное значение для техники, для мате-

матики, для физики, для биологии. Языковеды вынуждены были принимать участие в решении вопросов автоматического речевого управления производственными объектами, автоматизации службы информации, автоматизации перевода с иностранных языков и реферирования научно-технической литературы, построения информационно-машин, повышения пропускной способности каналов связи, дешифровки, построения информационных языков науки, медицинской диагностики и др. Уже сейчас очевидно, что в ближайшие годы сфера практических приложений языкознания еще больше расширится. Речь будет идти о выработке средств космической коммуникации, о создании универсальных языков, об интенсификации мыслительных процессов при помощи новых знаковых систем и т. д. К сожалению, новые области языкознания начали в Советском Союзе развиваться с большим запозданием. Причина состоит в том, что Отделение языка и литературы АН СССР всеми средствами задерживало развитие новых методов языкознания. Все эти новые методы были объявлены идеалистическими. Лишь в результате упорной борьбы части советских лингвистов и математиков, которые были активно поддержаны Отделением исторических и филологических наук АН СССР, удалось сломить сопротивление руководителей Отделения языка и литературы. 6 мая 1960 года было принято Президиумом Академии наук СССР постановление «О развитии структурных и математических методов исследования языка»<sup>14</sup>. В результате в ряде институтов были созданы секторы структурной лингвистики.

После постановления прошло около года. К сожалению, первые итоги нельзя признать обнадеживающими. По-прежнему наиболее значительные мероприятия в этой области осуществляются за пределами Отделения языка и литературы. Не выполняются решения Президиума об организации бюллетеней и журнала по структурной лингвистике. Общее количество сотрудников институтов Отделения, работающих над новой тематикой, ничтожно. Фактически постановление Президиума от 6 мая 1960 года саботируется. Более того, руководство Отделения делает все, чтобы освободиться от новых задач, чтобы работать по-старому. Такая позиция руководства Отделения языка и литературы понятна психологически. Не будучи компетентным в области новых методов языкознания, оно под давлением специалистов в области структурной лингвистики, математики, кибернетики, машинного перевода вынуждено было официально признать структурные методы анализа языка. Однако это запоздалое признание не может существенно помочь развитию новых идей и методов в языкознании. Нельзя ограничиться тем, чтобы эти новые идеи и методы развивались только в институтах исторических и физико-математических наук. Необходимость развития структурных методов в языкознании настолько очевидна, что позиция руководителей Отделения языка и литературы не может быть более терпима.

Советское языкознание, конечно, не стоит на месте. Оно развивается вместе со всей советской наукой. Однако условия его развития, как это было показано выше, нельзя считать благоприятными. Руководящее положение в языкознании занимают люди, которые по разным причинам не в состоянии обеспечить тот уровень, который соответствовал бы потребностям нашего общества, задачам передовой советской науки.

Зав. сектором славянского языкознания Института славяноведения АН СССР профессор С. Б. Бернштейн.

Москва, 4 марта 1961 года.

**12 марта.** Четыре дня пролежал в постели. Болел гриппом. Это бывает редко, так как грипп обычно переносит на ногах. Сегодня, наконец, с большим опозданием закончил работу по составлению буквы О. Я планировал завершить эту работу еще к концу 1960 г. На днях поеду в Ялту. Там планирую много поработать над буквой П. Должен еще отредактировать IV выпуск «Славянской филологии».

**16 апреля.** Вчера прилетел самолетом домой. Целый месяц провел в Ялте. Весна в Ялте – очарование. Наблюдал цветение миндаля, сливы и персика. Очень красиво! Жил в доме творчества литераторов. Там очень удобно и приятно работать. Много и очень интенсивно работал над болгарским словарем. Составил более одной трети буквы П. Это очень много. Написал небольшую статью. Прочитал несколько новинок художественной литературы. По совету поэта М. Светлова прочитал новый роман Симонова «Живые и мертвые». Оказывается, полуложь хуже лжи. В романе (главным образом в первой его части) много суровой правды. Но одновременно с этим в романе очень много лжи. Сочетание суровой правды и грубой лжи дало совершенно неожиданный эффект: роман лживее старых сюсюкающих романов о последней войне. Это хороший урок писателю – пиши только правду. Светлов в очень осторожной форме согласился со мной. Вообще он избегал острых тем не только со мной, но и со своими друзьями-писателями. Иначе вел себя сатирик В. Е. Ардов, который с утра и до вечера предавался политическому трепу. Это очень не нравилось К. Г. Паустовскому, который заметно избегал бесед с Ардовым. Среди писателей много пустых и ничтожных людишек, но где их нет! Поразительно много хвастунов. Известный писатель может хвастать своим знакомством с второстепенным политическим деятелем. Среди писателей наиболее интересным и значительным был, конечно, К. Г. Паустовский. Неприятное впечатление оставила его жена – женщина вульгарная и пошлая. Как он может жить с таким животным! О различных вопросах филологической науки часто говорил с Виктором Шкловским. Человек он умный и наблюдательный, но неприятный, злой. Любит вспоминать 20-е годы. Это не только годы молодости, но и годы больших надежд. В те годы этот маленький человек мечтал о большой славе. Думал, что в этом ему поможет громоподобный Маяковский. Но слава обошла его стороной: известен он только среди узкого круга интеллигентов. 4 апреля умер Л. А. Булаховский.

**27 апреля.** Вчера на Ученом совете филологического факультета обсуждался вопрос о положении факультета. Все выступавшие стонали. Я резко выступил против ректора, указав на то, что именно он виновен во всех наших бедах. Не думаю, что от этого выступления будет польза.

**9 мая.** Пришла сверка набора сравнительной грамматики. Набрано сносно. Летом книга выйдет из печати. Вместо Несмеянова Президентом Академии наук будет Келдыш.

**13 мая.** В Академии наук идет интенсивная «перестройка». Все, конечно, сводится к внешней стороне. Старые темы спешно переименовываются, совершенно различные проблемы под общей неопределенной «шапкой» объединяются в связи с необходимостью сокращения тем. Все останется на старом месте. К сожалению, все эти перестройки отнимают много времени, сил и здоровья.

**16 мая.** Вчера прилетели из Софии Стойков и Холиолчев. Сегодня началось редактирование атласа. Стойков настроен миролюбиво. Надо думать, что серьезных осложнений не будет. От Стойкова узнал, что в газете «Нова Македония» (Скопье, от 2 апреля) была большая статья обо мне и о моих взглядах на маке-



донский язык<sup>15</sup>. В статье якобы сказано, что я не считаю македонцев болгарам<sup>16</sup>. Именно это и вызвало большое негодование в Болгарии.

**19 мая.** Сегодня официально объявлено об избрании нового президента Академии наук. Вместо Несмеянова теперь будет Келдыш. Сдал сегодня сверку сравнительной грамматики. Пошли в набор указатели. Читаю карты болгарского коллектива.

**21 мая.** Будагов уезжает завтра в Чили и в Аргентину, где пробудет больше месяца. Вновь возник вопрос о необходимости активизации работы над общеславянским атласом. Аванесов на поприще председателя комиссии ничего не делает (правильнее будет сказать – ничего не может делать). Он даже не едет в Прагу на заседание комитета. От нас поедет одна только Орлова. Сейчас в Праге Цейтлин по делам старославянского словаря. Боюсь, что она испортит все дело, так как не соглашается с основными принципами чешских славистов. Они хотят сделать однотомный учебного характера словарь.

**2 июня.** Завтра заканчиваем работу с болгарскими диалектологами. Сделано много. Теперь уже хорошо виден конец. Я поеду в Софию в середине сентября. В конце октября весь атлас будет сдан в печать. Издавать его будет Болгарская Академия наук. По плану он должен выйти в свет к съезду славистов, который состоится осенью 1963 г.

**4 июня.** Сегодня проводил Стойкова в Прагу. Пришла в голову мысль написать статью «Труды Н. К. Дмитриева в области балкановедения и славянского языкознания»<sup>17</sup>. Слависты об этих трудах знают мало. Вчера в Прагу на совещание по атласу уехала Орлова.

**11 июня.** Вчера из Праги приехала Цейтлин. Она там проделала большую работу. Вела войну с чешскими специалистами по старославянскому языку за наши принципы составления словаря. Чешские ученые в них видят большую опасность для себя, так как такой словарь в значительной степени обесценит их большой словарь, который уже начал выходить из печати в Праге. Пока положение продолжает оставаться неясным. Цейтлин завершила составление буквы Р. В конце года в Прагу поедет Ходова. Пришло сообщение о смерти Травничка в Брно. Он умер в возрасте 75 лет. Сделал для чешского языкознания много. В последнее десятилетие, однако, основательно портил воздух.

**25 июня.** Пора думать о своих силах и возможностях. Ведь даже в Ялте вместо отдыха работал по десяти часов в день. Вот уже несколько дней лежу в кровати. Сильное головокружение, болит голова. Сегодня уже лучше. Думаю, дней через пять встану. Но нужно будет летом непременно отдохнуть! 11 июля поеду в Болшево. Идут чистые листы сравнительной грамматики. Однако указателей еще не набирали.

**8 августа.** Неожиданная болезнь нарушила все планы. Лежал две недели в больнице, месяц провел в Болшево. Сейчас чувствую себя лучше, но не могу пока сказать, что болезнь уже прошла. Все время чувствую острую потребность в свежем воздухе. В прошлом этой потребности не знал. Пришел сигнал сравнительной грамматики. Теперь, после болезни, должен много поработать. В ближайшие дни засяду за статью для юбилейного сборника в честь Гавранка. В ней будет рассмотрен один вопрос из истории флексии 1 л. ед. ч. настоящего времени в болгарских говорах.

**15 августа.** Поездка в Болгарию ориентировочно назначена на 20 сентября. Должен поехать вместе с Венедиктовым. Однако окончательного решения еще

нет. В Болгарии вместе со Стойковым определим состав атласа, произведем окончательное редактирование атласа и напишем вступительную статью. До поездки в Болгарию должен завершить редактирование нашей части атласа и закончить статью для сборника в честь Гавранка. Это главное! Буду исподволь работать и над словарем. Издательство начало, наконец, проявлять живой интерес к словарю. Над рукописью от издательства будет работать Люба Никитина, которая училась у нас на славянском отделении, а последний курс прошла в Софии. Язык знает хорошо. На днях отправил в издательство буквы А, Б, начала букв В, Г, Д. Хочу в этом году оставить работу в университете. Для этого есть все основания. Может быть, позже и вернусь в университет. При создавшейся обстановке оставаться в университете просто унизительно!

20 августа. Сегодня получил второй номер за этот год журнала «*Studii și cercetări lingvistice*», в котором напечатана хроникальная заметка Болокана о болгарском лингвистическом атласе<sup>18</sup>. Из этой заметки я узнал, что Стойков готовит малый болгарский атлас<sup>19</sup>. Почему Стойков скрыл это от меня? Странно! Сегодня закончил статью для сборника в честь Гавранка.

21 августа. В беседе с ректором Петровским Будагову пришлось выслушать следующее: «Я думаю, – заявил почтенный академик, – что изучение древних языков (латинского и греческого) – пустая трата времени. Никому это не нужно. Вообще, достаточно знать один английский. С этим языком не пропадешь!» Выслушав все возражения Будагова, Петровский изрек: «Я недавно был в Вене. Там тоже со мной не соглашались, и выдвигали те же аргументы, что и Вы. Но это меня не убеждает». Наш «ученый» ректор решил позорить себя и университет в мировом масштабе. Он позорит всех нас.

25 августа. Наконец появилась в продаже моя сравнительная грамматика. Вчера купил 80 экземпляров. Сегодня получил отгиски статьи о болгарских говорах Бессарабии, которая опубликована в кишиневском журнале «Лимба ши литература молдовеняскэ» (№ 2 за этот год). Эта статья предназначалась для специального сборника, но не подошла к нему по теме. Редактор сборника Р. Корлетяну самовольно передал ее в журнал.

29 августа. Плохо работаю эти дни. Не могу сосредоточиться на одном. Почти одновременно делаю разные вещи. Быстро устаю. Надеюсь, что осенью это пройдет. Тут, может быть, виноват и небольшой грипп, который в этом году я подцепил слишком рано. Погода стоит совершенно осенняя. До отъезда в Болгарию должен написать два отзыва – на диссертацию Удлера<sup>20</sup> (он почти готов) и на монографию Гадолиной о местоимениях в славянских языках<sup>21</sup>. Эту монографию будем обсуждать на заседании сектора. А я вместо этого все дни сижу над книгами об аблауте в индоевропейских языках, выписываю материал из этимологических словарей. Выход первого тома сравнительной грамматики из печати невольно заставил меня начать работу над вторым томом<sup>22</sup>. Содержание и структура второго тома для меня уже ясны. Он будет иметь три самостоятельных раздела: аблаут, именные основы и именные флексии. Первому разделу я придаю большое значение. Дело в том, что во всех руководствах по славянскому языкознанию аблаут изложен плохо. Много противоречий, важнейшие факты не получают объяснений. Вот почему даже хорошие студенты всегда плохо отвечали на вопрос об аблауте в праславянском. Самым большим разделом во втором томе будет раздел, посвященный флексии. Здесь будет изложен вопрос о происхождении флексий и их истории в славянских языках. Этот раздел у меня много времени не отнимет, так как большая его часть готова. Конеч-

но, раньше 1963 г. второй том не будет готов. Наиболее реальный срок – 1964 год. О третьем томе пока думать еще рано. Он будет содержать местоимение, числительное, местоименное прилагательное, глагол<sup>23</sup>.

**5 сентября.** Сегодня получил приглашение на девятый международный конгресс лингвистов, который состоится летом 1962 г. в Кембридже (Масс[ачусетс]). Он будет проходить в Гарвардском университете.

**13 сентября.** Умер Павел Алексеевич Сычев – талантливый русский человек. Жизнь его сложилась неудачно. Заела семья. Он делал ставку попеременно на двух своих сыновей, но каждый раз терпел неудачу. Это он понял только на шестом десятке жизни. Тогда он бросил семью, нашел себе новую жену, которая оказалась ему настоящим другом. И вот, уже стариком, он стал писателем. Опубликовал хороший роман<sup>24</sup>, который принес ему признание и некоторую известность. Если бы его жизнь сложилась удачно с молодых лет, он много бы сделал. А то попалась жена – серая дура, которая родила ему двух юродивых сыновей. Нужно для Учпедгиза подготовить том избранных трудов Селищева по русскому языку<sup>25</sup>. В этих трудах много важного и интересного и для современного читателя. Многие из них представляют теперь библиографическую редкость.

**3 октября.** До конца года должен написать статью для серболужицкого сборника. Ориентировочное название статьи – «Русское славяноведение о лужицких языках». Для сборника в честь Б. А. Гавранка написал статью о 1 л. ед. ч. глаголов 3-го спряжения в болгарских говорах. Для «Кратких сообщений Института славяноведения» следовало бы написать статью «Труды Н. К. Дмитриева в области славянского языкознания».

**5 октября.** Вышел [выпуск] «Кратких сообщений Института славяноведения» (№ 33–34), содержащий все наши доклады и материалы январского координационного совещания по славяноведению. Пора уже заняться реализацией принятых на совещании решений. В высоких сферах полагают, что мы в нашем сборнике «Бодуэн де Куртэнэ»<sup>26</sup> дали неверную политическую оценку ученому, назвав его прогрессивным ученым. Чепуха! Он на самом деле был прогрессивный ученый.

**12 ноября.** 10 ноября приехал из Болгарии, где провел целый месяц. План выполнен. Атлас отредактирован. Написал совместно со Стойковым вступительную статью. Несмотря на все недостатки атласа, он производит большое впечатление. Это, конечно, капитальный труд по болгарской диалектологии. Редактирование носило мирный характер. Ни я, ни Стойков не имели желания обострять отношения. Включено в будущий первый том 277 карт. Лучше и полнее всего будет отражена морфология. Должен сказать, что нашему коллективу принадлежат наиболее интересные карты. Рецензентом атласа будет Мирчев. Утверждать к печати атлас будет Ученый совет Института болгарского языка БАН во второй половине ноября сего года. Принял участие в трех заседаниях по этимологическому словарю болгарского языка<sup>27</sup>. Эту работу возглавляет Георгиев. Студентам IV курса прочитал лекцию на тему «Болгарский лингвистический атлас». Три дня вместе с Венедиктовым и М. Младеновым провел в Родопях. Сделал диалектологические записи в селах Костандово, Дорково и Ракиво. Прежде об этих селах знал лишь по монографии Милетича. Был в Велинграде, Юндоле, Батаке, Пещере и через Пазарджик вернулся в Софию. Встречали меня все в Софии радушно, несмотря на мою позицию в вопросе македонского литературного языка. Она, конечно, многим не по душе. Посетил Райну Кандеву в сана-

тории. Она скоро умрет. У нее рак легких. Сильно за три года постарела М. Г. Колинкоева. София стала грязнее. Да и жизнь в Болгарии стала хуже. Я платил за кило винограда... 6 левов. В первый свой приезд в Софию в 1955 г. кило винограда стоил[о] 8 левов (по ценам этого года – 80 стотинок).

**21 ноября.** Послал в Издательство словарей первую треть всего словаря. С начала будущего года над ним начнется работа в издательстве. Послал букву А – 1002 слова, Б – 2594, В – 2386, Г – 1752, Д – 2951, Е – 900, Ж – 402, З – 3122, И – 2901, Й – 17, К – 3547. Всего словарных статей – 21 574. Готовы буквы Л, М, Н, О и половина буквы П. К концу 1962 г. должен закончить весь словарь.

**3 декабря.** С годами приходит страсть к воспоминаниям. Хотелось бы написать об интересных людях, с которыми меня столкнула жизнь и о которых хотелось бы рассказать молодежи. Это Селищев, Покровский, Ильинский, Ушаков, Дурново, Винокур, Дмитриев, Варнеке, Долобко, Державин.

**6 декабря.** Сегодня исполнилось 15 лет, как я защитил докторскую диссертацию, 19 лет со дня смерти Селищева. На будущей год необходимо запланировать заседание кафедры памяти Селищева. К этому времени необходимо подготовить брошюру о нем для серии «Замечательные ученые Московского университета».

**10 декабря.** После длительного перерыва вновь получил разрешение на штатную работу в университете. Буду получать половину оклада.

**17 декабря.** Очень бы хотелось обработать для печати некоторые разделы своего курса по истории болгарского языка. Читал этот курс я много лет и о многом думал. На первый раз хорошо бы взять раздел из введения, в котором излагается внешняя история болгарского языка периода турецкого рабства. Этот раздел под названием «Из лекций по истории болгарского языка (1396–1878)» можно бы было опубликовать в «Ученых записках» Института<sup>28</sup>. Основное внимание следует уделить первой половине XIX в. Конечно, в будущем году этой работой заняться не смогу, так как должен в 1962 г. завершить, наконец, словарь и написать еще ряд статей. Но в 1963 г. сделаю эту работу. Позже приступлю к обработке диалектологического раздела. Умер А. Ф. Иващенко, с которым я был тесно связан в Ашхабаде. Тогда я был деканом филологического факультета, а он – моим помощником. Вопреки обычаю работал я, а он пил отвратительное вино под названием «Ашхабадское крепкое». Имел большой успех у женщин. Много занимался изучением творчества Флобера, которому позже посвятил книгу<sup>29</sup>.

**24 декабря.** Еще в Болгарии узнал о самоубийстве Ивана Поповича. Он погиб в самом расцвете творческих сил. Я думал, что после смерти Белича он сможет нормально работать на родине. Белич его всячески притеснял. Однако он уехал в Германию, и вот теперь мы узнали о его смерти в Гамбурге. Его работы очень противоречивы. В них яркие страницы стоят рядом с банальными, интересные и плодотворные мысли чередуются с бесплодными, богатство новых фактов и традиционные ошибки, о которых уже много писали. Мне кажется, что наиболее ценными являются его работы по лингвистической географии. В этом отношении большой интерес представляют его статьи, опубликованные нашим Институтом<sup>30</sup>. Вчера получил много оттисков от Куриловича. Из Болгарии вчера приехали историки Бурмов, Тодоров и Христов. Цель их приезда – выяснить отношение нашего Института к македонскому вопросу. В настоящее время наши историки обсуждают в Белграде готовую рукопись «История Югославии»<sup>31</sup>. Это очень беспокоит болгар, так как они боятся, что в македон-

ском вопросе советские историки не будут следовать болгарскому тезису, что македонская нация сформировалась в Югославии только после 1945 г. До этого времени все македонцы были болгарами. Наши историки склонны начинать процесс формирования македонской нации с середины XIX в.

**31 декабря.** Наступил последний день 1961 г. Год прошел интересно, содержательно, хотя было много и трудного, и тяжелого. Главное – это болезнь жены и моя летняя болезнь. Все это нанесло сильный удар по моим планам. Но все же удалось сделать много. Главное – это завершение атласа. Основательно продвинул болгарский словарь, написал несколько статей для различных изданий. В этом году много опубликовал, прежде всего первый том сравнительной грамматики славянских языков. Вновь начал работать в университете. Планы на 1962 г.: 1. В основном завершить болгарско-русский словарь. 2. Отредактировать сборник «Юго-восточные говоры Болгарии»<sup>32</sup>. 3. Написать к софийскому конгрессу славистов доклад «История слоговой структуры праславянского языка»<sup>33</sup>. 4. Для ленинградского совещания славистов написать доклад на тему «Ступень редукции праславянского аблаута»<sup>34</sup>. 5. Подготовить вместе с Иллич-Свитычем и Клепиковой «Программу по собиранию диалектных данных для К[арпатского] д[иалектологического] а[тласа]»<sup>35</sup>.

### Примечания

- <sup>1</sup> Георгиев Г. С. В защита на българския език // Септември. 1960. № 12. С. 102–149.
- <sup>2</sup> Г. С. Георгиев подвергает критике первые два тома словаря «Речник на съвременния български книжовен език» (София, 1954–1959. Т. 1–3).
- <sup>3</sup> В качестве эпиграфа к статье Г. С. Георгиева приведено высказывание Т. Готье о важности чтения словарей.
- <sup>4</sup> См.: О развитии исследований Института языкознания // Вестник АН СССР. 1961. № 5. С. 101.
- <sup>5</sup> Бернштейн С. Б. Некоторые проблемы сравнительно-исторического изучения славянских языков // КСИС. М., 1961. Вып. 33/34. Актуальные проблемы славяноведения. Материалы Первого координационного совещания... С. 179–186.
- <sup>6</sup> Речь идет о приводимой ниже автором («Записке о положении в советском языкознании»). Текст этой записки или основанная на ней статья С. Б. Б. в печати не появлялись.
- <sup>7</sup> После поражения в гражданской войне в Греции коммунистов и руководимой ими «Демократической армии» из страны эмигрировали свыше 57 тыс. человек, около 25 тыс. из которых прибыли в СССР. Они были размещены в Узбекистане, прежде всего в Ташкенте, Чирчике и Янгиюле (см.: Улунян Ар. А. Коммунистическая партия Греции: Актуальные вопросы идеологии, политики и внутренней истории. М., 1994. С. 263–264).
- <sup>8</sup> Бернштейн С. Б. Из истории болгарских поселений в Крыму (по материалам Одесского исторического архива) // Исследования в чест на Марин Дринов. София, 1960. С. 273–281.
- <sup>9</sup> Правда. 1950. 1 сент. С. 2–3.
- <sup>10</sup> О дискуссиях в научных журналах // Коммунист. 1955. № 7. С. 124–125.
- <sup>11</sup> Там же. С. 126.
- <sup>12</sup> Касьянов Н. Новый журнал по языкознанию. Рец. на журн.: «Вопросы языкознания» № 1, 2, 3, 1952 г. // Большевик. 1952. № 16. С. 65–72.
- <sup>13</sup> Краткое изложение постановления см.: Вестник АН СССР. 1959. № 4. С. 106.
- <sup>14</sup> Краткое изложение постановления см.: Вестник АН СССР. 1960. № 7. С. 88.
- <sup>15</sup> Ристовски Б. Мисирков: Нашиот јазик е самобитен, тој не е ни српски, ни бугарски, и способен за литературен развиток: Опсежна студија на истакнатиот советски слависта Бернштејн за македонскиот јазик и за Мисирков // Нова Македонија. Скопје, 1961. 2 април. № 5190. С. 6.

- <sup>16</sup> В статье Б. Ристовского подробно излагается содержание статьи С. Б. Б., опубликованной в сборнике «Славянская филология» (см. 1960 г., прим. 15), и приведены отрывки из других его работ о македонском языке. В открывающей статью врезке подчеркивается, что «известный советский ученый и ведущий славист ... демонстрирует полное понимание реальностей, серьезное научное отношение к фактам и необходимую объективность при извлечении обоснованных исследованиями выводов, прежде всего о самобытности македонского национального языка и его широких литературных возможностях».
- <sup>17</sup> Замысел этой статьи осуществлен не был.
- <sup>18</sup> *Bolokan Ch.* Atlasul lingvistic bulgar // Studii și cercetări lingvistice. București, 1961. № 2. S. 269–273.
- <sup>19</sup> Это утверждение Г. Болокана, видимо, не соответствовало действительности, во всяком случае подобный атлас в Болгарии издан не был.
- <sup>20</sup> *Удлер Р. Я.* Молдавские говоры Черновицкой области в сравнении с говорами Закарпатской области УССР, Молдавской ССР, Запрутской Молдовы и других смежных областей дако-романского массива. (Эта кандидатская диссертация защищалась в Институте языкознания АН СССР).
- <sup>21</sup> *Гадолина М. А.* История форм личных и возвратного местоимений в славянских языках. М., 1963.
- <sup>22</sup> *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974. 378 с.
- <sup>23</sup> Третий том «Сравнительной грамматики» С. Б. Б. не был написан.
- <sup>24</sup> *Сычев П. А.* У Тихого океана. М., 1955–1960. Кн. 1–3.
- <sup>25</sup> Близкое к замышлявшемуся С. Б. Б. издание спустя несколько лет было подготовлено Е. А. Василевской. В составленном ею сборнике (*Селищев А. М.* Избранные труды. М., 1968) опубликованы, за двумя исключениями, работы Селищева о русском языке и сравнительной грамматике славянских языков.
- <sup>26</sup> См. 1960, прим. 18.
- <sup>27</sup> Имеется, видимо, в виду обсуждение материалов для словаря «Български етимологически речник» (София, 1962–1980. Т. 1–3. Св. 1–20).
- <sup>28</sup> Этот замысел осуществлен не был.
- <sup>29</sup> *Иващенко А. Ф.* Густав Флобер. Из истории реализма во Франции. М., 1955.
- <sup>30</sup> В изданиях Института славяноведения удалось выявить три статьи И. Поповича, опубликованные в 1959–1962 гг.: *Попович И.* Когда славяне заселили Южную Истрию? // Вопросы славянского языкознания. М., 1959. Вып. 4. С. 21–33; *Он же.* Из сербскохорватской диалектологии // КСИС. М., 1960. Вып. 28. С. 12–23; *Он же.* Южнославянские лексические этюды // Там же. М., 1962. Вып. 35. С. 44–62.
- <sup>31</sup> История Югославии. М., 1963. Т. 1–2.
- <sup>32</sup> С. Б. Б., по всей вероятности, имеет в виду вып. 10 «Статей и материалов по болгарской диалектологии» (М., 1962), посвященный преимущественно юго-восточным говорам Болгарии. Этот выпуск он редактировал вместе с С. Стойковым.
- <sup>33</sup> *Бернштейн С. Б.* К истории слога в праславянском языке // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963. С. 53–69.
- <sup>34</sup> *Бернштейн С. Б.* К истории праславянского аблаута (степень редукции) // Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков. Научная сессия. Тезисы докладов. М., 1964. С. 78–79.
- <sup>35</sup> В 1961 г. сотрудниками Института славяноведения и кафедры украинского языка Ужгородского университета была начата работа над вопросником Общекарпатского диалектологического атласа. К 1963 г. был сформулирован 541 вопрос для сбора диалектных данных; в том же году состоялась первая диалектологическая экспедиция по атласу.

# ПРИЛОЖЕНИЯ

## I. Из биографии\*

### Детские страхи

Впервые прочитал весьма интересную и весьма поучительную книгу М. Зощенко «Повесть о разуме»<sup>1</sup>. Все основные мысли и выводы автора представляются мне безупречными. Психоневроз, причины которого восходят к каким-то событиям раннего детства, определяет многое в жизни человека. Могу привести один пример из моей жизни. Летом 1916 г. наше семейство переехало из Читы в Иркутск. Сперва мы поселились в большой и хорошо обставленной квартире на улице графа Кутайсова. В квартире в большой зале висела в натуральную величину известная картина К. Д. Флавицкого «Княжна Тараканова». Я часто подолгу стоял перед картиной. Однажды я отчетливо услышал крик княжны и шум воды. Я сильно закричал и потерял сознание. После этого часто по ночам я слышал крик и шум падающей воды. По совету врачей мы переменили квартиру. Постепенно испуг прошел, я перестал вспоминать несчастную княжну, но не мог спускать воду в уборной. Быстрый и шумный поток воды вызывал у меня страшный страх. И это ощущение не проходило до зимы 1918 г. Зимой 1918 г. мы уехали из Иркутска в родной Баргузин, где, конечно, не было ни канализации, ни теплых уборных. Здесь я прожил до осени 1922 г., совсем забыв о своих переживаниях. Осенью 1922 г. мы переехали в Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ). И я снова должен был спускать воду в уборной. Я смело потянул за цепочку и вода с шумом потекла в унитаз. И здесь старый страх неожиданно стал оживать. Я отчетливо помню, как я напряжением воли (мне было уже 12 лет) подавлял в себе страх и безо всякой нужды то и дело ходил в уборную и спускал воду. Очень скоро страх прошел совсем (23 июля 1976).

### Первая проба пера

Неожиданно вспомнил сегодня один эпизод из своего отрочества. 5–7 классы средней школы я проходил в Чите. Наш учитель словесности Орлов стремился развивать заложенные в нас зерна литературного творчества. Очень часто на уроке он ставил перед нами репродукцию картины (обычно это были репродукции картин русских передвижников), и мы должны были на тему картины написать рассказ. В этом деле я не имел соперников. Учитель обычно читал именно мой рассказ. Тогда все в классе были убеждены, что меня ждет карьера писателя. Я был очень начитан, имел превосходную память. Поэтому мне было легко на основе различных литературных реминисценций лепить рассказы, не лишённые известного мастерства, но очень далекие от подлинного искусства. Внутренней потребности писать художественные произведения у меня не было. Уже позже, в 9 классе, в г. Никольск-Уссурийске я написал рассказ, который очень понравился моим то-

---

\* Заголовки «этидов» Приложений принадлежат составителям. В конце каждого этиода в скобках указана дата дневниковых записей мемуариста.

варищам. По их настоянию я послал этот рассказ в газету «Красное знамя», выходящую во Владивостоке. Через некоторое время я получил рассказ обратно с большим письмом зав. литературной частью газеты. Текст рассказа был основательно сокращен, отредактирован, кое-что было коренным образом изменено. В письме содержалось обоснование всей этой правки. Я должен был подписать новый вариант и отправить его в редакцию. И здесь у меня возникли серьезные сомнения. Я решил поделиться этими сомнениями со своим классным руководителем Н. М. Шандером. Он у нас преподавал математику и физику, но я больше доверял ему, нежели нашему словеснику Подгаевскому, который в классе не пользовался никаким авторитетом. Шандер внимательно меня выслушал, прочитал мой рассказ, познакомился с письмом и правкой редактора. Никогда не забуду, как этот суровый человек (мы все его очень боялись) ласково и доверительно обнял меня и сказал: «Есть настоящее творчество и разного рода имитации творчества. Первое – это страдание, муки, страсть, восторг; второе – холодное мастерство. Твой рассказ рожден пустым тщеславием. Если ты убежден, что в тебе есть зародыш дарования, не печатай этот рассказ. Начни публиковать только те произведения, которые тебя самого будут волновать. Зачем увеличивать число литературных ремесленников? Их и без тебя много. Создание художественного произведения – это рождение человека. Нужно забеременеть темой, выстрадать ее и в муках родить. Вот так-то, мой дорогой». Конечно, я уничтожил рассказ и никогда больше не писал художественных произведений, так как жизнь ни разу меня не оплодотворила. Спасибо, дорогой Николай Михайлович (23 июня 1975).

### Библиотека отца

Я уже писал о богатой библиотеке моего отца. Отец после отбытия каторги на Амурской колесухе был переведен на вечное поселение в г. Баргузин. Здесь он завел семью. Для меня остается загадкой, каким образом за несколько лет пребывания в Баргузине (т. е. за семь лет) он, не имея значительных средств, смог составить уникальную книжную коллекцию, о которой я уже писал. В ней было немало дорогих подарочных изданий, был и «Фауст» в переводе Фета. Эта библиотека до 1922 г. находилась в Баргузине. Осенью была переправлена в Верхнеудинск (теперь Улан-Удэ). В марте 1923 г. вместе с нами перекочевала в Читу. Осенью 1925 г. вся наша семья переехала в Александровск-на-Сахалине. Книги были упакованы в массивные ящики и доставлены на Сахалин. Во время разгрузки (пароход стоял на рейде, штормило) один из ящиков свалился в воду и ушел на дно. Достать его было невозможно. В городе библиотека отца пользовалась успехом. Отец давал книги своим знакомым, которых в небольшом городе было много. Лишь справочными изданиями и дорогими подарочными книгами можно было пользоваться только у нас на квартире. Последний раз я видел эту библиотеку осенью 1926 г. перед отъездом в Никольск-Уссурийск. Отец прожил на острове до осени 1928 г. Перед своим отъездом в Москву он подарил библиотеку городу. Эта передача была официально оформлена, и соответствующий документ должен храниться в Александровске. О дальнейшей судьбе библиотеки ничего не знаю<sup>2</sup> (13 февраля 1982).

### Аспирантура НИЯЗа

В 1931 г. я вместе с Севортыном и Исхаковым поступил в аспирантуру НИЯЗа и вместе же под руководством Дмитриева начал изучать турецкий язык. Севортын имел передо мной одно преимущество: он хорошо практически знал крымско-татарский язык. Однако я не отставал от него. Другое дело Исхаков. Он знал много тюркских языков. Крымско-татарский был его родным. Его преимущество передо мной и Севортыном особенно было заметно во время чтения Тарих-наме по хрестоматии Смирнова<sup>3</sup>. Знания Исхакова всегда были точными. Это было характерно для всего психического склада этого татарина. Он всегда с брезгливостью говорил о Баскакове<sup>4</sup>, отмечая многочисленные ошибки и неточности в его работах. К сожалению, сам он публиковал мало (24 мая 1977).



## МГПИ. Начало педагогической деятельности

В этом году завершился 52-й год моей педагогической работы в высшей школе. Начал я ее в 1931 г. в Городском педагогическом институте, который в то время находился в Подсосенском переулке [д. 20], возле Покровских ворот. Была одна общая кафедра языка и литературы, которую сперва возглавлял А. И. Ревякин. Позже он был снят с должности зав. кафедрой в связи с так называемой «ревякинщиной». Он был объявлен идеологом кулацких писателей. После него заведующим кафедрой стал Аванесов. Вскоре была организована самостоятельная кафедра русского языка, которой в течение многих лет успешно руководил Аванесов. До войны эта кафедра была одним из серьезных лингвистических центров в Москве. Здесь широко обсуждались различные теоретические вопросы фонологии, грамматики и диалектологии (21 мая 1983).

## Санаторий «Михайловское»: встречи с народовольцами

Вспоминается санаторий «Михайловское» на Пахре. Это в прошлом было одно из многочисленных имений Шереметевых<sup>5</sup>. Последним владельцем был Сергей Дмитриевич Шереметев, один из культурнейших людей своего круга. Как известно, у Шереметевых было много отличных имений. Достаточно вспомнить Останкино. Однако именно здесь, в «Михайловском», была летняя резиденция Сергея Дмитриевича и его семьи. Особенно это место любила жена Сергея Дмитриевича, внучка Петра Андреевича Вяземского. После революции это имение было отдано Обществу политических каторжан и ссыльнопоселенцев. Здесь разместился летний дом отдыха членов Общества и их иждивенцев. Знаменитым народовольцам (В. Н. Фигнер, М. П. Сажину, М. Ф. Фроленко и еще некоторым известным членам «Народной воли») были предоставлены в вечное пользование отдельные комнаты, где они могли жить весь год. Фигнер жила в спальне графини, Сажин с женой, которая была родной сестрой Веры Николаевны Фигнер, получили бывшую спальню графа. Фроленко поселился в кабинете графа.

Я в этом доме отдыха провел лето 1932 и лето 1933 г. В памяти рельефнее остался 1932 год, когда я имел возможность много бродить по окрестностям, активно общался с живущими здесь интересными людьми. Летом 1933 г. я находился здесь после только что перенесенного сыпного тифа. Я был очень слаб, сильно болели ноги.

В памяти сохранилось много интересных событий и фактов. Меня всегда тянуло к людям с богатым прошлым, а таких людей в «Михайловском» было достаточно. Особенно я привязался к Сажину. В 1932 г. мы совершали ежедневные прогулки до конского кладбища. Для меня проделать утром прогулку в 6 километров ничего, конечно, не стоило. Но не следует забывать, что Сажину в это время было почти 90. У него сохранились все зубы, он отлично помнил прошлое. По стариковской привычке он любил предаваться воспоминаниям. Во мне он нашел благодарного слушателя. А слушать было что. Не следует забывать, что он в течение многих лет был близким человеком М. А. Бакунина, встречался с Ф. Энгельсом, был активным участником Парижской Коммуны. Михаил Петрович был беззаветно предан Бакунину, в течение ряда лет выполнял при нем обязанности секретаря. Узнав о моих славистических интересах, Сажин очень красочно вспоминал о Герцеговинском восстании 1875–1876 гг.<sup>6</sup>, участником которого он был. С большой любовью говорил о сербах, об их храбрости и выносливости. Жил в Америке, в Швейцарии. Нелегально вернулся в Россию, где и был арестован. По процессу 193-х был приговорен к каторжным работам и к ссылке. Прожил в Сибири до 1900 г. После амнистии жил в Петербурге. Принимал активное участие в работе журнала «Русское богатство»<sup>7</sup> в тот период, когда во главе редакцонии стоял В. Г. Короленко. Несмотря на различие политических взглядов (Короленко резко отрицательно относился к анархизму), между ними установились дружеские отношения. «Короленко обладал такой степенью доброты, – вспоминал Сажин, – которая

*уничтожала любое зло*». Вспоминал Сажин и о своих встречах в редакции журнала с Куприным, Вересаевым, Горьким и другими сотрудниками «Русского богатства».

В 1931 г. произошло серьезное столкновение Сажина с властью. В этом году торжественно отмечалось 60-летие Парижской Коммуны. Емельян Ярославский попросил Сажина выступить с воспоминаниями на заводе «Серп и молот» (бывший Гужон). Сажин согласился, но выступил не с воспоминаниями, а с докладом на тему «Движущие силы Парижской Коммуны и причины ее поражения». В докладе Михаил Петрович утверждал, что главным виновником был Маркс и его последователи, которые не верили в победу Коммуны и нанесли ей удар в спину. Можно себе представить, что творилось в зале! Председательствующий прервал докладчика и начал кричать о вылазке классового врага. Михаил Петрович с юмором вспоминал, что на заседание его привезли в автомобиле, а после заседания он уже в полном одиночестве добирался домой на трамвае. От ареста его, конечно, спас только преклонный возраст. Большие неприятности были у Ярославского. *«Не верьте, молодой человек, — говорил мне Сажин, — что теперешняя наша власть — народная власть. Вот простой пример. При Шереметевых каждый крестьянин из соседнего села мог свободно ходить по парку. А теперь всюду висят объявления “Посторонним вход воспрещен”. А ведь посторонние-то мы с Вами, а не местные крестьяне, трудом которых создано это имение. Нас здесь отлично кормят. А вам известно, как сейчас питаются местные крестьяне? Живут так скверно, как до революции никогда не жили. Когда мы на большой скорости на машинах проносимся мимо села, часто в нас летят камни. Бросают мальчишки, но это серьезные камни. А графиня Шереметева после революции жила несколько самых тяжелых лет в деревне у крестьян, они заботились о ней, кормили ее. Вот так-то!»* Умер Сажин в 1934 году.

С фотографии на меня смотрит умное и симпатичное лицо молодой русской женщины. Линия рта свидетельствует о несгибаемой воле. И вот теперь я вижу лицо этой же женщины, но теперь ей уже 80. Трудно поверить, что это один и тот же человек. И дело не в бороздах времени, а в чем-то более глубоком. Теперь передо мной яркий по своей завершенности образ русской помещицы-крепостницы. На лицо надета холодная маска презрения ко всем окружающим. Глаза смотрят холодно и надменно. Она медленно идет по парку, не отвечая на приветствия и поклоны. Молодежь «Михайловского» боится ее как огня, старается не попадаться ей на глаза. Не жалуют ее и старики. Старая народволка Ковальская называет ее Салтычихой. Речь идет о Вере Николаевне Фигнер, одной из самых знаменитых русских женщин. Меня эта женщина интересует больше всех обитателей «Михайловского», но подступиться к ней невозможно. Спрашиваю о Фигнер у Сажина, но он, обычно такой словоохотливый, отмалчивается. Очевидно, что он не любит эту надменную старуху, но не хочет ничего плохого говорить о своей свояченице. У Фигнер в услужении молодая девушка из соседней деревни. Она часто плачет. Говорят, что Салтычиха бьет ее. Летом 1932 г. торжественно отмечалось восьмидесятилетие Фигнер. В «Михайловское» приехал Ярославский, многие общественные деятели, старые революционеры, актеры. После краткого торжественного заседания начинается концерт. Много поет Козловский. Вместе с Рейзенем он исполняет любимую Фигнер песню «Нелюдимо наше море». Все идет по плану. Вдруг во время исполнения очередного номера Фигнер резко поднимается и молча, величественно покидает концерт. Возникает неловкость. Всем стыдно за Фигнер. Начинается разъезд.

Хорошо сохранилась в памяти одна сцена из 1933 г. Я медленно иду по узкому коридору, опираясь на палку. Неожиданно из комнаты Фроленко выходит Фигнер и идет мне навстречу. Я прижимаюсь к стене, чтобы дать ей дорогу. Она вынуждена тоже слегка повернуться боком. Обойдя меня, она с презрительной миной цедит сквозь зубы: *«В старое время дамам более галантно уступали дорогу»*. Хочется все простить этой злой старухе, которая провела в Шлиссельбургской крепости 20 лет, а затем была до амнистии в ссылке. Хочется, но не получается. И как-то жалко, что о ней восторженно писал Тургенев<sup>8</sup>.

Прожила Фигнер после своего юбилея еще десять лет, но после 1933 г. я больше ее уже не видел. Позже я читал книгу Фигнер «Запечатленный труд». Перед читателем книги, книги замечательной во всех отношениях, встает обаятельный образ автора. Неужели во время работы над книгой Вера Николаевна становилась другим человеком? Возможно ли это? А может быть, это только игра?

Летом 1933 г. после тяжелой болезни мне было трудно ходить. Большую часть времени проводил в парке за чтением книг. Очень часто ко мне на скамейку подсаживался Лев Григорьевич Дейч и охотно рассказывал о «Черном переделе»<sup>9</sup>, об организации группы «Освобождение труда»<sup>10</sup>, о Г. В. Плеханове, о Вере Засулич. Мало сказать, что Дейч был последователем и верным учеником Плеханова. Он боготворил Георгия Валентиновича. Даже очевидные недостатки своего учителя он склонен был считать симпатичными слабостями (25 сентября 1970).

### В атмосфере 1937–1938 гг.

Вспомнил эпизод, связанный с Власом Чубарем<sup>11</sup>. В конце 1937 или начале 1938 г. я делал доклад на кафедре болгарского языка и литературы Одесского педагогического института о своих диалектологических наблюдениях в болгарских селах Украины. Забыв, что Чубарь был уже репрессирован, я назвал один колхоз имени Чубаря. Громко произнес имя врага народа. На заседании кафедры это прошло как будто незаметно. Однако кто-то (думаю, что это был Иван Мавроди) сообщил о моем промахе в партийный комитет Института. Началось целое дело. Я сказал, что об аресте Чубаря ничего не знал. Действительно, в газетах сообщений не было, хотя все, конечно, знали об этом (и я в том числе). Сперва шумели, но потом стихло. Кто был моим добрым ангелом, не знаю (22 февраля 1981).

В начале 1938 г. в Москве у болгарской политэмигрантки Мары Колинкоевой арестовали сына Мирчо. С трудом Мара дождалась утра и побежала за помощью к Димитрову, с которым по работе в партии была связана несколько десятилетий. Она была совершенно убеждена, что Димитров при ней позвонит Ежову и Мирчо будет на свободе. Случилось совсем другое. Она увидела перед собою трясущегося от страха человека. Прерывающимся от волнения и страха голосом он спрашивал Колинкоеву: «Какво става, Маро? Нищо не разбирам\*». Мирчо бесследно исчез в лагерях (19 июня 1982).

### Москва.

#### Работа экскурсоводом. Последователь В. А. Гиляровского

Вечером перечитывал книгу В. А. Гиляровского «Москва и москвичи». Люблю эту книгу. Вслед за Гиляровским могу считать себя москвичом. Мы оба родились не в Москве, но именно здесь прошла большая часть жизни. Я сразу же полюбил Москву и начал ее основательно изучать. Уже через год после приезда в этот город мои знания истории города, его достопримечательностей поражали коренных москвичей. Мне это нравилось, и я тщательно изучал историю города. Скоро мне это очень пригодилось. В городском экскурсионном бюро, которое находилось в Столешниковом переулке напротив дома, в котором жил в ту пору Гиляровский, я всегда мог найти работу. У меня было несколько маршрутов, по которым я водил приезжих экскурсантов. Был один самый любимый маршрут. С крыши самого высокого в те годы дома в Б. Гнездииковском переулке (дом Нирнзее)<sup>12</sup> я рассказывал о том, как развивалась и строилась Москва. Эта работа давала устойчивый и надежный заработок. У меня была составлена картотека истории отдельных московских зданий: время постройки, архитектор, владелец, события, связанные с домом. В ней было зарегистрировано 97 зданий. О некоторых зданиях были собраны об-

\* «Что происходит, Мара? Ничего не понимаю» (болг.).

ширные данные: дом Пашкова<sup>13</sup>, Английский клуб<sup>14</sup>, здания университета<sup>15</sup>, магазин быв[ший] Елисеева<sup>16</sup>, дом Хомякова<sup>17</sup>, дом Герцена на Тверском бульваре<sup>18</sup>, дом Нирнзее, главные театральные здания города, вокзалы и др. (15 февраля 1981).

### Погодинская изба

«Мы ленивы и не любопытны». Об этом в свое время думал наш великий поэт<sup>19</sup>. К сожалению, с этим приходится сталкиваться очень часто, даже в интеллигентной среде. Можно сказать сильнее – мы вялы, инертны, пассивны. Летом 1941 г. МИФЛИ из Богородского<sup>20</sup> был переведен на Погодинскую улицу. Рядом со школой, где разместили наш Институт, находилась большая деревянная изба в древнерусском стиле. Я заинтересовался этим сооружением, но никто не смог мне ответить. А обращался я с этим вопросом ко многим нашим профессорам, коренным москвичам. И только один мог удовлетворить мое любопытство. Это был Борис Васильевич Михайловский. От него я узнал, что это известное древлехранилище историка М. П. Погодина, о котором столько написано и с которым связано так много событий и лиц<sup>21</sup>. Поэтому-то и улица носит название Погодинская. Здесь Гоголь писал вторую часть «Мертвых душ», здесь жили и работали многие выдающиеся деятели русской культуры первой половины XIX в. (17 ноября 1965).

### Волхонка, 14

Здание на Волхонке, 14<sup>22</sup>. Здесь после революции происходило много знаменательных событий. Первоначально, после революции, здесь помещалась Социалистическая академия, позже переименованная в Коммунистическую. Нередко я здесь бывал еще в студенческие годы, особенно часто в первые послевоенные годы. Несколько лет посещал это здание систематически, так как в нем помещался наш Институт славяноведения. Могу установить самую раннюю дату своего посещения этого здания: 3 января 1929 г. В этот день в большом зале состоялся под председательством Фриче доклад Е. Д. Поливанова... Могу указать другую важную для меня дату: 30 июня 1931 г. В этот день утром я сдал последний университетский зачет, а вечером в этом здании делал доклад «Диалектика формирования русского литературного языка социалистической формации»... Слушал здесь в большом зале участников дискуссии о «Народной воле», выступления Луначарского, Покровского, Ярославского, Теодоровича, многих известных деятелей Коминтерна и пр. Немало здесь происходило «проработок», кончавшихся обычно трагически (27 сентября 1979).

### Глаза Иоганнеса Бехера

Вспоминаю события осени и зимы 1941 г. Нередко теперь все кажется не таким страшным и трагичным, каким оно представлялось нам тогда. В конце концов победа, а это главное. Однако то и дело в памяти всплывают отдельные картины, от которых и сейчас делается жутко. Вот одна из них. Назову ее «Глаза Иоганнеса Бехера». Летом 1941 г. я был тесно связан с литературным издательством, которое помещалось в Большом Черкасском переулке. По инициативе Еголина группа филологов в срочном порядке подготовила краткий очерк истории славянских литератур<sup>23</sup>. В нем принимали участие Гудзий, Богатырев, Недлый и др. Я написал для этой книжки историю сербской литературы. 15 октября я пришел в издательство, чтобы получить гонорар. Еще 13 октября издательство работало нормально, стучали машинистки, бегали секретарши и т. д. Бухгалтер сказал мне, что выплата гонораров будет 15 октября. И вот я в издательстве. На этот раз оно встретило меня грубой тишиной. Людей не было. Всюду на полу валялась бумага. Двери в большинстве кабинетов были настежь раскрыты. На столах в беспорядке были разбросаны книги, рукописи... Всюду были беспризорные пишущие машинки. И ни одного человека, пусто. Я бродил

по комнатам в полном одиночестве. Была заперта лишь дверь в бухгалтерию. Вдруг мне показалось, что в одной комнате кто-то есть. Я вошел и увидел человека. Он смотрел в окно и поэтому стоял ко мне спиной. Я кашлянул. Человек обернулся. Не без труда я узнал в нем Иоганнеса Бехера. Лицо его было землисто-зеленого цвета. Плотно сжатые губы выдавали в нем большое внутреннее напряжение. Никогда я не забуду его глаз, которые через стекла очков сверкали каким-то инфернальным огнем. От этого взгляда мне стало жутко. Он что-то сказал по-немецки и быстро вышел из комнаты. В этот момент я понял, что размеры его горя неизмеримо глубже, значительней, нежели размеры горя тех людей, с которыми я в эти дни встречался. Это была подлинная трагедия. А в это время сотрудники издательства со своими домашними и легкой поклажей на вокзальной площади ждали эшелон. В издательстве все было брошено на поток (18 ноября 1981).

### 15 октября 1941 г.

Вспоминается массовое бегство из Москвы в 1941 г. Немцы стремительно приближались к Москве. Всем казалось, что лишь чудо может спасти город. Этот день (15 октября) в моей памяти сохранился отчетливо. Я бродил по опустевшим улицам города и наблюдал. По Москве проносились мрачные автомашины с привязанными бочками бензина. По улицам шли «энтузиасты». Так в эти дни называли, не без причины, тех прохожих, которые уходили из Москвы с легкой поклажей на восток по шоссе Энтузиастов (бывшая Владимирка). Они боялись попасть в руки немцев. Были и такие, которых эта мрачная перспектива не пугала. Они отсиживались по углам и не показывались на улицах. В Институте на Погодинке встретил Гофман-Померанцеву. Она отозвала меня в сторону и начала шептать на ухо: «Если Вы решили остаться в Москве, я могу Вас приютить у себя. Я немка и мне ничего не угрожает». Встречаю А. Г. Бокшанина. На мой вопрос отвечает: «А что мне бояться. Я чист, беспартийный, никогда не ходил в беспартийных большевиках, остаюсь в Москве». Однако позже ему пришлось уехать в Ашхабад. Поздно вечером я вернулся домой. Тогда я имел комнату в общежитии ИФЛИ на Усачевке<sup>24</sup>. Обычно шумный дом на этот раз встретил меня тишиной. Комендант с удивлением посмотрел на меня: «А я думал, что Вы уже далеко шагаете на восток», – сказал он не без злой иронии. В доме почти никого нет, все ушли. Я направился в комнату Чичагова, который жил в другом подъезде дома. Хотелось с кем-нибудь поговорить. «Неужели и он ушел», – думал я. На мой стук дверь открыл Василий Константинович. Он был в одном белье. Комната была наполнена табачным дымом, на столе стояла грязная посуда, были разбросаны в беспорядке книги и бумага. Я с удивлением посмотрел на Чичагова. «Что Вы решили делать?» Он вскинул на меня глаза. «А Вы о чем?» – «Но разве Вы не знаете, что все бегут из Москвы, немцы в любой час могут войти сюда?» – «Нет, ничего не знаю. Я уже три дня не выходил на улицу». Пригласив меня сесть, Чичагов сказал: «Бесспорно первое положение – москвичи бегут. Второе положение уже спорно, возьмут ли Москву? Конечно, если не возьмут, будет чудо, но мало ли чудес было у нас на Руси! Давайте пить чай, а я Вам расскажу о своей новой теории второго полногласия. Мои прежние взгляды на этот счет были ошибочными, теперь у меня новая теория». Признаюсь, мне меньше всего в данный момент хотелось слушать соображения Василия Константиновича о втором полногласии.

Совсем мало народу ночевало в нашем большом доме с 15 на 16 октября 1941 г. Он был почти пуст. Ежедневно я теперь бывал в ИФЛИ, хотя лекций почти не было. Прежде ИФЛИ находился в Сокольниках, точнее в Ростокинском проезде. Теперь его перевели на Погодинскую улицу<sup>25</sup>. От Усачевки я шел пешком минут десять. Делать было в Институте практически нечего. Обсуждали в профессорской разные вопросы, думали – что делать? Очень многие ушли на восток в неизвестном направлении. Большая часть студентов была на фронте или на работах по созданию оборонительных рубежей. То и дело приходили противоречивые слухи о линии фронта, о гибели студентов и преподавателей. Еще летом майор Жеребцов в военкомате сказал мне, чтобы я не уезжал из города, чтобы

ждал повестку. Так как мой год подлежал призыву, то, по его словам, я не имел права вступать в ополчение. Последние дни воздушные бомбардировки шли уже безо всякого предупреждения. Ушакова в Москве уже не было, и Винокур по своей инициативе провел заседание кафедры. После заседания мы с Чичаговым шли домой во время жестокой бомбардировки, и никто нас не остановил на улице. А обстановка все больше и больше накалялась. Многие преподаватели совершенно откровенно высказывали свои антисоветские взгляды. Конечно, в Москве, в случае сдачи города, произошло бы то же, что было в Одессе и ряде других городов. От предательства многих спасли наши воины.

17 октября Н. К. Дмитриев, С. И. Ожегов, В. К. Чичагов и я решили все же не испытывать судьбу и уйти из города. Нам сообщили, что с Ярославского вокзала можно уехать на поезде местного значения, затем на рабочем поезде доехать до Ярославля, а дальше уже по Волге. Опытные люди сказали, что с собой нужно взять шоколад и спички. Сейчас спички на вес золота. За коробок спичек можно получить ночлег. Пока что в городе продавали и то и другое в избытке. Я с Чичаговым направился в центр. Запаслись тем и другим. На другой день 18 октября мы оба в семь утра были уже на Ярославском вокзале. Через некоторое время появился Ожегов. Дмитриев не прибыл. Сразу же стало ясно, что наши информаторы не имели никакого представления о подлинном положении дела. Никто не знал направления поездов, к вагонам невозможно было приблизиться. Самое страшное было выражение лиц. Была массовая паника. Мы стояли в стороне и молча наблюдали за всем происходящим. Описать это невозможно. Крики, стоны, плач детей, площадная брань, гудки паровозов – все слилось в сплошной рев. «Мама, мама, – из толпы раздавался тоненький голосок ребенка, – Мама, где ты?» Голосок то замирал, то снова отчетливо доносился до нас. Первым сдался Ожегов. Молча пожал нам руки и ушел. Через некоторое время и мы оба молча направились в метро. На душе было пакостно и мерзко.

Утром 19[-го] Галкин сказал, что скоро начнется плановая эвакуация сотрудников и студентов, чтобы мы были все готовы. Вечером радио передало важное сообщение<sup>26</sup>, которое как-то немного успокоило население. Заметно уменьшился поток «энтузиастов». Однако до отъезда пришлось ждать еще почти неделю. Об этом я уже писал (15 октября 1966).

## Эвакуация из Москвы в Ашхабад

25 октября 1941 г. я покинул Москву. К этому времени паника в городе заметно утихла. Многие жители Москвы разными способами уже покинули город. Массовый характер бегство носило от 10 до 18 октября. Улицы Москвы стали совсем пустынными, даже в дневное время, даже в центральной части города. Уже наступила ранняя зима, на улицах лежал снег. Никто уже не обращал внимания на бомбежки, во время налетов авиации можно было свободно ходить по улицам. Утром 25 октября ко мне на Усачевку прибыл грузовик, на который я, спокойно и не торопясь, погрузил все необходимые вещи. Наш поезд стоял на путях Казанского вокзала. Помню, нас довольно долго держали на привокзальной площади. Состав предназначался профессорам, преподавателям и работникам университета. Вместе с ними в одном поезде выезжали преподаватели ИФЛИ, которых к этому времени в Москве осталось совсем мало. Мы все поместились в одном вагоне. Ехали мы очень долго. В Ашхабад прибыли 18 ноября. Здесь нас ждало правительственное распоряжение – ИФЛИ сливается с университетом, точнее вливается в университет. В Ашхабаде стояла золотая осень. Было солнечно и тепло. Эвакуированных в городе было очень мало, так как в этот пограничный город нужно было иметь специальный пропуск. Ашхабад выглядел совсем не так, как, например, Ташкент, который больше напоминал цыганский табор. Для меня ашхабадский период начался 18 ноября 1941 г. и завершился 16 июля 1942 г. Для моих специальных занятий этот период прошел почти бесследно. Под руководством одного туркмена занимался туркменским языком. Самое примитивное обращение к местным туркменам на их родном языке открывало их сердца (25 октября 1981).

## II. Размышления

### 1. Этюды о болгарях

#### Болгарские переселенцы в России

Отрицательные эмоции у болгарских ученых к болгарским переселенцам в России мне всегда казались странными и непонятными. В тяжелые годы турецкого произвола они переселились на свободные земли Бессарабии и Таврии, где нашли подлинное богатство. Именно богатство, так как на «венец» они получали 50–60 десятин земли, земли превосходной. И климатически Бессарабия и Таврия почти не отличались от родной Болгарии. В XX ст. болгарские колонисты нашего Юга в материальном отношении уступали только немецким колонистам. Они были значительно богаче своих сородичей, которые остались в Болгарии. Но еще Раковский решительно выступал против переселения болгар в Россию. Он считал, что от этого переселения выиграет только Россия, что болгарское население в России будет быстро ассимилировано русским населением. И в настоящее время многие историки отрицательно оценивают болгарскую эмиграцию в Россию. Есть ли для этого основания? На этот вопрос ответить не так легко. Я думал над этим недавно в Преславе, глядя на переполненный зал на юбилейном вечере Державина. Передо мной сидели болгары, плохо владеющие родным языком (не только литературным, но и диалектом), совсем не связанные со своей страной, не знающие ни истории Болгарии, ни литературы, но в то же время остро ощущающие свое болгарское этническое самосознание, свою принадлежность к болгарскому племени. Парадокс, но до войны болгары Преслава были тесно связаны со своей родиной через многочисленных представителей болгарской политической эмиграции. В Приазовье в 1925 г. был организован болгарский национальный район с центром в селе Коларовка (бывшая Романовка). Теперь же местные болгары полностью оторваны от родной Болгарии. Почему руководители современной Болгарии бросили своих сородичей? Ведь их у нас почти 350 тысяч!

До 1938 г. преподавание в школе шло на болгарском языке, кроме школы был еще техникум, издавалась болгарская газета, часто из города приезжал болгарский театр. Хорошо сохранился местный диалект. Теперь знающих литературный язык нет совсем. Но и диалект за эти годы подвергся глубокому воздействию русского и украинского языков. Теперь в Преславе живет много русских и украинцев, много смешанных браков. Неприятно слушать исковерканный болгарский язык. Примечательно, что никто из жителей Преслава не получает болгарских газет. И это несмотря на то, что болгарское этническое сознание хорошо сохраняется. Болгарщина в любой форме вызывает у населения положительные эмоции. Местные власти неодобрительно относятся к проявлению болгарских симпатий, к выписке газет и журналов (20 и 22 сентября 1977).

#### Болгарский менталитет

После знаменитого путешествия Григоровича по славянским странам, особенно после выхода в свет его книги, имя Григоровича стало очень популярно среди болгар, главным образом из-за его позиции по македонскому вопросу. Но вот уже значительно поз-

же, в 1869 г., Григорович по поручению попечителя учебного округа совершил поездку по русской Бессарабии. Перед Григоровичем была поставлена задача выяснить основательность требований болгарских колонистов обучать своих детей в Комрате на родном языке. Григорович дал отрицательный ответ<sup>27</sup>. По его словам, в колониях живут не только болгары, но и представители других национальностей, дети которых не знают болгарского языка. Это прежде всего относится к гагаузам, которых в Комрате больше болгар. Кроме того, болгарский литературный язык еще плохо обработан. На нем трудно обеспечить высокий уровень усвоения наук средней школы. Свой отчет Григорович опубликовал. Что после этого началось! Сразу же были забыты все прежние заслуги ученого. Началась дикая кампания против Григоровича, в которой, к сожалению, принял участие и Петко Славейков<sup>28</sup>. Не скупилась на самые грубые и подлые выражения. Достаточно сказать, что один из «оппонентов» назвал ученого сволочью. Болгар всегда нужно гладить по шерсти. Иначе сразу же будут забыты все прежние «заслуги». В первом томе труда «Болгарские колонии в России» Державин всех гагаузов назвал болгарскими, увеличив тем самым число болгар на одну треть. Еще до войны я обратил внимание Державина на эту «вольность». В ответ услышал следующее. В первом варианте рукописи гагаузы были названы гагаузами. По настоянию Милетича (книга печаталась в Болгарии) всякое упоминание о гагаузах было снято. Автор вынужден был пойти на это (5 июня 1976).

## 2. Заметки о науке и искусстве

### Научное и художественное мышление

Многие в разное время писали о глубоком и коренном отличии научного и художественного мышления. Было высказано немало верных и поучительных наблюдений. Однако бесспорно и противоположное утверждение – между научным и художественным мышлением имеются не только контакты, но и общие элементы. Это хорошо можно показать на примере творчества Бергсона и Пруста. Любой историк занимается «поисками утраченного времени». Пруст дает ему в руки надежные ориентиры. Характеристика любой исторической личности требует от историка комплексного применения методов ученого и художника. Но как это трудно! На днях читал с большим удовольствием этюд И. А. Линниченко, посвященный М. П. Погодину<sup>29</sup>. Превосходная работа! В своих работах по истории науки я пока еще очень мало занимался освещением личностей ученых. Это трудно, но без этого нет подлинной истории науки. Наука – это не абстракция, не идеи, не история творчества, это человек, реальный человек, связанный многими нитями с прошлым и настоящим. Очень хочется показать это на примере Срезневского<sup>30</sup> (28 марта 1978).

### Искусство, наука, философия

Жизнь может быть серой и скучной, подлинное искусство не может быть ни скучным, ни серым. Искусство всегда ставит и решает серьезные и трудные задачи. Можем ли мы на этом основании утверждать, вопреки Чернышевскому, что искусство выше жизни? Конечно, нет! Тезис Чернышевского, как и противоположное утверждение, глубоко ошибочен. И это уже давно, еще до Чернышевского, доказал Гегель. Гегеля читают, но мало вникают в глубины его мысли. Трудность состоит в том, что природное мышление человека антидиалектично. Чтобы понять Гегеля, нужно в своем мозгу прорыть новые каналы. Гегель – величайший мыслитель в истории европейского разума. Он открыл новый мир. Без него не было бы Эйнштейна.



Утверждение М. Борна, что «истинная наука философична; физика, в частности, не только первый шаг к технике, но и путь к глубочайшим пластам человеческой мысли», несмотря на свою внешнюю привлекательность, может породить серьезные недоразумения и даже принести вред. Дело в том, что философия такая же специальная дисциплина, как физика, химия, языковедение и т. д. Нельзя серьезно работать в области философии, не будучи философом. Теоретическая физика дает богатый материал для философа, но сама физика еще не философия. Специалист в самых абстрактных разделах языковедения является лингвистом, а не философом. Сам Борн писал много по вопросам философии, но этот великий физик XX в. не войдет в историю философии. Иначе Кант, который, как известно, оставил глубокий след в истории естествознания, но который прежде всего был великим философом (14–15 ноября 1975).

### **Наука и нравственность**

Наука не имеет нравственного аспекта. Здесь нет хорошо–плохо, здесь только – верно–ошибочно. Конечно, научная деятельность имеет прямое отношение к нравственно-этическим категориям. Безнравственный ученый идет на плагиат, делает любыми средствами себе карьеру, бесчестно борется за место под солнцем. Нравственный аспект представлен в литературоведении и в искусствоведении в той степени, в какой они являются искусством, а не наукой. Нет в науке и эстетических оценок. Когда говорят про математика, что он красиво доказал теорему, то имеют в виду только простой и экономный способ решения. В науке красота не эстетическая категория (9 декабря 1978).

### III. Этюды о современниках

#### Георгий Бакалов

Вспомнил ряд эпизодов из своей жизни, связанных с Г. Бакаловым. Вот один из них. В 1928 г. исполнилось 50 лет знаменитому болгарскому прозаику Елину Пелину. Осенью 1928 г. я начал под руководством М. Г. Колинкоевой изучать болгарский язык, познакомился в оригинале с рассказами Елина Пелина и горячо полюбил его. Я решил перевести несколько рассказов писателя на русский язык. В конце зимы 1928/29 г. я перевел рассказ «Андрешко», написал краткий очерк о писателе и послал это все в издательство. Прошло несколько месяцев. Неожиданно получил письмо, в котором почти не было текста. На клочке бумажки был написан номер телефона с просьбой позвонить по этому телефону. Оказалось, что это номер личного телефона Бакалова. Во время короткой беседы по телефону он попросил меня приехать в Институт Маркса-Энгельса, где он в то время работал<sup>31</sup>. Здесь состоялась длительная беседа. Бакалов с неподдельным интересом слушал меня, задавал вопросы. Помню его первый вопрос: *«Почему Вы заинтересовались Болгарией и болгарским языком?»* Действительно, в то время это была большая редкость. Затем разговор перешел на Елина Пелина. Бакалов сообщил мне, что издательство перестало ему все присланные мною материалы. *«Я дал отрицательное суждение об изданиях сейчас в СССР произведений Елина Пелина на русском языке. Это замечательный болгарский писатель. В жанре рассказа он не имеет себе равных. В болгарской литературе он достиг вершин творчества. Все это так. Могу Вам сказать, что я очень люблю его произведения и часто перечитываю их. Но это наш враг, друг царя Бориса. Было бы большой политической ошибкой теперь издавать его в Советском Союзе. Придет время и русский читатель его узнает. Но сейчас издавать его нельзя»*. Я рассказал об этой беседе И. Горову и М. Колинкоевой. Первый промолчал. Что же касается Мары Георгиевны, то пределов ее негодованию не было: *«По своему содержанию Елин Пелин является прогрессивным писателем, его симпатии всегда на стороне угнетенных и обездоленных. А это самое главное. Бакалов – узколобый сектант»*. Так сказала Колинкоева. Но именно этот узколобый сектант и задержал знакомство русского читателя с творчеством замечательного болгарского писателя на целых двадцать лет (3 сентября 1964).

#### Эдвард Бернштейн

Детство отца прошло в Либаве. Обычно отец вспоминал о Либаве в связи с судьбой своего старшего брата Эдварда. Эдвард, едва ему исполнилось 16 лет, тайно ушел из семьи. Семья в то время жила в Либаве. Молодой Эдвард сел на один из пароходов и оставил записку, что хочет повидать мир. Просил его не искать. На первых порах семья не очень тревожилась. Надеялись, что он скоро вернется. Но шли годы, а от Эдварда не было никаких известий. Мать уже перестала его оплакивать. Но вот однажды вскоре после начала первой мировой войны пришло первое письмо от Эдварда. А ушел он из дома в 1888 г. Эдвард писал, что он не женат, что вскоре после бегства из дома он перешел в лютеранство, затем где-то закончил миссионерскую школу, после чего многие годы проповедовал слово Божие среди диких племен Южной Африки. После начала войны он за активную деятельность против войны был лишен возможности вести свою проповедь. Теперь

он живет в Лондоне, работает в банке. Однако и после получения письма мать его не видела. Она жила со своей дочерью в Вильно, а Эдвард ни разу не посетил Польши. Встречался он лишь со своим братом Лазарем, который после первой мировой войны поселился в Лондоне. Никогда Эдварда не видел и мой отец.

Из всей нашей семьи лишь я имел возможность познакомиться с ним осенью 1928 г. Приезд Эдварда в Москву осенью 1928 г. был связан с юбилеем Льва Николаевича Толстого. Дядя к художественному творчеству Толстого не имел никакого отношения, но он был убежденным толстовцем. В 1928 г. он был председателем лондонского общества толстовцев. Его знали в Москве, у него, кажется, были какие-то публикации. Как бы то ни было, осенью 1928 г. он появился в Москве, где был гостем юбилейного комитета. Через известные ему адреса он установил со мной контакт. Конечно, мне было очень интересно познакомиться со своим легендарным дядей. Передо мной стоял небольшого роста весьма полный господин в сильных очках. Знакомство прошло больше в восклицаниях и хлопывании меня по плечу и спине. Дело в том, что мой дядя забыл русский язык, а мои знания разговорного английского были весьма слабыми. Правда, уже через несколько дней языковой барьер стал поддаваться под смелым нажимом моей ужасной английской речи, которая вызывала у дяди громкий смех. В то время Эдварду было 56 лет, но он был еще очень подвижным и активным человеком. У него в Москве было много встреч, ему многое показывали. Он охотно всюду брал меня с собой. Опекал дядю по поручению юбилейного комитета писатель Борис Пильняк, который умел говорить по-английски. В памяти остался юбилейный вечер, на который я, конечно, попал только с помощью Пильняка. Последний принимал нас у себя дома в городе и на даче, показывал Москву, возил по окрестностям. Но вот наступил и день отъезда дяди. Я жду дядю на перроне Белорусского вокзала возле его вагона. Осталось 15 минут, а дяди все нет. На перроне много провожающих. В том же вагоне в Париж едет Маяковский. Он окружен большой толпой друзей. Время идет, а дяди нет. Маяковский уже со всеми перецеловался, садится в вагон, а дяди нет. Когда оставалось до отхода поезда не более минуты, я увидел бегущего дядю, а за ним носильщика с двумя огромными чемоданами. Зрелище было эффектным. Толстяк, как мячик, влетел в вагон, а за ним летели чемоданы. Смеялся весь перрон. Уже из движущегося вагона дядя послал мне привет рукой. Прошло известное время, и я получил большой конверт, из которого извлек напечатанную в газете статью дяди о своих московских впечатлениях. Значительная часть статьи была посвящена Пильняку. Письма не было. Еще до отъезда из Москвы дядя сказал мне, что писем он вообще не пишет. В этом было что-то семейное, так как и мой отец тоже никогда писем не писал. Он в нужных случаях ограничивался телеграммой. О дальнейшей судьбе Эдварда [я] никаких сведений не получал (18 августа 1977).

## П. Г. Богатырев

Сегодня вспомнил воскресенье 22 июня 1941 г. Вечером в тот страшный день ко мне пришел П. Г. Богатырев. Он совсем недавно вернулся после длительного пребывания в Европе<sup>32</sup>, видел фашизм, парады. И он был убежден, что война скоро кончится полной победой... (22 июня 1969).

## А. С. Бубнов

Вспоминаю один случай, связанный с комиссаром народного просвещения Бубновым. После Луначарского его деятельность на этом посту выглядела бледно. Я неоднократно слышал выступления Бубнова в университете и других местах. Они не оставили приятных воспоминаний. Это было весной 1934 г. в Ленинграде. Я читал лекцию студентам Ленинградского педагогического института им. Покровского. Во время лекции по

старославянскому языку вдруг шумно открывается дверь, и, громыхая сапожищами, в аудиторию входит полувоенный человек, в котором я сразу же узнал Бубнова. За ним, подобострастно семеня ножками в стиле гоголевских чиновников, спешил директор Института Юров. Конечно, никто из них не попросил разрешения войти. Все вновь прибывшие шумно уселись на первой скамье. В первое мгновение я смутился, но это чувство быстро ушло под влиянием злости. Не обращая никакого внимания на Бубнова, я спокойно продолжал свою лекцию. Минут через десять Бубнов, а за ним и остальные снова шумно удалились. После лекции меня пригласил к себе в кабинет директор. «Андрей Сергеевич был не очень доволен Вашим поведением», – сказал Юров. «Не понимаю», – ответил я. «Вошел в аудиторию наш народный комиссар, а Вы вели себя так, словно Вашу лекцию посетил простой инспектор». Таким образом, Бубнов ожидал, что я низко поклонюсь ему, попрошу разрешения продолжать лекцию, прерву лекцию, когда он будет входить и выходить. Вот в этом вся его натура бурбона и солдафона (3 апреля 1974).

### С. М. Городецкий

Вспомнился С. М. Городецкий. Познакомились мы летом 1941 г. Он в то время переводил болгарского поэта Яворова. Это было очень трудно. Особенно упорными были его желания перевести «Каллиопу». Он стремился в переводе сохранить музыкальный ритм подлинника. Не могу сейчас вспомнить, сколько раз я читал ему болгарский текст. Он внимательно слушал, прикрыв глаза. Делал бесконечные наброски, варианты. Часто браковал то, что мне казалось вполне приличным. Часто просил меня читать ему болгарскую прозу. Больше всего я читал ему произведения Елина Пелина и Йовкова. В конце концов он блестяще справился с переводом «Каллиопы». Не знаю, был ли опубликован этот перевод?<sup>33</sup> Во время отдыха мы много говорили о русской поэзии XX в. Он без труда легко обнаружил, что я плохо знаю этот период русской поэзии. Это его огорчило. «В истории русской поэзии это был период ярчайших дарований», – сказал Сергей Митрофанович. После войны часто встречал его на приемах в болгарском посольстве. Не раз говорили о низком уровне поэтических переводов с болгарского, которых много появилось в последний период. Однажды он мне сказал: «Хороший переводчик может получиться только из терпеливого и трудолюбивого человека». О таланте он не говорил – это подразумевалось само собою (15 апреля 1978).

### Н. К. Никольский

Весной 1934 г. в Библиотеке Академии наук (БАНе) часто встречался с академиком Н. К. Никольским, с которым познакомился на заседании тогдашнего Института славяноведения. Встречался с ним еще в отделе рукописей Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина у И. А. Бычкова. Он свободно ориентировался в самых трудных местах древних рукописей. Будучи специалистом в области древнерусской письменности, он легко читал любые южнославянские тексты. Отлично знал кириллическую палеографию, всегда давал по всем вопросам надежную информацию. Вспомнил один разговор с Никольским: «Нет, нет, я не славист, и не называйте, пожалуйста, меня славистом». – «Почему? Ведь Вы много писали о Кирилле и Мефодии, а это проблема славистическая». – «Николай Иванович Кареев сказал как-то, что от славистов идет тяжелый дух. А разве от меня идет тяжелый дух?» – игриво спросил меня Николай Константинович. – «Срезневский, Ламанский, Соболевский, Флоринский – вот это слависты. Державин тоже славист, но новой формации. От него тоже идет тяжелый дух, но соответствующий новым требованиям». На заседаниях Института славяноведения он все время курил самокрутки из стеклянного мундштука и иронически поглядывал на окружающих. Однажды он пригласил меня к себе в Царское село, где показал свое богатейшее собрание

древних славянских рукописей. Удивительно, как он смог осуществить это? Какова его судьба? Не пострадало ли оно во время войны?<sup>34</sup> (2 февраля 1978).

### А. Г. Робков

Сегодня безо всякого повода вспомнил Александра Григорьевича Робкова. Мы учились вместе в университете на славянском отделении историко-этнологического факультета. Он был старше меня на четыре года, но поступил в университет на год позже, в 1929 г. Белобрысый паренек из нижегородской деревни. Кончил рабфак, работал, еще до поступления в университет вступил в партию. Таким образом, он принадлежал к той элите, представители которой без большого труда, легко и просто могли осуществить все свои желания. Для Робкова были открыты все двери. В мои студенческие годы таких людей в университете было много. Они занимали все руководящие посты в общественных и партийных организациях университета, в профкоме, сами решали вопросы о распределении стипендий, часто за ними было решающее слово при выдвижении студента в аспирантуру. Большая их часть мало уделяла времени наукам, учиться было некогда. Они не скрывали своей вражды и антипатии к так называемым «академистам», к которым имел счастье принадлежать я. В 1931 г. именно они смело и без понимания дела руководили перестройкой всего университета. Много позже эта их деятельность была квалифицирована как «перегибы и извращения линии партии». В памяти сохранилось много воинствующих молодцов, но почти все они канули в Лету.

Робкова от этой публики отличало серьезное отношение к занятиям, глубокое уважение к науке и наиболее достойным ее представителям в университете, скромность, иронический склад ума. Он упорно грыз молодых зубами гранит науки. А зубы у него были крепкие. Под руководством профессора А. М. Селищева он с увлечением много занимался славянским языкознанием, главное внимание уделял русской диалектологии. Летом 1930 г. собирал материал в своем родном селе. Уже к концу 1930 г. написал хорошую работу, которая получила одобрение со стороны руководителя. Она была обсуждена на заседании кафедры славянской филологии – случай в то время редкий. Именно с этого времени между профессором и студентом установились близкие отношения. Вероятно, в Робкове Афанасий Матвеевич видел себя, молодого деревенского парня, пробивающего себе дорогу в науку.

В 1931 г. наш факультет был закрыт. К этому времени я успел уже сдать все зачеты, защитить дипломную работу (в 1931 г. она была уже необязательной) и получить диплом об окончании университета. Робков был на курс моложе. Он получил только справку о сдаче зачетов. Таким образом перед ним еще стоял вопрос о завершении высшего образования. Однако совершенно неожиданно ему было сделано предложение пойти в философскую аспирантуру в Педагогический институт им. Ленина (в то время второй МГУ)<sup>35</sup>. Предложение шло от представителей высоких организаций, которые смотрели только анкету и меньше всего думали о творческих возможностях и склонностях молодого человека. Только что прошла острая философская «дискуссия», был низвергнут Деборин. Нужны были новые философские кадры из глубин народа. После недолгих колебаний Робков принял предложение, так как в данный момент у него не было выбора. Быстро был оформлен диплом об окончании Московского университета. И вот Робков уже аспирант по философии. Нужно, однако, заметить, что своими новыми обязанностями он совсем не занимался, так как все время продолжал работать в библиотеках по своей прежней специальности. Он иронически благодарил своего нового руководителя, который после первой же встречи совсем забыл о своем подопечном.

Я уже писал о событиях февраля–апреля 1932 г., когда в Научно-исследовательском институте языкознания при НКП РСФСР, где я проходил после окончания университета аспирантуру, было сфабриковано «дело Селищева и его учеников». 12 февраля на заседании

Ученого совета я делал доклад о Селищеве, в котором попытался спасти учителя. Среди выступавших по докладу был и Саша. Он резко выступил против организаторов побища. Тогда меня обвиняли в том, что я вместе со своим учителем защищаю официальные позиции болгарского империализма, утверждая, что македонские говоры – это говоры болгарского языка. Резко против меня выступали болгарские коммунисты, жившие в те годы в Москве.

Все кончилось тем, что мы оба были исключены из аспирантуры как представители «внутренней эмиграции». Кроме того, Робков в своей партийной организации был исключен из партии. Уже в апреле мои тревожения закончились благополучно. После знаменитой статьи Стецкого в «Правде»<sup>36</sup> был дан отбой. Директор моего Института, организатор всей авантюры, Бочачер был снят с работы, а я по решению Главнауки был восстановлен в аспирантуре «как неправильно исключенный». Одновременно был восстановлен в своей философской аспирантуре и Робков. Но его положение было значительно сложнее, так как он к этому времени уже был вне партии. Я сейчас уже не помню всех деталей его партийного дела. Кажется, он отказался подать заявление о восстановлении в партии, а требовал, чтобы его восстановили автоматически как неправильно исключенного. В результате он остался беспартийным, исключенным из партии. С таким ярлыком в философской аспирантуре делать было нечего. Естественно, что через некоторое время Робков ушел из аспирантуры.

Вскоре он уехал в Ленинград, где стал учителем словесности в одной из школ. Здесь он встретился со своей будущей женой. Так он тихо жил в Ленинграде до войны. В самом начале войны он был призван в ряды действующей армии. В августе 1941 г. вместе со всем своим полком он попал в окружение, а затем оказался в плену. В тяжелых условиях немецкого плена он провел несколько лет, но выжил. В те годы он был силен и вынослив. Лагерный режим здесь сравнительно с другими знаменитыми лагерями смерти был легче. Тут же находились пленные англичане, которые даже получали от родных продовольственные посылки. В лагере часть русских стала сотрудничать с немцами. От них немцы узнавали все о каждом человеке из полка. Многие офицеры, коммунисты и евреи были уничтожены. Робков был беспартийным русским солдатом, и его не тронули. В начале 1945 г. наша армия освободила оставшихся в живых пленников лагеря. Среди них был и Робков. Однако к этому времени его физическое состояние было уже настолько плачевным, что после всесторонней политической проверки он был освобожден от воинской повинности и уехал в Ленинград. Снова начал работать в школе. Работать, однако, было уже тяжело. Страшно мучила астма.

Осенью 1945 г. я по личным делам находился несколько дней в Ленинграде. Случайно на улице встретил Робкова, который первый узнал меня. В обрюзгшем старом человеке трудно было узнать Сашу. Он тяжело дышал, слышен был во время дыхания неприятный свист. Вспоминали прошлое. Саша попросил меня помочь ему поступить в аспирантуру Института русского языка АН СССР. Это было легко сделать, и уже в конце 1945 г. он приехал в Москву для встречи со своим новым руководителем профессором Г. О. Винокуром. Был составлен подробный план занятий и определены сроки сдачи аспирантских экзаменов. Весь вечер Саша просидел у меня. Вспоминали прошлое, он рассказал мне о своей личной жизни. На другой день вместе с В. К. Чичаговым поехали на Даниловское кладбище, молча постояли у могилы учителя.

В памяти остался первый и единственный экзамен нового аспиранта весной 1946 г. Экзамен по праславянскому языку принимала комиссия в составе Винокура, Петерсона, Кузнецова и меня. Тяжелое чувство у всех осталось от этого экзамена. Робков серьезно готовился к экзамену, но уже давно его мозг не подвергался интеллектуальной тренировке. Стало очевидно, что Робков рухнул не только физически. Не глядя друг на друга, мы, члены комиссии, поставили ему четверку. С тяжелым чувством он уехал домой и уже больше не приезжал в Москву. После смерти Винокура в 1947 г. я написал Саше, что нуж-

но назначить нового руководителя. В своем ответе Робков написал, что по состоянию здоровья он не может заниматься научной работой и просит отчислить его из аспирантуры Института. Через некоторое время он прислал мне официальное заявление, которое я передал в отдел аспирантуры. После этого я уже больше не получал от него никаких известий. Через несколько лет Робков умер (14 июля 1974).

### Е. А. Старке

Память сохранила один эпизод начала 30-х годов, когда я участвовал в работе словарного издательства, связанный с моим выступлением при утверждении к печати русско-польского словаря<sup>97</sup>. Это было весной 1933 г. Я был рецензентом. Говорил о многочисленных ошибках в переводах. Дело в том, что словарь готовили польские эмигранты, которые плохо знали русский язык. Первую скрипку играла Старке, необыкновенно красивая полька. Она постоянно меня прерывала и спорила со мной. Дело дошло до слова *ягодица*, которое в словаре на польском языке было истолковано как *маленькая ягода*. Я не стал говорить, что по-русски значит ягодица, но Старка потребовала. Когда я польски сказал *пулдупек*, весь зал заседания грохнул, а Старка стала красной как рак. Она беспомощно обратилась за помощью к директору издательства Кузьминскому, но тот лишь развел руками (23 марта 1966).

### Д. Н. Ушаков

Уже 25 лет прошло с того дня, когда скупые слова телеграммы ошеломили своей неожиданностью и острой болью отозвались в сердце: 13 апреля после воспаления легких скончался Дмитрий Николаевич Ушаков. Скончался вдали от своей родной и любимой Москвы, с которой был связан всю жизнь, которую любил беззаветно и преданно. Даже в молодые годы он редко покидал ее. У Дмитрия Николаевича было много друзей, учеников, почитателей. Но действуют суровые и непреложные законы жизни: этих людей становится все меньше и меньше. Пройдет еще ряд лет, и новые поколения за книгами, на которых стоит имя Дмитрия Николаевича Ушакова, не будут видеть реальный образ человека, который сделал так много добра, который через всю свою жизнь пронес высокие принципы народного деятеля культуры и просвещения...

Память сохранила отдельные эпизоды. Осень 1928 г. Профессор Селищев представляет меня, желторотого студента, председателю Диалектологической комиссии профессору Д. Н. Ушакову. Я, конечно, и прежде знал об Ушакове, но только теперь увидел его близко. Ушаков внимательно смотрит на меня своими слегка выпуклыми глазами и ласково улыбается. Его восточного типа лицо (его предки, вероятно, были татарами, о чем, между прочим, свидетельствует его фамилия) утомлено, но глаза смотрят молодо. Через год он начал читать у нас курс истории русского языка. Читал элементарно и без особого интереса. Думаю, что объяснялось это текучим составом аудитории. Никто из моих однокурсников историей русского языка не интересовался, а сдать зачет было легко. Остались в памяти интересные беседы вместо лекций, когда в аудитории кроме Ушакова и меня никого не было. Здесь он не столько рассказывал, сколько сам спрашивал. В конце июня 1930 г. я выехал с диалектологической целью на Волынь для изучения местных польских говоров. Началась работа над дипломом «Поляки на Волыни».

Впервые я посетил Дмитрия Николаевича на дому в его квартире на симпатичном в то время Сивцевом Вражке. Он принял меня по-домашнему, радушно, как своего старого знакомого. Чувство стеснения прошло быстро. Он мне рассказал несколько смешных эпизодов из своей диалектологической практики. С веселой торжественностью вручил мне отпечатанную на машинке бумажку, в которой все учреждения и лица приглашались оказывать всемерное содействие члену Московской диалектологической комиссии С. Б. Бернштейну. До сих пор память сохранила необычное для меня употребление глагола *приглашать*.

Во время моих студенческих встреч с Ушаковым больше всего шла речь о литературном произношении. Поводом для этого служили мои ошибки, так как мой литературный язык формировался далеко от Москвы и без опытных и квалифицированных руководителей. «Вы можете не принимать отдельных особенностей норм русской орфографии, но нужно это делать со знанием дела и весьма последовательно», – говорил Дмитрий Николаевич. Он часто рекомендовал ходить в Малый театр и внимательно слушать речь актеров. Помню, среди актеров этого театра он выделял особенно Массалитинову и Рыжову.

Сам Дмитрий Николаевич говорил удивительно. Его речь была образцовой не только в орфоэпическом отношении, она была необыкновенно образной и колоритной. Он не боялся свободно употреблять слова и обороты речи, не свойственные интеллигенции: он уверенно брал из народной речи все, что ему было нужно. Здесь он был полным хозяином, а чувство меры и такта ему никогда не изменяло. Он любил то старое московское произношение, на котором говорили в его молодые годы все интеллигентные люди Москвы: в то время оно считалось единственно допустимым. Коренным образом изменилось положение в те годы, на которые приходится мои встречи с Дмитрием Николаевичем. Ушаков с трудом мог назвать среди профессоров нашего университета несколько человек, которые сохраняли старое московское произношение (помню, в этом отношении выделял А. С. Орлова, туляка по происхождению М. М. Покровского).

Дмитрий Николаевич в мое время уже понимал, что не удержать старое произношение, которое основательно преобразилось под воздействием чисто книжной речи, орфографии. Но переживал он этот процесс тяжело, как личную трагедию. Он активно включился в повседневную языковую практику: учил актеров, дикторов радио, учителей классическим нормам русской речи. И сейчас, слушая дикторов радио старшего поколения, мы все время обнаруживаем следы «ушаковской тренировки» (10 апреля 1967).

### Примечания

- <sup>1</sup> *Зощенко М.* Повесть о разуме. М., 1976.
- <sup>2</sup> О библиотеке Б. С. Бернштейна было упомянуто в статье Н. Моисеева «Тираж 25 экземпляров» в газете «Книжное обозрение» от 12 февраля 1982 г.
- <sup>3</sup> См.: *Смирнов В. Д.* Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках. СПб., 1891. 512 с. (2-е изд. – СПб., 1903).
- <sup>4</sup> Н. А. Баскаков (1905–1996) стал выдающимся ученым, внесшим большой вклад в востоковедение. Ему принадлежит опыт классификации тюркских языков и создания многих двуязычных словарей тюркских языков. По отзыву Э. В. Севортыяна, он олицетворял «собой живую историю тюркского языкознания последних лет». В его честь проводятся научные конференции. См., например: 90 лет Н. А. Баскакову. Н. А. Баскакову от коллег и учеников. М., 1996.
- <sup>5</sup> Санаторий расположен в усадьбе «Михайловское» на правом высоком берегу реки Пахры. Первоначально усадьба принадлежала наместнику Тульской и Калужской губерний генералу М. Н. Кречетникову, потом была приобретена Шереметевыми. Сохранился главный дом, построенный в стиле классицизма в конце XVIII в. архитектором И. Е. Старовым. Его окружал большой старый парк с искусственными прудами и беседками. В усадьбе была богатая библиотека. Здесь собиралось Общество любителей древнерусской письменности.
- <sup>6</sup> Восстание в Герцеговине и Боснии, направленное против османского ига, вспыхнуло в 1875 г. и длилось до 1878 г. Оно было поддержано общественностью России, Сербии, Хорватии, Черногории, Болгарии, Италии (денежная и материальная помощь, добровольцы).
- <sup>7</sup> Ежемесячный литературный, научный и политический журнал «Русское богатство» выходил в Москве в 1876–1918 гг. Был рупором либерального народничества.
- <sup>8</sup> Прямых высказываний о В. Н. Фигнер И. С. Тургенева, который умер за год до «Процесса 14-ти», сделавшего ее знаменитой, в Полном собрании сочинений и писем писателя не зафиксировано.



- Однако известно, что он сочувствовал революционерам-народникам и поддерживал дружеские отношения с П. А. Лавровым. По воспоминаниям последнего, И. С. Тургенев, в частности, был очень взволнован рассказом о группе студенток Цюрихского университета, безвозмездно выполнивших техническую работу по подготовке газеты Лаврова «Вперед!», в числе которых была и Фигнер. Писатель хотел лично встретиться с юными революционерками, но встреча не состоялась.
- 9 «Черный передел» – народническая организация в Петербурге в 1879–1882 гг. Возникла после раскола «Земли и воли», сохранила ее программу: отрицание политической борьбы и террора, пропаганда среди рабочих. Возглавляли организацию Г. В. Плеханов, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, Е. Н. Ковальская и др.
  - 10 Группа «Освобождение труда» – первая российская социал-демократическая организация, возникла в 1883 г. в Женеве (Г. В. Плеханов, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод). Участвовала в издании газеты «Искра» и проведении II съезда РСДРП, на котором самораспустилась.
  - 11 См., например: 90-летие Власа Чубаря // Правда. 1981. 21 февр.
  - 12 Дом Нирнзе расположен по адресу: Б. Гнездниковский пер., д. 10. Построен в стиле модерн в 1912–1914 гг. по проекту Э. Р. Нирнзе. В то время это десятиэтажное здание было самым высоким в Москве. На крыше дома работал кинотеатр, затем несколько театральных студий. С 1922 г. здесь размещалась редакция газеты «Накануне», с которой сотрудничал М. А. Булгаков. Долгое время в этом доме работал цыганский театр «Ромэн».
  - 13 Дом Пашкова (Моховая, 20) – памятник архитектуры эпохи классицизма. Построен в 1784–1788 гг. для П. Е. Пашкова, возможно, архитектором В. И. Баженовым. С 1861 г. здесь находился Румянцевский музей, в составе которого была основана (1862 г.) библиотека, с 1925 г. – ГБЛ, а ныне – Российская Государственная библиотека.
  - 14 Английский клуб был основан в Москве в 1778 г. для представителей аристократии. С 1831 г. размещался в доме графини Разумовской (Тверская, 21), перестроенном в стиле ампир. С 1924 г. в этом здании – Центральный музей революции, ныне Музей современной истории России.
  - 15 Первое здание Московского университета (Моховая, 11) было построено в 1782–1793 гг. по проекту архитектора М. Ф. Казакова в стиле классицизма. После пожара 1812 г. перестроено Д. И. Жилярди. В 1833 г. для нового здания университета был приобретен у Д. И. и П. И. Пашковых усадебный дом, перестроенный Е. Д. Тюриним (Моховая, 9).
  - 16 «Елисеевский» магазин – один из крупнейших в Москве продовольственных магазинов (Тверская, 14). Здание было построено в 1790-х годах архитектором М. Ф. Казаковым. Неоднократно перестраивалось. В 1898 г. дом был приобретен владельцем петербургской фирмы по торговле колониальными товарами Г. Г. Елисеевым, который открыл здесь в 1901 г. магазин (с 1992 г. ЗАО «Елисеевский магазин»). Торговый зал отделан в стиле необарокко.
  - 17 Дом славянофила А. С. Хомякова находился на Собачьей площадке (площадь в районе Арбата и Б. Молчановки). В 1960-х годах уничтожен в связи с прокладкой проспекта Новый Арбат.
  - 18 Дом А. И. Герцена расположен по адресу: Тверской бульвар, 25. Здесь в 1812 г. в усадьбе своего дяди А. А. Яковлева родился будущий писатель, публицист и философ. В 1920 г. тут размещалось издательство братьев Гранат, с 1933 г. – Вечерний рабочий литературный институт, затем Литературный институт им. М. Горького.
  - 19 Фраза из сочинения А. С. Пушкина «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года».
  - 20 Богородское – местность на северо-востоке Москвы, на левом берегу р. Яузы. Соседствует с природным национальным парком Лосиный остров и парком Сокольники. МИФЛИ располагался по адресу: Ростовкинский пр., д. 13а.
  - 21 Древлехранилище историка М. П. Погодина (Погодинская ул., д. 10) размещалось в «погодинской избе» – здании, построенном по проекту архитектора Н. В. Никитина в «русском» стиле. Здесь собирались известные писатели и актеры: Н. В. Гоголь, С. Т. и К. С. Аксаковы, М. Н. Загоскин, А. Н. Островский, Е. А. Баратынский, П. А. Вяземский, М. С. Щепкин.

- <sup>22</sup> Волхонка, 14 – бывшая усадьба Голицыных XVIII–XIX вв. В разное время здесь размещались Институт истории АН СССР, Институт славяноведения АН СССР и др. Ныне здесь располагается Институт философии РАН, созданный в 1929 г. в результате преобразования философской секции Коммунистической академии.
- <sup>23</sup> Сведений о публикации книги «Краткий очерк истории славянских литератур» не найдено.
- <sup>24</sup> Общежитие располагалось по адресу: ул. Усачева, д. 64.
- <sup>25</sup> Часть МИФЛИ на Погодинской ул. находилась в здании школы (доме № 8).
- <sup>26</sup> Имеется в виду постановление Государственного комитета обороны от 19 октября 1941 г. о введении в Москве и прилегающих к ней районах осадного положения.
- <sup>27</sup> В. И. Григорович посетил болгарские села Новороссии в 1869 г. с целью изучения постановки там школьного дела и опубликовал отчет о поездке, высказав заключение, вызвавшее горячие споры. См.: *Григорович В. И.* Донесения об испытаниях в Тираспольском уездном училище, Кишиневской гимназии и о болгарских народных училищах в Бессарабии, представленные попечителю округа ординарным профессором Одесского университета В. И. Григоровичем // Циркуляр по управлению Одесским учебным округом. Одесса, 1869. № 7. С. 283–308. Перепечатано в: *Григорович В. И.* Собр. соч. Одесса, 1916. С. 118–145.
- <sup>28</sup> Вероятно, имеется в виду заметка Петко Славейкова в газете «Македония» (Год IV. №8 от 11.XII.1869), которую упоминает И. Шишманов; см. Сборник на Българската академия на науките (София, 1916. Кн. VI. С. 204).
- <sup>29</sup> *Линниченко И. А.* М. П. Погодин. Общая характеристика. Одесса, 1901.
- <sup>30</sup> *Бернштейн С. Б.* Еще раз о Срезневском // Сов. славяноведение. 1984. № 2. С. 87–93. Другую точку зрения см.: *Досталь М. Ю.* О некоторых спорных моментах в биографии И. И. Срезневского // Там же. 1992. № 2. С. 92–101.
- <sup>31</sup> Институт К. Маркса и Ф. Энгельса как самостоятельное учреждение существовал в 1921–1931 гг. Г. Бакалов работал в Институте в конце 1925 – начале 1926 г. и после возвращения 3 марта 1929 г. из Франции, где находился с 1926 г.
- <sup>32</sup> П. Г. Богатырев жил в Чехословакии в 1922–1940 гг. По поручению В. Д. Бонч-Бруевича занимался собиранием россики в музеях и частных собраниях Европы.
- <sup>33</sup> Перевод «Каллиоппы» П. Яворова, сделанный С. М. Городецким, не был опубликован.
- <sup>34</sup> Собрание рукописей Н. К. Никольского хранится ныне в Петербургском филиале Архива РАН.
- <sup>35</sup> Московский государственный педагогический институт (ныне университет) располагается по адресу: М. Пироговская, д. 1. Главное здание – это помещение бывших Высших женских курсов В. И. Герье. В 1918 г. они были преобразованы во 2-й МГУ, на базе которого в 1930 г. был сформирован самостоятельный педагогический институт.
- <sup>36</sup> *Стецкий А.* Об упрощенстве и упрощенцах // Правда. 1932. 4 июня.
- <sup>37</sup> Русско-польский словарь. М., 1933.



Софья Дубникова и Борис Бернштейн — родители С. Б. Бернштейна



Маленький Муся (С. Б. Бернштейн) с матерью



С. Б. Бернштейн в 16 лет. Январь 1927 г.



А. Н. Селищев



Аспиранты НИАЗа: С. Б. Бернштейн (вверху), коми-зырянин Нечаев,  
Н. С. Чемоданов (сидит). Начало 1930-х годов



Юбилей академика Н. С. Державина.  
Слева направо: С. Б. Бернштейн, болгарский композитор П. Владигеров,  
академик Н. С. Державин, болгарский оперный певец М. Попов.  
Ленинград, 13 января 1948 г.



Кафедра славянской филологии филфака МГУ.  
Выступает чешский профессор Б. Гавранек. Март 1948 г.



Участники совещания руководителей кафедр славянской филологии в сквере.  
В центре — академик Н. С. Державин: Второй слева — С. Б. Бернштейн. Киев, май 1948 г.



С. Б. Бернштейн в диалектологической экспедиции. Болград.  
У гимназии. Июль 1948 г.



С. Б. Бернштейн. Январь 1949 г.





С. Б. Бернштейн с сыном Эммануилом (Мишуткой)  
от первого брака. Февраль 1949 г.



Ольга Николаевна Бернштейн — вторая жена С. Б. Бернштейна



С. Б. Бернштейн с первым выпуском филологов-болгаристов МГУ.  
Сидят (слева направо): Н. Котова, В. Лудакова (за Н. Котовой сзади), В. В. Бородич,  
С. Б. Бернштейн, Т. Бузаева, Э. Полтораднава-Зеленина.  
Стоят: Е. Гельфман-Прыткова, М. Сенкевич-Рожновская, А. Ермолаева-Турунова,  
Т. Швецова-Николаевская, В. Оглоблина-Найденова, Н. Луцкая



Село Суворово (Бессарабия). Участники диалектологической экспедиции.  
Крайняя справа — М. Г. Сенкевич-Рожновская. Август 1951 г.



С. Б. Бернштейн у здания Института славяноведения (Волхонка, 14). Слева направо: Л. Э. Калнынь, переводчица, Е. В. Чешко. Лето 1954 г.



С. Б. Бернштейн. 1950-е годы



Славянский комитет СССР. Москва. Заседание 24 мая 1957 г., посвященное Кириллу и Мефодию. Выступает А. С. Гундоров



IV съезд славистов. На банкете. Москва 1958 г.



В Карловом университете в Праге. В центре, рядом с С. Б. Бернштейном,— ректор университета академик Ф. Травничек. Конец октября 1960 г.



С. Б. Бернштейн со своим другом, болгарским языковедом Стойко Стойковым в цирке. София. Октябрь 1961 г.



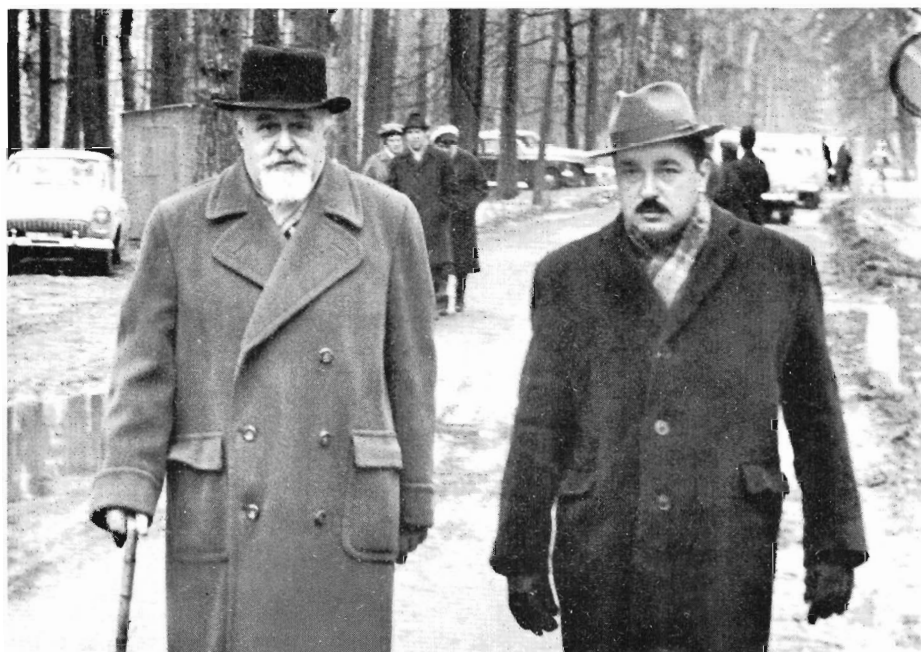
Совещание по карпатскому диалектологическому атласу: С. Б. Бернштейн, Н. И. Толстой, Т. В. Попова, Г. П. Клепикова, В. М. Иллич-Свитыч. Ужгород. Июль 1962 г.



С. Б. Бернштейн с сотрудниками своего сектора славянского языкознания Института славяноведения АН СССР. 1961 г. Трубниковский пер., 30а.  
Сидят (слева направо): М. И. Ермакова, Е. И. Демина, Л. Э. Калнынь, С. Б. Бернштейн, К. И. Ходова, И. К. Бунина. 2-й ряд: Г. П. Клепикова, Р. В. Булатова, Л. С. Малаховская, Е. И. Можаяева, Н. Г. Владимирская. 3-й ряд: А. А. Зализняк, В. М. Иллич-Свитыч, Г. К. Венедиктов, В. А. Дыбо, Л. Н. Смирнов, Г. П. Нешименко, В. Н. Топоров, Р. М. Цейтлин, Е. В. Чешко



С. Б. Бернштейн выступает на кирилло-мефодиевском конгрессе в Софии.  
В Президиуме болгарский патриарх. 1966 г.



С. Б. Бернштейн в Архангельском с сербским профессором П. Ивичем





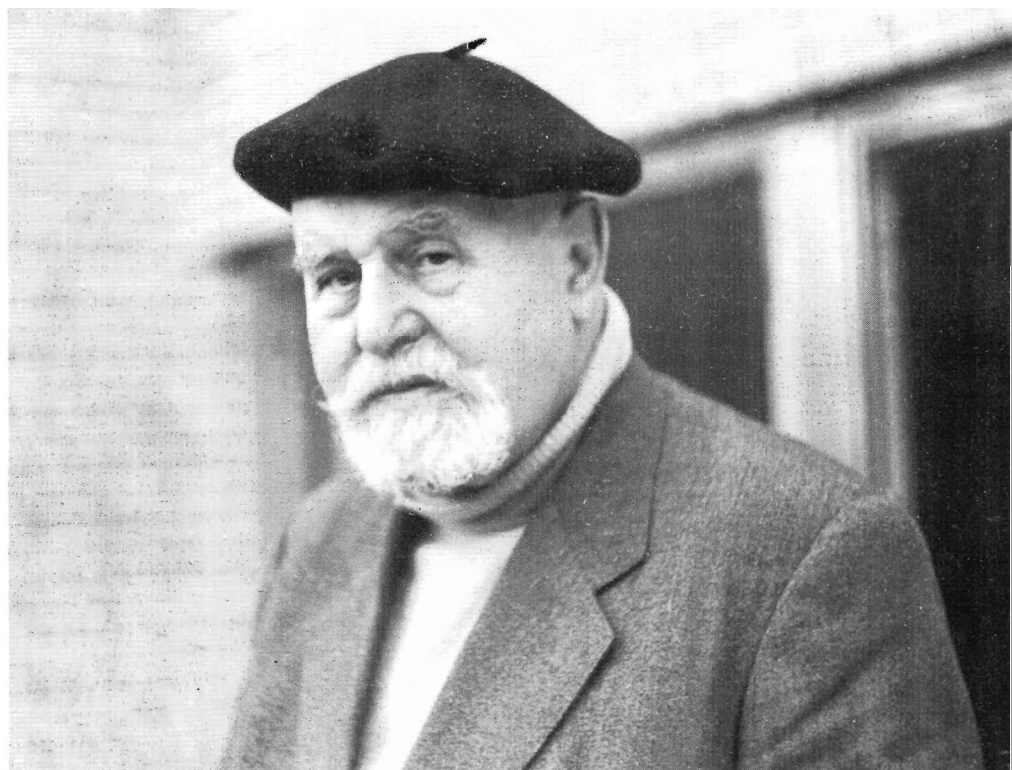
С. Б. Бернштейн. 1970 г.



60-летие С. Б. Бернштейна. Москва. Институт славяноведения и балканистики АН СССР. Выступает директор института Д. Ф. Марков. В президиуме — Р. И. Аванесов и А. Г. Широкова. Январь 1971 г.



С. Б. Бернштейн на конференции, посвященной Р. Нахтигалу, в Любляне.  
3-й слева — Н. И. Толстой. Июль 1977 г.



С. Б. Бернштейн в санатории «Успенское». Июнь 1987 г.

## УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

### А

- Абаев Василий Иванович (1900–2001), лингвист и фольклорист. Д. ф. н. В 1945–1986 – с. н. с. Института языкознания АН СССР. Исследователь иранских языков, в частности осетино-славянских языковых связей. Автор 4-томного «Этимологического словаря осетинского языка». В конце 20-х – 40-е годы сторонник «нового учения о языке» Н. Я. Марра 167, 272, 273
- Аванесов Рубен Иванович (1902–1982), языковед. Член-корреспондент АН СССР (1958). Профессор МИФЛИ (с 1937), МГУ и других вузов. Труды по исторической и описательной русской диалектологии, фонетике, истории русского языка, фонологической теории, русской орфоэпии и орфографии. Близкий друг С. Б. Б.\* 30, 31, 38, 42, 73, 77, 97, 107, 124, 125, 134, 158, 159, 167, 170, 177, 189, 194, 196, 235, 236, 237, 238, 244, 249, 250, 255, 257, 258, 259, 266, 267, 279, 287
- Адрианова-Перетц Варвара Павловна (1888–1972), литературовед, текстолог. Член-корреспондент АН СССР (1943) и АН УССР (1926). С 1934 – с. н. с. ИРЛИ, с 1947 – зав. сектором древнерусской литературы. Труды по истории древнерусской литературы и русской литературы XVII–XVIII вв., украинской литературы 48
- Александра Михайловна, учительница частной школы в Иркутске 119
- Алексеев, на рубеже 1920–1930-х годов студент этнологического факультета 1-го МГУ, якут по национальности 66, 67
- Алексеев Михаил Павлович (1896–1981), литературовед, историк культуры. Академик АН СССР (1958). Член ряда зарубежных академий, научных обществ и университетов. Профессор Иркутского и Ленинградского ун-тов, декан филфака ЛГУ (1945–1953), с 1979 – президент МКС. Исследовал историю русской и зарубежной литературы, литературные связи, проблемы искусствоведения 199, 237, 264
- Алексей Михайлович (Романов) (1629–1676), русский царь с 1645 32
- Али-Бали Юсуф, албанский студент (конец 1940-х годов), юрист 76
- Альтбауэр Моше (1904–1998), еврейский филолог польского происхождения. Д. ф. н. (1932). Профессор Еврейского университета в Иерусалиме с 1954. Работал в Польше, с 1934 – в Израиле. Был служащим в муниципалитете. С 1959 – директор Исторического музея в Иерусалиме. Специалист по еврейско-славянским языковым связям, переводу Библии. Нашел древнейший палеославянский текст. Автор многочисленных книг и статей, опубликованных в США и Европе. Участник ряда международных съездов и конгрессов. Лауреат Государственной премии Израиля в области гуманитарных наук (1990). На Международном съезде славистов в Москве (1958) выступил с докладом «Славянские элементы в возрожденном древнееврейском языке» 240, 241
- Андреев Леонид Николаевич (1871–1919), писатель 112
- Андреев Николай Дмитриевич (род. 1920), специалист по математической лингвистике, компаративист. В 1958 – зав. экспериментальной лабораторией машинного перевода в ЛГУ. Доцент, впоследствии профессор ЛГУ 248

\* С. Б. Б. — Самуил Борисович Бернштейн

- Андрейчин Любомир Димитров (1910–1975), болгарский филолог-славист. Член-корреспондент БАН (1952). С 1947 – профессор Софийского университета. Сотрудник, с 1957 – директор и зав. секцией современного болгарского языка Института болгарского языка БАН. Исследовал проблемы истории и культуры, грамматики и культуры речи современного болгарского литературного языка. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве сделал доклад «Роль церковнославянского языка в формировании современного болгарского литературного языка» 172, 201, 203, 257
- Аникст Александр Абрамович (1910–1988), литературовед. Д. ф. н. В конце 1940-х годов – начальник кафедры всеобщей и национальной литературы Военного института иностранных языков, с 1955 – с. н. с. Института истории искусств. Работы в области истории английской и американской литературы, театра и эстетики, о творчестве У. Шекспира 85
- Аптекарь Валериан Борисович (1899–1937), востоковед, историк. Последователь и популяризатор в Москве «нового учения о языке» Н. Я. Марра. Сотрудник НИИ этнических и национальных культур Востока. Доцент педагогического факультета 2-го МГУ. Зав. редакционно-издательским отделом РАНИОН. С 1928 – фактический руководитель (ученый секретарь) подсекции материалистической лингвистики Коммунистической академии. Репрессирован 96
- Арабаджи, братья-гагаузы, борцы за кодификацию гагаузского литературного языка 84
- Ардов Виктор Ефимович (1900–1976), писатель, сатирик и мемуарист. В его доме останавливалась, будучи в Москве, А. А. Ахматова 278
- Аристофан (ок.445–ок.385 до н. э.), древнегреческий поэт-комедиограф 79
- Аргенева Дросида Ивановна, жена В. К. Кюхельбекера, дочь баргузинского почтмейстера 32
- Арциховский Артемий Владимирович (1902–1978), археолог. Член-корреспондент АН СССР (1960). С 1937 – профессор, с 1939 – зав. кафедрой археологии истфака МГУ. Вел раскопки в Новгороде, где нашел берестяные грамоты. Труды по общим вопросам археологии, русским древностям 150, 177, 196
- Асен II, см. Иван Асень II
- Асмус Валентин Фердинандович (1894–1975), философ. Профессор МГУ с 1939. Труды по истории философии, теории и истории логики, эстетики и литературоведения. Сталинская премия (1943) 32
- Ахвледiani Георгий Сариданович (1887–1973), грузинский языковед-индоиранист. Академик (1941), в 1941–1949 – руководитель Отделения общественных наук АН Грузинской ССР, член-корреспондент АН СССР (1939). С 1918 – один из основателей, зав. кафедрой общего языкознания Тбилисского университета. В 1949–1950 – директор Института языка, в 1954–1960 – зав. отделом в Институте языкознания в Тбилиси. Труды по индоиранистике, общему языкознанию, теории и практике логопедии 151
- Ахматова (наст. фамилия – Горенко) Анна Андреевна (1889–1966), поэт 45

## Б

- Базилевич Леонид Илларионович (1892–1975), языковед и педагог. В 20–30-е годы преподавал в Коммунистической академии, в КУНМЗ, затем – в МГПИ и МГПИИЯ (зам. директора по научной работе). Автор учебных пособий по русскому языку, теории и методике его преподавания 148, 251, 252
- Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788–1824), английский поэт-романтик 20, 188
- Бакалов Георгий (1873–1939), болгарский критик-марксист, общественный деятель. Иностраный член-корреспондент АН СССР (1932). Член БКП с 1920. В 1925–1932

- жил в эмиграции (Франция, СССР). Книги о революционном движении в Болгарии, о русско-болгарских связях; литературно-критические работы 296
- Бакунин Михаил Александрович (1814–1876), революционер, теоретик анархизма, один из идеологов революционного народничества. С 1840 – за границей, участник революции 1848–1849. В 1851 выдан австрийскими властями России, заключен в крепость. С 1857 – в сибирской ссылке. В 1861 бежал за границу. Сотрудничал с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. Организатор тайных революционных обществ «Интернациональное братство» (1864–1868) и «Альянс социалистической демократии» (1868). С 1868 – член I-го Интернационала, выступал против К. Маркса и его сторонников. Главный труд – «Государственность и анархия» (1873) 287
- Балакин Александр Михайлович (1908–1984), литературовед. К. ф. н. В 1949–1978 преподавал на филфаке МГУ (кафедра славянской филологии) историю литературы народов Югославии 147
- Балан Александр Стоянов, см. Теодоров-Балан А. С.
- Бальзак Оноре де (1799–1850), французский писатель-реалист 111
- Бальчиконис Юозас (1885–1969), литовский лингвист. Академик АН Литовской ССР (1946). В 1944–1952 – директор академического Института литовского языка. До 1960 – профессор Вильнюсского университета. Труды по балтийским языкам. Один из составителей 15-томного «Словаря литовского языка» (1941–1962) 167, 168
- Бамбергер Карл (1902–?), американский дирижер австрийского происхождения. Карьеру дирижера начал в Данциге (1924–1927), затем работал в Дармштате (1927–1931) и различных музыкальных организациях США 225
- Барбулеску Илие (1873–1945), румынский филолог. Член-корреспондент Румынской АН (1908). Профессор университета в Яссах. Специалист по романскому языкознанию, славяно-румынским языковым связям 138
- Барбюс Анри (1873–1935), французский писатель-коммунист 86
- Бархударов Степан Григорьевич (1894–1983), языковед. Член-корреспондент АН СССР (1946). Профессор ЛГУ (1932). Автор работ по истории древнерусского языка, лексикологии, лексикографии, орфографии 77, 78, 86, 114, 126, 127, 128, 141, 142, 189
- Баскаков Николай Александрович (1905–1996), языковед, тюрколог. Д. ф. н. (1950). Окончил этнологический факультет МГУ (1929). Работал в Каракалпакской АССР (1929–1932), затем в Москве. С 1939 – с. н. с. Института языкознания АН СССР, профессор (1963). Автор классификации тюркских языков. Исследовал вопросы тюркской филологии, в том числе взаимодействие тюркских и славянских языков. Автор и редактор многих двуязычных словарей тюркских языков 286
- Батьма, дворник в доме бабушки С. Б. Б. в Баргузине 108
- Баум Яков Давыдович (1894–?), секретарь Общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев 19, 20, 21, 22
- Бауэр Ярослав (1924–1969), чешский лингвист-славист. С 1949 преподаватель, с 1966 – профессор сравнительного славянского языкознания философского факультета Брненского университета. Изучал проблемы славянского синтаксиса и грамматического строя славянских языков. На Международном съезде славистов в Москве в 1958 выступил с докладом «Влияние греческого и латинского языков на развитие синтаксического строя славянских языков» 240
- Бах Иоганн Себастьян (1685–1750), немецкий композитор и органист 170
- Бахрушин Сергей Владимирович (1882–1950), историк. Член-корреспондент АН СССР (1939). Ученик В. О. Ключевского. Приват-доцент Московского университета с 1909, профессор МГУ с 1927. Сотрудник Института истории АН СССР. Труды по истории России, русской колонизации Сибири, источниковедению. Сталинская премия 1942 32, 148

- Безбородко Илья Андреевич (1766–1815), князь, генерал, младший брат личного секретаря Екатерины II князя Александра Безбородко. В честь И. А. Безбородко было названо основанное по его инициативе и с привлечением капитала его брата учебное заведение в Нежине (сначала — гимназия, затем лицей, впоследствии Нежинский историко-филологический институт) 137
- Безыменский Александр Ильич (1898–1973), советский поэт 109
- Белецкий Александр Иванович (1884–1961), украинский литературовед. Академик АН УССР (1939), АН СССР (1959). Директор академического Института литературы в Киеве с 1939. Автор трудов по русской, украинской, западноевропейской, античной литературе, по теории литературы. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве выступил с докладом «Украинская литература среди других славянских литератур» 114, 237
- Беликов, персонаж рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре» 184
- Белинков Аркадий Викторович (1921–1970), писатель, литературовед. В годы Великой Отечественной войны — корреспондент ТАСС. В 1944 арестован, 13 лет провел в лагерях. В 1968 эмигрировал 29
- Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848), литературный критик, публицист 23, 196
- Белицкий Давид Самойлович, двоюродный брат С. Б. Б., в 1920-е годы был студентом Иркутского университета 120
- Белич Александр (в России — Александр Иванович) (1876–1960), сербский языковед. Президент Сербской АН (1937), иностранный член-корреспондент Петербургской АН (1910). Воспитанник Новороссийского и Московского университетов (1895–1899). С 1905 — профессор Белградского университета. Труды по диалектологии, истории, грамматике современного сербского языка, сравнительной грамматике славянских языков 40, 56, 70, 71, 72, 93, 104, 105, 106, 218, 227, 236, 240, 241, 262, 282
- Белич Яромир (1914–1977), чешский лингвист, лексиколог. Член-корреспондент ЧСАН (1955). С 1946 преподавал чешский язык в Брненском университете, затем профессор Оломоуцкого (1949) и Пражского (1957) университетов. В 1953–1957 — ректор Высшей педагогической школы в Оломоуце. Член Международного комитета диалектологов, комиссии ОЛЯ и др. Труды по богемистике, по истории межславянских литературных связей, по вопросам языковых контактов и границ, по теоретическим проблемам создания общеславянского лингвистического атласа. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве сделал доклад «Возникновение разговорного чешского языка и его отношение к чешскому литературному языку» 257, 258
- Белодед Иван Константинович (1906–1981), украинский языковед. Академик АН УССР (1957), академик АН СССР (1972). Академик-секретарь Отделения литературы, языка и искусствоведения АН УССР (до 1966), вице-президент АН УССР (1968–1978). В 1946–1952 — ученый секретарь, зам. директора Института языковедения АН УССР, с 1962 — его директор. Профессор, зав. кафедрой языкознания Киевского университета (1952–1957). В 1957–1962 — министр просвещения УССР. Специалист в области славянского языкознания, украинского языка, социолингвистики 217
- Белявский Михаил Тимофеевич (1913–1996), историк. С 1948 — сотрудник кафедры истории СССР МГУ, с 1965 — профессор. Был секретарем партбюро истфака МГУ. Изучал аграрную и культурную историю России XVIII в. Автор работ по истории МГУ 196
- Бём Карл (1894–1981), австрийский дирижер, руководил Дрезденской (1934–1943) и Венской (1943–1956) операми. В 50–60-е годы в СССР продавалось немало записей его концертов 234
- Бендер Остап, персонаж романов И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» 56

- Берг Аксель Иванович (1893–1979), ученый-радиотехник, кибернетик. Академик АН СССР (1946). Инициатор и руководитель исследований по кибернетике 247
- Бергсон Анри (1859–1941), французский философ-идеалист, представитель интуитивизма и философии жизни. Член Французской академии (1914). С 1900 – профессор Коллеж де Франс. Нобелевский лауреат по литературе 1927 17, 22, 110, 218, 294
- Бердубов, псевдоним С. Б. Б. 46
- Берия Лаврентий Павлович (1899–1953), государственный и партийный деятель, член Политбюро ЦК ВКП(б), министр внутренних дел СССР. С 1938 – один из наиболее активных организаторов массовых репрессий в СССР 152
- Бернар Роже (1908–1998), французский лингвист-болгарист. Профессор Школы восточных языков в Париже и Сорбонны. На Международном съезде славистов в Москве в 1958 сделал доклад «Чередование *я/е* на месте *ѣ* в современном болгарском языке» 236, 240, 241
- Бернштейн Борис Самойлович (1887–1938), отец С. Б. Б., член Бунда, затем РСДРП, с 18 лет на каторге, потом ссыльнопоселенец. После революции служащий, начальник окружного статистического бюро на Сахалине, работник артелей общества политкаторжан в Москве. Репрессирован. Расстрелян в 1938 19
- Бернштейн Лазарь, дядя С. Б. Б. по отцовской линии 297
- Бернштейн Ольга Николаевна (1904?–1972), вторая жена С. Б. Б. Дочь генерала, костюмер, художник-любитель, окончила Московскую консерваторию по классу рояля 33, 82, 93, 139, 186, 196, 225
- Бернштейн Софья Моисеевна (1883–1974), мать С. Б. Б., член РСДРП (фракция меньшевиков), участница революционного движения. Помогала Е. Ярославскому организовать побег Л. Д. Троцкого из ссылки в Сибири. После революции работала медсестрой (фельдшерица, акушерка, массажистка) 46
- Бернштейн Эдвард (ок. 1872–?), дядя С. Б. Б. В молодости эмигрировал в Англию, толстовец 296, 297
- Бернштейн Эммануил Самуилович (род. 1935), сын С. Б. Б. от первого брака с Валентиной Павловной Перегуд-Погорельской (1904?–1996?), языковедом-германистом. Работал шофером, ныне пенсионер, живет в Санкт-Петербурге 121, 134, 160, 178
- Бетховен Людвиг ван (1770–1827), немецкий композитор 170, 225, 232, 234
- Бехер Иоганнес Роберт (1891–1958), немецкий поэт, общественный и политический деятель ГДР. В 1935–1945 – в эмиграции в СССР 290, 291
- Бильфельдт Ханс Хольм (1907–1987), немецкий филолог-славист, профессор. Академик АН ГДР. В 1958 – директор Славянского института при университете им. Александра Гумбольдта. Председатель Национального комитета славистов ГДР. В 1958 на съезде славистов в Москве сделал доклад «Связь чешской и немецкой литератур XIII в. и источник древнечешской “Александрии”». Автор монографий «Церковнославянская грамматика. Введение в славянское языкознание» (Галле, 1961); «Славяне в Германии» (Берлин, 1970) и др. 240
- Биязи Николай Николаевич, генерал-лейтенант, начальник Военного института иностранных языков в Москве, составитель ряда иностранных военных словарей и пособий по ведению боя в горах 53, 56, 68, 76
- Благоев Димитр (1856–1924), деятель болгарского и русского революционного движения, основатель и руководитель партии тесняков, затем БКП 185
- Благой Дмитрий Дмитриевич (1893–1984), литературовед. Член-корреспондент АН СССР (1953). Профессор МГУ (1947). Труды по истории русской поэзии XVIII–XIX вв., творчеству А. С. Пушкина. Сталинская премия 1951 85, 175, 236, 238, 242

- Бланар Винцент (род. 1920), словацкий лингвист-славист. Д. ф. н. В 1943–1958 – доцент философского факультета Братиславского университета. С 1961 – в Институте языкознания им. Л. Штура САН. Специалист по ономастике и исторической лексикологии. На Международном съезде славистов в Москве в 1958 выступил с докладом (совместно с А. В. Исаченко) «Проблемы сравнительной лексикологии славянских языков» 206
- Богатырев Петр Григорьевич (1893–1971), фольклорист, этнограф. В 1921–1940 работал в Чехословакии. Преподавал в Братиславском и Мюнстерском университетах. В 30-е годы по заданию Гослитмузея собирал русику в европейских архивах. Профессор МИФЛИ (с 1940), МГУ (с 1942 и в 60-е годы). Преподавал в Воронежском университете (1952–1959). В 1958–1963 — с. н. с. ИМЛИ. Специалист по истории чешского и словацкого народного театра и фольклора 37, 55, 62, 73, 79, 83, 101, 290, 297
- Богдан Дамян П. (1907–?), румынский историк, славист, палеограф. Профессор Бухарестского университета (1951–1970). Исследователь и издатель средневековых румынских документов. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве выступил с докладами «Древнеславянские граффити, обнаруженные в Добрудже. Добруджанская надпись 943 г.» и «Фонетические особенности языка славяно-румынских грамот XIV в.» 209
- Богдан Ион (1869–1919), румынский филолог и историк, славист. Академик Румынской АН (1903). Профессор славянской филологии Бухарестского университета с 1903. Издатель исторических источников 209
- Богуславский Сергей Алексеевич 184
- Бодуэн де Куртене Иван Александрович (1845–1929), русский и польский лингвист. Академик Краковской (1887), член-корреспондент Петербургской (1897) академий наук. С 1874 – доцент и профессор Казанского, с 1883 – профессор Дерптского, с 1893 – Краковского, с 1900 – Петербургского, с 1918 – Варшавского университетов. Основоположник Казанской лингвистической школы. Одним из первых обосновал теорию фонем и фонетических чередований, разграничил диахронию и синхронию, рассматривая их в неразрывной связи. Труды по сравнительному языкознанию, русскому и польскому языкам 258, 265, 266, 281
- Бодянский Осип Максимович (1808–1877), славист. Член-корреспондент Петербургской АН (1854). Профессор кафедры истории и литературы славянских наречий Московского университета (1842–1868). Труды по истории славянской письменности, публицистика. Издатель древнерусских и древнеславянских литературных и исторических памятников. Редактор «Чтений в Обществе истории и древностей российских» (1845–1848 и с 1857) 142
- Бокарев Анатолий Алексеевич (1910–1941), лингвист. Специалист по северокавказским языкам (нахско-дагестанской группы), автор монографий «Очерк грамматики чамалинского языка» и «Синтаксис аварского языка», изданных в 1949. Друг С. Б. Б. по аспирантуре 68, 69, 222
- Бокщанин Анатолий Георгиевич (1903–1979), историк античности. Д. и. н. (1964). Окончил МГУ (1923). Преподавал в Коммунистическом университете общественных наук, МИФЛИ, с 1938 – на истфаке МГУ, где стал профессором кафедры истории древнего мира. Исследовал проблемы стабильности Римской империи в I в. н. э. и отношения Рима с Парфией 291
- Болокан Георге, румынский лингвист, славист, составитель русско-румынского словаря 280
- Бондаренко, секретарь парторганизации НИЯЗа 95, 96
- Бориневич Антон Самойлович (1855–1946), украинский статистик-демограф. С 1883 работал в земских статистических бюро, после 1917 — в статистических органах Одессы. Автор трудов по истории России XVIII–XIX вв. 98



- Борис III (Кубург) (1894–1943), царь Болгарии с 1918 206, 296
- Борковский Виктор Иванович (1900–1982), языковед. Академик АН СССР (1972). В 30–50-е годы – зав. кафедрами ряда учебных заведений. В 1950–1954 – зам. директора, до 1960 – директор Института языкознания АН СССР, затем – зав. сектором сравнительного изучения восточнославянских языков ИРЯ АН СССР. Был зам. председателя СКС. Исследователь истории синтаксиса восточнославянских языков (в том числе древнерусского), русских диалектов. Занимался лингвистическим анализом новгородских берестяных грамот 159, 176, 177, 189, 199, 236, 237, 248, 265
- Борн Макс (1882–1970), немецкий физик-теоретик, в 1933–1953 жил и работал в Англии, с 1934 – почетный член АН СССР 295
- Боровков Александр Константинович (1904–1962), языковед, тюрколог. Член-корреспондент АН Узбекской ССР (1953) и АН СССР (1958). Преподавал в ленинградском Восточном институте (1928–1938), Среднеазиатском университете (1939–1945). Занимался проблемами грамматики, истории, диалектологии и лексикографии тюркских языков 237
- Бородич Вера Владимировна (1905–1978), лингвист-болгарист и славист. Д. ф. н. В 1944–1956 – доцент, до 1968 – профессор кафедры славянского языкознания филфака МГУ. Специалист по современному болгарскому и древнеболгарскому языку. Исследовала систему времен и видовых отношений славянского глагола, делала научные переводы грамматик болгарского и старославянского языков 53, 126, 128, 155, 160, 162, 176, 178, 190, 212, 265
- Ботев Христо (1848–1876), болгарский революционер, поэт, публицист, организатор Апрельского восстания 1876 г. Автор поэмы «Гайдуки» 70, 102, 123, 134
- Бочачер Марк Наумович (1896–1939), выпускник Института красной профессуры, директор НИЯЗа. Репрессирован и расстрелян 95, 96, 300
- Брандт Роман Федорович (1853–1920), языковед, историк литературы, поэт, переводчик, общественный деятель. Член-корреспондент Петербургской АН (1904). Профессор Нежинского историко-филологического института с 1877, Московского университета (1886), где был деканом историко-филологического факультета (1889–1902). Исследовал проблемы славянской акцентологии, сравнительной грамматики славянских языков, старославянского и праславянского языков. Последователь культурно-исторической школы 139, 249
- Брем Альфред Эдмунд (1829–1884), немецкий зоолог и путешественник. Директор Гамбургского зоопарка с 1863 и Берлинского аквариума с 1867. Автор шеститомного труда «Жизнь животных» (1863–1869) и книг о своих путешествиях 224
- Бровман Григорий Абрамович (1907–?), литературный критик. Зав. кафедрой в Литературном институте им. М. Горького. В 1949 обвинялся в космополитизме. Исследовал творчество В. В. Вересаева, автор многих статей о советской литературе 30–60-х годов, очерков военных лет о людях фронта и тыла 72
- Бродский Николай Леонтьевич (1881–1951), литературовед. С 1918 преподавал историю русской литературы в МГУ и других вузах. Труды о творчестве В. Белинского, Н. Чернышевского, А. Герцена, А. Пушкина, И. Тургенева, М. Лермонтова, о западниках и славянофилах 47, 85
- Брок Олаф (1867–1961), норвежский лингвист. Иностраннный член АН СССР, исключенный из нее в 1949 в связи с кампанией против космополитизма. Восстановлен в ней в 1981 (посмертно). Профессор университета в Осло (с 1900). Исследовал славянские языки и литературы 71
- Бронштейн, студент МГУ на рубеже 1920–1930-х годов 63

- Бругман Фридрих Карл (1849–1919), немецкий языковед, компаративист. Иностраный член-корреспондент Петербургской АН (1893). С 1882 – профессор Лейпцигского, с 1884 – Фрайбургского, с 1887 – вновь Лейпцигского университетов. Один из основоположников младограмматизма. Труды по сравнительной грамматике индоевропейских языков 105
- Брюкнер Александр (1856–1939), польский языковед и литературовед. Член-корреспондент Петербургской АН (1889). Профессор Львовского, Берлинского университетов. Открыл и издал ряд памятников древнепольской письменности 139
- Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924), поэт 27, 40
- Бубнов Андрей Сергеевич (1884–1938), государственный и партийный деятель, историк, публицист. Член РСДРП с 1903. В 1922–1923 – зав. Агитпропом ЦК РКП(б), в 1924–1929 – начальник Политуправления РККА. В 1929–1937 – нарком просвещения РСФСР. Член Политбюро в октябре 1917, член Оргбюро ЦК в 1924–1934. В 1925 – секретарь ЦК РКП(б). Репрессирован в 1937 и расстрелян 297, 298
- Бубрих Дмитрий Владимирович (1890–1949), лингвист, финно-угровед. Член-корреспондент АН СССР (1946). В 1920–1937 – профессор ЛГПИ, с 1922 – Петроградского, Ленинградского университета, где в 1925–1949 возглавлял кафедру финно-угроведения. В 1940 – директор Института языка и литературы в Петрозаводске, зав. кафедрой финно-угроведения в Петрозаводском университете. Труды по славянской акцентологии, финно-угорским языкам, этногенезу и истории финских народов 84, 142
- Буга Казимир (1879–1924), литовский лингвист-литуанист, специалист по балтийской мифологии. С 1916 – приват-доцент Петербургского, затем Пермского и Томского университетов (1918–1920). С 1922 – профессор Каунасского университета. Труды в области литовской топонимики, ономастики, акцентологии, лексикологии и славяно-балтийских языковых связей. Автор книги «Язык и древность» (1922). Составитель картотеки академического словаря литовского языка (около 500 тыс. карточек) 39
- Будагов Рубен Александрович (род. 1910), лингвист-романист. Член-корреспондент АН СССР (1970). Работал в Ленинграде, затем в Москве. Профессор и зав. сектором романских языков в Институте языкознания АН СССР. Исследовал проблемы общего романского языкознания 163, 166, 179, 197, 257, 280
- Будилович Антон Семенович (1846–1908), историк, филолог, публицист. Член-корреспондент Петербургской АН (1882). Профессор Нежинского историко-филологического института кн. Безбородко (1875–1881), Варшавского (1881–1892), Юрьевского (1892–1901) университетов. Панславист. Труды по истории церковнославянского языка, проблемам славянского языкознания и славянских древностей, этнографии, истории Чехии, Моравии, Сербии 139
- Булаховская Татьяна Даниловна, жена Л. А. Булаховского 39
- Булаховский Леонид Арсеньевич (1888–1961), языковед. Академик АН УССР (1936), член-корреспондент АН СССР (1946). Профессор Пермского (1917), Харьковского (1921), Московского (1943) университетов. Зав. кафедрой славянской филологии Киевского университета с 1946. Директор Института языковедения им. А. Потебни АН УССР (1944–1961). Председатель Украинского комитета славистов. Труды по проблемам русского и украинского языкознания, славистике, славянской акцентологии. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве выступил с докладом «Болгарский язык как источник для реконструкции древнейшей славянской акцентологической системы» 38, 39, 62, 77, 79, 84, 85, 89, 114, 139, 150, 159, 219, 240, 278
- Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944), философ, богослов, экономист. В 1880-х годах – «легальный марксист», затем религиозный философ. С 1923 – в эмиграции, с 1925 – профессор русского Богословского института в Париже. Один из главных представителей «русского духовного ренессанса» начала XX в. 188

- Булыгина-Шейнкерман Антонина Михайловна (1912–1964), лингвист-богемист. К. ф. н. Сотрудница Института славяноведения АН СССР в 1951–1963. Изучала историю чешского языка 160, 237
- Бульчев Егор, персонаж пьесы М. Горького 184
- Бунак Виктор Валерьянович (1891–1979), антрополог. Доктор биологических наук. Профессор МГУ. Труды по проблемам антропогенеза, расоведению, морфологии человека 32, 196
- Бунина Ирина Константиновна (род. 1918), лингвист-славист. К. ф. н. Сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР в 1951–1973. Исследователь славянского глагола, филологических и лексикографических проблем болгарской письменности, болгарской диалектологии 135, 138, 142, 160, 161, 162, 168, 175, 265
- Бурмов Александр Колев (1911–1965), болгарский историк-марксист. Член-корреспондент БАН (1958). Член БКП с 1944. Преподавал в университете в Скопле (1943–1944). Профессор, зав. кафедрой болгарской и византийской истории Софийского университета (1947–1965). С 1950 – сотрудник, зав. сектором (1954–1965) Института болгарской истории БАН. Профессор болгарской истории и ректор Высшего педагогического института в Тырново (1962–1965). Один из основателей журнала «Исторически преглед» (1945). Исследовал средневековую историю Болгарии, проблемы болгарского национального возрождения 282
- Буслаев Федор Иванович (1818–1897), филолог и искусствовед. Академик Петербургской АН (1860). С 1847 преподавал в Московском университете, с 1850 – его профессор. Исследовал проблемы славянского и русского языкознания, древнерусской литературы и искусства 196
- Бычков Иван Афанасьевич (1858–1944), историк, палеограф, археограф, библиограф. Член-корреспондент Петербургской АН (1903), АН СССР (1925). С 1881 – хранитель Отдела рукописей Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге (Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Опубликовал описание бумаг Петра I, материалы по истории России XIX в. 298

## В

- Вавилов Сергей Иванович (1891–1951), физик, основатель советской научной школы физической оптики. Академик (1932), президент (с 1945) АН СССР. Труды по физической оптике, по философии естествознания и истории науки. Главный редактор БСЭ (с 1949) 72, 107, 142, 143, 158, 251, 252
- Вагнер Рихард (1813–1883), немецкий композитор и дирижер, реформатор оперы. Автор многочисленных опер на национально-исторические и мифологические темы, а также философских работ 232, 234
- Вазов Иван (1850–1921), болгарский поэт и писатель. В 1897–1899 – министр просвещения. Автор революционно-патриотических стихов, социально-обличительной прозы 102, 135, 139, 148, 154, 180, 203, 215
- Вайнингер Отто (1880–1903), австрийский философ и психолог. Автор книги «Пол и характер» 24, 188
- Вайс Йозеф (1865–1959), чешский филолог, палеограф-славист. С 1918 – профессор Карлова университета в Праге. Исследовал и публиковал памятники старославянской письменности, изучал проблемы глаголицы 196, 197
- Вайян Андре (1890–1977), французский лингвист, славист широкого профиля. Ученик А. Мейе. С 1952 – профессор Коллеж де Франс и директор Высшей школы славянских исследований в Париже. Долгое время руководил журналом «Revue des études

- slaves». Изучал главным образом старославянский и южнославянские языки (проблемы исторической грамматики, лексикологии, этимологии). Автор «Сравнительной грамматики славянских языков» (1950–1977. Т. 1–5). В 1958 на Международном съезде славистов в Москве сделал доклад «Этимологические проблемы» 105, 195, 223, 224, 236, 239, 241
- Валев Любомир Борисович (1915–1981), историк-болгарист. Д. и. н. Сын болгарских по литэмигрантов. Во время войны был сотрудником Коминтерна, радиостанции «Христо Ботев» (в Москве). С 1948 – сотрудник, с 1955 – зав. сектором в Институте славяноведения и балканистики АН СССР. Труды по новейшей истории Болгарии, истории советско-болгарских отношений периода второй мировой войны 134, 140, 235
- Вальдапфель Йозеф (1904–?), венгерский литературовед. Академик Венгерской АН (1958). Профессор университета им. Л. Этвеша в Будапеште с 1948. Труды по проблемам истории литературы венгерского Просвещения и романтизма, по истории советской литературы 240
- Вапцаров Никола Йонков (1909–1942), болгарский поэт. С 1934 член БКП. Осужден и расстрелян как член Центральной военной комиссии при ЦК Болгарской рабочей партии. В 1953 в Банско, в доме, где родился Н. Вапцаров, был открыт музей 205
- Вапцарова Елена (1882–1969), мать Н. Й. Вапцарова. Сельская учительница, впоследствии преподавала в г. Банско 205
- Варнеке Борис Васильевич (1874–1944), филолог и историк театра. Профессор классической филологии Казанского, Новороссийского (Одесского) университетов. Труды по истории античного и русского театра, о творчестве М. С. Щепкина, А. Н. Островского и др. 282
- Вартапетов, студент МГУ рубежа 1920–1930-х годов 67
- Варя, см. Кочева Варвара
- Василенко Иван Афанасьевич (1899–1970), лингвист. Преподавал в разных педагогических институтах, в том числе МОПИ, с 1944 зав. кафедрой общего языкознания МГПИ. Исследовал древнерусский и современный русский языки, проблемы синтаксиса. Автор учебных пособий по русскому литературному языку, исторической грамматике русского языка 227
- Введенский Александр Иванович (1888–1946), идеолог и глава русской обновленческой церкви. Один из инициаторов раскола православной церкви. Образовал Союз общин древне-апостольской церкви. Ректор обновленческой Московской духовной академии 18
- Величков Константин (Константин Петков) (1855–1907), болгарский писатель и политический деятель, уроженец Пазарджика 203
- Велчев Велчо Петров (1907–1991), болгарский литературовед. С 1943 преподавал в университете в Скопле, с 1945 руководил кафедрой истории русской и советской литературы в Софийском университете. Труды по истории русской классической литературы, русско-болгарским культурным связям и болгарской литературе. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве выступил с докладом «Влияние русской классической литературы на формирование и развитие болгарской литературы» 101, 102, 127, 200, 201, 216
- Велчева-Бояджиева Боряна (род. 1932), болгарский языковед, палеославист. К. ф. н. и д. и. н. С 1956 – сотрудник Института болгарского языка БАН, затем Института балканистики БАН, Кирилло-Мефодиевского научного центра. Изучает проблемы древнеболгарского языка и болгарской диалектологии 237
- Венедиков Григорий Куприянович (род. 1929), лингвист-болгарист. Д. ф. н. (1992). С 1956 работает в Институте славяноведения РАН, в. н. с. Труды по истории и грамматике современного болгарского литературного языка, болгарской диалектологии, истории славяноведения в России 279, 281

- Верди Джузеппе (1813–1901), итальянский композитор. Мастер оперного жанра 98
- Вересаев (наст. фамилия – Смидович) Викентий Викентьевич (1867–1945), писатель 18, 288
- Видоеский Божидар (Блаже) (1920–1998), македонский лингвист. Академик Македонской академии наук и искусств в Скопле (1967). Член Международной комиссии ОЛА при МКС и др. Исследовал македонский язык и его диалекты 257
- Викторов Яков Зиновьевич, международный обозреватель «Правды», рецензент справочника «Балканские страны» (М., 1946) 93, 94
- Виноградов Виктор Владимирович (1894/95–1969), лингвист, литературовед. Академик (1946), член Президиума с 1950, академик-секретарь ОЛЯ АН СССР (1950–1963). Избран членом ряда европейских АН. Профессор Петроградского, Ленинградского университета (1920–1929). Профессор МГУ (1930), декан филфака (1945), зав. кафедрой русского языка (1945–1969). Директор Института языкознания (1950–1954) и ИРЯ АН СССР (1958–1968). Председатель МКС (1956–1958), СКС (1958–1969). Труды по общей теории языкознания, исторической фонетике и грамматике русского языка, по проблемам происхождения русского литературного языка. Был репрессирован. Отбывал ссылку в Вятке (1934–1937), Тобольске (1941–1943) 31, 76, 77, 87, 89, 93, 94, 105, 106, 107, 114, 121, 122, 135, 149, 150, 151, 152, 153, 158, 159, 161, 162, 163, 166, 167, 170, 171, 172, 177, 178, 182, 186, 189, 190, 193, 197, 199, 214, 215, 216, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 245, 247, 250, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 262, 263, 265, 270, 273, 274, 275
- Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925), историк-медиевист. Академик Петербургской АН (1914). Профессор Московского (1884) и Оксфордского (1903) университетов, в 1908–1911 совмещал работу в этих университетах. После 1917 жил в Англии, принял английское гражданство. Труды по аграрной истории средневековой Англии (проблемы вотчины), историографии 87
- Винокур Григорий Осипович (1896–1947), языковед. Профессор МГПИП (1933), МИФЛИ (1936), МГУ (1943). Труды по истории русского литературного языка, проблемам культуры современной русской речи, языку современной художественной литературы 37, 38, 40, 62, 70, 71, 77, 80, 81, 82, 90, 93, 99, 103, 104, 112, 143, 155, 226, 234, 249, 260, 272, 282, 292, 300
- Виппер Роберт Юрьевич (1859–1954), историк. Академик АН СССР (1943). Профессор Новороссийского университета (1894–1897), приват-доцент, а в 1899–1922 – профессор МГУ. С 1927 был профессором Латвийского университета (Рига). С 1941 – профессор МИФЛИ и МГУ, с 1943 одновременно – с. н. с. Института истории АН СССР. Труды по истории от античности до современности. Автор учебников по истории для средней и высшей школы 49
- Витте Сергей Юльевич (1849–1915), государственный деятель, граф. Почетный член Петербургской АН (1893). Министр путей сообщения, финансов с 1892, председатель Комитета министров с 1903. Разработал основные положения столыпинской аграрной реформы. Автор «Воспоминаний» (Впервые изданы в 1922 г.) 265
- Влахов Димитр (1878–1953), македонский историк, политэмигрант, общественно-политический деятель Югославии. В годы войны – член ВСК, сотрудник сектора славяноведения Института истории АН СССР. Работал над темой «Балканские государства между двумя войнами». В 1944 вернулся в Югославию 39, 40, 54, 56, 73, 147
- Вовченко Григорий Данилович, химик, профессор, проректор МГУ 240
- Вознесенский Александр Алексеевич (1898–1950), экономист, деятель науки и культуры. С 1923 преподавал и заведовал кафедрами политэкономии в вузах Ленинграда. С 1939 профессор и декан экономического факультета ЛГУ, ректор ЛГУ (1941–1948) и Саратовского университета (1942–1944). Вице-председатель Общеславянского комитета с 1946. С 1949 – министр просвещения РСФСР. Автор работ по теории и методо-

- логии политэкономии и методике ее преподавания. Репрессирован по «Ленинградскому делу» и расстрелян 79, 94, 103, 114, 124
- Войнич Этель Лилиан (1864–1960), английская писательница, автор романа «Овод» 45
- Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962), историк, философ. Член РКП(б) с 1920. Академик АН СССР (1930). В 1930–1935 – неперменный секретарь академии, ее вице-президент в 1942–1953. С 1919 – профессор МГУ, в 1921–1925 его ректор. Автор трудов по истории домарксистской социалистической мысли 25, 26, 31, 32, 41, 42, 43, 49, 58, 78, 81, 87, 100, 105, 122, 137, 142, 183, 184, 270
- Вольпе Генрих, польский политэмигрант, литературовед. После войны был временным поверенным в делах Польской республики в СССР. Читал курс истории польской литературы на кафедре славянской филологии филфака МГУ в 1946–1947 55, 83
- Вольтер (наст. фамилия и имя – Аруз Мари Франсуа) (1694–1778), французский писатель 86, 224
- Второв Николай Александрович (1866–1918), финансовый деятель, предприниматель. Владелец т-ва «А. Ф. Второв с сыновьями», крупной торговой фирмы в Сибири, ряда промышленных предприятий, универсального магазина в Иркутске 121
- Вукович Йован (1905–1979), югославский лингвист. Член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины. Профессор, зав. кафедрой южнославянских языков философского факультета Сараевского университета. Участник проекта ОЛА. Труды в области диалектологии и истории сербского языка 257
- Вульфийс (по мужу – Пулькина) Ильза Максимилиановна (1896–после 1994), лингвист, русист. Преподавала в МИФЛИ, МГУ. Автор учебников и пособий по грамматике русского языка для иностранцев 76
- Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954), юрист и дипломат, партийный и государственный деятель. Академик АН СССР (1939). Член РКП(б) с 1920. Ректор 1-го МГУ (1925–1928). Был прокурором РСФСР и СССР. Государственный обвинитель на сфальсифицированных политических процессах 1930-х годов. В дальнейшем на дипломатической работе: министр иностранных дел в 1949–1953, советский представитель в ООН (1953–1954) 25, 26, 31, 143
- Вяземский Петр Андреевич (1792–1878), поэт, литературный критик 287

## Г

- Гавранек Богуслав (1893–1978), чешский лингвист-славист широкого профиля. Академик ЧСАН (1952), член нескольких европейских академий. Председатель ЧСКС. Член редколлегии ряда ведущих лингвистических журналов. Профессор Брненского (1929–1939), Карлова (в Праге) (с 1945) университетов. В 1952–1964 – директор Института чешского языка ЧСАН. Специалист по сравнительной грамматике славянских языков. Разрабатывал функционально-структурную теорию, автор работ по истории чешского и словацкого литературных языков, грамматике чешского языка. Член Пражского лингвистического кружка. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве выступил с докладами «Специфические задачи сравнительно-исторического изучения славянских литературных языков» и «Основные методы изучения и проблемы праславянского синтаксиса» 112, 122, 123, 141, 145, 198, 214, 240, 252, 253, 257, 258, 279, 280, 281
- Гадолина Маргарита Анатольевна (1926–1962), лингвист-славист. К. ф. н. (с 1952). Сотрудник Института славяноведения АН СССР в 1952–1962. Специалист по истории и диалектологии русского языка, исторической морфологии славянских языков 280

- Гайдн Франц Йозеф (1732–1809), австрийский композитор 170
- Гала Богуслав (1894–1970), чешский лингвист. Профессор Карлова университета в Праге (1920–1964). Автор работ по фонетике, стилистике, орфоэпии чешского языка и др. 248, 253
- Галкин Илья Саввич (1898–1990), историк. Д. и. н. С 1935 преподавал в МИФЛИ, в 1937–1941 его проректор. Ректор МГУ (1943–1947). Зав. кафедрой новой и новейшей истории истфака МГУ с 1950. Исследовал политику европейских держав на Балканах, международное рабочее и социалистическое движение, проблемы историографии 62, 88, 94, 245, 248, 253, 292
- Галкина-Федорук Евдокия Михайловна (1898–1965), языковед-русист. Д. ф. н. (1949). Преподавала в МИФЛИ, МГУ, заведовала кафедрами в ряде вузов. Разрабатывала проблемы русского языкознания, вопросы современного русского литературного языка и др. 61, 178, 189, 255, 257
- Гаузенблас Карел (род. 1923), чешский лингвист. Сотрудник Института чешского языка ЧСАН (1946–1961), с 1968 – профессор Карлова университета в Праге. Исследователь проблем праславянского синтаксиса 252
- Гебауэр Ян (1838–1907), чешский филолог-младограмматик. Член Королевского чешского научного общества (1883), Чешской академии наук и искусств (1890), Академии наук в Кракове. Преподавал в гимназиях в Праге и в Пардубицах. Профессор Пражского университета с 1881. Изучал проблемы общего и сравнительного языкознания, сравнительной мифологии, славистики и устного народного творчества 112, 147
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831), немецкий философ 294
- Гейне Генрих (1797–1856), немецкий поэт и публицист 48
- Гельвеций Клод Адриан (1715–1771), французский философ-материалист 41
- Генчева Невена, болгарская политэмигрантка, сестра И. Г. Кара-Иванова, одно время работала в Преславе (Украина), в 1936 репрессирована 186
- Георгиев Владимир Иванов (1908–1986), болгарский языковед, индоевропеист. Академик БАН (1952), ее вице-президент (1959–1972), иностранный член ряда европейских АН. С 1945 – профессор, в 1948–1974 – зав. кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания Софийского университета, в 1951–1956 – его ректор, в 1951–1957 одновременно – директор Института болгарского языка БАН. Специалист по общему, сравнительно-историческому, славянскому, балканскому и болгарскому языкознанию. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве выступил с докладом «Славянский, балтийский, германский» 176, 182, 187, 189, 197, 199, 201, 202, 203, 214, 219, 227, 240, 241, 244, 245, 255, 259, 281
- Георгиев Г. Ст., болгарский лингвист. Автор рецензии «В защита на българския език» в журнале «Септември» (1960. № 12) на академический Словарь современного болгарского литературного языка 207, 269
- Георгиева Катя (род. 1928), болгарская оперная певица (лирико-драматическое сопрано), с 1950 – солистка Софийской народной оперы 207
- Гераковы, персонажи одноименной повести Елина Пелина 203
- Гермаидзе, экономист. Преподавал в МГУ 32
- Геров Найден (1823–1900), болгарский общественно-политический деятель, дипломат, филолог, поэт. Составитель шеститомного «Словаря болгарского языка» (1895–1908) 52
- Гертнер Генрих (1892–1935), языковед-полонист. Профессор Львовского университета с 1926 176

- Герцен Александр Иванович (1812–1870), писатель, философ, революционер 23, 55, 62, 63, 81, 138, 139, 196, 264, 290
- Гершензон Михаил Осипович (1869–1925), историк литературы и общественной мысли, философ, публицист, переводчик. Был близок к русскому религиозному ренессансу. Участник сборника «Вехи». Труды о П. Я. Чаадаеве, «грибоедовской» Москве, А. С. Пушкине, И. С. Тургеневе, западниках и славянофилах 48
- Гиляровский Владимир Алексеевич (1853–1935), писатель 289
- Гитлер (наст. фамилия – Шикльгрубер) Адольф (1889–1945), вождь немецких нацистов, глава германского фашистского государства 66
- Гливенко Иван Иванович (1868–1931), литературовед. Профессор Харьковского и Московского университетов. Специалист по истории западноевропейской литературы, представитель психологической школы в литературоведении 32, 55
- Глинка Михаил Иванович (1804–1857), композитор 170
- Глумов Александр Николаевич (1901–1972), актер, музыковед, чтец, писатель. Автор и режиссер ряда музыкально-литературных постановок. Автор книги «Музыка в русском драматическом театре» (М., 1955) 82
- Гнеденко Борис Владимирович (род. 1911), украинский математик. Академик АН УССР (1948). Работал в Московском (1937–1945), Львовском (с 1945), Киевском (с 1955) университетах. В 1955–1958 – директор Института математики АН УССР. С 1960 – профессор МГУ. Труды по теории вероятностей, математической статистике, истории и методологии математики 47
- Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), писатель 20, 111, 188, 264, 290
- Голанов Иван Григорьевич (1890–1967), лингвист-русист. С 1917 преподавал в Московском университете, с 1924 – профессор; зав. кафедрой русского языка в МГПИ. Труды по проблемам описательной русской диалектологии, современного русского языка, учебники 32
- Голицын, студент МГУ на рубеже 1920–1930-х годов 64, 65
- Головацкий Яков Федорович (1814–1888), историк, этнограф, филолог, поэт и общественный деятель Галиции. Униатский священник. Профессор Львовского университета (1848–1867). В 1868 переселился в Россию, принял православие и русское подданство. Был председателем Виленской археографической комиссии (с 1868) 176
- Головлев, персонажи романа М. Е. Салтыкова-Щедрина 264
- Голомб, семья двоюродной сестры отца С. Б. Б. Рахель Ароновны. Глава семьи Э. Голомб – работник Центрального агентства по распространению печати при ВЦИК («Центропечать»), коммерческий директор журнала «Огонек». Был автором воспоминаний «Ленинский план распространения печати» (Советская печать. 1960. № 4. С. 36–37). Муж Р. А. Голомб 18
- Гончаров Иван Александрович (1812–1891), писатель 23, 111
- Горак Иржи (1884–1975), чешский филолог-славист, этнограф, дипломат. Академик ЧСАН (1956) и ряда зарубежных академий. Член ЧКС. Профессор Брненского (1922–1926), Карлова (в Праге) (1927–1953) университетов. С 1919 – секретарь Государственного института народной песни, с 1939 – его председатель. В 1945–1948 – посол ЧСР в СССР. В 1956–1963 – директор Института этнографии и фольклористики ЧСАН. Труды по проблемам чешской и славянской этнографии и фольклористики, истории литературы, истории славистики 72
- Горалек Карел (1908–1992), чешский лингвист, литературовед, фольклорист-славист. Член-корреспондент ЧСАН (1956). В 1935–1939 преподавал в Брненском университете. С 1947 – профессор Карлова университета в Праге. В 1972–1978 – директор Ин-



- ститута чешского языка ЧСАН. Изучал проблемы славянского языкознания, старославянского и церковнославянского языков. Был близок к пражским структуралистам. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве выступил с докладом «Принципы и задачи научного изучения славянских языков» 162, 175, 198
- Гордлевский Владимир Александрович (1876–1956), востоковед-тюрколог. Академик АН СССР (1946). Преподавал в Лазаревском институте восточных языков, преобразованном в Московский институт востоковедения (1907–1948), МГУ (1921–1929), Институте внешней торговли (1945–1950). Работал в Институте востоковедения АН СССР (1938–1956). Труды по турецкому языку, литературе, фольклору, средневековой истории Турции, по истории государства Сельджукидов 32, 55
- Горенко Виктор Андреевич (1896–1976), морской офицер, брат А. А. Ахматовой. После революции жил на Дальнем Востоке. Эмигрировал, жил в Китае, Канаде, США. Работал на бирже труда на Уолл-Стрит в Нью-Йорке 45
- Горин Павел Осипович (1900–1939), белорусский историк, сподвижник М. Н. Покровского. Президент АН БССР (1931–1936). Член руководства Общества историков-марксистов. Труды по истории революционного движения в России (1905, 1917). Автор воспоминаний «М. Н. Покровский – большевик-историк» (Минск, 1933). Репрессирован и погиб в конце 1930-х годов 49
- Горов Иван Петров 296
- Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967), поэт, один из организаторов акмеистского «Цеха поэтов», литературовед, переводчик 102, 242, 298
- Городцов Василий Алексеевич (1860–1945), археолог. Профессор МГУ (с 1918) и других вузов. Изучал памятники палеолита, неолита, культуры бронзового века, славянские древности, проблемы этнографии, исторической географии, методики полевых исследований 32
- Горький Максим (наст. имя и фамилия – Алексей Максимович Пешков) (1868–1936), писатель 40, 101, 112, 251, 264, 288
- Готье Теофиль (1811–1871), французский писатель и критик 269
- Готье Юрий Владимирович (1873–1943), историк, археолог. Академик АН СССР (1939). Преподавал в Московском университете с 1903, профессор МГУ (1939), профессор МИФЛИ (1934) и ряда других вузов. Труды по археологии Европы, истории России, южных славян 128, 129
- Гофман-Померанцева Эрна Васильевна 291
- Граков Борис Николаевич (1899–1970), археолог, историк античности. Преподавал в МИФЛИ с 1934, профессор МГУ с 1939. Исследовал греческие керамические клейма, изучал проблемы этнографии Скифии, общественного строя и производства у скифов и сарматов 65, 146, 150
- Граммон Морис (1866–1946), французский лингвист. Профессор литературного факультета университета в Монпелье. Исследовал вопросы сравнительной грамматики, фонетики и метрики. Обосновал принципы общей фонетики 248
- Гранат Александр (1861–1933) и Игнатий (1863–1941) Наумовичи, издатели энциклопедических словарей 147, 213
- Грацианский Николай Павлович (1886–1945), историк-медиевист, славист. С 1924 работал в МГПИ, зав. кафедрой истории средних веков с 1934. Профессор МГУ (1934), зав. кафедрой истории средних веков (1942–1943). Исследовал аграрную историю европейского средневековья, анализировал варварские правды и др. 28
- Гребнер Фриц (1877–1934), немецкий этнограф. Профессор Боннского и Кельнского университетов. Основатель культурно-исторической школы в этнографии 66

- Греков Борис Дмитриевич (1882–1953), историк. Академик АН СССР (1935). Директор Института истории (1937–1953), Института славяноведения (1947–1951) АН СССР. Труды по истории Киевской Руси, России, южных и западных славян, русского крестьянства 90, 99, 101, 104, 105, 113, 114, 122, 123, 124, 127, 128, 134, 139, 142, 146, 159, 169, 175, 195, 255
- Гриб Владимир Романович (1908–1940), литературовед и эстетик. В 1936–1940 преподавал историю западноевропейской литературы в МИФЛИ. Труды по истории литературы эпохи Просвещения, о творчестве О. Бальзака 85
- Григорович Виктор Иванович (1815–1876), славист. Профессор Казанского (1839–1848, 1849–1864), Московского (1848–1849) и Новороссийского (1865–1876) университетов. Один из зачинателей университетской славистики в России. Собирал и изучал памятники славянской письменности. Труды по истории Болгарии, Сербии, археологии и этнографии Юга России 111, 293, 294
- Григорьева Радмила Ивановна (1902–?), политэмигрантка, преподаватель сербского языка на кафедре славянской филологии филфака МГУ (1944–1948). В 1948 арестована в связи с начавшейся антиюгославской кампанией. Умерла в Югославии 25, 30, 41, 105
- Гринкова Надежда Павловна (1895–1961), лингвист. С 1924 заведовала кафедрой русского языка ЛГПИ и одновременно была с. н. с. Ленинградского отделения ИРЯ АН СССР. Труды в области диалектологии и фразеологии русского и других славянских языков 122, 152
- Грозная Зоя Павловна (1923–1965), лингвист, богемист. Преподаватель чешского языка на кафедре славянской филологии филфака МГУ 257, 264
- Грозный Бедржих (1879–1952), чешский хеттолог. Профессор пражского Карлова университета с 1919. Расшифровал хеттские клинописные надписи и установил индоевропейский характер хеттского языка 50
- Гроссман Леонид Петрович (1888–1965), писатель, литературовед. Читал лекции по теории и истории литературы в Литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова. Исследовал творчество Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова и других русских писателей. Особый интерес проявлял к историческим параллелям, интердисциплинарным исследованиям. Автор многих биографических исследований и романов 47, 48, 82, 107, 113, 223, 251, 252
- Грунский Николай Кузьмич (1872–1951), украинский языковед. Преподавал в Харьковском (1900–1902), Тартуском (1903–1912), Киевском (с 1915) университетах. Труды по славянским, русскому, украинскому языкам, общим проблемам славянской филологии 83, 105, 112
- Гудзий Николай Каллиникович (1887–1965), литературовед. Академик АН УССР (1945). Профессор МГУ с 1922. Исследовал древнерусскую литературу, русскую и украинскую литературу XVIII–XX вв., в том числе творчество Л. Н. Толстого, вопросы текстологии 48, 85, 114, 173, 176, 184, 196, 244, 251, 252, 290
- Гуков Василий, учился одновременно с С. Б. Б. в МГУ, был репрессирован, после освобождения из лагерей вернулся в Москву 218
- Гуковский Григорий Александрович (1902–1950), литературовед. Профессор, зав. кафедрой истории русской литературы ЛГУ (в 1939–1944 и 1947–1949), профессор и проректор Саратовского университета (в годы войны). Одновременно работал в ИРЛИ. Труды по истории русской литературы XVIII в., о творчестве А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя отмечены глубиной социально-исторического анализа. Обвинялся в космополитизме и антипатриотизме. Репрессирован. Умер в Лефортовской тюрьме в Москве во время следствия 85
- Гулевич Владимир Сергеевич (1867–1933), химик-органик. Ректор 1-го МГУ в январе–марте 1919 26

- Гундоров Александр Семенович (1895–1973), генерал-лейтенант инженерных войск, председатель Всеславянского комитета в Москве (1942–1958) 30
- Густинич Драгутин (1882–1958), один из основателей компартии Словении, политэмигрант. Сотрудник сектора славяноведения Института истории АН СССР (1943–1945). Работал над темами «Балканский союз 1912–1913 гг.», «История словенского народа». После войны вернулся на родину 40
- Гухман Мирра Моисеевна (1904–1989), лингвист-германист, вторая жена Н. С. Чемоданова. Сотрудник Института языкознания АН СССР. Профессор 1-го МГПИИЯ. Автор работ в области общего и германского языкознания. Сторонница марризма 149, 151

## Д

- Дамаскин Студит (XVI в.), греческий проповедник, автор сборника нравоучительных сочинений – дамаскинов 99, 122
- Данилов Георгий Константинович (1896–1937), лингвист, лексиколог. Зам. директора НИЯЗа, лидер Языкфронта. В 1930 преподавал в КУНМЗ и КУТВ. Репрессирован 96
- Даничич Джуро (1825–1882), сербский филолог. Член Югославянской академии наук и искусств в Загребе (1866). Профессор лицея и Высшей школы (предшественницы университета) в Белграде в 1859–1864, 1873–1877. Автор грамматик сербского языка (1850, 1863), трудов по акцентологии и истории языка, составитель исторических словарей и издатель древнесербских текстов 145
- Дантес Жорж Шарль (барон Геккерен) (1812–1895), французский монархист. Смертельно ранил на дуэли А. С. Пушкина. Впоследствии – сенатор Французской республики 38
- Дворецкий Иосиф Ханаанович, лингвист. Составитель древнегреческо-русского, латинско-русского, русско-польского словарей. Автор учебника польского языка 125
- Деборин (наст. фамилия – Иоффе) Абрам Моисеевич (1881–1963), философ. Академик АН СССР (1929). В 1907–1917 – меньшевик. Член ВКП(б) с 1928. Боролся с махизмом. В 1920–1931 занимал должность директора Института философии РАНИОН, с 1924 – профессор ИКП и зам. директора ИМЭ. В 1926–1930 – отв. редактор журнала «Под знаменем марксизма». Труды по диалектическому материализму. В 1931 в постановлении ЦК ВКП(б) обвинен в «меньшевистствующем идеализме» за недооценку ленинского этапа в развитии марксистской философии и снят со всех постов. В 1935–1945 – член Президиума АН СССР 43, 44, 247, 299
- Девлет-Кильдеева Фатима Аскарровна (1886–?), лингвист, сторонница марризма 96
- Дейч Лев Григорьевич (1855–1941), участник российского революционного движения. С 1874 – народник, в 1883 – член группы «Освобождение труда». В 1884–1901 на Карийской каторге, бежал. С 1903 – один из лидеров меньшевизма. После Октябрьской революции отошел от политической деятельности. Труды по истории революционного движения, публикация документов из архивов Г. В. Плеханова и группы «Освобождение труда», мемуары 289
- Делчев Гоце (1872–1903), идеолог и организатор национально-освободительного движения в Македонии, один из руководителей Внутренней македонской революционной организации. Погиб в сражении с турками 205
- Деляну Ливиу (наст. имя и фамилия – Липа Самуилович Клигман) (1911–1967), молдавский поэт. Автор стихов, изданных в Румынии в 1927–1940, и поэм, опубликованных в Советской Молдавии в 1950-е годы 111
- Демина Евгения Ивановна (род. 1927), лингвист-болгарист. Д. ф. н. С 1954 работает в Институте славяноведения РАН, с 1986 – в. н. с. Труды по истории и диалектологии

болгарского языка, теории сопоставительного изучения языковых систем, текстологии и палеографическому исследованию памятников болгарской письменности XVI–XVIII вв., социолингвистике 190

Державин Константин Николаевич (1903–1956), литературовед. Член-корреспондент БАН (1946). В 1940–1950 – с. н. с. ИРЛИ, в 1946–1951 – профессор на кафедре зарубежных литератур филфака ЛГУ. В 1945–1946 работал в научных учреждениях Болгарии. Автор исследований по западноевропейской (испанской и французской), русской и болгарской литературам, по истории русского, французского и болгарского театра 86, 101, 164, 172

Державин Николай Севастьянович (1877–1953), филолог-славист, болгарист, общественный деятель. Академик АН СССР (1931), почетный член БАН (1946). Член ВКП(б) с 1945. Профессор, ректор (1922–1926), зав. кафедрой славянской филологии (1944–1948) и славянских литератур (1948–1953) ЛГУ, профессор, зав. кафедрой славянской филологии МГУ (1943–1949), профессор и зав. кафедрой в ЛИФЛИ (1930–1937) и других вузах, директор Института славяноведения АН СССР в Ленинграде (1931–1934), с 1950 – руководитель ленинградской группы Института славяноведения. Председатель Антифашистского комитета (1942), член ВСК в Москве и др. Главные труды посвящены славянскому этногенезу, истории, культуре, литературе и этнографии болгарского народа, русско-болгарским культурным связям 23, 25, 28, 29, 31, 37, 40, 43, 46, 47, 48, 52, 54, 69, 73, 78, 79, 83, 86, 89, 90, 99, 101, 102, 104, 105, 106, 113, 114, 121, 123, 124, 125, 127, 128, 131, 136, 140, 152, 175, 181, 218, 222, 228, 271, 275, 282, 293, 294

Джалиль (наст. фамилия – Джалилов) Муса Мустафиевич (1906–1944), татарский поэт, Герой Советского Союза. Член ВКП(б) с 1929. За цикл стихов «Моабитская тетрадь» удостоен Ленинской премии (1957, посмертно). В 1942 был ранен, попал в плен. Казнен в фашистской тюрьме 27

Дживелегов Алексей Карпович (1875–1952), историк и литературовед, один из основоположников советского театроведения. Член-корреспондент АН Армянской ССР (1945), профессор, с 1930 – зав. кафедрой ГИТИСа. Исследовал главным образом проблемы западноевропейского Возрождения 145, 172, 251, 252

Джорджевич Радмила Ивановна, см. Григорьева Р. И.

Дзендзелевский Иосиф Александрович (род. 1921), украинский лингвист, диалектолог, лексикограф. Д. ф. н. Окончил филфак Одесского университета (1947). С 1951 преподавал в Ужгородском университете, с 1962 – профессор, с 1963 – зав. кафедрой украинского языка. Труды по проблемам славянской диалектологии, истории славянского языкознания 270

Диккенс Чарлз (1812–1870), английский писатель 111

Димитров Георги Михайлов (1882–1949), деятель болгарского и международного коммунистического движения. В 1924–1945 (с перерывами) жил и работал в СССР, в 1935–1943 был генеральным секретарем ИККИ. С 1945 – председатель, затем (с 1948) генеральный секретарь ЦК БКП, в 1946–1949 – председатель Совета министров Болгарии 28, 90, 153, 202, 217

Димитров Михаил Дафинкчиев (1881–1966), болгарский историк, психолог и философ, профессор Софийского университета (1944–1950), академик Болгарской АН (с 1946). Специалист по истории Болгарии в период Возрождения, исследователь творчества Х. Ботева, В. Левского, Л. Каравелова 123

Димитрова Блага Николова (род. 1922), болгарская поэтесса 207

Динев Петр Николов (1910–1992), болгарский литературовед и фольклорист. Академик БАН (1967). С 1938 преподавал в Софийском университете, с 1945 – профессор, в 1960–1979 – зав. кафедрой болгарской литературы. Зав. сектором в Институте литературы БАН. Директор Института фольклора БАН с 1973. Член МКС с 1955. Читал лекции в

ряде европейских университетов. Труды по истории болгарской литературы периода средневековья и национального возрождения. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве сделал доклад «Развитие романтизма в болгарской литературе до освобождения в связи с романтизмом в других славянских литературах» 217

Дитякин Валентин Тихонович (1896–1956), историк культуры, славист. Окончил Казанский университет в 1917. Преподавал в учительском институте и политехническом институте в Казани. С 1929 – профессор Татарского коммунистического университета. В 1931–1941 – с. н. с. Института истории науки и техники Коммунистической академии, Института народов Востока при ЦИК СССР, с 1947 – с. н. с. Института славяноведения АН СССР, профессор филфака МГУ (1944–1956). Работы по истории славяноведения и южных славян, по истории итальянского Возрождения (книга о Леонардо да Винчи) 28, 29, 46, 54, 69, 73, 77, 101, 102, 135, 140, 141, 164, 218

Дмитриев Николай Константинович (1898–1954), лингвист. Член-корреспондент АН СССР (1943). С 1930 – профессор МГУ, в 1944–1948 руководил восточным отделением филфака МГУ. Исследовал тюркские языки, тюркско-славянские языковые связи. Заложил основы советской школы тюркологии. Издал с комментариями ряд тюркских фольклорных текстов 31, 32, 47, 71, 84, 146, 149, 190, 222, 249, 279, 281, 282, 292

Дмитриев-Кельда Игнатий Дмитриевич (1902–?), лингвист, маррист. Работал в Орском пединституте, в Саранске, где изучал «Слово о полку Игореве» 96

Доланский (до 1945 – Гейденрейх) Юлиус (1903–1975), чешский литературовед-славист. Член-корреспондент ЧСАН (1952), член МКС. С 1933 преподавал в Карловом университете в Праге, с 1945 – профессор югославянских языков и литератур. Труды по истории славянских литератур, истории славянских литературных связей, истории славистики. На Международном съезде славистов в Москве в 1958 выступил с докладом «К вопросу о генезисе и этапах развития реализма в славянских литературах» 253

Долобо Милий Герасимович (1884–1935), языковед-славист, разделял некоторые положения «теории» Н. Я. Марра. С 1915 преподавал в Петроградском университете, с 1919 – профессор. Профессор ЛГПИ, зав. кафедрой (1919–1931). Сотрудник ИЯМа (1925–1932). В 20-е годы был директором ГИРКа. Труды по югославянским письменным памятникам, проблемам праславянского языка и др. Руководил кандидатской диссертацией С. Б. В. 68, 84, 186, 222, 223, 282

Дорба Иван Васильевич (псевдоним Чеботарева Владимира Дмитриевича), переводчик с украинского и сербского языков. Жил в Югославии. В 1942 вернулся в СССР 186, 187, 199

Дорошевский Витольд Ян (1899–1976), польский лингвист-славист. Член Польской Академии наук и искусств (1947), член-корреспондент (1952), затем действительный член (1957) ПАН и ряда академий Европы и США. С 1924 ассистент, доцент, с 1930 – профессор, потом зав. кафедрой польского языка Варшавского университета, основатель Фонетического института при нем. Член Пражского лингвистического кружка. Председатель МКС (1967–1974). Работы по проблемам общего языкознания, лексикологии, диалектологии. Вдохновитель, редактор и один из создателей 11-томного «Словаря современного польского языка». В 1958 на Международном съезде славистов в Москве сделал доклад «Факты словообразования и родства славянских языков». Корреспондент С. Б. В. 214, 239, 255, 257, 258, 261, 262

Достал Антонин (1906–1995), чешский лингвист. Д. ф. н. Профессор Карлова университета в Праге, сотрудник Института русского языка и литературы ЧСАН. Исследовал вопросы славянского языкознания: видовые отношения славянского глагола, проблемы сравнительной грамматики славянских языков. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве выступил с докладом «Происхождение и развитие славянской языковой группы» 111, 113, 188, 252, 253, 264

- Дранишников Владимир Александрович (1893–1939), дирижер, режиссер, композитор. Концертмейстер с 1914, дирижер с 1918, главный дирижер (1925–1936) Мариинского театра, главный дирижер Киевского театра оперы и балета с 1936 225
- Дринов Марин Стоянов (1838–1906), болгарский и российский историк, филолог, этнограф. Член-корреспондент Петербургской АН (1898). В 1877–1879 активно работал в русском гражданском управлении в Болгарии. Один из организаторов (1869) и первый председатель Общества ревнителей знаний (с 1911 – БАН). Профессор Харьковского университета (1873–1906). Управляющий отделением просвещения и церковных дел в Болгарии (1878–1879). Содействовал установлению в Болгарии конституционно-монархического строя. Труды по древней истории славян 213, 217, 271
- Дубников Осип Моисеевич (дядя Ося) (1890–1980 или 1907–1986), дядя С. Б. Б. по материнской линии. Музыкант, играл на духовых инструментах, руководил детским хором в Красноярске 120
- Дубникова (урожд. Лихтарникова) Рахиль Семеновна (ок.1852–1934), бабушка С.Б.Б., домохозяйка. Родила 11 детей 107
- Дубникова Софья Моисеевна, см. Бернштейн С. М.
- Дурново Николай Николаевич (1876–1937), историк русского и южнославянских языков и литератур. Член-корреспондент РАН (1924), академик АН БССР (1928). Преподавал в Московском (1904–1910, 1915–1918), Харьковском (1910–1915), Саратовском (1918–1921) университетах. Эмигрировал в Чехословакию (1924–1928), преподавал в Брненском университете (1926). Вернувшись в СССР, работал в Минске в системе АН БССР. Специалист по древнеславянским переводным памятникам, старославянскому и праславянскому языкам, диалектологии. Репрессирован в 1933, расстрелян 25, 31, 57, 80, 107, 137, 184, 197, 282
- Дурылин Сергей Николаевич (1877–1954), искусствовед, историк литературы, театра и живописи, театральный критик. С 1945 – с. н. с. Института истории искусств, профессор ГИТИСа и других вузов Москвы. Исследовал проблемы утверждения реализма в русском искусстве 190, 251
- Дыбо Владимир Антонович (род. 1931), лингвист. Член-корреспондент РАН (2000), академик РАЕН. Сотрудник Института славяноведения РАН с 1958. Профессор, зав. кафедрой славянских языков РГУ. Исследователь славянской и праславянской сравнительно-исторической акцентологии, типологии морфонологизированных парадигматических акцентных систем, проблем отдаленного родства языков 237
- Дылевский Николай Михайлович (1904–?), лингвист. С 1934 преподавал на ИФФ Софийского университета, с 1955 – профессор, зав. кафедрой русского языка. Изучал вопросы русского и болгарского языков, исследовал язык «Слова о полку Игореве». В 1958 на Международном съезде славистов в Москве выступил с докладом «Главнейшие особенности общеславянской лексики современного болгарского языка сопоставительно с русской» 207
- Дюрен Жан Жак Франсуа (род. 1934), французский лингвист, славист. Зав. кафедрой русского языка Высшего педагогического института в Сен-Клу. Специалист в области сравнительной грамматики славянских языков, а также русского языка и литературы 248

## Е

- Еголин Александр Михайлович (1896–1959), литературовед. Член-корреспондент АН СССР (1946), академик АПН РСФСР (1945). Член ВКП(б) с 1925. В 1937–1941 – профессор, зав. кафедрой в МИФЛИ, в 1940–1948 – ответственный работник ЦК ВКП(б): с 1943 – зав. Отделом художественной литературы, затем зам. начальника Управле-

- ния пропаганды и агитации. С 1946 – главный редактор журнала «Звезда», 1948–1952 – директор ИМЛИ. Труды о творчестве Н. А. Некрасова, поэтов некрасовской школы 112, 114, 124, 127, 175, 290
- Ежов Николай Иванович (1895–1940), государственный и партийный деятель, генеральный комиссар государственной безопасности (1937), нарком внутренних дел СССР (1936–1938) и др. Один из организаторов массовых репрессий. В 1939 арестован. Расстрелян 98, 289
- Елин Пелин (псевдоним Димитра Иванова Стоянова) (1877–1949), болгарский писатель. Автор повести из крестьянской жизни «Гераковы», инсценировка которой в середине 50-х годов шла на сцене Болгарского народного театра 203, 296, 298
- Елисеев Григорий Григорьевич (1858–1942), глава товарищества «Братья Елисеевы», имевшего собственные продовольственные магазины по торговле колониальными товарами в С.-Петербурге, Москве («Елисеевский» на Тверской ул., д.14) и Киеве. В 1914 отошел от дел, жил во Франции 290
- Ельмслев Луи (1899–1965), датский лингвист, славист. С 1937 – профессор и зав. кафедрой сравнительного языкознания университета в Копенгагене. С 1931 – основатель и руководитель копенгагенской школы структурализма – глоссематики 198
- Ерзин Саид Ахмедович, в конце 1920-х годов – студент МГУ, в 1950–1970-е годы – сотрудник ГБЛ 67
- Ерихонов Леонид Самойлович (1906–1971), филолог и историк. Д. ф. н. (1967). Работал в Самарском и Киевском педагогических институтах (1933–1940). Участник Великой Отечественной войны. Преподавал в Военном институте иностранных языков (1945–1954). В 1954–1971 – зав. кафедрой русского и иностранных языков в технических вузах Пензы и Воронежа. Изучал общественное движение в Болгарии и русско-болгарские литературно-общественные связи XIX и XX вв. 122
- Ермакова Майя Ивановна (род. 1931), лингвист-сорабист. К. ф. н. Работает в Институте славяноведения РАН с 1958, с. н. с. Труды по грамматике серболужицких языков, серболужицкой диалектологии, истории серболужицких литературных языков 264
- Ермилов Владимир Владимирович (1904–1965), литературовед, критик. В 1926–1929 – главный редактор журнала «Молодая гвардия». С 1928 – один из секретарей РАПП. В 1932–1938 – главный редактор журнала «Красная новь», в 1946–1950 – «Литературной газеты». Выдвигал концепцию «живого человека», признанную в свое время ошибочной. Автор многочисленных работ о писателях XIX–XX вв. Один из наиболее последовательных идеологов партийной линии в литературоведении советского периода 236, 237
- Есенин Сергей Александрович (1895–1925), поэт 45, 46, 109
- Ефимов Александр Иванович (1909–1966), лингвист. Профессор, заместитель В. В. Виноградова по кафедре русского языка филфака МГУ. Исследователь истории и современного состояния русского литературного языка, стилистики и культуры русской речи 189

## Ё

- Ёлкина Нина Максимовна (род. 1923), лингвист-славист. Доцент филологического факультета МГУ. Преподает в МГУ с 1953. Автор учебника старославянского языка. Переводчик лингвистических трудов со словенского и сербского 257

## Ж

- Жаров Александр Алексеевич (1904–1984), поэт 109
- Жеребцов, майор 291

- Жигач Кузьма Фомич, чиновник, с 1946 – начальник отдела научно-исследовательских работ и член коллегии Министерства высшего образования СССР, одновременно с 1947 – член и ученый секретарь Комитета по Сталинским премиям в области науки и изобретательства. В 1948 – начальник Главного управления университетов 173
- Жильерон Жюль (1854–1926), швейцарский языковед, диалектолог. Профессор Школы высших знаний в Париже (1876–1926). Преподавал в коллеже Шапсаль. Основал Французское диалектологическое общество (1893–1900). Один из основоположников лингвистической географии. Издал «Лингвистический атлас Франции» 193
- Жирков Лев Иванович (1885–1963), лингвист. Профессор Московского института востоковедения (1921–1932, 1945–1950), МГУ (1926–1930, 1944–1963), Военного института иностранных языков (с 1943), МГПИИЯ (с 1939) и др. Исследовал вопросы общего и прикладного языкознания, интерлингвистики, теории орфографии, а также кавказские языки. Участвовал в подготовке алфавитов, грамматик и словарей для младописьменных языков народов СССР. Был репрессирован, затем освобожден 32, 90
- Жирмунский Виктор Максимович (1891–1971), историк и теоретик литературы, языковед. Академик АН СССР (1966). Профессор ЛГУ с 1919. Исследовал проблемы общего, германского и тюркского языкознания, диалектологии. Труды по теории литературы, поэтике, стиховедению, фольклору, истории западной и русской литературы 170, 235, 264
- Жуков Борис Сергеевич (1899–1933), археолог, палеоантрополог, палеоэтнолог, специалист по первобытной археологии. Доцент МГУ. Ученый секретарь Антропологического института им. Д. Н. Анучина при 1-м МГУ. Зав. отделом Государственного центрального музея народоведения. Вел раскопки в Подмосковье, на Оке, Волге, в Крыму. Труды по истории первобытного общества, антропогенезу. Представлял палеоэтнологическое направление в археологии. Умер в концлагере на Алтае 32
- Жуков Евгений Михайлович (1907–1980), историк. Академик АН СССР (1958). Преподавал в МГУ, МИФЛИ, ВДШ, ЛГУ и др. Был сотрудником Института истории АН СССР, директором Тихоокеанского института (1943–1950), Института всеобщей истории АН СССР с 1968 и др. Академик-секретарь Отделения истории (1957–1971). Труды по истории Японии, международным отношениям новейшего периода и колониальным проблемам, методологии истории 247, 262
- Жуковская Лидия Петровна (1920–1994), лингвист, палеограф. Д. ф. н. Главный научный сотрудник ИРЯ АН СССР (с 1988). Исследовала проблемы истории русского языка, палеографии и истории славянской письменности, изучала древние письменные памятники 189
- Жуковский Василий Андреевич (1773–1852), поэт 45, 242
- Журавлев Владимир Константинович (род. 1922), лингвист-славист. Д. ф. н. Преподавал в МГУ (1955–1959) и других вузах. С 1974 – сотрудник Института языкознания РАН, в. н. с. Основные направления исследований: фонология праславянского языка, фонологическая интерпретация сдвигов в славянском вокализме, болгарская диалектология, социолингвистика, история славистики (книга о Г. А. Ильинском) и др. 168, 241, 249

## 3

- Забелин Иван Евгеньевич (1820–1908 или 1909), историк, археолог. Член-корреспондент (1884), почетный член (1907) Петербургской АН. Председатель ОИДР (1879–1888), фактический руководитель Исторического музея в Москве. Труды и публикации по истории быта русского народа XVI–XVII вв., истории Москвы 184
- Загоровский Александр Иванович (1850–?), профессор юридического факультета Новороссийского университета, отец Е. А. Загоровского 97, 98



- Загоровский Евгений Александрович (1885–1938), историк, библиофил, полиглот. Зав. отделом рукописей и редких книг Одесской публичной библиотеки. Читал исторические курсы в Новороссийском университете 97
- Загоскин Михаил Николаевич (1789–1852), русский писатель, автор исторических романов 20, 100, 183
- Зализняк Андрей Анатольевич (род. 1935), лингвист. Академик РАН (1997). Сотрудник Института славяноведения РАН (с 1960). Профессор МГУ (с 1973) и Женевского университета, член Парижского лингвистического общества. Труды в области грамматики, славянской и русской акцентологии, славяно-русской палеографии, а также общего языкознания, грамматики санскрита и др. Исследовал новгородские берестяные грамоты, составил «Грамматический словарь русского языка» (1977) 265
- Зарев (наст. фамилия – Пантов) Пантелей (1911–1997), болгарский литературовед, критик и общественный деятель. Академик БАН (1967), ее вице-президент с 1968. С 1950 заведовал кафедрой теории литературы Софийского университета, с 1968 – его ректор. В 1951–1960 – зам. директора Института литературы БАН. Впоследствии избран председателем Союза болгарских писателей (1972–1979), затем – член Государственного совета НРБ. Труды по истории болгарской литературы, теории литературы и критики. Автор пятитомной «Панорамы болгарской литературы» (1966–1976). В 1958 на Международном съезде славистов в Москве выступил с докладом «Проблема генезиса и национального своеобразия социалистического реализма в болгарской литературе в сравнении с советской литературой» 123, 201
- Заремба Альфред (1921–1988), польский лингвист. Профессор Ягеллонского университета (Краков). Автор работ по лексике, диалектологии и лингвистической географии польского и других славянских языков. Участник обсуждения ОЛЯ. Составитель «Лингвистического атласа Силезии» (Краков, 1969–1974) 257
- Засулич Вера Ивановна (1849–1919), деятель российского революционного движения, с 1869 – народница. С 1879 – член «Черного передела». В 1883 – один из организаторов группы «Освобождение труда». С 1900 – член редакций «Искры» и «Зари». С 1903 – меньшевичка. Расстреляна большевиками 289
- Зауэр Нина Сергеевна, лингвист. К. ф. н. Была лаборанткой кафедры славянской филологии филфака МГУ. Составитель русско-болгарского политехнического словаря (1964) 76, 79, 103, 112
- Завич Исаак Семенович (1904–1960), историк. С 1928 преподавал в вузах Москвы, с 1939 – профессор. В 1940–1949 – профессор МГУ, ВДШ (1944) и АОН (с 1946), был сотрудником Института истории АН СССР. Труды по истории английского парламентаризма, проблемам историографии и международных отношений. В 1949 обвинялся в космополитизме, изгнан из всех московских вузов. Уехал в Ташкент 99
- Звегинцев Владимир Андреевич (1910–1988), лингвист и философ. Зав. кафедрами романо-германской филологии, общего и сравнительно-исторического языкознания, структурной и прикладной лингвистики филфака МГУ. Автор работ по философским проблемам языкознания, общему языкознанию, истории лингвистики, информатике 246
- Зеленин Дмитрий Константинович (1878–1954), этнограф, фольклорист, диалектолог. Член-корреспондент АН СССР (1925). Профессор Харьковского (1916), Ленинградского (с 1925) университетов. В 1926–1949 – сотрудник Института этнографии АН СССР. Основные труды по этнографии восточных славян 98
- Зеленина (урожд. – Полтораднева) Эльвира Ивановна (род. 1926), лингвист. К. ф. н. (1978). Сотрудник Института славяноведения АН СССР в 1949–1962 и 1965–1986. Специалист по болгарской диалектологии, болгарским говорам на территории СНГ и Болгарии 216, 266

- Зенкевич Лев Александрович (1889–1970), гидробиолог. Академик АН СССР (1968). С 1930 – профессор МГУ, зав. кафедрой зоологии беспозвоночных. С 1947 работал в Институте океанологии АН СССР. Создал теорию биологической структуры океана и эволюции морской фауны. Руководитель многих океанологических экспедиций. Сталинская премия 1951. Ленинская премия 1965 93
- Злыднев Виталий Иванович (1919–1999), литературовед и историк культуры. Д. ф. н. (1969). С 1950 – сотрудник, затем зав. сектором Института славяноведения АН СССР. Специалист по болгарской литературе и культуре XIX–XX вв., межславянским культурным связям 200, 207
- Золотов Ф., соученик С. Б. Б. по Александровску и Никольск-Уссурийскому 46
- Зорич А. (наст. имя и фамилия – Василий Тимофеевич Локоть) (1899–1937), писатель, журналист. В едких и популярных в свое время рассказах и фельетонах критиковал бюрократизм, пошлость, сатирически представлял действительность 18
- Зоценко Михаил Михайлович (1894–1958), писатель-сатирик 285
- Зубков Л., автор (совместно с академиком М. Кнунянцем) статьи «Школы в науке» в «Литературной газете» (№ 5 от 11 января 1955) 193
- Зубов Валентин Платонович (1885–1969), граф, основатель Института истории искусств в Петербурге (до 1920 г. Институт носил его имя) 68

## И

- Иван Асень II, болгарский царь (1218–1241). Используя борьбу между Эпиром, Латинской и Никейской империями, добился гегемонии Болгарии на Балканах, присоединил к ней ряд территорий 204
- Иван IV Грозный (1530–1584), первый русский царь (с 1547) 193
- Иванов Валерий Васильевич (род. в 1924), лингвист, специалист по истории русского языка. Д. ф. н., в 1952–1969 преподавал в МГУ. Работает в ИРЯ, был заместителем директора. Председатель международной комиссии по ОЛА. Труды по диалектологии и истории русского языка 257
- Иванов Вячеслав Всеволодович (род. 1929), филолог, структуралист, специалист по сравнительно-историческому языкознанию, индоевропеистике. Академик РАН (2000). Член многих зарубежных академий и научных обществ. Заведовал сектором структурной типологии Института славяноведения АН СССР. Профессор МГУ и ряда американских университетов. Автор трудов по проблемам славистики, индоевропеистики, семантики, мифологии, истории русской литературы XX в. и др. 197, 237, 240, 241, 242, 248
- Иванов П., болгарский исследователь дамаскинов 101
- Ивановский Васил Атанасов, болгарский филолог. Исследовал проблемы македонского языка и литературы. Репрессирован. Проходил в качестве обвиняемого в процессе зам. председателя Совета министров Болгарии Трайчо Костова в декабре 1949. Обвинялся в организации нелегальной группы для подготовки «отрыва насильственным путем Пиринского края от НРБ». По ложному обвинению был приговорен к 12 годам строгого тюремного заключения 125
- Иващенко Александр Федорович (1908–1961), литературовед. Преподавал в МИФЛИ и МГУ. Исследовал проблемы критического реализма на материале французской литературы. Редактор собраний сочинений О. Бальзака и Г. Флобера 282
- Ивич Милка (род. 1923), югославский лингвист, специалист по грамматике славянских языков. С 1958 – профессор философского факультета университета в Новом Саде, академик Сербской академии наук и искусств (1983). Автор работ по грамматике сербского языка

- и общему языкознанию. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве выступила с докладом «Система предложных конструкций в сербскохорватском языке» 236
- Ивич Павле (1924–1999), югославский лингвист. Академик Сербской академии наук и искусств (1978), иностранный член РАН и еще шести академий. Профессор философского факультета университета в Новом Саде. Труды по диалектологии и истории сербского языка. В 1958 на Международном съезде славистов выступил с докладом «Значение лингвистической географии для сравнительного и исторического изучения южнославянских языков и их отношения к остальным славянским языкам» 236, 241, 257
- Игнатъев Алексей Алексеевич (1877–1954), генерал русской и советской армий, дипломат и мемуарист. Воспоминания Игнатъева «50 лет в строю» пользовались в 40–50-х годах большой популярностью и неоднократно переиздавались 186, 199, 202
- Игорь Святославич (1150–1202), князь новгород-северский, затем черниговский, главный герой «Слова о полку Игореве» 181
- Измайлов Николай Васильевич (1893–?), литературовед, текстолог 242
- Иллич-Свитыч Владислав Маркович (1934–1966), лингвист. С 1958 – сотрудник Института славяноведения АН СССР. Труды в области этимологии, сравнительной акцентологии и фонетики славянских, балтийских и других языков, по проблемам сравнительной грамматики славянских языков. Выдвинул ностратическую теорию родства индоевропейских, картвельских, семитских, дравидийских, уральских и алтайских языков. Начал составление грамматики и словаря ностратических языков. Любимый ученик С. Б. Б., тяжело переживавшего его безвременную гибель 187, 237, 241, 248, 270, 271, 283
- Илчев Стефан Петров (1898–1982), болгарский лингвист и писатель-юморист. Исследовал проблемы лексикологии и лексикографии 215
- Ильинская Ирина Сергеевна (1908–1980), лингвист. Сотрудник ИРЯ. Автор трудов о русском литературном языке XIX в., языке и стиле произведений А. С. Пушкина 106, 107, 207
- Ильинский Григорий Андреевич (1876–1937), филолог, историк, археограф. Член-корреспондент РАН (1921), действительный член БАН и ПАН. Преподавал в С.-Петербургском, Харьковском, Юрьевском, Саратовском университетах, Нежинском историко-филологическом институте. Автор трудов по славянскому языкознанию, праславянской грамматике, палеографии, этнографии, географии славян и др. Не скрывал отрицательного отношения к советской власти, марризму. Репрессирован и расстрелян 27, 32, 72, 78, 83, 104, 107, 137, 138, 169, 170, 184, 249, 282
- Илюхов, студент МГУ на рубеже 1920–1930-х годов 88
- Инзов Иван Никитич (1768–1845), генерал от инфантерии, участник турецкого, польского и итальянского походов, наполеоновских войн. С 1818 – главный попечитель и председатель Комитета о колонистах Южной России, с 1820 – наместник Бессарабии. Отличался справедливостью, строгостью, честностью 251, 252
- Исхаков Г. Ф. (ум. до 1960), лингвист. К. ф. н. Сотрудник Института языкознания АН СССР. Автор работ по фонетике хакасского и тувинского языков 286

## И

- Йовков (наст. фамилия – Стефанов) Йордан (1880–1937), болгарский писатель 298
- Йордан Йоргу (1888–1986), румынский филолог. Труды по сравнительной романистике, румынскому языку, топонимике, истории французской и итальянской литературы 99, 125, 126, 127, 128, 134, 135, 136, 146, 148, 232, 238

## К

- Кайм Альберт (1876–1946), французский литературовед, искусствовед. Автор труда о Гельвеции (1907) 41
- Каллиопа, муза эпической поэзии, героиня одноименного произведения П. Яворова 298
- Калнынь Людмила Эдуардовна (род. 1926), лингвист. Д. ф. н. Сотрудник Института славяноведения РАН с 1952, в. н. с. Специалист по славянской лексикографии, сопоставительному изучению славянских диалектов, сравнительному историческому исследованию славянской диалектной фонетики и фонологии 213, 264, 266
- Кандев Ламби Станчев (1879–1925), педагог, деятель болгарского революционного молодежного и учительского движения. Возглавлял Болгарский союз социал-демократической молодежи (1912–1920). Разрабатывал проблемы педагогики 185
- Кандева Райна Михайлова (1882–1967), деятель БКП, революционного учительского и женского движения, учительница. В 1928–1945 – в эмиграции в СССР, до 1938 вела редакционно-издательскую и педагогическую работу среди болгарского населения Украины, в том числе с 1933 – в Одессе. С 1939 жила в Москве, после войны вернулась в Болгарию 147, 184, 185, 186, 207, 217, 281
- Кант Иммануил (1724–1804), немецкий философ-идеалист 18, 22, 41, 295
- Каппель Владимир Оскарович (1883–1920), генерал армии Колчака, 1919–1920 один из руководителей белого движения в Поволжье и Сибири. В период разгрома колчаковских войск назначен главнокомандующим. При отступлении от Омска на восток каппелевцы жестоко расправлялись с мирным населением. В начале февраля они угрожали Иркутску, но были отброшены за Байкал. Там армия Каппеля, умершего во время отступления, распалась 108
- Караджич Вук Стефанович (1787–1864), сербский филолог, историк, фольклорист, деятель национального возрождения. Иностраный член Петербургской АН (1851). Осуществил реформу сербскохорватского литературного языка на основе народной речи, составил его грамматику и словарь. Публиковал исторические и этнографические материалы, произведения устного народного творчества 83, 162, 182
- Кара-Иванов Иван Генчев (1889–1960), деятель коммунистического и рабочего движения Болгарии и Югославии, поэт, беллетрист, драматург. В 1926–1929, 1934–1944 жил в СССР; с 1934 работал в аппарате ИККИ. Впоследствии эмигрировал из Болгарии в Югославию, стал членом ЦК КПЮ и депутатом Союзной скупщины. Составитель «Русско-болгарского словаря» (М., 1944) 40, 186
- Караколов Райчо Кирчев (1898–?), болгарский историк, философ-марксист, общественный деятель. Член БКП с 1922 и ВКП(б) (1926–1944). Участник Сентябрьского восстания 1923. Эмигрировал в Югославию, затем в СССР, где закончил образование в ИКП, защитив диссертации на соискание ученой степени кандидата философских (1939), а затем исторических (1942) наук. Преподавал в вузах Ленинграда, Ташкента, Москвы. С. н. с. сектора славяноведения Института истории АН СССР. В 1942–1943 – сотрудник радиостанции «Христо Ботев». По возвращении в Болгарию в 1944 возглавлял кафедры философии в ЦПШ, Софийском университете, сектор в Институте философии БАН и др. Изучал творчество Д. Благоева, развитие марксистской философской мысли в Болгарии 40
- Карамазовы, герои романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» 264
- Карамян Николай Михайлович (1766–1826), писатель и историк. Почетный член Петербургской АН (1818). Создатель «Истории государства Российского» (СПб., 1816–1829. Т. 1–12) 149, 243

- Караславов Георги (1904–1980), болгарский писатель. В 1952–1958 – главный редактор журнала «Септември», впоследствии – председатель Союза болгарских писателей 207
- Каратаев Николай Константинович (1899–?), экономист. Профессор МГУ с 1955. Член ВКП(б) с 1925. Во время войны – начальник Отдела кадров в Президиуме АН СССР. С. н. с. Института экономики АН СССР (1956–1972). Труды по истории экономических учений 42, 43
- Карев Николай Афанасьевич (1901–?), философ и логик. Профессор МГУ и ИКП, зав. кабинетом философии ИМЭ 32, 41, 72
- Кареев Николай Иванович (1850–1931), историк. Член-корреспондент Петербургской АН (1910), почетный член АН СССР (1929). Профессор Петербургского, Ленинградского университета, где читал курс по новой истории Западной Европы. Труды по аграрной истории Франции второй половины XVIII в., истории Французской революции 298
- Каренин, персонаж романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» 184
- Карнап Рудольф (1891–1970), австрийский и американский логик. Преподавал в Венском университете (1926–1931), профессор Немецкого университета в Праге (1931–1935). С 1935 жил в США. Профессор Чикагского (1936–1952) и Калифорнийского (с 1954) университетов. Ведущий представитель течения логического позитивизма, исследователь философии науки 194
- Кафтанов Сергей Васильевич (1905–1978), партийный и государственный деятель. В 1946–1951 – министр высшего образования СССР 23, 62, 173, 181, 194
- Кацнеленbogen (вероятно, Кацнеленбаум Захар Соломонович), экономист. Профессор факультета советского права 1-го МГУ и Института народного хозяйства, член коллегии Института экономики РАНИОН 32
- Кацнельсон Соломон Давидович (1907–1985), лингвист, германист. Сотрудник ИЯМа. Профессор ЛГУ. После лингвистической дискуссии 1950 работал в Иваново, затем в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР. Исследовал проблемы типологии языков, сравнительно-исторического языкознания, фонологии 272
- Келдыш Мстислав Всеволодович (1911–1978), математик и механик. Академик (1946), президент (1961–1975) АН СССР. Руководил рядом советских космических программ 278, 279
- Келлерман Бернхард (1879–1951), немецкий писатель. Автор романов «Туннель», «9 ноября», «Братья Шелленберг», «Город Анатолий» и др. Широко переводился в 1920-е годы на русский язык 109
- Киран Петер (1917–?), венгерский славист, болгарист. Сотрудник Института языкознания Венгерской АН в Будапеште 257
- Кирилл, русский эмигрант, монах Рильского монастыря, исследователь древних славянских рукописей 206
- Кирилл (Константин) (ок. 827–869), славянский просветитель, проповедник христианства, один из создателей славянской азбуки 78, 298
- Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872), государственный деятель России. Почетный член Петербургской АН (1855). В 1837–1856 – министр государственных имуществ, провел реформу управления государственными крестьянами. Стронник отмены крепостного права 103, 213
- Киселев Сергей Владимирович (1905–1962), археолог и историк. С. н. с. Института истории материальной культуры АН СССР. Профессор МГУ с 1939. Исследовал древнюю историю Южной Сибири и Центральной Азии. Лауреат Ломоносовской премии 1947 103
- Клагстад Харольд Л. (1922–1967), американский лингвист. В 1958 – доцент кафедры славянских языков и литератур в университете Блумингтон (Индиана). В 1958 на

- Международном съезде славистов в Москве выступил с докладом «Фонематический анализ некоторых болгарских диалектов» 240, 241
- Клепикова Галина Петровна (род. 1931), лингвист-славист. К. ф. н. (1961). В Институте славяноведения РАН с 1957. Исследует проблемы славянской диалектологии, славяно-романские языковые отношения, языковое взаимодействие в карпатско-балканской зоне, памятники болгарской письменности XVI–XVIII вв. 270, 271, 283
- Клер-Собелль Джеймс Ст., канадский славист. Профессор, глава Отделения славянских исследований Университета Британской Колумбии (Ванкувер) 240
- Ключевский Василий Осипович (1841–1911), историк. Академик Петербургской АН (1900). Профессор Московского университета с 1867. Труды по истории России – «Курс русской истории» (М., 1904–1922. Ч. 1–5), «Боярская дума Древней Руси» (М., 1882), истории крепостного права, финансов, по историографии 72, 129, 130, 188, 196
- Кнежа Иштван (1898–1965), венгерский лингвист. Академик Венгерской АН. Профессор, руководитель славянского семинара Будапештского университета. Изучал славянские элементы в венгерском языке 214
- Кнунянц Иван Людвигович (1906–1990), химик-органик. Академик АН СССР (1953). Основатель научной школы фтороргаников 193
- Кобецкий, студент, сокурсник С. Б. Б. в МГУ 67
- Кобецкий, харбинский фабрикант 67
- Ковальская Елизавета Николаевна (1851–1943), участница народнического движения, революционерка-народница. Член кружка «чайковцев», «Черного передела», участница создания «Южнорусского рабочего союза» в Киеве. В 1881 приговорена к вечной каторге. В 1903–1917 в эмиграции, член партии эсеров. С 1918 – сотрудница Петроградского историко-революционного архива, член редколлегии журнала «Каторга и ссылка» 288
- Коврижных Иван Абрамович, хозяин дома в Александровске-на-Сахалине, в котором жила семья С. Б. Б. в 1925 44
- Коган Петр Семенович (1872–1932), историк литературы, театровед, литературный и театральный критик. В 1920-е годы – президент ГАХН, профессор МГУ и ряда вузов. Автор работ по истории западноевропейской литературы и театра 32, 55, 72
- Козловский Иван Семенович (1900–1993), певец (лирический тенор) 288
- Коларов Васил Петров (1877–1950), деятель болгарского и международного коммунистического движения, историк, экономист. Член Болгарской рабочей социал-демократической партии с 1897. С 1903 – член партии тесняков. В 1919–1923 – секретарь ЦК БКП. В 1922–1924 – генеральный секретарь ИККИ. В 1923–1944 – член заграничного бюро ЦК БКП. В 1946–1947 – временный председатель республики, затем министр иностранных дел, зам. председателя и председатель Совета министров НРБ 29, 54, 94, 147, 185
- Колинкоев Мирчо (?–1938), сын М. Г. Колинкоевой, репрессирован 217, 289
- Колинкоева Мара Георгиевна (1886–?), болгарская коммунистка, политэмигрантка. Получила образование в Старой Загоре, преподавала болгарский язык в школе. В 1925 эмигрировала в СССР. Преподаватель болгарского языка в МГУ (1928–1931). После окончания войны вернулась в Болгарию 147, 207, 208, 217, 282, 289, 296
- Колчак Александр Васильевич (1874–1920), военачальник, полярный исследователь, гидролог, адмирал (1918). В 1918–1920 – «Верховный правитель российского государства». Возглавлял борьбу с советской властью в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке. Расстрелян 45
- Кольцов (наст. фамилия – Фридлянд) Михаил Ефимович (1898–1940), писатель, публицист. Репрессирован и расстрелян 18

- Комаров Владимир Леонтьевич (1869–1945), ботаник, организатор науки. Академик РАН (1920). Президент АН СССР (1936). Активный участник реформы АН, организации ее баз и филиалов 72
- Комарова Н., преподаватель Софийского университета 127
- Комшилова Елизавета Алексеевна (1898–1963), диалектолог-русист. В 1929–1938 – доцент КУТВ, с 1938 – доцент кафедры русского языка МГПИ, ученый секретарь ИРЯ (1945–1950). Изучала говоры русского языка, в том числе уральские говоры. Участница 29 диалектологических экспедиций 125
- Кондрашов Николай Андреевич (1919–1996), лингвист-словакист. Доцент филфака МГУ (1949–1963), профессор с 1963; зав. кафедрой в МОПИ (1970–1981). Автор работ по проблемам истории словацкого литературного языка, славянского языкознания и др. 136, 138, 147, 159, 162, 181, 190, 196, 217, 249, 250, 265
- Конечна Ядвига, польский лингвист, диалектолог. Участница обсуждения ОЛА 257
- Коновалов Дмитрий Григорьевич (1876–?), филолог, преподавал в МИФЛИ 78
- Коновалов Сергей Александрович (1899–после 1981), литературовед-славист. Эмигрировал в Великобританию. Профессор Бирмингемского (1929–1945) и Оксфордского (1947–1967) университетов 240
- Конов Андрей Николаевич (1906–1986), лингвист, тюрколог. Академик АН СССР (1974). Сотрудник, зав. сектором в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР с 1938. Преподавал в ЛВИ (1931–1938), ЛГУ (с 1937). Был в ЛГУ деканом восточного факультета и зав. кафедрой тюркской филологии. Автор работ по современным тюркским и древнетюркским языкам, по истории востоковедения 219
- Конрад Николай Иосифович (1891–1970), востоковед. Академик АН СССР (1958). Преподавал в ЛГУ (1922–1938), Ленинградском институте живых восточных языков (1922–1938), Московском институте востоковедения (1941–1950). Работал в Институте востоковедения АН СССР с 1931. Специалист по литературе, истории, языкознанию и культуре Японии, Китая и Кореи, проблемам отношений культур Востока и Запада 158, 237
- Константинов Алеко (1863–1897), болгарский писатель. В цикле сатирических рассказов-очерков «Бай Ганю» (1895), фельетонах, статьях – критика нравов болгарского общества 180
- Константинов Федор Трофимович (род. 1915), философ и историк. В 1942–1944 – член редколлегии журнала «Славяне». Сотрудник ЦК КПСС, в 1950–1953 – газеты «Правда», затем советского посольства в ПНР. Вице-президент Философского общества СССР (до 1977) 247
- Коонен Алиса Георгиевна (1889–1974), актриса. Народная артистка РСФСР (1935). Играла в МХТе и Камерном театре 107
- Кораблев Василий Николаевич (1873–1936), публицист, критик, литературовед. Был сотрудником (1932–1934) Института славяноведения АН СССР в Ленинграде. Автор работ по истории славистики. Репрессирован, умер в ссылке 125
- Корлэтяну Николай Григорьевич (1915–1974), молдавский литературовед 280
- Корнилов Константин Николаевич (1879–1957), психолог. Профессор МГУ. Возглавлял методологическую перестройку психологии на основе диалектического материализма 22, 24, 32
- Корняну (наст. фамилия – Корнфельд) Леонид Ефимович (1909–1957), молдавский поэт и драматург 111, 231
- Короленко Владимир Галактионович (1853–1921), писатель, публицист 287
- Короستовцев Михаил Александрович (1900–1980), египтолог. Академик АН СССР (1974). Работал в Институте востоковедения АН СССР (1943–1944), с 1955 возглавлял в нем отдел Древнего Востока. Труды по филологии и истории Древнего Востока 256

- Корш Федор Евгеньевич (1843–1915), филолог. Академик Петербургской АН (1900). Профессор Московского университета (1870–1900). С 1892 – профессор Лазаревского института восточных языков по персидской словесности. Недолго был профессором классической филологии Новороссийского университета. Труды в области классической филологии, типологические и сравнительно-исторические исследования индоевропейских, финно-угорских языков, русской орфографии и орфоэпии, восточнославянских литератур, метрики 190, 249
- Косминский Евгений Алексеевич (1886–1959), историк-медиевист. Академик АН СССР (1946). С 1919 работал в Институте истории РАНИОН, с 1929 – в Коммунистической академии. Профессор, зав. кафедрой истории средних веков МГУ (1934–1949). Зав. сектором средних веков в Институте истории АН СССР (1936–1952). Основные труды по аграрной истории Англии в средние века, английской буржуазной революции, истории дипломатии и историографии средних веков. Сталинская премия 1942 32, 72
- Костов Кирилл (род. 1921), болгарский лингвист. К. ф. н. (1963). В 1947–1953 – библиотекарь и ассистент в Народной библиотеке (София), с конца 1953 – сотрудник Института болгарского языка БАН, в 1969–1986 – сотрудник Центрального института языкознания АН ГДР (Берлин) 202–203, 237
- Костюшко Иван Иванович (род. 1919), историк-полонист. Д. и. н. В Институте славяноведения РАН с 1952, в. н. с.-консультант. В 1965–1987 – главный редактор журнала «Советское славяноведение», в 1967–1988 – зав. сектором. Труды по социально-экономической, политической истории и аграрным отношениям в Польше XIX–XX вв. 271
- Котков Сергей Иванович (1906–1986), лингвист. Работал в Институте русского языка АН СССР. Специалист по русской диалектологии и истории русского языка, основатель советского лингвистического источниковедения 154, 166
- Котова Надежда Васильевна (род. 1926), лингвист-болгарист. Доцент филологического факультета МГУ. Кандидатскую диссертацию защитила в Софийском университете в 1960. Труды по вопросам применения математико-статистических методов при исследовании современного болгарского языка, его диалектов и истории 83, 138, 141
- Кочев Иван, студент болгарского сектора пединститута в Одессе в 1930-е годы. Муж В. Кочевой 186
- Кочев (Юстинианов) Иван (род. 1935), болгарский лингвист. К. ф. н. (1974). В 1957–1960 – аспирант, с 1960 – сотрудник Института болгарского языка БАН, в 1975–1988 – зав. сектором диалектологии в нем. Профессор Юго-Западного университета (Благоевград) 205
- Кочева Варвара, воспитанница Р. Кандевой 185, 186, 250
- Кочубинский Александр Александрович (1845–1907), филолог и историк. С 1871 преподавал славянскую филологию в Новороссийском университете, с 1877 – профессор. Труды по древней и современной истории, исторической географии и этнографии славян, проблемам славянской филологии 104
- Кравец А. И., учитель литературы в Александровске-на-Сахалине 45
- Кравцов Николай Иванович (1906–1979), филолог-славист. Д. ф. н. (1947). Сотрудник Института славяноведения АН СССР (1947–1970). Профессор с 1949, зав. кафедрой русского устного народного творчества филфака МГУ (1964–1978). Исследовал проблемы сравнительного изучения славянских литератур и фольклора, истории болгарской и сербской литератур, культурные связи южных славян с Россией 83, 113, 146, 148, 160, 200, 207
- Крайнюк Захар, студент, сокурсник С. Б. Б. в МГУ 63, 64, 67, 88
- Краснокутский Василий Александрович (1873–?), юрист. Преподавал в МИФЛИ, МГУ и других вузах. Труды по русскому торговому праву, гражданскому процессуальному праву, международному частному праву 46, 47



- Крачковский Игнатий Юлианович (1883–1951), востоковед. Академик РАН (1921). С 1910 преподавал в Петербургском университете и других вузах. Работал в Азиатском музее (Институте востоковедения АН СССР) в 1916–1951. Труды по литературе, языку, истории, культуре арабов в средние века и новое время. Опубликовал многие памятники средневековой и современной арабской литературы. Сталинская премия 1951 30, 100, 158
- Крейн Давид Сергеевич (1869–1926), скрипач, педагог, профессор Московской консерватории с 1918 170
- Кристенсен Оге Том (1893–1974), датский писатель, литературовед. Автор монографии «Датская литература, 1918–1952» 241
- Кружков Владимир Семенович (1905–1991), философ. Член-корреспондент АН СССР (1953). В 1944–1949 – директор ИМЭЛ, затем (до 1955) работал зам. зав. и зав. отделом ЦК КПСС, с 1961 возглавлял Институт истории искусств Министерства культуры СССР. Труды по вопросам теории марксизма-ленинизма, истории русской философии. Сталинская премия 1952 151, 152
- Кубиков (наст. фамилия – Дементьев) Иван Николаевич (1877–1944), литературовед. Член РСДРП с 1902. После 1917 преподавал в ряде вузов Москвы. Автор критико-биографических очерков о Г. И. Успенском, Н. А. Некрасове, А. С. Новикове-Прибое и др. Книга «Рабочий класс в русской литературе» (М., 1924) написана с позиций вульгарного социологизма 48
- Кудрявцев Василий Дмитриевич (1898–?), специалист по общему языкознанию 150
- Кузнецов Петр Саввич (1899–1968), лингвист. Д. ф. н. (1947). Преподаватель Саратовского университета, сотрудник НИЯЗа. С 1934 преподавал в 1-м МГПИИЯ, с 1939 – в МИФЛИ, потом в МГУ, после войны – его профессор. Был сотрудником Института языкознания и ИРЯ. Специалист по фонологии, диалектологии и истории русского языка, славянских языков, общему языкознанию, структурной и прикладной лингвистике 38, 76, 122, 159, 160, 167, 170, 172, 176, 177, 180, 189, 190, 240, 262, 300
- Кузупов Любомир, представитель болгарского правительства в Одессе, один из членов Комиссии по добровольной репатриации болгарского населения южных районов СССР в Болгарию. Работал на оккупированной немецкими войсками территории Советского Союза в 1943–1944 53
- Кузьмин Ф. Ф., канд. пед. наук (1958), доцент, сотрудник Института языкознания АН СССР 301
- Кузьминский, директор издательства 301
- Куйбышев Валериан Владимирович (1888–1935), государственный и партийный деятель. Занимал ряд ответственных постов. С 1926 – председатель ВСНХ СССР. С 1930 – председатель Госплана СССР. Член Политбюро ЦК ВКП(б) с 1927 86
- Кульбакин Степан Михайлович (1873–1941), филолог, славист. Член-корреспондент РАН (1919), действительный член Сербской Академии наук и искусств (1925). С 1900 – доцент Новороссийского университета. Профессор университетов в Харькове (1908–1919), Скопле (с 1920), Белграде (с 1924). В эмиграции с 1920. Исследователь проблем древнеславянской письменности, современных и древних славянских языков и их диалектов 71, 81
- Кунчев, болгарский лингвист 126
- Купер Джеймс Фенимор (1789–1851), американский писатель 112
- Куприн Александр Иванович (1870–1938), писатель 288
- Курашкевич Владислав (1905–?), польский лингвист. Академик ПАН (1967). Профессор Люблинского (с 1936), Вроцлавского (с 1946), зав. кафедрой польского языка Познанс-

кого (с 1950) университетов, сотрудник Института литературных исследований ПАН. Во время немецкой оккупации был заключен в концлагерь. Труды по истории и диалектологии польского и восточнославянских языков. Издатель древних польских грамот. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве выступил с докладом «Статистическое исследование словарного состава польских текстов XVI в.» 257

Курилович Ежи (1895–1978), польский языковед. Академик Польской академии наук и искусств (1931). С 1928 – зав. кафедрой общего языкознания Ягеллонского университета в Кракове. Специалист в области индоевропейского, семитского и общего языкознания, один из основоположников структурной лингвистики 198, 199, 216, 282

Курц Йозеф (1901–1972), чешский лингвист-компаративист. В 1931–1935 – лектор чешского языка и литературы в Варшавском университете, с 1945 – профессор славянского языкознания в Брненском университете, с 1956 – в Карловом университете в Праге. Член ЧКСК. Изучал старославянский язык (фонетика, морфология, синтаксис) и его памятники (церковнославянские, хорватско-глаголические и др.), проблемы истории славистики и библиографии. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве выступил с докладом «Роль церковнославянского языка как международного культурного (литературного) языка славян» 253, 262

Кутайсов Александр Иванович (1784–1812), граф, генерал. Убит под Бородино 285

Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797–1846), поэт-декабрист 32, 33, 45

Кюхельбекер Михаил Карлович (1798–1859), морской офицер, декабрист, брат В. К. Кюхельбекера 32

## Л

Лавров Петр Алексеевич (1856–1929), филолог-славист. Академик РАН (1923) и ряда европейских АН. В 1887 – приват-доцент Московского университета. С 1898 – профессор Новороссийского и с 1900 – Петербургского университетов. Председатель Славянской комиссии АН СССР. Труды по ранней истории славянской письменности, истории славянских литератур, славянскому языкознанию 78

Ламанский Владимир Иванович (1833–1914), историк, филолог, этнограф и общественный деятель. Академик Петербургской АН (1900). Профессор Петербургского университета (с 1865). Труды по истории славянской филологии, палеографии, этнографии 298

Ламброзо Чезаре (1835–1909), итальянский психиатр и криминалист. Профессор Туринского университета по кафедре уголовного права, основатель антропологической школы в криминалистике, описавшей типы «прирожденных преступников» 224

Ларин Борис Александрович (1893–1964), филолог. Член-корреспондент АН УССР (1945). Академик АН Литовской ССР (1949). С 1917 – доцент Петроградского университета, с 1931 – профессор ЛГУ. С 1922 – профессор педагогического института в Петрограде. В 1951–1953 – сотрудник Института языка АН Литовской ССР и профессор Вильнюсского университета. Труды по славянской диалектологии, русской исторической лексикографии, украинскому, литовскому языкам, санскриту, социолингвистике 81, 86, 89, 126, 160, 168

Лебедев, редактор газеты «Советский Сахалин» 46

Лебедев-Полянский Павел Иванович (1881–1948), критик, литературовед. Член РСДРП с 1902. Академик АН СССР (1946). В 1918–1920 – председатель Пролеткульта, в 1921–1930 – начальник Главлита. Директор ИМЛИ (1946–1948). Автор работ о Н. Г. Чернышевском, Н. А. Добролюбове, Н. А. Некрасове 25, 31, 150, 152

- Леви-Брюль Люсьен (1857–1939), французский этнограф и психолог. Автор теории о «до-логическом мышлении» и «религиозном сознании» в идеологии первобытного общества 50, 51
- Левитан Исаак Ильич (1860–1900), живописец, мастер русского пейзажа 198
- Левковская Ксения Аристарховна (1905–1975), лингвист-германист. Преподаватель немецкого языка в МИФЛИ, доцент. Сотрудник Института языкознания АН СССР. Профессор, зав. кафедрой немецкого языка филфака МГУ 80, 128
- Лейбович София Константиновна, учительница начальных классов в частной школе Третьяковой в Иркутске 119
- Лекко Иван Димитров (1904–1978), болгарский лингвист, славист. Член-корреспондент БАН (1945). Исследовал вопросы сравнительного славянского языкознания, болгарской грамматики, фонологии, словообразования, лексикологии 138, 141, 161, 198, 201, 206, 217, 227, 239
- Ленин (наст. фамилия – Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924), политический и государственный деятель, организатор Октябрьской революции, председатель (с 1917) СНК РСФСР 141, 150
- Леонардо да Винчи (1452–1519), итальянский живописец, скульптор, ученый 218
- Леонов Леонид Максимович (1899–1994), писатель 266
- Леписье Жак, французский лингвист. Профессор Сорбонны. Специалист по русскому фольклору, превосходно владел русским языком. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве выступил с докладом «Опущение местоимения-подлежащего в современном русском языке» 224
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841), поэт 17, 18, 23, 111
- Лер-Сплавинский Тадеуш (1891–1965), польский языковед-славист. Академик ПАН (1952). Профессор Познанского (1919–1921), Львовского (1922–1929) университетов, профессор и зав. кафедрой славянской филологии Ягеллонского университета в Кракове (1929–1962). В 1945–1962 – директор Института языкознания в Кракове. В 1939 был заключен в концлагерь Заксенхаузен. Исследователь славянских, балтийских и кельтских языков, проблем этногенеза и прародины славян. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве сделал доклад «Об этногенезе славян» 71, 198, 212, 214, 216, 240, 241, 242, 257, 263
- Лесков Николай Семенович (1831–1895), писатель 111
- Лесскис Георгий Александрович (1917–2000), литературовед. К. ф. н. Работал в средней школе, в Учпедгизе, в Литературном музее, в ВИНТИ. Редактор, автор ряда монографий о русских писателях 263, 265
- Либкнехт Вильгельм (1826–1900), деятель германского и международного рабочего движения, один из основателей (1869) и руководителей Социал-демократической партии Германии. Участник революции 1848–1849 в Германии. Участвовал в работе I и II Интернационалов 188
- Ливанов Борис Николаевич (1904–1972), актер театра и кино. Народный артист СССР (1948). В 1924 принят в труппу МХТ 184
- Линниченко Иван Андреевич (1857–1926), украинский историк-славист. Член-корреспондент Петербургской АН (1900). В 1888–1894 – приват-доцент Московского университета, затем профессор Новороссийского университета в Одессе (1895). В 1921–1926 преподавал в вузах Симферополя. Специалист по истории Киевской Руси, русско-польским отношениям в Галиции XIV–XV вв. 130, 294
- Логар Тине (род. 1916), югославский (словенский) лингвист, профессор философского факультета Люблянского университета 257

- Ломтев Тимофей Петрович (1906–1972), лингвист. Д. ф. н. Член ВКП(б) (1939). Сотрудник НИЯЗа (1931–1933), доцент МГПИ, профессор БГУ (1937), Свердловского университета (1941–1943), МГУ (1946). С. н. с. Института языкознания АН СССР. Член ВАКа, МКС. Исследовал проблемы общего, славянского, русского и белорусского языкознания (грамматика, фонология, лексика, семантика и др.) 95, 96, 141, 145, 146, 147, 151, 157, 178, 189, 240
- Луканов Тодор Станчев (1874–1946), болгарский эмигрант-коммунист. Участник работы над болгарско-русским словарем 43, 62, 68, 70, 82, 102
- Лукашевич Платон Акимович (1806–1887), украинский этнограф и фольклорист. Товарищ Н. В. Гоголя по Нежинской гимназии. Собирал украинские народные песни, в 1836 выпустил их сборник. Последующие произведения Лукашевича о чароутии «обязаны своим появлением ненормальному психическому состоянию, в которое он впал» (Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1896. Т. 18. С. 88) 150, 151
- Лукин Николай Михайлович (1885–1940), историк. Академик АН СССР (1929). Член РСДРП с 1904. Преподавал в МГУ с 1915, потом в Академии Генштаба и ИКП. В 1925 – один из основателей Общества историков-марксистов. В 1932–1936 – директор Института истории Коммунистической академии, в 1936–1938 – Института истории АН СССР. С 1935 – ответственный редактор журнала «Историк-марксист». Труды по истории Великой французской революции. Репрессирован 32, 44, 55
- Лукин Юрий Борисович, критик, литературовед, кинодраматург. Автор работ о творчестве М. Шолохова и киносценариев по его произведениям 43, 262
- Лукьянов Сергей Владимирович (1910–1965), артист театра и кино. Народный артист РСФСР (1952). В 1945–1955 работал в Московском театре им. Е. Вахтангова 184
- Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933), государственный и партийный деятель, писатель, драматург. Академик АН СССР (1930). С 1917 – нарком просвещения. С 1929 председатель Ученого комитета при ЦИК СССР. В 1933 – полпред в Испании. Труды по истории общественной мысли, проблемам культуры, литературная критика 18, 25, 63, 290, 297
- Лухт Линда Ивановна (род. 1921), лингвист. Сотрудник Института языкознания АН СССР. Защитила здесь кандидатскую диссертацию «Роль русского языка в развитии словарного состава современного литературного молдавского языка». Специалист по романскому языкознанию. Труды по сравнительной грамматике романских языков 170
- Лысенко Трофим Денисович (1898–1976), агроном. Академик АН СССР (1939). Академик (1935) и президент (1938–1956, 1961–1962) ВАСХНИЛ. Создатель псевдонаучного «мичуринского учения» в биологии. Отрицал классическую генетику как «буржуазную и идеалистическую» науку, преследовал и шельмовал генетиков 93
- Любавский Матвей Кузьмич (1860–1936), историк-славист. Академик АН СССР (1929). Профессор, ректор Московского университета (1911–1917). Труды по истории, исторической географии, историографии России и Литвы до конца XVI в. В университете читал курс истории западных славян, опубликованный под названием «История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков)» (М., 1917). Репрессирован 32, 50, 72
- Любимов Николай Николаевич (1894–1975), экономист. С 1918 преподавал в МГУ и других вузах, работал в государственном аппарате. Участвовал в подготовке Генуэзской и других международных конференций. Труды по международным экономическим отношениям, финансам, кредиту. Автор монографии «Баланс взаимных требований Союза ССР и держав Согласия» (М.;Л., 1924) 32
- Ляпунов Алексей Андреевич (1911–1973), математик. Член-корреспондент АН СССР (1964). Труды по теории множеств, математическим вопросам кибернетики и математической лингвистики 155

Ляпунов Борис Михайлович (1862–1943), филолог-славист. Академик РАН (1923), член многих иностранных АН. Специалист по истории, этимологии, сравнительной фонетике славянских языков. Корреспондент С. Б. Б. 30, 105, 169, 231, 232, 247

## М

Мавроди Иван Владимирович, писатель, литературовед. Преподавал историю болгарской литературы на кафедре болгарского языка и литературы Одесского пединститута им. К. Д. Ушинского 289

Мазон Андре (в России – Андрей Альбинович) (1881–1967), французский филолог-славист. Член Академии надписей и изящной словесности (1941). Почетный член-корреспондент АН СССР (1926). Профессор Харьковского (1905–1908), Страсбургского (1919–1923) университетов, Коллеж де Франс (1924–1951). Исследователь славянских языков, русской и древнерусской литературы. Редактор «Revue des études slaves». В 1958 на Международном съезде славистов в Москве выступил с докладом «Глагольный вид в славянских языках» 71, 136, 214, 236, 240, 241

Майн Рид, см. Рид Т. М.

Майский Иван Михайлович (1884–1975), дипломат, историк. Академик АН СССР (1946). В 1929–1932 – полпред СССР в Финляндии, в 1932–1943 – посол в Великобритании, в 1943–1946 – зам. наркома (министра) иностранных дел СССР. Автор трудов по истории рабочего движения, истории Испании, воспоминаний 219, 247

Макаров, студент МГУ рубежа 1920–1930-х годов 64

Максимов Александр Николаевич (1872–1941), этнограф. В 1919–1930 – профессор МГУ. Специалист по общим вопросам семьи, рода, хозяйства 32, 50, 72

Малецкий Мечислав (1903–1946), польский языковед-славист, диалектолог. Специалист по лингвогеографии, автор диалектологического атласа Подкарпатья (совместно с К. Нитшем) 228

Мальмберг Бертиль, шведский лингвист, автор работ по общему языкознанию (фонология, структурная лингвистика), близкий по воззрениям к концепции Пражского лингвистического кружка 248

Мамохин, аспирант МГУ 69

Маньковский Лев Александрович (1900–?), философ, преподаватель МГУ. Автор работ о марксизме, его буржуазной и социал-демократической интерпретации 32, 41

Маркелов Михаил Тимофеевич (1892–?), этнограф-угровед. В 1928 – аспирант этнологической секции Института истории РАНИОН, старший помощник хранителя Отдела угро-финнов и тюрко-татар Государственного центрального музея народоведения. Специалист по угро-финской этнологии и этнографии народов СССР 98

Марков Андрей Андреевич (1903–1979), математик. Член-корреспондент АН СССР (1953). Труды по топологии, математической логике и конструктивной математике 247

Марков Дмитрий Федорович (1913–1990), литературовед-славист. Академик АН СССР (1984). Директор Института славяноведения и балканистики АН СССР (1969–1987). Исследовал историю болгарской литературы, закономерности литературного процесса XX в. в литературах славянских народов, теорию социалистического реализма 134

Маркс Карл (1818–1883), немецкий мыслитель и общественно-политический деятель 288, 296

Марр Николай Яковлевич (1864–1934), востоковед, лингвист. Академик Петербургской АН (1909), АН СССР (1925). Профессор Петербургского университета с 1900. Основатель и директор Яфетического института (1921). Член ВКП(б) с 1930. Труды по кавказ-

- ским языкам, истории, археологии, этнографии Кавказа. Создатель «нового учения о языке», научная несостоятельность которого раскрыта в дискуссии начала 1950-х годов 42, 48, 56, 57, 77, 103, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 218, 272, 273, 274, 275
- Маслов Юрий Сергеевич (1914–1990), лингвист, специалист в области типологии грамматики, фонологии, морфологии и теории письменных языков. В 1949–1959 – доцент, затем профессор, зав. кафедрой общего языкознания (с 1964) в ЛГУ, одновременно в 1950–1960 – сотрудник Ленинградской группы Института славяноведения АН СССР. Исследовал проблемы глагольного вида на материале болгарского и других славянских языков. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве сделал доклад «Роль так называемой “перфективации” и “имперфективации” в процессе возникновения славянского глагольного вида» 148, 159, 160, 169, 172, 188, 189, 197, 199, 212
- Массалитинова Варвара Осиповна (1878–1945), актриса театра и кино. Народная артистка РСФСР (1933). С 1901 играла в Малом театре. Представительница русской реалистической театральной школы 302
- Массальский Павел Владимирович (1904–1979), артист театра и кино. Народный артист СССР (1963). В 1925 принят в труппу МХТ 184
- Матавуль Симо (1852–1908), сербский писатель-реалист 199
- Матьюс (Мэтьюс) Уильям Клеманн (1901–1958), английский лингвист, славист, компаративист, историк русского языка, русской и украинской литератур 178, 219, 236
- Махек Вацлав (1894–1965), чешский лингвист-компаративист. Член-корреспондент ЧСАН. Профессор Брненского университета (1936). Изучал проблемы славяно-балтийских, славяно-арийских, славяно-греческих языковых связей, славянской этимологии, морфологии, мифологии и др. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве сделал доклад «Принципы построения этимологических словарей» 239
- Маяковский Владимир Владимирович (1893–1930), поэт 18, 109, 278, 297
- Мейе Антуан (1866–1936), французский лингвист. Иностраный член Петербургской АН (1906). Глава французской социологической школы в языкознании. Основные труды по сравнительному индоевропейскому языкознанию и отдельным языковым семьям. Автор книги «Общеславянский язык» (1924) 105, 122, 126, 128, 162, 163, 224
- Мензбир Михаил Александрович (1855–1935), зоолог, орнитолог. Академик АН СССР (1929). Профессор (1886–1911), ректор Московского университета (1917–1919). Основатель московской школы орнитологов, зоогеографов и анатомов 26
- Мериджи Бруно (1923?–1970), итальянский лингвист-славист из Милана. В 1958 – доцент, лектор чешского и русского языков университета во Флоренции. Знал чешский, русский, сербскохорватский языки. Изучал славянскую мифологию, фольклор, диалектологию. Деятельный член Комиссии по общеславянскому лингвистическому атласу. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве выступил с докладом «Вокруг термина *Anti*» 241
- Мериме Проспер (1803–1870), французский писатель 20
- Металлов Яков Михайлович (1900–1976), литературовед, литературный критик. Член РКП(б) (1919). Профессор истории зарубежной литературы в МГУ и других вузах. Редактор и издатель произведений немецких писателей (Г. Гейне и др.). В 1949 обвинялся в космополитизме и был уволен из университета 33, 48
- Метнер Николай Карлович (1879–1951), российский композитор и пианист. С 1921 – за рубежом (с 1936 – в Великобритании). Создатель жанра «фортепианной сказки» 170
- Меттерних Клеменс (1773–1859), князь, министр иностранных дел и фактический глава австрийского правительства (1809–1821), канцлер (1821–1848). Противник объединения Германии. В Австрийской империи установил систему полицейских репрессий 253

- Метченко Алексей Иванович (1907–1985), литературовед, критик. Д. ф. н., профессор, зав. кафедрой советской литературы на филфаке МГУ. Изучал историю советской литературы 244, 246
- Мефодий (ок. 815–885), славянский просветитель, проповедник христианства 78, 298
- Мещанинов Иван Иванович (1883–1967), языковед, археолог. Академик (1932), академик-секретарь ОЛЯ АН СССР (1934–1950). Директор Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР (1933–1937) и ИЯМа (1935–1950). Специалист по мертвым языкам Кавказа и Малой Азии, проблемам общего языкознания. Последователь «нового учения о языке» Н. Я. Марра 42, 48, 89, 124, 127, 136, 138, 148, 149, 152, 272, 273, 274
- Мещерский Владимир Петрович (1839–1914), князь, писатель и публицист. С 1872 издавал газету «Гражданин», в которой защищал самодержавие и отстаивал феодально-дворянские привилегии. Внук Н. М. Карамзина 149
- Мещеряк Иван Иванович (1889–1975), бессарабский болгарин, знаток гагаузского языка. Преподавал историю и обществоведение в ряде вузов СССР, в том числе в Кишиневском государственном университете. В 1959–1970 – с. н. с. Института истории АН Молдавской ССР. Исследовал историю заселения Юга России, болгарских и гагаузских колоний в Бессарабии, политику России на Балканах, русско-болгарские связи, национально-освободительное движение болгар в XIX в. 84
- Мигай Сергей Иванович (1888–1959), певец (баритон), педагог, народный артист РСФСР (1939). Пел в театрах Москвы и Ленинграда, солист Всесоюзного радио 18
- Миладиновы Димитрий (1816–1862) и Константин (1830–1862), деятели болгарского национального возрождения, просветители. Погибли в стамбульской тюрьме 54
- Милетич Любомир Георгиев (1863–1937), болгарский филолог. Академик БАН (1898), ее президент (1924–1937). Один из основателей и профессор болгарского университета «Климент Охридски» (позднее – Софийского университета). Руководитель Македонского научного института (1928–1937). Специалист по диалектологии, истории языка, этнографии и фольклору. Публиковал староболгарские языковые памятники 11, 228, 281, 294
- Миллер Илья Соломонович (1918–1978), историк-полонист, профессор. Д. и. н. (1965). Лаборант кафедры истории южных и западных славян в МГУ (1939–1940), участник войны, был сотрудником ИНИОНа. С 1947 – сотрудник, с 1965 – зав. сектором Института славяноведения и балканистики АН СССР. Член редколлегий и ответственный редактор многих периодических изданий, сборников, коллективных трудов. Работы по новой истории Польши, истории польской общественной мысли XVIII–XIX вв., русско-польским революционным связям XIX в. 140, 235
- Милюков Павел Николаевич (1859–1943), историк и политический деятель, публицист. С 1882 – приват-доцент Московского университета. За диссертацию, защищенную в 1892, Милюкову была присуждена степень магистра. Один из организаторов Конституционно-демократической партии, в 1917 – министр иностранных дел Временного правительства, затем жил в эмиграции. Автор работ по истории России XVIII–XIX вв., истории Февральской и Октябрьской революций 1917 129, 130
- Милютин Николай Алексеевич (1818–1872), государственный деятель, принадлежал к группе «либеральных бюрократов». Фактический руководитель работ по подготовке отмены крепостного права в России и крестьянской реформы в Польше в 1864 21, 213
- Минц Исаак Израилевич (1896–1991), историк. Академик АН СССР (1946). Член РСДРП(б) (1917). Участник гражданской войны. Преподавал в ИКП, зав. кафедрой истории СССР в МИФЛИ и МГУ (1932–1949), ВПШ (1937–1949). Профессор АОН (1947–1950), зав. кафедрой истории СССР в МГПИ с 1950. Сотрудник, зав. сектором Института истории АН СССР. Труды по истории Октябрьской революции, гражданс-

- кой войны, компартии. Сталинские премии 1943, 1946. В 1949 обвинялся в космополитизме 66
- Мирчев Кирил Спиридонов (1902–1975), болгарский лингвист. Член-корреспондент БАН (1945). Профессор Софийского университета (1946). Зав. секцией истории болгарского языка Института болгарского языка. Специалист по истории болгарского языка, болгарской диалектологии. Друг С. Б. Б. 172, 188, 200, 201, 203, 227, 228, 229, 237, 281
- Мисирков Крысте (1874–1926), македонский филолог и политический деятель. Окончил Петербургский университет. Преподавал в гимназиях в России и Болгарии. В Одессе издавал в 1905 на македонском языке газету «Вардар». Один из видных идеологов македонской национальной, культурной и политической самобытности 40, 54, 82, 102, 218, 264
- Митин Марк Борисович (1901–1987), философ-марксист, общественный деятель. Академик АН СССР (1939). Был зам. директора Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской, зам. директора Института философии АН СССР, главным редактором журнала «Под знаменем марксизма» (1930–1934), директором ИМЭЛа. С 1960 – главный редактор журнала «Вопросы философии». Работы по диалектическому и историческому материализму, критике буржуазной философии. Сталинская премия 1943 247
- Михаил Архангел, в христианстве, иудаизме и мусульманстве великий ангел, предводитель небесного воинства в эсхатологической битве против сил зла и заступник за людей перед богом 244
- Михаилэ Георге (род. 1930), румынский лингвист. Сотрудник Института языкознания Румынской АН в Бухаресте. Специалист по славяно-романским языковым связям. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве сделал доклад «К вопросу составления этимологического словаря славянских заимствований в румынском языке» 216
- Михайлов Александр Васильевич (1859–1927), филолог-славист и историк русской литературы. Член-корреспондент РАН (1922). Профессор Петербургского (1905–1914) и Московского (1915–1922) университетов. Исследователь славянской Библии, публикатор научного издания Книги Бытия 78
- Михайлов Марк Алексеевич (1930–1993), лингвист. К. ф. н. (1962). В 1957–1964 – доцент кафедры русского языка Дальневосточного университета (Владивосток), в 1964–1990 – доцент кафедры русского языка и общего языкознания Горьковского университета. Занимался вопросами словообразования и морфемной структуры славянских языков (особенно серболужицких). Аспирант С. Б. Б. 264
- Михайловская, студентка филфака МГУ в 1940-е годы 194
- Михайловский Борис Васильевич (1899–1960), литературовед. Исследовал творчество М. Горького 290
- Михалк Зигфрид (Фридо) (1927–1992), лингвист-сорабист, историк языка, диалектолог. Сотрудник Серболужицкого института в Будышине. Автор книги «Верхнелужицкий диалект Нойштадта» (Будышин, 1962) 257
- Михальчи Дмитрий Евгеньевич (1900–1973), литературовед и лингвист-романист. Профессор МИФЛИ, МГУ. Автор работ по истории западноевропейской литературы эпохи средневековья и Возрождения. Основные лингвистические труды посвящены романской лексикографии 147
- Мицкевич Адам (1798–1853), польский поэт 83
- Мишутка, см. Бернштейн Э. С.
- Младенов Максим Славчев (1930–1992), болгарский лингвист, диалектолог. Д. ф. н. (1988). В 1960–1979 – сотрудник Института болгарского языка БАН, в 1979–1985 – сотрудник Института этнографии, с 1985 – Института балканистики БАН 263, 281
- Младенов Стефан Стоянов (Стефан Младенов Стоянов), (1880–1963), болгарский языковед. Академик БАН (1929), член многих иностранных АН. С 1921 – профессор Софий-



- ского университета. Специалист по славянскому, болгарскому (диалектология, этимология), индоевропейскому и общему языкознанию. Автор многих фундаментальных трудов, учебников, словарей 169, 171, 208, 216, 229
- Моллов Ахмед, народный певец (бас) из болгарского г. Смолян 204
- Моносов Сергей Михайлович (1893–?), историк. В 1930-е годы преподавал во 2-м МГУ и ИКП. Специалист по новой истории Франции и истории революций XVIII – первой половины XIX в. 100, 183
- Монтанелли, кардинал, персонаж романа Э. Л. Войнич «Овод» 45
- Мороховец Евгений Алексеевич (1880–1941), историк. Профессор кафедры русской истории МГУ. Ученый секретарь Института истории РАНИОН. Специалист по истории русского крестьянства 32, 55, 72
- Моруа Андре (наст. имя и фамилия – Эмиль Эрзог) (1885–1967), французский писатель 112
- Москвин Иван Михайлович (1874–1946), актер. Народный артист СССР (1936). В 1898 принят в труппу МХТ 184
- Моцарт Вольфганг Амадей (1756–1791), австрийский композитор 170, 234
- Мочульский Василий Федорович (1893–?), литературовед-славист. Сотрудник Института славяноведения АН СССР в 1947–1948. Изучал творчество М. Богдановича, белорусскую и украинскую литературу 113
- Мусоргский Модест Петрович (1839–1881), композитор 170
- Мухелишвили Николай Иванович (1891–1976), грузинский математик и механик. Академик (1941) и президент (1941–1972) АН Грузинской ССР, академик (1939) АН СССР. Сталинская премия 1941, 1947 143
- Мухина Дина Сергеевна, см. Станишева Д. С.
- Мясников Александр Сергеевич (1913–?), литературовед. Профессор МГУ. В 1946–1964 – один из руководителей кафедры теории литературы АОН. Автор статей и брошюр по вопросам социалистического реализма, партийности и народности советской литературы 199

## Н

- Нагибин Юрий Маркович (1920–1994), писатель 252
- Наполеон I Бонапарт (1769–1821), французский император 193
- Нахтигал Райко (1877–1958), словенский лингвист-славист. До 1913 был профессором в Вене и Граце. Профессор Люблянского университета (1919). Инициатор создания и первый президент Словенской Академии наук и искусств (1921). Специалист в области славянского языкознания и древнерусской литературы, исследователь и переводчик «Слова о полку Игореве» на словенский язык 218, 262, 266
- Невский Николай Александрович (1892–1937), филолог и историк-востоковед. Основной труд «Тангутская филология» опубликован в 1960. Репрессирован. Погиб 72
- Неедлы Зденек (в России — Зденек Романович) (1878–1962), чешский ученый и общественный деятель, академик, первый президент ЧСАН (1952). Профессор Карлова университета в Праге (1909–1939). В 1939–1945 преподавал в МГУ и работал в секторе славяноведения Института истории АН СССР. После войны занимал ряд министерских постов в ЧСР. Труды по истории Чехословакии, СССР, истории чешской культуры, литературы, музыки 72, 290
- Неймайр Мельхиор (1845–1890), австрийский палеонтолог-эволюционист 224

- Нейман Борис Владимирович (1888–?), литературовед. Преподавал в различных вузах Москвы с 1912. Труды о творчестве М. Ю. Лермонтова и других классиков русской литературы 85, 184
- Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877), поэт 223
- Немченко Елена Васильевна (род. 1913), лингвист-русист, диалектолог. К. ф. н. Сотрудник ИРЯ 159
- Неофит Рыльский (ок. 1793–1881), болгарский монах, просветитель, педагог. Автор работ о болгарском языке, по вопросам церковной истории и церковной музыки 217
- Несмеянов Александр Николаевич (1899–1980), химик-органик. Академик (1943), президент (1951–1961) АН СССР. В 1948–1951 – ректор МГУ. Директор Института элементоорганических соединений АН СССР (1954). Труды по химии металлоорганических соединений. Сталинская премия 1943, Ленинская премия 1966 106, 114, 123, 127, 145, 158, 270, 271, 278, 279
- Никитенко Александр Васильевич (1804–1877), литературный критик, историк литературы, цензор. Академик Петербургской АН (1855). Основные труды – «Опыт истории русской литературы» (1845) и мемуары «Записки и дневник» (1893. Т. 1–3), содержащие ценный литературный и исторический материал 30
- Никитин Сергей Александрович (1901–1979), историк-славист. Д. и. н. Профессор МГУ (1942–1961), зав. кафедрой истории южных и западных славян (1947–1961). В 1947–1979 – зав. сектором, зам. директора, с. н. с.-консультант Института славяноведения АН СССР. Ответственный редактор и член редколлегии ряда сборников и журналов. Исследовал источниковедческие проблемы истории славянских стран в XIX в., славянскую идеологию, внешнюю политику России на Балканах, русско-южнославянские связи, проблемы славянской историографии 127, 130, 196, 235
- Никитина Любовь Дмитриевна (род. 1936), болгарист. Окончила МГУ и Софийский университет, сотрудник редакции словарей на славянских языках в издательствах «Советская Энциклопедия» и «Русский язык» 280
- Никифоров Степан Дмитриевич (1891–1959), языковед. В 1920–1936 преподавал в Коммунистической академии, возглавлял кафедру русского языка. В 1939–1951 – в МГПИ, где с 1943 заведовал кафедрой русского языка. С 1950 – зам. директора Института языкознания АН СССР. Автор работ по древнерусскому языку и письменности 150, 161
- Николай I (1796–1855), российский император 62, 243
- Никольский Владимир Капитонович (1894–1953), историк и этнограф. Преподавал в МГУ в 1921–1946. Труды по истории России XVII в., истории первобытного общества 32, 37, 50, 51, 52, 78
- Никольский Николай Константинович (1863–1936), филолог, археограф, историк древнерусской рукописной книжности. Академик Петербургской АН (1916). В 1921–1925 – директор БАН, Книжной палаты в Петрограде. Собиратель и комментатор произведений древней письменности. Составил картотеку «Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей» (174 тыс. карточек хранится в Петербургском отделении Института отечественной истории РАН). Архив ученого передан на хранение в Петербургский филиал Архива РАН 298
- Никольский Сергей Васильевич (род. 1922), литературовед. Д. ф. н. (1971), профессор (1973). В Институте славяноведения РАН с 1948, г. н. с. Исследует закономерности развития славянских литератур в XIX–XX вв., историю чешской и словацкой литературы периода национального возрождения, проблемы романтизма, специфику реализма XX в., межславянские литературные связи 83
- Никулин, аспирант МГУ 69

- Никулин Лев Вениаминович (1891–1967), писатель. Автор книг о людях искусства, мемуаров 18
- Нимчук Василий Васильевич (род. 1933), украинский славист. Сотрудник Института языковедения АН УССР, директор Института украинского языка НАН. Труды по проблемам старославянского, древнерусского и украинского языков, карпато-балканского и славянского языкознания. Исследовал памятники старославянского, церковнославянского и украинского языков 270
- Нирнзее Эрнст-Рихард Карлович, инженер-строитель, жил в Москве в начале XX в. (по 1918). В 1912–1913 построил в Б. Гнездиновском переулке (д.10) десятиэтажный жилой дом, в то время самый высокий в Москве 289, 290
- Нитш Казимир (1874–1958), польский языковед-славист. Президент (1946–1952) и вице-президент (1952) ПАН. Иностраннный член АН СССР (1947). Профессор Ягеллонского (в Кракове) (1910–1917, 1920–1939, 1947–1952), Львовского (1917–1920) университетов. Один из основателей Краковской школы языковедов. Труды в области истории польского языка, диалектологии, лексикографии, этнографии, лингвогеографии 105, 229, 242
- Новиков Михаил Михайлович (1876–1960), зоолог. Профессор и ректор Московского университета (1918–1920). Эмигрировал в ЧСР, с 1935 – профессор Карлова университета в Праге, а с 1939 – Братиславского университета. Ректор Русского народного (свободного) университета в Праге (1923–1939). С 1945 жил в Германии, с 1949 – в США 26
- Новотны Пауль, литературовед и этнограф. Сотрудник, профессор института по изучению лужицкой народной культуры в Будишине 257
- Ноздрев, персонаж «Мертвых душ» Н. В. Гоголя 184
- Нордау Макс (наст. имя и фамилия – Симон Зюдфельд) (1849–1923), еврейский писатель, врач. С 1880 жил в Париже. Участник сионистского движения. Автор скандально известной книги «Вырождение» 42

## О

- Обломов Илья, главный герой одноименного романа И. А. Гончарова 111
- Обнорский Сергей Петрович (1888–1862), языковед-русист. Академик АН СССР (1939). Профессор Петроградского, Ленинградского университета (1922–1941), МГУ с 1943. Директор ИРЯ (1944–1950). Исследователь старославянских и древнерусских памятников, истории русского литературного языка, фонетики, грамматики 31, 71, 73, 78, 90, 100, 114, 115, 125, 126, 127
- Овод, главный герой одноименного романа Э. Л. Войнич 45
- Огоновский Емельян (Омелян) (1833–1894), украинский литературовед, писатель, один из основателей и председатель общества «Просвита» (1877–1894) и Научного общества им. Т. Щевченко во Львове. Профессор Львовского университета (1888). Автор шеститомной «Истории украинской литературы» (1887–1894). Занимался историей украинского языка 176
- Ожегов Сергей Иванович (1900–1964), языковед, лексиколог, лексикограф. Д. ф. н. (1958). Ученик В. В. Виноградова. В 1934–1936 работал в ИЯМе, с 1936 – в МИФЛИ, затем в МГУ. С 1939 – с. н. с. и зам. заведующего сектором славянских языков Института языка и письменности АН СССР. С 1944 – с. н. с., 1958 – зав. сектором современного русского языка и культуры речи, зам. директора (1961–1962) ИРЯ. С 1952 – зав. сектором культуры речи, ученый секретарь (1950–1952) Института языкознания

- АН СССР. Исследователь норм русского литературного языка. Составитель широко известного толкового «Словаря русского языка» (1-е изд. М., 1949, переиздается до настоящего времени) 105, 175, 189, 248, 292
- Озеров Владимир Александрович (1769–1816), драматург. Его трагедии на темы древнегреческой и русской истории сочетали в себе черты классицизма и сентиментализма 86
- Окунева Елена Захаровна, см. Цыбенко Е. З.
- Олар Франсуа Виктор Альфонс (1849–1928), французский историк. В 1878–1884 преподавал в университетах Экса, Монпелье, Дижона, Пуатье. В 1886–1922 – зав. кафедрой истории революций в Сорбонне. Автор работ о Великой французской революции 188
- Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934), востоковед. Академик Петербургской АН (1901), непреходящий секретарь академии в 1904–1929. Один из лидеров кадетской партии. Член Государственного совета. В 1917 состоял во Временном правительстве. Один из основателей русской индологической школы. Дешифровал древние индийские надписи из Кашгарии 100
- Оля, см. Бернштейн О. Н.
- Онегин Евгений, главный герой одноименного романа А. С. Пушкина 18, 241, 242
- Опарин Александр Иванович (1894–1980), биохимик. Академик АН СССР (1946). Автор одной из гипотез о возникновении жизни на Земле (1922) 158
- Орешин Петр Васильевич (1887–1938), поэт. Сборники «Зарево» (1918), «Ржаное сердце» (1923), «Соломенная птаха» (1925) и др. Воспоминания о С. Есенине 109
- Орлов Александр Сергеевич (1871–1947), литературовед. Академик АН СССР (1931). Профессор МГУ, ЛГУ. С 1933 – основатель и руководитель отдела древнерусской литературы в ИРЛИ в Ленинграде. Основные труды по древнерусской литературе, палеографии, библиографии, русскому и казахскому фольклору 20, 31, 32, 70, 100, 101, 183, 184, 302
- Орлов С. П., учитель словесности в Чите 24, 38, 195, 285
- Орлова Варвара Георгиевна (1907–1991), лингвист-русист, диалектолог. Д. ф. н. Зав. Сектором диалектологии ИРЯ 161, 212, 257, 279
- Орфей, в греческой мифологии – фракийский певец, сын музы Каллиопы 204
- Осьминин Владимир, ответственный секретарь ВСК с 1942, зав. дальневосточным отделом Совинформбюро 30
- Островитянов Константин Васильевич (1892–1969), экономист. Академик (1953) и вице-президент (1953–1962) АН СССР. Труды по политэкономии 240, 247, 256, 263, 270
- Островский Александр Николаевич (1823–1886), драматург 47
- Отрембский Ян Стефан (1889–1971), польский лингвист, индоевропеист. Член-корреспондент ПАН (1956). Профессор университетов в Торунь, Кракове, Львове, Вильно (1921–1945), зав. кафедрой балтийской филологии Познанского университета (1945–1960). Сторонник теории балтославянского праязыка. Изучал проблемы славянской и польской ономастики, польской исторической диалектологии, происхождения польского литературного языка. Автор трехтомной грамматики литовского языка, монографии по исторической диалектологии. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве сделал доклад «Развитие отношений между балтийской и славянской языковыми группами» 241
- Оцвирк Антон (1907–?), словенский литературовед. Профессор Люблянского университета. Изучал историю словенской и мировой литературы, проблемы эстетики. Издавал собрания сочинений крупных словенских писателей 264

## П

- Павел, апостол, автор 14 посланий, включенных в Новый Завет 168
- Павлов Тодор Димитров (1890–1977), деятель болгарского революционного движения, ученый-философ, литературный критик, партийный и государственный деятель. В 1947–1962 – президент БАН, иностранный член АН СССР (1947). В 1966–1976 – член Политбюро ЦК БКП. Труды по теории познания, эстетике, истории болгарского общества 168, 169, 199, 201, 202, 203, 206, 207, 209, 212, 255
- Павлович Андрей Иванович (1889–1985), литературовед и лингвист, педагог-методист. Репрессирован в 1934. В 1939–1946 – доцент кафедры русского языка, 1942–1946 – декан факультета русского языка и литературы Рязанского педагогического института. С 1945 – доцент кафедры славянской филологии, 1948–1952 – зав. кафедрой славянских литератур филфака МГУ. С 1952 – доцент, с 1961 – профессор, зав. кафедрой русского языка в МГЗПИ. Труды по истории чешской (XIX в.) и хорватской (творчество И. Мажуранича) литератур. Изучал грамматику и вопросы преподавания русского языка, составитель чешско-русского словаря 55, 73, 83, 107, 113, 125, 137, 146
- Павлович Драголюб (1903–1966), югославский филолог. Член-корреспондент Сербской АН. Профессор философского факультета Белградского университета 257
- Павлович П. П., составитель сборника «Авантюры русского царизма в Болгарии» (М., 1935) 94
- Пассек Татьяна Сергеевна (1903–1968), археолог. Д. и. н. (1947). Сотрудник Института археологии АН СССР. Автор исследований по неолиту, энеолиту, бронзовому веку Европы и Кавказа 150
- Пастернак Борис Леонидович (1890–1960), поэт 242
- Паулини Евгений (Эуген) (1912–1983), словацкий лингвист, славист. Член-корреспондент Словацкой АН (1968). Профессор Братиславского университета с 1945, зав. кабинетом фонетики (1963–1971), зав. кафедрой словацкого языка (1964–1977). Изучал историю словацкого языка, диалектологию, современный литературный язык. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве сделал доклад «Культурно-исторические условия и общественные функции двуязычия в истории словацкого языка» 257
- Паустовский Константин Георгиевич (1892–1968), писатель 278
- Пашков П. Е., владеец дворца в стиле классицизма (Пашков дом) в Москве, построенного в 1784–1788. В нем ныне расположена РГБ (Моховая, д. 20) 290
- Перева София Васильевна, специалист по молдавскому языку 180
- Переверзев Валерий Федорович (1882–1968), литературовед. Профессор МГУ в 1921–1938. Применял социологический метод в исследовании творчества Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, древнерусской литературы. Глава так называемой «переверзевской школы», обвиненной в 1929–1930 в ревизии марксизма. Был репрессирован 32, 55
- Петерсон Михаил Николаевич (1885–1962), языковед. Последователь Ф. Ф. Фортунатова. Профессор МГУ с 1919. Труды по теории языкознания, индоевропеистике, проблемам современного русского языка, по литуанистике, истории языкознания 31, 32, 47, 63, 76, 77, 78, 79, 84, 88, 127, 159, 175, 180
- Петр, апостол, первый провозгласивший Иисуса мессией 168
- Петр I Великий (1672–1725), царь, с 1721 – российский император 129, 193
- Петри Эгон (1881–1962), немецкий пианист, педагог. Один из крупнейших пианистов своего времени. Гастролировал с 1900, в СССР неоднократно с 1923. С 1905 преподавал в Великобритании, Германии, Польше. С 1938 жил и преподавал в США 225
- Петров Федор Николаевич (1876–1973), государственный и партийный деятель. В 1927–1939 – зам. главного редактора, затем директор издательства «Советская энциклопедия». В 1923–1927 – начальник Главнауки, в 1929–1933 – председатель ВОКСа 185

- Петрович Эмил (1899–1968), румынский лингвист. Академик Румынской АН (1948). Профессор Клужского (1935, 1946–1951 – его ректор), Софийского (1930–1931), Бухарестского (1956–1958) университетов. Член МКС с 1955, президент Ассоциации славистов РНР с 1956. Труды по диалектологии, лингвистической географии, истории, ономастике, фонетике и фонологии румынского языка и славянской диалектологии. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве выступил с докладом «Славяно-болгарская топонимика на территории Румынской Народной Республики» 240, 242, 266
- Петровский Иван Георгиевич (1901–1973), математик. Академик АН СССР (1946). С 1933 – профессор. В 1951–1973 – ректор МГУ. Труды по теории дифференциальных уравнений, теории вероятностей, алгебраической геометрии и др. 249, 280
- Петровский Федор Александрович (1890–1978), филолог-античник и поэт-переводчик. После войны – профессор кафедры классической филологии филфака МГУ, с 1949 – зав. сектором античной литературы ИМЛИ. Переводил Цицерона, Лукреция Кара и других древних авторов. Автор работ по античной литературе и о ее влиянии на русскую литературу 79, 196
- Петрусь Владимир Петрович (1886 или 1887–1957), украинский и русский лингвист и педагог. В 1919–1929 преподавал в Киевском университете, в 1940–1957 – в Кировском пединституте. Изучал проблемы педагогики, русского литературного языка, сравнительно-исторического языкознания. Был репрессирован в 1929–1933 73
- Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863–1942), историк. Академик АН СССР (1929). Был профессором кафедры всеобщей истории Московского университета, возглавлял Институт истории РАНИОН. Специалист по истории западноевропейского средневековья 193
- Пешковский Александр Матвеевич (1878–1933), языковед. Профессор московских вузов (1921–1932). Ученик Ф. Ф. Фортунатова. Представитель русской формально-грамматической школы. Труды в области грамматической структуры, синтаксиса, стилистики русского литературного языка. Один из основоположников изучения интонации, применения экспериментальных методов в лингвистике. Разрабатывал научные принципы преподавания русского языка в школе 272
- Пизани Витторе (1899–?), итальянский лингвист, индоевропеист-компаративист. Основатель итальянской баллистики, автор ряда работ по балто-славянским языковым связям 195
- Пиксанов Николай Кирьякович (1878–1969), литературовед. Член-корреспондент АН СССР (1931). Профессор Ленинградского, Московского, Саратовского, Среднеазиатского университетов. Труды по истории классической русской литературы, общественной мысли, текстологии, библиографии 85, 264
- Пилипчук С. Н., редактор журнала «Славяне», член ВСК 128
- Пильняк (наст. фамилия – Вогау) Борис Андреевич (1894–1938), литератор, бытописатель революционной эпохи. В психологической «Повести непогашенной луны» (М., 1926; 1987) – аллюзия таинственной гибели М. В. Фрунзе. Репрессирован и расстрелян 109, 297
- Пинский Леонид Ефимович (1906–?), литературовед. С 1937 преподавал историю зарубежной литературы в МИФЛИ и МГУ. Специалист по западноевропейской литературе 85
- Пиотровский Раймонд Генрихович (род. 1922), романист, специалист по математической лингвистике. Д. ф. н. Зав. отделом диалектологии Института языка и литературы АН Молдавской ССР 248
- Писарев Дмитрий Иванович (1840–1868), публицист, литературный критик, революционный демократ 17
- Писемский Алексей Феофилактович (1821–1881), писатель 111

- Пичета Владимир Иванович (1878–1947), историк-славист. Академик АН СССР (1946). В 1910–1911 и с 1917 преподавал в МГУ. Ректор Белорусского университета (1921–1930). Репрессирован в 1930. Работал в Вятке и Воронеже. С 1939 – зав. кафедрой истории южных и западных славян в МГУ, одновременно – зав. сектором славяноведения в Институте истории АН СССР, зам. директора Института славяноведения АН СССР (1947). Труды по истории Польши, Литвы, Белоруссии 90, 101, 102, 104, 106, 113, 114
- Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918), деятель российского и международного социал-демократического движения, философ, пропагандист марксизма. Руководитель марксистской группы «Освобождение труда» 18, 41, 289
- Плотникова Л. С., лингвист, аспирантка С. Б. Б., его помощник в организации диалектологических экспедиций. Изучала болгарские говоры в Молдавии 112, 113, 123, 126, 138
- Плюскулю, харбинский фабрикант 67
- Погодин Александр Львович (1872–1947), историк и филолог-славист. Профессор Варшавского (1902–1908) и Харьковского (1910–1919) университетов. С 1919 – в эмиграции. В 1920–1944 – профессор Белградского университета. Труды по истории Сербии, Болгарии, проблемам польского национально-освободительного движения, отдельным вопросам славянских языков и литератур 129
- Погодин Михаил Петрович (1800–1875), историк, писатель, издатель, публицист. Академик Петербургской АН (1841). Профессор Московского университета (1826–1844). Пропагандировал идею славянского единства. Труды по истории Древней Руси, летописанию. Автор книги о М. Н. Карамзине. Собирал исторические памятники 290, 294
- Подгаевский, преподаватель словесности в Никольск-Уссурийском 109, 286
- Подгорненская, редактор в Издательстве АН СССР 140
- Покорны Юлиус (1881–1970), швейцарский лингвист. Составитель «Индогерманского этимологического словаря» 85
- Покровский Михаил Михайлович (1868–1942), языковед и литературовед, специалист по античной филологии. Академик АН СССР (1929). Ученик Ф. Ф. Фортунатова. Преподавал в Московском университете с 1894, профессор с 1899. Профессор, зав. кафедрой классической филологии МИФЛИ с 1934, зав. секцией античной литературы в ИМЛИ (1941–1942). Труды в области лексикологии, общей семасиологии. Работы по сравнительному литературоведению, теории художественного перевода, русской литературе, античной литературе в сравнении с новоевропейской 79, 159, 160, 249, 282, 302
- Покровский Михаил Николаевич (1868–1932), историк, партийный и государственный деятель. Академик АН СССР (1929). Член РСДРП с 1905. Участник Октябрьской революции в Москве. С 1918 – зам. наркома просвещения. Руководитель Коммунистической академии, ИКП. Труды по истории России, революционного движения, внешней политике, историографии. «Школа Покровского» была обвинена в вульгарном социологизме 25, 66, 88, 94, 150, 290, 297
- Поливанов Евгений Дмитриевич (1891–1938), лингвист, востоковед. Ученик И. А. Бодуэна де Куртенэ. Профессор Петроградского, Среднеазиатского университета в Ташкенте. Труды по проблемам японистики, китайстики, узбекского, дунганского языков, общего и сравнительно-исторического языкознания, по общим вопросам лингвистической поэтики, по поэтике восточных литератур и восточному фольклору. Один из основоположников диахронической фонологии, социолингвистики. Участвовал в разработке письменностей для народов СССР. Репрессирован и расстрелян 272, 290
- Помяновска Ванда, польский лингвист, диалектолог. В 1958 – магистр, адъюнкт Института языкознания ПАН в Варшаве 257

- Попов Александр Николаевич (1883–?), филолог-классик. До 1917 – директор классической гимназии. Доцент МИФЛИ с 1934, МГУ с 1941, зав. кафедрой классической филологии филфака МГУ (1958–1962). Специалист по классическим языкам, автор грамматики греческого языка и учебника латинского языка 79
- Попов Благой Симеонов (1902–1968), болгарский политэмигрант, совместно с Г. Димитровым был обвиняемым на Лейпцигском процессе 1933 против коммунистов 217
- Попов Константин Петров (1907–?), болгарский лингвист, профессор Софийского университета 241
- Попова Татьяна Вениаминовна (род. 1929), лингвист, славист. Д. ф. н. (1978). Сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР в 1957–1991. В. н. с. ИРЯ. Специалист по болгарской и украинской диалектологии и лингвогеографии, фонологии и морфологии, сопоставительным исследованиям славянских диалектов и литературных языков 237
- Попова Татьяна Протогеновна (род. 1924), филолог-сербокроатист, лингвист, переводчик. Преподавала в МГУ с 1951. Исследователь проблем теории художественного перевода на материале славянских литератур 162
- Попович Иван (1923–1961), сербский лингвист. Специалист по истории, диалектологии сербского языка и лингвистической географии 216, 236, 282
- Попович Павле (1868–1939), историк литературы, критик. Профессор Белградского университета. Автор книги «Обзор истории сербской литературы». Перевод с серб. СПб., 1912 33
- Посвянская Аделаида (Адель) Соломоновна (1903–1992), лингвист-полонист. Преподавала в МГПИ (1937–1947), МИФЛИ (1938–1941). Преподаватель польского языка, доцент кафедры славянской филологии филфака МГУ (1944–1979). Изучала вопросы синтаксиса польского языка 33, 53, 162, 190
- Поспелов Геннадий Николаевич (1899–1992), литературовед. Профессор МГУ с 1938. Труды по истории русской литературы XVIII–XIX вв., теоретические работы о жанрах, сюжете, методе, стиле литературы, природе искусства 44
- Поспелов Николай Семенович (1890–1984), языковед. Д. ф. н. (1953). Профессор МГУ. Сотрудник ИРЯ. Труды по проблемам грамматики и синтаксиса русского литературного языка, структуры текста 103, 189
- Потапов Петр Осипович (1882–1945), филолог. Профессор Одесского государственного пединститута (1937–1941, 1944–1945), зав. кафедрой русского языка и славяноведения Одесского университета. Труды по истории славяно-византийских связей, русской литературы XVIII в. Переводы с греческого языка 86
- Потемкин Григорий Александрович (1739–1791), государственный и военный деятель, фаворит Екатерины II 97
- Правдин Анатолий Борисович (1927–1969), лингвист-славист. В 1956–1960 работал в Институте славяноведения АН СССР. Одновременно в 1955–1963 – зав. кафедрой русского языка Тартуского университета. Труды по синтаксису падежей в славянских языках. Многолетний корреспондент С. Б. Б. 197, 236, 248
- Преображенский Петр Федорович (1894–1941), историк и этнограф. В 1921–1937 – профессор МГУ. Труды по истории Древней Греции и Рима, этнологии и истории международных отношений. Репрессирован 32, 49, 50, 66, 67, 72
- Пригоровский Георгий Михайлович, историк, преподавал в МГУ 32
- Пришвин Михаил Михайлович (1873–1954), писатель 107
- Пруст Марсель (1871–1922), французский писатель 198, 218, 294



- Пузиков Александр Иванович (род. 1911), литературовед. С 1951 – главный редактор издательства «Иностранная литература», которое возглавлял 30 лет. Специалист по истории французской литературы. Автор мемуаров 226
- Пулькина Ильза Максимилиановна, см. Вульфийс И. М.
- Пушек С., соученик С. Б. Б. по Александровску и Никольск-Уссурийскому 46
- Пушкаревич Константин Алексеевич (1890–1942), филолог, историк, переводчик. Д. ф. н. (1940). В 20–30-е годы преподавал в ЛГУ, ЛИФЛИ, ЛГПИ. В 1931–1934 – сотрудник Института славяноведения АН СССР в Ленинграде. Работы по истории и современному состоянию славянских литератур, русско-чешским и русско-польским связям, культуре и быту чешских эмигрантов в России. Умер во время блокады 125
- Пушкарю Секстил (1877–1948), румынский лингвист. Академик Румынской АН (1914). Профессор университета в Клуже. Автор работ по общему и романскому языкознанию, лингвистической географии, румынской диалектологии и лексикографии 99
- Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), поэт 20, 23, 32, 38, 82, 107, 111, 188, 194, 195, 242, 251, 264

## Р

- Радевский Христо Василев (1903–1966), болгарский поэт, в 1944–1958 – главный секретарь Союза болгарских писателей, ответственный редактор журнала «Септември» 207, 269
- Радушкевич, директор школы в Никольск-Уссурийском 110
- Радциг Сергей Иванович (1882–1968), филолог. В 1918–1930 преподавал в Ярославском пединституте. С 1934 – профессор МИФЛИ, с 1943 – МГУ. Исследовал античную литературу и мифологию. Автор хрестоматий и учебников 79, 249
- Раковский Георги (1821–1867), болгарский революционер, писатель. Основатель (1861) 1-й Болгарской легии в Белграде, организатор (1866–1867) отрядов партизан-гайдуков для борьбы против турецкого ига. Странник солидарности славянских народов. В поэме «Лесной путник» (1857) воспел борьбу гайдуков 293
- Раскольников Родион, персонаж романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» 113
- Расторгуев Павел Андреевич (1881–1959), лингвист, диалектолог. С 1917 – профессор МГУ и других вузов. Был репрессирован. После освобождения преподавал в Новозыбковском пединституте, в 1947–1949 – с. н. с. в Институте литературы, языка и искусства АН БССР. Изучал говоры русского языка на территории Смоленщины, говоры северной части Черниговщины (их отношение к южнобелорусским и соседним русским и украинским говорам) 137
- Рахлин Натан Григорьевич (1905–1979), дирижер, педагог, народный артист СССР (1948). В 1941–1945 – дирижер Государственного симфонического оркестра СССР. В 1946–1966 – профессор Киевской, с 1967 – Казанской консерваторий 225
- Рахманинов Сергей Васильевич (1873–1943), композитор, пианист, дирижер 170
- Ревзин Исаак Иосифович (1923–1974), лингвист-теоретик, структуралист, семиотик. Сотрудник Института славяноведения АН СССР с 1961. Изучал проблемы грамматики и фонологии славянских и германских языков, типологии, семиотики, теории перевода 240, 266
- Ревякин Александр Иванович (1900–?), литературовед. Д. ф. н. (1944). Преподавал в МГПИП с 1932 и МГПИ с 1960 историю русской литературы. Изучал творчество русских и советских писателей 47, 48, 287

- Рейзен Марк Осипович (1895–1992), певец (бас). Народный артист СССР (1937), пел в Ленинградском театре оперы и балета с 1925 и Большом театре (1930–1954). Профессор Московской консерватории с 1967 288
- Рем Эрнст (1884–1934), имперский министр фашистской Германии, начальник штаба штурмовых отрядов. Стремился превратить их в костяк армии, подчинить себе генералитет. Расстрелян с санкции А. Гитлера 66
- Реутов, сотрудник редакции газеты «Правда» 149, 150, 151
- Реформатский Александр Александрович (1900–1978), лингвист. Д. ф. н. (1961), профессор МГУ. Зав. сектором структурной и прикладной лингвистики Института языкознания АН СССР (1958–1970). Один из основоположников Московской фонологической школы. Труды по фонологии, морфонологии, семиотике, прикладной лингвистике, орфографии 171
- Ржига Вячеслав Федорович (1883–1960), литературовед. Преподавал в Московском университете, МГПИ, других вузах Москвы. Специалист по древнерусской литературе 184, 196
- Рид Томас Майн (1818–1883), английский писатель 112
- Ризов, болгарский политэмигрант, в середине 1930-х годов жил в Одессе, родственник Димитра Ризова, македонского публициста и общественного деятеля, дипломата 185
- Ринчен Бямбын (1905–1977), монгольский писатель, литературовед. Профессор, сотрудник Института языка и литературы Комитета наук и высшего образования МНР в Улан-Баторе 241
- Ришелье Арман Эммануэль дю Плесси (1766–1822), французский герцог, эмигрант, генерал-губернатор Новороссии 252
- Робинсон Андрей Николаевич (1917–1993), литературовед, славист. С 1956 по 1978 – ученый секретарь, затем зам. председателя СКС, с 1979 – член МКС. Сотрудник ИМЛИ. Специалист по древнерусской литературе, средневековым славянским литературам, славянскому фольклору, славянским языкам 238, 265
- Робков Александр Григорьевич (1908–1954), лингвист-славист, друг С. Б. Б., ученик А. М. Селищева 95, 96, 198, 299, 300, 301
- Робсон Поль (1898–1976), американский певец (бас), актер и общественный деятель. Исполнитель народных негритянских песен 204
- Рогинский Яков Яковлевич (1895–1986), антрополог. Доктор биологических наук (1949). Профессор МГУ с 1950, где с 1964 заведовал кафедрой антропологии. Труды по вопросам антропогенеза, расоведения, морфологии человека 32
- Рожкова Ольга Федоровна, редактор издательства АН СССР 256
- Рожновская Марина Григорьевна (1926–1985), лингвист-болгарист. К. ф. н. В 1952–1985 – сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР. Изучала вопросы синтаксиса болгарского литературного языка, категории залогов в славянских языках 188, 216
- Розанов Иван Никанорович (1874–1959), литературовед, книговед. Профессор МГУ с 1918. Труды по истории русской поэзии, вопросам стихосложения 32, 184
- Розвадовская Мария Францевна, лингвист, составитель русско-польского словаря 171
- Ройзензон Леонид Иванович (1920–1977), лингвист-славист. Д. ф. н. (1970). В 1950–1951 преподавал в педвузе в Ровно. Доцент, затем профессор Самаркандского университета (1952–1964), заведовал там кафедрой русского языка и общего языкознания. Исследовал проблемы русской и чешской фразеологии, синтаксиса и грамматики чешского, верхнелужицкого языков 264

- Романов Пантелеймон Сергеевич (1885–1938), писатель. Сборник «Без черемухи», роман «Новая скрижаль» (1928), роман-эпопея «Русь» (1922–1936) 109
- Романовы, династия русских царей 129
- Романский Стоян Маринов (1882–1959), болгарский лингвист, этнограф, литературовед, историк. Академик БАН (1929). Профессор Софийского университета с 1922. Разрабатывал проблемы славянской и болгарской этнографии и лексикологии. Составитель и главный редактор академического толкового «Словаря современного болгарского литературного языка» (София, 1955–1959. Т.1–3) 139, 208, 235, 246, 264
- Ромпортл Милан (1921–1982), чешский лингвист-славист. С 1950 – преподаватель, профессор (1966) общей и славянской фонетики в Карловом (в Праге) и Геттингенском (1963–1964) университетах. Труды по общей и славянской фонетике, орфоэпии и др. 263, 270
- Роскин Григорий Иосифович (1892–1964), цитолог и гистолог. С 1913 преподавал в МГУ, зав. кафедрой с 1930. Лауреат Ломоносовской премии 1947. Ряд работ (в соавторстве с Н. Г. Ключевой) посвящен биотерапии рака. Один из основоположников функциональной цитохимии. Обвинялся в космополитизме. Вместе с Н. Г. Ключевой (1898–1971) был подвергнут «суду чести» в 1947 103
- Росетти Александру (1895–1990), румынский филолог. Академик Румынской АН (1948). Профессор с 1932, ректор (1946–1948) Бухарестского университета. Руководитель Центра фонетических и диалектологических исследований с 1963. Труды по истории румынского языка и литературы, общему языкознанию и фонетике. Автор мемуаров. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве выступил с докладом «Славо-романика. К вопросу образования системы гласных в румынском языке» 141, 216, 248
- Россейкин Федор Михайлович (1879–1951), историк-византист. В 20-е годы преподавал в средней школе, занимался методическими вопросами преподавания. Сотрудник Института истории АН СССР с 1943. Автор книги «Первое правление Фотия, патриарха константинопольского» (1915) и статей по истории разделения церковью 114
- Рубин Исаак Ильич (1886–1937), экономист. Член Бунда. Профессор МГУ и других вузов. Труды по проблемам политэкономии, теории стоимости, истории экономической мысли. Автор монографии «Очерк по теории стоимости Маркса» (1923). В начале 30-х годов «рубинская школа» была подвергнута критике за идеализм в политэкономии. В 1930 был репрессирован 32
- Рузвельт Франклин Делано (1882–1945), 32-й президент США (1933–1945) 223
- Русек Ежи (1930), польский лингвист, болгарист. Профессор (1996) славянской филологии, зав. кафедрой болгарской и македонской филологии в Ягеллонском университете (Краков). Декан филфака (1971–1978). Труды по истории болгарского языка, славянской этимологии и истории славистики 205
- Рыбаков Борис Александрович (1908–2001), археолог и историк. Академик АН СССР (1958). Преподаватель, профессор МГУ с 1939, в 1952–1954 – его проректор. В 1951–1974 – зав. сектором, в 1956–1987 – директор Института археологии АН СССР. Основные труды по археологии, истории, культуре славян и Древней Руси, проблемам язычества. Сталинские премии 1949, 1952. Ленинская премия 1976 21, 195, 247, 265
- Рыжова Варвара Николаевна (1871–1963), актриса. Народная артистка СССР (1937). С 1883 в Малом театре. Прославилась исполнением бытовых и характерных ролей русского классического репертуара 302
- Рыльский Максим Фадеевич (1895–1964), украинский поэт, переводчик и общественный деятель, академик АН УССР, академик АН СССР (1958). Член ВСК. Директор Института литературы АН УССР. Сталинские премии 1943, 1950. Ленинская премия 1960 237

Рябинина Александра Петровна (?–1977), зав. редакцией национальных литератур Издательства художественной литературы 186, 187, 199

## С

- Сажин Михаил Петрович (революционный псевд. – Арман Росс) (1845–1934), революционер, народник. Сподвижник М. А. Бакунина, участник Парижской Коммуны, организатор типографии в Цюрихе (1873). В 1878 приговорен в России к 5 годам каторги. Участник революции 1905–1907. Автор «Воспоминаний» 287, 288
- Сакулин Павел Никитич (1868–1930), литературовед. Академик АН СССР (1929). В 1902–1911 преподавал в Московском университете. После 1917 преподавал в ряде вузов, занимался общественной деятельностью. Участник съезда славянских филологов 1929 в Праге. Автор монографии «Социологический метод в литературоведении» (1925). Пытался приблизить академическое литературоведение к марксизму 18, 43, 44, 63
- Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826–1889), писатель-сатирик 188, 264, 298
- Салтычиха (Салтыкова Дарья Николаевна) (1730–1801), помещица-крепостница 288
- Самарин Роман Михайлович (ок. 1901–1974), литературовед. С 1948 – профессор филофака, зав. кафедрой зарубежных литератур МГУ. Зав. сектором зарубежной литературы в ИМЛИ 98, 242, 246
- Самарин Юрий Александрович (1904–?), этнограф. В 1928 – помощник хранителя Отдела восточных славян Государственного центрального музея народоведения, ученый секретарь Отдела национальностей Государственной академии художественных наук. Специалист по этнографии восточных славян и народному искусству 257
- Самгин Клим, главный герой романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина» 264
- Санжеев Гарма Данцаранович (1902–1982), востоковед. Академик АН СССР (1929). Профессор. Сотрудник Московского института востоковедения. Специалист по монгольским языкам 149, 152, 161
- Светлов Михаил Аркадьевич (1903–1964), поэт, драматург 278
- Свешников Петр Петрович (1895–1943), филолог-славист и этнограф. Доцент МИФЛИ и МГУ 27, 123, 137
- Свидригайлов, персонаж романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» 113
- Свифт Джонатан (1667–1745), английский писатель, политический деятель 224
- Севортян Эрванд Владимирович (1901–1978), тюрколог. Исследовал проблемы фонетики, морфологии, синтаксиса, лексикологии тюркских языков 69, 286
- Селищев Афанасий Матвеевич (1886–1942), филолог-славист. Член-корреспондент АН СССР (1929) и БАН (1930). Профессор Иркутского (1918–1920), Казанского (1920–1921), Московского (1922–1931) университетов. Сотрудник НИЯЗа в начале 30-х годов. В 1934 репрессирован. С 1937 по 1939 преподавал в МИФЛИ, с 1938 – в МГПИ и других вузах. Специалист по сравнительной грамматике славянских языков и по македонской диалектологии, ономастике, автор работ по этнографии, истории и литературе славян, болгарской лирической поэзии. Учитель С. Б. Б. 24, 29, 30, 31, 32, 37, 38, 39, 55, 71, 72, 78, 81, 88, 89, 95, 96, 104, 105, 113, 123, 125, 137, 138, 142, 155, 163, 169, 170, 172, 181, 187, 198, 214, 215, 216, 222, 227, 228, 231, 249, 266, 281, 282, 284, 299, 300, 301
- Сенкевич Генрик (1846–1916), польский писатель 111
- Сенкевич Марина Григорьевна, см. Рожновская М.Г.
- Сергеев, аспирант МГУ 69
- Сергиевская Милица Александровна, жена М. В. Сергиевского 81
- Сергиевский Максим Владимирович (1892–1946), языковед. Профессор МГУ с 1925. Исследователь романских языков 32, 40, 77, 80, 81, 84, 89, 99, 123, 127, 128, 146, 179, 180, 215, 263

- Сердюченко Георгий Петрович (1904–1965), лингвист-востоковед. Член-корреспондент АПН РСФСР (1950). Работал в Новочеркасске и Ростове, в 1945–1950 – сотрудник, руководитель Московского отделения ИЯМа. До 1950 – зав. филологической редакцией Издательства иностранной литературы, затем работал в Институте востоковедения АН СССР и Институте национальных школ АПН. Автор работ по китайскому и абазинскому языкам. Сторонник марризма 114, 122, 124, 146, 148, 149, 167
- Серебренников Борис Александрович (1915–1989), лингвист. Профессор филфака МГУ. Исследователь проблем общего и сравнительно-исторического языкознания на материале финно-угорских и тюркских языков 149, 159, 163, 167, 171, 176, 177, 270, 274
- Серебровский Александр Сергеевич (1892–1948), биолог, один из основоположников отечественной генетики. Член-корреспондент АН СССР (1933), академик ВАСХНИЛ (1935). Организатор и первый зав. кафедрой генетики МГУ (1930). Сформулировал и экспериментально подтвердил теорию делимости гена. Труды по генетике, селекции и гибридизации животных и растений 93
- Сережников Виктор Константинович (1873–1944), философ. Участник первых марксистских кружков за границей (1907–1912). Профессор (с 1918) Социалистической академии общественных наук, МГУ, МИФЛИ и Смоленского университета. Директор ГИМа (1935). Автор одной из первых хрестоматий по диалектическому материализму, трудов по истории философии. Репрессирован в 1938 18, 21, 22, 23, 41, 56, 63, 110
- Сидоров Аркадий Лаврович (1900–1966), историк. Д. и. н. (1943). В 1929–1936 был на руководящей партийной работе в провинции, затем на научно-педагогической и научной работе в Москве: профессор, проректор МГУ (1948–1952), директор Института истории АН СССР (1953–1959). Труды по экономической истории России начала XX в., публикации документов по истории революции 1905–1907 (10 томов) и Октябрьской революции (20 томов) 130, 135, 145, 163, 177
- Сидоров Владимир Николаевич (1903–1968), лингвист. Д. ф. н. (1963). Работал в НИЯЗе, Арктическом институте. Преподавал в МГПИП, Красноярском педагогическом институте, МГУ. Изучал проблемы грамматики, исторической фонетики русского языка, русской диалектологии. В 1930-е годы проходил по «делу славистов», был сослан 79, 96, 106, 107, 183, 184, 240
- Симеонов Борис Димитров (род. 1925), болгарский лингвист. Профессор Софийского университета. Автор рецензии на «Русско-болгарский словарь» (1953) С. Б. Б. 215
- Сирота Лео, музыкант 225
- Сказкин Сергей Данилович (1890–1973), историк. Академик АН СССР (1958). С 1920 преподавал в МГУ, потом в МИФЛИ, ВПШ, АОНе. Профессор, с 1949 – зав. кафедрой истории средних веков истфака МГУ. С 1936 – сотрудник, с 1962 – зав. сектором истории средних веков Института истории АН СССР. Автор работ по проблемам средневекового западноевропейского крестьянства, еретических движений, абсолютизма 32, 65, 66, 139
- Скерлич Йован (1877–1914), сербский литературовед и литературный критик. Профессор Белградского университета. Автор «Истории новой сербской литературы» (1912) 33
- Скок Петар (1881–1956), хорватский лингвист. Профессор Загребского университета. Специалист по романским языкам. Изучал романские элементы в балканских языках, автор «Этимологического словаря хорватского или сербского языка» 123
- Скрябин Александр Николаевич (1871–1915), композитор, пианист 170
- Славейков Пенчо (1866–1912), болгарский поэт. Сын Петко Славейкова. Мастер любовной, философской и гражданской лирики 102, 180
- Славейков Петко (1827 или 1828–1895), болгарский поэт, деятель национально-освободительного движения, председатель Народного собрания Болгарии (1880). Заложил основы болгарской реалистической поэзии 40, 99, 294

- Славский Франтишек (1916–2001), польский лингвист, славист, индоевропеист, этимолог. Профессор Ягеллонского университета в Кракове, сотрудник Института славяноведения ПАН. Исследования в области праславянского языка. Автор «Этимологического словаря польского языка» (1952–1982. Т. 1–5. Издание продолжается). Составитель и руководитель «Праславянского словаря» (1974–1995. Т. 1–7. Издание продолжается). В 1958 на Международном съезде славистов в Москве выступил с докладом «Замечания об этимологических исследованиях славянской лексики» 206
- Слезкин (псевд. – Жорж Деларм) Юрий Львович (1885–1947), писатель. Сборники рассказов «Шахматный ход» (1924), «Медвяный цвет» (1925). Роман «Девушка с гор» (1925) 109
- Смирненский (настоящая фамилия — Измирлиев) Христо (1898–1923), болгарский поэт. Сборник стихов «Да будет день!» (1922), поэма «Зимние вечера» (1923), политическая сатира, очерки 102
- Смирницкий Александр Иванович (1903–1954), языковед. Преподавал в МИФЛИ, МГУ и других вузах. С 1940 – зав. кафедрой английской филологии в МГПИИЯ, с 1946 – зав. кафедрой на филфаке МГУ. Профессор МГУ (1942–1951). С 1950 – зав. сектором германского языкознания в Институте языкознания АН СССР. Труды по английской и скандинавской филологии, сравнительно-историческому и общему языкознанию 77, 128, 138, 183
- Смирнов Василий Дмитриевич (1846–1922), востоковед. Автор хрестоматии «Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках» (СПб., 1891) 286
- Смирнов-Сокольский Николай Павлович (1898–1962), эстрадный артист, библиофил 251
- Собепаньский, соученик С. Б. Б. по Александровску-на-Сахалине 46
- Соболевский Алексей Иванович (1856–1929), филолог, академик Петербургской АН (1900), АН СССР. Профессор Киевского с 1884 и Петербургского (1888–1908) университетов и Археологического института. Один из зачинателей изучения истории русского языка. Труды по древнерусской письменности, палеографии, топонимике, этнографии, истории древнерусского искусства и устной поэзии 298
- Соболевский Сергей Иванович (1864–1963), филолог-классик. Член-корреспондент АН СССР (1928). Профессор кафедры классической филологии (1892–1921, 1941–1963) Московского университета и других вузов. С 1937 работал в ИМЛИ, где с 1948 заведовал сектором античной литературы. Труды по древнегреческому и латинскому языкам (в том числе грамматики, учебные пособия, словари). Переводы Лисия, Ксенофонта, Теренция и др. 79, 196
- Советов Сергей Сергеевич (1902–1958), литературовед. В 1933–1944 – сотрудник ИЯМа и одновременно в 1937–1938 – ЛГУ. Преподавал в ЛИФЛИ (1930–1937). В 1944–1948 – с. н. с. ИРЯ. С 1946 преподавал на кафедре славянской филологии ЛГУ, с 1953 – зав. кафедрой славянских литератур, одновременно в 1948–1953 работал в Ленинградской группе Института славяноведения АН СССР. Исследовал вопросы поэтики, языка и стиля польских, сербских и русских писателей 146, 172
- Соколов Борис Матвеевич (1889–1930), фольклорист, этнограф и литературовед. Профессор Саратовского университета (1919), МГУ. Директор Центрального музея народоведения. Исследователь былин и исторических песен 52, 98
- Соколов Юрий Матвеевич (1889–1941), фольклорист и литературовед. Академик АН УССР (1939). Директор библиотеки ГИМа (до 1925). Профессор МГУ и МИФЛИ (с 1934), в последнем с 1938 заведовал кафедрой фольклора. Одновременно с 1939 – директор Института фольклора АН УССР. Автор теоретических работ о взаимоотношениях литературы и фольклора 52
- Сократ (470–399 до н. э.), древнегреческий философ, диалектик 128

- Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879), историк. Академик Петербургской АН (1872). С 1845 читал курс русской истории в Московском университете, в 1871–1877 – его ректор. Представитель государственной школы отечественной историографии. Труды по истории Новгорода, эпох Петра I и Александра I, внешней политики России, историографии. Основное сочинение – «История России с древнейших времен» (М., 1851–1879. Т. 1–29) 188, 196
- Сорокин, деятель МГУ 64
- Соссюр Фердинанд Монжн де (1857–1913), швейцарский лингвист. Профессор Женевского университета с 1891. Исследовал индоевропейские языки, проблемы общего языкознания. Основоположник структурной лингвистики в Европе, некоторых направлений в семиотике, литературоведении, эстетике. Основной труд – «Курс общей лингвистики» (1916), издан по записям слушателей 248
- Софроний Врачанский (наст. имя и фамилия – Стойко Владислав) (1739–1813), болгарский просветитель, сыграл важную роль в развитии болгарской литературы. С 1794 – епископ Врачанский 217
- Сперанский Михаил Несторович (1863–1938), историк литературы и театра, этнограф, фольклорист. Академик РАН (1921). В 1896–1906 – профессор Нежинского историко-филологического института, в 1907–1923 – Московского университета. Зав. отделом рукописей ГИМа (1921–1929). Участвовал в работе Института славяноведения в Ленинграде, Комиссии по составлению древнерусского словаря. Труды в области славяноведения и византологии, в том числе «Славянские апокрифические евангелия» (М., 1895) 78, 100, 183, 184
- Срезневский Измаил Иванович (1812–1880), филолог-славист широкого профиля. Академик Петербургской АН (1851) и ряда европейских академий. Преподавал в Харьковском (1842–1846) и Петербургском университетах, профессор последнего (1847) и ректор в 1861. Профессор Главного педагогического института (1847–1859). С 1847 работал в ОРЯС, редактировал его «Известия» (1852–1863). Труды по русскому языку, археологии, лексикологии, библиографии, методике преподавания русского языка, этнографии славянских народов, истории древнерусской и других славянских литератур. Исследовал памятники славянской письменности. Главный труд – «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (СПб., 1893–1912. Т. 1–3) 30, 90, 298
- Сталин (наст. фамилия – Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953), государственный и партийный деятель. Глава Советского государства с 1924, генеральный секретарь ЦК РКП(б)–ВКП(б) с 1922, председатель СНК (с 1946 Совета Министров) СССР с 1941 61, 95, 141, 142, 150, 151, 152, 153, 154, 158, 159, 160, 162, 163, 166, 193, 272, 273
- Стамболов Стефан (1854–1895), болгарский государственный деятель. В 1886–1887 – регент, 1887–1894 – премьер-министр Болгарии. Установил диктаторский режим. Во внешней политике ориентировался на Австро-Венгрию и Германию 28
- Станг Христиан Ш. (1900–1977), норвежский лингвист. Профессор университета в Осло. Специалист по балтийским и славянским языкам, автор сравнительной грамматики балтийских языков и труда по славянской акцентологии 195, 196
- Станишева Дина Сергеевна (род. 1927), лингвист-славист. К. ф. н. Работала в Институте славяноведения АН СССР (1950–1957). С 1958 – в Институте болгарского языка БАН, с 1979 – зав. сектором. Профессор Софийского университета. Специалист по сравнительному славянскому языкознанию и болгарской диалектологии 216, 217, 236, 243, 251
- Старке Елена Адольфовна (1900–1937), жена польского политэмигранта Юзефа Красного. Уроженка Кракова, дочь адвоката. С 1921 – сотрудница ВЧК, работала в Австрии и Чехословакии. С 1922 – в СССР, сотрудница Иностранного отдела ОГПУ, затем – доцент Московского педагогического института новых языков, преподавала литературу

- ру. Была сотрудницей словарного издательства, участвовала в издании «Русско-польского словаря» (М., 1933). Репрессирована 301
- Стендаль (наст. имя и фамилия – Анри Бейль) (1783–1842), французский писатель 111
- Стендер-Петерсен Адольф (1893–1963), датский славист. Член Королевской Датской АН в Копенгагене. Член Ученого общества в Орхусе. До 1916 жил и учился в России. Основатель и многолетний руководитель кафедры славистики университета в Орхусе, в 1954 – редактор журнала «Scando-Slavica». Исследовал широкий круг вопросов языковых контактов, славянских языков и литератур, древней истории славян 214, 240, 241
- Степанова Тамара Ильинична (1922–1997), филолог-богемист. Преподавала в МГУ. Изучала синтаксические функции наречий в чешском языке 162
- Стиф Карл (1914–?), датский филолог. Профессор славянской филологии в Копенгагенском университете. Исследователь исторических песен. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве сделал доклад «Взаимоотношения между русским летописанием и русским народным эпосом» 240
- Стойков Стойко Иванов (1912–1969), болгарский языковед. С 1947 – доцент, с 1950 – профессор, затем – декан филологического факультета Софийского университета, зам. директора Института болгарского языка (1958–1969). Председатель комиссии по фонетике и фонологии при МКС (1959–1964). Руководитель работ по составлению Болгарского лингвистического атласа с 1956. Труды по диалектологии болгарского языка, фонетике, лексикологии, лингвистической географии. В 1937 опубликовал «Указатель опубликованных материалов по болгарской диалектологии». Друг С. Б. Б. В течение многих лет поддерживал с ним переписку 30, 124, 135, 138, 155, 199, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 213, 214, 216, 217, 219, 227, 229, 237, 241, 248, 250, 257, 263, 266, 270, 278, 280, 281
- Стоянов Захарий (псевд. Джендо Стоянова Джелева) (1850–1889), один из организаторов и участник национально-освободительных народных восстаний в Болгарии. Автор мемуаров и биографической прозы. Написал, в частности, ставшие классикой болгарской литературы и неоднократно переиздававшиеся трехтомные «Записки о болгарских восстаниях» 204
- Стоянов П., зав. Иностранным отделом БАН 201
- Стравинский Игорь Федорович (1882–1971), композитор, дирижер 170
- Струве Петр Бернгардович (1870–1944), политический деятель, философ, экономист, историк, публицист. Академик РАН (1917). Исключен из нее в 1928. В 1890-х годах – теоретик «легального марксизма». С 1900 – лидер российского либерализма. С 1905 – член партии кадетов и ее ЦК. Участник сб. «Вехи» (1909). После октября 1917 вел борьбу с большевиками, один из идеологов белого движения. С 1920 – в эмиграции. Редактор журнала «Русская мысль» (Прага), газеты «Возрождение» (Париж) и др. Преподавал в Пражском и Белградском университетах. Автор работ по социально-экономической истории России, о российской интеллигенции 188
- Стэн (Стен) Ян Эрнестович (1899–1938), философ. Деятель оппозиции в ВКП(б). В 1926 – сотрудник газеты «Правда», зам. заведующего Отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), с 1928 – зам. директора ИМЭ. Преподавал в МГУ. Сотрудник Коминтерна. Репрессирован 32
- Сухотин Виктор Петрович (1908–1969), лингвист и педагог. Преподавал в Пятигорском пединституте, профессор МГУ (1955–1958), зав. кафедрой в МОПИ. С. н. с. Института языкознания АН СССР (1950–1956). Труды по вопросам преподавания русского языка в школах Северного Кавказа, по проблемам синтаксической системы русского языка 162, 163, 167, 182



- Схонефельд Корнелис ван, голландский лингвист-славист. Профессор славянских языков в Лейдене. В 1958 на съезде славистов сделал доклад «Оппозиция абстрактности и конкретности в современном русском языке». В 1960 переехал в США. Профессор кафедры современного европейского языкознания Стэнфордского университета (Калифорния) 240
- Сырку Полихроний Агапиевич (1855–1905), историк славянских литератур, литератор и языковед. Преподавал в Петербургском университете с 1883. Исследовал старославянские памятники в Румынии и Болгарии. Основные труды посвящены южным славянам, их литературе и языкам, взаимным связям 101
- Сычев Павел Алексеевич (?–1961), писатель 281
- Сюдут Анджей (1922–1987), польский лингвист. Участник обсуждения ОЛА 257

## Т

- Таиров Александр Яковлевич (1885–1950), театральный режиссер. Народный артист РСФСР (1935). Организатор (1914) и руководитель Камерного театра. Реформатор сцены. Стремился создать «синтетический театр» с романтическим и трагедийным репертуаром 82, 107
- Талейран Шарль Морис (1754–1838), французский дипломат, министр иностранных дел, мастер тонкой дипломатической интриги 193
- Танев (Хаджитанев) Васил Константинов (1897–1941), деятель болгарского и международного коммунистического движения, совместно с Г. Димитровым был обвиняемым на Лейпцигском процессе 1933 против коммунистов 217
- Тараканова Елизавета (ок. 1745–1775), самозванка, выдавала себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны. Арестована в Италии и заключена в Петропавловскую крепость в 1775. Умерла от туберкулеза. Версия о гибели во время наводнения (сюжет картины К. Д. Флавицкого, 1864) не соответствует действительности 285
- Тарле Евгений Викторович (1875–1955), историк. Академик АН СССР (1927). Профессор Юрьевского (1913–1917), Петроградского (с 1917), Московского университетов и ряда пединститутов. Преподавал в АОНе, ВДШ, МГИМО. Автор классических трудов по истории Франции, международных отношений и внешней политики России. В 1930 арестован и до 1932 отбывал ссылку в Алма-Ате. Сталинские премии 1942, 1943, 1946 193
- Ташицкий Витольд (1898–1979), польский лингвист. Академик ПАН. Профессор Вильнюсского (с 1928), Львовского (1929–1941, 1944–1945), Ягеллонского (в Кракове) (с 1946) университетов. Специалист по польской и славянской ономастике, топонимике, диалектологии, истории польского литературного языка 229
- Твен Марк (наст. имя и фамилия – Сэмюэл Клеменс) (1835–1910), американский писатель 224
- Темперлей Харольд Уильям Вазейл (1879–1939), английский историк и политический деятель. Профессор Кембриджского университета. Основные труды по истории английской внешней политики и международных отношений 49
- Теодоров-Балан Александр Стоянов (1859–1959), болгарский лингвист, историк и библиограф, один из создателей филологической науки в Болгарии. Академик БАН. С 1888 преподавал в Софийском университете, был его ректором (1889–1903). Изучал современное состояние болгарского литературного языка 177, 206, 217, 238, 239, 246, 250, 254
- Теодорович Иван Адольфович (1875–1940), партийный и государственный деятель. Репрессирован 290
- Терехова Мария Владимировна (1907–?), историк-болгарист. Сотрудник Института славяноведения АН СССР в 1948–1950. Исследовала историю Болгарии периода первой мировой войны 140

- Тимофеев Леонид Иванович (1903 или 1904–1984), литературовед. Член-корреспондент АН СССР (1958). Преподавал в ИКП, МИФЛИ, МГУ. В 1939–1970 работал в ИМЛИ, где с 1941 возглавлял отдел советской литературы. Труды по теории и истории русского стиха, теории литературы; работы о творчестве А. А. Блока, В. В. Маяковского, А. Н. Островского 112, 175
- Тинева Е.П., политэмигрантка, участница работы над болгарско-русским словарем 43, 62, 70, 82
- Тито (Броз Тито) Иосип (1892–1980), югославский политический и партийный деятель, маршал. В 1937 возглавил КПЮ. В 1941–1945 – главнокомандующий НОАЮ. В 1945 – руководитель правительства Югославии. Президент Югославии с 1953, председатель Президиума СФРЮ с 1971 71
- Тихомиров Михаил Николаевич (1893–1965), историк. Академик АН СССР (1953). Профессор МГУ (с 1934), МИФЛИ (1938–1941). С. н. с. Института истории (1935–1953) и Института славяноведения (с 1957) АН СССР. Председатель Археографической комиссии с 1956. Труды по истории России с древнейших времен до XIX в., славянских стран и Византии, по исторической географии, историографии, источниковедению, палеографии, дипломатике 52, 177, 190, 195, 219, 256
- Тодоров Ангел Стоянов (род. 1922), болгарский историк и философ. Автор работ по вопросам идеологии империализма 257, 282
- Токарев Сергей Александрович (1899–1985), этнограф и историк. Д. и. н. (1940). Профессор МГУ (1939–1973). Зав. сектором Института этнографии АН СССР с 1943. Работы по проблемам общественного строя, этногенеза, истории и религии разных народов, историографии 127, 142, 245
- Толстов Сергей Павлович (1907–1976), археолог и этнограф. Член-корреспондент АН СССР (1953). Член ВКП(б) (1944). Профессор МГУ (1939–1951). Директор Института востоковедения (1950–1951), Института этнографии (1942–1965) АН СССР и др. Труды по древней истории Средней Азии, проблемам этногенеза. Сталинская премия 1949 98, 142, 149, 151, 195, 275
- Толстой Лев Николаевич (1828–1910), писатель, мыслитель 37, 53, 67, 85, 111
- Толстой Никита Ильич (1923–1996), филолог-славист широкого профиля. Академик АН СССР (1987), член ряда иностранных академий наук. Зам. академика-секретаря ОЛЯ с 1988, член Президиума АН СССР и МКС. Член редколлегий журналов «Вопросы языкознания», «Советское славяноведение» и др. Преподавал в МГИМО (1952–1956), МГУ с 1968. Сотрудник Института славяноведения АН СССР с 1954. Специалист в области сравнительной славянской лексикологии, семасиологии, лингвогеографии, этнолингвистики, старославянского языка, славянских древностей, истории славяноведения. Аспирант С. Б. Б. 190, 216, 234, 238, 240, 271
- Топоров Владимир Николаевич (род. 1928), филолог широкого профиля. Академик АН СССР (1990). В Институте славяноведения РАН с 1954, ныне – г. н. с. Работает в области славистики, баллистики, индоевропеистики, русистики. Исследования по проблемам фольклора, мифологии, поэтики, лингвистики, культурологии и др. Автор словаря «Прусский язык» (М., 1978–1989. Т. 1–5. Издание продолжается). Аспирант С. Б. Б. 159, 213, 236, 237, 240, 241, 249, 256, 257, 262, 264, 266, 270
- Топчиев Александр Васильевич (1907–1962), химик. Академик (1949), вице-президент АН СССР с 1958 162, 247
- Точилеску Григоре (1850–1909), румынский историк и археолог. Академик Румынской АН (1890). Профессор Бухарестского университета. Исследовал древние племена, населявшие территорию Румынии 209
- Травничек Франтишек (1888–1961), чешский лингвист. Академик ЧСАН (1952). Преподавал в Пражском университете с 1920. В 1948–1959 – профессор и ректор Брненс-

- кого университета. Директор Брненского филиала Института чешского языка. Изучал проблемы богемистики (история, историческая грамматика, диалектология, фонетика, синтаксис чешского языка), славянского языкознания, истории славянской филологии. Член Пражского лингвистического кружка 112, 188, 279
- Тредиаковский Василий Кириллович (1703–1768), поэт, филолог 47
- Третьяков Петр Николаевич (1909–1976), археолог и историк. Член-корреспондент АН СССР (1958). В 1951–1959 был директором Института славяноведения АН СССР. С 1959 – с. н. с. Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Профессор истфака ЛГУ (1966–1970). Труды по истории славян и народов Восточной Европы в железном веке. Сталинская премия 1952 128, 162, 177, 180, 189, 240, 245, 247
- Третьякова Аделаида Эдуардовна (ум. 1917), директор частной школы в Иркутске 119
- Троицкий Матвей Михайлович (1835–1899), философ, пропагандист в России английской эмпирической философии. Основатель и первый председатель Московского психологического общества. С 1875 – профессор Московского университета, неоднократно был деканом историко-филологического факультета 129, 130
- Трубачев Олег Николаевич (1930–2002), лингвист, филолог-славист. Академик АН СССР (1992) и других академий. С 1997 – зам. академика-секретаря ОЛЯ. С 1996 – председатель Национального комитета славистов России. Сотрудник Института славяноведения АН СССР (1956–1961). С 1961 – зав. сектором этимологии и ономастики ИРЯ. Гл. редактор журнала «Вопросы языкознания». Труды по проблемам славянского этногенеза, этимологии славянских языков и восточнославянской ономастики. Организатор и ведущий автор многотомного продолжающегося издания «Этимологический словарь славянских языков» (Вып. 1 – 1974) 213, 219, 239, 262, 264, 266
- Трубецкой Николай Сергеевич (1890–1938), князь, филолог, славист, компаративист. Преподавал в Московском (1915–1916) и Ростовском (1918) университетах. С 1920 – в эмиграции (Болгария, Австрия, ЧСР). Один из теоретиков-структуралистов Пражского лингвистического кружка. Разрабатывал принципы фонологии и морфонологии как особых лингвистических дисциплин. Основоположник теории языковых союзов. Выдвинул понятие балканского языкового союза. Теоретик евразийства (до 1929) 31, 137, 194, 197
- Тряпицын Я.И., анархист. В 1919–1920 командовал партизанскими отрядами в районе Николаевска-на-Амуре. Весной 1920 возглавил партизанскую армию Николаевского округа. Разрушил Николаевск-на-Амуре 44
- Туницкий Николай Леонидович (1878–1934), филолог-славист. Профессор Московской духовной академии (1913–1918), Киевского университета (1918–1922). Преподавал в вузах Москвы, Твери, Нижнего Новгорода. Изучал библейские тексты, старославянские памятники, занимался логопедией, дефектологией. Репрессирован, проходил по «делу славистов». После освобождения покончил жизнь самоубийством 107, 137
- Турбин Алексей, персонаж пьесы М. Булгакова «Дни Турбиных» 184
- Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883), писатель 87, 101, 183, 288
- Тучинский де Вирра Герман Иванович, композитор, педагог. Вел музыкальные занятия в педагогическом техникуме в Никольск-Уссурийском в 1920-е годы, обучал С. Б. Б. основам музыкальной культуры 225
- Тычина Павел Григорьевич (1891–1967), украинский поэт и государственный деятель. Академик АН УССР (1929). Член ВСК с 1942. В 1936–1939 и 1941–1944 возглавлял Институт литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР. В 1943–1948 – министр просвещения УССР. Сталинская премия 1941 137

## У

- Удальцов Александр Дмитриевич (1883–1958), историк-медиевист. Член-корреспондент АН СССР (1939). Член ВКП(б) с 1928. Профессор МГУ (1919–1941). В 1938–1946 – зав. сектором истории средних веков Института истории АН СССР, в 1946–1956 – директор Института истории материальной культуры. В 1946–1950 – зав. кафедрой в АОНе. Основные работы посвящены генезису феодализма в Западной Европе 142, 265, 266, 275
- Удальцов Иван Иванович (1918–1995), историк-славист, дипломат. Д. и. н. (1984). Сотрудник (1947–1950 и 1979–1988) и директор (1959–1962) Института славяноведения АН СССР. Посол в ЧССР и Греции. Специалист по истории Чехословакии. Исследовал проблемы чешского национального возрождения и революции 1848–1849, национально-освободительной борьбы чешского и словацкого народов в годы второй мировой войны и кризиса 196 142, 159, 265, 266, 275
- Удлер Рубин Яковлевич (род. 1925), молдавский лингвист 280
- Унбегаун Борис Отокар (1898–1973), английский русист. Профессор Страсбургского университета и Оксфорда. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве выступил с докладами «Русские грамматики до Ломоносова» и «Русское и древнеславянское в юридической терминологии» 239, 240
- Урбаньчик Станислав (1909–2001), польский лингвист. Профессор Познанского (1947–1955) и Ягеллонского (с 1956) университетов. Сотрудник, в 1973–1981 – директор Института языкознания ПАН в Кракове. В 1939–1940 был заключенным концлагерей Заксенхаузен и Дахау. Исследовал историю польского языка, польско-чешских языковых связей и историю польского языкознания. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве сделал доклад «Общие условия возникновения славянских народных и литературных языков в период раннего средневековья» 240, 257
- Урнов Михаил Васильевич (1909–?), литературовед и переводчик. Д. ф. н. (1970). Профессор с 1963. Специалист по истории английской и американской литератур 252
- Услар Петр Карлович (1816–1875), барон, лингвист-кавказовед. Член-корреспондент Петербургской АН (1868). Предпринимал попытки создания письменности и организации просвещения бесписьменных народов Кавказа. Заложил основы изучения кавказских языков. Один из основоположников теории фонем 194
- Успенский Владимир Андреевич (род. 1929), математик. Профессор МГУ. Труды по структурной и математической лингвистике 262
- Ушаков Дмитрий Николаевич (1873–1942), лингвист. Член-корреспондент АН СССР (1939). С 1907 преподавал в Московском университете, профессор МГУ (1918–1930), зав. кафедрой русского и славянского языкознания МИФЛИ (1934–1941). Специалист по общему языкознанию, диалектологии, истории русского языка, орфографии, орфоэпии, лексикографии. Составитель «Толкового словаря русского языка» 32, 40, 73, 77, 134, 137, 138, 155, 171, 249, 282, 292, 301, 302

## Ф

- Фасмер Макс Юлиус Фридрих (1886–1962), немецкий языковед, славист и балканист. Член Германской Академии наук в Берлине, иностранный член АН СССР (1928). Преподавал в Петербургском (с 1909), Саратовском (с 1917), Тартуском (1918–1921) университетах. В 1918 уехал в Германию, был профессором Лейпцигского (1921–1924), Берлинского (1925–1927) университетов. В 1947–1949 преподавал в Стокгольмском университете, был профессором Свободного университета в Западном Берлине (до 1956),

- США и др. С 1925 издавал журнал «Zeitschrift für slavische Philologie». Исследовал проблемы истории, этнологии и ономастики славянских языков. Труды по лексике славянских языков, истории расселения славянских, иранских, балтийских и финно-угорских народов в Восточной Европе 105, 170, 195, 214, 215, 240, 241, 249
- Федин Константин Александрович (1892–1977), писатель, общественный деятель. Член-корреспондент АН СССР (1958). Автор романов о советской интеллигенции. Первый секретарь Союза писателей СССР (1959–1971). Депутат Верховного Совета СССР в 1962–1977 237
- Федоренко Николай Трофимович (род. 1912), филолог-востоковед, дипломат. Член-корреспондент АН СССР (1958). В 1939–1968 – на дипломатической работе, в 1955–1958 – зам. министра иностранных дел СССР. Главный редактор журнала «Иностранная литература» (1970–1988). Автор книг по культуре Китая и Японии 237
- Фейербах Людвиг (1804–1872), немецкий философ-материалист 17
- Ферреро Вилли (1906–1954), итальянский дирижер, выступал с детских лет. Гастролировал во многих странах (в России в 1913, в СССР с 1936) 225
- Фиалка Ревекка Моисеевна, бывшая политкаторжанка, московская знакомая семьи С.Б.Б. 17, 18
- Фигнер Вера Николаевна (1852–1942), деятель российского революционного движения, писательница, член Исполкома «Народной воли». Участница подготовки покушений на Александра II. В 1884 приговорена к вечной каторге. 20 лет провела в Шлиссельбургской крепости. В 1906–1915 – в эмиграции. После 1917 отошла от политической жизни. Воспоминания «Запечатленный труд» (М., 1921–1922) 287, 288, 289
- Филин Федот Петрович (1908–1982), лингвист-русист. Член-корреспондент АН СССР (1962). Директор Института языкознания АН СССР (1964–1968), ИРЯ (1968–1982). Труды в области лексикологии и лексикографии, диалектологии и лингвистической географии русского языка, этногенеза славян, общего языкознания, социолингвистики. Ленинская премия 1970 146, 148, 149, 152
- Фишер Куно (1824–1907), немецкий историк философии, последователь Г. Гегеля. Автор многотомной «Истории новой философии» (СПб., 1901–1909. Т. 1–8) 110
- Фишер Рудольф, немецкий филолог-славист. Академик АН ГДР. Профессор, директор Славянского института при Лейпцигском университете. Труды по чешской грамматике и литературе 226
- Флавицкий Константин Дмитриевич (1830–1866), художник 285
- Фламарион Камиль (1842–1925), французский астроном. Исследовал Марс, Луну, двойные звезды. Автор научно-популярных книг 110
- Флобер Гюстав (1821–1880), французский писатель 111, 282
- Флоринский Тимофей Дмитриевич (1854–1919), славист. Член-корреспондент Петербургской, Сербской и Югославянской академий. С 1882 преподавал в Киевском университете, был деканом историко-филологического факультета. Издатель средневековых славянских памятников, исследователь славяно-византийских отношений. Автор двухтомного труда «Лекции по славянскому языкознанию» (Киев, 1895–1897). Панславист. Расстрелян 298
- Фомин, соученик С. Б. Б. в Александровске-на-Сахалине 46
- Форель Огюст Анри (1848–1931), швейцарский невропатолог, психиатр, общественный деятель. В 1905 опубликовал книгу «Половой вопрос» 24, 188
- Фортунов Филлипп Федорович (1848–1914), лингвист широкого профиля, специалист в области фонетики и акцентологии. Академик Петербургской АН (1898). Профессор

- Московского университета в 1876–1902. Основоположник московской лингвистической школы. Труды по индоевропеистике, славистике, балтистике, общему языкознанию, ведийской филологии 87, 101, 196, 249
- Франич Н. П., югославский историк-эмигрант. Сотрудник сектора славяноведения Института истории АН СССР (1943–1945). Работал над темой «Образование Югославии» 40
- Франс Анатоль (наст. имя и фамилия – Анатоль Франсуа Тибо) (1844–1924), французский писатель 111
- Фрейд Зигмунд (1856–1939), австрийский психолог, основатель психоанализа 110, 188, 218
- Фриче Владимир Максимович (1870–1929), литературовед, искусствовед. Академик АН СССР (1929). Член РСДРП(б) с 1917. Руководитель ряда литературных учреждений и журналов. Применял марксистский метод к исследованию западноевропейского искусства. Изучал социологию искусства, обвинялся в вульгарном социологизме 43, 44, 150, 290
- Фробениус Лео (1873–1938), немецкий лингвист и этнограф. Исследователь Африки. С 1904 предпринял ряд экспедиций, собрав материалы по археологии, этнографии и истории африканских народов. Автор теории культуры как особого социального организма 66
- Фроленко Михаил Федорович (1848–1938), народоволец. В 1870-х годах – член кружка «чайковцев», участник «хождения в народ». С 1899 – член Исполкома «Народной воли». Участник покушений на Александра II. В 1882 приговорен к вечной каторге. Был заключен в Петропавловскую и Шлиссельбургскую крепости. В 1905–1917 – под надзором полиции. Член Общества политкаторжан. Автор воспоминаний 287, 288
- Фуше Пьер (1891–1967), французский лингвист. Специалист по романскому языкознанию и общей фонетике 248

## X

- Хейфец Яша (наст. имя и фамилия – Иосиф Робертович Рувимович) (1901–1987), американский скрипач, педагог. Родился в России. С 1917 жил в США. Один из крупнейших скрипачей XX в. Преподавал в Южно-Калифорнийском университете с 1962 225
- Хилл Элизабет Мэри (1900–1996), английская славистка, литературовед. Профессор славистики Кембриджского университета (1948–1968), профессор славянских языков и литератур Питтсбургского университета (США). Автор работ о русской литературе. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве выступила с докладом «Один вновь обнаруженный лицевой список древнерусского литературного памятника» 214, 241
- Химова Зинаида Адамовна, польский лингвист. Преподаватель польского языка на кафедре славянской филологии филфака МГУ в 1944 83
- Хмелев Николай Павлович (1901–1945), актер. Народный артист СССР (1937). В 1919 принят в труппу МХТ 184
- Ходова Капитолина Ивановна (род. 1918), филолог-славист. Д.ф.н. Сотрудник Института славяноведения АН СССР в 1951–1986. Исследовала синтаксис частей речи и предложения, лексике старославянского, русского, других славянских языков 189, 279
- Холиолчев Христо Ст. (род. 1931), болгарский лингвист, диалектолог. С 1956 – сотрудник Института болгарского языка БАН, с 1979 – Института этнографии. В 1984–1989 – зам. директора, в 1989–1999 – директор Болгарского исследовательского института в Вене 216, 248, 250, 278
- Хольцман (псевд. – Яковлев), литературовед, член редколлегии журнала «Новый мир» в 1940-е годы 187

- Храбр, черноризец, автор сочинения «О письменах» времен болгарского царя Симеона (893–927) 79
- Храпченко Михаил Борисович (1904–1986), литературовед. Академик АН СССР (1966). В 1939–1948 – председатель Комитета по делам искусств при СНК – Совете Министров СССР. Работы о методе, мировоззрении и творчестве, литературном процессе. Монографии о Н. В. Гоголе, Л. Н. Толстом. Ленинская премия 1974 и Государственная премия СССР 1980 265
- Храсте Мате (1897–1970), хорватский лингвист-славист, участник конференции в Варшаве по ОЛА. Член-корреспондент Югославянской Академии наук и искусств в Загребе. Профессор Загребского университета. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве выступил с докладом «Принципы построения этимологических словарей» 257
- Христианович Сергей Алексеевич (1908), физик-механик. Академик АН СССР (1943). Профессор МГУ. Труды по механике жидкости и газа и механике деформируемого твердого тела. Сталинские премии 1942, 1946, 1952, премии Н. Е. Жуковского 158
- Христов Христо Ангелов (1915–1992), болгарский историк 282
- Худоложкин, студент МГУ рубежа 1920–1930-х годов 67

## Ц

- Цао Цзин Хуа (1897–?), китайский литературовед-славист. Профессор Пекинского университета 240
- Цвейг Стефан (1881–1942), австрийский писатель 109, 111, 112
- Цвиттер, югославский ученый, автор статьи о национальном вопросе в Словении в УЗИС 126
- Цейтлин Раля Михайловна (1920–2001), лингвист, палеославист. Д. ф. н. Сотрудник Института славяноведения АН СССР с 1955. Специалист по лексикологии и лексикографии славянских языков, истории русского литературного языка. Один из авторов «Словаря старославянского языка» 249, 266, 279
- Цимбалист Ефрем Александрович (1889–1985), американский скрипач, композитор, педагог. Родился в России, с 1911 жил в США. Концертировал с 1907 во многих странах мира (в СССР в 1934). Выступал с крупнейшими оркестрами 225
- Цонев Беньо (1863–1926), болгарский филолог, диалектолог. Академик БАН (1900). С 1893 – профессор Софийского университета. Один из основателей болгарского языковедения, изучал историю и диалектологию болгарского языка 135
- Цыбенко Елена Захаровна (род. 1923), литературовед. Д. ф. н. Преподаватель, доцент филфака МГУ (с 1948), в 1952–1964 – зав. кафедрой славянских литератур, с 1974 – профессор. Труды по истории польской литературы второй половины XIX в. и польско-русских связей в XIX–XX вв. 83

## Ч

- Чайковский Петр Ильич (1840–1893), композитор 170
- Чаттерджи Сунити Кумар (1890–1977), индийский филолог-востоковед. Профессор университета в Калькутте 241
- Чебан Иван Дмитриевич, молдавский литературовед, директор Института истории, литературы и языка АН Молдавской ССР. Специалист по молдавской лирической поэзии 111
- Челаковский Франтишек Ладислав (1799–1852), чешский поэт, фольклорист и филолог-славист. В 1842–1848 преподавал в Бреславльском (Вроцлавском), в 1849 – в Пражском университетах. Исследовал устное народное творчество славян 197

- Челяпов Николай Иванович, специалист по марксизму-ленинизму, профессор. На рубеже 1920–1930-х годов возглавлял Главный комитет профессионально-технического образования. Автор работ о советской конституции, марксистском учении о государстве 63
- Чемоданов Николай Сергеевич (1904–1986), языковед, германист. Профессор, декан филфака МГУ (до 1950). Изучал балто-германские языковые связи, один из авторов «Сравнительной грамматики германских языков» (1962–1966. Т. 1–4) 125, 127, 134, 135, 136, 145, 146, 147, 149, 151, 156, 257
- Червенков Вылко Велев (1900–1980), деятель болгарского коммунистического движения. В 1949–1954 – Генеральный секретарь ЦК БКП, в 1950–1956 – Председатель Совета министров Болгарии. В 1925–1944 – в эмиграции в СССР, выступал в советской печати, работал в аппарате Коминтерна 208
- Черепнин Лев Владимирович (1905–1977), историк. Академик АН СССР (1972). Профессор с 1947. С 1946 – с. н. с., потом – зав. сектором истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР. Труды по истории феодализма в России, историографии. Ломоносовская премия 1957. Государственная премия СССР 1981 (посмертно) 21
- Черных Петр Яковлевич (1896–1970), лингвист. Преподавал в Ярославском пединституте, МГПИП, МОПИ (до 1954). Профессор МГУ (1954–1961). Труды по проблемам русской диалектологии, исторической грамматики и лексикологии, истории русского литературного языка и др. 31, 158, 171, 196
- Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889), публицист, литературный критик, писатель, революционный демократ 294
- Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874–1965), английский государственный и политический деятель. Премьер-министр Великобритании в 1940–1945, 1951–1955. Один из лидеров Консервативной партии 61
- Чехов Антон Павлович (1860–1904), писатель 20, 44, 45, 198, 271
- Чешко Елена Владимировна (род. 1916), лингвист-болгарист. Д. ф. н. Сотрудник Института славяноведения АН СССР (1947–1986). Изучала проблемы болгарской диалектологии, истории болгарского языка и письменности 112, 113, 123, 126, 138, 139, 141, 160, 161, 169, 178, 188, 189, 216, 237, 249, 266
- Чикобава Арнольд Степанович (1898–1985), лингвист. Академик АН Грузинской ССР (1941). Труды в области кавказоведения, картвельских, нахско-дагестанских языков, общего языкознания 148, 149, 272
- Чилингиров Стилиян Хаджидобрев (1881–1962), болгарский писатель, переводчик, культурный и общественный деятель. Автор романов, пьес, мемуаров 228
- Чичагов Василий Константинович (1906–1955), лингвист. Доцент МИФЛИ, МГУ. Исследовал проблемы истории русского языка и русской ономастики 150, 198, 291, 292, 300
- Чичеров Владимир Иванович (1907–1957), лингвист, фольклорист. Профессор МГУ с 1953, зав. кафедрой фольклора (1952–1957). Автор работ по теории фольклора, русскому эпосу, историческим песням 160, 226
- Чубарь Влас Яковлевич (1891–1939), государственный и партийный деятель. С 1923 – председатель СНК УССР. В 1934–1938 – зам. председателя СНК и СТО СССР. В 1937–1938 – нарком финансов СССР. Член ЦК и Политбюро ЦК ВКП(б) (1935–1938). Репрессирован 289
- Чукалов Савва Константинов (1889–1971), болгарский лексикограф и переводчик с русского языка. Деятель в области распространения русского языка в Болгарии. Был составителем словарей «Пълен българско-руски речник» (София, 1938; в 1945–1949 неоднократно переиздавался в Болгарии) и «Руско-български речник» (София, 1951; переиздавался в СССР в 1962, 1972 и 1975) 207



Чуковский Корней Иванович (1882–1969), детский писатель, литературовед. Автор работ по психологии детской речи 168

### Ш

Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888–1982), писательница 252

Шаляпина Ирина Федоровна (1900–?), драматическая актриса. Старшая дочь Ф. И. Шаляпина 102

Шамбинаго Сергей Константинович (1871–1948), литературовед. Д. ф. н. С 1914 преподавал в вузах Москвы. Изучал историю русской классической литературы (особенно наследие А. Н. Островского), театра, фольклора 47, 184

Шандер Николай Михайлович, преподаватель математики в Никольск-Уссурийском 286

Шанский Николай Максимович (род. 1922), лингвист-русист. Академик АПН СССР (1974). В 1953–1987 – доцент, затем профессор филфака МГУ. С 1995 – профессор Московского педагогического университета. С 1963 – член Орфографической комиссии при ИРЯ АН СССР. В 1970–1992 – директор Научно-исследовательского института преподавания русского языка в начальной школе РАО. Специалист по проблемам русской фразеологии и исторической лексикографии 257

Шапиро Абрам Борисович (1890–1966), языковед. Преподавал в МГУ (1929–1931), МОПИ (1930–1932), МГПИП (1932–1949), профессор МГУ (1949–1958), одновременно работал в ИРЯ и Институте языкознания АН СССР. Автор учебных и методических пособий по русской грамматике, правописанию и развитию письменной и устной речи учащихся 97, 240

Шаумян Себастиан Константинович (род. 1916), лингвист. Сотрудник Института славяноведения АН СССР (1954–1960). С 1960 работал в ИРЯ. С 60-х годов – за рубежом. Специалист в области структурной лингвистики, занимался фонологией польского языка 160, 194, 240, 256, 263, 266

Шафарик Павел Йозеф (1795–1861), словацкий и чешский славист, историк, филолог, поэт, деятель национального возрождения 188, 197

Шахматов Алексей Александрович (1864–1920), филолог-славист. Академик Петербургской АН (1899). Был председателем ОРЯС, членом ряда научных обществ. Приват-доцент Московского университета (1890). В 1909–1920 – профессор Петербургского, Петроградского университета. Исследователь истории русского языка, его говоров, древнерусской литературы и летописания. Заложил основы исторического изучения русского литературного языка, текстологии как науки 71, 104, 105, 106, 242

Шевелев Георгий Юрьевич, лингвист-славист. Был аспирантом Л. А. Булаховского. Эмигрировал. Профессор Колумбийского университета (Нью-Йорк) 39, 244

Шекспир Уильям (1564–1616), английский драматург, поэт 188

Шептунов Игорь Михайлович (1918–1978), литературовед и фольклорист. С 1951 работал в Институте славяноведения АН СССР, был ученым секретарем, зам. директора, зав. сектором Института. Изучал проблемы истории болгарской литературы XIX–XX вв. и болгарского фольклора 128, 200

Шереметев Сергей Дмитриевич (1849–1929) – граф, историк. В 1888 г. возглавил Общество любителей древней письменности, в 1895 г. основал Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. С 1900 г. председатель Археографического общества 287

Шереметьева Екатерина Павловна (урожд. княжна Вяземская) (1849–1929) – жена графа С.Д. Шереметьева с 1886 г., после 1917 г. проживала в музее-усадьбе Остафьево 288

- Шереметевы, древний русский боярский и графский род. Представители рода занимали видные государственные и военные должности, активно участвовали в политической жизни, владели огромным количеством земли и имели большие денежные доходы, что позволило им развернуть строительство дворцов и создание парков в подмосковных имениях 287, 288
- Шиллер Иоганн Фридрих (1759–1805), немецкий поэт, драматург 111
- Широкова Александра Григорьевна (род. 1918), языковед-славист, богемист. Д. ф. н. (1967). Преподаватель (с 1943), профессор (с 1968), зав. кафедрой славянской филологии МГУ (1970–1990), сотрудник ИРЯ (1944–1947), Института славяноведения АН СССР (1947–1948 и 1960–1962). Труды по сопоставительному изучению грамматического строя славянских языков. Автор учебников чешского языка 24, 25, 29, 38, 138, 159, 162, 181, 190, 250
- Шишкин Н. С., председатель профкома МГУ 163
- Шишмарев Владимир Федорович (1875–1957), филолог-романист. Академик АН СССР (1946). Профессор Петербургского университета. Изучал письменно-литературные языки Пиренейского полуострова (испанский, каталонский, галисийский, португальский), историческую морфологию французского языка, проблемы соотношения румынского литературного языка и языка Молдавии, диалектного расслоения латинского языка 219, 231
- Шкловский Виктор Борисович (1893–1984), писатель 278
- Шмидт Отто Юльевич (1891–1956), ученый, государственный деятель, один из организаторов освоения Северного морского пути. Академик (1935), вице-президент АН СССР (1939–1942). Один из основателей и главный редактор БСЭ (1924–1942) 87
- Шмиляуэр Владимир (1895–1983), чешский лингвист. С 1938 – профессор Карлова университета в Праге, член Славянского института. Изучал проблемы истории и современного развития чешского, словацкого и других славянских языков (памятники, словообразование, правописание, синтаксис, ономастика) 253
- Шнабель Артур (1882–1951), австрийский пианист, композитор, педагог. Один из крупнейших пианистов XX в. Известный интерпретатор сочинений Л. Бетховена, Ф. Шуберта, И. Брамса. Гастролировал в Европе и Америке (в СССР в 1924–1925, 1927–1928) 225
- Шолохов Михаил Александрович (1905–1984), писатель, общественный деятель 262
- Шопен Фредерик (1810–1849), польский композитор, пианист 234
- Шопенгауэр Артур (1788–1860), немецкий философ-иррационалист 17
- Шор Михаил (1906–1934), историк. Специализировался в МГУ у С. Д. Сказкина по истории Австрии. Изучал исторические памятники на латинском языке. Окончил аспирантуру по новейшей истории. Защитил диссертацию. Друг С. Б. Б. студенческих лет 65, 66
- Штибер Здислав (1903–1980), польский лингвист, диалектолог. Член-корреспондент ПАН (1954). Профессор Львовского (1937–1945), Лодзинского (с 1945) университетов, зав. кафедрой славянской филологии Варшавского университета (с 1952). Директор Института славяноведения ПАН, зав. диалектологической лабораторией Института языкознания ПАН в Варшаве. Специалист по сравнительной грамматике славянских языков. На съезде славистов в Москве в 1958 выступил с одним из докладов по теме «О принципах общеславянского лингвистического атласа» 198, 239, 250, 255, 257, 258
- Штильман Леон, американский литературовед-славист. Зав. кафедрой славянских языков Колумбийского университета (Нью-Йорк). Изучал творчество А. С. Пушкина. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве выступил с докладом «Проблемы литературных жанров и традиций в “Евгении Онегине”» 241, 242

Штраух Анатолий Николаевич, историк, преподавал в МГУ. Труды по истории России XVII–XIX вв. 32

Шухардт Гуго (1842–1927), австрийский лингвист и историк. Специалист в области романского и общего языкознания, полиглот, знаток кавказских, африканских языков. Исследовал романские языки, этимологию, взаимодействия между романскими и другими языками мира 248

### Ш

Щедрин Михаил Евграфович, см. Салтыков-Щедрин М. Е.

Щепкин Вячеслав Николаевич (1863–1920), филолог-славист. Член-корреспондент Петербургской АН (1913). Хранитель отдела рукописей и книг старой печати Исторического музея. Преподавал в Московском университете с 1900. Труды по истории болгарского языка, палеографии, истории древнеславянского искусства 73, 76, 84, 99, 159, 161, 162, 177, 178

Щепкина Марфа Вячеславовна (1894–1984), филолог, искусствовед. Зав. отделом рукописей ГИМа 178

Щерба Лев Владимирович (1880–1944), лингвист. Академик АН СССР (1943), АПН РСФСР (1944). Профессор Петроградского университета с 1916. Глава Ленинградской фонологической школы. Труды по проблемам общего языкознания, русистики, романистики, славистики, лексикографии, педагогики 40, 56, 57, 100, 194

Щербина Владимир Родионович (1908–?), литературовед. Д. ф. н. (1954). Ответственный секретарь журналов «Октябрь» (1936–1937), «Новый мир» (1942–1946). С 1953 – зам. директора ИМЛИ. Профессор МОПИ. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве сделал доклад «Вопросы развития социалистического реализма в советской литературе (русской и украинской)» 240

### Э

Эджертон Вильям Бенбоу, американский литературовед. В 1958 – профессор славянских языков и литератур в Индианском университете (Блумингтон). Исследователь творчества русских писателей XIX в., А. Солженицына. В 1958 на Международном съезде славистов выступил с докладом «Лесков и славянские братья России» 240, 241

Эйнштейн Альберт (1879–1955), немецкий физик-теоретик, один из основателей современной физики 294

Элиот Томас Стернз (1888–1965), англо-американский поэт и критик 242

Энгельс Фридрих (1820–1895), немецкий мыслитель и общественный деятель 287, 296

Эндзелин(с) Янис (в России – Эндзелин Иван Мартынович) (1873–1961), латышский филолог. Член-корреспондент АН СССР (1929). Преподавал в Дерптском и Харьковском университетах, с 1920 – профессор Латвийского университета. Сотрудник, руководитель секторов в Институте языкознания АН Латвийской ССР (1946–1961). Труды по латышскому, прусскому и другим балтийским языкам, балто-славянским и финно-балтийским языковым связям, древнепрусскому языку, по истории латышской литературы и фольклору. Ленинская премия 1958 39, 244

Эрденко (Ерденко) Михаил Гаврилович (1885–1940), скрипач, композитор, педагог. Концертировал в СССР и за рубежом. Один из основателей Киевской консерватории. С 1935 – профессор Московской консерватории 225

Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967), писатель, общественный деятель 109

- Эриванцева Е. И., хозяйка «антресолей» в магазине «Академкнига», составитель указателя «Академия наук СССР. Книги, изданные АН СССР и имеющиеся в продаже на 1 сентября 1948 г.» (М., 1948) 145, 148, 172, 251, 252
- Эфрос Абрам Маркович (1888–1954), искусствовед, театровед, литературный критик, переводчик. В 1940–1950 преподавал в ГИТИСе. Мастер критического этюда, историк русского искусства. Исследовал рисунки А. С. Пушкина 48, 251

## Ю

- Юров, директор Ленинградского пединститута им. М. Н. Покровского 298
- Юстиниан (482 или 483–565), византийский император, кодификатор римского права 46
- Юсупов Николай Борисович (1750–1831), граф, государственный деятель, меценат. Министр государственных уделов, член Государственного совета. Директор императорских театров, владелец и строитель усадьбы Архангельское 18
- Юсупов Феликс Феликсович (1887–1957), граф. Был женат на племяннице Николая II. Организатор и участник убийства Г. Е. Распутина. С 1917 в эмиграции. Автор воспоминаний. Владелец дворца в Петербурге, где при советской власти разместился Дом учителя 225
- Юшин Петр Федорович (1917–1983), литературовед, доцент, профессор филфака МГУ, в 1958 – секретарь партбюро факультета 242
- Юшков Серафим Владимирович (1888–1952), юрист. Академик АН Казахской ССР (1946). Труды по истории государства и права 47
- Юшманов Николай Владимирович (1896–1946), языковед. Член-корреспондент АН СССР (1943). В 1924–1946 преподавал в ЛГУ, работал в ИЯМе (1931–1946). Труды в области афразийского языкознания и африканистики, общей фонетики, интерлингвистики, унификации алфавитов и терминологии 272

## Я

- Яворов Пейо (псевд. Пейо Тотева Крачолова) (1878–1914), болгарский поэт-классик, родоначальник болгарского символизма. Автор драм, воспоминаний и др. 102, 147, 237
- Ягич Ватрослав (в России – Игнатий Викентьевич) (1838–1923), хорватский филолог-славист. Академик Петербургской (1881), Венской и других академий. Профессор Петербургского, Новороссийского, Венского, Берлинского и других университетов. Труды по славянскому языкознанию, палеографии, фольклористике, литературоведению, праву, истории славянской филологии 180, 196
- Ягодич Рудольф (1892–?), австрийский литературовед-славист. Ученик Н. С. Трубецкого. В 1927–1930 – атташе австрийского посольства в СССР, с 1939 – профессор, затем руководитель Славянского института Венского университета. Труды по истории древнерусской и современной русской литературы. В 1958 на Международном съезде славистов в Москве сделал доклад «К понятию “литературных родов” в древнерусской литературе» 240
- Якобсон Роман Осипович (1896–1982), русский и американский языковед и литературовед. Один из основателей Московского, Пражского и Нью-Йоркского лингвистических кружков и основоположников структурализма в языкознании и литературоведении. Профессор Брненского, Колумбийского, Гарвардского и других университетов. Труды по общему языкознанию, славянским языкам, поэтике. В 1958 на съезде сла-

- вистов в Москве выступил с докладом «Морфологические наблюдения над славянским склонением» 31, 137, 198, 214, 216, 240, 248
- Яковлев, литературовед, директор Издательства литературы на иностранных языках 114, 124, 187
- Яковлев Николай Феофанович (1892–1974), лингвист, кавказовед. Один из основоположников Московской фонетической школы. Работал в ИЯМе, Институте востоковедения и др. Основные труды в области общей фонетики, кавказских языков и теории орфографии. Один из разработчиков алфавитов для языков народов СССР 29, 32, 37, 51, 74, 83, 90, 194, 272, 273
- Яковлевич Стеван (1890–1962), сербский ботаник и литератор. Профессор, ректор Белградского университета (1945–1950). Член-корреспондент Сербской АН 102
- Якубинская-Лемберг Эрика Антоновна (1895–1961), лингвист, славист и финно-угровед. Профессор ЛГПИ, сотрудник Института литературы и языка Запада и Востока (позднее – ГИРКа), ЛНИИЯ, ИЯМа. Зав. кафедрами славянского языкознания и перевода на славянские языки (1948–1955), славянской филологии (1955–1961) в ЛГУ. Труды по сравнительно-исторической акцентологии, этимологии, грамматике славянских и финно-угорских языков 160
- Якубинский Лев Петрович (1892–1945), филолог. В 1918–1919, 1934–1943 преподавал в ЛГПИ. В 1933–1936 – директор ГИРКа. Был сотрудником ИЯМа. Работы по проблемам поэтики, диалогической речи, истории древнерусского языка, общим проблемам языкознания 68, 84, 222, 223
- Янко-Триницкая Надия Александровна (1908–1987), лингвист. Сотрудник ИРЯ АН СССР. Профессор педагогического института. Изучала проблемы грамматики русского литературного языка 240
- Ярославский Емельян Михайлович (наст. имя и фамилия – Миней Израилевич Губельман) (1878–1943), партийный деятель (в РСДРП с 1898), историк, публицист. Академик АН СССР (1939). Секретарь и член ЦК РКП(б) в 1921–1923, секретарь партколлегии ЦКК и член коллегии наркомата РКИ СССР (1923–1934), одновременно (с 1931) – председатель Всесоюзного общества старых большевиков, с 1939 – зав. кафедрой в ВПШ. Член редколлегий ряда центральных партийных газет и журналов, «Исторического журнала». Известен как активный борец с религией. Глава Общества воинствующих безбожников 21, 64, 90, 288, 290
- Ярцева Виктория Николаевна (1906–1999), лингвист. Член-корреспондент АН СССР (1968). Преподавала в ЛГУ, ЛПИИЯ, МГУ, Уральском университете. Директор Института языкознания АН СССР (1971–1977). Труды по истории английского языка, проблемам формирования и развития литературного языка 257
- Ясенский Бруно (в России – Виктор Яковлевич) (1901–1938), польский писатель революционно-пролетарского направления. В 1925 был вынужден эмигрировать из Польши во Францию, откуда в 1929 был выслан в СССР за публикацию романа-памфлета «Я жгу Париж», переведенного на французский. Писал по-польски и по-русски. Репрессирован, погиб 183

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН – Академия наук  
АОН – Академия общественных наук при ЦК КПСС  
АПН – Академия педагогических наук РСФСР  
БАН – Библиотека АН СССР в Ленинграде; Болгарская Академия наук  
БГУ – Белорусский государственный университет  
БКП – Болгарская коммунистическая партия  
БСЭ – Большая Советская Энциклопедия  
ВАК – Высшая аттестационная комиссия при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР  
ВАСХНИЛ – Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина  
ВДШ – Высшая дипломатическая школа МИД СССР  
ВИНИТИ – Всесоюзный институт научной и технической информации Государственного комитета СССР по науке и технике и АН СССР  
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)  
в. н. с. – ведущий научный сотрудник  
ВОКС – Всесоюзное общество культурной связи с заграницей  
ВППШ – Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), ЦК КПСС  
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства СССР  
ВЧК – Всероссийская Чрезвычайная Комиссия  
ГАХН – Государственная Академия художественных наук  
ГБЛ – Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина  
ГИМ – Государственный Исторический музей (Москва)  
ГИРК – Государственный институт речевой культуры  
ГИТИС – Государственный институт театрального искусства имени А. В. Луначарского  
г. н. с. – главный научный сотрудник  
ГОСТИМ – Государственный театр имени В. Э. Мейерхольда  
ГПУ – Государственное политическое управление  
ГУС – Государственный Ученый Совет Наркомпроса РСФСР  
д. и. н. – доктор исторических наук  
д. ф. н. – доктор филологических наук  
д. э. н. – доктор экономических наук  
ИВЯ – Институт восточных языков МГУ  
ИККИ – Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала  
ИКП – Институт красной профессуры  
ИМЛИ – Институт мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР, РАН  
ИМЛ – Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС  
ИМЭ – Институт К. Маркса и Ф. Энгельса ЦИК СССР  
ИМЭЛ – Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б)  
ИНИОН – Институт научной информации по общественным наукам АН СССР  
ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР  
ИРЯ – Институт русского языка АН СССР  
ИФФ – Историко-филологический факультет  
ИЯМ – Институт языка и мышления имени Н. Я. Марра АН СССР  
КПБ – Коммунистическая партия Белоруссии  
КПЧ – Коммунистическая партия Чехословакии  
КПЮ – Коммунистическая партия Югославии  
КСИС – Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР  
КУНМЗ – Коммунистический университет национальных меньшинств Запада имени Ю. Мархлевского  
КУТВ – Коммунистический университет трудящихся Востока

- к. ф. н. – кандидат филологических наук  
ЛВИ – Ленинградский Восточный институт  
ЛГПИ – Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена  
ЛГУ – Ленинградский государственный университет  
ЛИФЛИ – Ленинградский институт философии, литературы и истории  
ЛНИИЯ – Ленинградский научно-исследовательский институт языкознания  
ЛОИИ – Ленинградское отделение Института истории АН СССР  
ЛПИИЯ – Ленинградский педагогический институт иностранных языков  
МГЗПИ – Московский государственный заочный педагогический институт  
МГИМО – Московский государственный институт международных отношений МИД СССР  
МГПИ – Московский педагогический институт имени В. П. Потемкина (потом – имени В. И. Ленина)  
МГПИИЯ – Московский государственный педагогический институт иностранных языков  
МГУ – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова  
МКС – Международный комитет славистов  
МОПИ – Московский областной педагогический институт имени Н. К. Крупской  
МХАТ – Московский художественный академический театр имени М. Горького  
МХТ – Московский художественный театр  
НАН – Национальная Академия наук Украины  
НИЯЗ – Научно-исследовательский институт языкознания  
НКП – Народный комиссариат просвещения  
НОАЮ – Народно-освободительная армия Югославии  
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление  
ОИДР – Общество истории и древностей российских при Московском университете  
ОЛА – Общеславянский лингвистический атлас  
ОЛЯ – Отделение литературы и языка АН СССР  
ООН – Организация Объединенных Наций  
ОРЯС – Отделение русского языка и словесности Петербургской Академии наук  
ПАН – Польская Академия наук  
РАЕН – Российская академия естественных наук  
РАН – Российская Академия наук  
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук  
РАО – Российская Академия образования  
РАПП – Российская ассоциация пролетарских писателей  
РАСХН – Российская Академия сельскохозяйственных наук  
РГБ – Российская Государственная библиотека  
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет  
РИСО – Редакционно-издательский совет АН СССР  
РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия  
РКИ – Рабоче-крестьянская инспекция  
РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)  
РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия  
САН – Словацкая Академия наук  
СКС – Словацкий Комитет славистов  
СНК – Совет Народных Комиссаров  
с. н. с. – старший научный сотрудник  
СТО – Совет Труда и Обороны  
УЗИС – Ученые записки Института славяноведения АН СССР  
ЦИК – Центральный Исполнительный Комитет СССР  
ЦКК – Центральная Контрольная Комиссия ВКП(б)  
ЧСАН – Чехословацкая Академия наук  
ЧСКС – Чехословацкий Комитет славистов

## СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе книги «Зигзаги памяти» ( <i>Г. К. Венедиктов, В. П. Гудков</i> ) .....	3
К истории создания мемуаров С. Б. Бернштейна «Зигзаги памяти» ( <i>М. Ю. Досталь</i> ) .....	10
Предисловие (1) ( <i>С. Б. Бернштейн</i> ) .....	15
Предисловие автора (2) .....	16
1943 .....	17
1944 .....	37
1945 .....	61
1946 .....	76
1947 .....	93
1948 .....	119
1949 .....	134
1950 .....	145
1951 .....	158
1952 .....	166
1953 .....	175
1954 .....	180
1955 .....	193
1956 .....	212
1957 .....	222
1958 .....	234
1959 .....	244
1960 .....	261
1961 .....	269
Приложения .....	285
Указатель имен .....	305
Список сокращений .....	372



Самуил Борисович Бернштейн

## Зигзаги памяти

Воспоминания. Дневниковые записи

Книга подготовлена к печати в редакционно-издательском отделе Института славяноведения РАН

Компьютерная верстка – С. А. Карасев  
Обложка – М. И. Леншина

ИД № 01574 от 17 апреля 2000 г.

---

Подписано в печать 5.12.2002 г. Печ. л. 23,5.  
Тираж 1500 экз. Заказ № 3326. Цена договорная.

---

Отпечатано с готовых диапозитивов на ФГУП ордена «Знак Почета»  
Смоленской областной типографии им. В. И. Смирнова.  
214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

ISBN 5-7576-0126-4



9 785757 601267

